А. П. Лопухинъ.

П. 220.9
Л-737

Библейская Исторія

при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій.

ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ.

6158

Безплатное приложеніе къ журналу „Странникъ“ за 1915 г.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

МУЗЕЯ

BS
445

Типографія Т-ва «Грамотность», Петроградъ, 5-ая Рождественская, 44.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
159
54

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ТОМА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Самуилъ и Саулъ и ихъ время.

ГЛАВА I.

Судейство первосвященника Илія.—Рожденіе и юность Самуила.

Стр.

Состояніе народа.—Признаки нравственнаго возрожденія.—Первосвященникъ Илій.—Упадокъ религіи.—Сыновья первосвященника—Офни и Финеесъ.—Благочестивый домъ Елканы.—Молитва Анны.—Рожденіе Самуила и посвященіе его на служеніе въ скиніи.—Восторженная пѣснь счастливой матери.—Воспитаніе при скиніи.—Безнравственность сыновей первосвященника и слабохарактерность послѣдняго.—Предостереженіе пророка.—Страшное откровеніе Самуилу.—Приближеніе кризиса въ народной жизни. 1—22

ГЛАВА II.

Плѣненіе ковчега завѣта филистимлянами и возвращеніе его.

Тяжесть филистимскаго ига и возстаніе противъ него. Битва съ филистимлянами и пораженіе израильтянъ.—Обращеніе за высшей помощью.—Принесеніе ковчега завѣта въ лагерь.—Уныніе филистимлянъ.—Новая битва и ужасное пораженіе израильтянъ.—Плѣненіе ковчега завѣ-

та.—Вѣстникъ съ поля битвы и смерть первосвященника Илія.—Общій ужасъ и упадокъ духа въ народѣ.—Скинія безъ ковчега завѣта.—Ковчегъ завѣта въ Филистимской землѣ въ качествѣ военнаго трофея.—Ниспроверженіе Дагона предъ ковчегомъ.—Пораженіе филистимлянъ болѣзнями и голодомъ.—Перенесеніе ковчега въ Геѳъ и Екронъ.—Вынужденное возвращеніе его израильтянамъ.—Ковчегъ въ Веесамисѣ.—Наказанное кощунство.—Поставленіе ковчега Киріе-Іаримѣ и мѣстоположеніе этого города. . . . Стр. 23—44

ГЛАВА. III.

Самуилъ, какъ судія и пророкъ.

Выступленіе Самуила на общественную дѣятельность.—Забота о религіозно-нравственномъ возрожденіи народа.—Призывъ къ низверженію гибельнаго ига идолопоклонства. — Покаяніе народа. — Нападеніе филистимлянъ.—Высшая помощь и пораженіе враговъ.—Водвореніе мира въ землѣ Израильской.—Новая мѣра къ возвышенію религіозно-нравственнаго духа въ народѣ. Пророческія школы.—Ихъ составъ и назначеніе.—Внутренняя и внѣшняя жизнь этихъ общинъ.—Ихъ значеніе для народа.—Всепоглощающая общественная дѣятельность Самуила.—Упущенія по воспитанію дѣтей.—Нравственные недостатки сыновей Самуила и желаніе со стороны народа имѣть царя. Отношеніе Самуила къ этому желанію.—Кротость и сомоотреченность великаго пророка . . . . . 44—65

ГЛАВА IV.

Помазаніе Саула на царство.

Рука Промысла въ судьбахъ исторіи.—Кисъ и его сынъ Саулъ.—Пропажа ослицъ и напрасные поиски за ними.—Обращеніе за совѣтомъ къ прозорливцу.—Царскій престолъ вмѣсто ослицъ.—Саулъ на пиршествѣ въ Массифѣ.—Высшее предназначеніе ему.—Въ домѣ Самуила.—Помазаніе на царство.—Таинственныя знаменія.—Саулъ среди пророковъ.—Торжественное собраніе въ Массифѣ.—Избраніе царя народомъ.—Паденіе жребія на Саула.—Восторгъ народа.—Права царской власти.—Патріархальный характеръ избраннаго царя . . . . . 65—79

ГЛАВА V.

Первый подвигъ Саула и отреченіе Самуила.

Стр.

Царь-земледѣлецъ.—Нападеніе аммонитянъ на заіорданскія колѣна.—Жестокое требованіе Нааса аммонитскаго.—Отчаяніе жителей осажденнаго города Іависа.—Обращеніе за помощью къ остальнымъ колѣнамъ.—Послы въ Гивѣ Сауловой. Мужественная рѣшимость Саула защитить своихъ собратьевъ. Призывъ ополченія.—Походъ противъ непріятеля.—Тактика Саула.—Пораженіе аммонитянъ. Торжественное подтвержденіе избранія Саула на царство и великодушіе царя.—Отреченіе Самуила отъ управленія.—Наставленіе народу. . . . . 79—94

ГЛАВА VI.

Царствованіе Саула и первое отверженіе его.

Рѣшимость Саула окончательно освободить землю отъ филистимлянъ.—Образованіе войска.—Доблестный Іонаѳанъ.—Наступательное движеніе филистимлянъ.—Расположеніе враждебныхъ войскъ.—Нерѣшительность сторонъ.—Отступленіе Саула.—Робость израильтянъ и постепенное уменьшеніе войска.—Наказъ Самуила.—Самовольное нарушеніе его Сауломъ.—Прибытіе Самуила въ станъ и гнѣвъ его на Саула.—Серьезность своеволія царя.—Заслуженное отверженіе.—Хищническіе набѣги филистимскихъ отрядовъ.—Подвигъ доблестнаго Іонаѳана.—Проникновеніе его въ филистимскій лагерь.—Смятеніе и паника среди филистимлянъ.—Разстройство непріятельскаго войска и пораженіе его.—Горячее преслѣдованіе враговъ.—Неразумное заклятіе Саула.—Грѣхъ народа.—Проступокъ Іонаѳана.—Слѣдствіе о нарушеніи заклятія.—Невольная вина Іонаѳана.—Рѣшеніе царя пежертвовать сыномъ и заступничество народа за любимаго имъ героя . . . . . 94—117

ГЛАВА VII.

Окончательное отверженіе Саула и помазаніе преемника ему.

Военный характеръ царствованія Саула.—Войны Саула и ихъ значеніе.—Походъ на амаликитянъ.—Второе

испытаніе Саула.—Нравственный характеръ ветхозавѣтныхъ войнъ.—Пораженіе амаликитянъ и богатая добыча.—Наказъ Самуила и нарушеніе его Сауломъ.—Сожалѣніе о помазаніи Саула на царство.—Прибытіе Самуила въ станъ въ Галгалѣ и укоръ Саулу.—Откровеніе высшей воли.—Приговоръ Саулу о лишеніи его царства.—Стараніе Саула о примиреніи съ пророкомъ.—Оторванный край одежды.—Казнь Агага и смыслъ ея.—Окончательное отверженіе Саула.—Высшее внушеніе о помазаніи преемника ему.—Самуилъ въ Виѳлеемѣ.—Домъ Іессея.—Юный пастухъ—будущій царь.—Характеръ Давида.—Помазаніе его.—Юный арфистъ при дворѣ Саула.—Война съ филистимлянами.—Голіаѳъ и его заносчивость.—Борьба юнаго пастуха съ исполиномъ.—Восторженный псаломъ. . . . . 117—143

ГЛАВА VIII.

Зависть Саула и преслѣдованіе имъ Давида.

Давидъ при дворѣ царя.—Подвиги его и подозрѣнія Саула.—Кровожадное умоизступленіе царя.—Покушеніе убить или погубить Давида.—Бывшій пастухъ—зять царя.—Подвигъ за любовь Мелхолы.—Усиленіе злого настроенія въ сердцѣ царя.—Временное примиреніе и новый взрывъ озлобленія Саула на Давида.—Покушеніе на жизнь Давида.—Бѣгство послѣдняго.—Хитрость Мелхолы съ цѣлію спасти жизнь своему мужу.—Давидъ среди пророковъ въ Рамѣ.—Погоня за нимъ и пророческое увлеченіе гонцовъ.—Прибытіе въ Раму самого царя и вліяніе на него пророковъ.—Благодарственный псаломъ Давида о своемъ спасеніи.—Праздникъ новомѣсячія и отсутствіе на немъ Давида.—Гнѣвъ Саула на Іонаѳана и прощаніе между искренними друзьями.—Прибытіе Давида въ Номву.—Полученіе отъ первосвященника хлѣбовъ предложенія и меча Голіаѳова.—Удаленіе въ филистимскій городъ Геѳъ и притворное сумасшествіе.—Пещера Адулламская.—Доносъ Саулу на первосвященника Ахимелека и избіеніе его вмѣстѣ съ священниками Номвы.—Горе Давида и обличительный псаломъ на злодѣйскаго доносчика.—Погоня за Давидомъ и неожиданное избавленіе его отъ опасности.—Встрѣча Саула съ Давидомъ въ пещерѣ.—Временное раскаяніе Саула . . . . . 143—171

ГЛАВА IX.

Кончина Самуила и Саула.

Стр.

Кончина великаго пророка.—Почтеніе къ нему состороны народа.—Гробница пророка.—Характеръ Самуила.—Образецъ благочестиваго правителя.—Человѣкъ молитвы и неустаннаго труда.—Возвышенный патріотъ.—Историкъ своего времени.—Нравственный ударъ для Саула.—Судьба Давида.—Навалъ и Авигея.—Брачныя отношенія Давида.—Продолженіе испытаній будущаго царя.—Новая погоня за Давидомъ.—Спящій лагерь и проникновеніе въ него Давида.—Новое раскаяніе Саула.—Затруднительное положеніе Давида среди филистимлянъ.—Походъ филистимлянъ въ землю израильскую.—Мрачное отчаяніе Саула.—Обращеніе къ помощи волшебства.—Аэндорская волшебница.—Таинственный посѣтитель ея.—Тѣнь пророка Самуила и страшное откровеніе.—Битва съ филистимлянами.—Отступленіе израильтянъ.—Новый натискъ враговъ и пораженіе Израиля. Смертъ Саула и его сыновей.—Обезглавленіе труповъ, избавленіе ихъ отъ позора и погребеніе.—Плачъ Давида.—Характеръ перваго царя израильскаго. . . . . 171—194

КНИГА ВТОРАЯ.

Давидъ и его время.

ГЛАВА X.

Вступленіе Давида на престолъ и царствованіе его въ Хевронѣ.

Открытый путь къ престолу.—Колебанія касательно первыхъ шаговъ.—Вступленіе въ Хевронъ.—Провозглашеніе Давида царемъ.—Партія Саула за Іорданомъ.—Провозглашеніе царемъ младшаго сына Саулова Іевосѳея въ Маханаимѣ.—Неизбѣжность междоусобія.—Преимущества въ положеніи Давида.—Ожесточенный поединокъ.—Смерть брата Іоавова Асаила отъ руки Авенира.—Недоразумѣнія между Іевосѳеемъ и Авениромъ.—Возвращеніе Мелхолы Давиду.—Злобное соперничество Іоава съ Авениромъ.—Ко-

варное убіеніе послѣдняго.—Умерщвленіе Іевосѳея и неудавшійся разсчетъ на награду отъ Давида.—Мемфивосѳей.—Всеобщее признаніе Давида царемъ.—Давидъ единодержавный царь израильскаго народа.—Рѣшеніе основать новую столицу.—Взятіе Іевуса или Іерусалима.—Всемірная слава этого города.—Новый періодъ въ царствованіи Давида. . . . . 195—214

ГЛАВА XI.

Внутреннее устроеніе царства.

Благопріятныя условія для развитія монархіи.—Состояніе окружающихъ народовъ.—Іерусалимъ, какъ религіозный центръ государства.—Перенесеніе ковчега завѣта.—Торжество по этому случаю.—Недовольство Мелхолы и наказаніе ей.—Поворотный пунктъ въ исторіи Израиля.—Устроеніе церковно-религіозныхъ дѣлъ.—Первосвященникъ и священническія чреды.—Давидъ, какъ боговдохновенный пѣвецъ.—Употребленіе музыкальныхъ орудій при богослуженіи.—Забота объ устроеніи военныхъ силъ государства.—Гибборимы.—Составъ войскаи его вооруженіе.—Устроеніе общественно-гражданской жизни народа.—Новое учрежденіе.—Главная цѣль въ стремленіи Давида.—Милость къ Мемфивосѳею. . . . . 214—128

ГЛАВА XII.

Войны Давида.

Характеръ первыхъ лѣтъ царствованія Давида.—Отношеніе къ окружающимъ народамъ.—Переходъ къ завоевательной дѣятельности.—Война противъ филистимлянъ.—Личная опасность Давида.—Побѣда надъ филистимлянами.—Война противъ моавитянъ.—Исполненіе надъ ними пророчества Валаама.—Военное право древности.—Походъ противъ аммонитянъ.—Дерзкое неразуміе Аннона моавитскаго.—Союзъ его съ сиріянами.—Осада Раввы.—Археологическіе остатки Раввы.—Мужество и распорядительность Іоава.—Пораженіе сиріянъ.—Взятіе Дамаска.—Богатство добычи.—Война противъ едомитянъ.—Битва въ Соляной долинѣ.—Истребленіе непріятеля.—Современные псалмы.—Возвращеніе въ Іерусалимъ.—Новые предѣлы царства Израильскаго.—Хвалебный псаломъ.—Рѣшеніе построить храмъ и совѣтъ съ пророкомъ Наѳаномъ.—Высшее откровеніе.—Молитва Давида . . . . . 228—245

ГЛАВА XIII.

Грѣхъ и его послѣдствія.

Стр.

Давидъ на вершинѣ могущества и славы.—Немощность человѣческой природы.—Нравственное зло придворной жизни на Востокѣ.—Полигамія.—Первый случай грѣховнаго паденія Давида.—Бездѣятельность его въ Іерусалимѣ во время аммонитской войны.—Купающаяся красавица.—Нравственное паденіе царя.—Попытка его скрыть преступленіе.—Вызовъ Уріи въ Іерусалимъ и неудача этой попытки.—Коварное погубленіе Уріи.—Взятіе Раввы въ личномъ присутствіи Давида и торжественное возвращеніе его въ Іерусалимъ.—Нравственное состояніе царя.—Притча Наѳана и самоосужденіе себя Давидомъ. Высшій приговоръ.—Смерть ребенка и покаянный псаломъ.—Утѣшительное обѣтованіе.—Распущенность придворной жизни.—Амнонъ и Ѳамарь.—Слабость Давида къ преступному сыну.—Жажда мщенія Авессалома.—Пиршество по случаю стрижки овецъ у Авессалома и убіеніе Амнона.—Бѣгство Авессалома.—Попытки возвратить Авессалома на родиду.—Примиреніе его съ отцомъ.—Дальнѣйшія послѣдствія грѣха Давида.—Трехлѣтній голодъ и жестокость гаваонитянъ къ сыновьямъ Саула. — Самоотверженная любовь Рицпы . . . . . 245—272

ГЛАВА XIV.

Возмущеніе Авессалома.

Авессаломъ въ положеніи старшаго сына.—Неумѣренное честолюбіе его.—Злое сердце подъ красивою наружностью.—Стремленіе достигнуть престола при жизни царя.—Заговоръ въ Хевронѣ.—Отсутствіе Давида и рѣшеніе оставить Іерусалимъ.—Преданность ему народа.—Плачевное отступленіе на Елеонскую гору.—Ахитофель и Хусій.—Дерзость Семея и великодушіе Давида.—Вступленіе Авессалома въ Іерусалимъ и первые шаги узурпатора.—Тайное сообщеніе Давиду.—Помазаніе Авессалома на царство.—Походъ противъ Давида.—Битва въ Ефремовомъ лѣсу.—Погибель Авессалома.—Горе престарѣлаго царя.—Возвращеніе въ Іерусалимъ.—Раскаяніе Семея.—Мемфивосеей и Сива.—Давидъ и Верзеллій . . . . . 273 - 299

ГЛАВА XV.

Дальнѣйшія смуты царствованія Давида.

Стр.

Станъ въ Галгалѣ.—Роль колѣна Іудина и распри его съ Ефремовымъ колѣномъ по дѣлу царя.—Мятежный кличъ Савея.—Возвращеніе въ Іерусалимъ.—Рѣшеніе подавить движеніе Савея.—Коварное убіеніе Амессая Іоавомъ.—Энергическое преслѣдованіе Савея.—Выдача его гражданами города Авеля.—Водвореніе мира и благоустройства.—Чувство самонадѣянной гордости въ Давидѣ.—Рѣшеніе исчислить народъ.—Незаконная сторона этого дѣла.—Результаты исчисленія.—Раскаяніе Давида и высшій приговоръ ему.—Три наказанія.—Моровая язва.—Видѣніе карающаго ангела.—Жертвоприношеніе на гумнѣ Орны.—Мѣсто для будущаго храма. . . . . 299—313

ГЛАВА XVI.

Послѣдніе годы царствованія Давида.

Вліяніе на Давида постигшихъ его испытаній.—Мирный характеръ послѣднихъ лѣтъ царствованія Давида.—Собираніе средствъ для постройки будущаго храма.—Забота о преемникѣ престола.—Соломонъ, какъ наиболѣе полноправный наслѣдникъ.—Обстоятельства рожденія и воспитанія его.—Тайное назначеніе Соломона наслѣдникомъ престола.—Немощи преклонныхъ лѣтъ Давида.—Ависага сунамитянка.—Честолюбіе Адоніи.—Притязаніе его на царскій престолъ.—Пиръ заговорщиковъ.—Энергическая дѣятельность пророка Наѳана въ пользу Соломона.—Донесеніе царю о заговорѣ.—Быстрыя мѣры къ помазанію Соломона и провозглашеніе его царемъ.—Разсѣяніе заговорщиковъ и мольба Адоніи о помилованіи.—Приближеніе кончины Давида.—Послѣднія его распоряженія и завѣщанія.—Кончина Давида и погребеніе его.—Гробница Давида и хранившіяся въ ней сокровища . . . . . 313—331

ГЛАВА XVII.

Характеръ Давида.

Разносторонность въ характерѣ личности Давида.—Образецъ нравственнаго величія и примѣръ немощей человѣческой природы.—Нѣжность сердца.—Величіе въ хара-

ктерѣ.—Великодушіе къ обидчикамъ.—Воспріимчивость къ природѣ и стремленіе къ идеалу.—Результаты царствованія Давида.—Характеръ благочестія Давидова.—Давидъ, какъ псалмопѣвецъ и пророкъ.—Давидъ, какъ прообразъ Христа.—Память о Давидѣ въ потомствѣ . . . . . Стр. 331—347

ГЛАВА XVIII.

Псалмы Давида.

Давидъ, какъ первый великій поэтъ Израиля.—Развитіе музыкальнаго искусства и псалмопѣнія.—Составленіе религіозныхъ и патріотическихъ пѣсней.—Значеніе Псалтири.—Оцѣнка ея отдѣльными личностями и народами.—Причина всеобщей любви къ Псалтири.—Разнообразіе заключающихся въ ней мыслей и чувствъ.—Жизнерадостность настроенія псалмопѣвца.—Стремленіе къ Богу, какъ преобладающее чувство.—Пророческая сторона Псалтири . 348—364

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Соломонъ и его время.

ГЛАВА XIX.

Палестина во времена Соломона.

Золотой вѣкъ Израиля.—Состояніе его послѣ смерти Давида.—Отношеніе къ окружающему міру.—Вліяніе окружающей цивилизаціи.—Ближайшее сношеніе съ Финикіей.—Особенности географическаго положенія Финикіи и ея богатства.—Цвѣтущіе финикійскіе города.—Сидонъ и Тиръ.—Тирскій царь Хирамъ и его дружественныя отношенія къ Давиду.—Финикійская колонія Тартесъ или Ѳарсисъ въ Испаніи и ея значеніе.—Культурно-историческое вліяніе финикіянъ въ древнемъ мірѣ.—Политическое и общественное состояніе Финикіи.—Религіозный культъ финикіянъ и его чувственность.—Пути Промысла въ историческихъ судьбахъ народовъ . . . . . 365—380

ГЛАВА XX.

Первые годы царствованія Соломона.

Стр.

Состояніе Израильскаго народа при вступленіи Соломона на престолъ.—Юность царя и его затруднительное положеніе.—Новое посягательство безпокойнаго Адоніи.—Ходатайство за него Вирсавіи.—Смерть заговорщику.—Заслуженная участь Іоава и Семея.—Чудесное сновидѣніе въ Гаваонѣ.—Дарованіе мудрости.—Судъ Соломоновъ.—Мудрость Соломона.—Женитьба его на дочери египетскаго фараона.—Общее направленіе государственности Соломона.—Ближайшее сношеніе съ Египтомъ.—Развитіе внѣшней торговли.—Основаніе Пальмиры.—Созданіе торговаго флота.—Ѳарсисскій корабль.—Плаваніе въ Офиръ.—Опредѣленіе мѣстоположенія Офира.—Накопленіе богатствъ . 381—396

ГЛАВА XXI.

Храмъ Соломоновъ.

Несмѣтныя богатства, собранныя для построенія храма.—Архитектурное значеніе храма Соломонова въ древности.—Содѣйствіе Хирама. — Доставка кедровъ съ Ливана.—Характеръ архитектуры храма.—Подробности устройства храма.—Общій видъ храма.—Историческое описаніе его.—Различныя украшенія.—Отдѣльныя части храма и святое святыхъ.—Объемъ храма.—Торжественное освященіе его.—Общенародная радость и пиршество.—Огромныя жертвы. — Народная преданность храму. — Богослуженіе при храмѣ . . . . . 396—416

КНИГА ПЕРВАЯ.

САМУИЛЪ И САУЛЪ И ИХЪ ВРЕМЯ.

ГЛАВА I.

СУДЕЙСТВО ПЕРВОСВЯЩЕННИКА ИЛІЯ. — РОЖДЕНІЕ И ЮНОСТЬ САМУИЛА.

По смерти Самсона положеніе народа израильскаго оставалось прежнимъ. Всѣ его геройскіе подвиги не въ состояніи были низвергнуть тяжелаго ига филистимлянъ, и только раздражили ихъ еще болѣе противъ израильтянъ. Но они имѣли великое нравственное значеніе, пробуждая упадавшій духъ народа, который наконецъ сталъ все болѣе приходить къ убѣжденію, что бѣдствія его не прекратятся до тѣхъ поръ, пока самъ онъ не возродится духовно и не свергнетъ прежде всего тяготѣющее на немъ иго безвѣрія и внутренняго раздѣленія. И вотъ, шагомъ къ этому внутреннему возрожденію было то, что по смерти Самсона должность судіи предоставлена была лицу, которое, по своему положенію, болѣе всякаго другого могло содѣйствовать духвному подъему и объединенію народа, именно первосвященнику Илію. Уже самое появленіе во главѣ народа первосвященника (о которыхъ въ теченіе смутнаго періода прежнихъ судей исторія совершенно умалчиваетъ) указываетъ на пробужденіе въ народѣ религіознаго духа, а соединеніе въ его лицѣ и должности гражданскаго правителя или судіи явно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Народъ израильскій, наконецъ, понялъ, что главная сила его въ религіи, и именно въ вѣрѣ въ истиннаго Бога, и соединеніемъ должности судіи съ должностью верховнаго служителя религіи хотѣлъ показать свою вѣрность верховному Царю Израиля. Только

одна религія съ ея святыней и могла объединить народъ между собою въ одно цѣлостное государство, способное сбросить, наконецъ, иго идолопоклонниковъ.

Первосвященникъ-судія жилъ, конечно, при скиніи, которая, со времени Іисуса Навина, постоянно находилась въ Силомѣ, мѣстечкѣ, лежавшемъ верстахъ въ тридцати къ сѣверу отъ Іерусалима. Лежа на возвышенной долинѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ горами, покрытыми садами и виноградниками, Силомъ представлялъ, по своему серединному положенію въ странѣ, наиболѣе удобное мѣсто для общенародной святыни. Но общая испорченность коснулась и этого убѣжища святыни. Народъ массами собирался для жертвоприношеній въ скиніи и для совершенія праздниковъ, но къ этому уже примѣшалось не мало обычаевъ, заимствованныхъ у окружающихъ идолопоклонниковъ, и религіозныя празднества часто сопровождались такими же плясками и такимъ же народнымъ разгуломъ и распутствомъ, какъ это было и около языческихъ храмовъ и капищъ. Для того, чтобы очистить религіозную жизнь отъ этой нечистой примѣси, нуженъ былъ сильный характеръ, а имъ-то, къ несчастью, и не обладалъ Илій. Самое первосвященство его не имѣло достаточно оправданій, такъ какъ онъ происходилъ не отъ старшаго сына Ааронова Елеазара, а отъ послѣдняго его сына Ѳамара. Но при этомъ онъ былъ слабъ и по самой своей природѣ. Правда, мы видимъ его уже въ престарѣломъ возрастѣ, и правленіе его, насколько можно судить, вообще отличалось достоинствомъ и кротостью, водворявшими нѣкоторый внѣшній порядокъ въ жизни народа; но онъ не имѣлъ той твердости, которая требовалась отъ правителя столь распущеннаго народа. И когда къ слабости его характера прибавились немощи престарѣлаго возраста, то онъ оказался настолько слабымъ, что даже не въ силахъ былъ обуздывать крайняго своеволія и страшнаго святотатства своихъ собственныхъ взрослыхъ сыновей, Офни и Финееса, которые, своимъ нахальнымъ и зазорнымъ поведеніемъ, давали не только худой примѣръ народу, но и отчуждали его отъ скиніи. Престарѣлый первосвященникъ скорбѣлъ о такомъ поведеніи своихъ сыновей, и даже дѣлалъ имъ выговоры, но они не слушали голоса отца своего, «ибо Господь уже рѣшилъ предать ихъ смерти». Но когда такимъ образомъ надъ домомъ престарѣлаго первосвященника готовился судъ Божій, при скиніи возрасталъ одинъ отрокъ, которому промыслъ Божій опредѣ-

лилъ передать руководительство судьбами народа. Это именно Самуилъ, сынъ Елканы и Анны, изъ Армаѳема, въ колѣнѣ Ефремовомъ. Для своего великаго предназначенія, онъ былъ подготовленъ, такъ сказать, съ самаго рожденія, которое совершалось при замѣчательныхъ обстоятельствахъ [1]).

Елкана былъ левитъ изъ рода Кааѳа, и онъ жилъ съ своимъ небольшимъ семействомъ въ городѣ Армаѳемѣ, который впослѣдствіи извѣстенъ былъ подъ названіемъ Рамы или, еще извѣстнѣе, Аримаѳеи. Точное мѣстоположеніе этого городка неизвѣстно. Онъ, повидимому, находился въ предѣлахъ колѣна Веніаминова, но настолько близко къ горѣ Ефремовой, составлявшей раздѣлительную черту между колѣнами Веніаминовымъ и Ефремовымъ, что въ библейской лѣтописи называется принадлежащимъ къ послѣднему. Елкана былъ человѣкъ довольно зажиточный и пользовался вліятельнымъ положеніемъ, жилъ на своей собственной землѣ и имѣлъ двухъ женъ, Анну и Феннану, изъ которыхъ вторая была взята, вѣроятно, уже тогда, когда всякая надежда имѣть сына отъ первой была оставлена. Хотя, по первоначальному библейскому установленію, бракъ имѣлся въ виду несомнѣнно моногамическій, тѣмъ не менѣе, многоженство не запрещалось въ Моисеевомъ законодательствѣ, и тѣ, которые держались полигаміи, не оказывались въ прямомъ нарушеніи какого-нибудь формальнаго постановленія. Подобно рабству, многоженство существовало и довольно значительно было распространено еще до синайскаго законодательства, и законодатель нашелъ возможнымъ негласно признать существующій фактъ, стараясь только подвергнуть его мудрымъ ограниченіямъ. Но наказаніе для подобнаго отступленія отъ первобытнаго учрежденія заключалось уже въ самой особенности подобнаго двубрачнаго состоянія. Мирный и благословенный домъ Елканы часто былъ омрачаемъ соперничествомъ его женъ. Его первой женой была, вѣроятно, Анна, «благодать», имя которой напоминаетъ сестру карѳагенской царицы Дидоны, престарѣлую пророчицу въ храмѣ (Лук. II, 36) и матерь пресвятой Дѣвы Маріи. Это была женщина благочестивая, любящая и самоотверженная, такая, которая, по человѣческому разсужденію, болѣе всего способна бы была къ доброму воспитанію дѣтей; но она

---

[1]) См. 1 Цар. I — II гл.; W. Deane, Samuel and Saul, their Lives and times,—изъ серіи Men of the Bible.

должна была выносить тяжкую судьбу безплодія. Какъ ни тяжка и позорна была эта судьба, заставившая нѣкогда запальчивую Рахиль изступленно кричать своему мужу, Іакову: «дай мнѣ дѣтей, или я умру» (Быт. XXX, I), Анна, благодаря своему кроткому и спокойному характеру, сносила эту тяжкую долю съ достойнымъ терпѣніемъ. Отчаявшись имѣть дѣтей отъ своей первой супруги, Елкана взялъ вторую жену, Феннану, «жемчужину», и отъ нея имѣлъ многочисленныхъ сыновей и дочерей. Тщеславясь своею плодовитостью, относясь съ презрѣніемъ къ той, которая не имѣла подобнаго счастія, и ревнуя ее за ту любовь, съ которой къ ней относился ея мужъ, Феннана не упускала случая выразить свое издѣвательство и поношеніе Аннѣ, что дѣлала какъ у себя въ домѣ, такъ и публично. Елкана былъ человѣкъ религіозный и разсудительный, и, относясь къ Аннѣ съ полнымъ сочувствіемъ, онъ не только не показывалъ къ ней пренебреженія, а напротивъ, относился съ полной любовью, обнаруживая необычные знаки уваженія. Эти чувства укрѣплялись въ немъ еще болѣе при видѣ тѣхъ слезъ, которыя часто проливала Анна. Часто видя ее въ слезахъ, мужъ утѣшалъ ее нѣжными словами: «Анна! что ты плачешь, и почему не ѣшь, и отчего скорбитъ сердце твое? Не лучше ли я для тебя десяти сыновей?» Пользуясь такимъ сочувствіемъ со стороны мужа, Анна наконецъ научилась терпѣливо сносить свое горе и признавать въ этомъ особый Промыслъ Божій, испытывавшій ее подобно тому, какъ онъ испытывалъ нѣкогда ея великихъ предшественницъ, Сарру и Рахиль.

У Елкана, какъ человѣка благочестиваго, было въ обычаѣ строго исполнять законъ, чтобы всѣ израильтяне мужскаго пола ежегодно присутствовали при совершеніи трехъ великихъ годовыхъ праздниковъ при скиніи. По этому закону, они должны были являться предъ Господомъ въ праздники Пасхи, Пятидесятницы и Кущей. Въ это смутное время законъ этотъ, какъ можно думать, не исполнялся съ особенною тщательностью, и тѣмъ ярче выступаетъ въ виду этого, благочестіе Елканы, который не только самъ ходилъ на эти праздники въ Силомъ, но и бралъ съ собою женъ своихъ. И тамъ, предъ лицомъ Господа, чувство горя еще сильнѣе охватывало Анну, и она еще пламеннѣе молилась Господу о снятіи съ нея позора безчестія. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Анна особенно ревностно молилась о дарованіи ей дѣтей, и однажды, вѣроятно по-

лучивъ новое оскорбленіе отъ своей соперницы Феннаны, она, послѣ обычнаго праздничнаго пиршества, отправилась къ святилищу, и тутъ въ изступленіи начала молиться Господу. Для того, чтобы подкрѣпить свою молитву, она дала обѣтъ, говоря: «Господи (Всемогущій Боже) Саваоѳъ! Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей, и вспомнишь обо мнѣ, и не забудешь рабы Твоей, и дашь рабѣ Твоей дитя мужского пола, то я отдамъ его Господу (въ даръ), на всѣ дни жизни его, и вина, и сикера не будетъ онъ пить, и бритва не коснется головы его» [1]). Молитва ея была восторженная и продолжительная, такъ что на молящуюся невольно обратилъ вниманіе сидѣвшій тутъ же у входа въ святилище престарѣлый первосвященникъ Илій. Первосвященнику, привыкшему видѣть вокругъ святилища всевозможную распущенность и народный разгулъ, естественно показалось, что онъ видитъ предъ собою одну изъ жертвъ опьянѣнія. Поэтому онъ обратился къ ней съ укоризненными словами: «доколѣ ты будешь пьяною? Вытрезвись отъ вина твоего (и иди отъ лица Господня)». Но Анна еще сильнѣе удручена была этимъ замѣчаніемъ и сказала: «нѣтъ, господинъ мой; я—жена, скорбящая духомъ, вина и сикера я не пила, но изливаю душу мою предъ Господомъ; не считай рабы твоей негодною женщиной, ибо отъ великой печали моей и отъ скорби моей я говорила доселѣ». Увидѣвъ свою ошибку, Илій съ сочувствіемъ сказалъ ей: «иди съ миромъ, и Богъ Израилевъ исполнитъ прошеніе твое, чего ты просила у Него». Послѣднее замѣчаніе Илія было какбы лучемъ живительнаго свѣта для омраченной души Анны, и она съ этого времени ободрилась и повеселѣла. Своимъ вѣрующимъ сердцемъ она познала великую истину, провозглашенную впослѣдствіи Спасителемъ міра: «все, чего ни будете просить въ молитвѣ, вѣрьте, что получите, и будетъ вамъ» (Маркъ, XI, 24). Такъ именно и случилось съ Анною. Господь услышалъ ея молитву, она зачала и родила сына, и, во исполненіе своего обѣта, назвала его Самуиломъ, «ибо», говорила она, «отъ Господа Бога Саваоѳа я испросила его».

По истеченіи года, когда опять настало время для посѣщенія Силома, Елкана, по обычаю, опять отправился въ святилище, а счастливая Анна на этотъ разъ осталась дома, чтобы кормить своего богодареннаго сына грудью. На востокѣ кормленіе грудью обыкно-

---

1) 1 Цар. I, 11.

венно продолжается въ теченіе двухъ лѣтъ или даже трехъ лѣтъ. У персовъ мальчики обыкновенно кормились въ теченіе двухъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ, а дѣвочки въ теченіе двухъ лѣтъ. Геройская мать семи маккавейскихъ братьевъ, замученныхъ Антіохомъ, кормила своихъ сыновей въ теченіе трехъ лѣтъ, и это, повидимому, былъ обычный періодъ кормленіе грудью въ то время. Возлюбленный сынъ Анны возрасталъ, такимъ образомъ подъ благочестивымъ попеченіемъ матери въ мирномъ домѣ въ Рамѣ. Благочестивая мать не только тщательно заботилась о его тѣлесномъ развитіи, но и о духовномъ воспитаніи. Она сѣяла въ душѣ своего сына сѣмена святыхъ мыслей, съ самаго пробужденія въ немъ разума она обращала его мысли къ Господу, особымъ даромъ котораго былъ онъ, и въ этомъ она находила готовое содѣйствіе со стороны своего благочестиваго мужа. Но вотъ настало время, когда надъ ребенкомъ долженъ былъ совершиться обѣтъ, именно посвященія его на служеніе въ скиніи. Учрежденіе назорейства уже не было новымъ явленіемъ въ то время. Хотя до Самсона у насъ и нѣтъ историческихъ свидѣтельствъ о существованіи назореевъ, однако же съ основаніемъ можно думать, что назорейство уже существовало до Моисея, и что онъ, въ своихъ законахъ, лишь санкціонировалъ это учрежденіе и подвергъ его извѣстнымъ точнымъ ограниченіямъ. Оно возникло изъ той религіозной ревности, которая, не довольствуясь совершеніемъ обычныхъ обязанностей благочестія, стремится къ болѣе строгимъ способамъ самоосвященія, когда освящается не только душа, но и тѣло. Назорейскій обѣтъ былъ троякимъ: посвященный Богу долженъ былъ воздерживаться отъ всякаго опьяняющаго напитка, не стричь своихъ волосъ и избѣгать всякаго обрядоваго осквернения чрезъ прикосновеніе съ мертвымъ тѣломъ, даже съ тѣломъ своихъ ближайшихъ родственниковъ. Такой обѣтъ, данный родителями, несомнѣнно долженъ былъ имѣть громадное вліяніе на послѣдующую жизнь ребенка. Отдѣленный отъ условій обыденной жизни, поставленный выше своихъ сверстниковъ, особенно посвященный Богу, назорей казался предназначеннымъ для какихъ-нибудь особыхъ высшихъ цѣлей, и всю свою жизнь направлялъ къ достиженію этой цѣли, не развлекаясь никакими посторонними интересами. Анна, давая свой обѣтъ, посвящала своего сына на пожизненное служеніе въ скиніи, и этимъ предначертила путь для величія и славы своего ребенка. И вотъ,

когда счастливая Анна прибыла въ Силомъ, то опять благоговѣйно остановилась предъ святилищемъ, но уже не удрученная горемъ, какъ это было два года назадъ, но сіяющая радостью, которую она и изливала въ благодарственной молитвѣ. Она привела своего ребенка къ первосвященнику Илію, и обратилась къ нему съ пламенными словами: «о, господинъ мой! Да живетъ душа твоя, господинъ мой! Я—та самая женщина, которая здѣсь при тебѣ стояла и молилась Господу»: о семъ дитяти молилась я; и исполнилъ мнѣ Господь прошеніе мое, чего я просила у Него; и я отдаю его Господу, на всѣ дни жизни его, служить Господу». Первосвященникъ благосклонно принялъ ея предложеніе; въ память этого принесены были установленныя торжественныя жертвы, и юный Самуилъ сдѣлался служителемъ святилища. При этомъ благодарственная молитва Анны выразилась въ восторженной пѣснѣ, замѣчательной тѣмъ, что отдѣльные звуки ея впослѣдствіи съ такою же восторженностью вырвались изъ устъ благословенной Приснодѣвы, когда она возликовала о своей великой радости. Анна молилась и говорила:

«Возрадовалось сердце мое въ Господѣ;
Вознесся рогъ мой въ Богѣ моемъ;
Широко разверзлись уста мои на враговъ моихъ,
Ибо я радуюсь о спасеніи моемъ.
Нѣтъ столь святаго, какъ Господь;
Ибо нѣтъ другаго, кромѣ Тебя;
И нѣтъ твердыни, какъ Богъ нашъ.
Не умножайте рѣчей надменныхъ;
Дерзкія слова да не исходятъ изъ устъ вашихъ;
Ибо Господь есть Богъ вѣденія,
И дѣла у Него взвѣшены.
Лукъ сильныхъ преломляется,
А немощные препоясываются силою.
Сытые работаютъ изъ хлѣба,
А голодные отдыхаютъ;
Даже безплодная рождаетъ семь разъ,
А многочадная изнемогаетъ.
Господь умерщвляетъ и оживляетъ,
Низводитъ въ преисподнюю и возводитъ,
Господь дѣлаетъ нищими и обогащаетъ,
Унижаетъ и возвышаетъ,
Изъ праха подъемлетъ Онъ бѣднаго,
Изъ бренія возвышаетъ нищаго,
Посаждая съ вельможами,
И престолъ славы даетъ имъ въ наслѣдіе;
Ибо у Господа основанія земли,
И Онъ утвердилъ на нихъ вселенную.
Стопы святыхъ Своихъ Онъ блюдетъ,

А беззаконные во тьмѣ исчезаютъ;
Ибо не силою крѣпокъ человѣкъ.
Господь сотретъ препирающихся съ Нимъ,
Съ небесъ возгремитъ на нихъ.
(Господь святъ.
Да не хвалится мудрый мудростью своею,
И да не хвалится сильный силою своею,
И да не хвалится богатый богатствомъ своимъ,
Но не желающій хвалиться да хвалится тѣмъ,
Что онъ разумѣетъ и знаетъ Господа).
Господь будетъ судить концы земли,
И дастъ крѣпость царю Своему,
И вознесетъ рогъ помазанника Своего» [1]).

Эта восторженная пѣснь служитъ однимъ изъ тѣхъ проявленій внутренней религіозной ревности, какія не разъ вырывались изъ вдохновеннѣйшихъ устъ въ ветхомъ завѣтѣ. Таковы именно были торжествующія пѣсни Маріами при переходѣ чрезъ Чермное море, Моисея на границахъ земли обѣтованной и Деворы послѣ торжества надъ врагами избраннаго народа. Въ виду особой восторженности этихъ пѣсенъ, онѣ заключаютъ въ себѣ вмѣстѣ возвышенно-пророческій и мессіанскій смыслъ. Таковъ именно внутренній смыслъ и восторженной молитвы Анны. Своимъ духовнымъ окомъ она видѣла далеко за предѣлы настоящаго, и, въ благодарность за оказанную ей милость, она признавала божественное домостроительство въ управленіи міромъ и обѣтованіе будущаго благоволенія не отдѣльнымъ только лицамъ, но и всему ея народу. Тотъ, Кто имѣлъ попеченіе о бѣдныхъ и нуждающихся и возводилъ униженныхъ въ высокое положеніе, будетъ покровителемъ Израиля и возвыситъ Свой подавленный въ это время народъ. Та милость, которая выпала ей лично на долю, послужитъ залогомъ милости Божіей и для всего Израиля; ея собственное избавленіе отъ удручавшаго ее горя было для нея прообразомъ спасенія, совершаемаго Богомъ въ исторіи всего міра. Въ своемъ пророческомъ восторгѣ она предвидѣла великую перемѣну въ состояніи избраннаго народа; управленіе, совершаемое вождями и судіями, должно будетъ уступить мѣсто болѣе устойчивой и твердой формѣ правленія. Зная изъ обѣтованій, сдѣланныхъ патріархамъ, и изъ многихъ изреченій и намековъ въ Пятокнижіи, что Израилю предназначено быть царствомъ, она воспѣваетъ о царѣ, котораго Богъ нѣкогда дастъ своему народу, который

---

1) 1 Цар. II, 1—10.

объединитъ его и будетъ управлять имъ, и которому Господь дастъ силу и успѣхъ. И въ этомъ монархѣ она предвидѣла Помазанника Господня, нѣкоего болѣе великаго, чѣмъ Давидъ и Соломонъ, именно Мессію. Она выразила свое упованіе на осуществленіе обѣтованій, связанныхъ съ царскимъ достоинствомъ въ Израилѣ, мысль объ учрежденіи котораго теперь уже начинала зарождаться въ сердцахъ народа; но Духъ, говорившій чрезъ нее, далъ ей предвидѣть и болѣе славное исполненіе, чѣмъ какое обыкновенно ожидалось народомъ, и мы, при свѣтѣ позднѣйшей исторіи, можемъ читать въ ея многознаменательныхъ словахъ предсказаніе о великомъ будущемъ, именно, о пришествіи царя Мессіи и о славѣ Его Царства. Въ этомъ именно свѣтѣ и смотрѣла древняя христіанская церковь на восторженную пѣснь Анны [1]). Отцы церкви вообще смотрятъ на Анну, какъ на прообразъ церкви, и въ ея словахъ видятъ пророческое предзнаменованіе торжества Христа. И іудейскіе толкователи держались того же самаго мнѣнія, которое затѣмъ вполнѣ подтверждается употребленіемъ, сдѣланнымъ изъ этой пѣсни Захаріей и Пресвятой Дѣвой Маріей въ новомъ завѣтѣ. Такія пѣсни дѣлались историческимъ достояніемъ народа, передавались устно отъ поколѣнія къ поколѣнію, употреблялись при общественномъ богослуженіи, съ теченіемъ времени были преданы письменности и внесены въ священныя книги боговдохновенными писателями, навсегда такимъ образомъ запечатлѣвшими достойнѣйшія выраженія религіозной жизни, надеждъ и стремленій вѣрныхъ сыновъ въ Израилѣ.

Когда торжество посвященія закончилось, Елкана съ своими женами возвратился въ свой домъ въ Раму, оставивъ маленькаго Самуила на попеченіе Илія. Горе, омрачавшее нѣкогда это маленькое семейство, теперь было устранено, и жизнь потекла въ немъ ровно и мирно. Съ теченіемъ времени у Анны родилось еще нѣсколько другихъ дѣтей, такъ что вокругъ нея постоянно раздавалась сладостная для матери музыка нѣжнаго лепета трехъ сыновей и двухъ дочерей. Одна іудейская легенда, имѣя въ виду своего рода поэтическую справедливость, разсказываетъ, какъ рожденіе каждаго изъ дѣтей Анны сопровождалось смертью одного изъ дѣтей Фенинаны; но это сказаніе, носящее на себѣ отпечатокъ, очевидно, позднѣй-

1) Aug. De Civit. XXII, 4; S. Cypr. De Orat. Dom. 140.

шаго эгоизма, едва ли достаточно проникаетъ въ глубь душевнаго состоянія Анны, и съ бо́льшимъ правдоподобіемъ можно полагать, что Анна была бы гораздо счастливѣе, если бы счастіе ея не нарушалось горемъ для ея прежней соперницы. Позднѣйшая жизнь этихъ ея дѣтей осталась внѣ предѣловъ священной исторіи, и о нихъ совершенно ничего неизвѣстно.

Маленькій трехлѣтній Самуилъ, оставшись при святилищѣ, отданъ былъ для воспитанія подъ надзоръ престарѣлаго высшаго священника и его помощниковъ. Несмотря на всю распущенность времени, отнюдь нельзя думать, чтобы эти люди всѣ непремѣнно были грубые сыны своего времени и лишенные всякаго благочестія, какъ это, къ несчастью, весьма часто встрѣчалось въ то время. Но кромѣ нихъ при скиніи обыкновенно имѣлось и нѣсколько женщинъ, которыя также исполняли различныя обязанности въ отношеніи скиніи, и несомнѣнно имъ-то главнѣйшимъ образомъ и поручено было воспитаніе мальчика. Какія собственно обязанности исполняли эти женщины при скиніи, нигдѣ не говорится. Самое служеніе женщинъ при скиніи, повидимому, вело свое начало съ того времени, когда Моисей назначилъ въ скиніи нѣсколькихъ женщинъ, отличившихся особымъ усердіемъ въ принесеніи своихъ зеркалъ въ качествѣ матеріала для великаго умывальника, и учрежденіе это продолжалось до разрушенія храма. Къ такимъ женщинамъ, можно думать, принадлежала впослѣдствіи и извѣстная Анна пророчица, и вдовы и діакониссы древней христіанской церкви быть можетъ были естественнымъ продолженіемъ этого учрежденія. Чтобы онѣ помогали собственно въ литургическихъ частяхъ богослуженія, это невѣроятно; ихъ обязанности, по всей вѣроятности, ограничивались какими-нибудь женскими работами, вареніемъ жертвенной пищи, чисткой сосудовъ, попеченіемъ о дѣтяхъ и чисткой, украшеніемъ и починкой разныхъ занавѣсей въ святилищѣ. Мы знаемъ, что въ послѣдующія времена, когда идолослуженіе водворилось въ землѣ обѣтованной, былъ особый чинъ женщинъ, которыя ткали занавѣси для Ашеры, образа Астореты [1]). И это, вѣроятно, было уже искаженіе первоначальнаго учрежденія женскихъ служительницъ при скиніи. Но если женщины имѣли попеченіе о тѣлесныхъ нуждахъ и тѣлесномъ воспитаніи Самуила, то его умственное и религіозное образо-

[1]) 4 Цар. XXIII, 7.

ваніе находилось подъ не менѣе тщательнымъ попеченіемъ самого первосвященника Илія. Если его воспитаніе, какъ можно думать, велось въ томъ же порядкѣ, какъ оно обыкновенно шло въ послѣдующее время, то можно предполагать, что онъ рано былъ наученъ читать и писать, былъ наставляемъ въ законѣ и изучалъ важнѣйшія событія іудейской исторіи, знакомясь съ великими подвигами своихъ предковъ. Многія части Пятокнижія заучивались наизусть, и ребенка поощряли спрашивать объясненіе значенія различныхъ установленій на празднествахъ, свидѣтелемъ которыхъ приходилось ему быть. Ему, конечно, внушалось глубочайшее уваженіе къ словамъ закона, такъ что къ нему, болѣе чѣмъ къ кому-либо, примѣнимы извѣстныя слова Филона, что «смотря на свои законы, какъ вдохновенныя вѣщанія Бога, и назидаясь въ нихъ съ ранняго дѣтства, іудеи носятъ образъ заповѣдей въ самыхъ душахъ своихъ» [1]). Такое воспитаніе, всецѣло основывающееся на религіи и нравственности, должно полагать, падало на благодарную почву, такъ какъ душа Самуила уже заранѣе предрасположена была въ этомъ направленіи. Можно съ увѣренностью полагать, что благочестивая Анна за три года собственнаго воспитанія своего сына успѣла заложить въ немъ сѣмена благочестія, которыя должны были пышно расцвѣсть впослѣдствіи. Вообще, Самуилъ по самой природѣ былъ воспріимчивъ ко всему доброму, такъ что ему нетрудно было приспособиться къ задачѣ своего исключительнаго положенія, и онъ радостно служилъ Господу, исполняя возлагавшіяся на него обязанности. На воспитаніи въ Силомѣ, несомнѣнно, было не мало и другихъ дѣтей, но Самуилъ, уже съ самаго дѣтства, отличался отъ своихъ сверстниковъ самымъ своимъ положеніемъ назорейства. Будучи посвященъ на пожизненное служеніе въ святилищѣ, онъ носилъ особую одежду,—льняной эфодъ въ родѣ священническаго или левитскаго, и въ немъ могъ принимать участіе въ религіозномъ служеніи. Его благочестивому воспитанію еще болѣе содѣйствовало то, что благочестивая Анна, хотя и посвятила его на служеніе скиніи, естественно не оставляла его своимъ материнскимъ попеченіемъ, и тщательно слѣдила за развитіемъ его ума и сердца; и она имѣла всѣ основанія благодарить Бога, что ребенокъ ея быстро возрасталъ для

---

1) De Legat. ad Cajum 31, II, 577, M.

того высокаго предназначенія, предчувствіе о которомъ она уже высказала въ своей благодарственной пѣснѣ.

Первосвященникъ Илій также скоро оцѣнилъ необычайныя дарованія ребенка и держалъ его всегда по близости къ себѣ, и это тѣмъ болѣе, что онъ все съ бо́льшею горечью видѣлъ ухудчавшееся поведеніе своихъ собственныхъ сыновей, и не разъ долженъ былъ размышлять о томъ, къ кому же перейдетъ управленіе судьбой народа послѣ его смерти. Поведеніе его сыновей, Офни и Финееса, дѣйствительно становилось все болѣе постыднымъ и безобразнымъ. Они были люди, можно сказать, безрелигіозные, безчестные, алчные и распутные. Въ противоположность своему благочестивому и вѣрующему отцу, они потеряли всякую вѣру въ Бога, и старались только о своей наживѣ и веселомъ препровожденіи времени. По закону Моисееву, извѣстная часть жертвенныхъ приношеній предоставлялась священникамъ на мѣсто платы, причемъ остатокъ животнаго обыкновенно возвращался жертвователю для потребленія ему самому вмѣстѣ съ семействомъ и жившимъ въ окрестностяхъ левитомъ. Установленіе это было совершенно естественнымъ и законнымъ, такъ что впослѣдствіи оно подтверждено было и апостоломъ, который прямо заповѣдуетъ, что «священнослужительствующіе питаются отъ святилища и служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника» (1 Кор. IX, 13). Законъ точно опредѣляетъ, какая именно часть шла въ пользу священниковъ. Но алчные сыновья Илія не довольствовались этою узаконенною частью, а старались захватить больше, чѣмъ имъ слѣдовало. Не дожидаясь пока жертва будетъ торжественно освящена чрезъ сожженіе тука на жертвенникѣ, какъ постановлялъ законъ, эти нечестивые священнослужители посылали своихъ рабовъ брать принадлежащія имъ части еще до совершенія жертвоприношенія, и грабя такимъ образомъ Бога, подвергали безчестію обрядовое богослуженіе. Кромѣ узаконенной части, они захватывали даже и то, что безспорно принадлежало самому приносящему. Мало того, когда, по окончаніи жертвоприношенія, жертвоприносящіе съ своими семействами варили оставшіяся отъ жертвоприношенія части для обычнаго пиршества, грубые рабы Офни и Финееса приходили съ длинными желѣзными крюками или вилками, и беззастѣнчиво опускали ихъ въ котлы, кастрюли, на сковороды или въ горшки, вытаскивая все, что только удавалось имъ за-

хватить [1]). Такіе безсовѣстные и хищническіе поступки не могли пройти безъ вниманія. Требованія закона были хорошо извѣстны народу, посѣщавшему святилище. При видѣ такихъ поступковъ со стороны людей, которые должны бы служить примѣромъ смиренія, законности и благочестія, народъ крайне возмущался, такъ что многіе, вслѣдствіе этого, перестали совершать жертвоприношеніе. Но въ общемъ такой примѣръ былъ крайне гибеленъ для народной нравственности и религіи, такъ что религіозныя празднества все болѣе превращались въ празднества языческія, сопровождавшіяся всевозможнымъ разгуломъ и распутствомъ. И этому опять содѣйствовали нечестивые сыновья Илія, которые доходили даже до того, что соблазняли женщинъ, приходившихъ къ святилищу, что особенно случалось во время сбора винограда, когда обыкновенно устраивались всевозможные хороводы и пляски. Несмотря на общее развращеніе среди народа, уже въ то время начало замѣчаться появленіе партіи болѣе строгихъ людей, которые стали смотрѣть весьма недовольными глазами на состояніе вещей. Ревнуя о возстановленіи религіи и благочестія среди народа, эти серьезные люди крайне скорбѣли въ своемъ сердцѣ, что источникъ развращенія исходилъ отъ самихъ сыновей первосвященника. Съ цѣлью, по возможности, исправить зло, они обращались къ престарѣлому первосвященнику, и подробно разсказывали ему о всѣхъ нечестивыхъ дѣлахъ его распутныхъ сыновей. Они требовали отъ него, чтобы онъ своимъ авторитетомъ повліялъ на сыновей и даже подвергъ ихъ наказанію. Но ихъ заявленія имѣли мало успѣха. Всегда холодный и апатичный, Илій, въ своемъ преклонномъ возрастѣ, сдѣлался еще болѣе бездѣятельнымъ и неподвижнымъ, такъ что предпочиталъ за лучшее спокойно смотрѣть на совершающееся вокругъ него. Онъ ограничивался нѣсколькими словами предостереженія и укора своимъ сыновьямъ, но не принималъ никакихъ болѣе энергичныхъ мѣръ для ихъ обузданія. «Для чего вы дѣлаете такія дѣла», говорилъ онъ имъ, «ибо я слышу худыя рѣчи о васъ отъ всего народа Господня. Нѣтъ, дѣти мои, не хороша молва, которую я слышу о васъ, не дѣлайте такъ; вы развращаете народъ Господень». И затѣмъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ привелъ древнюю пословицу, которая могла глубже указать имъ на опасность оскорбленія ими религіи и осквер-

---

[1]) 1 Цар. III, 14.

нія своего священнаго сана. «Если согрѣшитъ человѣкъ противъ человѣка, то помолятся о немъ Богу; если же человѣкъ согрѣшитъ противъ Господа, то кто будетъ ходатаемъ о немъ»? То-есть, въ случаѣ преступленія между людьми Богъ, какъ посредникъ, можетъ рѣшить дѣло своимъ правымъ судомъ; но когда человѣкъ грѣшитъ противъ Бога, то кто уже можетъ ходатайствовать тогда за согрѣшившаго? Споръ тогда можетъ быть рѣшенъ только приговоромъ противъ виновника, приговоромъ, за которымъ послѣдуетъ наказаніе отъ руки Господней. Но этотъ выговоръ былъ слишкомъ мягокъ для того, чтобы повліять на зачерствѣлую совѣсть распутныхъ молодыхъ людей, и поэтому онъ не имѣлъ никакого значенія. Офни и Финеесъ достигли уже того страшнаго состоянія, когда Духъ Святой удалился отъ нихъ, и грѣшникъ предоставляется своей собственной судьбѣ. «Они не слушали голоса отца своего; ибо Господь рѣшилъ уже предать ихъ смерти». Грѣхъ, по волѣ Божіей, самъ влечетъ за собою свое наказаніе; онъ ожесточаетъ сердце, заглушаетъ совѣсть, убиваетъ вѣру, увлекаетъ грѣшника въ бездну нечестія и дѣлаетъ покаяніе невозможнымъ, если только не случится какого-нибудь особаго чуда. Таковы его естественныя послѣдствія; но они всегда находятся въ согласіи съ предположеніями Божіими, въ должномъ подчиненіи Его нравственному домостроительству въ мірѣ. Сыновья Илія выросли въ вѣкъ распутства и разложенія и, позволивъ своимъ наклонностямъ всецѣло подпасть вліянію окружающей ихъ среды, въ свою очередь еще болѣе содѣйствовали усиленію этихъ наклонностей. Въ нихъ, быть можетъ, сказался таинственный законъ наслѣдственности и проявился злой характеръ какого-нибудь изъ ихъ предковъ,—характеръ, не нашедшій противодѣйствія въ тщательномъ воспитаніи. Возможно, что имъ недоставало нѣжнаго руководительства и сочувствія матери; слабый отъ природы характеръ отца не способенъ былъ съ дѣтства контролировать ихъ предрасположенный ко злу духъ; оффиціальныя обязанности къ тому же могли всецѣло занимать время и мысли судіи, такъ что ему не часто приходилось вникать въ свои семейныя обстоятельства, наблюдать за наклонностями своихъ юныхъ сыновей, избирать имъ надлежащихъ товарищей и еще въ дѣтствѣ пресѣкать начатки зла. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что зло чрезвычайно разрослось и угрожало страшными послѣдствіями.

Такъ какъ самъ Илій былъ слабъ противодѣйствовать разви-

тію зла, то Богъ въ это время посылалъ ему на помощь особаго пророка, который обращался къ нему съ сильными предостереженіями. Вскорѣ послѣ поступленія Самуила на воспитаніе при скиніи, къ первосвященнику явился «человѣкъ Божій» и обратился къ нему съ такою рѣчью: «такъ говоритъ Господь: не открылся ли Я дому отца твоего, когда они еще были въ Египтѣ, въ домѣ фараона- И не избралъ ли Я его изъ всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ Себѣ во священники, чтобы онъ восходилъ къ жертвеннику Моему, чтобы воскурялъ ѳиміамъ, чтобы носилъ ефодъ предо Мною? И не далъ ли Я дому отца твоего отъ всѣхъ отнемъ сожигаемыхъ жертвъ сыновъ Израилевыхъ? Для чего же вы попираете ногами жертвы Мои и хлѣбныя приношенія Мои, которыя Я заповѣдалъ для жилища Моего? И для чего ты предпочитаешь сыновей своихъ, утучняя себя начатками всѣхъ приношеній народа Моего—Израиля? Посему такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: Я сказалъ тогда: домъ твой и домъ отца твоего будетъ ходить предъ лицомъ Моимъ во вѣкъ. Но теперь говоритъ Господь, да не будетъ такъ, ибо я прославлю прославляющаго Меня, а безславящій Меня будетъ посрамленъ. Вотъ наступаютъ дни, въ которые Я подсѣку мышцу твою, и мышцу дома отца твоего, такъ что не будетъ старца въ домѣ твоемъ (никогда); и ты будешь видѣть бѣдствія жилища Моего при всемъ томъ, что Господь благотворитъ Израилю, и не будетъ въ домѣ твоемъ старца во всѣ дни. Я не отрѣшу у тебѣ всѣхъ отъ жертвенника Моего, чтобы томить глаза твои, и мучить душу твою; но все потомство дома твоего будетъ умирать въ среднихъ лѣтахъ. И вотъ тебѣ знаменіе, которое послѣдуетъ съ двумя сыновьями твоими, Офни и Финеесомъ: оба они умрутъ въ одинъ день. И поставлю Себѣ священника вѣрнаго; онъ будетъ поступать по сердцу Моему, и по душѣ Моей; и домъ его сдѣлаю твердымъ; и онъ будетъ ходить предъ помазанникомъ Моимъ во всѣ дни. И всякій, оставшійся изъ дома твоего, придетъ кланяться ему изъ-за геры серебра и куска хлѣба, и скажетъ: причисли меня къ какой-либо левитской должности, чтобы имѣть пропитаніе» [1]). Въ этомъ предсказаніи слышится явное указаніе на Самуила, который отселѣ явственно предназначался для религіознаго служенія своему народу. Въ немъ объявлялось Илію, что первосвященство въ его родѣ прекратится, какъ это и дѣйстви-

1) 1 Цар. II, 27—36.

тельно случилось впослѣдствіи, когда первосвященническая должность опять перешла къ старшей линіи Ааронова первосвященства, именно къ роду Елеазара; но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь нельзя не видѣть и указанія на болѣе великаго служителя религіи, чѣмъ Самуилъ или потомки Елеазара. Самые термины пророчества указываютъ дальше непосредственнаго будущаго, заключающіяся въ нихъ обѣтованія величественнѣе, чѣмъ какія могли осуществиться на обыкновенномъ человѣкѣ. Простое перенесеніе первосвященства отъ одной линіи къ другой, болѣе достойной, и ограниченіе вѣчнаго священства, обѣщаннаго первому Финеесу (Числ. XXV, 12, 13), какимъ-нибудь выдающимся вѣрнымъ представителемъ рода, едва ли было бы выражено въ столь восторженныхъ словахъ. Мы должны смотрѣть дальше, и извѣстно, что сами іудеи склонны были видѣть здѣсь предсказаніе о болѣе величественномъ будущемъ, о божественномъ Самуилѣ, о священникѣ, отмѣнившемъ первосвященство Аароново, именно о Мессіи, какъ о первосвященникѣ, пребывающемъ во вѣкъ. Здѣсь опять можно замѣтить, что пророкъ, какъ и Анна въ своей молитвѣ, имѣлъ также въ виду осуществленіе царской власти въ Израилѣ. Вѣрный священникъ будетъ ходить предъ помазанникомъ Божіимъ во вѣки. Но если это предсказаніе въ первоначальномъ своемъ смыслѣ и указывало на то, что Самуилъ и его преемники будутъ главными руководителями духовно-религіозной жизни въ государствѣ, управляемомъ помазаннымъ царемъ, то несомнѣнно, оно также указывало и на Мессію, въ которомъ объединилась царская должность съ первосвященническою.

Когда нечестивые сыновья Илія исполняли мѣру своего беззаконія и въ отдаленіи уже слышались оттолоски надвигающейся бури, готовившейся разразиться надъ домомъ Илія, мальчикъ Самуилъ служилъ Господу, «болѣе и болѣе приходя въ возрастъ и въ благоволеніе у Господа и у людей». Такъ прошло двѣнадцать лѣтъ [1]), и благочестіе отрока наконецъ сдѣлало его достойнымъ страшнаго откровенія Божія. При общемъ упадкѣ религіозно-нравственной жизни въ то время, Богъ рѣдко открывался народу своему чрезъ пророковъ; но теперь, въ виду приближающагося осуществленія страшнаго суда надъ домомъ Илія, Богъ благоволилъ

---

[1]) Josephus, Antiq. V, 10, 4.

избрать Самуила орудіемъ заявленія о Своемъ приговорѣ. Самуилъ былъ отрокъ добрый, чистый и святой, и его сердце и совѣсть признавали повсюду присутствіе и силу Бога; но о Немъ, какъ личномъ Богѣ, какъ явно открывающемъ Свою волю, дающемъ заповѣди и предостереженія иначе, какъ чрезъ тайное внушеніе въ сердце, онъ еще не зналъ ничего. Доселѣ его дѣятельность обыкновенно двоилась между попеченіемъ о святилищѣ, въ такихъ обязанностяхъ, которыя налагались на него, и прислуживаніемъ престарѣлому первосвященнику Илію, слабость зрѣнія и возрастающія старческія немощи котораго ставили его въ значительной степени въ зависимость отъ помощи другихъ. Самуилу, напр. приходилось запирать и отворять дверь скиніи, зажигать семисвѣчный свѣтильникъ святилища на южной сторонѣ святилища, налѣво отъ входа и противъ стола хлѣбовъ предложенія. Свѣтильни въ этомъ свѣтильникѣ зажигались каждый вечеръ, затѣмъ погашались, заправлялись вновь и снабжались чистымъ оливковымъ масломъ каждое утро. Первосвященникъ спалъ въ комнатѣ, прилегающей къ скиніи, и Самуилъ постоянно находился по близости къ нему, такъ чтобы всегда слышать голосъ первосвященника, когда ему приходилось позвать его за чѣмъ-нибудь къ себѣ. Однажды ночью, когда отрокъ лежалъ на своей постелѣ и время близилось къ разсвѣту, онъ вдругъ былъ пробужденъ голосомъ, называвшимъ его по имени. Думая, что это зоветъ его первосвященникъ, онъ всталъ и подошелъ къ нему, въ ожиданіи приказанія, Но первосвященникъ удивился этому, такъ какъ не звалъ его, и когда еще разъ повторилось то же, онъ понялъ, что это былъ голосъ Божій, и велѣлъ Самуилу приготовиться къ выслушанію божественнаго откровенія. И дѣйствительно, когда въ третій разъ раздался голосъ: «Самуилъ! Самуилъ!», то отрокъ, слѣдуя наставленію первосвященника, отвѣчалъ: «говори, Господи, ибо слышитъ рабъ Твой». И тогда Господь, призывая отрока на высшую должность Своего пророка, сообщилъ Самуилу страшное откровеніе о судѣ Божіемъ надъ домомъ Илія. «И сказалъ Господь Самуилу: вотъ, Я сдѣлаю дѣло во Израилѣ, о которомъ кто услышитъ, у того зазвенитъ въ обоихъ ушахъ. Въ тотъ день Я исполню объ Иліѣ все то, что Я говорилъ о домѣ его; Я начну и окончу. Я объявилъ ему, что Я накажу домъ его на вѣки за ту вину, что онъ зналъ, какъ сыновья его нечествуютъ, и не обуздывалъ ихъ. И посему, клянусь дому Илія, что вина дома Иліева не загладится ни

6158

ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО МУЗЕЯ
ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ БИБЛІОТЕКА Общества наукъ Академіи Наукъ СССР

жертвами, ни приношеніями хлѣбными во вѣкъ». Это было страшное откровеніе юному, неопытному отроку! Оно было великою честью для его благочестія, и вмѣстѣ съ тѣмъ было гранью, на которой прекращалось его отрочество и начиналась духовная зрѣлость. Отселѣ Самуилъ долженъ былъ познать отвѣтственность и заботливость возмужалаго возраста. Отрокъ, естественно, былъ крайне смущенъ таковымъ откровеніемъ, и не зналъ, что ему дѣлать, какъ ему сообщить престарѣлому первосвященнику о столь страшномъ откровеніи. Съ наступленіемъ утра онъ всталъ—утомленный отъ возбужденія и чудеснаго видѣнія, и по обычаю открылъ дверь въ святилище, чтобы служить старцу. При этомъ онъ ничего не сказалъ ему о томъ, что случилось, такъ какъ боялся нанести тяжелую рану первосвященнику, котораго онъ любилъ и почиталъ. Но духъ Илія былъ уже въ тревогѣ. Онъ предчувствовалъ, что случилось нѣчто необычайное, и, по внѣшнему безпокойству отрока, видѣлъ, что онъ что-то скрываетъ отъ него. Будучи увѣренъ, что Господь сдѣлалъ какое-то откровеніе Самуилу, Илій предчувствовалъ, что откровеніе это касалось его самого, и не могъ успокоиться, пока оно не было сообщено ему вполнѣ. «Что сказано тебѣ»? говорилъ Илій, «не скрой отъ меня; то и то сдѣлаетъ съ тобою Богъ, и еще больше сдѣлаетъ, если ты утаишь отъ меня что-нибудь изъ всего того, что сказано тебѣ». Тогда Самуилъ объявилъ Илію страшную тайну. Илій выслушалъ ее въ полномъ безмолвіи и встрѣтилъ съ тупою безнадежностью, сказавъ только: «Онъ—Господь; что Ему угодно, то да сотворитъ». Въ устахъ другаго человѣка такія слова могли бы означать глубочайшую вѣру и упованіе; но въ устахъ Илія они, правда, показывая покорность волѣ Божіей, въ то же время обнаруживаютъ въ немъ нѣкоторую легкость отношенія къ важнымъ предметамъ. Несмотря на это двоякое предостереженіе, онъ не сдѣлалъ никакого рѣшительнаго усилія для прекращенія злоупотребленій; хотя благовременная строгость и рѣшительныя мѣры и могли бы отвратить еще гибель его дома, онъ все оставилъ идти по прежнему; у него не было достаточныхъ силъ для борьбы съ господствующимъ зломъ, и, какбы въ безнадежномъ отчаяніи, онъ предоставилъ все въ руки Божіи, готовясь съ терпѣніемъ вынести все, что ни случится. Офни и Финеесъ, будучи своевольными, упорными и высокомѣрными людьми, оставались слишкомъ долго необузданными въ своей худой жизни, и теперь рѣшительно не обращали вниманія на слабые

укоры своего отца. Притомъ, на ихъ сторонѣ была могущественная партія. Вся воспитавшаяся подъ худымъ вліяніемъ молодежь, предававшаяся вольнодумству, распутству и всевозможнымъ удовольствіямъ, была на ихъ сторонѣ и не стремилась ни къ чему лучшему. Престарѣлый первосвященникъ не имѣлъ мужества идти противъ этой сильной партіи, бездѣятельность прикрывалъ плащемъ терпѣнія и, считая себя окончательно безсильнымъ исцѣлить зло, рѣшительно закрывалъ на него глаза.

Времени еще было бы достаточно для исправленія, такъ какъ приговоръ долженъ былъ осуществиться не тотчасъ же послѣ его произнесенія, Самуилу нужно было еще достигнуть полнаго возмужанія и сдѣлаться уполномоченнымъ пророкомъ Господнимъ. Но первосвященникъ впалъ въ полную бездѣятельность. И вотъ по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ этихъ испытаній меркли вліяніе и слава Илія, возрастала слава Самуила. «И узналъ весь Израиль, отъ Дана до Вирсавіи, что Самуилъ удостоенъ быть пророкомъ Господнимъ». Прежніе служители святилища оказались невѣрными, и Господь воздвигалъ новаго пророка, который отличался благочестіемъ, послушаніемъ, вѣрностью и высокими дарованіями. Отселѣ, время отъ времени, Господь открывался Самуилу то въ видѣніи, то давая ему знать о Себѣ раздѣльнымъ голосомъ и другими различными образами, и часто онъ способенъ былъ изрекать слова мудрости, укора и предостереженія. Среди открытаго развращенія, онъ выступалъ какъ праведный и смѣлый свидѣтель истинной религіи и нравственности, и все, что онъ говорилъ, получало необычайное значеніе, такъ какъ всѣ слова его исполнялись. Имъ руководили не опытъ, не проницательность, не здравое разсужденіе, а вдохновеніе Божіе. Израиль не могъ не видѣть, что этотъ святой юноша былъ руководимъ высшею рукою, и скоро его вліяніе сталъ признавать весь народъ, такъ что отъ сѣверныхъ предѣловъ до южной границы земли стало извѣстно всѣмъ, что Самуилъ удостоенъ быть пророкомъ Господнимъ. Даже въ это безпорядочное время раздѣленія и всеобщаго развращенія, вѣсть о такой великой милости Божіей быстро разнеслась среди израильскаго народа, и всѣ благочестивые люди земли радовались, слыша, что Богъ такъ посѣтилъ народъ Свой.

Называя Самуила пророкомъ, священный историкъ однако же не говоритъ, чтобы съ этимъ названіемъ непремѣнно связывалась

способность предсказыванія. Способность предсказыванія будущаго, правда, часто и при извѣстныхъ обстоятельствахъ давалась пророку; но она не обнимала собою всей сущности его должности, а составляла только часть его служенія. Пророкъ есть глашатай Бога; онъ получаетъ извѣстныя божественныя откровенія и сообщаетъ ихъ своимъ соотечественникамъ, тѣмъ, для которыхъ назначается его служеніе. Получаемые имъ дары предназначались не для его собственно возвышенія или назиданія, но для блага народа. Его призваніе на должность было внутреннимъ, зависѣвшимъ отъ божественнаго избранія и отъ его собственной воспріимчивости. На него нисходилъ Духъ Іеговы, давалъ ему откровеніе и право сообщить его. Пророку такимъ образомъ сообщаются совѣты Божіи, и онъ долженъ въ свою очередь открыть эту тайну, будетъ ли народъ слушать его, или нѣтъ. Полная сознательность этого внутренняго призванія поощряетъ его въ исполненіи даннаго ему порученія, возвышаетъ его нравственную способность и дѣлаетъ его готовымъ къ воспринятію дальнѣйшихъ откровеній. Будучи не просто предсказателемъ или провозвѣстникомъ, но апостоломъ праведности, пророкъ увѣщеваетъ, укоряетъ и порицаетъ; онъ подкрѣпляетъ свои наставленія указаніемъ на прошлое, предостерегаетъ и подтверждаетъ свое откровеніе предзнаменованіемъ будущаго. Сообщенное ему свыше озареніе даетъ ему возможность окидывать духовнымъ взглядомъ настоящее и будущее; онъ видитъ внутреннюю сторону событій, о которой другіе люди имѣютъ лишь поверхностное представленіе, и такимъ образомъ получаетъ возможность сообщить мудрый совѣтъ и избѣгнуть неожиданности. Но все это не произведеніе человѣческаго генія, мудрости или житейскаго опыта, а результатъ общенія съ небомъ и Словомъ Божіимъ. Таково и было вдохновеніе Самуила. Его призваніе къ пророческой должности влекло за собою и другія обязанности. Это именно особое призваніе и уполномочивало его впослѣдствіи, среди всебщаго упадка священства и обрядности, приносить жертвы и поддерживать богослуженіе Іеговы. Когда онъ исполнялъ эти священническія обязанности, то это отнюдь не было съ его стороны незаконнымъ вторженіемъ въ священническое служеніе; онъ имѣлъ необычайное полномочіе отъ Бога, который продолжалъ время отъ времени являться ему въ Силомѣ. Насколько онъ самъ сознавалъ въ это время значеніе своего служенія, неизвѣстно; несомнѣнно, сознаніе его въ этомъ отношеніи

раскрывалось постепенно. Такъ какъ откровенія дѣлались болѣе частыми и важными, то въ душѣ его и возрастало убѣжденіе, что такъ какъ для возрожденія израильскаго народа требовался особый преобразователь, то ему и предназначено быть этимъ преобразователемъ и стать во главѣ этого великаго движенія къ возрожденію.

Въ жизни народа приближался великій кризисъ. Чтобы удержать за собою свои владѣнія и сохранить свое положеніе среди окружающихъ народовъ, Израиль долженъ былъ представлять изъ себя цѣлостную силу предъ лицомъ враговъ, силу, скрѣпленную единствомъ религіи, интересовъ и государственности. Въ послѣдніе годы вся жизнь народа стремилась къ разложенію и разъединенію. Ни одно колѣно не имѣло выдающагося положенія въ народѣ и, такъ сказать, безспорной гегемоніи; наиболѣе сильные города въ дѣйствительности были совершенно независимыми общинами, и разъединеніе сдѣлалось обычнымъ правиломъ по всей странѣ. Послѣ смерти Іисуса Навина, во главѣ народа не стояло какого-нибудь одного лица, а управленіемъ завѣдывали старѣйшины, какъ представители отъ всѣхъ колѣнъ, собиравшіеся въ какомъ-нибудь срединномъ пунктѣ, въ родѣ Сихема. Здѣсь они совѣщались между собой и отсюда же отправляли депутаціи спрашивать совѣта первосвященника, который одинъ только имѣлъ возможность узнавать волю Божію чрезъ уримъ и туммимъ. Важность первосвященнической должности вслѣдствіе этого была весьма большая, и отъ его характера и энергіи въ значительной степени зависѣли нравственность народа и теченіе общественныхъ дѣлъ. Но когда національное единство разрушилось и на мѣсто патріотическаго чувства водворилось стремленіе къ себялюбивой независимости, то власть старѣйшинъ потеряла всякое значеніе, а съ упадкомъ вліянія священниковъ пали религія и нравственность. Къ концу времени судей, среди израильскаго народа уже совершенно не было какихъ-нибудь общихъ патріотическихъ чувствъ; колѣна были самоуправляющимися государствами, которыя удерживали за собою надѣлы своими собственными силами, поглощая въ себя туземныя народности, или изгоняя ихъ сильной рукой, или, наоборотъ, подчиняясь даже хананеямъ, которыхъ они не въ состояніи были лишить ихъ прежнихъ владѣній. Взаимное соперничество между нѣкоторыми колѣнами также содѣйствовало ослабленію національнаго единства. Разъединеніе затѣмъ усиливалось вслѣдствіе той привязанности, которую

каждое семейство чувствовало къ своимъ собственнымъ поселеніямъ, не обращая никакого вниманія на интересы сосѣднихъ поселеній. Сдѣлавшись земледѣльческимъ народомъ, израильтяне стали полагать все свое національное благосостояніе въ обезпеченности своихъ отдѣльныхъ личныхъ владѣній, и заботились болѣе объ охраненіи своихъ стадъ, нивъ и произведеній, которымъ могли угрожать нашествія мѣстныхъ враговъ, чѣмъ о соединеніи въ одну общую силу для противодѣйствія опасностямъ, угрожавшимъ существованію цѣлаго народа. Судіи, какъ мы видѣли выше, были диктаторы, являвшіеся, смотря по надобности, въ отдѣльныхъ округахъ, и ихъ вліяніе вслѣдствіе этого ограничивалось извѣстною только мѣстностью. Когда опасность проходила, то они возвращались къ своимъ прежнимъ занятіямъ, и ни судія, ни народъ не заботились объ общественномъ благосостояніи. Для того, чтобы пробудить въ народѣ чувство единенія, необходимо было наступленіе какихъ-нибудь чрезвычайныхъ опасностей, которыя дѣйствительно грозили бы гибелью всему народу, и такая опасность именно и случилась во времена Самуила, хотя и невозможно въ точности опредѣлить ея время. Этою опасностью теперь угрожали филистимляне, которые, все болѣе усиливаясь, наконецъ рѣшили окончательно покорить себѣ всю землю обѣтованную, чтобы сдѣлаться полновластными правителями страны.. Отдѣльные подвиги Самсона, дѣятельность котораго отчасти, повидимому, совпадаетъ съ правленіемъ Илія, не имѣли рѣшительнаго значенія для избавленія страны отъ этихъ враговъ и только на время пріостановили дальнѣйшее распространеніе завоевательности филистимлянъ. Послѣ него филистимляне дѣйствительно покорили себѣ значительную часть страны и наложили на израильскій народъ чрезвычайно тяжкое иго, которое способно было задушить его и навсегда лишить надежды на возвращеніе себѣ свободы. Но это иго вмѣстѣ съ тѣмъ и послужило началомъ для избавленія отъ внѣшнихъ враговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для внутренняго возрожденія народа.

ГЛАВА II.

ПЛѢНЕНІЕ КОВЧЕГА ЗАВѢТА ФИЛИСТИМЛЯНАМИ И ЕГО ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Когда иго филистимлянъ сдѣлалось невыносимымъ для израильтянъ, то они возстали противъ угнетателей. Но это возстаніе, очевидно, было лишь взрывомъ отчаянія и вслѣдствіе этого велось безъ всякаго надлежащаго плана, совѣта и разсужденія. Мало того, ничего неизвѣстно даже о томъ, чтобы народъ обратился за испрошеніемъ на это воли Божіей, ничего не слышно о молитвѣ и жертвоприношеніи, которыми бы освящено было начало этого предпріятія. Выведенный изъ терпѣнія своимъ рабскимъ состояніемъ и видя въ пророческомъ духѣ Самуила предзнаменованіе, что Господь посѣтилъ свой народъ, и всецѣло полагаясь на свое плотское оружіе, народъ собрался съ силами и расположился лагеремъ близъ того мѣста, которое, въ память совершившейся здѣсь впослѣдствіи побѣды, называлось Авенъ-езеръ, то-есть «камень помощи». Филистимляне, уже заранѣе слышавшіе о происходившемъ между израильтянами движеніи, въ свою очередь выдвинули свои вооруженныя силы, и теперь находились тутъ же неподалеку, именно въ мѣстечкѣ, называемомъ Афекъ, то-есть «крѣпость». Такъ какъ мѣстъ съ этимъ именемъ было много, то и трудно въ точности опредѣлить мѣстоположеніе этого послѣдняго; но оно находилось близъ Авенъ-езера, мѣстоположеніе котораго опредѣляется точно и который лежалъ между Массифой и Сеномъ [1]). Массифа, по свидѣтельству первой книги Маккавеевъ, лежала напротивъ Іерусалима [2]), и она отождествляется новѣйшимъ изслѣдователемъ (Робинсономъ) съ Неби-Самвиль, самымъ выдающимся холмомъ, верстахъ въ семи къ сѣверу отъ Іерусалима. Сенъ или Га-Шенъ есть, вѣроятно, новѣйшій Деиръ-Іесинъ, находящійся неподалеку отсюда. Афекъ, быть можетъ, можно видѣть въ вади Фукинъ, въ девяти верстахъ къ западу отъ Виѳлеема, хотя это повидимому будетъ слишкомъ далеко къ югу.

---

1) 1 Цар. VII, 12.
2) 1 Макк. III, 46.

О подробностяхъ послѣдовавшей битвы мы ничего не знаемъ. Результаты ея были въ высшей степени знаменательны. Израильтяне сразу же понесли жестокое пораженіе, оставивъ четыре тысячи человѣкъ убитыми на полѣ сраженія. Всѣ чувствовали, что это былъ тяжкій ударъ, и, по возвращеніи въ лагерь, предводители составили военный совѣтъ для обсужденія причинъ бѣдствія и принятія наилучшихъ мѣръ для поправленія дѣла. У нихъ было достаточно времени для подобныхъ разсужденій, и имъ не грозила непосредственная опасность, такъ какъ лагерь ихъ былъ укрѣпленъ, и ихъ сообщенія были еще открыты. Съ войскомъ израильскимъ не было ни Самуила, ни сыновей Илія, и обсужденіе дѣла всецѣло находилось въ рукахъ старѣйшинъ. Они, повидимому, были увѣрены въ побѣдѣ, и были крайне изумлены, что побѣда осталась на сторонѣ враговъ. Имъ невольно думалось, что это могло случиться только потому, что Богъ удалилъ отъ нихъ свою помощь. Какъ же имъ обезпечить Его помощь въ будущемъ? Во всякомъ случаѣ, не надѣясь болѣе собственными силами держаться противъ непріятеля, израильтяне прибѣгли къ помощи Божіей и, для обезпеченія ея, рѣшили принесть въ войско величайшую святыню. «Возьмемъ себѣ изъ Силома ковчегъ завѣта Господня, сказали старѣйшины, и онъ пойдетъ среди насъ, и спасетъ насъ отъ руки враговъ нашихъ». Они помнили, какъ рѣка Іорданъ разступалась предъ ковчегомъ и давала народу проходъ по сухому дну; они помнили также, какъ пали стѣны Іерихонскія во время обношенія вокругъ нихъ ковчега завѣта; помнили также и многія вообще чудеса, совершавшіяся въ присутствіи святыни, и поэтому рѣшились и въ настоящій разъ воспользоваться ея чудесною помощью.

Немедленно же въ Силомъ, находившійся недалеко отсюда, отправлено было посольство, которое и просило священнослужителей, завѣдующихъ святыней, взять «Ковчегъ завѣта Господа Саваоѳа, сидящаго на херувимахъ», и нести его въ станъ. Здѣсь именно между херувимами было видимое сѣдалище невидимаго Царя израильскаго, и Онъ, по мнѣнію старѣйшинъ, долженъ былъ поддержать свою славу и славу своего народа Израиля. При этомъ случаѣ, когда поднимали ковчегъ завѣта, особенно полное примѣненіе имѣлъ древній гимнъ, которымъ обыкновенно сопровождались передвиженія ковчега завѣта: «возстань, Господи, и разсыплются враги Твои,

и побѣгутъ отъ лица Твоего ненавидящіе Тебя!» [1]). И вотъ, съ должнымъ благоговѣніемъ поднятая святыня была торжественно несена назначенными для того левитами, и, въ сопровожденіи двухъ священниковъ, нечестивыхъ сыновей Офни и Финееса, прибыла наконецъ въ лагерь израильтянъ. Появленіе народной святыни сразу подняло духъ въ израильскомъ войскѣ, отъ радостнаго ликованія котораго «земля стонала». Филистимляне, услышавъ столь необычайные и восторженные клики, увидѣвъ такое возбужденіе въ непріятельскомъ лагерѣ, выслали соглядатаевъ удостовѣриться, въ чемъ дѣло, и когда они услыхали, что въ войско израильтянъ принесена таинственная святыня, то были приведены въ смущеніе и страхъ, такъ что въ станѣ ихъ раздавались унылыя восклицанія: «горе намъ! кто избавитъ насъ отъ руки этого сильнаго Бога? Это тотъ Богъ, который поразилъ египтянъ всякими казнями въ пустынѣ», какъ доходили до нихъ страшные, но не вполнѣ ясные слухи. Но уныніе все-таки не отняло у нихъ мужества. Какова бы ни была угрожавшая имъ опасность, они не поддались ей безъ сопротивленія. Ихъ грубая натура, правда, трепетала отъ мысли, чтобы ихъ достопоклоняемый Дагонъ не оказался въ своемъ могуществѣ ниже израильской святыни, совершавшей столь поразительныя чудеса въ прежнее время; но съ свойственнымъ имъ мужествомъ они рѣшили подвергнуть испытанію сравнительное могущество боговъ. Для нихъ предстоящая битва была борьбой за честь своего бога, и они подкрѣпляли мужество другъ друга словами: «укрѣпитесь и будьте мужественны, филистимляне, чтобы вамъ не быть въ порабощеніи у евреевъ, какъ они у васъ въ порабощеніи; будьте мужественны и сразитесь съ ними». Послѣдовала битва, и филистимляне, сражаясь съ отвагой и энергіей, нанесли израильтянамъ такое пораженіе, что послѣдніе обратились въ безпорядочное бѣгство, потерявъ тридцать тысячъ убитыми. Напрасно израильтяне съ отчаяннымъ мужествомъ сосредоточивались около святыни народа: все пропало! Но ужаснѣе всего было то, что и самая святыня народа, ковчегъ завѣта, была взята въ плѣнъ, и оба сына первосвященника убиты при ея защитѣ. Никогда еще такое бѣдствіе не постигало народъ со времени оставленія имъ Египта. Священный памятникъ, который сдѣланъ былъ, по повелѣнію Господа, исключительно руками ихъ великаго пророка

[1]) Числ. X, 35.

Моисея, который руководилъ ихъ во время всѣхъ странствованій по пустынѣ, водилъ ихъ къ побѣдѣ, заключалъ въ себѣ присутствіе Іеговы, былъ теперь потерянъ для нихъ! Это было страшное предзнаменованіе! Оно означало, что милость Божія совершенно оставляла израильтянъ, что грѣхи священниковъ и народа положили раздѣлительную грань между ними и Богомъ, что они не могли уже долѣе обращаться за помощью къ Тому, котораго они такъ позорно оставили и оскорбили. Слава ихъ исчезла, ихъ политическая независимость гибла, и въ будущемъ предстояло лишь безнадежное рабство.

Ужасная вѣсть быстро распространилась повсюду. Въ самый вечеръ пораженія она успѣла уже достигнуть и до Силома. Одинъ отчаянный бѣглецъ, веніамитянинъ (котораго древнее, но не имѣющее достаточнаго основанія, преданіе отождествляетъ съ Сауломъ), прибѣжалъ въ городъ съ разодранными одеждами и съ пылью на головѣ, въ знакъ невыразимаго горя. Видъ этого вѣстника самъ говорилъ за себя, и страшная тайна сдѣлалась извѣстной всѣмъ. Престарѣлый первосвященникъ въ это время «сидѣлъ на сѣдалищѣ при дорогѣ у воротъ и смотрѣлъ, ибо сердце его трепетало за ковчегъ Божій». Но вотъ населеніе пришло въ страшное смятеніе, и «громко возстоналъ весь городъ». Девяносто-восьмилѣтній первосвященникъ въ тревогѣ спросилъ вѣстника, который какбы безмолвно стоялъ предъ нимъ, не имѣя силъ сообщить страшную тайну: «что произошло, сынъ мой?»—«И отвѣчалъ вѣстникъ, и сказалъ: побѣжалъ Израиль передъ филистимлянами, и пораженіе великое произошло въ народѣ, и оба сыновья твои Офни и Финеесъ умерли, и ковчегъ взятъ» .Послѣдняго извѣстія не вынесъ старецъ: лишь только вѣстникъ упомянулъ о ковчегѣ, какъ «Илій упалъ съ сѣдалища навзничь у воротъ; сломалъ себѣ хребетъ, и умеръ; ибо онъ былъ старъ и тяжелъ». Жена убитаго Финееса, отъ ужасной вѣсти, совершила преждевременные роды; когда окружающіе ее женщины хотѣли утѣшить ее радостнымъ извѣстіемъ о рожденіи сына, она была безутѣшна и, умирая, вопила не о своемъ погибшемъ мужѣ, а о томъ, что «отошла слава отъ Израиля; ибо взятъ ковчегъ Божій», въ горестное воспоминаніе о чемъ и сыну своему дала имя Ихаводъ, то-есть «безславіе». И дѣйствительно, это страшное бѣдствіе грозило не только безславіемъ, но и полною гибелью народу. Самъ Богъ оставилъ его теперь, и съ ковчегомъ завѣта отходила отъ него не только слава, но и политическое существованіе, послѣ чего должно было

слѣдовать рабство и полное уничтоженіе отъ торжествующихъ враговъ.

Когда совершилось погребеніе Илія и жены Финееса, представившей собою поразительный примѣръ благочестія и религіознаго патріотизма и въ это темное и мрачное время, и когда уныніе уже нѣсколько ослабѣло, найдено было необходимымъ принять мѣры для обезпеченія скиніи и находящихся въ ней принадлежностей и украшеній. Ковчегъ, правда, былъ потерянъ; но въ скиніи оставалось еще много цѣнныхъ принадлежностей, которыя дороги были народу вслѣдствіе ихъ священности, древности и достопамятнаго употребленія. Таковы были разныя завѣсы, большой мѣдный жертвенникъ всесожженія, жертвенникъ куренія, умывальникъ, столъ хлѣбовъ предложенія и золотой свѣтильникъ. Кромѣ нихъ было и еще много другихъ менѣе цѣнныхъ предметовъ, употреблявшихся при богослуженіи въ святилищѣ, между которыми были также одѣянія священниковъ, музыкальные инструменты и списки закона и лѣтописи. Все это необходимо было перенесть въ какое-нибудь безопасное мѣсто, прежде чѣмъ филистимляне достигнуть Силома. Что они готовы были продолжать свое побѣдоносное движеніе вглубь страны, до самаго Силома, это вполнѣ вѣроятно, и поэтому было крайне необходимо принять эти предосторожности. Какую роль игралъ въ этихъ мѣропріятіяхъ юный Самуилъ, которому было около двадцати лѣтъ отъ роду,—неизвѣстно. Будучи еще слишкомъ молодъ, чтобы выступить въ качествѣ вождя, онъ, несомнѣнно, помогалъ своимъ божественно руководимымъ совѣтомъ и содѣйствовалъ въ исполненіи благоразумной мѣры. Скинія, со всѣми ея принадлежностями и хранившимися въ ней національными лѣтописями, была перенесена въ какое-нибудь сосѣднее мѣсто, гдѣ она могла быть болѣе безопасною отъ осквернения. Если опасность угрожала и тамъ, то она переносилась опять, и послѣ различныхъ такихъ перемѣнъ, она наконецъ поставлена была въ Номвѣ, мѣстечкѣ, находившемся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Іерусалимомъ, такъ что нѣкоторые отождествляютъ его съ сѣверной вершиной горы Елеонской, а другіе—съ Массифой въ колѣнѣ Веніаминовомъ, гдѣ въ послѣдующее время Самуилъ дѣлалъ народныя собранія. Тамъ она стояла еще и много лѣтъ спустя, именно въ царствованіе Саула [1]). Лишившись ковчега за-

[1]) Цар. XXI, 10.

вѣта, она вмѣстѣ съ тѣмъ лишилась и своей главной славы, такъ что народъ уже пересталъ смотрѣть на нее, какъ на единственное мѣсто, гдѣ можно было приносить жертвы. Отсюда мы видимъ, что жертвенники были воздвигаемы и въ другихъ городахъ, какъ, напр., Рама, Массифа и Галгала; но тамъ, гдѣ находилась скинія, все-таки жила часть священниковъ и поддерживала обычное богослуженіе, правда, лишенное своей главной чести и однако же продолжавшее представлять собою торжественный протестъ противъ нечестія и забвенія Бога. Разлученная съ святыней, которая, главнымъ образомъ, и была цѣлью самаго построенія скиніи, она затѣмъ уже никогда не пріобрѣтала своего прежняго значенія, и окружавшее ее благоговѣніе было скорѣе фактомъ историческимъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Какъ только скинія была удалена изъ Силома и ея священнослужители скрылись въ различныхъ мѣстахъ, ища себѣ безопасности, надъ городомъ разразилась угрожавшая ему страшная буря. Филистимляне, увлекшись своимъ неожиданнымъ успѣхомъ и убѣдившись, что ихъ боги болѣе могущественны, чѣмъ боги Израиля, сразу же двинулись на Силомъ. Городъ былъ беззащитенъ, такъ какъ поверженные въ уныніе и разсѣянные израильтяне не пытались даже оказать какое-либо сопротивленіе. Хотя священный историкъ и не сообщаетъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей, однако, же изъ случайныхъ указаній мы знаемъ, что городъ былъ разграбленъ и разрушенъ, и жители, отъ мала до велика, всѣ были подвернуты жестокому избіенію. Это страшное разрушеніе, которому подвергся Силомъ, никогда не забывалось впослѣдствіи и долго служило предметомъ нравственнаго поученія. «Пойдите же», восклицалъ впослѣдствіи пророкъ Іеремія, »на Мое мѣсто въ Силомъ, гдѣ Я прежде назначилъ пребывать имени Моему, и посмотрите, что сдѣлалъ Я съ нимъ за нечестіе народа Моего Израиля« (VII, 12). И псалмопѣвецъ, указывая на это пораженіе Израиля и на послѣдовавшія затѣмъ бѣдствія, также говорилъ:

«Услышалъ Богъ, и воспламенился гнѣвомъ,
И сильно вознегодовалъ на Израиля;
Отринулъ жилище въ Силомѣ,
Скинію, въ которой обиталъ онъ между человѣками;
И отдалъ въ плѣнъ крѣпость Свою,
И славу Свою въ руки врага.
И предалъ мечу народъ Свой,
И прогнѣвался на наслѣдіе Свое.

Юношей его поядалъ огонь,
И дѣвицамъ его не пѣли брачныхъ пѣсенъ,
Священники его падали отъ меча,
И вдовы его не плакали» [1]).

Страшное безмолвіе запустѣнія водворилось на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда раздавалась хвала Іеговѣ и воспѣвались торжественные гимны молящимся народомъ. На этихъ разрушенныхъ улицахъ не раздавалось уже болѣе брачныхъ пѣсенъ, и не слышно было даже погребальнаго вопля. Надъ нимъ воцарилось гробовое безмолвіе. Изъ своихъ развалинъ Силомъ уже никогда не поднимался настолько, чтобы имѣть какое-нибудь значеніе, такъ что онъ обойденъ былъ Іеровоамомъ, когда онъ избиралъ мѣсто для своего идолопоклонническаго святилища.

Такова то была судьба Силома; но что сталось съ ковчегомъ завѣта? Захваченный побѣдителями, онъ былъ отвезенъ ими въ одинъ изъ своихъ ближайшихъ городовъ въ качествѣ побѣднаго трофея. Въ глазахъ этихъ идолопоклонниковъ, исходъ битвы былъ доказательствомъ превосходства ихъ бога надъ израильскимъ Богомъ, и, по ихъ мнѣнію, Израиль, потерявъ свою святыню, былъ теперь навсегда лишенъ небеснаго покровительства. Желая навсегда обезпечить за собою плоды своей побѣды, а также и отнести домой награбленную добычу, филистимляне удалились съ своими силами, и съ торжествомъ отвезли ковчегъ завѣта съ поля битвы при Афекѣ въ свой большой городъ Азотъ. Это былъ одинъ изъ пяти главныхъ городовъ филистимской страны. Въ то время онъ лежалъ на морскомъ берегу, хотя его новѣйшій остатокъ, Ездудъ, вслѣдствіе образовавшейся отъ песка мели, лежитъ теперь верстахъ въ пяти отъ берега и находится въ опасности быть совершенно засыпаннымъ пескомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ. Онъ расположенъ на низкомъ кругообразномъ холмѣ, немного къ юго-западу отъ Іерусалима, отъ котораго онъ находится верстахъ въ тридцати-пяти. На крѣпость его положенія указываетъ самое его названіе, означающее «сильный», и сила его подтверждается тѣмъ отпоромъ, который онъ оказалъ въ 635 году Псаметтиху, царю египетскому, безуспѣшно осаждавшему его въ теченіе 29 лѣтъ [2]). Главнымъ божествомъ этого города былъ Дагонъ, котораго филистимляне боготворили, какъ

[1]) Пс. LXXVII, 59—64.
[2]) Herod, III, 157.

символъ плодородія или производительную силу, подобно тому, какъ хананеи, вообще, боготворили подобную силу въ Ваалѣ. Въ сохранившихся отъ него изображеніяхъ, онъ представляетъ собою фигуру съ головой и руками человѣка, но съ туловищемъ рыбы. Въ Урѣ найдены надписи отъ 2000 лѣтъ до Р. Хр., въ которыхъ содержится его имя. Изъ Вавилона этотъ культъ распространился въ другія части Азіи; въ Ассиріи Дагонъ боготворился, какъ богъ-рыба, и, жрецы, посвященные на служеніе ему, носили одежды, сдѣланныя изъ рыбьихъ шкуръ. Въ одной изъ своихъ надписей, Навуходоносоръ упоминаетъ, что онъ посвятилъ нѣсколько украшеній храму Дагона [1]). Такое божество ясно указывало на морскую предпріимчивость населенія, и, естественно, могло служить предметомъ поклоненія въ такомъ приморскомъ городѣ, какимъ былъ Азотъ. Его женой была Атергатисъ, или Деркето, которая нѣкоторыми отождествляется съ Астартой и у которой былъ особый храмъ въ Аскалонѣ. Считая свою послѣднюю побѣду торжествомъ своего бога покровителя, филистимляне желали отмѣтить это великое событіе какимъ-нибудь видимымъ и яснымъ знаменіемъ. Чтобы унизить Іегову и заставить Бога евреевъ оказывать почтеніе своему торжествующему богу, они поставили ковчегъ въ храмѣ Дагона. Такой обычай не извѣстенъ былъ среди ассиріанъ. Такъ Тиглатъ-Пилезеръ I, царствовавшій около этого времени и распространявшій свои завоеванія отъ Вавилона до Ливана и Средиземнаго моря, упоминаетъ въ своихъ лѣтописяхъ, какъ онъ принесъ въ качествѣ трофеевъ изъ Кирги и другихъ сѣверныхъ областей двадцать пять изображеній боговъ, которыя онъ и поставилъ въ храмѣ Салы, жены Ассура. При этомъ онъ прибавляетъ: «я посвятилъ ихъ богамъ моей страны Ану, Биру и Истарѣ въ моемъ городѣ Эл-Ассурѣ» [2]). Подобнымъ же образомъ, при другомъ случаѣ, приписывая плѣненіе Самсона заступничеству неба, филистимляне, какъ извѣстно, приводили слѣпаго богатыря въ храмъ Дагона, въ Газѣ, для издѣвательства надъ нимъ въ присутствіи своего идола. Впослѣдствіи, когда Саулъ и его сыновья пали въ роковой битвѣ Гелвуйской, филистимляне послали передать объ этомъ извѣстіе въ храмъ своихъ идоловъ, и повѣсили вооруженіе убитаго царя въ храмѣ Астарты.

---

1) Rodwell, Records of the Past, V, 117.
2) Vigouroux, III, 426.

При настоящемъ случаѣ однако же дѣло оказалось совершенно иначе, чѣмъ ожидали филистимляне. Они, правда, побѣдили Израиля, но не побѣдили израильскаго Бога, и имъ пришлось скоро получить практическое доказательство ничтожества своего идола, который подвергся крайнему униженію. Въ интересахъ истинной религіи было необходимо, чтобы Іегова показалъ Свою славу, и чтобы гордость язычниковъ и ихъ ложное мнѣніе потерпѣли должное наказаніе. Они должны были познать, что израильскій Богъ превыше всѣхъ боговъ, не простое мѣстное божество, а Единый Владыка неба и земли. Священный ковчегъ завѣта, съ торжественными кликами, былъ внесенъ въ мрачный храмъ идола и поставленъ предъ самымъ изображеніемъ этого мнимаго бога. Жрецы совершили обычные обряды, заперли двери и оставили ковчегъ въ капищѣ на ночь. Но каково же было ихъ изумленіе, когда они на слѣдующее утро, открывъ двери, увидѣли предъ собою странное и ужасное зрѣлища. Дагонъ, распростершись предъ ковчегомъ, подобно человѣку, умоляющему царя, или плѣннику, униженно пресмыкающемуся у ногъ своего побѣдителя, лежалъ предъ ковчегомъ. Идолъ лежалъ ницъ лицомъ и находился въ ужасно униженномъ положеніи. Не желая принимать такого худаго предзнаменованія и рѣшившись ничего не видѣть сверхъ-естественнаго въ этомъ странномъ событіи, жрецы постарались взглянуть на это какъ на простую случайность. Они подняли Дагона съ земли и вновь поставили его на пьедесталъ. Какбы указывая на это, пророкъ Исаія впослѣдствіи саркастически говорилъ: «поднимаютъ его на плечо, несутъ его, и ставятъ его на свое мѣсто; онъ стоитъ, съ мѣста своего не двигается; кричатъ къ нему, онъ не отвѣчаетъ, не спасаетъ отъ бѣды» (XLVI, 17). У жрецовъ, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не быть и болѣе глубокой мысли о дѣйствительной причинѣ самаго событія, но они оставили ковчегъ завѣта еще на ночь въ храмѣ Дагона, надѣясь, что этого уже не повторится болѣе. Но когда на слѣдующее утро они опять открыли двери храма, то еще съ бо́льшимъ ужасомъ увидѣли то же самое, и теперь уже совершенно не могли считать подобнаго событія случайностью. Ихъ идолъ не только опять повергнутъ былъ на землю предъ ковчегомъ, но и ужасно изуродованъ. Голова и руки идола были отдѣлены отъ тѣла и лежали у самаго порога, гдѣ на нихъ могли наступать ноги непосвященныхъ, и цѣлою осталась только одна часть идола,

именно рыбій хвостъ, которымъ заканчивалась фигура, какбы съ цѣлью внушить этимъ идолопоклонникамъ, что ихъ богъ ложно принималъ на себя человѣческую голову, эмблему разума, и человѣческія руки, эмблему дѣятельности, и теперь лишенный ихъ, оказался въ своемъ истинномъ безобразіи и безсиліи, въ видѣ безформенной рыбы. Какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное этимъ обстоятельствомъ, можно видѣть изъ обычая, который возникъ отсюда и продолжалъ существовать до позднѣйшаго времени. Съ этого времени ни одинъ жрецъ или поклонникъ, при входѣ въ храмъ Дагона, не смѣлъ ступать на дверной порогъ, чтобы не осквернить своими ногами того мѣста, гдѣ лежали остатки мнимаго бога.

Хотя и вынужденные признать пораженіе своего божества въ присутствіи высшаго могущества Іеговы, филистимляне однако же не отказались отъ своей преданности Дагону. Это былъ ихъ національный богъ и, вслѣдствіе постигшаго его несчастія, они считали себя обязанными боготворить его еще съ бо̀льшимъ усердіемъ. По ихъ воззрѣнію, онъ способенъ былъ къ человѣческимъ страстямъ и съ мелочною злобою могъ отмстить за всякое пренебреженіе къ себѣ. Разрушеніе его образа не влекло за собою отмѣны культа или подрыва довѣрія къ его покровительству; то, что случилось съ его изображеніемъ, могло еще и не касаться лично самого бога. Съ его помощью они одержали великую побѣду, нанесенную идолу порчу легко было исправить, и если Богъ израильскій не въ силахъ сдѣлать болѣе для своего народа, какъ повергнуть изображеніе Дагона, то это еще не великая бѣда и они могли удовлетворяться своимъ послѣднимъ успѣхомъ. Такъ они разсуждали въ своемъ идолопоклонническомъ ослѣпленіи. Однако же, съ цѣлью удалить источникъ столь большихъ непріятностей для Дагона, филистимляне взяли ковчегъ завѣта изъ храма и поставили его въ городѣ. Но бѣдствіе стало преслѣдовать филистимлянъ вездѣ, гдѣ только ни появилась эта израильская святыня. Въ самомъ городѣ появились различныя болѣзни, а именно какіе-то мучительные наросты на жителяхъ самого города и его окрестностей, а внутри страны размножились мыши, такъ что въ городѣ водворилось великое отчаяніе. Какова, собственно, была эта болѣзнь, поражавшая филистимлянъ, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ подобные же факты извѣстны въ исторіи. Геродотъ разсказываетъ преданіе, что ски-

ѳяне, ограбивъ храмъ небесной Афродиты въ Аскелонѣ, были наказаны наведеніемъ на нихъ какой-то таинственной болѣзни, которая могла быть такою же именно, какая разумѣется и въ данномъ случаѣ. Позднѣйшій іудейскій историкъ, указывая на эти событія, говоритъ: «вскорѣ, затѣмъ, божественное Провидѣніе посѣтило городъ Азотъ и его окрестности язвой. Народъ умиралъ отъ диссентеріи, самой мучительной болѣзни, причинявшей невыразимыя страданія, облегчавшіяся только смертью, потому что внутренности больныхъ разлагались, и всякія пищевыя вещества, какія только ѣли больные, выбрасывались непереваренными и сгнившими. Кромѣ того, распространились цѣлыя стаи мышей, выросшихъ какбы изъ земли, которыя истребляли всякую растительность, не щадя ни деревъ, ни произведеній всякаго рода» [1]). Что касается нападенія мышей, то этотъ фактъ находитъ также соотвѣтствующіе примѣры даже и въ новѣйшее время. Такъ, одинъ новѣйшій изслѣдователь говоритъ: «короткохвостая полевая мышь, какъ ее называютъ натуралисты, въ изобиліи водится по всей западной Азіи и, должно быть, обладаетъ великою способностью размноженія, такъ какъ она имѣетъ многихъ враговъ. Ночью за нею охотится сова, а днемъ, вмѣстѣ съ другими хищными птицами, ястребъ, который, носясь по небу, мгновенно бросается на нее и уноситъ въ свое гнѣздо; неутомимый маленькій хорекъ забирается въ ея нору, съ успѣхомъ борется съ ней и истребляетъ ея дѣтенышей, и однако же, несмотря на все это, мыши отнюдь не уменьшаются. Вы видите ихъ на всѣхъ обрабатываемыхъ земляхъ; онѣ перебѣгаютъ чрезъ поля, усердно скопляютъ себѣ зерно на зиму, весело пищатъ по временамъ; сидя на своихъ заднихъ лапкахъ, чтобы лучше разсмотрѣть васъ, онѣ поджидаютъ васъ, чтобы затѣмъ, при вашемъ приближеніи, быстро юркнуть въ норки. Это животное способно такъ сильно размножаться, что по временамъ причиняетъ чувствительный вредъ хлѣбамъ, и производимыхъ ими опустошеній земледѣльцы вообще боятся болѣе, чѣмъ вреда, наносимаго кротами. Одинъ совершенно достовѣрный другъ сообщилъ намъ, что въ 1863 году онъ, будучи на фермѣ одного знакомаго, въ западной части Малой Азіи, видѣлъ около полудня опустошеніе, производившееся огромнымъ множествомъ этихъ мышей, переходившихъ чрезъ поле, подобно массѣ молодой

---

1) Josephus, Antiq. I, 6, 1.

саранчи. Цѣлыя нивы, съ волнующимся хлѣбомъ и ячменемъ, исчезали въ невѣроятно короткое время, а что касается до виноградниковъ и шелковичныхъ деревъ, то они были начисто обглоданы у корней и вслѣдствіе этого погибали. Ежегодный сборъ фермы, состоящей изъ 105 акровъ, обѣщавшій быть необычайно большимъ, тогда былъ совершенно уничтоженъ; подобнымъ же образомъ пострадали и сосѣднія фермы» [2]).

Видя причину постигшихъ бѣдствій въ присутствіи ковчега завѣта и чувствуя на себѣ руку Іеговы, жители Азота желали какъ-нибудь отдѣлаться отъ этого таинственнаго ящика и такимъ образомъ освободиться отъ вредныхъ для себя послѣдствій. Въ городѣ произошло смятеніе и раздавались крики: «да не останется ковчегъ Бога Израилева у насъ; ибо тяжка рука Его и для насъ, и для Дагона, бога нашего». Но съ этимъ національнымъ трофеемъ не такъ легко было раздѣлаться. Правленіе Филистіи находилось въ рукахъ союзнаго совѣта, состоявшаго изъ главъ каждаго изъ пяти союзныхъ городовъ. Безъ рѣшенія этого совѣта ничего нельзя было предпринять. Азотяне представили это дѣло на разсмотрѣніе своихъ старѣйшинъ, въ то же время выражая свою рѣшимость не держать у себя дольше этого страшнаго символа. Старѣйшины, не вѣря тому, что говорилъ народъ и не желая разстаться съ столь важнымъ знакомъ побѣды, рѣшились повременить. По ихъ мнѣнію, или причиною настоящаго бѣдствія отнюдь не былъ ковчегъ завѣта, или азотяне сами почему-нибудь навлекли на себя гнѣвъ Іеговы, или даже богъ ихъ города былъ слабѣе Бога Израилева; при другихъ обстоятельствахъ и въ другомъ мѣстѣ эти странныя событія могли и не случиться. Вслѣдствіе этого они отправили ковчегъ въ городъ Геѳъ, гдѣ уже не было храма Дагона. Этотъ знаменитый городъ лежалъ верстахъ въ 18-ти къ юговостоку отъ Азота, и поэтому находился ближе къ предѣламъ израильскихъ владѣній. Дѣйствительное мѣстоположеніе его еще не опредѣлено доселѣ. Томсонъ полагаетъ его въ Беитъ-Джебринѣ, который онъ считаетъ древнимъ Елевѳерополемъ и близъ котораго находятся остатки древнихъ развалинъ, извѣстныхъ теперь подъ названіемъ Хурбетъ-Гетъ, то-есть развалинъ Геѳа. Другой изслѣдователь (Поттеръ) отождествляетъ его съ замѣчательнымъ коническимъ холмомъ, извѣстнымъ теперь подъ

---

[1]) Van Lennep, Bible Lands and Customs, 285.

названіемъ Телл-эс-Сафи, который охраняетъ входъ въ долину дуба (Эла) и всегда долженъ былъ имѣть весьма важное значеніе. Вздымаясь въ уединенномъ величіи изъ долины, этотъ холмъ представляетъ природную твердыню, которая не доступна съ сѣвера и съ запада, гдѣ онъ представляетъ бѣлую крутизну въ нѣсколько сотъ футовъ высоты, давая возможность для легкой защиты и съ другихъ сторонъ. Въ этотъ-то городъ и отправленъ былъ ковчегъ въ надеждѣ разсѣять то уныніе, которое онъ водворилъ въ Азотѣ. Но тѣ же самыя бѣдствія послѣдовали и здѣсь. Жители Геѳа были немедленно поражены какою-то омерзительною болѣзнью и погибали въ большомъ количествѣ. Богъ Израилевъ, по словамъ псалмопѣвца, «поразилъ враговъ Его въ тылъ, вѣчному сраму предалъ ихъ» [1]). Но не наученные еще и этимъ горькимъ опытомъ, филистимляне перенесли ковчегъ въ третій изъ союзныхъ городовъ, именно въ Екронъ [2]), верстахъ въ 18 къ сѣверовостоку отъ Азота и верстахъ въ 13 отъ моря. Это мѣсто, называющееся теперь Акиръ («безплодный»), такъ описывается Робинсономъ: «Акиръ лежитъ на возвышенности, съ сѣверозападной стороны вади Рубинъ, и по мѣрѣ того, какъ мы подвигались ближе, тропа вела чрезъ хорошо обработанные сады и поля богатѣйшей почвы, все время по низменной полосѣ, покрытой растительностью и всевозможными плодами». Этотъ городъ былъ самымъ сѣвернымъ изъ пяти городовъ филистимскихъ, и былъ расположенъ на сѣверной границѣ колѣна Іудина, а другіе четыре города лежали даже въ самыхъ предѣлахъ территоріи этого колѣна [3]). Евсевій и Іеронимъ описываютъ его, какъ іудейскую деревню, между Азотомъ и Іамніей (Іебна) къ востоку, то-есть, къ востоку по прямой линіи между этими мѣстами, и таково именно дѣйствительное положеніе Акира по отношенію къ Ездуду и Іебнѣ въ настоящее время» [4]). Будучи поставленъ въ Екронѣ, ковчегъ оказался еще болѣе гибельнымъ для жителей, чѣмъ даже въ Азотѣ и Геѳѣ. Этимъ поклонникамъ Веельзевула [5]) пришлось еще хуже, чѣмъ поклонникамъ Дагона. И каждое дальнѣйшее передвиженіе ковчега приносило все болѣе бѣдствій и наказа-

---

1) Пс. LXXVII, 66.

2) Такъ по евр. тексту. Въ греческомъ и русскомъ — Аскалонъ. 1 Цар. V, 10.

3) I. Нав. XIII, 3; XV, 11, 47.

4) Robinson, Researches, III, 23.

5) См. 4 Цар. I, 2.

ній злополучнымъ филистимлянамъ. Неудивительно, что екронцы энергично возстали противъ присутствія въ ихъ городѣ столь роковаго дара, и въ отчаяніи кричали: «принесли къ намъ ковчегъ Бога Израилева, чтобы умертвить насъ и народъ нашъ». Они требовали, чтобы ковчегъ былъ удаленъ, такъ какъ вполнѣ были убѣждены, что онъ именно былъ причиною постигшаго ихъ бѣдствія. Они требовали, чтобы владѣтели или старѣйшины собрались на совѣтъ и поразсудили, какъ имъ лучше избавиться отъ постигшаго бѣдствія и удалить ковчегъ въ принадлежащее ему мѣсто. «Отошлите, говорили они, ковчегъ Бога Израилева; пусть онъ возвратится въ свое мѣсто, чтобы не умертвилъ онъ насъ и народа нашего». Такая настойчивая просьба весьма понятна: «ибо», говоритъ библейскій историкъ, «смертельный ужасъ былъ во всемъ городѣ; весьма отятотѣла рука Божія на нихъ (когда пришелъ туда ковчегъ Бога Израилева). И тѣ, которые не умерли, поражены были наростами, такъ что вопль города восходилъ до небесъ» [1]).

Несмотря на всѣ эти обстоятельства, владѣтели филистимскіе все еще не хотѣли разстаться съ столь большимъ трофеемъ своей побѣды и такимъ образомъ дѣйствительно признать превосходство Іеговы. Этотъ таинственный ящикъ принадлежалъ имъ по праву завоеванія; поставленный въ своемъ храмѣ, онъ былъ бы постояннымъ знакомъ торжества, и могъ вознаградить за многіе годы пораженій и униженія. Но, въ виду общаго протеста, они не смѣли удерживать его на свою собственную отвѣтственность, и наконецъ, съ крайней неохотой, пришли къ заключенію о томъ, что онъ долженъ быть возвращенъ израильтянамъ. Весь вопросъ заключался теперь въ томъ, какимъ образомъ сдѣлать это возвращеніе. Они обратились по этому предмету за совѣтомъ къ жрецамъ и прорицателямъ. Очевидно, очень мало зная касательно религіи израильтянъ, они имѣли весьма ложныя и невысокія понятія о Богѣ Израилевомъ. Іудеи не были народомъ прозелитствующимъ, и совершенно не имѣли въ себѣ того миссіонерскаго духа, которымъ отличается христіанская церковь. Филистимляне могли жить въ теченіе цѣлыхъ столѣтій въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними, и однако же были совершенно незнакомы съ ихъ религіознымъ ученіемъ и богослуженіемъ, и имѣли лишь весьма неточныя свѣдѣнія о ихъ прош-

---

1) 1 Цар. V, 10—12.

лой исторіи. Жрецы и прорицатели всегда играли важную роль въ рѣшеніи такихъ затрудненій, какія постигли теперь филистимлянъ. Такъ, фараонъ, изумленный чудесами Моисея и Аарона, призывалъ къ себѣ на помощь своихъ мудрецовъ или волхвовъ; Навуходоносоръ, пораженный своимъ таинственнымъ сновидѣніемъ, также призывалъ волхвовъ, астрологовъ, заклинателей и халдеевъ для объясненія ему сна. У пророка Іезекіиля упоминаются три формы прорицанія (XXI, 21, 22), и онѣ, повидимому, были общи у всѣхъ восточныхъ народовъ, а во времена упадка усвоялись отъ своихъ сосѣдей даже израильтянами. Первый способъ состоялъ въ томъ, что греки называли веломантіей, то-есть гаданіемъ посредствомъ стрѣлъ. Оно производилось различнымъ образомъ. Иногда стрѣлу метали въ воздухъ, и предзнаменованія отыскивали въ томъ направленіи, въ которомъ она падала; иногда писали имена на стрѣлахъ, которыя затѣмъ клались назадъ въ колчанъ, и извлекались оттуда слѣпцомъ. Второй способъ былъ весьма распространенъ среди аравійскихъ племенъ, и состоялъ въ слѣдующемъ. Въ одинъ сосудъ клали три стрѣлы; на одной писалось: «мой Богъ повелѣваетъ мнѣ»; на другой—«мой Богъ запрещаетъ мнѣ», и третья оставалась безъ надписи. Затѣмъ сосудъ трясли до тѣхъ поръ, пока не выпадала одна изъ трехъ стрѣлъ, и если выпавшею оказывалась первая, то это истолковывалось въ томъ смыслѣ, что предстоявшее дѣло нужно было совершить; если вторая, то его нужно было избѣгать, а если выпадала стрѣла безъ надписи, то сосудъ нужно было трясти вновь, пока не выпадетъ одна изъ надписанныхъ стрѣлъ. Третій способъ состоялъ въ наблюденіи за внутренностями жертвенныхъ животныхъ. Много было и другихъ способовъ, которыми при важныхъ обстоятельствахъ старались узнать будущее. Но нѣтъ надобности описывать ихъ. Во всякомъ случаѣ, къ какому бы способу ни прибѣгали филистимскіе предсказатели, они, посовѣтовавшись по этому дѣлу, дали отвѣтъ, который, имѣя характеръ высшаго откровенія, въ то же время совпадалъ съ желаніями народа. Они заявили, что ковчегъ нужно возвратить его владѣтелямъ, и въ подтвержденіе этого откровенія указывали на прошлую исторію израильтянъ. «Для чего вамъ ожесточать сердце ваше», говорили они, какъ ожесточили сердце свое египтяне и фараонъ? Вотъ, когда Господь показалъ силу Свою надъ ними, то они отпустили ихъ, и тѣ пошли». Этимъ они давали понять, что если совѣтъ ихъ

не будетъ принятъ, то филистимлянъ могутъ постигнуть еще большія бѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они предложили и нѣкоторыя умилостивленія оскорбленному Божеству, которое они теперь въ первый разъ признали подъ Его собственнымъ именемъ—Іеговы [1]). По ихъ совѣту, нужно было сдѣлать какое-нибудь приношеніе въ умилостивленіе за ту виновность, причастными къ которой оказались филистимляне. Эта умилостивительная жертва должна была состоять изъ особыхъ предметовъ, соотвѣтствующихъ, по своему числу, городамъ и владѣтелямъ филистимскимъ, именно, изъ «пяти наростовъ золотыхъ», и «пяти мышей золотыхъ», т.-е. золотыхъ издѣлій, изображающихъ собою тѣ бѣдствія, которыя были испытаны филистимлянами. Народъ находился въ такомъ возбужденномъ и смятенномъ состояніи, что достаточно было только указать на это, и дѣло было готово. Отовсюду потекли значительныя приношенія, которыми имѣлось въ виду умилостивить чужаго страшнаго Бога, и число золотыхъ мышей даже далеко превосходило требующееся количество. Своеобразная особенность этого приношенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходна съ обычаемъ, широко распространеннымъ среди языческихъ народовъ и отчасти практикующимся и до настоящаго времени. Обычай этотъ состоялъ въ посвященіи храму приношенія, которое изображало или выражало особенную милость, полученную въ отвѣтъ на молитву. Примѣры его были многочисленны. Такъ, моряки, спасшись отъ кораблекрушенія, приносили въ храмы изображенія или свои одежды; страдальцы, излечившись отъ болѣзней, посвящали изображенія исцѣленныхъ частей. Ѳеодоритъ упоминаетъ, что у христіанъ въ IV столѣтіи было въ обычаѣ приносить въ церкви золотыя или серебряныя руки, ноги, глаза, въ благодарность и воспоминаніе совершившихся по молитвѣ исцѣленій въ этихъ членахъ. Обычай этотъ сохраняется и до настоящаго времени [2]). Эти умилостивительныя приношенія, по совѣту прорицателей, нужно было положить въ особый ящикъ, нарочито сдѣланный для этой цѣли, и поставить на новую телѣгу, рядомъ съ ковчегомъ. Это послѣднее обстоятельство, т.-е. употребленіе телѣги, никогда раньше не употреблявшейся для другихъ болѣе низ-

---

[1]) 1 Цар. VII, 2: «Ковчегъ Господа», то-есть Іеговы.

[2]) Одинъ любопытный карѳагенскій памятникъ религіознаго характера представляетъ собою изображеніе двухъ крысъ съ открытою рукою между ними. См. Vigouroux, II, 434.

кихъ цѣлей, въ свою очередь указывало на чувство благоговѣнія, пробужденное среди филистимлянъ ковчегомъ завѣта. Сама телѣга эта, вѣроятно, представляла собою подобіе одной изъ тѣхъ арбъ или одноколокъ, которыя еще и теперь употребляются въ этихъ странахъ. Онѣ имѣли прочныя деревянныя колеса, скрѣпленныя желѣзнымъ шиномъ и вращающіяся на деревянной оси, свободно двигающейся подъ телѣгой. Въ такую-то телѣгу и поставленъ былъ ковчегъ вмѣстѣ съ приношеніями, и въ нее запряжены были двѣ «первородившія» коровы. Несомнѣнно, какъ и новая телѣга, употребленіе первородившихъ коровъ обусловливалось особымъ благоговѣніемъ филистимлянъ, такъ какъ такія именно животныя обыкновенно выбирались для жертвоприношенія; но при этомъ имѣлась въ виду и другая мысль. Этимъ филистимляне надѣялись удостовѣриться, были ли бѣдствія, поражавшія народъ, случайными или сверхъестественными. Подобныя первородившія коровы, впервые подвергаясь ярму, естественно были упрямы и безпокойны, тѣмъ болѣе, что и телята были отняты отъ нихъ и заперты дома. Вполнѣ естественно было ожидать, что, будучи предоставлены самимъ себѣ, эти коровы быстро возвратятся къ своимъ телятамъ. Жрецы и прорицатели очевидно дѣлали опытъ, ожидая, что само событіе покажетъ, что мнѣніе, будто бѣдствія, постигшія народъ, имѣли чудесный источникъ въ ковчегѣ завѣта,—были неосновательно. Если думалось имъ, предоставленныя самимъ себѣ животныя послѣдуютъ своему материнскому инстинкту и возвратятся въ свои ясли, гдѣ были заперты телята, то ясно и очевидно будетъ для всѣхъ, что все дѣло есть простая случайность; но если, напротивъ, телицы спокойно и прямо повезутъ телѣгу къ границамъ Іудейскимъ, тогда во всякомъ случаѣ, по мнѣнію жрецовъ, онѣ будутъ находиться подъ руководствомъ высшей божественной силы, и слѣдовательно, бѣдствія, поражавшія филистимлянъ, были прямымъ наказаніемъ Іеговы. Такимъ образомъ они подвергали израильскаго Бога испытанію и предоставляли Ему новый случай для проявленія своего Провидѣнія.

Ближайшимъ израильскимъ городомъ къ Екрону былъ Веѳсамисъ, лежавшій на разстояніи двадцати двухъ верстъ въ юго-восточномъ направленіи. Названіе этого города означаетъ «домъ солнца», и въ немъ находилось знаменитое капище во времена владычества хананеевъ. Его не видно было изъ Екрона, такъ какъ онъ

закрывался промежуточнымъ возвышеніемъ, но вслѣдъ за этимъ возвышеніемъ дорога, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, идетъ прямо, будучи вполнѣ видима со стороны этого іудейскаго города. Развалины его находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ новѣйшей деревней Айнъ-Шемсъ, то-есть, «источникъ солнца», превосходно расположенной на закругленной вершинѣ низкаго хребта, имѣя съ сѣвера вади Сураръ и съ юга другую вади, поменьше. Вади Сураръ лежитъ между Екрономъ и Веѳсамисомъ, и, во время посѣщенія ея Робинсономъ, она была окаймлена «хорошо обработанными садами и полями богатой почвы, представляя собою вообще низменную полосу, покрытую растительностью и всевозможными превосходными плодами». Телѣга, съ ея священнымъ грузомъ, была выведена за городъ и телицы пущены были безъ всякаго погонщика. Коровы, какбы руководимыя какимъ-то высшимъ указаніемъ, прямо двинулись по направленію къ Веѳсамису. Филистимляне съ тревожнымъ чувствомъ слѣдили за ними, какъ онѣ поднялись на возвышенность и затѣмъ направились къ израильскому городу. Это былъ уже мѣсяцъ май, и все населеніе Веѳсамиса находилось на поляхъ, собирая пшеничную жатву. Приближеніе странной колесницы невольно обратило на себя общее вниманіе. Такъ какъ они скоро узнали, въ чемъ дѣло, то всѣ были охвачены необычайною радостью; работы были пріостановлены, и всѣ, оставивъ свои полевыя орудія, бросились посмотрѣть на совершившееся чудо. По полямъ раздались радостные клики: потерянная и столь долго оплакивавшаяся святыня была возвращена народу, Господь все еще былъ милостивъ къ нему. Между тѣмъ коровы продолжали медленно двигаться впередъ, пока не прибыли на поле нѣкоего Іисуса (человѣка, носившаго имя великаго вождя, внесшаго ковчегъ завѣта въ землю обѣтованную), и сами остановились тамъ у скалы, вздымавшейся надъ почвою и долго послѣ этого считавшейся мѣстомъ, получившимъ особую святость вслѣдствіе этого обстоятельства. Веѳсамисъ былъ городъ священническій, и въ немъ жили священники и левиты, знакомые съ постановленіями закона. Они радостно приняли народную святыню, обратили скалу въ жертвенникъ, изрубили телѣгу на дрова и принесли коровъ въ жертву Господу, показавшему столь великую милость Свою. Екронцы издали наблюдали за всѣмъ этимъ, а затѣмъ съ изумленіемъ возвратились въ свои предѣлы. Не довольствуясь однимъ формальнымъ жертвоприноше-

ніемъ, веесамитяне засвидѣтельствовали свою радость и другими приношеніями. Подъ руководствомъ священниковъ и въ присутствіи ковчега завѣта, сдѣлавшаго изъ этого мѣста святилище, они принесли жертвы всесожжеоія и благодарственныя жертвы, сопровождая ихъ обычнымъ жертвеннымъ празднествомъ. Излишества, допущенныя на этомъ пиршествѣ, вмѣстѣ съ общимъ ликованіемъ, заставили нѣкоторыхъ изъ народа забыть должное благоговѣніе къ вещественному изображенію соприсутствія Божества. Священники не покрыли ковчега священной завѣсой, какъ повелѣвалось въ законѣ [1]), и какъ сами они, такъ и другіе, безъ должнаго благоговѣнія, открывали священный ковчегъ, чего не смѣли сдѣлать даже филистимляне, и разсматривали его содержимое. Господь, такъ знаменательно отстоявшій свою честь среди язычниковъ, не хотѣлъ оставить безнаказаннымъ и такого святотатства со стороны своего собственнаго народа. Поднимали ли израильтяне золотую крышу ковчега просто изъ кощунственнаго любопытства, съ цѣлью взглянуть на знаменитыя скрижали заповѣдей и другіе памятники пребыванія въ пустынѣ, или же они хотѣли посмотрѣть, не повредили ли филистимляне этихъ священныхъ принадлежностей,—неизвѣстно; но каково бы ни было ихъ побужденіе, во всякомъ случаѣ относиться такъ къ величайшей святынѣ Божіей было тяжкимъ грѣхомъ. Касательно этого существовали самыя строгія постановленія въ законѣ; открывать ковчегъ завѣта могли только священники, и всякій посторонній человѣкъ, осмѣлившійся смотрѣть въ него, подлежалъ смерти; даже сами левиты не могли «смотрѣть святыню, когда покрываютъ ее, чтобы не умереть» [2]). Такими постановленіями имѣлось въ виду пріучить народъ къ должному почтенію къ святынѣ Божіей. И вотъ, когда ликующіе израильтяне нарушили это постановленіе, то за это среди народа произошло великое пораженіе, и избито было (пятьдесятъ тысячъ) семьдесятъ человѣкъ [3]). По свидѣтельству греческаго перевода, среди убитыхъ

---

1) Числ. IV, 5, 19, 20.

2) Числ. I, 50, 51; V, 20.

3) Въ настоящемъ еврейскомъ текстѣ читается: «семьдесятъ мужей пятьдесятъ тысячъ мужей», безъ всякой связи между этими числами. Ставить большее число первымъ совершенно противно еврейскому обычаю. Іосифъ говоритъ, что семьдесятъ мужей были поражены молніей, и вообще трудно думать, чтобы въ небольшомъ городѣ могло пасть пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Поэтому, большинство новѣйшихъ толкователей думаютъ,

были сыновья нѣкоего Іехоніи, которые болѣе всего выдавались недостаткомъ благоговѣнія къ святынѣ, вслѣдствіе чего, какъ говорится въ этомъ текстѣ, «не порадовались сыны Іехоніины, среди мужей Веѳсамисскихъ, что видѣли ковчегъ Господа». Этимъ, быть можетъ, указывается на то, что они, опасаясь, чтобы присутствіе ковчега не навлекло на нихъ тѣхъ же самыхъ бѣдствій, которыми поражены были филистимляне, поэтому укоряли народъ за то, что онъ принялъ его столь радостно; вслѣдствіе чего на нихъ именно и обрушилось главнымъ образомъ избіеніе. Кто бы во всякомъ случаѣ ни были эти погибшіе, смерть столь большого числа людей въ маленькомъ городкѣ была весьма великимъ и страшнымъ бѣдствіемъ. Они мучительно сознали свою грѣховность и въ виду своей великой скорби, готовы были взывать со вдовой Сарептской: «что мнѣ и Тебѣ человѣкъ Божій? Ты пришелъ ко мнѣ напомнить грѣхи мои и умертвить сына моего» [1]); или съ ап. Петромъ, когда онъ, изумленный чудомъ Христа, воскликнулъ: «выйди отъ меня, Господи, потому что я человѣкъ грѣшный» [2]). Веѳсамитяне въ ужасѣ говорили: «кто можетъ стоять предъ Господомъ, симъ святымъ Богомъ? И къ кому Онъ пойдетъ отъ насъ?» Видя въ ковчегѣ обитаніе Іеговы, они желали передать его другимъ.

Верстахъ въ семи къ юговостоку отъ Веѳсамиса, на холмѣ, возвышающемся на тысячу футовъ надъ Айнъ-Шемсомъ, находился другой израильскій городъ, который нѣкогда, до завоеванія его израильтянами, былъ извѣстнымъ святилищемъ Ваала. Это былъ городъ Кіріаѳъ-Іаримъ, то-есть, «городъ лѣсовъ», отождествляемый теперь съ Хурбетъ-Ерма, развалиной на густо покрытомъ хребтѣ среди кустарниковъ и чащей мастиковаго дерева и боярышника, къ которому и доселѣ прилагается названіе Ерма, соотвѣтствующее позднѣйшей формѣ Аримъ, замѣнившей собою первоначальный Іаримъ [3]). Развалина эта отстоитъ только верстахъ въ пяти отъ большой долины, на которую она смотритъ. Она лежитъ близъ гряды низкихъ холмовъ и высокихъ іудейскихъ горъ и носитъ въ себѣ всѣ признаки древняго города. Такъ какъ Силомъ уже не былъ

что число павшихъ было семьдесятъ человѣкъ, а число пятьдесятъ тысячъ есть позднѣйшая вставка, происшедшая вслѣдствіе еврейскаго способа обозначенія чиселъ буквами.

[1]) 3 Цар. XVII, 18.

[2]) Матѳ. VIII, 34.

[3]) 1 Ездр. II, 25.

пригоднымъ убѣжищемъ для святилища, то веѳсамитяне обратились къ жителямъ Кириаѳъ-Іарима съ просьбою принять отъ нихъ ковчегъ, оказавшійся столь гибельнымъ для нихъ даромъ. Жители этого послѣднято мѣста, вѣроятно посовѣтовавшись съ Самуиломъ, охотно уступили ихъ просьбѣ. Они отправились и привезли ковчегъ древней, еще существующей, дорогой, которая идетъ къ сѣверу отъ теперешней развалины и ведетъ прямо къ Веѳсамису, по окраинѣ долины Исмаинъ. По перенесеніи ковчега, онъ былъ поставленъ въ домѣ нѣкоего Авинодава, находившемся на вершинѣ холма. Кириаѳъ-Іаримъ не былъ левитскимъ городомъ, но Авинодавъ могъ быть левитомъ. Въ этомъ мѣстѣ, однако же, не оказалось священника, и такъ какъ недавній опытъ показалъ опасность святотатственнаго обращенія съ святыней, то сынъ Авинодава, Елеазаръ, былъ посвященъ въ качествѣ хранителя ковчега, то-есть, не съ цѣлью исполненія священническихъ обязанностей или совершенія жертвеннаго богослуженія Іеговѣ, что было бы совершенно незаконнымъ, но съ цѣлью охранять святыню отъ святотатства и наблюдать за должнымъ благоговѣніемъ къ ней. Для ковчега было приготовлено особое мѣсто на холмѣ. Одинъ позднѣйшій путешественникъ (Кондеръ), изслѣдовавшій это мѣсто съ цѣлью отождествленія его съ библейскимъ повѣствованіемъ, нашелъ, что скала эта высѣчена совершенно такъ же, какъ и въ Силомѣ. Упомянувъ о «смѣломъ отрогѣ, идущемъ къ сѣверу отъ южнаго хребта и выдѣляющемся небольшой естественной башней или скалистой платформой, вздымающейся надъ группой маслинъ, ниже которыхъ опять идутъ одѣтыя чащей горы», онъ продолжаетъ: «но наиболѣе любопытной чертой этой мѣстности является скалистая платформа, которая имѣетъ всѣ признаки древней «высоты» или центральнаго святилища. Площадка эта имѣетъ около пятидесяти футовъ отъ сѣвера къ югу, при тридцати футахъ съ востока къ западу; поверхность ея, повидимому выравненная искусственно, возвышается футовъ на десять надъ окружающей почвой. Спуски по сторонамъ, повидимому, въ общемъ естественные, но основаніе холма было обрыто съ трехъ сторонъ, причемъ грубо обтесанныя глыбы камня прилажены къ подошвѣ стѣны. На востокѣ эта стѣна состояла изъ скалы въ три съ половиною фута вышиною, при семи футахъ толщины. Кромѣ нея, есть и другая внѣшняя платформа, футовъ въ десять шириною, которую можно замѣтить на югѣ и юговостокѣ, и

тутъ же есть рядъ ступеней въ три фута шириною, причемъ каждая ступень имѣетъ одинъ футъ высоты и одинъ футъ ширины, и ведетъ вверхъ къ этой низшей площадкѣ, въ юго-восточномъ углу».

Такъ, послѣ семимѣсячнаго плѣненія среди язычниковъ, ковчегъ опять возвратился въ свою собственную землю, и тамъ онъ оставался спокойнымъ въ теченіе многихъ лѣтъ, пока впослѣдствіи царь Давидъ не перенесъ его на Сіонъ, каковое радостное событіе воспѣто было въ сто тридцать первомъ псалмѣ, гдѣ, указывая на то, что въ своемъ путешествіи изъ Сіона въ Кіріаѳъ-Іаримъ, ковчегъ проходилъ мимо гробницы Рахили, псалмопѣвецъ говоритъ:

«Вотъ, мы слышали о немъ въ Ефраѳѣ,
Нашли его на поляхъ Іарима».

ГЛАВА III.

САМУИЛЪ КАКЪ СУДІЯ И ПРОРОКЪ.

Разрушеніе святилища въ Силомѣ отмѣчаетъ собою цѣлую эпоху въ исторіи избраннаго народа, потому что съ этого именно времени въ религіозно-нравственной жизни народа начинаетъ совершаться тотъ важный переворотъ, который и повелъ къ преобразованію внутренней жизни народа и его политическому возрожденію. Въ теченіе двадцати лѣтъ послѣ пораженія при Афекѣ, Израиль безсильно пресмыкался у ногъ своихъ филистимскихъ побѣдителей. Правда, эти послѣдніе вынуждены были возвратить ковчегъ завѣта его первоначальнымъ обладателямъ, но они удержали за собою господство и угнетали израильтянъ всевозможными способами. Первосвященства не существовало; не оставалось болѣе никакого центра, въ который бы благочестивые люди могли стекаться для богослуженія Іеговѣ; священный ковчегъ былъ разлученъ съ своимъ святилищемъ—съ скиніей; угрожала опасность совершеннаго паденія всякой религіи и безнадежнаго порабощенія языческому игу. Но вотъ Самуилъ, котораго на время исторія потеряла изъ вида, и выдвинутъ былъ для удовлетворенія насущной потребности времени.

Прежній судія Самсонъ могъ случайно наносить жестокіе удары народнымъ врагамъ, могъ смирять ихъ, показывая, что можетъ сдѣлать одна сильная рука, укрѣпляемая внутреннимъ сознаніемъ божественной помощи; но теперь, для возстановленія Израилю его погибшей славы, необходимо было нѣчто другое, отличное отъ этихъ случайныхъ подвиговъ. Самуилъ видѣлъ, что отдѣльныя усилія къ возстанію, проявляющіяся въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и въ различные промежутки, были безполезны и могли влечь за собою лишь еще большее угнетеніе. Онъ зналъ, гдѣ собственно лежало зло, зналъ, что при нравственномъ богоправленіи Израиля благоденствіе всецѣло зависѣло отъ религіи, что національному избавленію должно предшествовать національное покаяніе, и всѣ силы своего великаго ума онъ приложилъ къ тому, чтобы достигнуть религіозно-нравственнаго возрожденія. Слава о немъ, какъ пророкѣ, уже успѣла распространиться по всей странѣ. Какъ ни молодъ былъ онъ, но подавленные и угнетенные израильтяне были уже склонны слушать его совѣтовъ. О бывшихъ ему частыхъ откровеніяхъ было извѣстно повсюду, и пріобрѣтенное такъ рано вліяніе естественно пролагало путь къ общему признанію его судейства. Послѣднее было естственнымъ результатомъ его пророческой должности и находилось подъ его руководствомъ и управленіемъ. Мы не знаемъ, принималъ ли онъ какое-нибудь участіе въ установленіи скиніи въ Кіріаѳъ-Іаримѣ; но ясно, что онъ самъ тогда и впослѣдствіи, въ теченіе двадцати лѣтъ, мѣстомъ своего главнаго обитанія дѣлалъ свою родную Раму. Въ теченіе этого періода онъ женился и сдѣлался отцомъ двухъ сыновей, которыхъ назвалъ: одного—Іоилемъ, то-есть, Іегова мой Богъ», и другаго—Авіей, то-есть, «Іегова мой отецъ», выражая такимъ образомъ свое благочестіе въ самыхъ именахъ своихъ дѣтей. Но семейныя узы отнюдь не удерживали его отъ исполненія предположенной цѣли. Будучи левитомъ, назореемъ и пророкомъ, онъ обладалъ всѣми качествами для привлеченія къ себѣ уваженія и выступленія въ качествѣ учителя. Жизнь благочестія и самоотреченія, послѣдовательно проводимая во всѣхъ отношеніяхъ, хорошо извѣстная всему народу, влекла за собою авторитетъ, который не могъ быть не признаваемъ всѣми дѣйствительными израильтянами.

Въ теченіе двадцати долгихъ лѣтъ, которыя легли между юностью и среднимъ возрастомъ Самуила, онъ упорно работалъ для

достиженія своей цѣли. Ему предстояло великое дѣло, и онъ всецѣло посвятилъ себя ему. Зломъ, которое привело народъ къ его настоящимъ бѣдствіямъ, было нечестіе идолопоклонства. Народъ оставилъ Господа, пребывалъ въ нечестіи, совершено забылъ законъ Моисеевъ, и тяжкія бѣдствія были лишь прямымъ послѣдствіемъ этихъ беззаконій. Въ землѣ обѣтованной водворились изображенія филистимскихъ божествъ, которыя теперь боготворились вмѣсто Іеговы или совмѣстно съ Нимъ. Въ мѣстахъ пребыванія священниковъ Бога Вышняго и принесенія установленныхъ жертвъ, народъ построилъ капища, содержавшія въ себѣ изображенія Ваала и Астары, и совершалъ тамъ омерзительное идолослуженіе своихъ языческихъ завоевателей. Среди нихъ водворился ложный миръ, притупляя ихъ духовныя способности и склоняя ихъ ходить путями своихъ языческихъ сосѣдей. Филистимляне, несомнѣнно, требовали почтенія къ своей религіи въ качествѣ доказательства покорности. Слабость человѣческой природы, распущенность нравовъ, освящаемая подобной религіей, склонность мириться съ тѣмъ, что казалось неизбѣжнымъ, опасеніе худшихъ страданій въ случаѣ противодѣйствія,—все это представляло серьезную преграду къ какой-нибудь перемѣнѣ къ лучшему; противъ всего этого и долженъ былъ бороться Самуилъ. Онъ былъ по преимуществу человѣкъ молитвы; его любовь къ заступничеству была выдающейся чертой въ его характерѣ. Общеніе его съ Богомъ поддерживало его въ теченіе всего этого тяжелаго періода. Въ Рамѣ, гдѣ его вліяніе было весьма сильно, онъ воздвигъ жертвенникъ и совершалъ богослуженіе Іеговѣ съ тѣми вѣрными израильтянами, которыхъ онъ могъ находить вокругъ себя. Постепенно онъ собралъ небольшой кругъ учениковъ и друзей, и излагалъ имъ свои взгляды, желанія, и стремленія. Здѣсь онъ основалъ первый узелъ той пророческой школы, которая, начинаясь съ малаго, продолжала существовать до конца іудейской исторіи, и имѣла столь громадное вліяніе на историческія событія и характеръ народа. Упорно и настойчиво онъ продолжалъ пролагать путь къ сердцу своихъ соотечественниковъ. Съ неослабною ревностью онъ постоянно странствовалъ между ними, переходя отъ одного конца земли до другого, настойчиво укоряя и увѣщевая. Онъ напоминалъ имъ о древней славѣ, вливалъ въ ихъ сердца давно забытыя, столь дорогія ихъ предкамъ, идеи,—именно идеи объ особомъ пекущемся о нихъ Провидѣніи, о даро-

ванныхъ имъ милостяхъ и руководительствѣ, доказывалъ, что благоденствіе всецѣло зависитъ отъ послушанія, и что наказаніе неизбѣжно слѣдуетъ за всякимъ нарушеніемъ заповѣдей Божіихъ. Часто находясь въ опасности отъ филистимлянъ, которые, конечно, знали, что обращеніе къ Іеговѣ означало возмущеніе противъ нихъ, встрѣчая противодѣйствіе и упорство со стороны нечестивыхъ израильтянъ, которые были довольны своимъ рабствомъ и не желали возставать для возвращенія себѣ независимости, Самуилъ продолжалъ исполнять свою миссію въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ, никогда не теряя изъ виду предназначенной себѣ цѣли и стараясь заставить израильтянъ сознать свою грѣховность, признать справедливость постигшаго ихъ наказанія и сдѣлать себя достойными возобновленія покровительства Божія, всецѣлымъ и сердечнымъ обращеніемъ къ Іеговѣ.

Наконецъ, послѣ этихъ долгихъ приготовленій, дѣло, повидимому, достаточно созрѣло для того, чтобы возможно было совершить перемѣну; народъ многому научился изъ своей исторической жизни; бѣдственность и угнетеніе вынудили его къ покаянію; самъ народъ открылъ источникъ своихъ несчастій, и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ, гдѣ находится единственное спасеніе. Тогда Самуилъ, который долго дѣйствовалъ втайнѣ и къ которому народъ уже привыкъ обращаться за совѣтомъ и поддержкой, внезапно выступилъ открыто, какъ посланный свыше вождь. Израиль «возопилъ къ Іеговѣ», сокрушался о своихъ прошлыхъ грѣхахъ и опять обратился къ Господу, на божественную помощь котораго и возлагалъ всю свою надежду. И теперь уже Самуилъ не частными только укорами или тайными увѣщаніями, но открыто выступилъ съ указаніемъ пути для возрожденія. Истиннымъ и единственнымъ знакомъ искренняго сокрушенія онъ выставлялъ только одно условіе, именно, что они должны открыто отказаться отъ идолопоклонства и такимъ образомъ приготовиться вынести и послѣдствія этого подвига. Если, воскликнулъ онъ, «вы всѣмъ сердцемъ своимъ обращаетесь къ Господу; то удалите изъ среды себя боговъ иноземныхъ и Астартъ, и расположите сердца къ вашему Господу, и служите Ему одному, и Онъ избавитъ васъ отъ руки филистимлянъ» [1]). Израильтяне сердечно ото-

1) 1 Цар. VII, 3.

звались на этотъ призывъ; заволновался весь народъ; какбы подъ вліяніемъ какого-нибудь общаго побужденія, они мужественно порѣшили покончить съ унизительнымъ идолопоклонствомъ, которое до сихъ поръ плѣняло ихъ, они разрушили капища и разбили идоловъ. Такое поведеніе было равносильно открытому возмущенію противъ филистимскихъ угнетателей. Оно показывало, какимъ чудеснымъ вліяніемъ пользовался Самуилъ, какъ глубоко его пламенный призывъ вліялъ на народъ, такъ что послѣдній, почти безоружный и совершенно недисциплинированный, не имѣя во главѣ себя никакого великаго вождя, который бы съ увѣренностью велъ ихъ къ побѣдѣ, рѣшился выступить на борьбу съ своимъ жестокимъ врагомъ и побѣдить его. Но теперь израильтяне должны были уже полагать свою надежду не на плотское только свое оружіе. Для того, чтобы приготовить ихъ къ великому подвигу, Самуилъ созвалъ ихъ для свершенія покаянія и молитвы. Съ этого времени онъ рѣшительно выступаетъ вождемъ народа. Теперь онъ созвалъ великое собраніе въ Массифѣ для того, чтобы воодушевить народъ къ войнѣ совершеніемъ торжественнаго богослуженія. Названіе Массифа, означающее «сторожевая башня», давалось многимъ высотамъ въ Палестинѣ; но, собственно, здѣсь разумѣется тотъ замѣчательный холмъ, самый высокій въ центральной Палестинѣ, который, возвышаясь футовъ на 500 надъ окружающею страною и почти на 3000 футовъ надъ уровнемъ моря, лежитъ верстахъ въ семи къ сѣверу отъ Іерусалима и извѣстенъ теперь подъ названіемъ Неби-Самвиль. Если это одно и то же мѣсто съ Номвой, то оно было избрано мѣстомъ этого великаго собранія не только вслѣдствіе своего возвышеннаго положенія, дѣлавшаго его безопаснымъ отъ неожиданнаго нападенія, но и потому, что тамъ именно находилась скинія. Замѣчательно, что на вершинѣ этого холма, какъ въ Силомѣ и Кіріаѳъ-Іаримѣ, есть ровная площадка, футовъ въ пять или шесть, высѣченная изъ скалы, на которой, несомнѣнно, воздвигнуто было какое-нибудь зданіе для священной скиніи. «Видъ съ этого мѣста, обыкновенно отождествляемаго съ Массифой, весьма далекъ. Онъ обнимаетъ собою гору Гаризимъ и отрогъ Кармила на сѣверѣ; Іаффу, Рамле и обширную полосу приморской равнины на западѣ; Джебель-Фуреидисъ (такъ называемую Франкову гору), отдаленныя горы Джевала, городъ Керакъ; Джебель-Шиганъ (самый высокій пунктъ въ обѣтованной землѣ) виднѣются на югѣ и юго-востокѣ;

большое пространство за-іорданской плоской возвышенности, съ волнующимся отчасти очертаніемъ, тянется къ востоку и сѣверо-востоку» (Кондеръ). Въ умилостивленіе за прошлое и въ посвященіе для будущаго, народъ, подъ руководствомъ Самуила, совершилъ два торжественныхъ обряда. Прежде всего народъ постился, исполняя обрядъ, назначенный закономъ для великаго дня очищенія, исповѣдывалъ свои грѣхи, сокрушался душой и смирился предъ Іеговою. Этотъ общій постъ былъ сопровождаемъ другимъ обрядомъ, не упоминавшимся доселѣ, но практиковавшимся съ незапамятныхъ временъ въ праздникъ Кущей. Именно, они «черпали воду и проливали предъ Господомъ». Впослѣдствіи обрядъ этотъ совершался въ каждый изъ семи дней праздника, когда именно священники выходили изъ храма, въ сопровожденіи левитскаго хора, къ источнику Силоамскому и черпали тамъ въ золотой сосудъ воду, которую и выливали на жертвенникъ, въ качествѣ возліянія во время утренней жертвы [1]). Не былъ ли этотъ обрядъ, столь долго поддерживавшійся и столь часто упоминаемый раввинскими писателями, установленъ именно въ память этого великаго національнаго возрожденія, въ воспоминаніе примиренія невѣрнаго народа съ Богомъ? Замѣчательно, что послѣ возвращенія изъ Вавилона этотъ праздникъ Кущей торжественно совершался всѣмъ обществомъ [2]), и затѣмъ опять, во времена Нееміи, народъ собирался слушать чтеніе закона именно въ этотъ же праздникъ; такъ что, повидимому, этотъ праздникъ найденъ былъ самымъ удобнымъ случаемъ для провозглашенія великаго національнаго движенія. Проливаніе воды объяснялось различно. При храмовомъ служеніи оно было воспоминаніемъ о водѣ, источенной изъ скалы, и служило прообразомъ изліянія св. Духа. Въ данномъ случаѣ оно объясняется, въ связи съ сопровождавшимъ его постомъ, въ качествѣ знака самоотреченія, подобно тому, какъ Давидъ отказался пить воду изъ источника Виѳлеемскаго, но пролилъ ее предъ Господомъ [3]); другіе видятъ въ немъ знакъ покаянія, всецѣлое отреченіе отъ грѣха, такъ какъ вода была какбы символомъ слезъ, или, будучи изливаема на землю, она образно обмывала землю отъ осквернения идолопоклонствомъ; или, наконецъ, она могла изображать собою жалкое состояніе и безпо-

[1]) Ср. Ис. XII, 3; Іоан. VII, 37, 38.
[2]) 1 Ездр. III, 4—6.
[3]) 2 Цар. XXII, 16.

мощность народа, показывая, что онъ походилъ на разлитую по землѣ воду, которой уже нельзя собрать опять [1]).

Самуилъ, созвавъ это собраніе, дѣйствовалъ въ качествѣ пророка; но отселѣ ему пришлось исполнять и другую должность. Народъ призналъ его власть надъ собою; онъ видѣлъ въ немъ человѣка, который способенъ былъ сдѣлаться его правителемъ въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ, и здѣсь, въ своемъ полномъ собраніи, израильтяне, при общемъ одобреніи, избрали его своимъ судіею. Болѣе достойнаго выбора и нельзя было сдѣлать. Правда, что Самуилъ не былъ воинъ, не былъ геніальнымъ полководцемъ, который бы, имѣя опытность многихъ выдержанныхъ битвъ, могъ бы вести ихъ къ побѣдѣ; но онъ силенъ былъ молитвой, силенъ былъ вѣрой; онъ обладалъ благоразуміемъ спокойной мудрости, въ совершенствѣ зналъ своихъ соотечественниковъ, въ точности понималъ, насколько можно полагаться на нихъ и какъ можно вліять на нихъ. Въ этомъ судейскомъ своемъ достоинствѣ онъ принялъ необходимыя мѣры для того, чтобы составить изъ нихъ болѣе или менѣе стройную силу, такъ, чтобы они могли выдержать нападеніе, которое было неизбѣжнымъ. Филистимляне, конечно, не преминули замѣтить, что среди подчиненнаго имъ народа происходило сильное движеніе къ возстанію. Общее разрушеніе ихъ идоловъ и это великое собраніе въ Массифѣ были событіями, значенія которыхъ нельзя было не понять. Вслѣдствіе этого, они быстро приступили къ энергическимъ мѣрамъ. Всѣ силы были собраны ими для того, чтобы въ зародышѣ подавить возстаніе. Каждый городъ выслалъ отъ себя свой отрядъ, и войско, казавшееся непреодолимымъ въ своемъ могуществѣ, двинулось на Массифу. Израильтяне впали въ уныніе, но не потеряли мужества. Увѣренность Самуила внушала имъ упованіе на божественную помощь; онъ напоминалъ имъ, какъ, по молитвѣ Моисея, поражены были амаликитяне, какъ Господь сражался за Израиля во времена жизни ихъ отцовъ, и они рѣшились встрѣтить нападеніе и предоставить исходъ дѣла волѣ Божіей. Они обращаются къ Самуилу, просятъ его (этого «сына молитвы», «человѣка молитвы») помолиться Богу объ избавленіи ихъ отъ рукъ надвигающагося врага. И Самуилъ немедленно выступилъ въ качествѣ ходатая. Онъ воззвалъ къ Богу въ пламенной

---

[1]) Corn á Lap. in loc.

молитвѣ, и, взявъ одного ягненка отъ сосцевъ, принесъ его во всесожженіе Господу. Это жертвоприношеніе онъ могъ совершить, и не принадлежа къ роду Аароновy, такъ какъ онъ былъ, такъ сказать, сверхштатнымъ священникомъ, которому поручено было восполнять мѣсто штатнаго священства при этомъ ненормальномъ состояніи дѣлъ. Богъ устанавливаетъ извѣстные порядки и люди обязаны подчиняться этимъ установленіямъ; но онъ не настолько связываетъ Себя этими установленіями, чтобы никогда уже не дѣйствовать независимо отъ него. Возможно, какъ мы видѣли выше, что скинія находилась въ Массифѣ; въ такомъ случаѣ жертвоприношеніе могло быть совершено въ установленномъ мѣстѣ, хотя и не рядовымъ священникомъ; но, какъ бы то ни было, пророкъ имѣлъ право воздвигать жертвенники и убивать жертвы и въ другихъ мѣстахъ и быть, вообще, посредникомъ въ общеніи съ Всевышнимъ.

Когда дымъ жертвеннаго ягненка (образъ самопосвященія удрученнаго народа) восходилъ къ небесамъ и громкій молитвенный вопль Самуила раздавался въ воздухѣ, филистимское войско приближалось, и израильтяне, изъ своего возвышеннаго стана, двинулись навстрѣчу врагу. Ихъ полувооруженныя и недисциплинированныя силы едва ли могли бы выстоять противъ закаленныхъ въ войнѣ филистимлянъ. Но Господь сражался за Израиля. Голосъ Божій отвѣтствовалъ голосу пророка, и библейскій историкъ видитъ явную помощь Божію въ томъ, что послѣдовало. Надъ языческимъ войскомъ разразилась страшная грозовая буря, наводя на нихъ страхъ и повергая ихъ въ смятеніе, и Самуилъ, подобно искусному полководцу, воспользовался этимъ моментомъ, чтобы мужественно двинуть свой народъ противъ враговъ. Съ непреодолимымъ мужествомъ израильтяне ринулись съ возвышенности, прорвали боевую линію филистимлянъ, и подъ этимъ стремительнымъ натискомъ послѣдніе дрогнули, по ихъ рядамъ распространилась паника, и они, забывъ о всякомъ противодѣйствіи, въ ужасѣ бросились бѣжать предъ израильтянами. Іудейское преданіе разсказываетъ и о другомъ обстоятельствѣ, которое еще болѣе содѣйствовало этой побѣдѣ. «Богъ разстроилъ ряды филистимлянъ землетрясеніемъ; земля тряслась подъ ихъ ногами, такъ что не было такого мѣста, на которомъ можно было бы стоять въ безопасности, и они безпомощно падали или на землю, или даже въ нѣкоторыя изъ разсѣлинъ, разверзавшихся подъ

ними» [1]). Послѣдовало весьма великое избіеніе. Филистимляне бросились бѣжать въ глубокую долину, теперь наполнившуюся потокомъ, стремившимся по ея скалистому ложу, и были по пятамъ преслѣдуемы побѣдоносными израильтянами, не преминувшими воспользоваться оружіемъ, разбросаннымъ устрашеннымъ непріятелемъ. Преслѣдованіе закончилось только подъ Веѳхоромъ, теперешнимъ Айнъ-Каримомъ, «источникомъ виноградниковъ», крѣпостью филистимской, лежавшей на одномъ уступѣ, на полпути къ восточнымъ горамъ. Здѣсь небольшіе остатки языческаго войска и нашли себѣ убѣжище, не опасаясь дальнѣйшаго нападенія. Долго впослѣдствіи іудеи съ восторгомъ останавливались надъ этой побѣдой, и сынъ Сираха вспоминаетъ о ней въ торжествующихъ строкахъ: «возлюбленный господомъ своимъ Самуилъ, пророкъ Господень, судія народа по закону Господню, и Господь призрѣлъ на Іакова. По вѣрѣ свей онъ былъ истиннымъ пророкомъ; и въ словахъ его дознана вѣрность видѣнія. Онъ воззвалъ къ Всемогущему Богу, когда отовсюду тѣснили его враги,—и принесъ въ жертву молодаго агнца, и Господь возгремѣлъ съ неба; и въ сильномъ шумѣ слышнымъ сдѣлалъ голосъ Свой, и истребилъ вождей тирскихъ и всѣхъ князей филистимскихъ». [2]). Въ память этого великаго избавленія и въ виду необходимости божественной помощи въ будущемъ, Самуилъ воздвигъ большой камень на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилась побѣда, и назвалъ его Авенъ-езеромъ, — «камнемъ помощи», говоря: «до сего мѣста помогъ намъ Господь». Это было то самое мѣсто, гдѣ 20 лѣтъ предъ тѣмъ израильтяне понесли жестокое пораженіе, закончившееся плѣненіемъ ковчега завѣта. По опредѣленію священнаго историка, оно лежало между Массифой и Сеномъ («зубомъ»), какъ называлась одна остроконечная скала. Этотъ послѣдній отождествляется съ Деиръ-Йесиномъ (сохраняющимъ свое названіе и доселѣ),—мѣстомъ, находящимся верстахъ въ пяти къ западу отъ Іерусалима и верстахъ въ двухъ съ половиной къ сѣверу отъ Веѳхора. Торжественная постановка этого памятника показываетъ, какое важное преобразованіе совершилъ Самуилъ и какой именно духъ внушилъ онъ своимъ соотечественникамъ. Въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ всякій благочестивый путникъ могъ читать на этомъ памятникѣ, что̀ именно

[1]) Josephus, Antiq. VI, 2, 2.
[2]) Сирах. XLVI, 17—21.

было руководящимъ мотивомъ его дѣйствій и основой всякаго національнаго успѣха: «наша помощь во имя Господа, сотворившаго небо и землю».

Эта побѣда сопровождалась и нѣкоторыми ближайшими послѣдствіями. Филистимляне на время были ослаблены и не дѣлали новыхъ нападеній на израильтянъ. Національный духъ израильтянъ совершенно воспрянулъ вновь; они не только сохранили свои границы, но и возвратили себѣ даже всѣ города и окружающія мѣстности между Аккарономъ и Геѳомъ, которыя были захвачены филистимлянами во время изъ угнетеннаго состоянія. Аморреи, жившіе въ окрестностяхъ Іошіи и принимавшіе сторону хананеевъ, теперь также нашли для себя выгоднѣе стать на сторону Самуила и отдаться подъ покровительство израильтянъ [1]). Этотъ успѣхъ Израиля въ Авенъ-езерѣ былъ не простой единичной побѣдой, не признакомъ того новаго духа въ Израилѣ, который одушевлялъ народъ въ теченіе всей жизни Самуила, а также въ царствованіе Давида, Соломона и другихъ великихъ царей. Мелочное соперничество исчезло и уступило мѣсто великому стремленію къ національному единству. Въ отдѣльныхъ колѣнахъ теперь народъ стремился уже не къ славѣ и благосостоянію тѣхъ или другихъ колѣнъ, но къ славѣ и благосостоянію всего Израиля. Прежнее хананское идолопоклонство, развращавшее и унижавшее всякую національность, въ значительной степени было отвергнуто и уничтожено среди избраннаго народа, причемъ и чистая религія Господа силъ уже не ввѣрялась только попеченію и охраненію колѣна Левіина, которое показало себя не вполнѣ достойнымъ ввѣреннаго ему порученія. Левиты все еще священнодѣйствовали, въ святилищѣ, и избранный родъ Аароновъ, въ семействѣ сначала Иѳамара, а затѣмъ Елеазара, одинъ только носилъ драгоцѣнности и священное одѣяніе первосвященника; но въ религіозныхъ дѣлахъ сила священническаго колѣна уже никогда опять не занимала верховнаго положенія въ землѣ обѣтованной. Со времени Самуила выступилъ новый священный чинъ, именно чинъ пророка, точныя обязанности котораго въ отношеніи къ обрядовому богослуженію были не опредѣлены, но который признавался народомъ въ качествѣ законнаго посредника общенія съ истиннымъ Царемъ Израиля. Ударъ, нанесенный влады-

---

1) 1 Цар. VII, 14.

честву филистимлянъ, былъ вообще столь силенъ, что священный историкъ, писавшій немного спустя послѣ этого событія, могъ заявести въ свою лѣтопись торжествующія слова: «такъ усмирены были филистимляне, и не стали болѣе ходить въ предѣлы израилевы; и была рука Господня на филистимлянахъ во всѣ дни Самуила» [1]).

Такимъ образомъ, въ землѣ обѣтованной водворился миръ, который давалъ возможность Самуилу безпрепятственно осуществлять свое высокое призваніе. Прежніе судіи были большею частью простые воины и полководцы; исполнивъ свою должность и освободивъ свой народъ отъ того или другаго врага, они обыкновенно удалялись въ частную жизнь, никогда не предпринимая никакихъ болѣе дѣйствительныхъ преобразованій. Самуилъ между тѣмъ не былъ ни полководцемъ, ни военнымъ вождемъ. Только что разсказанный случай былъ, насколько извѣстно, единственнымъ, когда онъ дѣйствовалъ въ качествѣ предводителя на войнѣ. Его призваніе было выше, именно воспитывать свой народъ къ осуществленію теократическаго правленія и жить какбы подъ очами и подъ прямымъ управленіемъ Іеговы. Ему не вполнѣ удалось достигнуть этой цѣли, потому что онъ не могъ возвысить своихъ падшихъ соотечественниковъ до того, чтобы они могли усвоить себѣ столь возвышенное воззрѣніе; но онъ упорно трудился для достиженія этой цѣли, и отказался отъ нея только съ выразительнаго соизволенія Божія. Мы уже видѣли, какъ онъ старался достигнуть осуществленія своей мысли, какія мѣры онъ принималъ для водворенія своего вліянія въ народѣ и для распространенія въ немъ истиннаго сознанія своего великаго предназначенія. Уваженіе, которымъ онъ пользовался, и оказанныя имъ народу великія услуги облегчали ему это трудное дѣло, и онъ старался распространить свое личное вліяніе на всѣхъ своихъ соотечественниковъ вообще, по крайней мѣрѣ въ южной части страны, ежегодно посѣщая нѣкоторыя изъ наиболѣе знаменитыхъ въ религіозномъ отношеніи мѣстъ, принося тамъ жертвы и исполняя свою должность гражданскаго судіи. Изъ своего мѣстопребыванія въ Рамѣ, онъ обыкновенно ходилъ въ древній, связанный съ великими воспоминаніями Веѳиль, гдѣ Господь дважды являлся его великому праотцу Іакову и гдѣ стояли ставка и жертвенникъ Авраама. Отсюда онъ затѣмъ путешествовалъ въ Галгалу въ долинѣ Іордан-

1) 1 Цар. VII, 13.

ской, мѣсто перваго стана израильтянъ послѣ вступленія ихъ въ землю обѣтованную, верстахъ въ пяти къ востоку отъ Іерихона, и извѣстное теперь подъ названіемъ Телл-Джилджулье. Это съ незапамятныхъ временъ было священное мѣсто. Самое названіе его, означающее «кругъ», указываетъ на первобытные каменные памятники какой-нибудь древней религіи, хотя Іисусъ Навинъ придалъ этому названію новое толкованіе, приводя его въ связь съ воспоминаніемъ о постановкѣ двѣнадцати камней, служившихъ памятникомъ чуднаго перехода Іордана. Изъ Галгалы Самуилъ посѣщалъ Массифу, и затѣмъ опять заканчивалъ свое окружное путешествіе Рамой, гдѣ онъ несомнѣнно имѣлъ какую-нибудь наслѣдственную собственность. Но онъ не ограничивалъ свои судейскія посѣщенія этими знаменитыми мѣстами; онъ часто въ извѣстные промежутки времени отправлялся и въ другія мѣста, съ цѣлью разбирать жалобы, наказывать за преступленія, или совершать богослуженіе [1]). Въ Силомѣ онъ установилъ правильное богослуженіе, хотя и не видно, чтобы онъ, построивъ тамъ жертвенникъ, перенесъ туда и скинію. Возможно, что священники изъ рода Иѳамара считали ее своимъ собственнымъ достояніемъ и переносили ее изъ одного города въ другой, не встрѣчая въ этомъ никакого противодѣйствія со стороны Самуила. Несмотря на строгое правило Моисеева закона, повелѣвавшаго приносить всѣ жертвы только предъ ковчегомъ въ назначенномъ мѣстѣ, жертвенники воздвигались и въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., Гедеономъ въ Орфѣ и Маноемъ въ Цорѣ [2]). Въ Мишнѣ есть свидѣтельство, что до построенія скиніи богослуженіе на высотахъ было позволительнымъ, и запрещено было только уже послѣ этого. Послѣ разрушенія Силома, на время стало позволительнымъ приносить жертвы на различныхъ высокихъ мѣстахъ, и это позволеніе продолжалось до построенія новой скиніи въ Іерусалимѣ. Жертвоприношенія Самуила въ Авенъ-езерѣ, Рамѣ и въ другихъ мѣстахъ, очевидно, были освящаемы Богомъ; предлогъ къ жертвоприношенію въ Виѳлеемѣ, по случаю помазанія Давида, былъ даже особенно внушенъ самимъ Господомъ [3]). Теперь, когда скинія и ковчегъ завѣта были разлучены между собою и не было опредѣленно назначеннаго дома Божія, Моисеево постановленіе временно

---

[1]) См. 1 Цар. XVI, 2 и слѣд.
[2]) Суд. VI, 24; XIII, 19.
[3]) 1 Цар. XVI, 2.

было отмѣнено, и то, что было бы преступленіемъ въ другое время и послѣ построенія храма, въ этотъ смутный періодъ позволялось или по крайней мѣрѣ допускалось. Благопріятное принятіе жертвоприношеній изъ рукъ Самуила вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что Аароновы священники не считались въ это время безусловными и исключительными служителями религіи, и что Богъ, по особому полномочію, позволялъ совершать священническія дѣйствія и пророкамъ.

Отправляя должность народнаго судіи, Самуилъ своею неустанною дѣятельностью ко благу народа пріобрѣлъ огромное вліяніе на народъ, такое вліяніе, какимъ еще не пользовался ни одинъ правитель со времени Моисея. Будучи одновременно левитомъ, назореемъ, пророкомъ и судіей, онъ сосредоточивалъ въ своей личности и духовную, и гражданскую власть въ народѣ, и, какъ пламенный ревнитель вѣры отцовъ, онъ рѣшилъ употребить это вліяніе во благо народа, и не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Съ этою цѣлью онъ, самъ будучи пророкомъ и учителемъ вѣры, пришелъ къ мысли основать учрежденіе, которое могло бы навсегда служить источникомъ учительности и просвѣщенія для народа и изъ котораго могли бы выходить просвѣщенные ревнители вѣры. Такое учрежденіе явилось въ видѣ пророческихъ школъ или такъ называемыхъ «сонмовъ пророковъ». Пророки, какъ особые провозвѣстники воли Божіей, являлись и раньше Самуила, но они еще не носили высокаго званія пророковъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а назывались просто «прозорливцами», «человѣками Божіими». Только Самуилъ сталъ называться въ собственномъ смыслѣ пророкомъ (наби), а послѣ него и всѣ слѣдовавшіе за нимъ. Уже и раньше, во времена судей, когда религіозно-нравственное паденіе народа достигало наибольшихъ размѣровъ, по мѣстамъ являлись «люди Божіи», которые, своимъ богооткровеннымъ словомъ, старались пробудить совѣсть въ народѣ, возбудить въ немъ духъ или укорить за нечестіе. Но ко времени Самуила такихъ ревнителей появилось уже много, и изъ нихъ-то Самуилъ и основалъ правильные «сонмы пророковъ», составившіе нѣчто въ родѣ религіозныхъ братствъ, но всетаки можно составить нѣкоторое представленіе о нихъ. Принадлежавшіе къ нимъ назывались «сынами» или «учениками», и глава ихъ назывался «отцомъ». Большинство ихъ были молодые люди,—признакъ того, что молодое поколѣніе, какъ наболѣе чуткое къ добрымъ нравственнымъ вліяніямъ, скорѣе всего ото-

звалось на призывъ Самуила. Они жили общинами, пользовались общиннымъ содержаніемъ, ѣли вмѣстѣ, носили особую, отличавшую ихъ, мантію, съ кожанымъ поясомъ, ходили цѣлыми сонмами или толпами, и были такъ многочисленны, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, что упоминаются случаи, гдѣ пророки собирались по сто и болѣе человѣкъ [1]). Главныя школы находились въ родномъ городѣ Самуила, Рамѣ, затѣмъ въ Веѳилѣ и Галгалѣ ,но меньшія школы существовали и въ другихъ городахъ. Отдѣльныя общины находились подъ надзоромъ и попеченіемъ старшихъ и наиболѣе извѣстныхъ пророковъ, которымъ «сыны» или «ученики» оказывали должное послушаніе и уваженіе, причемъ нѣкоторые изъ членовъ общинъ даже прислуживали имъ, когда старшимъ пророкамъ и учителямъ приходилось бывать на сторонѣ. Старшіе пророки или учители въ свою очередь заботились о благосостояніи своихъ «сыновъ», и извѣстны случаи, какъ, напр., пророкъ Елисей однажды, во время голода, кормилъ не менѣе ста человѣкъ и, по смерти одного изъ нихъ, далъ возможность его вдовѣ заплатить оставленные имъ долги (4 Цар. IV). Источникомъ содержанія братствъ служили, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обычные труды по земледѣлію и скотоводству, а также и вообще ремесленныя занятія, къ какимъ кто былъ пріученъ и способенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они принимали и тѣ приношенія, которыя давались имъ посторонними, искавшими у нихъ назиданія, утѣшенія и просвѣщенія. Пріемъ въ братства, повидимому, былъ свободный: принимался всякій, кто по своей жизни болѣе или менѣе былъ способенъ для того дѣла, которое составляло задачу этихъ братствъ. Главною цѣлью ихъ основанія было содѣйствовать начавшемуся движенію къ возстановленію истинной вѣры и возрожденію религіозно-нравственной жизни народа. Сообразно съ этою цѣлью, главнымъ предметомъ изученія въ пророческихъ школахъ былъ законъ Божій, и не только въ его буквѣ, но и духѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ изучались религіозная обрядность и священная музыка. Послѣдняя была одною изъ отличительныхъ особенностей «сонмовъ», пророчество которыхъ сопровождалось «псалтирью и тимпанами, свирѣлью и гуслями», что особенно способно было привлекать народъ. Общинная жизнь, подъ благотворнымъ религіозно-нравственнымъ вліяніемъ старшихъ про-

1) 3 Цар. XVIII, 4; XXII, 6.

роковъ, способна была закалять характеры «сыновъ» пророческихъ, и изъ нихъ выходили тѣ доблестные мужи, которые безстрашно говорили горькую правду сильнымъ міра сего. Одушевленные самоотверженною ревностью объ истинномъ благѣ народа, они были безстрашными поборниками истинной религіи и выступали рѣшительными защитниками ея при всякой угрожавшей ей опасности. Дѣятельность ихъ развивалась и крѣпла по мѣрѣ хода исторической жизни народа, и съ теченіемъ времени они сдѣлались грозными мстителями за всякое попраніе религіи, истины и справедливости, и своею неустанною проповѣдью они съ этого времени не переставали будить совѣсть народа и его правителей, и тѣмъ поддерживали въ немъ духъ истинной религіи и доброй нравственности.

Въ этихъ трудахъ по духовному просвѣщенію и общественному управленію народомъ прошли лучшіе годы жизни Самуила [1]). Но по мѣрѣ того, какъ тяжесть лѣтъ налегала на плечи Самуила, и народъ все болѣе искалъ у него совѣта и помощи, онъ нашелъ, что не въ состояніи былъ единолично исполнять всѣ лежавшія на немъ обязанности. Вслѣдствіе этого онъ привлекъ на помощь себѣ въ своихъ судейскихъ дѣлахъ, своихъ двухъ сыновей, и сдѣлалъ

---

[1]) Время его рожденія и смерти опредѣлить весьма трудно, такъ какъ данныя для опредѣленія его хронологіи весьма неувѣренны. Изъ лѣтописныхъ памятниковъ египетскаго царя Шишака или Сукасима мы знаемъ, что Соломонъ взошелъ на престолъ въ 1018 г. до Р. Хр.; отсюда мы можемъ заключить, что Давидъ царствовалъ съ 1058 года. Царствованіе Саула, по свидѣтельству I. Флавія, продолжалось двадцать лѣтъ (Antiq. VI, 14, 9, гдѣ слова καὶ εἴκοσι —и двадцать—есть интерполяція, такъ какъ подлинное чтеніе слѣдующее: «Саулъ царствовалъ въ теченіе жизни Самуила восемнадцать лѣтъ и послѣ его смерти два года»). Въ другомъ мѣстѣ (Antiq. X, 8, 4), I. Флавій выразительно заявляетъ, что царствованіе Саула продолжалось только двадцать лѣтъ, такъ что его первое помазаніе, значитъ, состоялось въ 1078 году до Р. Хр. Между смертью Илія и битвой Авенъ-езерской прошло около двадцати лѣтъ; Самуилъ тогда былъ уже признаннымъ судіей въ теченіе двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ, и въ теченіе восемнадцати лѣтъ управлялъ совмѣстно съ царемъ; и такъ какъ на основаніи библейскаго повѣствованія и другихъ библейскихъ данныхъ, видно, что смерть его предшествовала смерти Саула только двумя годами, то, слѣдовательно, онъ умеръ въ 1060 году. Битва Авенъ-езерская, положившая конецъ сорокалѣтнему филистимскому игу, происходила около 1095 г. Въ годъ смерти Илія, 20 лѣтъ предъ тѣмъ, Самуилу было, вѣроятно, около 20 или 25 лѣтъ отъ роду. Это такимъ образомъ заставляетъ относить его рожденіе къ 1140 г., и годъ его смерти нужно полагать на восьмидесятомъ году его жизни или около этого. Нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ только вѣроятны, но они имѣютъ хорошія основанія и совпадаютъ съ несомнѣнными фактами и библейскимъ повѣствованіемъ.

ихъ какбы своими намѣстниками на югѣ Іудеи, въ Вирсавіи, на границѣ филистимской. Такое назначеніе показываетъ, какъ великъ былъ его авторитетъ. І. Флавій заявляетъ, что его вліяніе простиралось также и къ сѣверу, такъ какъ, по его свидѣтельству, одинъ изъ сыновей Самуила былъ поставленъ судіей въ Веѳилѣ. Трудно понять, какъ этотъ великій религіозный и государственный дѣятель могъ такъ мало знать характеръ своихъ сыновей, назначая ихъ на столь высокія должности. Примѣръ Илія могъ бы предостеречь его противъ такой ошибки. Во всякомъ случаѣ, легко представить, какою скорбью былъ пораженъ великій старецъ-судія, когда до него скоро послѣ этого дошли слухи, что его сыновья «уклонились въ корысть, брали подарки и судили превратно». Въ виду строгаго характера Самуила очевидно, что такое поведеніе его сыновей не было результатомъ его отеческой слабости къ дѣтямъ, какъ это было у первосвященника Илія. Вѣроятнѣе всего, это было жертвой его самоотверженной общественной дѣятельности, всецѣло поглощавшей его силы и вниманіе и лишавшей его возможности должнымъ образомъ заняться воспитаніемъ своихъ дѣтей, и это обстоятельство послужило прямымъ поводомъ къ важному перевороту въ исторіи израильскаго народа. Время судей было временемъ безначалія и сопряженныхъ съ нимъ бѣдствій, такъ какъ, вслѣдствіе отсутствія твердой власти, народъ потерялъ политическую силу и постоянно терпѣлъ пораженія отъ сосѣднихъ народовъ, имѣвшихъ во главѣ себя сильную царскую власть. Видя теперь, что даже сыновья такого благочестиваго и мудраго правителя и судіи, какъ Самуилъ, неспособны къ управленію народомъ, израильтяне собрались на совѣщаніе, и старѣйшины опредѣлили просить Самуила, чтобы онъ поставилъ надъ ними царя, который бы «судилъ ихъ, какъ и у прочихъ народовъ». Это желаніе народа не было противозаконнымъ, а предусмотрѣно было въ законодательствѣ. Мудрый законодатель народа, Моисей, предвидя своимъ пророческимъ взглядомъ будущую судьбу исторической жизни своего народа, заранѣе далъ законъ, опредѣлявшій кругъ царской власти. «Когда ты придешь въ землю», говорилъ онъ, «которую Господь Богъ дастъ тебѣ, и овладѣешь ею, и поселишься на ней, и скажешь: поставлю я надъ собою царя, подобно прочимъ народамъ, которые вокругъ меня; то

---

1) Antiq. VI, 3, 2

поставь надъ собою царя, котораго изберетъ Господь Богъ твой» [1]). Но престарѣлый судія неблагосклонно отнесся къ этой просьбѣ, и не только ради своихъ недостойныхъ сыновей, но и главнымъ образомъ потому, что желаніе народа было выражено безъ предварительнаго испрошенія воли Божіей. Очевидно, народъ, приступая къ Самуилу съ этою просьбою, недостаточно взвѣшивалъ всю важность этого дѣла. Онъ просилъ себѣ правителя, который бы управлялъ имъ на подобіе прочихъ народовъ, и такимъ образомъ какбы забывалъ, что его особеннымъ преимуществомъ и было то, чтобы отличаться въ своемъ управленіи отъ прочихъ народовъ, и не только не подражать этимъ народамъ, но быть во всемъ образцомъ для нихъ. Израильтяне, очевидно, не вполнѣ уясняли себѣ великую идею богоправленія, по которому они должны были быть исключительно подданными единаго небеснаго Царя Іеговы, должны были управляться только Имъ, чрезъ посредство тѣхъ особыхъ правителей, которыхъ Онъ призывалъ и которые находились подъ Его особымъ руководствомъ. Собственно принципъ монархіи отнюдь не отвергался закономъ Моисеевымъ, но только по этому закону израильтяне должны были подчиняться Монарху небесному, а не земному. Такое правленіе дано было имъ въ качествѣ видимой гарантіи для ввѣренной ихъ храненію великой истины единобожія, и для сохраненія этой истины они были изолированы отъ остальнаго міра въ св. землѣ; для постояннаго напоминанія имъ этой истины, имъ назначено было только одно мѣсто общественнаго богослуженія, и они во всемъ должны были постоянно чувствовать свою всецѣлую зависимость отъ Бога, такъ что Іегова постоянно наказывалъ ихъ за преступленія, и Іегова же давалъ имъ избавленіе отъ внѣшнихъ бѣдствій. Ихъ единственнымъ главою и вождемъ долженъ былъ быть единый, невидимый Богъ. Но эту великую мысль народъ никогда не уяснялъ себѣ вполнѣ; она была слишкомъ возвышенна для его жестоковыйности и требовала для себя болѣе сильной вѣры, чѣмъ къ какой способенъ былъ онъ. Подобно своимъ предкамъ въ пустынѣ, которые, не довѣряя невидимому Богу, кричали Аарону, чтобы онъ «сдѣлалъ имъ бога, который бы ходилъ передъ ними», они нуждались въ какомъ-нибудь осязательномъ правителѣ и вождѣ; они забыли, какъ Богъ правилъ ими, сражался за нихъ и поддерживалъ ихъ, когда

---

[1]) Втор. XXII, 14, 15.

только они были вѣрны Ему. Хотя они и не погрѣшали въ самомъ убѣжденіи, что современемъ имъ придется управляться царемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствовали законъ и различныя пророчества (какъ напр. и пѣсня Анны), однако же они явно погрѣшали, прося именно такого царя, какіе были у язычниковъ. Царь, въ которомъ они нуждались, долженъ быть не просто воинъ, но представитель Іеговы, который бы дѣйствовалъ во всемъ подъ высшимъ руководительствомъ, и собственнымъ послушаніемъ закону Божію, и водвореніемъ этого послушанія среди подданныхъ пріобрѣталъ бы благосклонность Господа. Естественно въ виду всего этого, что Самуилъ со скорбью выслушалъ эту просьбу. Но его уязвленныя чувства не сдѣлали его несправедливымъ или чуждымъ всякой разсудительности. Онъ перенесъ это дѣло на рѣшеніе Того, Кого онъ былъ служителемъ, и обратился съ вопрошеніемъ къ Господу, и на его вопрошеніе послѣдовалъ отвѣтъ: «послушай голоса народа во всемъ, что они говорятъ тебѣ; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовалъ надъ ними. Какъ они поступали съ того дня, въ который Я вывелъ ихъ изъ Египта и до сего дня, оставляли Меня и служили другимъ богамъ, такъ поступаютъ они и съ тобою. Итакъ, послушай голоса ихъ; только представь имъ и объяви имъ права царя, который будетъ царствовать надъ ними» [1]). Самуилъ поступилъ согласно съ этимъ указаніемъ, и здѣсь не лишне остановиться для указанія на самоотреченіе этого истиннаго патріота. Идеалъ, для котораго онъ жилъ, и трудился, теперь внезапно разбивался и ниспровергался; теократическое правленіе, которому онъ посвятилъ всѣ свои силы, теперь подвергалось чрезвычайно важной перемѣнѣ; подданные Іеговы какбы возмущались и измѣняли своей вѣрноподданности; народъ, который онъ любилъ и спасалъ, видимо не хотѣлъ больше довѣрять мудрости и могуществу своего верховнаго Царя,—и, несмотря на все это, Самуилъ не ропталъ; онъ принялъ новое положеніе дѣлъ съ рѣдкимъ самоотреченіемъ, думалъ только о томъ, какъ все это возможно лучше устроить для своего народа, посвятилъ всѣ свои силы на то, чтобы совершить этотъ переходъ возможно правильнѣе и обратить его къ улучшенію религіозной и общественно-политической жизни народа. „Самуилъ», справедливо говоритъ Эвальдъ, «есть одинъ изъ тѣхъ немногихъ ве-

1) 1 Цар. VII, 8—9.

ликихъ людей въ исторіи, которые въ критическія времена, силою своего характера и непобѣдимой энергіи, заканчиваютъ предшествующую форму великой существующей системы сначала противъ своей собственной воли, но затѣмъ, убѣдившись въ ея неизбѣжности, отдаются на служеніе ей со всею силою и охотою своей натуры и затѣмъ вводятъ лучшую форму съ болѣе счастливыми результатами, несмотря на личныя страданія и даже утнетенія. Его побуждаетъ къ дѣятельности не какая-нибудь новая истина, выходящая за предѣлы первыхъ моисеевыхъ началъ; но эти начала онъ бодро и живо воспринимаетъ какъ свои собственныя, и въ его время было великою необходимостью не давать такимъ истинамъ подвергнуться забвенію. Эти истины, достигшія напряженной жизненности въ его собственномъ духѣ, онъ имѣлъ силу и самоотреченіе вновь воплощать и въ жизни своего вѣка, и устраивать всю жизнь народа соотвѣтственно съ ними такимъ способомъ, какой только возможенъ былъ по условіямъ того вѣка. Будучи скорѣе человѣкомъ смѣлой и неутомимой энергіи, чѣмъ мысли и разсужденія, Самуилъ сначала всецѣло отдается установленней системѣ и пользуется всѣми заключающимися въ ней силами и существующими учрежденіями, стремясь къ укрѣпленію и возрожденію своего народа, придавая даже до своихъ зрѣлыхъ лѣтъ, блескомъ и превосходствомъ своего духа, совершенство всѣмъ тѣмъ порядкамъ, на которые только простиралось его вліяніе. Здѣсь, вопреки его собственнымъ предположеніямъ и желаніямъ, внезапно осѣняетъ его убѣжденіе, что вся существующая система сдѣлалась безнадежной, и что народъ можетъ быть спасенъ только совершенно новымъ устройствомъ. И въ этотъ моментъ, который долженъ былъ рѣшить судьбу цѣлыхъ столѣтій, онъ является поистинѣ, героемъ, который можетъ жертвовать своими прежними убѣжденіями и всѣми почестями своего положенія для того, чтобы дать народу то, чего ему недостаетъ, и даже принять всѣ мѣры къ тому, чтобы совершившаяся перемѣна могла въ дѣйствительности принести тѣ плоды, на которые надѣялся народъ. Хотя сначала и будучи сознательнымъ противникомъ новаго учрежденія, котораго у него просилъ народъ, Самуилъ однако же съ того момента, какъ только онъ призналъ необходимость этого переворота, сдѣлался наиболѣе преданнымъ и наиболѣе полезнымъ организаторомъ новаго учрежденія. Такимъ образомъ Самуилъ представляется духовнымъ героемъ двухъ совершенно различныхъ періо-

довъ, будучи одинаково знаменитымъ въ обоихъ, но особенно счастливымъ во второмъ, въ теченіе котораго онъ не только жилъ, но который онъ, такъ сказать, создалъ, именно періодъ не броженія только, но и прогресса, въ которомъ посѣянное имъ доброе сѣмя могло возрастать и процвѣтать. Если видимыя дѣла Давида болѣе велики и болѣе блистательны, чѣмъ дѣла Самуила, однако не можетъ быть сомнѣнія, что блескъ славы Давидовой былъ бы невозможенъ безъ менѣе славнаго, но сопровождавшагося гораздо большимъ вліяніемъ, подвига Самуила, и что все величіе послѣдующаго столѣтія должно быть приписано ему, какъ его дѣйствительному виновнику» [1]).

Хотя порядокъ, который поддерживалъ и лелѣялъ въ своей жизни и дѣятельности Самуилъ, теперь долженъ былъ измѣниться, однако же великій старецъ-судія, въ своемъ самоотверженномъ патріотизмѣ, не высказалъ ни слова личнаго укора, а просто приступилъ къ исполненію указанія Божія и къ установленію новаго учрежденія возможно лучшимъ способомъ. Сначала онъ вполнѣ сообщилъ народу то, что сказано было ему Господомъ, затѣмъ объяснилъ, каковы могли быть послѣдствія назначенія такого царя, какого они желали, каковы должны быть его права и какъ онъ можетъ пользоваться ими. Изъ этихъ сообщеній они не могли не узнать, что на народъ налагалась весьма великая отвѣтственность, и что со временемъ они могутъ даже раскаяться въ томъ, что устранили мягкое и справедливое правленіе Самуила и предпочли общинному управленію управленіе неограниченнаго царя. «Вотъ какія будутъ права царя, который будетъ царствовать надъ вами, говорилъ Самуилъ народу въ торжественномъ собраніи: сыновей вашихъ онъ возьметъ, и приставитъ ихъ къ колесницамъ своимъ, и сдѣлаетъ всадниками своими, и будутъ они бѣгать предъ колесницами его: и поставитъ ихъ у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они воздѣлывали поля его, и жали хлѣбъ его, и дѣлали ему воинское оружіе, и колесничный приборъ его. И дочерей вашихъ возьметъ, чтобы онѣ составляли масти, варили кушанья и пекли хлѣбы. И поля ваши, и виноградные и масличные сады ваши лучшіе возьметъ и отдастъ слугамъ своимъ. И отъ посѣвовъ вашихъ, и виноградныхъ садовъ вашихъ возьметъ десятую часть и отдастъ

---

1) Ewald, History of Israel, II, 191 и слѣд. (англійскій переводъ 1867 г.).

евнухамъ и слугамъ своимъ. И рабовъ вашихъ, и рабынь вашихъ, и юношей вашихъ лучшихъ, иословъ вашихъ возьметъ и употребитъ на свои дѣла. Отъ мелкаго скота вашего возьметъ десятую часть, и сами вы будете ему рабами. И возстенаете тогда отъ царя вашего, котораго вы избрали себѣ; и не будетъ Господь отвѣчать вамъ тогда» [1]). Въ этой рѣчи начертана яркая картина обычнаго характера управленія царей на востокѣ. Такое предостереженіе могло бы заставить народъ повременить своимъ рѣшеніемъ и хорошенько обдумать то, къ чему онъ стремился. Старѣйшины дѣйствительно подвергли дѣло новому обсужденію, но ихъ совѣщаніе закончилось только возобновленіемъ прежней просьбы. Они опять пришли къ Самуилу и, повторяя свою просьбу, еще настойчивѣе говорили: «нѣтъ, пусть царь будетъ надъ нами; и мы будемъ, какъ прочіе народы: будетъ судить насъ царь нашъ, и ходить предъ нами, и вести войны наши». Всякій протестъ послѣ этого былъ безполезенъ, и тогда Господь велѣлъ Самуилу удовлетворить желаніе народа и поставить надъ ними царя.

Желаніе имѣть царя вызвано было въ народѣ израильскомъ окончательнымъ сознаніемъ своей неспособности къ самоуправленію по тѣмъ возвышеннымъ началамъ богоправленія, которыя изложены были въ законодательствѣ Моисеевомъ. За время судей пришла въ разстройство вся жизнь народа, какъ религіозно-нравственная, такъ и государственно-общественная и семейная. Богослуженіе хотя продолжало совершаться главнымъ образомъ при скиніи, но жертвы приносились и въ другихъ мѣстахъ, что легко вело къ развитію суевѣрія и прямо къ уклоненію въ идолопоклонство. При отсутствіи твердой власти для наблюденія за исполненіемъ законовъ, нравственность, къ великому прискорбію отдѣльныхъ благочестивыхъ людей, все болѣе падала. Господствовавшія повсюду своеволіе и хищничество все болѣе ослабляли силы народа, чѣмъ пользовались ханаанеи, безнаказанно расхищавшіе царство Іеговы. Такое состояніе было тѣмъ болѣе тяжелымъ, что за это время просвѣщеніе израильтянъ значительно подвинулось впередъ. Въ лицѣ пророковъ явились достойные учителя, которые, поучая народъ закону Божію, пробуждая въ немъ сознаніе его высшаго назначенія и показывая какъ далеко не соотвѣтствовала ему дѣйствительность, возжигали

---

[1]) 1 Цар. VIII, 11—18.

въ немъ патріотизмъ и заставляли искать исхода изъ бѣдственнаго положенія, каковой исходъ и прдставлялся ему единственно въ учрежденіи твердой царской власти.

ГЛАВА IV.

ПОМАЗАНІЕ САУЛА НА ЦАРСТВО.

Когда рѣшеніе народа имѣть царя нашло окончательное утвержденіе со стороны верховнаго Царя Израиля, то пророку Самуилу не пришлось долго ждать дальнѣйшаго указанія для совершенія этого дѣла. Обстоятельства, повидимому, совершенно случайныя, но явно обнаруживающія руку Промысла въ самой этой случайности, скоро поставили его лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который предназначенъ былъ быть первымъ царемъ избраннаго народа.

Въ городкѣ Гивѣ, въ Веніаминовомъ колѣнѣ, жило семейство нѣкоего Киса, у котораго былъ единственный сынъ Саулъ. Генеалогія Киса весьма смутная, частью вслѣдствіе еврейскаго обычая опускать родовыя звенья и отчасти вслѣдствіе ужаснаго истребленія веніамитянъ въ періодъ судей, когда вѣроятно погибли и многія изъ колѣнныхъ лѣтописей. Семейство это было небогатое и добывало насущный хлѣбъ земледѣльческою работой, которою занимался самъ отецъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и немногими слугами. Но оно щедро было надѣлено природой и отличалось внѣшнимъ величіемъ и красотою, а вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимымъ мужествомъ, закаленнымъ въ борьбѣ съ врагами. И вотъ, у этого-то семейства однажды пропали рабочія ослицы. Потеря эта была весьма значительна для небогатаго Киса, и для отысканія ихъ онъ отправилъ вмѣстѣ съ слугой сына своего, Саула, который въ то время былъ уже среднихъ лѣтъ. Въ неразгороженной и не густо населенной странѣ не легко было найти этихъ заблудившихся животныхъ даже для двухъ опытныхъ людей. Слуга, отправившійся вмѣстѣ съ Сауломъ, не былъ рабъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а довѣренный и близкій человѣкъ. Если преданіе вѣрно считаетъ его тѣмъ Доикомъ идумеяниномъ, который впослѣдствіи безпощадно исполнилъ жестокій приказъ Саула объ избіеніи

священниковъ въ Номвѣ[1]), то онъ былъ хорошо знакомъ съ обычаями этихъ животныхъ, и ему вполнѣ можно было довѣриться въ отысканіи заблудившихся ослицъ. Оставивъ Гиву, Саулъ и его слуга сначала перешли чрезъ цѣпь горъ Ефремовыхъ, идущихъ въ колѣно Веніаминово, и затѣмъ направились къ Рамѣ или Массифѣ. Путь этотъ былъ довольно продолжительный и утомительный, и, несмотря на это, они нигдѣ не могли найти затерявшихся ослицъ. Въ поискахъ они провели цѣлыхъ три дня, и Саулъ, который вообще отличался сильными привязанностями, началъ думать о томъ безпокойствѣ, которое могло причинить отцу и домашнимъ его столь долгое отсутствіе, и поэтому предлагалъ слугѣ воротиться домой, хотя ихъ поиски и не увѣнчались успѣхомъ, «Пойдемъ назадъ, сказалъ онъ слугѣ, чтобы отецъ мой, оставивъ ослицъ, не сталъ безпокоиться о насъ» [2]). Слугѣ, однако же, не хотѣлось возвращаться домой, не исполнивъ порученнаго дѣла; и онъ замѣтилъ Саулу, что есть возможность еще попытать счастье, прежде чѣмъ возвращаться домой. Онъ именно посовѣтовалъ зайти въ ближайшій городъ, гдѣ, по его словамъ, былъ «человѣкъ Божій, человѣкъ уважаемый; все, что онъ ни скажетъ, сбывается»; не укажетъ ли онъ имъ, гдѣ имъ искать своихъ запропавшихъ ослицъ. Саулъ согласился, но при этомъ выразилъ сожалѣніе, что у него нечѣмъ заплатить «прозорливцу». Идти къ какому-нибудь великому человѣку безъ соотвѣтствующаго подарка,—дѣло неслыханное на востокѣ; и мы знаемъ изъ презрительнаго намека пророка Іезекіиля на «горсть ячменя и куски хлѣба» [3]), что ложные пророки всегда получали отъ обманываемаго имъ народа плату за ихъ ложныя предсказанія. Посланные, просившіе Валаама помочь Валаку, также являлись къ нему съ подарками; жена Іеровоама, отправлявшаяся посовѣтоваться съ пророкомъ Ахіей касательно болѣзни ея сына, брала съ собою въ подарокъ хлѣба и меда. Нѣтъ надобности предполагать, чтобы Самуилъ бралъ плату за свои совѣты, подобно языческимъ предсказателямъ; вѣроятнѣе всего, что Саулъ, безпокоясь тѣмъ, что у него нечѣмъ было заплатить прозорливцу, руководился при этомъ лишь ходячимъ обычаемъ. Затрудненіе въ этомъ случаѣ касательно платы было раз-

---

[1]) 1 Цар. XXII, 18.

[2]) 1 Цар. IX, 5.

[3]) Іезек. XII, 19. Ср. Быт. XLIII, 11; Числ. XXII, 7, 17; 3 Цар. XIV, 3; Ис. LVII, 9.

рѣшено слугой, который замѣтилъ, что у него есть четвертая часть сикля серебра, и онъ охотно пожертвуетъ ею за полученное сообщеніе. Какова собственно эта сумма на новѣйшія деньги,—опредѣлить невозможно. Во всякомъ случаѣ можно полагать, что сикль въ то отдаленное время составлялъ около 80 копѣекъ или одного рубля; но такъ какъ серебра въ то время было немного и цѣнность денегъ была сравнительно выше, то конечно покупная сила этихъ денегъ была гораздо выше, чѣмъ теперь. Толкователи полагаютъ, что сикль дѣлился на четыре части крестомъ и, въ случаѣ надобности, дѣйствительно разламывался. Отдѣленная такимъ образомъ четвертая часть сикля составляла около 20 или 25 копѣекъ и могла считаться довольно значительной платой въ то время. Какъ бы то ни было, теперь затрудненіе исчезало, и они отправились въ городъ, гдѣ жилъ «человѣкъ Божій». Искатель ослицъ такимъ образомъ отправился къ пророку, который долженъ былъ дать ему царство. Какой это собственно былъ городъ, библейскій повѣствователь не сообщаетъ, но, по всей вѣроятности, это была или Рама, или Массифа, куда въ это время Самуилъ прибылъ для жертвоприношенія. Когда они приблизились къ городу, то встрѣтили дѣвицъ, вышедшихъ черпать воду, и спросили ихъ: «есть ли здѣсь прозорливецъ?» Тѣ отвѣчали имъ и сказали: «есть, вотъ онъ впереди тебя; только поспѣшай, ибо онъ сегодня пришелъ въ городъ, потому что сегодня у народа жертвоприношеніе на высотѣ. Когда придете въ городъ, застанете его, пока еще онъ не пошелъ на ту высоту на обѣдъ; ибо народъ не начнетъ ѣсть, доколѣ онъ не прійдетъ, потому что онъ благословитъ жертву, и послѣ того станутъ ѣсть званые. И такъ, ступайте, теперь еще застанете его». Въ городѣ очевидно происходили приготовленія къ совершенію общественнаго празднества, которое соединялось съ жертвоприношеніемъ. Жертвоприношеніе обыкновенно совершалось на какой-нибудь «высотѣ», т.-е. на вершинѣ холма, гдѣ воздвигнутъ былъ жертвенникъ. Самуилъ, какъ пророкъ, обыкновенно произносилъ при жертвоприношеніи благодарственную молитву, благословлялъ самую жертву, послѣ чего уже и начиналось вкушеніе жертвеннаго мяса.

Когда Самуилъ такимъ образомъ приготовлялся къ жертвоприношенію, онъ получилъ божественное внушеніе, что въ этотъ день онъ встрѣтится съ человѣкомъ, которому предназначено Богомъ быть царемъ израильскимъ. Предувѣдомленный въ этомъ от-

ношеніи, онъ сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія для подобнаго великаго случая. Для того, чтобы придать жертвоприношенію и слѣдующему за нимъ празднеству возможно больше торжественности, онъ пригласилъ собраться на высоту тридцать главнѣйшихъ старѣйшинъ города, и затѣмъ лучшую часть мяса отложилъ для знатнаго странника. Въ назначенное время пророкъ отправился за городъ, чтобы, выйдя изъ воротъ, подняться на высоту. Вдругъ онъ видитъ предъ собой человѣка весьма внушительной внѣшности и замѣчательной красоты; невольно обративъ вниманіе на этого человѣка, онъ невольно подумалъ, не есть ли это именно тотъ человѣкъ, которому предназначено быть монархомъ надъ избраннымъ народомъ. Его нерѣшительность была сейчасъ же устранена, и въ душѣ его заговорилъ голосъ Божій: «Вотъ человѣкъ, о которомъ Я говорилъ тебѣ; онъ будетъ управлять народомъ Моимъ». Въ этотъ самый моментъ Саулъ подходитъ къ Самуилу и, не зная, съ кѣмъ онъ собственно говоритъ, спрашиваетъ его, не можетъ ли онъ ему сказать, гдѣ находится домъ прозорливца. «Я прозорливецъ, отвѣчалъ Самуилъ, иди впереди меня на высоту; и вы будете обѣдать со мною сегодня, и отпущу тебя утромъ, и все, что у тебя на сердцѣ, скажу тебѣ». Подготовивъ такимъ образомъ невольно изумившагося странника къ великому событію, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлью возбудить въ немъ довѣріе къ своей пророческой прозорливости, проникавшей въ тайныя мысли сердца, прибавилъ: «а объ ослицахъ, которыя у тебя пропали уже три дня, не заботься; онѣ нашлись». Затѣмъ Самуилъ прибавилъ нѣсколько таинственныхъ словъ, намекая на то, что съ Сауломъ должна произойти какая-то великая перемѣна. Сообщеніе было сдѣлано съ нѣкоторою неясностью, но во всякомъ случаѣ оно показывало, что въ нихъ заключается нѣчто необычайное, именно пророкъ прибавилъ: «и кому все вожделѣніе въ Израилѣ? не тебѣ ли и всему дому отца твоего?» То-есть, иначе говоря, Самуилъ хотѣлъ сказать Саулу: что тебѣ безпокоиться объ ослицахъ, или хлопотать о какомъ-то ничтожномъ хозяйствѣ на горѣ Ефремовой? Нѣчто гораздо высшее должно будетъ занимать твои мысли, потому что кому же будетъ принадлежать все наилучшее въ Израилѣ? Не тебѣ ли и не дому ли отца твоего? [1]). Подобное предсказаніе, вмѣстѣ съ таинственнымъ намекомъ, крайне поразило Са-

[1]) 1 Цар. IX. 20.

ула, такъ какъ дотолѣ онъ никогда не занимался ничѣмъ подобнымъ, никакія подобныя мечты никогда не возмущали спокойнаго теченія его жизни, и онъ едва даже могъ придавать значеніе словамъ пророка или видѣть въ нихъ что-нибудь болѣе, чѣмъ гиперболическое изреченіе любезнаго прозорливца. Поэтому онъ скромно отвѣтилъ ему: «не сынъ ли я Веніамина, одного изъ малѣйшихъ колѣнъ израилевыхъ? И племя мое не малѣйшее ли между всѣми племенами колѣна Веніаминова? Къ чему же ты говоришь мнѣ это?» Колѣно Веніаминово еще не совсѣмъ оправилось отъ того жестокаго избіенія, которому оно подверглось нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, и семейство Киса, хотя и безбѣдное въ земельныхъ владѣніяхъ, однако же не имѣло большаго значенія; какъ членъ такого колѣна могъ сдѣлаться предметомъ столь великихъ обѣщаній? Самуилъ не далъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ недоумѣвающаго Саула. Онъ пробудилъ въ немъ высокія мысли, вложилъ великія стремленія въ его умъ и ограничился этимъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ время совершенія самаго событія. Между тѣмъ онъ повелъ Саула и его слугу въ помѣщеніе, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ и гдѣ собрались уже званые. Саулу отведено было почетное мѣсто, не только какъ странніку, но именно вслѣдствіе того высокаго предназначенія, о которомъ уже зналъ прозорливецъ. Сопровождавшему его слугѣ также было оказано всякое почтеніе, какъ спутнику и служителю столь важной личности. Затѣмъ Самуилъ предложилъ ему лучшую часть мяса, ту именно, которую I. Флавій называетъ «царскою частью» [1]). Это именно было плечо со всѣмъ тѣмъ жиромъ, который не сожженъ былъ на жертвенникѣ. Если это было правое плечо, то это была та часть, которая обыкновенно принадлежала священнику и могла быть предоставлена міряннину только властью пророка, имѣвшаго право измѣнять обычные обряды. Такое предложеніе было знакомъ высочайшаго отличія. Когда поваръ, приготовлявшій обѣдъ, принесъ назначенную Саулу порцію, положилъ ее предъ нимъ, то Самуилъ замѣтилъ при этомъ: «вотъ это оставлено, положи предъ собою, и ѣшь; ибо къ сему времени сбережено это для тебя, когда я созывалъ народъ».

Когда обѣдъ кончился и званые разошлись, Самуилъ пригласилъ Саула съ собою въ свой домъ въ городѣ, упросилъ его отложить свое

1) Antiq. VI, 1, 4.

возвращеніе домой еще до слѣдующаго дня, и затѣмъ, чтобы лучше поговорить съ нимъ, пригласилъ его на кровлю дома. Эти плоскія кровли на востокѣ всегда были любимымъ мѣстомъ отдохновенія, не столько вслѣдствіе ихъ уединенности, сколько вслѣдствіе того, что на нихъ лучше всего можно было вести разговоръ, не подвергаясь нарушенію отъ постороннихъ. Здѣсь престарѣлый Самуилъ имѣлъ возможность вполнѣ ознакомиться съ Сауломъ, но на этотъ разъ онъ еще не открылъ ему вполнѣ своей цѣли, отложивъ болѣе полное извѣщеніе о ней до завтра; но онъ могъ выяснить будущему царю свой взглядъ на положеніе народа и страны, и разсказалъ о своихъ продолжительныхъ усиляхъ съ цѣлью улучшенія дѣлъ; могъ также указать на то, до какого религіознаго и политическаго упадка дошелъ народъ, какъ онъ не способенъ былъ оказать болѣе или менѣе значительнаго сопротивленія врагамъ, какъ онъ нуждался въ дѣятельномъ и сильномъ вождѣ, который бы, повинуясь заповѣдямъ Господнимъ и отдаваясь всецѣло на Его служеніе, могъ выступить избавителемъ народа. Однимъ словомъ, въ своей бесѣдѣ Самуилъ могъ наполнить душу своего слушателя благочестивымъ честолюбіемъ и внушить ему стремленіе сдѣлаться орудіемъ въ совершеніи предстоявшаго великаго дѣла возрожденія и укрѣпленія народа; могъ изложить предъ нимъ великія начала богоправленія, столь подвергшіяся прискорбному забвенію; могъ также указать и на тѣ средства, которыя одни только и могли соотвѣтствовать нуждамъ переживаемаго кризиса. Саулъ доселѣ не чувствовалъ никакого интереса въ общественныхъ дѣлахъ; занимался только обычными хозяйственными дѣлами въ домѣ отца своего и мало вообще думалъ объ общихъ судьбахъ своей страны. При своей отчужденной жизни, онъ ничего не зналъ о происходившихъ въ народѣ религіозныхъ или политическихъ движеніяхъ, и поэтому въ немъ нужно было пробудить высшія стремленія и благороднѣйшія надежды, чтобы болѣе полное объявленіе ему о предстоящей ему судьбѣ не нашло его совершенно неподготовленнымъ. Послѣ этой глубоко важной бесѣды, Саулу была приготовлена на крышѣ постель, и онъ оставленъ былъ тамъ для уединеннаго размышленія о всемъ случившемся. «Въ теченіе значительной части года», говоритъ Томсонъ, «кровля служитъ наиболѣе пріятнымъ мѣстомъ пребыванія въ восточномъ домѣ, особенно утромъ и вечеромъ. Тамъ обыкновенно спятъ лѣтомъ, гдѣ только міазмы не дѣлаютъ это опаснымъ. Обычай этотъ весьма древ-

ній. Саулъ, молодой и сильный, но утомленный своимъ долгимъ странствованіемъ въ поискахъ за ослицами, не могъ найти лучшаго мѣста для ночлега, какъ именно на этой кровлѣ» [1]).

Весьма рано слѣдующимъ утромъ, онъ былъ разбуженъ старцемъ-пророкомъ, который предложилъ ему приготовиться къ путешествію и выразилъ готовность проводить его за городъ. Это была честь, которая еще болѣе удивила Саула, уже и безъ того крайне смущеннаго тѣмъ необычайнымъ пріемомъ, который онъ встрѣтилъ у прозорливца, и тѣми неясными намеками о будущей судьбѣ, которые онъ слышалъ отъ него. Какъ только они вышли изъ города и остались теперь одни на открытомъ полѣ, Самуилъ предложилъ Саулу отослать своего слугу впередъ, чтобы имѣть возможность наединѣ сообщить Саулу то слово Господне, которое онъ имѣлъ для него. Это былъ торжественный моментъ, подготовленіемъ къ которому служили всѣ предшествующія обстоятельства и дѣйствія. Какая цѣпь, такъ называемыхъ, случайностей привела къ этому моменту! Случайная потеря нѣсколькихъ ослицъ, отправленіе Саула въ поиски за ними, мысль слуги посовѣтоваться съ прозорливцемъ, присутствіе Самуила въ городѣ, встрѣча Саула съ пророкомъ, пиршество, на которое приглашенъ этотъ странникъ,—всѣ эти событія, повидимому мелочныя и случайныя, были всѣ орудіемъ исполненія предназначенной воли Божіей. Не дѣлая никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, престарѣлый пророкъ вдругъ остановился и велѣлъ своему молодому спутнику стать предъ собою. Затѣмъ онъ вынулъ изъ-за пазухи сосудъ, одинъ изъ тѣхъ длинныхъ узкошейныхъ сосудовъ, изъ которыхъ содержимое медленно течетъ каплями. Этотъ сосудъ былъ наполненъ освященнымъ елеемъ, употреблявшимся при помазаніи первосвященника, и пророкъ вылилъ елей «на голову Саула и поцѣловалъ его». У іудеевъ былъ обычай помазывать правителей даже до этого времени, какъ видно изъ извѣстной притчи Іоѳама [2]), въ которой деревья собирались для помазанія себѣ царя. Впослѣдствіи вошло въ обычай совершать эту церемонію при восшествіи на престолъ новой династіи, или вообще, гдѣ наслѣдство оказывалось спорнымъ. Такъ помазывались впослѣдствіи Давидъ, Авессаломъ, Соломонъ, Іоасъ, Іоахазъ и Іуй; но при обычныхъ об-

---

1) Land and Book, p. 39.
2) Суд. IX, 8.

стоятельствахъ государи не помазывались вообще, причемъ помазаніе ихъ законнаго предшественника считалось достаточнымъ для нихъ полномочіемъ, и названіе «помазанникъ Божій» прилагалось ко всѣмъ законнымъ царямъ, были ли они формально помазаны священнымъ елеемъ, или нѣтъ. Церемонія эта имѣла весьма большое значеніе. Она обозначала, что въ помазанномъ лицѣ сосредоточивались всѣ высшія должности; помазаніе освящало и выдѣляло его отъ всѣхъ окружающихъ его людей, придавало ему величіе и святость, какими никто еще не обладалъ въ народѣ, и дѣлало его личность неприкосновенною, такъ что преступленіе противъ него считалось уже измѣной Господу, намѣстникомъ котораго считался онъ. Предназначивъ такимъ образомъ Саула для престола, Самуилъ поцѣловалъ его въ знакъ почтенія и преданности. Все это, какъ помазаніе, такъ и необычайное почтеніе со стороны столь высоко чтимаго судіи и пророка, конечно, крайне поразило Саула, и онъ, скорѣе изумленными взорами, чѣмъ языкомъ, спрашивалъ, что бы все это значило. И тогда Самуилъ, въ объясненіе своихъ дѣйствій, отвѣчалъ ему: «вотъ Господь помазываетъ тебя въ правители наслѣдія Своего (въ Израилѣ, и ты будешь царствовать надъ народомъ Господнимъ, и спасешь ихъ отъ руки враговъ ихъ, окружающихъ ихъ)», Израиль былъ особымъ наслѣдіемъ Іеговы, какъ онъ и называется въ законѣ и писанія Моисея [1]), и поэтому никто не могъ сдѣлаться царемъ надъ нимъ безъ особаго высшаго призванія. Но такъ какъ Саулъ и теперь еще не могъ достаточно вѣрить своему столь высокому предназначенію, то Самуилъ, съ цѣлью увѣрить его въ дѣйствительности и истинности всего случившагося, что именно совершенное надъ нимъ помазаніе состоялось по божественному повелѣнію и что предстоящая ему великая судьба не есть просто сновидѣніе, далъ ему три знаменія, изъ которыхъ онъ и могъ удостовѣриться въ истинности своего предназначенія. Первымъ знаменіемъ было то, что онъ близъ гробницы Рахили, у предѣловъ Веніаминовыхъ, встрѣтитъ человѣка, который извѣститъ его о томъ, что пропавшія ослицы нашлись и что Кисъ уже весьма безпокоился долгимъ отсутствіемъ своего сына и скорбѣлъ о немъ. Мѣстоположеніе гробницы Рахили хорошо извѣстно, и преданіе указываетъ ее въ полутора верстахъ къ сѣверу отъ Виѳлеема .Это первое знаме-

---

[1]) Втор. IX, 26, 29; XXXII, 8 и слѣд.

ніе своимъ исполненіемъ должно было подтвердить сообщеніе, данное раньше пророкомъ, и подкрѣпить въ Саулѣ вѣру въ то высокое предназначеніе, о которомъ предвозвѣщено было словами и дѣйствіями пророка. Отселѣ онъ становился новымъ человѣкомъ, наполненнымъ новыми надеждами и цѣлями, стремившимся встрѣтить ожидавшую его судьбу. Затѣмъ Саулу даны и еще два другія знаменія: «и пойдешь оттуда далѣе, сказалъ ему Самуилъ, и придешь къ дубравѣ Θаворской, и встрѣтятъ тебя тамъ три человѣка, идущихъ къ Богу, въ Веѳиль: одинъ несетъ трехъ козлятъ, другой несетъ три хлѣба, а третій несетъ мѣхъ съ виномъ. И будутъ привѣтствовать они тебя, и дадутъ тебѣ два хлѣба, и ты возьмешь ихъ изъ рукъ ихъ». Все это такъ же случилось, какъ предсказано было Самуиломъ. Наконецъ, третье знаменіе должно было совершиться надъ Сауломъ уже по близости къ его собственному дому въ Гивѣ, на холмѣ. Въ этомъ мѣстѣ онъ встрѣтилъ сонмъ пророковъ, сходящихъ съ высоты, и они будутъ пророчествовать. Все это именно такъ и случилось. Когда онъ приблизился къ назначенному мѣсту, то изъ школъ пророческихъ, основанныхъ тамъ Самуиломъ, дѣйствительно какъ разъ выходила цѣлая толпа учениковъ, сопровождая свое шествіе музыкой и псалмопѣніемъ. Среди музыкальныхъ инструментовъ, употреблявшихся учениками пророческими, были псалтырь, то-есть, арфа безъ третьей стороны, состоявшая изъ десяти струнъ, на которыхъ играли рукою, и имѣвшая весьма низкій тонъ; тимпанъ или тамбуринъ, свирѣль или тростниковый инструментъ, въ родѣ кларнета, и арфа изъ восьми или девяти струнъ, по которымъ играли плектромъ, маленькой костяной палочкой, употреблявшейся вмѣсто пальцевъ. Эти четыре музыкальные инструмента часто употреблялись при торжественныхъ случаяхъ, какъ это впослѣдствіи не разъ упоминается при сообщеніи о празднествахъ распущенныхъ израильтянъ [1]). Теперь когда Саулъ встрѣтился съ этимъ сонмомъ, увидѣлъ ихъ восторженность, услышалъ ихъ возбуждающую музыку, то его сердце странно заволновалось: Духъ Божій сошелъ на него, и онъ невольно поддался обаятельному вліянію этихъ восторженныхъ пѣсенъ и славословій, которыя исходили изъ устъ пророковъ, «и онъ пророчествовалъ среди нихъ». Событіе это было такъ необычно для всѣхъ,

---

[1]) Ис. V, 12.

знавшихъ Саула раньше, когда онъ видимо не отличался особенною религіозною ревностью, что всѣ въ народѣ говорили другъ другу: «что это сталось съ сыномъ Кисовымъ? Неужели и Саулъ въ пророкахъ?» Перемѣна въ немъ была такъ глубока, что послѣднее выраженіе вошло даже въ пословицу («еда и Саулъ во пророцѣхъ»), употреблявшуюся для выраженія изумленія при видѣ всякаго необычайнаго и поразительнаго явленія. Они, очевидно, не понимали, да и не могли понять причины этой необычайной перемѣны въ состояніи Саула. Но одинъ житель, болѣе проницательный, чѣмъ остальные, глубже взглянулъ на это дѣло и замѣтилъ: «вы удивляетесь, что сдѣлалось съ сыномъ Кисовымъ. Но какое же отношеніе пророческій даръ имѣетъ къ родству? Кто отецъ у тѣхъ другихъ пророческихъ учениковъ? Развѣ пророчество наслѣдственный даръ? Если они получили свою способность отъ Бога, то развѣ не то же теперь случилось и съ Сауломъ?» [1]). Такъ духовное прѣобразованіе, произведенное св. Духомъ въ сердцѣ Саула, стало дѣлаться яснымъ и для окружающихъ его людей.

Когда эта временная восторженность прошла, то она оставила по себѣ въ душѣ извѣстное чувство, которое уже ничѣмъ не могло быть удовлетворено помимо дальнѣйшаго общенія съ Богомъ. Въ Саулѣ дѣйствовали теперь новыя силы, волновались новыя чувства и влеченія; онъ желалъ остаться наединѣ для спокойнаго размышленія и молитвы. Поэтому, прежде чѣмъ возвратиться въ свой домъ, онъ отправился на тотъ высокій холмъ, который только что предъ тѣмъ былъ оставленъ пророческимъ сонмомъ, и остался тамъ на нѣкоторое время въ спокойномъ уединеніи. Нѣкоторые думаютъ, что тамъ въ особомъ святилищѣ совершалось пиршество, и что Саулъ отправился туда съ цѣлью присутствовать на немъ, и тамъ-то встрѣтилъ своего дядю ,который и началъ разспрашивать его о всемъ случившемся. Но гораздо вѣроятнѣе, что онъ поднялся на эту высоту съ религіозною цѣлью, такъ какъ иначе, еслибы тамъ происходило пиршество, пророки сами скорѣе бы направлялись туда, а не сходили съ горы, какъ это было въ дѣйствительности. Только послѣ этого онъ отправился домой и былъ встрѣченъ съ великою радостью своимъ отцомъ, который, какъ человѣкъ крайне спокой-

---

1) Такое, очевидно, значеніе заключается въ словахъ: «а у тѣхъ кто отецъ?» 1 Цар. X, 12.

наго и непритязательнаго характера, былъ слишкомъ радъ своимъ нашедшимся ослицамъ и своему возвратившемуся сыну, чтобы производить какіе-нибудь дальнѣйшіе разспросы о приключеніяхъ его во время путешествія. Но совсѣмъ другаго характера былъ его дядя, вѣроятно или Неръ, братъ его отца, или его двоюродный братъ, впослѣдствіи знаменитый Авениръ [1]). Услышавъ о свиданіи Саула съ Самуиломъ и о чести, оказанной ему предъ цѣлымъ собраніемъ гостей, а равно и замѣтивъ перемѣну въ поведеніи и въ обычаяхъ Саула, онъ обратился къ нему съ подробными разспросами. Но Саулъ не удовлетворилъ его любознательности. Онъ не сказалъ ему ни слова касательно обѣщаннаго ему царства. Онъ, вѣроятно, достаточно зналъ характеръ Авенира, чтобы видѣть, что его родственникъ сталъ бы сразу же принимать мѣры для осуществленія даннаго ему великаго обѣщанія, а это шло бы вопреки внушенію пророка и не согласовалось съ его собственною скромностью. Поэтому, онъ не сообщилъ о своей тайнѣ никому изъ своихъ родственниковъ. Прежде чѣмъ отпустить Саула послѣ торжественнаго помазанія, Самуилъ далъ ему ясныя наставленія, прибавивъ, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ долженъ руководиться обстоятельствами и дѣйствовать по внушенію Духа. «Когда эти знаменія, говорилъ Самуилъ, сбудутся съ тобою, тогда сдѣлай, что можетъ рука твоя; ибо съ тобою Богъ». Затѣмъ, Самуилъ сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія съ цѣлью подготовленія и къ дальнѣйшему провозглашенію Саула на царство. Онъ, между прочимъ, велѣлъ ему отправиться въ Галгалу, куда и самъ обѣщался придти для принесенія всесожженій и мирныхъ жертвъ. Дѣло шло объ освобожденіи земли обѣтованной отъ филистимлянъ, которые, несмотря на понесенное ими пораженіе, не совсѣмъ оставили своего владычества надъ Палестиной и, удержавъ за собою нѣкоторыя мѣстности, въ различныхъ пунктахъ имѣли даже свои охранные гарнизоны.

Но вотъ пришло время для открытаго избранія будущаго царя. Частныя предназначенія и тайное помазаніе нужно было дополнить торжественнымъ актомъ въ глазахъ всего Израиля. Царя нужно было избрать въ великомъ народномъ собраніи по жребію, который считался обычнымъ способомъ удостовѣренія въ волѣ Всевышняго, и съ этою цѣлью Самуилъ, какъ наиболѣе вліятельное лицо въ

[1]) Это гораздо вѣроятнѣе: Ср. 1 Пар. XIV, 50, 51 и 1 Паралип. VIII, 33.

странѣ, созвалъ весь народъ въ Массифу, которая, со времени великаго жертвоприношенія предъ пораженіемъ, нанесеннымъ нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ филистимлянамъ, сдѣлалась главнымъ мѣстомъ подобныхъ собраній. Для того, чтобы придать особенную торжественность этому собранію и получить указаніе воли Божіей, туда принесены были таинственные урим и туммим или самим первосвященникомъ, или, если эта должность была вакантна, временно замѣщавшимъ его священникомъ. Когда собрались всѣ, Самуилъ всталъ и обратился къ народу съ рѣчью. Онъ напомнилъ имъ о всемъ, что сдѣлалъ для нихъ Господь въ древнее время, какъ Онъ спасалъ ихъ отъ руки враговъ и отъ всѣхъ угнетателей ихъ; но избавленіе всегда обусловливалось ихъ послушаніемъ Его законамъ и признаніемъ зависимости отъ Него. Теперь же они желали имѣть себѣ царя, который бы водилъ ихъ противъ непріятелей и избавлялъ ихъ помимо подобнаго условія; они, очевидно, склонялись на сторону мірской политики и хотѣли имѣть монарха и военную организацію, на подобіе окружающихъ народовъ, и нѣкоторымъ образомъ освободиться отъ всякаго религіознаго ограниченія. Такимъ образомъ, они, въ сущности, оказывались недостойными благословеній истинной теократіи. «Вы теперь, со скорбью говорилъ Самуилъ, отвергли Бога вашего, который спасаетъ васъ отъ всѣхъ бѣдствій вашихъ и скорбей вашихъ, и сказали Ему: царя поставь предъ нами». У нихъ было достаточно времени для того, чтобы вполнѣ обдумать этотъ шагъ, и такъ какъ они окончательно рѣшились настаивать на немъ, то теперь Богъ соизволилъ на ихъ просьбу и предоставлялъ имъ приступить къ избранію царя. Избраніе нужно было произвести по жребію. Такой способъ избранія былъ весьма обычнымъ среди іудеевъ, какъ и другихъ народовъ. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: имена подлежавшихъ избранію лицъ писались на дощечкахъ, которыя и клались въ особый сосудъ или урну; затѣмъ сосудъ трясли до тѣхъ поръ, пока не выпадали всѣ дощечки, кромѣ одной. Оставшаяся дощечка съ написаннымъ на ней именемъ и считалась такою, на которую указывала воля Божія. Такъ именно избирался козелъ отпущенія, такъ распредѣлены были участки земли обѣтованной между различными колѣнами, такъ былъ открытъ Аханъ, незаконно присвоившій себѣ часть іерихонской добычи, и, что весьма замѣчательно, такъ же впослѣдствіи былъ избранъ и ап. Матѳій. Какое высокое значеніе придавалось

этому способу избранія, это видно изъ такихъ мѣстъ св. Писанія, какъ Притч. XVI, 33: «въ полу бросается жеребей, но все рѣшеніе его—отъ Господа». При настоящемъ случаѣ народъ распредѣленъ былъ по своимъ колѣнамъ и по своимъ семействамъ или тысячамъ; жребій былъ брошенъ, и онъ палъ сначала на колѣно Веніаминово, затѣмъ на племя Матріево и въ немъ на Саула, сына Кисова. Саула самого, однако же, не оказалось на лицо: изъ скромности онъ оставался въ обозѣ. Узнавъ объ этомъ, народъ побѣжалъ и взялъ его оттуда. И вотъ, «онъ сталъ среди народа, и былъ отъ плечъ своихъ выше всего народа». Восхищаясь мужественнымъ видомъ новоизбраннаго царя, Самуилъ сказалъ народу: «видите ли, кого избралъ Господь: подобнаго ему нѣтъ во всемъ народѣ. Тогда весь народъ воскликнулъ и сказалъ: да живетъ царь!» Въ новоизбранномъ царѣ народъ израильскій привѣтствовалъ воплощеніе своего политическаго идеала. Дѣйствительно, Саулъ былъ олицетвореніемъ самого народа, его добродѣтелей и недостатковъ. Его добрыя качества заключались, главнымъ образомъ, въ его величавой внѣшности, которая особенно и расположила народъ въ его пользу; а его внутреннія качества, качества его ума и сердца, должны были постепенно выработаться и развиться въ послушаніе волѣ Божіей. Помазаніе уже просвѣтило его умъ Духомъ Божіимъ, но въ своей дѣятельности онъ долженъ былъ самъ показать сознаніе высоты своего призванія и добрыми дѣлами долженъ былъ оправдать свое избраніе, подобно и самому народу, который, будучи избранъ совнѣ, могъ стать истинно избраннымъ народомъ Божіимъ, только чрезъ послушаніе заповѣдямъ Божіимъ и закону Моисееву. Насколько Саулъ въ послушаніе волѣ Божіей оправдывалъ свое избраніе, это должна была показать его будущая дѣятельность; но такъ какъ пока народъ былъ доволенъ избраніемъ, то Самуилъ изложилъ народу права царства, то-есть, права и обязанности царя, записалъ ихъ въ книгу и положилъ въ скиніи, вмѣстѣ съ другими памятниками исторической жизни народа. Исполнивъ это великое дѣло, Самуилъ распустилъ собраніе и возвратился въ домъ свой.

Саулъ не сразу вступилъ въ отправленіе своей новой обязанности; онъ не обнаружилъ непристойной поспѣшности въ захватѣ кормила правленія, а спокойно возвратился домой въ Гиву и предался своимъ обычнымъ занятіямъ, ожидая благопріятнаго момента для того, чтобы показать себя достойнымъ своего возвышенія.

Онъ возвратился, однако же, не одинъ. Лучшіе и храбрѣйшіе изъ тѣхъ, которые присутствовали на собраніи, отправились вмѣстѣ съ нимъ, сопровождая его со всевозможною честью и принося ему, согласно съ восточнымъ обычаемъ, подарки. Эти люди, какъ наиболѣе сознававшіе важность совершившейся въ политической жизни перемѣны, сплотились вокругъ новаго царя для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ приготовиться для наступающей борьбы и служить ему совѣтниками ко благу народа. Но если всѣ сознавали необходимость этой перемѣны въ народномъ правленіи, то не всѣ одинаково согласны были принимать на себя обязанности и тягости, необходимыя для установленія и поддержанія новаго учрежденія, и нѣкоторые даже готовы были насмѣшливо относиться ко всему этому событію и даже издѣваться надъ самимъ избранникомъ, какъ неспособнымъ осуществить возлагавшуюся на него задачу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это бываетъ при всякомъ случаѣ, когда изъ среды народа выдвигается какой-нибудь одинъ великій избранникъ, не замедлили появиться и различные завистники, которые были бы не прочь предложить свою собственную личность на мѣсто избраннаго. Быть можетъ, нѣкоторые честолюбцы изъ такихъ большихъ колѣнъ, какъ Іудино и Ефремово, относились съ завистью къ Саулу, какъ представителю ничтожнѣйшаго изъ всѣхъ колѣнъ, именно Веніаминова, и поэтому они презрительно и насмѣшливо говорили насчетъ Саула: «ему ли спасать насъ?» Но хотя такія насмѣшливыя выраженія и вмѣстѣ отказъ принести подарки были равносильны мятежу, Саулъ, однако же, съ рѣдкимъ смиреніемъ не обратилъ никакого вниманія на это издѣвательство и дѣйствовалъ, какъ будто онъ ничего не зналъ объ этомъ. Съ его стороны это было чрезвычайно благоразумно. Еслибы онъ показалъ, что слышитъ эти издѣвательства и, однако же, не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, то его сразу же обвинили бы въ малодушіи; съ другой стороны, еслибы онъ наказалъ недовольныхъ, то это было бы сочтено съ его стороны жестокостью и могло бы повести къ междоусобной войнѣ, результаты которой оказались бы чрезвычайно гибельными. Тѣмъ не менѣе, эти недостойные честолюбцы не имѣли никакихъ основаній сомнѣваться въ воинственныхъ способностяхъ Саула. Веніаминово колѣно всегда было наиболѣе воинственнымъ колѣномъ среди израильскаго народа, и сохраняло за собою этотъ характеръ до позднѣйшаго времени. Оно доказало свое мужество и выносливость при томъ ужас-

номъ пораженіи, которому оно подверглось во времена судей. Изъ послѣдующихъ свидѣтельствъ извѣстно, что воины этого колѣна превосходили всѣхъ другихъ искусствомъ въ метаніи пращей и стрѣлъ; нѣкоторые изъ нихъ съ одинаковою ловкостью дѣйствовали какъ правой, такъ и лѣвой рукой, что въ битвѣ давало чрезвычайно большое преимущество. Поэтому, недовольными руководило не что иное, какъ простая зависть и низкое соперничество. И скоро случилось событіе, которое доказало, какъ они ошибались въ своемъ мнѣніи о военныхъ способностяхъ Саула, который скоро получилъ возможность доказать, съ какою ревностью онъ заботился о благѣ государства и имѣлъ достаточно дарованій, чтобы вполнѣ оправдать свое избраніе блистательнымъ подвигомъ.

ГЛАВА V.

ПЕРВЫЙ ПОДВИГЪ САУЛА И ОТРЕЧЕНІЕ САМУИЛА.

Скоро представился случай, давшій возможность Саулу оправдать свою царственную способность. Послѣ своего избранія на престолъ, Саулъ, съ чисто патріархальною простотою, отправился въ свой родной городъ Гиву и тамъ продолжалъ заниматься земледѣліемъ. Но вотъ до него дошелъ слухъ о нападеніи аммонитянъ на заіорданскія колѣна, сопровождавшемся чрезвычайными жестокостями. Аммонитяне занимали одну часть за-іорданской страны и были, вообще, дикимъ хищническимъ народомъ, происходившимъ отъ Лота и тѣсно связаннымъ съ моавитянами, хотя и не принимавшимъ участія въ ихъ цивилизаціи и утонченностяхъ общественной жизни. Лѣтъ сто тому назадъ, Іефѳай нанесъ имъ жестокое пораженіе, которое успокоило ихъ на продолжительный періодъ; но израильтяне въ то время недостаточно воспользовались выгодами этой побѣды; они не воспользовались благопріятнымъ случаемъ закончить свои завоеванія и укрѣпить свою нравственную и политическую силу, такъ что аммонитяне, очевидно, опять успѣли оправиться послѣ понесеннаго пораженія и вновь начали наступательное движеніе, нападая на за-іорданскія колѣна и обращаясь съ ними съ обычною у нихъ варварскою жестокостью. Если вѣрить І. Фла-

вію [1]), они захватили многіе города и жителей ихъ обратили въ рабство, и настолько, вообще, ослабили за-іорданскія колѣна, что тѣ не имѣли мужества возстать противъ угнетавшаго ихъ ига. Тѣ, которые возставали и во время битвы попадали въ плѣнъ, сохраняли свою жизнь только подъ условіемъ лишенія своего праваго глаза, къ каковой мѣрѣ аммонитяне прибѣгали съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать ихъ въ будущемъ неспособными къ войнѣ, такъ какъ другой, лѣвый глазъ обыкновенно закрывался щитомъ, который, во время битвы, воины держали предъ собою. Аммонитяне были, вообще, извѣстны своими возмутительными жестокостями и необузданнымъ хищничествомъ. Пророкъ Амосъ, нѣсколько столѣтій спустя, свидѣтельствовалъ объ ихъ жестокомъ характерѣ. «За три преступленія сыновъ Аммоновыхъ», говоритъ онъ, «и за четыре не пощажу ихъ, потому что они разсѣкали беременныхъ въ Галаадѣ, чтобы расширить предѣлы свои» (I, 13).

Царемъ аммонитянъ въ это время былъ Наасъ, вѣроятно, отецъ царя того же имени, о которомъ мы услышимъ позднѣе во времена Давида. Теперь онъ обратилъ свое оружіе противъ галаадитянъ и напалъ на ихъ главный городъ Іависъ Галаадскій, считая этотъ моментъ благопріятнымъ для отмщенія за древнее пораженіе, такъ какъ судія Самуилъ былъ отягченъ лѣтами и, насколько ему было извѣстно, никто еще не заступилъ его мѣста. Іависъ, городъ, принадлежавшій тогда полуколѣну Манассіину, стоитъ на окраинѣ вади Эл-Іабисъ, ложбины, извивающейся у горы Галаада, верстахъ въ десяти къ югу отъ Пеллы. Мѣстоположеніе его отмѣчается нѣсколькими развалинами, извѣстными подъ названіемъ Эд-Деиръ, то-есть «монастырь»,—обычное названіе, часто даваемое арабами развалинамъ, о которыхъ у нихъ не сохранилось традиціоннаго объясненія. Онъ былъ опустошенъ и разрушенъ нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, за то, что не присоединился къ другимъ колѣнамъ во время извѣстной междоусобной войны противъ веніамитянъ [2]), но къ этому времени уже успѣлъ оправиться и опять сдѣлался важнымъ городомъ. Онъ занималъ сильное положеніе и не могъ быть взятъ внезапнымъ приступомъ, но жители не имѣли надежды съ успѣхомъ противиться нападающимъ въ теченіе продолжительнаго періода; они не имѣли упованія на Бога и желали только добиться возможно

---

1) Antiq. VI, 15.

2) Суд. XXI, 8 и слѣд.

лучшихъ условій, чтобы сдаться на нихъ непріятелямъ. Ихъ отчужденное положеніе и недостатокъ единства въ народѣ дѣлали ихъ неспособными къ дружному движенію на самозащиту, и маленькій аммонитскій деспотъ могъ всячески угнетать ихъ и издѣваться надъ ними. Его притязанія на эту страну,—притязанія, которое уже заявлялось его предшественниками [1]), они не имѣли мужества оспаривать. И вотъ, они выслали изъ своего города депутацію, которая упросила Нааса принять условія, на которыхъ городъ соглашался служить ему. Наасъ, презирая этотъ жалкій народъ и желая отмстить Израилю за то униженіе, которое раньше понесъ его народъ, предложилъ уже упомянутое выше условіе. «Я заключу съ вами союзъ», гордо говорилъ Наасъ аммонитскій, но съ тѣмъ, чтобы выколоть у каждаго изъ васъ правый глазъ, и тѣмъ положить безчестіе на всего Израиля». Это было ужасное условіе, но народъ настолько уже впалъ въ бездушіе и въ безсиліе, что готовъ былъ подчиниться и этому варварскому условію; послы только просили семь дней для размышленія, надѣясь въ это время отправить посланныхъ къ другимъ израильскимъ колѣнамъ съ смутнымъ ожиданіемъ, не найдется ли какого-нибудь средства избавиться отъ этого бѣдствія. Наасъ согласился на это послѣднее условіе и не изъ какого-нибудь, конечно, благороднаго чувства, но потому, что онъ видѣлъ мало надежды на взятіе города въ этотъ промежутокъ, и, ничего не зная о недавнихъ событіяхъ, совершившихся за Іорданомъ, онъ считалъ себя совершенно обезпеченнымъ отъ всякаго мужественнаго нападенія со стороны западныхъ израильтянъ. Онъ готовъ былъ тѣмъ болѣе согласиться на эту просьбу, что извѣстіе, посланное объ этомъ повсюду, могло только служить къ разглашенію о его торжествѣ и о его презрѣніи къ своимъ врагамъ. Прошло еще всего только съ мѣсяцъ послѣ избранія Саула, и вѣсти объ этомъ событіи еще не дошли до галаадитянъ, такъ что, отправляя пословъ просить помощи, они еще не обращались къ царю, а обращались ко всему вообще, народу, «ко всѣмъ предѣламъ Израильскимъ». Прежде всего, какъ это и естественно, послы отправились въ колѣно Веніаминово, которое ближе всего было къ нимъ и изъ-за котораго они въ прошломъ такъ жестоко потерпѣли. Такъ какъ они одни только отказались принять участіе въ безпощадномъ избіеніи веніамитянъ

1) Суд. XI, 13.

и дали имъ своихъ дѣвицъ въ замужество, когда веніамитянамъ угрожало полное исчезновеніе, то теперь они въ благодарность за это и ожидали помощи въ теперешнемъ своемъ страшномъ состояніи. Не теряя дорогаго времени, послы скоро прибыли въ Гиву и, ничего не зная о новомъ государственномъ установленіи, изложили свое дѣло предъ народомъ вообще. Народъ выслушалъ печальную вѣсть съ сочувствіемъ и принялъ ихъ дѣло горячо къ сердцу, такъ что «весь народъ поднялъ вопль и заплакалъ». Но что онъ могъ сдѣлать? Онъ еще не привыкъ видѣть въ своемъ царѣ вождя, къ которому можно бы было прибѣгать во всѣхъ нуждахъ; народъ такъ долго находился въ состояніи разрозненности и разстройства, что онъ даже и не зналъ, гдѣ искать помощи при настоящемъ случаѣ, и, будучи не въ силахъ оказать помощь, не понимая своего положенія въ качествѣ пользующагося божественнымъ покровительствомъ народа и уже имѣющаго центръ единства и организаціи, онъ только и ограничивался въ своемъ сочувствіи къ галаадитянамъ безсильнымъ плачемъ.

Саулъ, между тѣмъ, продолжалъ мирно заниматься своими земледѣльческими трудами и, уже будучи царемъ, не спѣшилъ захватить въ свои руки бразды правленія, а вмѣстѣ съ ними и отвѣтственность, связанную съ этимъ новымъ положеніемъ. Привыкшіе къ общинному управленію, израильтяне еще и теперь мало понимали обязанности, власть и привилегіи царя; и въ интересахъ самого Саула было гораздо благоразумнѣе, особенно въ виду заявленнаго противодѣйствія со стороны недовольной партіи, подождать благопріятнаго обстоятельства для того, чтобы сразу выдвинуться предъ глазами народа въ качествѣ ихъ избраннаго правителя. Руководясь, несомнѣнно, совѣтомъ Самуила, онъ оставался въ скромномъ положеніи земледѣльца, и лишь въ тайнѣ занимался мыслями объ устроеніи своего будущаго положенія. Онъ не собиралъ никакого постояннаго войска; даже и тѣ храбрецы, которые присоединились къ нему сначала, теперь возвратились по домамъ, заявляя готовность присоединиться къ нему опять, когда добровольное признаніе власти царя или другія обстоятельства сдѣлаютъ ихъ услугу желательною, тѣмъ болѣе, что и самъ царь не домогался власти и терпѣливо ожидалъ того момента, который самъ призоветъ его къ дѣйствію. И это обстоятельство теперь представилось. Всякому извѣстенъ превосходный римскій разсказъ, какъ послы, которыхъ се-

натъ отправилъ призывать Квинція Цинцинната для спасенія своей страны принятіемъ должности диктатора, нашли его пашущимъ на своемъ скромномъ полѣ, и какъ онъ, по совершеніи своего великаго дѣла, выдвинувшаго его изъ неизвѣстности, опять возвратился къ своимъ земледѣльческимъ работамъ [1]). То же самое было теперь и съ Сауломъ. Саулъ послѣ тяжелой дневной работы на полѣ, гналъ своихъ уставшихъ воловъ домой и вдругъ услышалъ странный плачъ въ городѣ,—тотъ плачъ, который еще и теперь восточные жители поднимаютъ во времена бѣдствій, такъ какъ безмолвное страданіе болѣе апатичныхъ народовъ сѣвера неизвѣстно въ этихъ жаркихъ странахъ. Услышавъ о причинѣ этого общаго плача и узнавъ о позорѣ, угрожающемъ всему Израилю, Саулъ запылалъ искреннимъ негодованіемъ. Духъ Господень сошелъ на него, какъ предсказывалъ ему Самуилъ, Богъ былъ съ нимъ, наполняя его могуществомъ и силой, какъ Онъ вдохновлялъ нѣкогда своихъ судей. Гнѣвъ на угрожаемое оскорбленіе былъ праведнымъ и какбы свыше внушеннымъ чувствомъ, побудившимъ Саула немедленно принять мѣры къ освобожденію своихъ страждущихъ братьевъ. Это была пламенная ревность за честь истиннаго Бога, и она пробудила новыя силы въ душѣ юнаго царя, вызвала дотолѣ скрывавшіяся въ немъ высокія качества самоотверженнаго мужества и дала ему возможность принять наивозможно дѣйствительныя мѣры. Мгновенно преображаясь въ героя и царя, Саулъ смѣло выступаетъ впередъ, становится во главѣ дѣла и съ быстротою и властью издаетъ приказанія, какъ человѣкъ, имѣющій право на всеобщее послушаніе. Вспоминая, быть можетъ, о дѣйствіи того левита, который разрубилъ свою опозоренную и до смерти замученную наложницу на двѣнадцать частей и разослалъ ихъ во всѣ предѣлы израильскіе [2]), Саулъ немедленно убилъ своихъ воловъ, на которыхъ онъ пахалъ, разрубилъ ихъ на части, передалъ эти окровавленныя части особымъ посланнымъ и велѣлъ разнести ихъ по всей странѣ съ суровымъ наказомъ, что «такъ будетъ поступлено съ волами того, кто не пойдетъ въ слѣдъ Саула и Самуила». Тутъ онъ ставитъ себя первымъ, какъ человѣка, которому предоставлена верховная власть, и прибавляетъ почтенное имя Самуила, чтобы показать, что онъ дѣйствуетъ подъ божественнымъ руководительствомъ, и повліять на

1) Ливій, III, 26 и слѣд.; Плиній, Hist. Nat. XVIII, 1; Dion, X, 24.
2) Суд. XIX, 29.

тѣхъ, которые пренебрежительно относились къ нему и даже совсѣмъ не признавали въ немъ царя. Этимъ онъ какбы говорилъ: пусть тѣ, кто не чувствуютъ призванія слѣдовать Саулу, слѣдуютъ Самуилу. Если вы явились, какъ одинъ человѣкъ, для наказанія преступленія колѣна Веніаминова, то вооружитесь теперь всѣ и каждый для отмщенія этого жестокаго оскорбленія, наносимаго всему Израилю вашимъ древнимъ врагомъ. Упоминаніе также и Самуила въ этомъ дѣлѣ доказываетъ, что онъ продолжалъ исполнять высокую должность не только въ качествѣ пророка, но и въ качествѣ вождя, совмѣстно съ царемъ, монархія котораго ограничивалась теократическимъ принципомъ правленія. Угроза, что у тѣхъ, кто не послушается призыва, будутъ уничтожены волы, своею сравнительною умѣренностью указываетъ на ограниченную власть новопоставленнаго царя, который не могъ еще располагать жизнью подданныхъ своею собственною властью. Но потеря воловъ могла быть раззореніемъ для трудолюбиваго земледѣльца, и страхъ подобнаго раззоренія могъ съ успѣхомъ содѣйствовать притоку народа подъ знамена царя. Подобный военный знакъ не неизвѣстенъ былъ и въ другихъ странахъ. Эвальдъ указываетъ на существовавшій въ Норвегіи обычай посылать военную стрѣлу отъ племени къ племени для призыва народа къ оружію. По свидѣтельству Вальтеръ-Скотта нѣчто подобное существовало и у шотландцевъ. «Когда извѣстный начальникъ предполагалъ собрать свой кланъ по какому-нибудь случаю, онъ обыкновенно убивалъ козла и, дѣлая крестъ изъ какого-нибудь легкаго дерева, клалъ его оконечности въ огонь и тушилъ этотъ огонь въ крови животнаго. Это называлось огненнымъ крестомъ, а также крестомъ позора, потому что непослушаніе этому символу влекло за собою безчестіе. Символъ этотъ съ невѣроятною быстротою обносился по всѣмъ округамъ, подлежавшимъ вѣдѣнію этого начальника, а также и среди его союзниковъ и сосѣдей, если опасность угрожала и имъ; и при видѣ огненнаго креста каждый мужчина отъ шестнадцати до шестидесяти лѣтъ обязанъ былъ немедленно отправиться въ своемъ лучшемъ вооруженіи и снаряженіи къ мѣсту призыва. Тотъ, кто не являлся, подвергался въ своихъ оконечностяхъ наказанію огнемъ и мечомъ, которые эмблематически обозначались кровавыми и обожженными знаками на этомъ воинственномъ знамени» [1]).

---

[1]) Lady of the Lake, III, 1.

Это страшное извѣстіе, пронесшись по колѣнамъ израильскимъ, повсюду произвело глубокое впечатлѣніе. Страхъ, внушенный Господомъ, объялъ также и весь народъ; всѣ израильтяне опасались не послушаться властнаго призыва; въ энергическомъ дѣйствіи Саула они признали руку Божію, съ ревностью отвѣтствовали на призывъ и массами стали собираться подъ знамя царя. Впервые объединившись подъ главенствомъ своего царя, весь народъ выступилъ въ поле для избавленія одного изъ своихъ городовъ отъ позора и бѣдствія. Всю землю одушевляло одно и то же чувство. Угрожая Галааду, Наасъ вмѣстѣ съ тѣмъ угрожалъ независимости Израиля вообще. Общая опасность объединила разрозненныя колѣна. Они теперь признали за собою обязанность отразить аммонитянъ, сознавали, что на нихъ лежала миссія истребить идолопоклонство, и имъ были сдѣланы даже особыя порученія въ отношеніи какъ этого народа, такъ и его худыхъ союзниковъ, моавитянъ. «Аммонитянинъ и моавитянинъ, сказано въ законѣ, не можетъ войти въ общество Господне, и десятое поколѣніе ихъ не можетъ войти въ общество Господне во вѣки. Не желай имъ мира и благополучія во всѣ дни свои во вѣки» [1]). И вотъ израильтяне окружающихъ мѣстностей въ огромномъ числѣ собрались въ назначенный сборный пунктъ въ Везекѣ. Это было мѣстечко въ колѣнѣ Манассіиномъ, лежавшее верстахъ въ 25 къ сѣверу отъ Сихема (Наблуса). Теперь это мѣстечко съ вѣроятностью отождествляется съ Ибзикомъ, лежащимъ на окраинѣ холмовъ, какъ разъ противъ Іависа, верстахъ въ 20 къ сѣверо-востоку отъ Наблуса. Былъ еще и другой городъ или округъ того же названія, столица Адони-Везека, остатки котораго можно видѣть въ новѣйшемъ Безкѣ, верстахъ въ 10 къ юго-востоку отъ Лидды [2]); но этотъ городъ былъ слишкомъ удаленъ отъ сцены дѣйствія, чтобы считать его тождественнымъ съ этимъ Везекомъ. Здѣсь именно народъ и собрался отовсюду. Саулъ произвелъ собравшимся смотръ и ихъ оказалось 330,000 человѣкъ, изъ которыхъ 30,000 принадлежали къ колѣну Іудину, а остальные 300,000 всѣмъ остальнымъ колѣнамъ. Такое огромное количество войска показываетъ, что тутъ произведенъ былъ, такъ сказать, поголовный наборъ всѣхъ способныхъ къ оружію, то, что теперь можно бы назвать ополченіемъ. Упоминая о колѣнахъ израильскихъ и отдѣльно объ

1) Втор. XXIII, 3, 6.
2)) Суд. I, 4, 5.

Іудиномъ дало поводъ нѣкоторымъ критикамъ считать это мѣсто добавленіемъ со стороны позднѣйшаго редактора, который жилъ уже по раздѣленіи царства и склоненъ былъ благопріятно относиться къ сѣвернымъ колѣнамъ въ ущербъ южнымъ. Но предположеніе это совершенно неосновательно. Отчужденіе между сѣверными и южными колѣнами существовало уже раньше времени Давида и Ровоама, и въ обыденномъ сознаніи это отчужденіе обыкновенно изображалось раздѣленіемъ всего народа на Израиля и Іуду. Окончательное распаденіе было только завершеніемъ предшествующаго разъединенія, слѣды котораго можно замѣчать уже въ гораздо болѣе раннее время. Небольшое количество мужей Іудиныхъ объясняется той же самой причиной. Ихъ силы навѣрно были заняты какимъ-нибудь другимъ, своимъ собственнымъ дѣломъ, напр., борьбою съ филистимлянами, могшими сдѣлать нападеніе на ихъ собственныя владѣнія; но какъ замѣчаетъ одинъ новѣйшій изслѣдователь, «Іуда всегда стоялъ отдѣльно, пока не избранъ былъ царь, принадлежавшій къ этому колѣну. Тогда только, именно во времена Давида, колѣно это впервые стало проявлять дѣятельный интересъ къ національному благосостоянію, и его громадныя владѣнія и многочисленность и сдѣлали его столь могущественнымъ». Въ то время Веніаминово колѣно также включалось въ названіе Іудино, между тѣмъ какъ въ настоящее время оно считалось среди израильскихъ колѣнъ. Аса могъ собирать 300,000 воиновъ, принадлежавшихъ къ своему собственному колѣну, и 280,000—принадлежавшихъ Веніаминову, и даже въ лучшія времена благосостоянія сѣвернаго царства Израиль никогда не превосходилъ Іудино колѣно больше, какъ вдвое [1]). Собрать такое громадное ополченіе, одушевленное общимъ рвеніемъ встрѣтить общую опасность и наказать врага, угрожавшаго оскорбленіемъ всему народу, было еще сравнительно легкимъ дѣломъ; но гораздо труднѣе была задача устроить это громадное ополченіе и превратить его въ нѣчто похожее на регулярную армію. Оружія, вѣроятно, у нихъ было не особенно много. Филистимляне, какъ извѣстно, не разъ лишали страну не только всякаго оружія, но даже и способовъ его приготовленія, уводя въ плѣнъ слесарей и кузнецовъ. При настоящемъ случаѣ каждый изъ явившихся могъ вооружиться лишь тѣмъ, что у

[1]) 2 Паралип. XIII, 3; XIV, 8; XXV, 5, 6.

него было подъ руками, и можно думать, что большинство изъ нихъ были вооружены лишь такими земледѣльческими орудіями, какъ косы, воловьи рожны, колья и т. п. Въ древнее время не мало побѣдъ было одержано съ такимъ вооруженіемъ. При видѣ этого вооруженнаго собранія, въ Саулѣ проявился дремавшій духъ воинственности, отличавшій вообще членовъ Веніаминова колѣна, и онъ, произведя смотръ и сдѣлавъ счисленіе собравшимся, раздѣлилъ ихъ на сотни и полусотни, отдѣльные отряды и взводы, поставивъ надъ ними особыхъ начальниковъ, и самъ сталъ во главѣ всѣхъ. Сдѣлавъ все это и удерживая около себя нѣкоторыхъ изъ галаадскихъ посланныхъ, чтобы имѣть въ нихъ вѣрныхъ проводниковъ кратчайшимъ путемъ, онъ отпустилъ остальныхъ съ радостною вѣстью ихъ соотечественникамъ о приближающемся избавленіи.

Всѣ эти приготовленія заняли почти недѣлю, и когда все было готово, Саулъ отправилъ жителямъ города Іависа торжественное извѣстіе: «завтра будетъ къ вамъ помощь, когда обогрѣетъ солнце». Полагаясь на божественную помощь и правоту своего дѣла, Саулъ высказываетъ здѣсь полную увѣренность въ успѣхѣ своего оружія, и посланные, видя его увѣренность и ободренные большимъ воинскимъ собраніемъ въ Везекѣ, по своемъ возвращеніи въ Іависъ, вдохновили жителей тѣмъ же самымъ мужествомъ. Посланные, чтобы достигнуть своего города, должны были проходить чрезъ лагерь аммонитянъ, пользуясь при этомъ свободой прохожденія, которая презрительно дана была имъ гордымъ Наасомъ. Но при этомъ они благоразумно умолчали о совершившемся въ Везекѣ, тѣмъ болѣе, что до аммонитянъ не дошло объ этомъ никакихъ извѣстій. Съ своей стороны, чтобы еще болѣе ослѣпить своихъ враговъ насчетъ состоянія дѣлъ и такимъ образомъ сдѣлать для нихъ еще болѣе неожиданнымъ нападеніе со стороны Саула, жители Іависа отправили ложное извѣстіе осаждающимъ, что они, будто бы отказавшись отъ всякой надежды на избавленіе, готовы теперь, по истеченіи предоставленнаго имъ времени, подчиниться жестокому условію, предложенному Наасомъ. «Завтра, послали они сказать, мы выйдемъ къ вамъ, и поступайте съ нами, какъ вамъ угодно». Слова эти въ дѣйствительности весьма двусмысленны и, подобно древнему оракулу, могли быть истолковываемы въ двоякомъ смыслѣ. Въ то время, какъ аммонитяне приняли ихъ въ смыслѣ намѣренія сдачи, галаадитяне на самомъ дѣлѣ разумѣли: «мы дѣйствительно

выйдемъ, но выйдемъ противъ васъ съ оружіемъ въ рукахъ, и вы будете дѣлать то, что можете, а не то, что хотите». Везекъ отстоялъ отъ Іависа по самой прямой дорогѣ верстахъ въ 30. Такъ какъ недисциплинированное ополченіе, еслибы оно двигалось общей массой, могло бы придти въ безпорядокъ вслѣдствіе самой своей многочисленности, то Саулъ благоразумно раздѣлилъ его на три отряда, такъ что каждый отрядъ могъ двигаться различной дорогой къ мѣсту своего назначенія и сдѣлать нападеніе съ трехъ различныхъ сторонъ. Двинувшись въ тотъ же вечеръ усиленнымъ маршемъ, онъ достигъ окрестностей Іависа, когда уже стемнѣло, а между тѣмъ непріятель все еще ничего не зналъ о происходящемъ, и слишкомъ презиралъ израильтянъ, чтобы принимать какія-нибудь особенныя предосторожности въ своемъ станѣ. Остановившись на нѣкоторое время для подкрѣпленія своего войска, Саулъ, подражая тактикѣ великаго судіи Гедеона, рѣшилъ произвести нападеніе съ трехъ сторонъ. Была уже утренняя стража, послѣдняя изъ тѣхъ стражъ, на которыя іудеи дѣлили ночь, и, вѣроятно, около пяти или шести часовъ утра, когда непріятельское войско покоилось глубокимъ сномъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, царь внезапно двинулъ свое огромное войско на спящаго непріятеля; въ то же самое время вышли и сами жители Іависа, и соединенными силами ударивъ на аммонитянъ, начали производить страшное избіеніе. Будучи поражены столь внезапнымъ нападеніемъ, аммонитяне въ ужасѣ и въ страшномъ безпорядкѣ бросились бѣжать во всѣхъ направленіяхъ и до того разсѣялись, что «не осталось изъ нихъ двоихъ вмѣстѣ», и во время этого смятенія палъ и самъ царь ихъ [1]). Избіеніе и преслѣдованіе продолжались до полудня, и побѣдители прекратили эту кровавую работу только уже тогда, когда обезсиленные истомленіемъ члены отказывались служить имъ больше.

Эта великая и благовременная побѣда сразу же выдвинула Саула на принадлежащее ему царственное положеніе въ качествѣ главы и вождя народа. Восторженно признавая теперь способности своего избраннаго царя и скорбя о томъ, что среди народа могли находиться люди, которые нѣкогда оспаривали его власть и издѣвались надъ его притязаніями, израильтяне массой окружили Самуила, сопровождавшаго молодого царя въ этомъ походѣ и помо-

---

1) Josephus, Antiq. IV, 5, 3; 1 Цар. XI, 11.

гавшаго ему своимъ вліяніемъ и совѣтами, и требовали наказанія тѣхъ, которые нѣкогда презрительно говорили: «Саулу ли царствовать надъ нами?» Они настойчиво требовали теперь немедленной казни для такихъ недовольныхъ, приступая съ этою просьбой и къ самому царю. Но царь великодушно отвѣчалъ: «въ сей день никого не должно умерщвлять; ибо сегодня Господь совершилъ спасеніе во Израилѣ». Отвѣтъ этотъ былъ чрезвычайно политиченъ и благоразуменъ. Еслибы Саулъ уступилъ народному требованію и увлекся естественнымъ чувствомъ мщенія, то изъ этого не замедлили бы выйти страшныя послѣдствія. Соперничество между колѣнами усилилось бы и нашло бы въ этомъ обстоятельствѣ основаніе для себя; между ними возникла бы крайняя вражда, и на самого Саула палъ бы жестокій упрекъ, что онъ началъ свое царствованіе кровопролитіемъ и низкой расправой. Своею благоразумною умѣренностью онъ спасъ свою страну отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, какъ своимъ военнымъ искусствомъ онъ избавилъ ее отъ угрожавшаго ей позора. Но въ его отвѣтѣ заключается еще нѣчто большее этого. Здѣсь онъ показалъ себя съ своей лучшей стороны. Онъ благодарственно призналъ руку Божію въ послѣднихъ событіяхъ, и ей только приписывалъ свою побѣду. Подъ впечатлѣніемъ успѣха и увѣренности, поддержанной въ немъ сознаніемъ божественной помощи, онъ поднялся на высокій уровень великодушія и благочестія. Къ несчастью, эти добродѣтели были только временны и преходящи и не имѣли твердой основы въ его сердцѣ и его характерѣ. Достаточно было какого-нибудь искушенія, чтобы онъ обнаружилъ и другія стороны въ своемъ характерѣ, но теперь во всякомъ случаѣ онъ показалъ себя мудрымъ правителемъ и благочестивымъ добрымъ человѣкомъ.

Послѣ этой славной побѣды, такъ блистательно оправдавшей избраніе Саула, Самуилъ видѣлъ, что теперь представлялся самый благопріятный моментъ для утвержденія царства въ рукахъ Саула и для отреченія отъ своего собственнаго судейства въ пользу новаго царя. Поэтому, онъ пригласилъ народъ собраться въ Галгалѣ, знаменитомъ Веніаминовомъ святилищѣ въ Іорданской долинѣ и въ мѣстности ближайшей къ Іавису Галаадскому. Сколько воспоминаній связывалось съ этимъ мѣстомъ! Тутъ именно предки народа, по вступленіи въ землю обѣтованную, провели свою первую ночь; здѣсь были поставлены двѣнадцать камней, существовавшихъ еще во времена бл. Іеронима, какбы составляя вѣчный памятникъ чу-

деснаго перехода чрезъ Іорданъ; здѣсь былъ совершенъ обрядъ обрѣзанія, остававшійся безъ совершенія въ теченіе странствованія по пустынѣ, и снятъ былъ такимъ образомъ укоръ въ необрѣзанности, и здѣсь была отпразднована первая Пасха въ землѣ обѣтованной. Когда израильтяне, собравшись вокругъ жертвенника, смотрѣли на почтенный памятникъ былыхъ событій, то не могли не чувствовать своей зависимости отъ сверхъестественной помощи и отъ непрестанно благодѣющаго имъ Іеговы. Такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, при первомъ избраніи Саула въ Массифѣ, выразили свое недовольство и отказались признавать его власть, то Самуилъ рѣшился теперь «обновить царство», то-есть, провозгласить монарха всеобщимъ голосованіемъ народа среди молитвъ, жертвоприношенія и общаго народнаго веселья. «И пошелъ народъ въ Галгалъ, и поставилъ тамъ Саула царемъ предъ Господомъ въ Галгалѣ». «Обновленіе царства» состояло въ единодушномъ подтвержденіи прежняго избранія; оно равнялось торжественной коронаціи государей новѣйшаго времени; народъ призналъ верховенство царя и выразилъ рѣшимость защищать его и повиноваться ему; царь уже не долженъ былъ долѣе вести частную жизнь, а долженъ былъ приступить къ кормилу государственнаго правленія и къ отправленію обязанностей государя. Самуилъ, какъ можно думать, опять сообщилъ народу законы царства, и какъ царь, такъ и народъ поклялись повиноваться имъ. Все это было совершено предъ Господомъ, то-есть, какъ можно думать, въ присутствіи ковчега завѣта и первосвященника съ его таинственными уримомъ и туммимомъ, или просто съ надлежащею торжественностью, сопровождавшеюся религіознымъ богослуженіемъ и жертвоприношеніемъ. Событіе это, подъ впечатлѣніемъ недавней блестящей побѣды Саула, должно было возбуждать въ народѣ чрезвычайную восторженность, такъ что послѣ богослуженія и мирныхъ жертвъ народъ чрезвычайно веселился, будучи доволенъ окончательнымъ вступленіемъ на путь новой, болѣе благоустроенной государственной жизни. «И весьма веселился тамъ Саулъ и израильтяне».

Когда такимъ образомъ совершилось это великое дѣло и важное желаніе народа было исполнено, Самуилъ готовъ былъ отказаться отъ своей должности судіи, чтобы дѣйствовать только въ качествѣ совѣтника царю и посредника при сношеніяхъ съ Богомъ. Но прежде всего онъ захотѣлъ обозрѣть свою прежнюю дѣятель-

ность, и еще разъ показать народу ту ошибку, которую онъ совершилъ, настаивая на перемѣнѣ формы правленія, а также и ту великую истину, что благосостояніе ихъ зависитъ отъ поведенія царя и подданныхъ въ отношеніи къ Богу. Съ этою цѣлью, онъ въ торжественномъ собраніи, выступилъ вмѣстѣ съ новоизбраннымъ царемъ, обратился къ народу съ рѣчью, которая должна была произвести не малое впечатлѣніе. «Вотъ, говорилъ Самуилъ, обращаясь къ собравшемуся Израилю, я послушалъ голоса вашего во всемъ, что вы говорили мнѣ, и поставилъ надъ вами царя. И вотъ царь ходитъ предъ вами, а я состарѣлся и посѣдѣлъ, и сыновья мои съ вами; я же ходилъ предъ вами отъ юности моей и до сего дня. Вотъ я; свидѣтельствуйте на меня предъ Господомъ и предъ помазанникомъ Его: у кого я взялъ вола, у кого осла, кого обидѣлъ, и кого притѣснилъ, у кого взялъ даръ, и закрылъ въ дѣлѣ его глаза мои,— и я возвращу вамъ». Такая рѣчь глубокопочитаемаго народомъ старца произвела на народъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, и народъ единогласно отвѣчалъ, что никто не испытывалъ никогда никакихъ несправедливостей или обидъ отъ Самуила. Для того, чтобы подтвердить ихъ свидѣтельство въ честности и справедливости своего правленія, Самуилъ опять торжественно обратился къ народу, призывая во свидѣтели Бога: «свидѣтель на васъ Господь, и свидѣтель помазанникъ Его въ сей день, что вы не нашли ничего за мною». Признавая это свидѣтельство полной справедливости Самуила въ его управленіи, народъ вмѣстѣ съ тѣмъ осуждалъ самого себя; у него не было, очевидно, основанія для недовольства его правленіемъ и не было достаточныхъ причинъ спѣшить съ перемѣной правленія. Затѣмъ, еще разъ указавъ на то, что, избирая себѣ царя, народъ нѣкоторымъ образомъ дѣйствовалъ противъ своего невидимаго Царя Іеговы, Самуилъ сказалъ: «свидѣтель Господь, который поставилъ Моисея и Аарона, и который вывелъ отцовъ вашихъ изъ земли Египетской. Теперь же предстаньте, и я буду судиться съ вами предъ Господомъ о всѣхъ благодѣяніяхъ, которыя оказалъ Онъ вамъ и отцамъ вашимъ» [1]). Затѣмъ, старецъ напомнилъ народу выдающіяся событія изъ ихъ исторіи. Іегова именно сдѣлалъ Моисея и Аарона тѣмъ, что они были, возвелъ ихъ на ихъ высокія должности, и, дѣйствуя въ качествѣ Царя израильскаго, возвелъ ихъ на

---

1) 1 Цар. XII, 1—7.

степень свободной національной жизни, выведя ихъ изъ Египта. На основаніи историческихъ фактовъ Самуилъ показалъ, какъ часто, когда израильтяне подвергались наказанію за свои грѣхи чрезъ угнетеніе отъ рукъ могущественныхъ враговъ, Господь внималъ ихъ покаянному воплю, и воздвигалъ особыхъ героевъ для избавленія ихъ отъ бѣдствій; никогда не оставлялъ ихъ безъ помощи и управленія; никогда не давалъ имъ повода нуждаться въ какомъ-нибудь другомъ правителѣ; всегда былъ вѣренъ своему обѣщанію, какъ это и доказывается ихъ лѣтописями. Рядъ этихъ славныхъ дѣлъ начался съ великаго доказательства божественной любви къ нимъ во время исхода изъ Египта и поселенія въ Ханаанѣ. Когда они поселились въ землѣ обѣтованной и за свой грѣхъ идолопоклонства, бывшій возмущеніемъ противъ невидимаго Царя, были порабощаемы своими врагами, то всегда, при всякомъ новомъ покаяніи, Господь оказывалъ имъ Свое покровительство и Свою защиту. Въ одно время они были жестоко угнетаемы хананеями со стороны непобѣдимаго и жестокаго Сисары, но когда обратились къ Господу, то Онъ послалъ имъ для избавленія Девору и Варрака, и Сисара безславно погибъ отъ руки женщины. Затѣмъ при послѣдующихъ бѣдствіяхъ, опять навлекавшихся ихъ собственною виною, Господь воздвигалъ имъ и другихъ избавителей, каковыми были Аодъ, Гедеонъ, Іефѳай и Самсонъ [1]). Да, они не должны забывать, что и при самомъ Самуилѣ они одержали великую побѣду надъ филистимлянами и избавились отъ ихъ жестокаго господства, и «жили безопасно». Но, несмотря на все это, они, страшась за свою судьбу въ будущемъ и услышавъ о готовящемся нашествіи аммонитянъ, не обратились къ самому Самуилу и къ Господу, а рѣшились поставить надъ собою царя. И вотъ теперь, окончательно совершивъ эту перемѣну въ государственномъ управленіи, они должны твердо держаться законовъ и установленій. «Если будете бояться Господа, и служить Ему, и слушать гласа Его, и не станете противиться повелѣніямъ Господа, и будете и вы, и царь вашъ, который царствуетъ надъ вами, ходить въ слѣдъ Господа, Бога вашего, то рука Господа не будетъ противъ васъ. А если не будете слушать гласа Господа и станете противиться повелѣніямъ Господа, то рука Господа

---

1) Таково чтеніе сирійскаго перевода и одного греческаго текста, между тѣмъ, какъ въ другихъ текстахъ и въ русскомъ читается «Самуилъ». 1 Цар. XII, 11.

будетъ противъ васъ, какъ была противъ отцовъ вашихъ». Народъ, очевидно, склоненъ былъ объяснять свои бѣдствія въ прошломъ не своею невѣрностью Іеговѣ, а недостатками правленія; пророкъ даетъ имъ теперь болѣе разумный урокъ и предостерегаетъ, что ихъ благосостояніе и теперь, несмотря на установленіе царской власти, будетъ всецѣло зависѣть отъ ихъ собственнаго поведенія. Ихъ опасенія и недовольство возникли отъ недостаточнаго упованія на Бога. Они громко вопіяли о перемѣнѣ въ государственномъ управленіи, когда должны были прежде всего исправить свою жизнь и свое поведеніе, такъ какъ никакое внѣшнее устройство въ правленіи не можетъ обезпечить благосостоянія безъ внутренняго исполненія народомъ воли и закона Божія. Если имъ нужно доказательство въ истинности этого, то пусть они посмотрятъ и увидятъ, какъ Господь подтвердитъ предостереженіе своего служителя. Это было время жатвы пшеницы, продолжавшейся отъ начала мая до іюня, когда дождь совершенно неизвѣстенъ въ Палестинѣ. Но теперь, для того, чтобы показать народу его грѣхъ въ сомнѣніи касательно правящаго Провидѣнія Божія и научить его той истинѣ, что приговоръ Божій всегда падаетъ на нечестивыхъ, Самуилъ всталъ и воззвалъ къ Господу, и Господь услышалъ его вопль, вслѣдствіе чего пронеслась сильная грозовая буря, сопровождавшаяся обильнымъ дождемъ. Израильтяне всегда склонны были видѣть особыя предзнаменованія въ подобныхъ несообразныхъ съ временемъ года явленіяхъ. При настоящемъ же случаѣ, подъ впечатлѣніемъ трогательной рѣчи Самуила, они рѣшительно объяты были страхомъ, потому что эта необычная дождевая буря произошла въ отвѣтъ на молитву Самуила, и ихъ совѣсть была поражена сознаніемъ, что они заслужили гнѣвъ Божій. Сердца ихъ наполнились страхомъ, и они, трепеща отъ грома небеснаго и опасаясь за свою жизнь и за свою собственность, обратились съ мольбой къ Самуилу, сознались въ своей великой виновности при требованіи себѣ царя и просили его походатайствовать за нихъ. «Помолись, кричали они, о рабахъ твоихъ предъ Господомъ, Богомъ твоимъ, чтобы не умереть намъ; ибо ко всѣмъ грѣхамъ нашимъ мы прибавили еще грѣхъ, когда просили себѣ царя». Тогда растроганный Самуилъ отвѣчалъ народу: «не бойтесь, грѣхъ этотъ вами сдѣланъ; но вы не отступайте только отъ Господа, и служите Господу всѣмъ сердцемъ вашимъ, и не обращайтесь въ слѣдъ ничтожныхъ боговъ, которые не принесутъ пользы и не избавятъ!

ибо они—ничто. Господь же не оставитъ народа своего ради великаго имени своего; ибо Господу угодно было избрать васъ народомъ своимъ. И я также не допущу себѣ грѣха предъ Господомъ, чтобы перестать молиться за васъ, и буду наставлять васъ на путь добрый и прямой. Только бойтесь Господа, и служите Ему истинно отъ всего сердца вашего; ибо вы видѣли, какія великія дѣла Онъ сдѣлалъ съ вами. Если же вы будете дѣлать зло, то и вы, и царь вашъ погибнете» [1]).

ГЛАВА VI.

ЦАРСТВОВАНІЕ САУЛА И ПЕРВОЕ ОТВЕРЖЕНІЕ.

Блистательно заявивъ о своихъ царственныхъ способностяхъ, Саулъ, послѣ своего перваго подвига, выступилъ въ качествѣ дѣйствительнаго царя, и прежде всего началъ образовывать узелъ постояннаго войска. Въ это время наступилъ перерывъ въ враждебныхъ отношеніяхъ между израильтянами и филистимлянами, и хотя послѣдніе занимали еще нѣкоторые пункты въ израильской землѣ, однако же въ дѣйствительности не дѣлали нападеній на израильтянъ. Саулъ видѣлъ, что его недисциплинированные соотечественники не могли питать надежды на успѣхъ борьбы съ этимъ могущественнымъ врагомъ. Онъ рѣшился вполнѣ освободить народъ отъ языческаго ига, къ чему его побуждалъ и Самуилъ своими совѣтами; но, подобно мудрому полководцу, онъ приступилъ къ этому дѣлу съ должною предосторожностью. Пользуясь большимъ собраніемъ представителей колѣнъ въ Галгалѣ и ихъ единогласнымъ признаніемъ его въ качествѣ царя, онъ приступилъ къ составленію войска изъ храбрыхъ и искусныхъ воиновъ, которые не только могли бы служить для него охраннымъ отрядомъ, его тѣлохранителями, какъ это необходимо было для него въ его царственномъ положеніи, но и могли бы составить основу для цѣлой военной системы и подготовлять весь народъ, къ военному искусству. Въ настоящій разъ, отпуская остальной народъ, онъ ограничился составленіемъ охраннаго отряда въ 3,000 человѣкъ, изъ которыхъ 2,000 оставилъ подъ

[1]) 1 Цар. XII, 20—25.

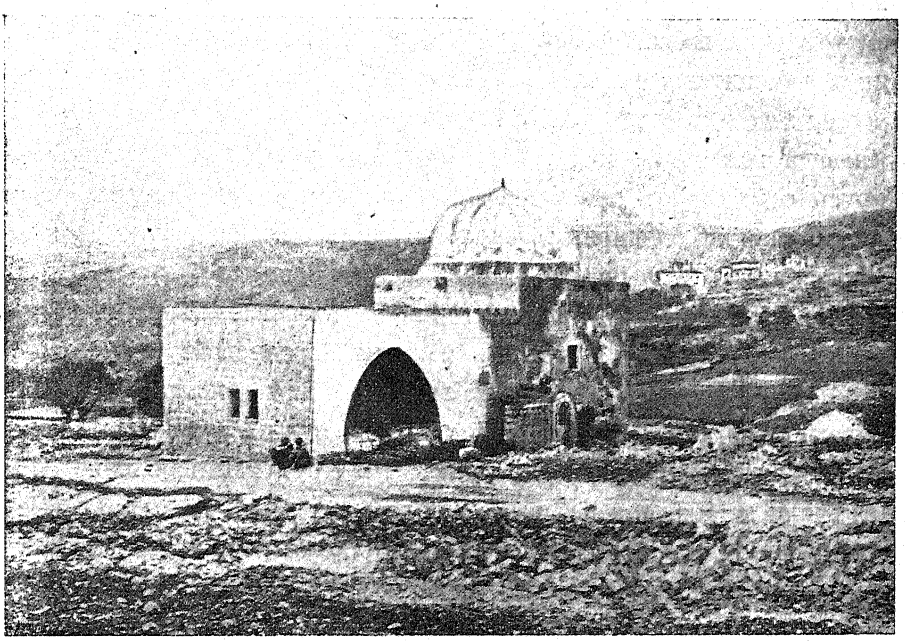
своимъ собственнымъ надзоромъ, а отрядъ въ тысячу человѣкъ отдалъ подъ начальство своего сына, Іонаѳана. Здѣсь въ первый разъ выступаетъ на сцену исторіи этотъ доблестный, но злополучный князь, дружба между которымъ и Давидомъ представляетъ одно изъ самыхъ трогательныхъ явленій въ библейской исторіи. Пріятный наружностью, храбрый до отваги, искусный въ употребленіи военнаго оружія, какъ горная лань быстрый на ногу, прямодушный, вѣрный, любящій, Іонаѳанъ вполнѣ заслуживалъ названія совершеннѣйшаго образца израильскаго воина. То довѣріе, которое показано было ему царемъ, при порученіи подъ его начальство отряда, было вполнѣ имъ оправдано, и онъ руководилъ своимъ маленькимъ отрядомъ весьма искусно, съ счастливою смѣлостью исполняя планы своего отца. Самое положеніе, избранное для двухъ этихъ отрядовъ, показывало не мало знакомства съ стратегіей. Краткое описаніе мѣстности лучше всего объяснитъ тактику Саула.

Начинаясь къ западу отъ Гая (новѣйшаго Гаіана, развалины, лежащей близъ деревни Геиръ-Диванъ, еще и теперь показывающей остатки огромнаго надгробнаго памятника, воздвигнутаго надъ нимъ Іисусомъ Навиномъ), идетъ большая долина, верстъ въ восемнадцать длиною, и отибая Гай съ востока, спускается къ Іерихону. Путь по ней, несмотря на гористый характеръ мѣстности, чрезвычайно гладкій, и онъ, проходя по волнообразной площади и спускаясь болѣе, чѣмъ на 2,000 футовъ, подходитъ къ самому берегу Мертваго моря. Подобная же полоса ведетъ въ восточномъ направленіи къ Веѳилю. Долина эта теперь называется Вади-Сувейнитъ, т.-е. «долина малаго терноваго дерева», и въ древнее время была главной дорогой съ востока къ холмистой мѣстности центральной Палестины. Верстахъ въ трехъ отъ своего начала, долина дѣлается узкой горловиной, съ нависшими надъ ней вертикальными крутизнами, имѣющими до 800 футовъ высоты. При приближеніи съ юга, это великое ущелье сначала совершенно незамѣтно; но слѣдуя по дорогѣ, спускающейся по крутымъ склонамъ, вы приходите къ своего рода мысу, съ котораго видите то, что прежде было закрыто для васъ, т.-е., самый проходъ, смотрящій весьма величественно съ своими крутыми скалами съ обѣихъ сторонъ. Съ южной стороны этого ущелья стоитъ Гива Веніаминова, лежащая на скалистомъ холмѣ, съ пещерами подъ домами и пахотной землей къ востоку. Если смотрѣть чрезъ долину, то эти каменистые холмы на бѣлой известняковой скалѣ пред-

ставляются пустынными, и на противоположной, то-есть сѣверной, сторонѣ, гораздо ниже Гивы, находится маленькая деревня Михмасъ (Мукмасъ), лежащая на своего рода сѣдлѣ, къ которому сзади примыкаетъ открытая и богатая хлѣбными нивами долина. Версты на полторы къ западу отъ деревни, скала увѣнчивается площадкой, спускающейся позади къ холму, имѣющему круглую вершину. Веѳиль лежитъ верстахъ въ шести къ сѣверу, и промежутокъ занятъ цѣпью холмовъ, которая называется «горой Веѳильской». Въ Михмасѣ, расположенномъ менѣе полуторы версты къ сѣверу отъ того мѣста, гдѣ начинаетъ суживаться долина, и на нѣкоторыхъ другихъ высотахъ въ окрестности, Саулъ и расположилъ свой двухтысячный отрядъ избранныхъ воиновъ, съ цѣлью наблюдать за движеніями филистимлянъ, еслибы они вздумали двинуться къ югу. Іонаѳанъ съ своимъ отрядомъ расположился въ Гивѣ, родинѣ своего отца, гдѣ онъ могъ разсчитывать на поддержку своего рода и друзей, и, быть можетъ, на помощь разумнаго совѣтника и вождя Авенира, своего ближайшаго родственника, который своею мудростью выдѣлялся въ родѣ Киса и теперь съ возвышеніемъ Саула на царство все болѣе выдвигался впередъ, пока, наконецъ, не занялъ высокаго положенія главнаго совѣтника Саула въ военныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Въ теченіе нѣкотораго времени обѣ стороны, выдвинувъ, такъ сказать, пикеты, зорко слѣдили одна за другою, но воздерживаясь отъ враждебныхъ дѣйствій. Наконецъ, пылкій Іонаѳанъ, уставъ отъ бездѣятельности и внутренно раздражаемый ежедневнымъ зрѣлищемъ большой колонны, воздвигнутой филистимлянами на ближайшемъ холмѣ въ знакъ своего главенства, не могъ удержаться отъ искушенія сдѣлать шагъ, который сразу же долженъ былъ одушевить его соотечественниковъ и показать врагу, что израильтяне способны бороться за свою независимость. Съ вѣдома и молчаливаго согласія своего отца, онъ вдругъ разрушилъ этотъ памятникъ, и готовъ былъ ко всѣмъ послѣдствіямъ этого своего поступка [1]). Послѣдствія эти, несомнѣнно, были серьезны, хотя и

---

1) Во многихъ переводахъ (и, между прочимъ, русскомъ) 1 Цар. XIII, 3 читается такимъ образомъ: «и разбилъ Іонаѳанъ охранный отрядъ филистимскій, который былъ въ Гивѣ». Но новѣйшіе толкователи понимаютъ его иначе, и именно переводятъ слово «нецибъ» въ смыслѣ памятника, а не охраннаго отряда или гарнизона; потому что, если-бы филистимляне занимали Гиву, угрожая такимъ образомъ колѣнамъ Веніаминову и Іудину, то невѣроятно, чтобы Саулъ расположился съ своимъ отрядомъ къ сѣверу



Могила Рахили.

не совсѣмъ неожиданны. Филистимляне, услышавъ отъ своего дозорнаго отряда о случившемся, увидѣли въ этомъ дѣлѣ начало для возстанія. Саулъ также не бездѣйствовалъ послѣ этого и, съ свойственною ему энергіею, обратился къ народу съ призывомъ произвести немедленно приготовленія къ войнѣ. По всей странѣ раздалась тревога. «Саулъ протрубилъ трубою», и призывъ его: «да услышатъ евреи!» разнесся по всѣмъ колѣнамъ. Подобный звукъ трубы былъ хорошо извѣстенъ израильтянамъ, и онъ не разъ раздавался въ критическіе моменты исторической жизни народа. Такъ, Гедеонъ собиралъ подобной же трубой своихъ соотечественниковъ на борьбу съ врагами, и, еще раньше, звукомъ серебряныхъ трубъ обыкновенно созывались собранія и направлялись движенія народа въ пустынѣ [1]). Извѣстіе объ этомъ событіи возбудило въ филистимля-

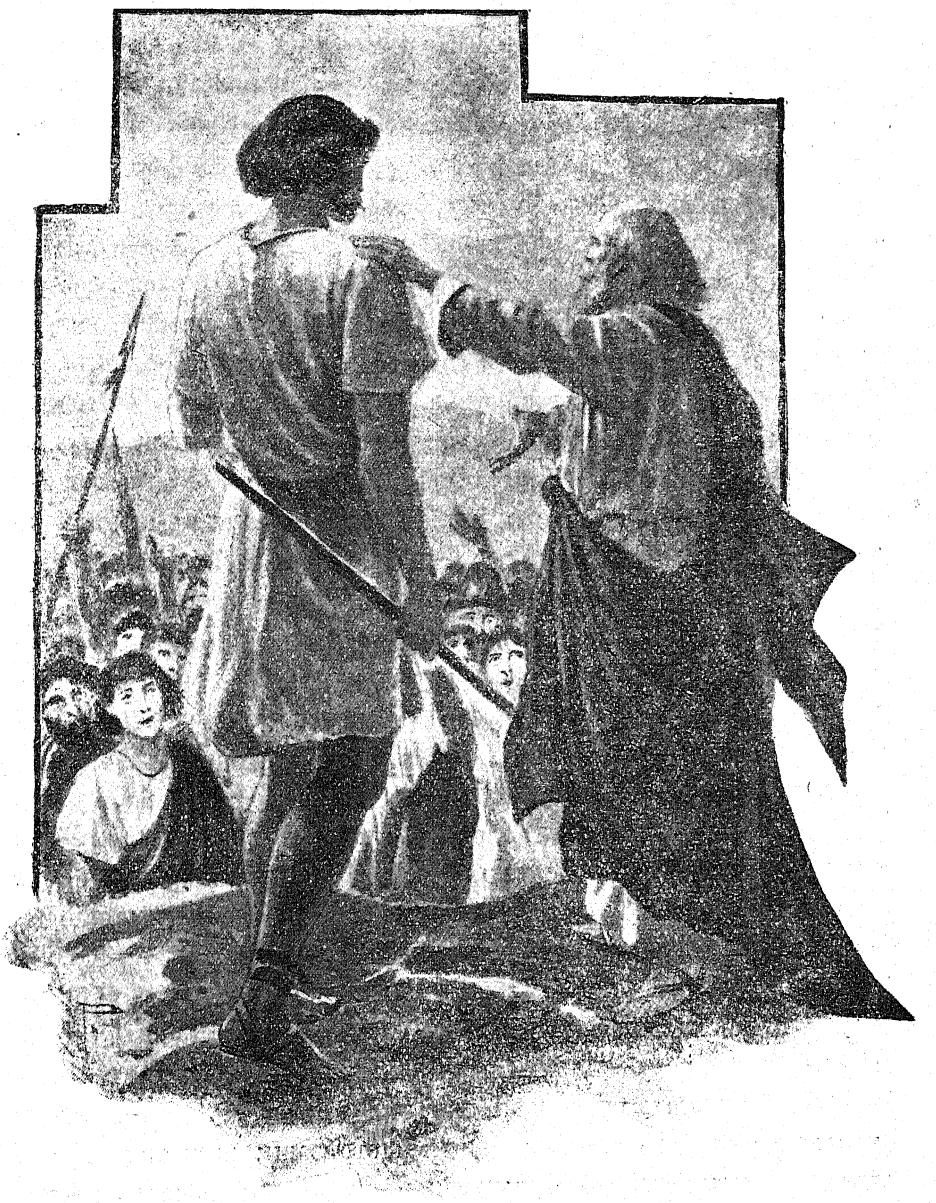
отъ нихъ и такимъ образомъ оставилъ бы свою собственную территорію безъ всякой защиты. Эвальдъ думаетъ, что слово это нужно понимать въ смыслѣ «должностное лицо», и что подъ этимъ лицомъ разумѣется особый чиновникъ, поставленный въ Гивѣ филистимлянами для сбора дани, оставшейся за израильтянами. Но такое предположеніе не имѣетъ достаточныхъ для себя основаній.

[1]) Суд. VI, 14; Числ. X, 2 и слѣд.

нахъ крайнюю ярость. Они уже и такъ съ сильнымъ подозрѣніемъ смотрѣли на избраніе Израильскаго царя; послѣдующая побѣда надъ аммонитянами и пріобрѣтенная чрезъ это Сауломъ слава предостерегала ихъ объ опасности, которая сдѣлалась еще болѣе угрожающей вслѣдствіе того обстоятельства, что Саулъ собралъ вокругъ себя отрядъ храбрыхъ воиновъ. Поэтому, они немедленно приступили къ обширнымъ приготовленіямъ къ войнѣ, и Саулъ, чтобы ему не быть подавленнымъ многочисленностью враждебнаго войска, спустился въ долину Сувейнитъ, которая, какъ мы видѣли, представляла удобный путь къ равнинѣ Іорданской. Онъ расположился въ Галгалѣ, древней главной квартирѣ войска Іисуса Навина и самомъ священномъ мѣстѣ во всей странѣ, и призывалъ народъ присоединиться къ нему тамъ. На его призывъ, однако же, отвѣчали не быстро и не съ особеннымъ усердіемъ. Или вслѣдствіе малодушія, или вслѣдствіе какого-нибудь необъяснимаго недостатка увѣренности въ своемъ вождѣ, израильтяне не стекались подъ знамя Саула особенно большими массами, и, прежде чѣмъ онъ собралъ болѣе или менѣе значительное войско, филистимляне уже выступили въ поле, и онъ рѣшительно не способенъ былъ противостать имъ съ своими наличными силами, такъ какъ филистимляне, очевидно, желая нанести рѣшительный и окончательный ударъ возрождавшемуся могуществу израильтянъ, выступили противъ нихъ съ громаднымъ и страшнымъ своею силою войскомъ [1]). Когда Саулъ отступилъ отъ Михмаса и Веѳиля, то филистимляне заняли эти пункты и, держа въ своихъ рукахъ проходы, преградили путь для подкрѣпленій, шедшихъ къ царю съ этой стороны. Сѣверная часть округа, занимавшая территорію Ефремова колѣна, была занята филистимля-

[1]) По существующему тексту, филистимляне располагали громаднымъ войскомъ, заключавшимъ въ себѣ 30,000 колесницъ и 6,000 конницы. Но число это такъ велико, что обыкновенно предполагаютъ здѣсь какую-нибудь ошибку со стороны переписчика, потому что пропорція между колесницами и конницей здѣсь безпримѣрная. Во всѣхъ спискахъ войскъ, дошедшихъ до насъ, число колесницъ бываетъ гораздо меньше, чѣмъ число конницы, и такое число военныхъ колесницъ есть вещь совершенно неслыханная. Іавинъ имѣлъ только 900 колесницъ, фараонъ преслѣдовалъ израильтянъ съ 600, Соломонъ, на высотѣ своей силы, имѣлъ только 1,400 (Исх. XIV, 7; Суд. IV, 3; Цар. X, 26. Ср. 1 Паралип. XVIII, 4, 2 Паралип. XII, 3; 2 Макк. XIII, 2). Поэтому, можно думать, что собственно военныхъ колесницъ у филистимлянъ было не болѣе 300 или, самое большее, 3,000, тѣмъ болѣе, что самая мѣстность военныхъ дѣйствій крайне неудобна для употребленія этихъ колесницъ съ пользою.

нами безъ всякаго сопротивленія. Израильтяне были поражены ужасомъ и, какъ во времена судей, бѣжали въ горы и пещеры, ища убѣжища отъ врага. Это поголовное бѣгство израильтянъ предъ филистимлянами показывало, какимъ грознымъ врагомъ были для нихъ послѣдніе, столь долго господствовавшіе надъ Палестиной. Ужасъ усиливался еще оттого, что одною изъ цѣлей нашествія фи-



Самуилъ представляетъ Саула народу.

листимлянъ на землю израильскую былъ захватъ возможно большаго количества плѣнныхъ, которыхъ они и продавали на своихъ невольническихъ рынкахъ, выручая большія деньги отъ сбыта этого живаго товара купцамъ сосѣднихъ богатыхъ странъ,—Египта и Финикіи. Нѣкоторые изъ израильтянъ, не полагаясь даже на достаточную недоступность пещеръ и горъ, переправлялись за Іорданъ, ища убѣжища въ вольныхъ степяхъ за-іорданскихъ. Даже тѣ, которые уже собрались вокругъ Саула въ Галгалѣ, были далеко не надежны и явно обнаруживали свою трусость, такъ что Саулу приходилось напрягать всѣ свои силы и все свое вліяніе для того, чтобы удержать подъ своимъ знаменемъ собранныхъ воиновъ, изъ которыхъ уже многіе предавались бѣгству.

За нѣсколько лѣтъ до этого, когда Саулъ впервые былъ посвященъ на свою царственную должность, Самуилъ торжественно предсказывалъ молодому царю, что въ его жизни долженъ будетъ совершиться въ Галгалѣ великій кризисъ. Тамъ именно должна была начаться освободительная война, и предъ началомъ ея нужно было принести жертвоприношеніе, совершить которое обѣщался самъ пророкъ. Будучи лишь служителемъ Іеговы, Саулъ не долженъ былъ предпринимать никакихъ важныхъ подвиговъ безъ согласія и совѣта провозвѣстника Іеговы. Когда Саулъ прибылъ въ Галгалъ, то ему повелѣно было подождать въ теченіе семи дней прибытія пророка, и ничего не предпринимать, пока не будетъ совершено религіозное богослуженіе и пророкъ не объяснитъ ему, какъ дѣйствовать. Повелѣніе это было ясно и выразительно. Въ теченіе того времени, которое прошло со времени сообщенія этого повелѣнія, Самуилъ несомнѣнно напоминалъ царю о его обязанности и настаивалъ на строгомъ послушаніи. Но вотъ теперь настало время испытанія. Саулъ находился въ Галгалѣ; въ его жизни наступилъ весьма важный моментъ; онъ долженъ былъ показать свое упованіе на Господа и спокойно повиноваться Его служителю, и все было бы хорошо. Но Саулъ не исполнилъ этого. Находясь въ тревожномъ состояніи, онъ, съ возрастающимъ нетерпѣніемъ, ожидалъ обѣщаннаго Самуиломъ прибытія. День за днемъ его положеніе въ Галгалѣ казалось все болѣе опаснымъ; его станъ на открытой равнинѣ не могъ выдержать вражескаго нападенія; его пути къ отступленію въ горы могли быть во всякое время отрѣзаны; постоянно приходили все новыя извѣстія о движеніи филистимлянъ впередъ; упав-

шее духомъ войско все болѣе разбѣгалось и разсѣевалось, и даже значительная часть его собственнаго избраннаго отряда оставила его въ этой опасности. Находясь въ крайнемъ смущеніи и колеблясь между желаніемъ скорѣе приступить къ дѣлу и распоряженіемъ Самуила, Саулъ не зналъ, что же ему дѣлать: ожидать ли ему, въ бездѣятельности, замедлившаго своимъ прибытіемъ Самуила и видѣть, какъ его войско окончательно разбѣжится и какъ такимъ образомъ погибнетъ всякая надежда на успѣшное противодѣйствіе врагу, или же поступить по собственному усмотрѣнію, пока еще время не потеряно окончательно? Онъ отлагалъ рѣшеніе до самаго послѣдняго момента; но когда разсвѣлъ седьмой день, а пророкъ все еще не приходилъ, онъ, наконецъ, рѣшился дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію. Видя, что войско его не будетъ сражаться, если ему не обезпечена будетъ милость Божія принесеніемъ жертвы, онъ, поэтому, рѣшилъ немедленно совершить жертвоприношеніе и, пользуясь присутствіемъ въ станѣ священника Ахіи [1]), совершилъ жертвоприношеніе. Но едва была совершена первая часть жертвоприношенія и дымъ отъ жертвенника еще поднимался къ небесамъ, такъ что жертва мира была еще не принесена, неожиданно явился на мѣсто дѣйствія и самъ Самуилъ. Замедленіе его зависѣло или вслѣдствіе затрудненія идти прямымъ путемъ въ виду непріятеля, или же онъ нарочно медлилъ для того, чтобы подвергнуть испытанію вѣру и терпѣніе Саула. Во всякомъ случаѣ къ концу седьмаго дня онъ вдругъ явился предъ лицомъ нетерпѣливаго царя. Всегда питая уваженіе къ великому пророку, которому онъ такъ много былъ обязанъ, и желая воздать ему общественную честь, Саулъ вышелъ навстрѣчу къ нему съ смиреннымъ привѣтствіемъ. Самуилъ поглядѣлъ вокругъ себя, и увидѣвъ курящійся жертвенникъ и остатки жертвъ, съ явнымъ неудовольствіемъ спросилъ: «что ты сдѣлалъ?» Саулъ, видя недовольство Самуила, смущенно отвѣчалъ: «я видѣлъ, что народъ разбѣгается отъ меня, а ты не приходилъ къ назначенному времени: филистимляне же собрались въ Михмасѣ; тогда подумалъ я: теперь придутъ на меня филистимляне въ Галгалъ; и я еще не вопросилъ Господа, и потому рѣшился принести всесожженіе». Но оправданіе это не было достаточнымъ въ глазахъ пророка, и онъ отвѣчалъ ему: «худо поступилъ ты, что не исполнилъ повелѣнія Господа Бога твоего, ко-

1) См. 1 Цар. XIV, 3.

торое дано было тебѣ». Совершая это самовольство, Саулъ совершилъ большое преступленіе, чѣмъ сколько можно думать съ новѣйшей точки зрѣнія. Онъ явно доказалъ этимъ, что менѣе надѣялся на высшую помощь, чѣмъ на силу своего войска. Такое самовольство составляло великое преступленіе. Въ израильской монархіи основнымъ началомъ было подчиненіе гражданской власти волѣ Божіей, въ лицѣ пророковъ и священниковъ. Нарушивъ это начало, Саулъ нарушилъ основное условіе своего избранія на царство, такъ какъ онъ заявилъ незаконное желаніе дѣйствовать не какъ представитель высшаго Царя, а какъ самовольный независимый правитель. Онъ заявилъ притязаніе на объединеніе въ своей личности не только независимой гражданской царской власти, но и религіозной, священнической, а такое объединеніе ихъ въ одномъ лицѣ, съ одной стороны, могло придать чрезмѣрный вѣсъ царской власти въ ущербъ священства, а съ другой—само священство потеряло бы свою самостоятельность, ставъ въ подчиненное положеніе къ гражданской власти. Этотъ поступокъ Саула сразу показалъ, что дальнѣйшая его дѣятельность пойдетъ вопреки волѣ Божіей, что, увлекаемый политическими интересами, онъ готовъ пренебрегать религіозными. Поэтому Самуилъ выразилъ ему торжественно укоръ и, въ качествѣ предостереженія, сказалъ ему, что онъ этимъ своимъ незаконнымъ дѣйствіемъ поколебалъ устойчивость своего царствованія. Еслибы Саулъ оказался на высотѣ своего призванія въ этотъ критическій моментъ, требовавшій наивысшаго упованія на Господа, то въ награду за это «упрочилъ бы Господь царствованіе его надъ Израилемъ навсегда». Но такъ какъ онъ не обнаружилъ въ себѣ этой надлежащей вѣры, то теперь, говорилъ Самуилъ, «не устоять царствованію твоему; Господь найдетъ себѣ мужа по сердцу Своему, и повелитъ ему Господь быть вождемъ народа Своего, такъ какъ ты не исполнилъ того, что было повелѣно тебѣ Господомъ» [1]). И вотъ, крайне огорченный случившимся, престарѣлый пророкъ со скорбію, оставляетъ своевольнаго царя, не безъ надежды, что онъ еще сознаетъ свое заблужденіе и благовременнымъ раскаяніемъ отвратитъ угрожающую ему судьбу. Самуилъ зналъ, что приговоры Божіи, какъ и Его обѣтованія, условны, что они не подавляютъ свободной воли человѣка, а зависятъ въ своемъ исполненіи отъ поведенія людей. По-

[1]) 1 Цар. XIII, 13, 14.

этому со скорбію онъ возвращается въ свой домъ въ Раму, останавливаясь лишь на время на своемъ пути въ Гивѣ для того, чтобы ободрить народъ и собравшійся тамъ небольшой отрядъ воиновъ и передать сообщенія, отъ царя его сыну, Іонаѳану. Эти сообщенія состояли въ томъ, чтобы Іонаѳанъ, при первой возможности, присоединился съ своими силами къ отряду своего отца, чтобы имъ общими силами оказать возможно большее сопротивленіе врагу.

Между тѣмъ войско Саула все уменьшалось; онъ рѣшительно ничего не выигралъ своимъ непослушаніемъ; самая цѣль его самовольнаго жертвоприношенія была не достигнута, разсѣяніе народа не было остановлено, и когда ему нужно было выступить изъ Галгала, то изъ всего его войска у него оказалось не болѣе шестисотъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, нужно было приступить къ какимъ-нибудь дѣйствіямъ, и Саулъ, выйдя изъ Галгала съ своимъ незначительнымъ отрядомъ, укрѣпился на одномъ сильномъ мѣстѣ въ городкѣ Гивѣ, который, какъ мы видѣли, находился въ южной сторонѣ Вади-Сувейнитъ, верстахъ въ трехъ къ востоку отъ Рамы, откуда можно было наблюдать за тактикой врага, расположившагося противъ него въ Михмасѣ, и преградить путь его войскамъ въ случаѣ, если бы они попытались проникнуть въ область колѣна Веніаминова. Здѣсь къ нему присоединился Іонаѳанъ съ своимъ отрядомъ избранныхъ воиновъ. Движеніе это было ловкое и показывало искусство благоразумнаго военачальника. Мы не знаемъ, почему филистимляне не сокрушили ничтожнаго войска Саулова на равнинѣ Іорданской, гдѣ ихъ конница и колесницы имѣли бы свободный просторъ для своихъ дѣйствій и гдѣ израильтяне не могли бы оказать имъ никакого сопротивленія. Почему затѣмъ они позволили своимъ врагамъ безъ всякаго вреда отступить къ твердынѣ Гивы и укрѣпиться тамъ,—одинаково непонятно съ военной точки зрѣнія. Вѣроятно, сознавая свое собственное превосходство, филистимляне относились съ крайнимъ презрѣніемъ къ своимъ противникамъ и, сознавая себя способными сокрушить ихъ во всякое время, не считали нужнымъ связываться съ ними, пока дѣло не дошло до нанесенія рѣшительнаго удара. Тѣмъ временемъ они обратили все свое вниманіе на опустошеніе страны, остававшейся беззащитною отъ ихъ войскъ. Удерживая станъ въ Михмасѣ, въ качествѣ своей главной квартиры, они отправляли отдѣльные отряды мародеровъ въ различныхъ направленіяхъ; такъ

какъ имъ не оказывалось никакого противодѣйствія, то вслѣдствіе этого народъ подвергался страшнымъ угнетеніямъ. Библейскій историкъ тщательно отмѣчаетъ самый ходъ этихъ грабительскихъ экспедицій. Одинъ только югъ былъ защищаемъ присутствіемъ силъ Саула, а вся остальная страна находилась въ полномъ распоряженіи непріятеля. Такъ, одинъ отрядъ этихъ легковооруженныхъ филистимлянъ направился въ городъ Офру, находившійся близъ Гая, верстахъ въ семи къ сѣверовостоку отъ Веѳиля, верстахъ въ двадцати отъ Іерусалима и теперь представляемый деревнею Таййбе, стоящей на выдающемся возвышеніи. Отъ этого города къ Іорданской долинѣ спускается одна вади, по которой впослѣдствіи шла римская дорога. Второй отрядъ двинулся къ западу, по направленію къ Веѳорону, теперешнему Беитъ-Уръ, мѣстечку, извѣстному вслѣдствіе побѣды Іисуса Навина надъ царемъ аморрейскимъ (I. Нав. X) и расположенному на главномъ проходѣ изъ Филистіи во внутренность страны. Третій отрядъ производилъ свои опустошенія до Іорданской долины на юго-востокѣ, въ такъ называемой «долинѣ Цевоимъ». Въ такихъ грабительскихъ набѣгахъ прошло довольно значительное время, быть можетъ годъ или два. Къ концу этого времени состояніе израильтянъ сдѣлалось совершенно безнадежнымъ. У филистимлянъ издавна была политика обезоруживать завоеванные ими народы. Извѣстно, что судія Самегаръ, одно время освободившій израильтянъ отъ филистимлянъ, долженъ быть дѣйствовать противъ нихъ за неимѣніемъ оружія, воловьимъ рожномъ; и въ исторіи подвиговъ Самсона также не упоминается о мечахъ или копьяхъ, которые бы употреблялись имъ или окружающими его. Израильтяне, правда, достали значительный запасъ оружія отъ своихъ враговъ послѣ успѣшной битвы при Авенъ-езерѣ; но оружіе это опять было отобрано у нихъ филистимлянами, когда счастье вновь повернулось къ нимъ. Та же самая участь постигла и добычу, пріобрѣтенную у разбитыхъ аммонитянъ. У филистимлянъ, повидимому, было въ обычаѣ въ опредѣленное время обходить завоеванныя земли, взимать дань, собирать оружіе, грабить деревни и воздвигать памятники въ память своихъ побѣдъ въ различныхъ мѣстахъ. Въ описываемое время они не только лишили израильтянъ всякихъ средствъ защиты, но, какъ это бывало и раньше, увели съ собою кузнецовъ и оружейниковъ, такъ что библейскій писатель, говоря объ этомъ времени, прямо заявляетъ, что въ

это время „кузнецовъ не было во всей землѣ Израильской; ибо филистимляне опасались, чтобы евреи не сдѣлали меча или копья“ [1]). Дѣло дошло до того, что даже для исправленія своихъ земледѣльческихъ орудій, своихъ плуговъ, серповъ, косъ и топоровъ, израильтяне должны были обращаться въ ближайшія филистимскія поселенія, и это оказывалось столь тяжелымъ и унизительнымъ, что многіе изъ нихъ предпочитали оставлять свои орудія безъ исправленія, чѣмъ отправляться за этимъ дѣломъ къ филистимлянамъ. Въ виду всего этого, лишь немногіе изъ израильтянъ могли имѣть достаточное вооруженіе, и во всякомъ случаѣ были совершенно не въ состояніи встрѣтить непріятелей съ равнымъ оружіемъ въ рукахъ, такъ какъ послѣдніе не только были превосходно вооружены мечами и копьями, но и защищены непроницаемыми бронями. Очень возможно, что израильтяне имѣли луки и стрѣлы, употребленіемъ которыхъ они славились, а веніамитяне могли быть вооружены пращами, ловкостью метанія которыхъ они выдавались изъ среды всего народа. Но такое оружіе ихъ весьма мало могло имѣть значенія противъ воиновъ, защищенныхъ нагрудниками, шлемами и металлическими щитами, такъ что они мало могли имѣть надежды на успѣшную борьбу съ своими противниками, и вслѣдствіе этого вынуждены были занимать лишь оборонительное положеніе и, съ сознаніемъ своего безсилія, смотрѣть, какъ народъ подвергался разграбленію и всевозможнымъ униженіямъ и угнетеніямъ.

Видя полное безсиліе израильтянъ воспрепятствовать своему нашествію, филистимляне подвинулись еще дальше и перешли изъ своего стана въ Михмасѣ на одну возвышенность нѣсколько ближе къ Гивѣ, такъ чтобы имъ можно было удобнѣе перенять израильтянъ, еслибы они вздумали сдѣлать какое-нибудь наступательное движеніе. Лагерь филистимлянъ, по описанію I. Флавія [2]), бывшаго хорошо знакомымъ съ этою мѣстностью, былъ расположенъ на весьма крутомъ холмѣ, который, имѣя три вершины, заканчивался длиннымъ, узкимъ отрогомъ и защищался утесами, которые почти совершенно окружали станъ. «Какъ разъ

---

[1]) 1 Цар. XIII, 19.

[2]) Antiq VI, 6, 2.

такая именно естественная крѣпость», говоритъ новѣйшій изслѣдователь лейтенантъ Кондеръ [1]), «находится къ востоку отъ Михмаса, и она доселѣ называется у мѣстныхъ поселянъ крѣпостью". Она представляетъ собою «горный хребетъ, возвышающійся тремя закругленными остовами надъ отвѣсной скалой, заканчивающейся узкой полосой къ востоку съ утесами внизу, и имѣетъ позади себя открытую долину, а къ западу сѣдлообразную площадь, на которой и расположенъ самый Михмасъ. Противъ этой крѣпости къ югу находится такой же высоты скала, кажущаяся неприступною»; однимъ словомъ, мѣстность соотвѣтствуетъ какъ разъ тому описанію, которое даетъ библейскій повѣствователь, говоря, что тутъ «была острая скала съ одной стороны и другая скала съ другой» [2]). Южная скала называлась Сене, а сѣверная Боцецъ, то-есть, сіяющая. Долина, которую описываетъ лейтенантъ Кондеръ, почти прямо идетъ къ востоку, и такимъ образомъ южная сторона ея почти постоянно находится въ тѣни въ теченіе дня. Поразителенъ и живописенъ контрастъ между этимъ темнымъ прохладнымъ цвѣтомъ южной стороны и красноватыми или бурыми оттѣнками сѣверной скалы, увѣнчанной ослѣпительной бѣлизной верхнихъ мѣловыхъ наслоеній. Чтобы наблюдать за движеніемъ филистимлянъ, Саулъ занялъ сѣверную оконечность холма Гивы [3]), гдѣ подъ гранатовымъ деревомъ, что въ Мигронѣ, поднялъ свое копье, въ знакъ своей команды. Здѣсь онъ зорко слѣдилъ за непріятелемъ и, будучи слишкомъ слабъ, чтобы начать наступательное движеніе, выжидалъ болѣе благопріятнаго случая. Но въ его войскѣ былъ одинъ храбрый чело

---

1) Tent Work. II, 112 и слѣд.

2)) 1 Цар. XVI, 4.

) Нужно имѣть въ виду, что въ текстѣ происходитъ постоянное смѣшеніе между Гивой Веніаминовой, Гивой Сауловой и просто Гивой (или Гевой). Семьдесятъ переводчиковъ въ настоящемъ мѣстѣ читаютъ: «на оконечности холма», принимая это слово въ нарицательномъ смыслѣ. Они, очевидно, не разумѣли здѣсь собственнаго города Саулова. Вообще невѣроятно, чтобы царь оставилъ Іонаѳана въ Гивѣ и самъ удалился съ своими главными силами въ Гиву Саулову; и Михмасъ нельзя бы было видѣть изъ послѣдняго мѣста, между тѣмъ, какъ отъ Гивы онъ отдѣляется только пространствомъ долины, такъ, что все происходящее тамъ могло быть ясно видимо изъ лагеря израильтянъ. Разстояніе между Гивой Сауловой до Михмаса (они раздѣлены между собою многими скалистыми долинами) было слишкомъ велико, чтобы Саулъ могъ прибыть во-время для оказанія должной помощи Іонаѳану въ его отважномъ предпріятіи.

вѣкъ, который не могъ терпѣливо выносить подобной бездѣятельности, и нетерпѣніе его возростало съ каждымъ днемъ. Это былъ отважный Іонаѳенъ. Онъ не могъ долѣе сносить, чтобы дерзкій врагъ похвалялся своимъ превосходствомъ, и одушевленный патріотизмомъ и народнымъ воспоминаніемъ о подвигахъ древнихъ судей Гедеона, Гоѳоніила и Самсона, онъ рѣшился попытаться нанести какой-нибудь отчаянный ударъ непріятелю, или въ случаѣ неудачи его, погибнуть. Онъ ничего не сообщилъ о своемъ намѣреніи отцу; не спросилъ даже совѣта у первосвященника Ахіи (правнука Илія), находившагося въ войскѣ съ уримомъ и туммимомъ, но, прямо полагаясь на помощь Всевышняго и на свое собственное мужество, предпринялъ одинъ изъ отважнѣйшихъ подвиговъ, какіе только извѣстны въ древности.

Смотря на израильтянъ, какъ на недисциплинированный, лишенный должнаго вооруженія, сбродъ трусливыхъ людей, которыхъ нечего было опасаться, филистимляне естественно не съ особенною строгостью содержали караулы и были мало приготовлены къ противодѣйствію какому-нибудь неожиданному нападенію. Іонаѳанъ видѣлъ это съ своего высокаго положенія въ Гивѣ и рѣшился воспользоваться этимъ. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи своему оруженосцу, юношѣ, одушевленному тѣмъ же мужествомъ и вдохновленному тою же вѣрою въ божественное покровительство, какъ и онъ самъ. Безъ всякихъ дальнѣйшихъ приготовленій, Іонаѳанъ прямо обратился къ своему оруженосцу, говоря: «ступай, перейдемъ къ отряду этихъ необрѣзанныхъ; можетъ быть Господь поможетъ намъ; ибо для Господа не трудно спасти чрезъ многихъ или немногихъ». Оруженосецъ сразу же согласился принять участіе въ этомъ предпріятіи съ своимъ господиномъ и раздѣлить могущую угрожать ему опасность. Но, прежде чѣмъ выступить на дѣло, Іонаѳанъ, по обычаю своего вѣка и страны, желалъ получить благословеніе Божіе на это предпріятіе противъ враговъ истинной религіи. Подобно слугѣ Авраама, Елеезеру Дамасскому, когда онъ отправлялся для исполненія своего порученія по устройству женитьбы Исаака [1]), или подобно Гедеону, желавшеиу получить удостовѣреніе, что Богъ дѣйствительно намѣренъ спасти Израиля Своею рукою [2]).

[1]) Быт. XXIV.
[2]) Суд. VI.

Іонаѳанъ, при своемъ полномъ упованіи на Провидѣніе, хотѣлъ также получить какое-нибудь рѣшительное знаменіе для освященія своего предпріятія. Подобное желаніе возникало изъ сильнаго убѣжденія, что Израиль былъ народомъ Божіимъ, и что, предпринимая борьбу съ врагами истинной религіи, всякій человѣкъ считалъ за лучшее испросить на это соизволеніе Божіе. Знакомъ этого удостовѣренія въ соизволеніи Божіемъ они избрали слѣдующій опытъ. Іонаѳанъ съ своимъ оруженосцемъ должны были перейти на филистимскую сторону долины, и, когда филистимляне увидятъ ихъ, то должны были наблюдать, какія первыя слова будутъ сказаны имъ. Если филистимляне скажутъ: «остановитесь, пока мы подойдемъ къ вамъ», то это будетъ служить признакомъ неудачи предпріятія, и его нужно будетъ оставить безъ исполненія; если же филистимляне скажутъ: «поднимитесь къ намъ», то это вѣрный признакъ успѣха и того, что Господь предастъ непріятеля въ руки ихъ. И вотъ, такимъ образомъ храбрый Іонаѳанъ вмѣстѣ съ своимъ оруженосцемъ отправились на опасное предпріятіе. Спустившись съ крутыхъ скалъ Сена, они прибыли въ долину и, перейдя чрезъ нее, начали подниматься на противоположную скалу Боцецъ, и затѣмъ стали ожидать осуществленія знаменія. Оно избрано было не безъ военнаго искусства. Еслибы филистимляне закричали имъ подождать, пока они придутъ, то это показывало бы, что они осторожны, зорко слѣдятъ за всѣмъ окружающимъ и на нихъ нельзя напасть съ безнаказанностью; но если они скажутъ имъ, чтобы поднялись въ ихъ станъ, то это будетъ доказательство, что они безпечны и слишкомъ пренебрежительно относятся къ израильтянамъ, чтобы предпринимать какія-мибо предосторожности противъ неожиданнаго нападенія. Было раннее утро, и филистимляне, наконецъ замѣтили этихъ двухъ одинокихъ воиновъ, которые переходили чрезъ долину и прямо направлялись къ непріятельскому стану. Быть можетъ они уже взобрались на нѣкоторое разстояніе на самую крутизну, вздымавшуюся футовъ на шестьдесятъ, прежде чѣмъ филистимляне открыли ихъ. Замѣтивъ ихъ, филистимляне насмѣшливо закричали: «вотъ евреи выходятъ изъ ущелій, въ которыхъ попрятались они“, и затѣмъ прибавили: „взойдите къ намъ, и мы вамъ скажемъ нѣчто». Филистимляне, очевидно, хотѣли выразить свое издѣвательство надъ этими безумными, на ихъ взглядъ, израильскими воинами. Но для Іонаѳана этотъ

призывъ былъ благопріятнымъ для предпріятія знаменіемъ, и онъ немедленно сказалъ своему оруженосцу: «слѣдуй за мною; ибо Господь предалъ ихъ въ руки Израиля». Іонаѳану съ оруженосцемъ нужно было взбираться на большую крутизну, и филистимляне легко бы могли ихъ уничтожить, бросая на нихъ сверху глыбы камня; но они относились къ нимъ только съ добродушнымъ презрѣніемъ и съ любопытствомъ смотрѣли, что они будутъ дѣлать дальше. И вотъ, такимъ образомъ юные храбрецы безпрепятственно поднялись на скалу и явились предъ своими врагами, вооруженные своими смертоносными луками. По свидѣтельству I. Флавія [1]), какъ только былъ полученъ благопріятный отвѣтъ отъ непріятеля, Іонаѳанъ съ своимъ оруженосцемъ скрылись изъ вида филистимлянъ и обошли кругомъ на ту сторону скалы, которая оставлена была безъ охраны. Взобравшись на нее, они вошли въ лагерь съ противоположной стороны и нашли филистимлянъ спящими въ воображаемой безопасности. Какъ бы то ни было, храбрые воины, взобравшись на вершину стана филистимскаго, съ изумительною отвагою бросились на непріятелей и начали поражать ихъ копьями, пращами и камнями. Оруженосецъ былъ весьма достойнымъ помощникомъ своего господина. Филистимляне, озадаченные такою неожиданностью этого нападенія, оказали лишь весьма мало сопротивленія, и въ нѣсколько минутъ двадцать труповъ непріятельскихъ были свидѣтельствомъ силы нападенія и храбрости израильтянъ. Такая невиданная смѣлость сразу же распространила панику среди филистимлянъ; они не могли и вообразить, чтобы два человѣка, безъ всякой помощи, осмѣлились сдѣлать нападеніе на цѣлый гарнизонъ; имъ невольно думалось, что эти два воина были только застрѣльщиками цѣлаго войска и, поэтому, не оказавъ дальнѣйшаго сопротивленія, бѣжали въ смятеніи по направленію къ главному лагерю, распространяя ужасъ и тамъ. Паника распространилась и на отряды мародеровъ, рыскавшихъ въ окрестностяхъ, и они также предались бѣгству. Смятеніе увеличивалось еще отъ примѣси иноземцевъ въ филистимскомъ войскѣ, такъ что, при объявшемъ ихъ ужасѣ, они перестали различать друга отъ врага, и предались взаимному самоистребленію. «И произошелъ ужасъ въ станѣ,

---

[1]) Antiq. VI, 6, 7.

на полѣ и во всемъ народѣ; передовые отряды и опустошавшіе землю пришли въ трепетъ (и не могли сражаться); дрогнула вся земля, и былъ ужасъ великій отъ Господа». Часовые Саулова войска въ Гивѣ могли ясно видѣть, что происходило въ Михмасѣ, и даже могли отчасти слышать доносившіеся имъ чрезъ долину крики сражающихся. Съ крайнимъ изумленіемъ они видѣли признаки борьбы въ лагерѣ непріятеля, блескъ оружія и смятенное движеніе безпорядочныхъ массъ взадъ и впередъ, и тотчасъ же сообщили объ этомъ странномъ событіи Саулу. Сразу же увидѣвъ, что здѣсь дѣло касается какого-нибудь подвига его собственныхъ воиновъ, царь приказалъ немедленно сдѣлать перекличку своимъ войскамъ, и при этой перекличкѣ тотчасъ же было открыто отсутствіе Іонаѳана и его оруженосца. Тогда необходимо было приступить къ дѣйствію. Саулъ тотчасъ же распорядился, чтобы первосвященникъ Ахія принесъ кивотъ завѣта и присутствіемъ его подкрѣпилъ своихъ воиновъ. По всему израильскому войску раздался крикъ одушевленія, и оно двинулось на непріятеля. Но непріятель теперь уже не могъ оказать какого-либо дѣятельнаго сопротивленія. Въ его лагерѣ происходило ужасающее смятеніе: филистимляне и ихъ союзники избивали другъ друга, такъ что израильтянамъ оставалось только нанести окончательный разгромъ своему грозному врагу. Кромѣ того, израильтяне получили еще и неожиданное подкрѣпленіе. Быть можетъ нѣкоторые изъ союзниковъ, служившіе у филистимлянъ, воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы обратить свое оружіе противъ самихъ филистимлянъ; во всякомъ случаѣ несомнѣнно что многіе изъ израильтянъ, служившіе также, вѣроятно, въ качествѣ рабовъ у филистимлянъ, открыто перешли на сторону своихъ соотечественниковъ, и этимъ повергли еще въ большій безпорядокъ филистимское войско. Не думая больше о противодѣйствіи, филистимляне бросились въ бѣгство. Вѣсть объ этомъ событіи быстро распространилась повсюду; поселяне, которые, съ приближеніемъ филистимлянъ, разбѣжались по своимъ домамъ и ущельямъ, теперь выходили изъ мѣстъ своего убѣжища и присоединялись къ побѣдоносному войску. Въ безпорядочномъ смятеніи, непріятель бѣжалъ по долинѣ, мимо Беѳъ-Авена, блѣдной пустыни къ востоку отъ Веѳиля; не останавливаясь и тамъ, онъ повернулъ къ западу — сначала къ верхнему Веѳорону, затѣмъ,

по крутому склону, къ нижнему Веѳорону, съ цѣлью достигнуть своей страны долиной Аіалонской. Это широкая и прекрасная долина, идущая въ сѣверозападномъ направленіи чрезъ гряду холмовъ и затѣмъ направляющаяся къ юго-западу, по большой западной равнинѣ. Самый Аіалонъ, остатокъ котораго представляется теперь въ деревнѣ Іало, стоялъ на склонѣ длиннаго холма, окаймляющаго долину съ юга. По этой-то вади жалкіе остатки филистимлянъ, совершенно павшихъ духомъ, терпя отъ ранъ и истомленія, вслѣдствіе бѣгства на пространствѣ тридцати верстъ по каменистой и изрытой почвѣ, достигли наконецъ своей собственной земли, потерявъ оружіе, всѣ награбленныя сокровища и запасы.

Такимъ образомъ, какъ Господь нѣкогда избавилъ израильтянъ при Чермномъ морѣ, такъ Онъ спасъ ихъ и теперь отъ руки враговъ ихъ, и даровалъ имъ великую побѣду, во время которой погибло 60,000 филистимлянъ [1]). Но случилось одно обстоятельство, которое сдѣлало эту побѣду менѣе полной, чѣмъ какою она могла бы быть. Войско израильтянъ, подкрѣпленное приливомъ поселянъ и израильтянами изъ филистимскаго лагеря, достигло до 10,000 человѣкъ, и Саулъ, желая воспользоваться этою многочисленною силою, а также ускорить преслѣдованіе непріятеля, неразумно взялъ съ своего народа клятву, что онъ не будетъ принимать пищи до вечера. Очевидно, Саулъ былъ такъ занятъ мыслью объ отмщеніи за долгія оскорбленія, наносившіяся филистимлянами ему и его царской власти, что онъ забылъ человѣческую немощь своихъ воиновъ и предѣлы человѣческой выносливости, и пригрозилъ смертною казнью всякому, кто только до истеченія дня прекратитъ военное дѣло и остановится для отдыха или подкрѣпленія. Послѣдствія этого неразумнаго обѣта обнаружились въ слабости и неохотности его послѣдователей, которые, отъ крайняго истощенія, были не въ состояніи продолжать преслѣдованіе съ должною настойчивостью. Путь ихъ лежалъ чрезъ лѣсъ, гдѣ въ изобиліи находился медъ, такъ какъ дикія пчелы строятъ свои соты въ скалахъ и дуплахъ деревъ, и часто меду бываетъ такъ много, что онъ, особенно подъ вліяніемъ дневного зноя, выливается изъ сотовъ и падаетъ на землю. Хана-

---

1) Josephus, Antiq. VI, 6, 6.

анъ, какъ мы знаемъ, былъ страной, текущей молокомъ и медомъ, и путешественники разсказываютъ, что и въ настоящее время въ болѣе удобныхъ мѣстахъ тамъ встрѣчаются громадные рои пчелъ [1]). Іудеи чрезвычайно любили медъ и употребляли его въ значительной степени вмѣсто пищи; но при этомъ случаѣ никто не осмѣливался коснуться его изъ опасенія нарушить принятую клятву. Между тѣмъ Іонаѳана не было въ то время, когда отецъ его бралъ съ народа эту неразумную клятву, и онъ ничего не слышалъ о ней; поэтому, достигнувъ лѣса и увидѣвъ предъ собою средство для подкрѣпленія, онъ, «протянувъ конецъ палки, которая была въ рукѣ его, обмакнулъ ее въ сотъ медовый и обратилъ рукою къ устамъ своимъ, и просвѣтлѣли глаза его». Но одинъ изъ его спутниковъ, увидя, что онъ сдѣлалъ, и смутившись отъ мысли, что сынъ царя нарушилъ общее заклятіе, замѣтилъ ему объ этомъ, говоря: «отецъ твой заклялъ народъ, сказавъ: проклятъ, кто сегодня вкуситъ пищи; отъ этого народъ истомился". Услышавъ объ этомъ, Іонаѳанъ, судя по себѣ объ общемъ утомленіи войскъ, выразилъ крайнее негодованіе и сказалъ: „смутилъ отецъ мой землю; смотрите, у меня просвѣтлѣли глаза, когда я вкусилъ немного этого меду. Еслибы поѣлъ сегодня народъ изъ добычи, какую нашелъ у враговъ своихъ, то не большее ли было бы пораженіе филистимлянъ?» Преслѣдованіе продолжалось цѣлый день, переходя изъ города въ городъ и, какъ мы видѣли, достигло долины Аіалонской, отстоящей уже далеко отъ Михмаса. Наконецъ, крайнее утомленіе войска лишило его возможности дальнѣйшаго преслѣдованія филистимлянъ, хотя послѣдніе, для того чтобы облегчить себѣ бѣгство, бросали по пути всѣ свои запасы провизіи и бывшій при нихъ скотъ. И когда солнце закатилось и обѣтъ потерялъ свою силу, то народъ крайне истомленный голодомъ, жадно набросился на эту добычу, на овецъ, воловъ и телятъ, оставленныхъ филистимлянами, и, не соблюдая требованія закона, алчно удовлетворялъ свой аппетитъ животной пищей, даже не подвергая ее должному приготовленію. Такъ какъ кровь считалась жизнью и таинственно связывалась съ обрядомъ очищенія, то законъ давалъ весьма строгія поста-

---

[1]) Такъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Тристрамъ въ своей «Естественной Исторіи Библіи». См. также «Библейскую Исторію», I, 975.

новленія касательно убоя животныхъ для пищи. Каждое животное считалось своего рода мирнымъ приношеніемъ, и отнятіе у него жизни было какбы торжественнымъ жертвеннымъ актомъ. Убивать его, по закону, нужно было съ крайнею осторожностью посредствомъ разсѣченія горла острымъ ножемъ, безъ разрыва, кровь отнюдь нельзя было ѣсть, а она должна была стекать на землю и затѣмъ покрываться землей [1]). При своемъ необычайномъ голодѣ, народъ погрѣшилъ болѣе, чѣмъ въ одномъ отношеніи Онъ не дожидался, пока трупъ совершенно освободится отъ крови и, убивъ животныхъ, жадно хваталъ куски мяса и ѣлъ ихъ съ кровью, между тѣмъ, какъ законъ прямо говоритъ, «кто будетъ ѣсть кровь, душа того истребится отъ народа его». Нѣкоторые были настолько голодны, что, не дожидаясь должнаго приготовленія мяса, ѣли его даже сырымъ. Израильтяне нарушили при этомъ и другое весьма замѣчательное постановленіе, имѣвшее въ виду поддерживать нѣжность чувства и внушать о высотѣ отношенія между родителемъ и дѣтенышемъ. Вопреки законоположенію, запрещавшему убивать корову и ея теленка въ одинъ и тотъ же день [2]), они, въ своей безжалостной алчности безразлично убивали вмѣстѣ и тѣхъ, и другихъ. Эти нарушенія закона не могли пройти безъ должнаго укора. Нѣкоторые изъ левитовъ сопровождавшихъ войско, пришли и донесли Саулу обо всемъ случившемся, и онъ, хотя самъ будучи виновникомъ этого преступленія, вслѣдствіе изданнаго имъ небдуманнаго запрещенія тотчасъ-же призналъ тяжесть грѣха народа и принялъ мѣры къ тому, чтобы исполнена была буква закона. «Вы согрѣшили», гнѣвно закричалъ онъ народу, и для того, чтобы устранить дальнѣйшее закононарушеніе, приказалъ поставить большой камень, на которомъ и можно было убивать животныхъ, согласно съ постановленіемъ закона. Въ то же время Саулъ построилъ и благодарственный жертвенникъ Богу за побѣду и приносилъ на немъ жертвы. Это было первое общественное признаніе, сдѣланное имъ въ отношеніи его обязательствъ къ Богу воинства израильскаго. Онъ одерживалъ и другія побѣды, но не думалъ приписывать свой успѣхъ божественной помощи. Въ своей благодарности за

---

1) Лев. III, 17; VII, 26; XVII, 10 и слѣд.; Втор. XII, 6, 23.
2) Лев. XXII, 28.

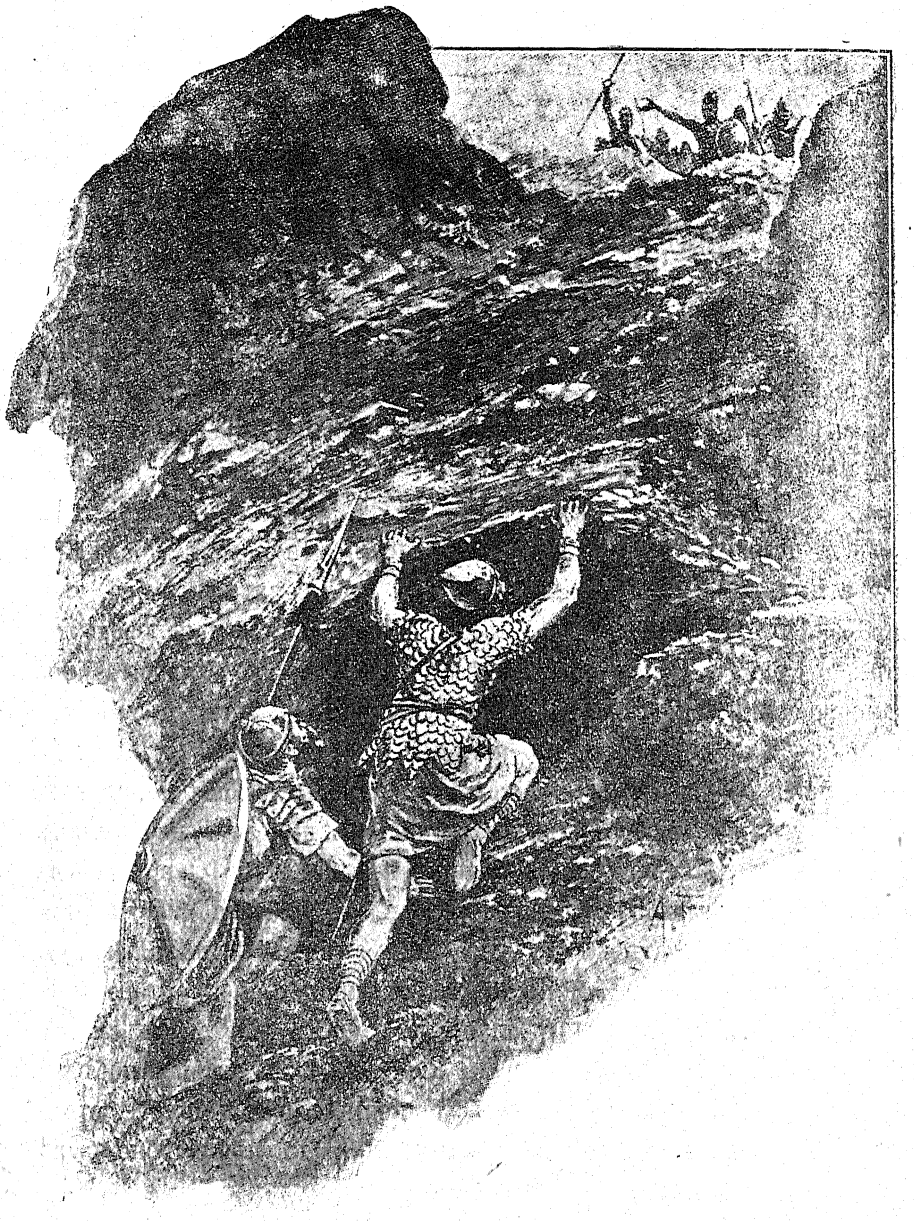
теперешнее неожиданное счастье, онъ ввелъ тотъ обычай, которому слѣдовали и цари послѣдующаго времени, именно обычай воздвигать жертвенникъ Іеговы въ память великихъ національныхъ побѣдъ.

Чтобы возможно полнѣе воспользоваться своей побѣдой, Саулъ порѣшилъ, послѣ временнаго отдыха народа, вновь начать преслѣдованіе непріятеля ночью. Онъ сознавалъ, что его собственный необдуманный обѣтъ сильно затормазилъ исполненіе этого намѣренія, и теперь желалъ исправить свою ошибку произведеніемъ новаго и неожиданнаго нападенія. Народъ, подкрѣпившись своею грубою пищею и готовый слѣдовать куда только ни поведутъ его, охотно согласился на это предложеніе. Отдохнувъ немного, войско поднялось съ мѣста, вокругъ котораго пылали лагерные огни, взялось за оружіе и приготовилось къ дальнѣйшему походу. Но въ дѣло вмѣшался первосвященникъ. Онъ не заразился увлеченіемъ царя и съ мужествомъ, получающимъ силу изъ сознанія праваго дѣла, просилъ его не начинать новаго предпріятія безъ должнаго удостовѣренія въ волѣ Божіей. Саулъ не отрицалъ разумности этого предложенія, и посредствомъ урима и туммима обратился съ двумя вопросами: «идти ли мнѣ въ погоню за филистимлянами? Предать ли ихъ въ руки Израиля?» Но, къ крайнему его изумленію, отвѣта не послѣдовало. Когда изумленный Саулъ обратился къ первосвященнику за разъясненіемъ этого страннаго явленія, то первосвященникъ объяснилъ Саулу, что причина заключается въ томъ, что во время предшествующаго дѣла нарушено было провозглашенное царемъ заклятіе. Изумленный царь ничего не зналъ о случившемся съ Іонаѳаномъ, и узнавъ теперь о нарушеніи клятвы, и видя въ ея нарушеніи отчасти какбы оскорбленіе своего царскаго величія, воскликнулъ: «пусть подойдутъ сюда всѣ начальники народа, и развѣдаютъ, и узнаютъ, на комъ грѣхъ нынѣ. Ибо—живъ Господь, спасшій Израиля,—если окажется и на Іонаѳанѣ, сынѣ моемъ, то и онъ умретъ непремѣнно». И вотъ такимъ образомъ, безъ всякаго разслѣдованія дѣла, безъ достаточнаго размышленія, Саулъ опять далъ клятву, которая должна была привести къ гибели его собственнаго сына. Пораженный ужасомъ и гнѣвомъ царя, народъ не отвѣчалъ ему ни слова, хотя многіе изъ нихъ знали, кому угрожала эта клятва. Такъ такъ на прежній вопросъ

Саула не подослѣдовало отвѣта, то царь рѣшился открыть виновника посредствомъ жребія. Вина должна была заключаться или на немъ самомъ и его сынѣ, или на какомъ-нибудь воинѣ изъ его войска. Увѣренный какъ въ своей собственной невинности, такъ и въ невинности Іонаѳана, царь приказалъ народу стать по одну сторону, а самъ съ своимъ сыномъ занялъ мѣсто на другой сторонѣ. Затѣмъ онъ обратился къ Богу съ молитвой и сказалъ: «Господи, Боже Израилевъ! (отчего Ты нынѣ не отвѣчалъ рабу Твоему, моя ли въ томъ вина, или сына моего, Іонаѳана, Господи, Боже Израилевъ) дай знаменіе (если же оно въ народѣ Твоемъ, Израилѣ, дай ему освященіе»). И вотъ жребій былъ брошенъ, и, къ изумленію царя, палъ на ту сторону, гдѣ стоялъ онъ съ своимъ сыномъ. Жребій былъ брошенъ во второй разъ, и онъ палъ на Іонаѳана, какъ виновнаго. Съ страшнымъ гнѣвомъ, Саулъ обращается къ сыну съ вопросомъ, въ чемъ онъ согрѣшилъ, что Богъ отвратилъ отъ него лицо свое. Іонаѳанъ который между тѣмъ уже узналъ о томъ, что причиной молчанія божественныхъ урима и туммима было именно совершенное имъ нарушеніе обѣта, признался, что именно онъ сдѣлалъ: «я отвѣдалъ концемъ палки, которая въ рукѣ моей, немного меду; и вотъ, я долженъ умереть!» Въ Сирійскомъ переводѣ послѣднія слова имѣютъ вопросительную форму: «неужели я долженъ умереть за это?» — какъ будто бы Іонаѳанъ жаловался на свою жестокую судьбу. Но выраженіе его скорѣе означаетъ необычайное самоотреченіе и покорность свой судьбѣ. Хотя преступленіе его сначала было совершено по невѣденію, онъ, однако же, отнюдь не думалъ объ избѣжаніи наказанія. Онъ былъ совершенно убѣжденъ, что обѣтъ его отца, какъ бы онъ ни былъ необдуманъ и бѣдственъ, долженъ быть исполненъ. Іосифъ Флавій, всегда старающійся возвышать своихъ героевъ въ глазахъ своихъ римскихъ друзей, влагаетъ въ уста Іонаѳана рѣчь, выражающую полное самоотреченіе. «Я прошу тебя не щадить меня, отецъ мой, говорилъ онъ Саулу. Мнѣ сладостно будетъ потерпѣть смерть для удовлетворенія твоей клятвы и послѣ столь славной побѣды; потому что моимъ величайшимъ утѣшеніемъ будетъ знать, что я оставляю израильтянъ побѣдителями [1]). Какъ ни прискорбно было

[1]) Antiq. VI, 6, 5.

Саулу видѣть такія ужасныя послѣдствія своего необдуманнаго обѣта, онъ не хотѣлъ отступить отъ разъ данной клятвы, и говоръ былъ привести заклятіе въ исполненіе. «Пусть то и то сдѣлаетъ мнѣ Богъ, воскликнулъ Саулъ, и еще больше сдѣлаетъ; ты, Іонаѳанъ, долженъ сегодня умереть!» Но этого не должно было случиться: юная жизнь славнаго воина не должна была прекратиться такъ преждевременно. Ему предстояло другое дѣло,



Іонаѳанъ и его оруженосец[illegible]

прежде чѣмъ его могла постигнуть печальная кончина. Народъ пораженный всѣмъ происходящимъ, доселѣ оставался въ безмолвіи и всецѣло подчинялся Саулу; но когда дѣло дошло до того что необдуманный обѣтъ Саула долженъ былъ привести къ гибели храбрѣйшаго юноши, которому народъ, да и самъ царь, обязаны были только что одержанной побѣдой надъ злѣйшимъ врагомъ, то народъ единогласно возсталъ противъ этого. Господь показалъ, что далъ свою силу и помощь Іонаѳану въ его геройскомъ дѣлѣ. Такъ неужели же можно теперь обвинять того, дѣло котораго одобрено было Богомъ? По лагерю пронесся единогласный ропотъ протеста, и народъ сказалъ Саулу: «Іонаѳану ли умереть, который доставилъ столь великое спасаніе Израилю? Да не будетъ этого! Живъ Господь; и голосъ не упадаетъ съ головы его на землю, ибо съ Богомъ онъ дѣйствовалъ нынѣ". Саулъ, борясь между исполненіемъ того, что онъ считалъ своимъ долгомъ, и протестомъ народа, наконецъ былъ вынужденъ уступить народу, и Іонаѳанъ былъ спасенъ отъ страшныхъ послѣдствій совершенной имъ ошибки. Царь призналъ, что вина во всемъ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ лежала на немъ самомъ; онъ послушался совѣта Ахіи и прекратилъ преслѣдованіе филистимлянъ, оставивъ такимъ образомъ врага хотя и разбитымъ, однако же не настолько ослабленнымъ, чтобы лишить его возможности совершать нападенія въ будущемъ. Такъ самоволіе и нетерпѣливость царя въ значительной степени омрачили свѣтлое торжество израильскаго народа надъ его злѣйшимъ врагомъ.

ГЛАВА VII.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОТВЕРЖЕНІЕ САУЛА И ПОМАЗАНІЕ ПРЕЕМНИКА ЕМУ.

Царствованіе Саула всецѣло было занято войнами. Какъ только пораженіе филистимлянъ и ихъ отступленіе въ свою собственную землю освободило царя и его владѣнія отъ этого сильнаго врага, и народъ, выходя изъ своихъ убѣжищъ, стекался опять на свои мѣста жительства и сосредоточивался вокругъ царя, Саулъ сразу же приступилъ къ образованію регулярнаго

войска и обратилъ все свое вниманіе на укрѣпленіе и обезпеченіе своего правленія. Въ тѣ времена, когда личное мужество и ловкость въ употребленіи оружія были главными условіями успѣха въ военныхъ предпріятіяхъ, а тактика и стратегія находились въ первобытномъ состояніи, было чрезвычайно важно для царя имѣть вокругъ себя отрядъ опытныхъ воиновъ, на которыхъ всегда можно бы положиться, что они выполнятъ его планы съ настойчивостью и искусствомъ. Такихъ-то именно людей и набиралъ теперь Саулъ и, когда онъ встрѣчался съ кѣмъ-нибудь, выдававшимся или тѣлесною крѣпостью, или доказанною храбростью, или чрезвычайною ловкостью въ употребленіи копья и лука, то и зачислялъ его въ свою службу. Такими способами онъ собралъ для себя узелъ сильнаго войска и положилъ основаніе тому военному могуществу, которое дало возможность Израилю не только удерживать свои собственныя владѣнія, но въ позднѣйшее время, подобно одной изъ великихъ восточныхъ монархій, распространить свои завоеванія далеко за предѣлы своей земли.

Положеніе Саула въ то время было довольно затруднительнымъ. Враги окружали его со всѣхъ сторонъ. Чувствуя, что новый монархъ былъ способнымъ полководцемъ и что въ случаѣ, если оставить его на свободѣ, онъ превратитъ свой народъ въ могущественное государство, сосѣднія племена нападали на него и употребляли всевозможныя старанія для того, чтобы ниспровергнуть или ослабить его правленіе. Послѣдней побѣдой филистимляне были только пріостановлены въ своей завоевательности и смирились на время. Ихъ могущество все еще было страшнымъ, и они были однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ, съ которыми приходилось бороться Саулу. Своими побѣдами Саулъ обязанъ былъ своей храбрости, энергіи и искусству. Библейскій повѣствователь не даетъ никакихъ подробностей о многихъ изъ тѣхъ войнъ, въ которыхъ проходила вся его государственная жизнь. Изъ даваемаго имъ краткаго очерка мы видимъ, что Саулъ воевалъ со всѣми народами, страны которыхъ прилегаютъ къ св. землѣ. Моавитяне и аммонитяне тревожили его съ востока; едомитяне, всегда оставаясь непримиримыми врагами Израиля, нападали съ юга; въ этомъ же направленіи находились и амаликитяне, о войнѣ съ которыми разсказывается съ большею подроб-

ностью, вслѣдствіе тѣхъ важныхъ послѣдствій, которыя она повлекла за собой. Съ запада теперь, какъ и всегда, угрожали вновь начинавшіе наступать филистимляне, и съ сѣверо-востока цари Совы, страны, простиравшейся отъ Дамаска къ Евфрату, старались распространить свою завоевательность на сѣверныя части Палестины. Саулъ успѣшно далъ отпоръ всѣмъ этимъ врагамъ; разъ пріобрѣтенная свобода никогда уже не терялась народомъ; Израиль уже не стоналъ подъ тяжкимъ языческимъ игомъ, и, спокойный въ своихъ надѣлахъ, имѣлъ время и возможность для внутренняго развитія, которому содѣйствовалъ Самуилъ своими школами пророковъ.

Библейскій историкъ, оставляя въ сторонѣ время благоденствія и успѣховъ, обращается мыслью къ болѣе мрачной сценѣ; предоставляя подробное изложеніе войнъ и битвъ гражданскимъ писателямъ, онъ занимается только событіями, которыя раскрываютъ характеръ царя и имѣютъ нравственное значеніе. Такъ, предоставляя забвенію героическіе военные подвиги Саула и великія дѣянія его сильныхъ и могущественныхъ воиновъ, онъ подробно разсказываетъ только о войнахъ съ амаликитянами и филистимлянами. Первая изъ нихъ привела къ окончательному отверженію царя и къ непоправимому разрыву между нимъ и Самуиломъ, и, поэтому, имѣетъ великую, хотя и весьма печальную, важность.

Амаликитяне занимали Негебъ, т.-е. страну, лежавшую къ югу отъ Палестины, гдѣ они вели бродячую жизнь въ пустынѣ Синайской, пася свои стада въ зеленыхъ вади этого полуострова. Это былъ первый врагъ, который сдѣлалъ нападеніе на израильтянъ вскорѣ по переходѣ ими Чермнаго моря, когда ему нанесено было сильное пораженіе. За это предательское нападеніе Богъ опредѣлилъ уничтожить ихъ окончательно. Счастливо закончивъ ту битву, Моисей воздвигъ жертвенникъ въ воспоминаніе этой побѣды, и назвалъ его Іегова-Нисси, то-есть «Господь мое знамя», прибавляя: «брань у Господа противъ Амалика изъ рода въ родъ» [1]), и вслѣдъ затѣмъ было дано повелѣніе, чтобы, когда израильтяне окончательно устроятся въ землѣ обѣтованной, они не забыли «изгладить память Амалика изъ поднебесной» [2]). Время

1) Исх. XVII, 15.
2) Втор. XXV, 19.

для совершенія, столь долго отлагавшагося мщенія теперь настало. Амаликитяне вполнѣ заслуживали себѣ наказаніе. Это было жестокое, кровожадное кочующее племя. Какъ хищные кочевники, они то и дѣло нападали на Палестину, грабили и убивали и затѣмъ быстро удалялись на своихъ коняхъ въ пустыню, чтобы чрезъ нѣсколько времени вновь сдѣлать подобный же разбойническій набѣгъ. То же самое сдѣлали они и въ разсматриваемое время. Видя, что израильтяне всецѣло заняты были войной съ филистимлянами, они, подъ предводительствомъ своего хищнаго царя, носившаго общее названіе Агага, дѣлали разрушительные и кровожадные набѣги на южные округи Ханаана. Между тѣмъ послѣ пораженія филистимлянъ протекло значительное время, и средства Саула настолько умножились и его военныя силы настолько окрѣпли, что теперь онъ въ состояніи былъ исполнить опасное предпріятіе и довести его до успѣшнаго окончанія. Теперь ему именно и повелѣно было окончательно истребить амаликитянъ. При этомъ, между прочимъ, дѣло шло и объ испытаніи самого Саула: исполнитъ ли онъ повелѣніе Господне? Онъ уже погрѣшилъ однажды въ этомъ отношеніи въ первые годы своего царствованія, и наказанъ былъ угрозой лишить его потомство престола. Теперь предстояло второе испытаніе. Его характеръ уже совершенно развился, онъ уже вполнѣ испыталъ силу и значеніе высшаго руководительства Божія, зналъ свои собственныя силы и слабости: выкажетъ ли онъ теперь, безъ колебанія, всецѣлое послушаніе божественному повелѣнію, и докажетъ ли свою правоспособность быть царемъ теократическаго государства? Съ этою цѣлью къ Саулу пришелъ Самуилъ, предваряя свое сообщеніе напоминаніемъ царю о томъ, что онъ назначенъ не самъ собою, а помазанъ Іеговою на царствованіе надъ народомъ Божіимъ и что поэтому на немъ лежитъ особая обязанность по отношенію къ Богу и къ своему народу. Этими предварительными замѣчаніями Самуилъ заставилъ царя обратить особенное вниманіе на то сообщеніе, которое затѣмъ ему было сдѣлано. Сообщеніе было сдѣлано въ безусловныхъ словахъ и состояло въ слѣдующемъ: «теперь иди и порази Амалика, и истреби все, что у него (не бери себѣ ничего, но уничтожь и предай заклятію все, что у него); и не давай пощады ему, но предай смерти отъ мужа до жены, отъ отрока до грудного мла-

денца, отъ вола до овцы, отъ верблюда до осла» [1]). Приговоръ былъ страшный. Если новѣйшее человѣчество возмущается такими поголовными избіеніями и опустошеніями, то народъ того времени смотрѣлъ на подобныя событія въ совершенно иномъ свѣтѣ. Сами амаликитяне были до безнадежности развращены; ихъ продолжительное существованіе въ качествѣ народа содѣйствовало только дальнѣйшему разложенію, и поэтому они заслуживали полнаго истребленія, и израильтяне были орудіемъ Бога въ совершеніи такого наказанія. Подобно моровой язвѣ, голоду или бурѣ, они исполняли повелѣнія Божіи. При исполненіи Его повелѣній, они устраняли всякую нѣжность и сожалѣніе и, считая себя исполнителями приговора Божія, омывали свои руки въ крови безъ малѣйшаго колебанія или угрызенія совѣсти. Въ то древнее время жизнь человѣческая вообще не цѣнилась такъ высоко, какъ теперь; народы тогда не смущались пролитіемъ своей собственной или чужой крови, если это вызывалось обстоятельствами, а когда повелѣніе исходило отъ невидимаго Царя Израиля, то при исполненіи его не должно было быть никакихъ колебаній, хотя бы оно влекло за собою самыя жестокія и кровавыя послѣдствія. Изъ этихъ обстоятельствъ народъ долженъ былъ извлекать урокъ о томъ, какъ противны Богу грѣхи человѣческіе. Въ нравственномъ управленіи, водворяемомъ земными наградами и наказаніями, такіе суровые уроки были совершенно необходимы, и сила этихъ уроковъ сознавалась тѣмъ болѣе, когда самому народу, который долженъ былъ воспользоваться этими уроками, приходилось собственными руками приводить въ исполненіе назначенное мщеніе. Притомъ, это поголовное истребленіе племени или колѣна не было какою-либо неслыханною жестокостью: это было довольно обычное дѣло, душа народа была привычна къ подобнымъ представленіямъ и не чувствовала никакого содроганія при исполненіи повелѣнія. Какъ земной царь, дѣлая подобное распоряженіе, сталъ бы дѣйствовать только обычнымъ путемъ, такъ и Царь Израильскій, когда Онъ внушалъ объ истребленіи амаликитянъ, защищалъ при этомъ только свою правду, какъ и свойственно Ему. Вѣкъ этотъ былъ суровый и требовалъ суровыхъ уроковъ, приспособленныхъ къ наличному нравствен-

[1]) 1 Цар. XV, 1—3.

ному состоянію. Болѣе мягкія мѣры были бы недостаточны для достиженія предполагаемой цѣли.

Саулъ не прочь былъ повиноваться божественному повелѣнію, переданному ему Самуиломъ. Онъ уже давно былъ тревожимъ этими хищными кочевниками, не былъ незнакомъ съ проклятіемъ, произнесеннымъ на нихъ во времена его предковъ, и былъ радъ воспользоваться случаемъ разъ навсегда положить конецъ ихъ дальнѣйшимъ набѣгамъ. Однако же задача была не легкая — уничтожить цѣлый кочующій народъ, который едва ли согласился бы дать случай для рѣшительной битвы и движенія котораго были болѣе быстры и неожиданны, чѣмъ движенія регулярнаго войска. Саулъ сдѣлалъ большія приготовленія для похода. Онъ стянулъ свои силы въ сѣверномъ пунктѣ, въ Телкимѣ, лежавшемъ на юго-восточной границѣ Іудина колѣна и, быть можетъ, тождественномъ съ Дулламомъ, главнымъ мѣстопребываніемъ дулламскихъ арабовъ. На его призывъ отозвалось 10,000 человѣкъ изъ Іудина колѣна, которому болѣе всего угрожали хищники, и 200,000 изъ остальныхъ колѣнъ. Отдѣльная перекличка этихъ двухъ отрядовъ опять указываетъ на нѣкоторое отчужденіе между сѣверными и южными колѣнами, о которомъ уже упоминалось выше. Такое войско, большое даже по новѣйшему счисленію, не было однако же слишкомъ большимъ для предполагавшагося дѣла. Амаликитяне не были строителями городовъ; они рѣдко даже имѣли какое-нибудь постоянное мѣстожительство, и ихъ строительство никогда не шло дальше укрѣпленія своего стана кругообразной стѣной. Остатки такихъ построекъ еще и теперь встрѣчаются въ округахъ, гдѣ, какъ извѣстно, жило это племя. Саулъ съ своимъ войскомъ направился къ одному изъ такихъ амаликитскихъ становищъ (городу Амаликову), и тамъ, въ кустахъ одной сухой вади, сдѣлалъ засаду. Найдя, что тамъ жили нѣкоторые кенеи, онъ далъ имъ предостереженіе удалиться, чтобы не подвергнуться участи, назначенной для амаликитянъ. Конеи, происходившіе отъ Авраама и находившіеся въ родствѣ съ Моисеемъ, чрезъ его жену Сепфору, всегда находились въ дружественныхъ отношеніяхъ къ израильтянамъ. Это былъ народъ мирный, пастушескій, и они охотно приняли во вниманіе предостереженіе, удаляясь на время въ другое мѣсто, безопасное отъ встрѣчи враждебныхъ войскъ. Библей-

ское повѣствованіе не даетъ никакихъ подробностей о войнѣ, но успѣхъ похода былъ полный. При всѣхъ встрѣчахъ израильтянъ съ амаликитянами, Саулъ одерживалъ побѣды, непріятель бѣжалъ отъ него и оставлялъ побѣдителямъ огромную добычу. „И поразилъ Саулъ Амалика отъ Хавилы до окрестностей Суры, что предъ Египтомъ“. Это географическое опредѣленіе указываетъ на обширность похода. Въ Быт. xxv, 18 такъ вообще опредѣляются границы земли Израильской. Хавила представляла собою мѣсто, еще не открытое до настоящаго времени, на югѣ колѣна Іудина, въ пустынѣ, а Суръ, означающій стѣну, есть или та стѣна, которая было построена египтянами для защиты своей сѣверо-восточной границы отъ набѣговъ кочевыхъ племенъ пустыни и простиралась отъ Пелузія, мимо Мигдола, до Ироополя, или вообще та стѣноподобная известковая горная цѣпь, которая тянется къ югу отъ Суеца и, вслѣдствіе своей замѣчательной формы, называется у арабовъ Джебель-Эр-Раха («гора ладони»). Такимъ образомъ, опустошеніе израильскихъ войскъ простиралось отъ южной границы Іудина колѣна до границы Египта, такъ что они могли захватить многочисленныя становища непріятеля со всѣмъ заключающимся въ нихъ богатствомъ добычи и плѣнниками. Согласно съ предварительнымъ повелѣніемъ, все захваченное у этого заклятаго врага народа должно было подвергнуться безпощадному разрушенію, и истребленію. Это наказаніе Саулъ дѣйствительно безъ всякой пощады примѣнилъ ко всѣмъ амаликитянамъ, попавшимъ въ его руки, и ко всему менѣе цѣнному скоту. Несомнѣнно, изъ этихъ закаленныхъ жителей пустыни многіе убѣжали, какъ вслѣдствіе самой трудности захватить ихъ, такъ и вслѣдствіе ослабленія преслѣдованія, когда израильтяне захватили въ свои руки стада. Но и помимо этого страшное повелѣніе не было приведено въ исполненіе во всей строгости. Самъ Саулъ пощадилъ жизнь даже царю амаликитскому—въ надеждѣ ли получить за него богатый выкупъ, или съ цѣлью усилить свое торжество выставленіемъ на показъ народу столь знатнаго плѣнника. Царь этотъ называется Агагомъ, но это, вѣроятно, только оффиціальное или общее названіе амаликитскихъ царей, какъ фараонъ было общимъ названіемъ для

египетскихъ царей [1]). Строгое повелѣніе не было вполнѣ осуществлено и въ другихъ отношеніяхъ. Воины, въ своей алчности, не могли разстаться съ столь богатою добычею, которая попала въ ихъ руки. Для пастушескаго народа искушеніе воспользоваться захваченными стадами было непреодолимое, вслѣдствіе чего они, съ позволенія Саула, воспользовались лучшими изъ овецъ, воловъ и ягнятъ, оправдывая себя мыслью, что заклятіе было достаточно исполнено истребленіемъ людей и всего того, что оказывалось болѣе или менѣе негоднымъ среди стадъ. Но, поступая такъ, они нарушали прямое повелѣніе Божіе. Оставлять и присваивать себѣ то, что обречено было на полное уничтоженіе, значило нарушать священный долгъ и какбы лишать Бога того, что по праву принадлежало Ему.

О таковомъ нарушеніи повелѣнія Сауломъ открыто было Самуилу, находившемуся въ своемъ домѣ въ Рамѣ. Онъ получилъ высшее сообщеніе, говорившее ему, что Саулъ совратился съ пути слѣдованія Господу, что онъ стремился быть независимымъ отъ божественной воли, и начиналъ дѣйствовать въ качествѣ безусловнаго властелина израильскаго народа. И при этомъ божественный голосъ присовокуплялъ: „жалѣю, что поставилъ Я Саула царемъ; ибо онъ отвратился отъ Меня и слова Моего не исполнилъ“. Это было чрезвычайно прискорбное сообщеніе для престарѣлаго пророка. Онъ не только скорбѣлъ изъ-за недостоинства того, котораго онъ такъ сильно любилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и негодовалъ, что его самоотверженность въ удовлетвореніи желанія народа и его добровольное самотреченіе привели къ столь печальному результату. Саулъ былъ человѣкъ, избранный подъ его руководствомъ, торжественно и публично помазанный имъ на служеніе народу, человѣкъ, который, можно сказать, былъ избранъ Богомъ, и онъ-то съ такою легкостью нарушалъ ясное и положительное повелѣніе, не обнаруживая въ себѣ ни благоговѣнія, ни послушанія, въ которыхъ онъ долженъ былъ служить образцомъ для народа! Опаснѣе и печальнѣе всего было то, что подобный случай могъ дать врагамъ израильскаго народа поводъ къ поношенію Бога Израилева. Поистинѣ пророкъ могъ печалиться,

[1]) Валаамъ въ своемъ пророчествѣ (Числ. XXIV, 7), говоря объ Израилѣ, говоритъ, что «превзойдетъ агага царь его, и возвысится царство его», разумѣя, очевидно, подъ агагомъ общее названіе амаликитскихъ царей.

видя столь жалкіе плоды всѣхъ своихъ трудовъ и, повидимому, полное разрушеніе предположеній самого Іеговы. Но подобное чувство не должно было привести пророка къ полному забвенію его обязанности. Въ теченіе всей ночи, до самаго разсвѣта, Самуилъ молился Господу о заблуждающемся царѣ, прося о томъ, чтобы онъ приведенъ былъ на путь покаянія и вновь получилъ ту милость, которой онъ лишился теперь. Но все было напрасно. Въ сердцѣ Саула не было ни малѣйшей мысли о покаяніи; благоденствіе и могущество ожесточили его сердце и усилили въ немъ чувство гордой независимости, такъ что для него не могло быть прощенія. Самуилу было предсказано объ имѣющей постигнуть Саула участи, и онъ долженъ былъ передать о ней заблуждающемуся царю. Саулъ между тѣмъ возвратился изъ похода, принеся съ собою свою богатую добычу. Для возможно большаго прославленія своей побѣды, онъ отправился въ Кармилъ (теперь Курмулъ), гдѣ воздвигъ себѣ памятникъ, на которомъ была сдѣлана надпись о побѣдѣ надъ амаликитянами. Подобные памятники были въ обычаѣ у восточныхъ царей, и особенно сдѣлался знаменитымъ изъ нихъ Моавитскій памятникъ, воздвигнутый въ Дивонѣ Месой, царемъ моавитскимъ въ память успѣшности его возстанія противъ израильтянъ. Подобные же памятники встрѣчаются и въ Египтѣ. Отпраздновавъ такимъ образомъ свое торжество, Саулъ отправился въ Галгалъ, находившійся верстахъ въ 22 отъ Рамы, и туда-то отправился къ нему Самуилъ. Когда онъ прибылъ туда и о немъ доложили царю, то послѣдній вышелъ къ нему на встрѣчу и привѣтствовалъ его обычными почтительными словами: „благословенъ ты у Господа!“ Затѣмъ, или съ цѣлью предупредить возраженіе противъ своего недавняго нарушенія повелѣнія, или будучи настолько ослѣпленъ самомнѣніемъ, что уже не видѣлъ своего проступка, Саулъ спокойно и самодовольно заявилъ Самуилу, какбы даже ожидая поздравленій и одобренія со стороны пророка: „я исполнилъ слово Господа“. Отчасти это было вѣрно, но не вполнѣ. Онъ исполнилъ это дѣло лишь настолько, насколько было пріятно ему самому, и не исполнилъ его въ томъ видѣ, какъ ему было повелѣно. Такое заявленіе опровергалось уже голосами животныхъ, которыя не подвергнуты были истребленію и находились въ станѣ. Вслѣдствіе этого, престарѣлый пророкъ, съ печальной ироніей, спросилъ его: „а что за

блеяніе въ ушахъ моихъ, и мычаніе воловъ, которое я слышу?“ Саулъ не могъ избѣжать этого прямого вопроса; животныя эти были приведены отъ амаликитянъ и составляли часть добычи, обреченной на истребленіе; онъ долженъ былъ признаться въ своемъ проступкѣ, но сваливаетъ вину въ сущности на свое войско. Оно, будто-бы, настаивало на оставленіи лучшаго изъ стадъ; но все это было сдѣлано-де съ наилучшими побужденіями, именно для того, чтобы принести въ жертву Господу, которому Самуилъ такъ пламенно служитъ и который (какбы намекалъ Саулъ) слишкомъ взыскателенъ въ своихъ требованіяхъ. Онъ сдѣлалъ все, чего можно было требовать разумно: „прочее же, говоритъ онъ, мы истребили“. Во всемъ этомъ объясненіи весьма ясно выступали лицемѣріе и низкій тонъ нравственности. Такое оправданіе указывало на печальный упадокъ вѣры и благоговѣнія въ помазанникѣ Божіемъ. Народъ всегда повиновался ему безъ всякаго сопротивленія. Какъ легко онъ могъ бы воспользоваться своею властью для того, чтобы подавить въ нихъ желаніе нарушить строгое повелѣніе! Сваливать вину своей собственной алчности и непослушанія на своихъ подданныхъ—было дѣломъ недостойнымъ царя, низкимъ и лживымъ. Самуилъ вслѣдствіе этого не хотѣлъ долѣе слушать. Онъ имѣлъ сообщить ему приговоръ, тотъ приговоръ, объ отмѣнѣ котораго онъ молился въ теченіе цѣлой ночи, и эти притворныя извиненія, къ прискорбію, показывали ему, какъ сдѣлалось необходимымъ приведеніе этого приговора въ исполненіе. „Подожди, вскричалъ Самуилъ, я скажу тебѣ, что сказалъ мнѣ Господь ночью“. И когда Саулъ высокомѣрно отвѣчалъ ему: „говори!“, то Самуилъ обратился къ нему со словами: не малымъ ли ты былъ въ глазахъ твоихъ, когда сдѣлался главою колѣнъ Израилевыхъ, и Господь помазалъ тебя царемъ надъ Израилемъ?“ Напомнивъ такимъ образомъ Саулу о томъ, какъ онъ изъ ничтожества былъ возведенъ въ высокое царское достоинство, и что, въ силу этого самаго возвышенія, онъ долженъ бы постоянно оказывать послушаніе волѣ Божіей, Самуилъ затѣмъ перешелъ къ разъясненію ему того важнаго проступка, который онъ совершилъ теперь. Ему повелѣно было подвергнуть истребленію амаликитянъ, вредъ которыхъ народу израильскому и нечестіе ихъ предъ Богомъ обрекали ихъ на полную гибель: „зачѣмъ же ты не послушалъ гласа Господа, и бросился на до-

бычу, и сдѣлалъ зло предъ очами Господа?". Но даже и послѣ этого разъясненія, Саулъ еще не признавалъ своей виновности. Или онъ мало зналъ о важности закона, который онъ нарушилъ, или желалъ показать, что, какъ царь, онъ не имѣетъ никого выше себя и можетъ исполнять свои дѣла безъ всякаго внѣшняго внушенія, но онъ опять повторилъ свое прежнее извиненіе, очевидно не обращая вниманія на приговоръ, который падалъ на образъ ега дѣйствія со стороны Сердцевѣдца, и желая только оправдывать себя предъ Самуиломъ; „я послушалъ гласа Господа, отвѣчалъ Саулъ, и пошелъ въ путь, куда послалъ меня Господь, и привелъ Агага, царя Амаликитскаго, а Амалика истребилъ". Правда, что народъ кое-что оставилъ себѣ изъ добычи, и изъ овецъ и воловъ взялъ лучшее изъ заклятаго, но все это сдѣлано для того, чтобы принести жертву Господу Богу. Видя, до какой степени Саулъ остается упорнымъ на своемъ самооправданіи, Самуилъ не слушалъ его дольше. Онъ прервалъ эту оправдательную рѣчь возвѣщеніемъ того величественнаго воззрѣнія, которое впослѣдствіи настойчиво и постоянно проповѣдывали пророки и которое проповѣдывалъ Самъ Спаситель, именно, что внѣшніе обряды и жертвоприношенія не столько пріятны Господу, какъ послушаніе гласу Его. Взволнованный пророкъ охваченъ былъ въ своемъ негодованіи духомъ восторженнаго пророчества и произнесъ возвышенную поэтическую рѣчь, которая показываетъ всю высоту его религіознаго воззрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ, насколько Саулъ въ своемъ религіозно-нравственномъ воззрѣніи стоялъ ниже своего призванія:

«Неужели всесожженія и жертвы
Столь же пріятны Господу,
Какъ послушаніе гласу Господа?
Послушаніе лучше жертвы,
И повиновеніе лучше тука овновъ.
Ибо непокорность есть такой же грѣхъ, что волшебство,
И проклятіе то же, что идолопоклонство,
За то, что ты отвергъ слово Господа,
И Онъ отвергъ тебя,
Чтобы ты не былъ царемъ надъ Израилемъ» [1]).

Этотъ торжественный приговоръ поразилъ Саула ужасомъ. Неужели же дѣйствительно онъ принадлежитъ къ одному раз-

1) 1 Цар. XV, 22, 23.

ряду съ идолопоклонниками и людьми, занимающимися волшебствомъ? И неужели та власть, къ которой онъ уже такъ привыкъ и которою онъ уже принесъ значительную пользу народу, будетъ отнята отъ него? Какъ уже ни палъ онъ нравственно, однако же не могъ безъ трепета вынести этого приговора. Онъ содрогнулся отъ словъ пророка и въ крайнемъ волненіи воскликнулъ Самуилу: „согрѣшилъ я; ибо преступилъ повелѣніе Господа и слово твое". Въ словахъ этихъ звучало покаяніе, но въ дѣйствительности такого покаянія въ было на сердцѣ. Саулъ былъ встревоженъ оборотомъ дѣлъ, опасаясь того, что ему угрожаетъ лишеніе власти, но даже и признавая свою виновность, онъ старается какъ-нибудь смягчить и умалить ее, тутъ же заявляя, что онъ при этомъ дѣйствовалъ несвободно и опасался народа, желаніямъ котораго онъ только и уступилъ. Но подобное извиненіе еще болѣе обнаруживало его непригодность для занимаемаго положенія. Онъ долженъ былъ употреблять свою власть для подавленія подобныхъ незаконныхъ желаній. Онъ долженъ былъ служить образцомъ послушанія закону Божію и поддерживать его всѣми силами своей власти. Какимъ образомъ онъ могъ занимать положеніе царя среди избраннаго народа, когда свою популярность ставилъ выше долга? Онъ, очевидно, еще не чувствовалъ никакого сокрушенія за свой грѣхъ и скорбѣлъ только о его послѣдствіяхъ, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ. Саулъ видѣлъ, что этотъ открытый разрывъ между нимъ и великимъ и высокочтимымъ пророкомъ уменьшитъ его авторитетъ и принесетъ ему непоправимый вредъ; поэтому онъ просилъ Самуила не оставлять его въ этотъ опасный моментъ. Повидимому, болѣе опасаясь служителя Іеговы, чѣмъ самого Іеговы, онъ обратился къ Самуилу съ просьбой: „теперь же сними съ меня грѣхъ мой, и воротись со мною, чтобы я поклонился Господу Богу твоему". Но Самуилъ былъ глухъ къ его просьбѣ и отвѣчалъ ему: „не ворочусь я съ тобою, ибо ты отвергъ слово Господа, и Господь отвергъ тебя, чтобы ты не былъ царемъ надъ Израилемъ". Сказавъ это, Самуилъ повернулся отъ царя, чтобы удалиться отъ него. Но Саулъ, желая добиться у него прощенія, такъ крѣпко держалъ его, что оторвалъ даже край его одежды, на что Самуилъ прибавилъ: („какъ ты оторвалъ у меня край одежды), такъ нынѣ Господь отторгъ царство Израилево отъ тебѣ и отдастъ его ближ-

нему твоему, лучшему тебя". Саулъ уже раньше былъ лишенъ права передать престолъ своему потомству, теперь же онъ потерялъ и свое собственное право. Самуилъ еще не зналъ, кто именно то лицо, которое должно будетъ наслѣдовать Саулу, и, поэтому, употребилъ общее названіе „ближній"; но этотъ „ближній" будетъ болѣе послушнымъ чѣмъ Саулъ, и, подтверждая эти слова, добавилъ: „и не скажетъ неправды, и не раскается вѣрный Израилевъ; ибо не человѣкъ Онъ, чтобы раскаяться Ему". Намѣреніе Божіе остается неизмѣннымъ. Избраніе Саула и продолжительность его царствованія было условнымъ; его отверженіе было безусловнымъ и окончательнымъ.

Не смотря, однако же, на безповоротность этого приговора, Самуилъ наконецъ уступилъ настойчивой просьбѣ Саула, и согласился скрыть отъ глазъ народа происшедшій между ними разрывъ, оставшись присутствовать при торжественномъ жертвоприношеніи. Пророкъ не имѣлъ въ виду создавать анархію и совершенно отвращать свое лицо отъ царя, прежде чѣмъ не назначенъ былъ преемникъ. Онъ видѣлъ, что отклонить совершенно просьбу Саула и унизить такимъ образомъ монарха въ глазахъ своего народа, значило бы придать новую силу существующему отчасти недовольству и оказать поддержку тому антагонизму, который уже замѣчался въ отношеніи къ Саулу. Поэтому-то Самуилъ оставилъ свое намѣреніе и принялъ участіе въ торжественномъ богослуженіи вмѣстѣ съ Сауломъ. Но онъ долженъ былъ совершить и еще одну обязанность, прежде чѣмъ оставить это собраніе. Онъ долженъ былъ показать, что, присутствуя при этомъ богослуженіи онъ, во всякомъ случаѣ тѣмъ самымъ не одобряетъ нарушенія божественнаго повелѣнія, и долженъ былъ доказать это актомъ, который бы осязательно показалъ всѣмъ великую важность всего этого дѣла. Агагъ, нечестивый царь нечестиваго народа долженъ былъ быть преданъ смерти. Саулъ, по своему худо обдуманному милосердію, сохранилъ ему жизнь; но онъ не долженъ былъ жить. Заклятіе должно было возымѣть надъ нимъ свою силу. Самуилъ теперь приказалъ привести его къ себѣ. Агагъ былъ приведенъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, и когда онъ поставленъ былъ въ присутствіе царя и суроваго пророка, то, хотя онъ и зналъ, что подобное великое національное празднество совершалось въ

честь побѣды, и поэтому по всей вѣроятности на празднествѣ будетъ принесена въ жертву и его собственная жизнь, однако же онъ не оставилъ еще всякой надежды на избавленіе и съ нѣкоторою увѣренностью замѣтилъ: „конечно, горечь смерти миновалась?“ Но онъ ошибся. Самуилъ отвѣчалъ ему: „какъ мечъ твой женъ лишалъ дѣтей, такъ мать твоя, между женами, пусть будетъ лишена сына“, и, сказавъ это, собственноручно разрубилъ Агага. Такой поступокъ со стороны пророка кажется настолько противорѣчащимъ новѣйшимъ понятіямъ и несоотвѣтствующимъ характеру и должности пророка, что многіе полагаютъ, что Самуилъ просто отдалъ приказъ казнить Агага, и казнь была совершена другими. Но въ буквальномъ текстѣ нѣтъ ничего такого, что бы подтверждало такое мнѣніе, и мы не имѣемъ права вводить въ священную лѣтопись толкованій, которыя основываются только на нашихъ предзанятыхъ мнѣніяхъ. Изъ того, что сообщается объ этомъ событіи, мы видимъ, что Самуилъ, приведенный въ волненіе всѣми обстоятельствами дѣла и на время одаренный необычайною силою, собственноручно убилъ Агага. Такъ онъ привелъ въ исполненіе заклятіе, сдѣлалъ то, чего не исполнилъ царь и удалилъ отъ народа, навлеченную на него Сауломъ вину въ нарушеніи клятвы. Такъ онъ далъ необходимый примѣръ тому суровому вѣку примѣръ непреклоннаго послушанія повелѣніямъ Божіимъ, и на всѣ времена оставилъ урокъ, что дѣло Божіе должно быть совершаемо вполнѣ и никакая собственная мысль не должна вліять на умаленіе или ограниченіе должнаго исполненія Его повелѣній.

Возстановивъ такимъ образомъ права Іеговы, Самуилъ разлучился съ Сауломъ и возвратился въ Раму, оставляя государственныя дѣла и посвящая себя исключительно воспитанію юныхъ пророковъ и гражданъ и закладывая національное благосостояніе на болѣе прочныхъ основахъ, чѣмъ народная любовь или царскій капризъ. Прежнія отношенія между нимъ и царемъ были окончательно порваны. Саулъ уже не былъ больше теократическимъ царемъ, которому бы пророкъ сообщалъ слово Господне и который бы жилъ и дѣйствовалъ подъ его руководствомъ. Саулъ все еще оставался въ дѣйствительности царемъ, но его царство принадлежало всецѣло настоящему міру; онъ все болѣе отдалялся отъ Бога и теперь не имѣлъ уже никакого общенія

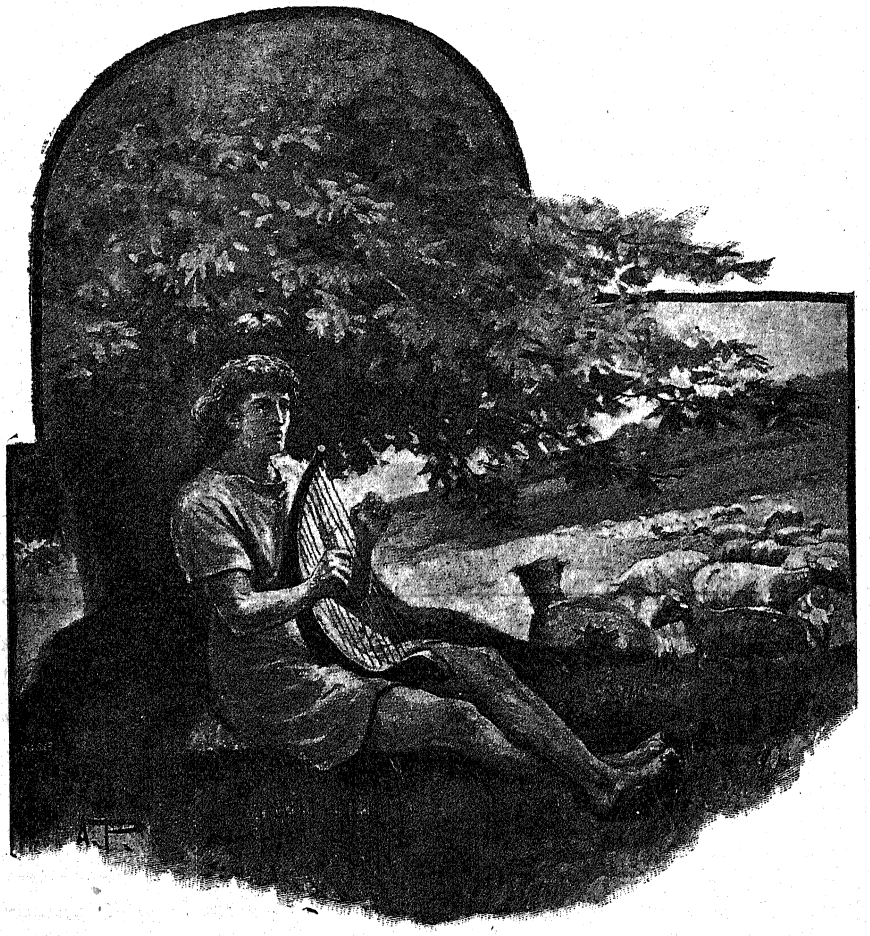
съ Богомъ. Укорительныя слова Самуила въ Галгалѣ были весьма непріятны ему; Саулъ никогда съ этого времени не искалъ случая посовѣтоваться съ Самуиломъ. Уже и раньше въ Михмасѣ онъ началъ битву, не спрашавая его совѣта, не приглашалъ его присутствовать и при торжественномъ благодарственномъ жертвоприношеніи въ память побѣды надъ амаликитянами. Но Самуилъ доселѣ всетаки близко держался царя, несмотря на различные съ его стороны проступки. Теперь же, наконецъ, онъ вынужденъ былъ совершенно отказаться отъ него. Никогда онъ уже больше не хотѣлъ видѣть его въ теченіе всей своей остальной жизни. Правда еще разъ они встрѣтились между собой въ одной изъ пророческихъ школъ, но эта встрѣча была не преднамѣренная и во время ея ничего не произошло между ними. Однако же, Самуилъ никогда не забывалъ Саула. Онъ любилъ его за подававшіяся имъ раньше надежды, за его высокія благородныя качества, за его доблестныя услуги народу, и теперь скорбѣлъ о его паденіи, какъ отецъ скорбитъ о паденіи и гибели возлюбленнаго сына. Быть можетъ, также онъ видѣлъ въ его подозрительности и необузданномъ своеволіи признаки той страшной болѣзни, которая омрачила послѣдніе годы жизни Саула, и добрый престарѣлый пророкъ скорбѣлъ о немъ не только какъ о царѣ, который такимъ образомъ лишился всей своей великой будущности, но и просто какъ о человѣкѣ, будущему котораго угрожали всевозможныя испытанія.

Заочно оплакивая такъ неудачно помазаннаго имъ царя, Самуилъ скорбѣлъ не только лично за царя, но и за весь народъ свой. Онъ еще не зналъ, кѣмъ будетъ занятъ престолъ, и опасался, чтобы отверженіе теперешняго царя не повело къ ослабленію всякой власти въ государствѣ и не водворило опять того разъединенія и той политической слабости, отъ которыхъ Саулъ избавилъ израильтянъ. И вотъ, вслѣдствіе этого, онъ не переставалъ обращаться съ молитвой къ Богу о лучшемъ устроеніи судьбы народа. Въ отвѣтъ на свою молитву, престарѣлый пророкъ услышалъ голосъ Божій, выводившій его изъ скорбной бездѣятельности и повелѣвавшій ему идти и помазать преемника отвергнутому Саулу. Онъ долженъ былъ взять сосудъ съ священнымъ масломъ и отправиться въ Виѳлеемъ, и тамъ помазать одного изъ сыновей Іессея, хорошо извѣстнаго жителя этого го-

рода. Ему не сказано было, кого именно нужно помазать, и онъ долженъ былъ дѣйствовать въ своемъ выборѣ такъ, чтобы всѣ видѣли, что избраніе это исходитъ отъ Бога, и что при этомъ не примѣшивается никакихъ личныхъ чувствъ. Виѳлеемъ, находившійся верстахъ въ 18 отъ Рамы, не былъ однимъ изъ числа тѣхъ мѣстъ, которыя посѣщались Самуиломъ во время его окружныхъ судейскихъ объѣздовъ, и жившія въ немъ семейства, вѣроятно, не были знакомы ему, а слѣдовательно, онъ незнакомъ былъ и съ Давидомъ. Но посольство это было весьма опасное. Самуилъ, конечно, не былъ человѣкомъ, который бы поддался страху или колебанію, когда ему предстояло исполнить долгъ, и тѣмъ не менѣе онъ не чуждъ былъ извѣстнаго опасенія. „Какъ я пойду? сказалъ Самуилъ: Саулъ услышитъ и убьетъ меня». Та ревнивость и подозрительность, которыми омрачены были послѣдніе годы жизни Саула, уже начали проявляться въ немъ, и со времени отверженія получили быстрое развитіе. Кромѣ того, будучи въ дѣйствительности еще царемъ, Саулъ естественно взглянулъ бы на помазаніе другаго на мѣсто себя какъ на дѣло измѣны, которое, въ его воззрѣніи, могло справедливо повлечь за собою наказаніе смертью, и хотя вѣроятно онъ слишкомъ съ большимъ уваженіемъ относился къ престарѣлому пророку, чтобы поступить съ нимъ столь жестоко, однако же онъ могъ подвергнуть его свободу ограниченію, изгнать его изъ страны, или вообще подвергнуть кровавому мщенію самого Іессея и его семейство. Опасеніе Самуила такимъ образомъ не было безосновательнымъ, и ему сказано было какъ онъ могъ избѣгнуть опасности и въ то же время успѣшно исполнить свою миссію. Онъ уже издавна имѣлъ обыкновеніе посѣщать различныя мѣстности съ цѣлью принесенія жертвъ, что при ненормальномъ состояніи религіозныхъ дѣлъ, когда ковчегъ завѣта былъ отдѣленъ отъ скиніи, было позволительнымъ для него, какъ уполномоченнаго пророка Божія. Теперь ему внушено было свыше воспользоваться этимъ обычаемъ, съ цѣлью прикрыть истинное свое намѣреніе отъ подозрительнаго глаза Саулова. Онъ долженъ былъ взять телицу изъ своего стада и отправиться въ Виѳлеемъ съ заявленіемъ, что онъ прибылъ туда для жертвоприношенія Господу. Затѣмъ, онъ долженъ былъ пригласить Іессея и его сыновей на имѣющее послѣдовать жертвенное празднество, и потомъ

Богъ уже покажетъ ему, какъ дѣйствовать въ дѣлѣ самаго помазанія. Цѣль посѣщенія Самуиломъ Виѳлеема могла казаться такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ народа, простымъ дѣломъ обычнаго жертвоприношенія. Если у него и было какое-нибудь другое намѣреніе, которое вообще не касалось въ настоящее время народа, то онъ отнюдь не обязанъ былъ раскрывать его. И вотъ Самуилъ, храня въ глубинѣ своего сердца тайну сдѣланнаго ему порученія, отправился въ Виѳлеемъ. Посѣщеніе это было крайне необычнымъ. Пророкъ никогда раньше не бывалъ въ этомъ мѣстѣ, и старѣйшины города были крайне встревожены, при видѣ торжественнаго шествія пророка съ телицей и съ длиннымъ сосудомъ въ рукахъ. «Миренъ ли приходъ твой?» съ тревогой спросили его старѣйшины. Не за разслѣдованіемъ ли какого-нибудь преступленія пришелъ онъ къ нимъ? Или не находится ли это неожиданное прибытіе въ какой-нибудь связи съ тѣмъ разрывомъ, который, какъ они могли слышать, недавно произошелъ между нимъ и царемъ? Почему именно онъ избралъ для своего посѣщенія ихъ назначительный городъ? Самуилъ быстро разсѣялъ ихъ опасенія и объявилъ, что онъ прибылъ для жертвоприношенія, велѣлъ имъ самимъ очиститься и приготовиться къ присутствованію на торжествѣ и имѣющемъ послѣдовать пиршествѣ. Приглашеніе это въ особенности было обращено къ Іессею, главному старшинѣ города, и къ его сыновьямъ. Когда жертва была принесена, то, прежде чѣмъ приглашенные гости сѣли за пиршество, которое должно было совершиться нѣсколько позже, Самуилъ отправился въ домъ Іессея и велѣлъ представить себѣ всѣхъ сыновей его, ожидая указанія Божія на того, котораго онъ долженъ будетъ помазать. Онъ, очевидно, ничего не сказалъ Іессею о цѣли этого представленія и дѣйствовалъ таинственнымъ образомъ, разсчитаннымъ скорѣе на то, чтобы возбуждать, чѣмъ удовлетворять любопытство. Когда онъ увидѣлъ сына Іессея, Еліава, отличавшагося величественною и красивою внѣшностью, то невольно подумалъ: «вѣрно сей предъ Господомъ помазанникъ Его!» Но онъ долженъ былъ разубѣдиться въ этомъ, потому что голосъ Божій сказалъ ему: «не смотри на видъ его, на высоту роста его; Я отринулъ его; Я смотрю *не такъ*, какъ смотритъ человѣкъ; ибо человѣкъ смотритъ на лицо, а Господь смотритъ на сердце». Затѣмъ, послѣ Еліава, Самуилу представилось еще шесть другихъ сыновей Іессея, но ни одинъ изъ нихъ не былъ избранъ, хотя всѣ они отличались прекраснымъ видомъ, силой и мужественностью.

Чувствуя нѣкоторое смущеніе и неувѣренность, какъ дѣйствовать въ этомъ затрудненіи, Самуилъ спросилъ Іессея, всѣ ли здѣсь его сыновья. Іессей отвѣчалъ, что у него есть еще одинъ, самый младшій, сынъ, который теперь находится на полѣ и пасетъ овецъ. Самуилъ немедленно велѣлъ послать за нимъ, и когда младшій сынъ явился къ пророку, то оказался совершенно отличнымъ, по внѣшности, отъ своихъ другихъ братьевъ. Это былъ еще отрокъ, «бѣлокурый, съ красивыми глазами и пріятнымъ лицомъ». Онъ ничѣмъ не поражалъ въ своей внѣшности, былъ не болѣе средняго роста, весьма простъ въ своемъ пастушескомъ одѣяніи, съ палкою въ рукахъ и котомкою за плечами. Но въ его прекрасныхъ глазахъ свѣтился огонь внутренняго величія. По цѣлымъ мѣсяцамъ живя среди своихъ стадъ и окружающей природы, онъ съ дѣтства на-



Давидъ въ юности.

учился углубляться въ самого себя и черпать вдохновеніе въ своей собственной богато-одаренной душѣ, возбуждавшейся отъ звуковъ и красотъ родной природы. Уединенное положеніе среди хищныхъ животныхъ рано пріучило его смѣло встрѣчать такихъ кровожадныхъ хищниковъ, какъ львы и медвѣди, и развило въ немъ силу и отвагу, которымъ удивлялись даже его старшіе братья. Но болѣе всего пастушеская жизнь съ ея досугомъ развивала въ немъ духовную жизнь.. Родныя горы сплошь покрытыя виноградниками и маслинами, восторгали его духъ своею красотою, и онъ изливалъ свои возвышенныя чувства въ дивной игрѣ на арфѣ, составлявшей неразлучную спутницу юнаго пастуха. Этотъ-то юноша-пастухъ и былъ избранникъ Божій. Какъ только Самуилъ увидѣлъ его, божественный голосъ внушилъ ему помазать Давида. Самуилъ взялъ сосудъ съ елеемъ и, не дѣлая никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, дѣйствительно помазалъ Давида въ присутствіи его братьевъ. Что собственно окружающіе подумали объ этомъ,—неизвѣстно. Несомнѣнно, ни Давидъ, ни они не видѣли въ этомъ немедленнаго посвященія на царство; о высокой судьбѣ, къ которой призывался этотъ юноша, при этомъ еще совсѣмъ не было упомянуто, и онъ возвратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ, какъ будто бы съ нимъ ничего не случилось. Это помазаніе могло показаться его братьямъ простымъ знакомъ назначенія мальчика въ качествѣ помощника при совершеніи жертвоприношенія, или въ смыслѣ зачисленія его ученикомъ въ пророческую школу. Но оно во всякомъ случаѣ оказало внутреннее дѣйствіе на самого Давида; на него сошелъ Духъ Божій и почивалъ на немъ съ того времени; характеръ его развивался во всѣхъ направленіяхъ, а божественное вліяніе обнаруживалось въ тѣхъ высокихъ и благородныхъ качествахъ, которыя онъ еще въ большей степени сталъ проявлять съ этого времени.

Закончивъ свое порученіе, Самуилъ возвратился въ Раму. Но что было съ отвергнутымъ, хотя еще и не низложеннымъ Сауломъ? Состояніе его библейскій историкъ описываетъ страшными словами: «отъ Саула отступилъ Духъ Господень; и возмущалъ его злой духъ отъ Господа». Дѣйствительно ли Саулъ сдѣлался бѣсноватымъ, или его постигла просто душевная болѣзнь,—неизвѣстно. Въ древнее время всякая душевная болѣзнь эпилепсія и т. п. приписывались непосредственному вліянію духа злобы, но несомнѣнно Богъ иногда и дѣйствительно попу-

щалъ злому духу оказывать извѣстное вліяніе на тѣла и души нечестивыхъ людей. Состояніе Саула считалось посланнымъ ему, свыше наказаніемъ. Разсматривая всѣ извѣстныя обстоятельства мы можемъ придти къ слѣдующему заключенію. Строгіе укоры Самуила, лишеніе царства какъ его самого, такъ и потомковъ, чувство оскорбленности, гордое самоволіе, не желавшее подчиниться никакому внѣшнему укору, и безпокойное ожиданіе появленія какого-нибудь соперника на престолъ,—все это чрезвычайно сильно повліяло на Саула и сдѣлало его мрачнымъ, подозрительнымъ и раздражительнымъ. Онъ всецѣло предался подобнымъ чувствамъ; припадки унынія становились въ немъ все болѣе частыми, и онъ все менѣе и менѣе былъ въ состояніи противодѣйствовать имъ; недовольный собою, онъ не дѣлалъ никакихъ усилій къ исправленію; съ каждымъ годомъ и съ каждымъ днемъ зло возрастало, пока, наконецъ его душа не надломилась окончательно, и онъ сдѣлался до извѣстной степени дѣйствительно помѣшаннымъ.

Когда эти припадки умопомѣшательства сдѣлались болѣе опасными, то приближенные Саула начали тревожиться и стали размышлять о томъ, какъ можно бы облегчить этотъ недугъ. Въ такихъ случаяхъ особенно полезнымъ и благотворнымъ считалось вліяніе музыки. Эскулапій пользовался ею при леченіи душевно-больныхъ, и вообще на древнемъ востокѣ она считалась однимъ изъ лучшихъ средствъ для успокоенія возмущеннаго и облегченія удрученнаго духа. Вслѣдствіе этого, они посовѣтовали Саулу поискать какого-нибудь искуснаго игрока на арфѣ, который могъ-бы своими сладостными звуками облегчать его душу и возстановить ему миръ и спокойствіе. И это привело къ первой встрѣчѣ Саула съ его будущимъ преемникомъ Давидомъ. Обладая нѣжною душою и посвящая большой досугъ своей пастушеской жизни музыкѣ, Давидъ настолько усовершенствовался въ музыкальномъ искусствѣ, что пріобрѣлъ обширную извѣстность, такъ что и приближенные царя указали именно на него, какъ на наиболѣе способнаго своею сладостной игрой разогнать мрачныя думы и тяжелую тоску Саула. И вотъ, дѣйствительно, юный пастухъ былъ приглашенъ во дворецъ и, когда нужно было, игралъ для царя. Ему было въ это время около 18 лѣтъ отъ роду. Царю чрезвычайно нравилась игра молодого музыканта

Онъ всегда съ любовью относился къ многообѣщавшимъ юношамъ, которыхъ обыкновенно зачислялъ себѣ въ войско, и теперь у него явилась мысль, что изъ Давида можетъ со временемъ выйти не только искусный музыкантъ, но и добрый воинъ. Съ своей стороны, Давидъ съ любовью и восторженнымъ увлеченіемъ исполнялъ свою обязанность, хотя обязанность эту ему приходилось исполнять еще такъ рѣдко, что онъ имѣлъ возможность надолго уходить въ свой родной городъ и продолжалъ заниматься своимъ пастушескимъ дѣломъ. Одинъ случай однако же больше сблизилъ его съ царемъ.

Безпокойные филистимляне въ это время опять начали дѣлать нашествія на землю израильтянъ, съ цѣлью подчинить ихъ своему игу. Неизвѣстно, какія, собственно, обстоятельства заставили ихъ предпринять это новое нападеніе, но во всякомъ случаѣ они выступили съ большимъ войскомъ и, наученные горькимъ опытомъ, уже не полагались только на свою силу, а прибѣгали и къ стратегическому искусству. Вторгшись во владѣнія колѣна Іудина, они сосредоточили свои силы между Сокхоѳомъ и Азекомъ, въ Ефесъ-Даммимѣ. Эти мѣстности теперь опредѣлены съ достаточною удовлетворительностью. Сокхоѳъ, теперешній Шувейке, лежитъ какъ бы на естественной террасѣ, верстахъ въ двухъ выше долины Эла, то-есть теревинѳо или дуба, въ холмистой мѣстности, верстахъ въ 24 къ югу-западу отъ Іерусалима. Азекъ, теперешній Деиръ-Эл-Аспекъ, находится въ болѣе открытой мѣстности, ниже вади Сураръ, въ верстахъ 12 къ сѣверу отъ Токхоѳа, на главной дорогѣ изъ долины Эла. Верстахъ въ двухъ къ югу находится Беитъ-Фазедъ, тоесть «домъ кровопролитія», указывающій на самое мѣсто филистимскаго стана, на то мѣсто съ зловѣщимъ названіемъ Ефесъ-Даммимъ, то-есть, «предѣлъ крови», которое называлось такъ вслѣдствіе того, что оно было сценой частыхъ и кровопролитныхъ столкновеній. Саулъ выступилъ съ своимъ войскомъ для противодѣйствія непріятелю и остановился станомъ у долины Эла, въ вади Сундъ, на одномъ изъ низкихъ скалистыхъ холмовъ, покрытыхъ мелкимъ мастиковымъ кустарникомъ, которымъ эти холмы изобилуютъ и теперь. Между двумя враждебными войсками лежала широкая, открытая долина, богатая и плодородная, но по всей своей длинѣ раздѣленная по срединѣ значительнымъ оврагомъ, присутствіемъ ко-

тораго съ достаточностью объясняется, почему противоположныя войска, находясь близко другъ къ другу, не могли вступить въ правильную битву. Новѣйшій изслѣдователь, Кондеръ [1]), говоритъ, что эта рытвина представляетъ собою какъ бы глубокую траншею, образованную горнымъ потокомъ, бурно протекающимъ здѣсь зимою, хотя и высыхающимъ лѣтомъ. Это ложе, имѣющее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 20 футовъ ширины, съ крутыми вертикальными сторонами до 10 или 12 футовъ глубиною, было совершенно непереходимымъ въ извѣстныхъ мѣстахъ. Оба берега этого оврага усѣяны круглыми голышами, весьма пригодными для пращи.

Когда такимъ образомъ оба враждебныхъ войска находились лицомъ къ лицу, другъ противъ друга, филистимляне надумали рѣшить дѣло обычнымъ въ древности поединкомъ, и съ этою цѣлью выставили изъ своей среды одного знаменитаго бойца именно Голіаѳа, изъ города Геѳы, считавшагося городомъ древнихъ исполиновъ енакимовъ [2]). Голіаѳъ предложилъ единоборствомъ съ нимъ рѣшить дѣло войны. Воинъ этотъ представлялъ изъ себя грознаго врага. По свидѣтельству библейскаго повѣствователя, онъ былъ ростомъ «шести локтей и пяди», то есть 4 аршинъ и 14 вершковъ, или иначе говоря — 11 футовъ $4^1/_2$ дюйма. Такой ростъ филистимскаго исполина дѣйствительно необычайный; но исторія знаетъ не мало примѣровъ весьма исполинскихъ людей и помимо Голіаѳа. Такъ Плиній разсказываетъ, что въ царствованіе римскаго императора Клавдія въ Римъ пріѣхалъ арабъ, который былъ 9 футовъ и 9 дюймовъ ростомъ, а въ царствованіе Августа въ Римѣ былъ одинъ человѣкъ еще выше его. Въ Берлинѣ въ 1857 году показывался исполинъ который былъ еще выше и почти равнялся съ Голіаѳомъ. Въ Англіи пользуется также извѣстностью исполинъ Джонъ Миддльтонъ, изъ Ланкашира, родившійся въ 1578 году: онъ былъ ростомъ въ 9 футовъ и 3 дюйма и отличался необычайною силою. Портретъ его и теперь сохраняется въ Оксфордѣ. Еще больше грознаго величія Голіаѳу придавало его чудовищное

---

[1]) Tent Work, II, 160.
[2]) I. Нав. XI, 22.

вооруженіе. Онъ съ ногъ до головы былъ закованъ въ военные доспѣхи: на головѣ у него былъ мѣдный шлемъ, а самъ онъ одѣтъ былъ въ чешуйчатую броню, такъ что вѣсъ брони его составлялъ пять тысячъ сиклей мѣди [1]). На колѣняхъ у него были мѣдные наколѣнники, и за плечами висѣлъ огромный мѣдный щитъ. Самое древко копья его было огромныхъ размѣровъ, и копье его вѣсило шестьсотъ сиклей желѣза. Все это вооруженіе было такъ тяжеловѣсно, что онъ долженъ былъ имѣть при себѣ оруженосца. Такой страшный противникъ наводилъ ужасъ на израильтянъ. Выступивъ изъ среды филистимскаго войска, онъ сталъ всячески поносить израильтянъ и предлагалъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ выступилъ на единоборство съ нимъ. Подобно героямъ Гомера, онъ сталъ похваляться своимъ собственнымъ мужествомъ и издѣваться надъ малодушіемъ и ничтожествомъ своихъ враговъ: «зачѣмъ вышли вы воевать? громовымъ голосомъ закричалъ онъ израильтянамъ. Не филистимлянинъ ли я, а вы рабы Сауловы? Выберите у себя человѣка, и пусть сойдетъ ко мнѣ. Если онъ можетъ сразиться со мною и убьетъ меня, то мы будемъ вашими рабами; если же я одолѣю его и убью его, то вы будете нашими рабами и будете служить намъ». Затѣмъ, не ограничиваясь этимъ предложеніемъ, онъ сталъ уже издѣваться надъ израильтянами: «сегодня я, нахально говорилъ онъ, посрамлю полки израильскіе; дайте мнѣ человѣка, и мы сразимся вдвоемъ». Когда со стороны филистимлянъ сдѣлано было такое предложеніе, то Саулъ и его войско, при видѣ выступившаго великана, впали въ уныніе, и никто не осмѣливался вступить съ нимъ въ единоборство. Вопросъ касался слишкомъ важнаго дѣла, чтобы можно было поручить единоборство какому-нибудь обыкновенному человѣку, а между тѣмъ среди израильтянъ не находилось никого, кто бы могъ принять на себя защиту дѣла народа Божія. Самъ царь, по самому своему достоинству, не могъ принять этого вызова; жизнь Іонаѳана считалась слишкомъ дорогою, чтобы позволить ему подвергаться опасности въ столь неравной борьбѣ. Въ такомъ затрудненіи Саулъ, однако не обратился за совѣтомъ къ Богу или Его первосвященнику, а въ теченіе цѣлыхъ сорока дней долженъ былъ выносить оскорби-

1) Сикль=3 зол. 34,40 дол.

тельныя насмѣшки со стороны Голіаѳа, не зная, какимъ образомъ отвѣчать на нихъ. Для того, чтобы возбудить охоту и мужество въ войскѣ, Саулъ даже сдѣлалъ большое обѣщаніе, именно предлагая тому, кто выступитъ на единоборство съ дерзкимъ филистимляниномъ и убьетъ его, большое богатство, свою дочь въ замужество и всевозможныя права и преимущества его семейству. Несмотря на эту блистательную награду, никто однако же не вызывался, такъ какъ каждому жизнь казалась болѣе дорогою, чѣмъ всякая награда.

Но вотъ, когда войско израильское должно было выносить всевозможныя оскорбленія отъ непріятеля, Давиду случилось побывать въ лагерѣ. Отецъ его, Іессей, поручилъ ему снести въ лагерь нѣсколько подарковъ для состоявшихъ на царской службѣ братьевъ. «Возьми,—сказалъ онъ, для братьевъ своихъ ефу сушеныхъ зеренъ и десять хлѣбовъ, и отнеси поскорѣе въ станъ къ своимъ братьямъ». При этомъ Іессей не забылъ сдѣлать подарки и военачальнику: «а эти десять сыровъ, добавилъ онъ, отнеси тысяченачальнику, и навѣдуйся о здоровьѣ братьевъ, и узнай о нуждахъ ихъ». Когда Давидъ прибылъ въ израильскій станъ, при немъ опять филистимскій исполинъ, по обычаю, выступилъ изъ рядовъ своихъ, и громовымъ голосомъ началъ издѣваться надъ трусостью и малодушіемъ израильтянъ. Это чрезвычайно поразило Давида, и онъ спросилъ, что это значитъ. Ему разсказали, что исполинъ этотъ «выступаетъ, чтобы поносить Израиля. Если бы кто убилъ его, одарилъ бы того царь великимъ богатствомъ, и дочь свою выдалъ бы за него, и домъ отца его сдѣлалъ бы свободнымъ въ Израилѣ». Когда Давидъ узналъ, въ чемъ дѣло, то его юная душа не стерпѣла такого поношенія надъ воинствомъ Бога живаго, и онъ закипѣлъ неудержимой отвагой. Въ пустынѣ онъ поражалъ львовъ, нападавшихъ на его стадо,—при помощи Божіей онъ рѣшилъ поразить и этого льва, поносившаго его народъ. Онъ вызвался на единоборство съ Голіаѳомъ. О его рѣшеніи доложено было Саулу, но царь, увидѣвъ предъ собою невзрачнаго юношу и считая его болѣе способнымъ играть на арфѣ, чѣмъ вступать въ единоборство съ страшнымъ исполиномъ, отклонилъ его предложеніе, и только восторженная увѣренность и храбрость Давида заставили его согласиться на принятіе вызова. «Господь, который избавлялъ меня отъ льва и

медвѣдя, говорилъ Давидъ Саулу, избавитъ меня и отъ руки этого филистимлянина». Для того, чтобы придать Давиду какую-нибудь воинственность, Саулъ предложилъ ему свои доспѣхи-но они были слишкомъ велики и тяжелы для Давида, и онъ рѣшилъ вступить въ борьбу съ Голіаѳомъ съ своимъ пастушескимъ оружіемъ. И вотъ, когда исполинскій филистимлянинъ, по обыкновенію, выступилъ для издѣвательства надъ израильтянами, изъ рядовъ войска на противоположномъ берегу долины отдѣлился юноша въ простой пастушеской одеждѣ, съ посохомъ и пращей въ рукѣ и съ котомкою за плечами. Онъ смѣло спустился въ долину и, набравъ въ ней наиболѣе удобныхъ для пращи гладко омытыхъ кремнистыхъ камней, сталъ въ воинственное положеніе предъ исполинскимъ врагомъ. Такой противникъ могъ показаться Голіаѳу только насмѣшкой надъ нимъ, и онъ, въ высокомѣрномъ негодованіи, замѣтилъ только, что вѣдь онъ не собака, чтобы какому-то мальчику выходить противъ него съ палкой въ рукахъ и камнями. «Что ты идешь на меня съ палкою и камнями?—грозно закричалъ Голіаѳъ, развѣ я собака?» Когда Давидъ смѣло отвѣчалъ ему, что онъ не собака, но хуже. собаки, то Голіаѳъ разразился на него бранью, проклялъ его своими богами и закричалъ, чтобы презрѣнный пастухъ подошелъ къ нему поближе, и Голіаѳъ, безъ унизительной для себя борьбы, отдастъ его тѣло птицамъ и звѣрямъ на съѣденіе. На это страшное ругательство и издѣвательство, Давидъ скромно отвѣчалъ филистимлянину: «Ты идешь противъ меня съ мечемъ, и копьемъ, и щитомъ, а я иду противъ тебя во имя Господа Саваоѳа, Бога воинствъ израильскихъ, которыя ты поносилъ. Нынѣ предастъ тебя Господь въ руку мою, и я убью тебя, и сниму съ тебя голову твою, и отдамъ трупъ твой и трупы войска филистимскаго птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ. И узнаетъ вся земля, что есть Богъ въ Израилѣ. И узнаетъ весь этотъ сонмъ, что не мечемъ и копьемъ спасаетъ Господь, ибо это война Господа и Онъ предастъ васъ въ руки наши». Разъяренный подобною рѣчью, Голіаѳъ задвигалъ своимъ страшнымъ копьемъ, и направился къ Давиду. Въ это самое время Давидъ мѣткой и привычной рукой метнулъ камнемъ изъ пращи, и ошеломленный великанъ повалился на землю, а Давидъ, подскочивъ къ нему съ быстротою лани, его же мечемъ отсѣкъ ему голову. Филистимляне, пораженные такимъ

чудеснымъ подвигомъ юноши, въ смятеніи бросились въ бѣгство, преслѣдуемые израильтянами. О правильной битвѣ тутъ не могло быть и рѣчи, и филистимляне бросились бѣжать по направленію къ своей странѣ, чтобы укрыться за горами, причемъ иные бѣжали въ Геѳу, а другіе въ Аскалонъ. Весь лагерь сдѣлался добычей израильтянъ, которые и получили богатую добычу. Побоище было весьма большое; по свидѣтельству Іосифа Флавія избито было тридцать тысячъ филистимлянъ, и вдвое больше противъ этого были ранены. Нѣтъ надобности полагать, что все это совершилось въ одинъ день, а можно думать, что дѣло продолжалось даже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и сопровождалось нѣсколькими другими походами, окончательные результаты которыхъ и передаются въ Библіи. По окончаніи борьбы, Давидъ былъ приведенъ къ Саулу и принесъ въ рукахъ огромную голову Голіаѳа, какъ страшный трофей своей побѣды. Такой подвигъ естественно заставилъ царя разспросить подробнѣе касательно происхожденія молодаго героя, за котораго онъ, по обѣщанію, долженъ былъ выдать свою дочь. Давидъ разсказалъ ему что его отецъ Іессей, виѳлеемлянинъ. Саулъ чрезвычайно милостиво отнесся къ юношѣ и возвелъ его въ должность своего оруженосца или адъютанта. Добыча, доставшаяся послѣ смерти убитаго исполина, отдана была въ распоряженіе Давида. Оружіе онъ отнесъ себѣ домой, въ Виѳлеемъ, и впослѣдствіи сложилъ эти трофеи въ скиніи, въ городѣ Номвѣ. Голова Голіаѳа сохранялась какъ постоянный памятникъ могущества вѣры въ Іегову. Впослѣдствіи она сохранялась, какъ достопримѣчательность, въ Іерусалимѣ, когда этотъ городъ сдѣлался столицей царства.

При этомъ свиданіи между Сауломъ и Давидомъ присутствовалъ человѣкъ, который еще полнѣе могъ оцѣнить доблестный характеръ юнаго побѣдоносца, и радовался его успѣху. Это былъ Іонаѳанъ, храбрый, благородный и великодушный сынъ Саула. Когда Давидъ отвѣтилъ на вопросы царя и обнаружилъ въ себѣ необычайную скромность, мужество, возвышенную вѣру и мудрость, то въ сердцѣ Іонаѳана запылала необычайная любовь къ этому юношѣ, такъ что, по выраженію библейскаго повѣствователя, «душа Іоанаѳана прилѣпилась къ душѣ Давида, и полюбилъ его Іонаѳанъ, какъ свою душу». Начавшаяся такимъ образомъ дружба никогда уже затѣмъ не ослабѣвала, никогда не

омрачалась ни на одинъ моментъ. Она продолжала существовать неизмѣнно въ теченіе всей остальной жизни Іонаѳана. Для самого Давида побѣда его надъ Голіаѳомъ была однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ жизни. Она воспламенила въ немъ поэтическій духъ, и онъ на своей сладкозвучной арфѣ воспѣлъ это событіе въ знаменитомъ псалмѣ:

Я былъ меньшій между братьями моими
И юнѣйшій въ домѣ отца моего;
Пасъ овецъ отца моего.
Руки мои сдѣлали органъ,
Персты мои настроили псалтирь.
И кто возвѣстилъ бы Господу моему?
Самъ Господь, Самъ услышалъ меня.
Онъ послалъ вѣстника Своего,
И взялъ меня отъ овецъ отца моего,
И помазалъ меня елеемъ помазанія Своего.
Братья мои прекрасны и велики;
Но Господь не благоволилъ избрать изъ нихъ.
Я вышелъ на встрѣчу иноплеменнику,
И онъ проклялъ меня идолами своими,
Но я, исторгнувши у него мечъ, обезглавилъ его,
И избавилъ сыновъ Израилевыхъ отъ поношенія [1]).

ГЛАВА VIII.

ЗАВИСТЬ САУЛА И ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ИМЪ ДАВИДА.

Война съ филистимлянами не окончилась пораженіемъ, нанесеннымъ имъ по случаю умерщвленія Голіаѳа. Военныя дѣйствія продолжались въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и за это время Давидъ своими подвигами все болѣе пріобрѣталъ расположеніе и любовь у Саула и его народа. Онъ такъ разумно и успѣшно исполнялъ всѣ дававшіяся ему порученія, что Саулъ ввѣрилъ ему должность одного изъ военачальниковъ своего войска. Но скоро случилось одно обстоятельство, которое возбудило ревнивую подозрительность царя, никогда уже потомъ не успокоивавшуюся, но всегда бывшую готовою перейти въ открытое насиліе, особенно когда царь страдалъ отъ припадковъ своей

1) Пс. CLI, 1 — 7. Псалма этого нѣтъ въ еврейскомъ текстѣ, и онъ въ греческомъ переводѣ LXX, оттуда и переведенъ въ русскомъ изданіи.

болѣзни. По окончаніи военныхъ дѣйствій, Саулъ, вмѣстѣ съ Давидомъ и войскомъ, торжественно возвращался домой, довольный тѣмъ, что на время возстановилъ полное торжество Израиля въ Палестинѣ. Этому безпримѣрному успѣху особенно много содѣйствовалъ Давидъ своимъ военнымъ искусствомъ и личною храбростью, доказанною при многихъ различныхъ случаяхъ. Народъ ясно понималъ это и открыто признавалъ величіе его подвига въ качествѣ побѣдителя исполина Голіаѳа. Слава его гремѣла по всей странѣ и быстро возрастала съ теченіемъ времени, такъ что угрожала скоро даже затмить славу самого царя. Когда они окончательно возвращались съ похода, то женщины изъ проходимыхъ войскомъ городовъ выходили встрѣчать ихъ пѣснями и плясками, и другими знаками общенародной радости. Онѣ выходили съ кимвалами и трехугольниками, и совершая свои обычныя торжественныя пляски, антифонно пѣли составленную народнымъ творчествомъ побѣдную пѣснь, основнымъ припѣвомъ которой были слова:

«Саулъ побѣдилъ тысячи,
А Давидъ десятки тысячъ».

Когда Саулъ улышалъ этотъ оскорбительный для него припѣвъ, то мрачное подозрѣніе запало въ его душу по отношенію къ юному герою. Онъ не забылъ, что онъ въ сущности, устами Самуила, низложенъ съ престола, и на его мѣсто предназначенъ кто то другой, болѣе достойный его. Ему не разъ приходилось съ мрачнымъ недовольствомъ размышлять объ этомъ предстоящемъ будущемъ, и онъ подозрительно искалъ признаковъ, по которымъ можно бы узнать объ имѣвшемъ заступить его преемникѣ. Прошли годы съ того времени, какъ сдѣлано было ему это роковое сообщеніе, и однако же протекшее время не умалило его опасеній за будущее. Это предвозвѣщенное лишеніе трона тяжело легло на его душу и усилило его мрачное расположеніе. А что если этотъ именно невзрачный герой-пастухъ и есть царь, предназначенный Іеговою занять мѣсто, котораго по своему недостоинству лишился Саулъ? Этотъ любимецъ народа могъ дѣйствительно сдѣлаться соперникомъ, который могъ лишить престола и его самого, и его родъ. Давидъ выступилъ борцемъ за Израиля, когда всѣ могущественные воины царскаго войска отступили въ

ужасѣ; этотъ юноша показывалъ необычайный успѣхъ во всѣхъ битвахъ и завоевывалъ себѣ сердца всѣхъ, съ кѣмъ только ни сходился; его слава такъ восторженно воспѣвалась въ странѣ, что народъ, въ своей побѣдной пѣснѣ, признавалъ его въ десять разъ болѣе достойнымъ, чѣмъ царя и главу народа. Во всякомъ случаѣ, народная пѣсня сильно огорчила Саула, ему крайне былъ непріятнымъ этотъ припѣвъ, и онъ мрачно замѣтилъ: «Давиду дали десятки тысячъ, а мнѣ тысячи; ему недостаетъ только царства».

Съ этого времени онъ началъ относиться къ Давиду съ смѣшаннымъ чувствомъ ненависти и любви. Прежнее великодушіе, которое онъ обнаруживалъ по отношенію къ врагамъ въ свои ранніе годы, было разрушено въ немъ годами подозрѣнія и недовольства, и злое настроеніе, которому онъ отдавался по временамъ, совершенно подавило въ немъ всякую прежнюю любовь къ юному другу и сладостному пѣвцу, и ничего не оставило на мѣсто ея, кромѣ чувства коварной зависти и злобной ревности. Когда онъ отдался подобнымъ злымъ подозрѣніямъ и постоянно терзался мыслью, что народъ явно возвышаетъ надъ нимъ этого ничтожнаго пастуха, то его еще сильнѣе сталъ мучить тотъ злой духъ, который уже и раньше омрачалъ его душу. Это было попущеніе Божіе, и злому духу было позволено господствовать надъ царемъ и исполнять божественный приговоръ надъ его душою. Саулъ былъ предоставленъ своему собственному произволу, и зло безспорно властвовало въ его больной душѣ. Его природный умъ ослабѣлъ подъ дѣйствіемъ этой болѣзненной страсти, и въ немъ развивалась новая фаза сумасшествія. Будучи сначала лишь мрачнымъ, печальнымъ и подозрительнымъ, теперь онъ начиналъ становиться буйнымъ и кровожаднымъ; въ его душѣ начали все болѣе пріобрѣтать господство человѣкоубійственныя наклонности; его рѣчи становились безсвязными. Дѣйствуя подобно человѣку, обладающему болѣе сильною волею, чѣмъ его собственная, онъ „бѣсновался въ домѣ своемъ“; вдохновляемый злымъ духомъ, онъ изрекалъ слова, смысла которыхъ не понималъ самъ, и которыя присутствующимъ казались дѣйствительно бѣснованіемъ сумасшедшаго. Когда особенно сильно проявились такое опасное настроеніе у царя, то приближенные не замедлили прибѣгнуть къ старому средству успокоенія души царя, и призвали Давида. И

Давидъ, съ своимъ обычнымъ искусствомъ, игралъ на своей сладостной арфѣ, но теперь уже безъ обычнаго успѣха. Злой духъ въ Саулѣ былъ уже слишкомъ силенъ, уже слишкомъ свободно распоряжался его душой, чтобы бѣжать отъ звуковъ сладостной музыки. Музыка потеряла для него свою силу, но самъ играющій на арфѣ всетаки не хотѣлъ оставлять исполненія своей должности, питая хотя малѣйшую надежду оказать пользу бѣснующемуся монарху, хотя и не могъ не сознавать, что бѣснованіе это отчасти вызывалось присутствіемъ самого Давида. И вотъ однажды, доведенный до необычайнаго изступленія, Саулъ сталъ размахивать своимъ копьемъ, которое онъ носилъ какъ символъ своей царской власти, угрожая метнуть имъ въ Давида, когда тотъ перебѣгалъ своими пальцами по арфѣ. Два раза онъ цѣлился своимъ смертоноснымъ оружіемъ въ музыканта, и два раза онъ удерживалъ свою смертоносную руку, такъ какъ или Давидъ во-время удалялся отъ его присутствія, или же приближенные успѣвали во-время утишить разъяреннаго царя. Но это покушеніе царя способствовало только еще большей славѣ Давида и, въ свою очередь, только усиливало болѣзненность Саула. Онъ видѣлъ во всемъ этомъ руку Божію; но его убѣжденіе, вмѣсто того, чтобы приводить его къ примиренію съ настоящими обстоятельствами и къ признанію безполезности всякихъ попытокъ устранить юношу, который служилъ ему такъ хорошо и вѣрно, заставляло его ненавидѣть его еще болѣе и еще сильнѣе опасаться его. Самъ Давидъ не удалился изъ дворца; онъ смотрѣлъ на обнаруженную царемъ враждебность, какъ на признакъ болѣзненнаго состоянія его души, и не мстилъ за это. Саулъ, однако, даже въ моменты болѣе здраваго состоянія не могъ уже выносить постояннаго присутствія человѣка, котораго онъ считалъ себѣ соперникомъ и повредить которому онъ сознавалъ себя безсильнымъ, въ то же время не имѣя возможности не признавать высокихъ качествъ, которыя пріобрѣли Давиду любовь цѣлаго войска. Поэтому, онъ постарался какъ-нибудь удалить отъ себя этотъ постоянный источникъ раздраженія и поручилъ Давиду команду надъ тысячнымъ отрядомъ воиновъ, которому и поручалъ различныя военныя экспедиціи. Въ положеніи такого военачальника, послѣдній дѣйствовалъ такъ хорошо, что во всемъ имѣлъ необычайный успѣхъ; Израилъ и Іуда, какъ сѣверныя,

такъ и южныя колѣна, радостно отдавались его водительству, и всѣ любили его. Такимъ успѣхамъ Давида Саулъ не въ состояніи былъ помѣшать, но они еще болѣе отравляли душу царя, который все чаще и болѣе бѣсновался отъ безсильнаго озлобленія.

Слыша повсюду похвалы Давиду, самъ Саулъ въ свою очередь старался всячески умалять его подвиги, считая ихъ лишь благопріятною для него случайностью, и въ то же время находилъ возможнымъ нарушать даже свое царское слово. Царь обѣщалъ выдать свою дочь въ замужество за воина, который побѣдитъ филистимскаго исполина Голіаѳа; онъ, конечно, чувствовалъ на себѣ обязанность исполнить это обѣщаніе, но медлилъ съ нимъ, и когда, наконецъ, рѣшился исполнить его, то обусловилъ это исполненіе тѣмъ, чтобы Давидъ совершилъ еще нѣсколько подвиговъ, и притомъ такихъ, которые, какъ тайно надѣялся Саулъ, могли повести къ полной гибели Давида. Такъ, онъ предложилъ Давиду свою старшую дочь Мерову, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ совершилъ еще нѣсколько походовъ противъ филистимлянъ, надѣясь, что беззавѣтная храбрость Давида, особенно при данныхъ обстоятельствахъ, послужитъ для него гибелью. Во всякомъ случаѣ онъ въ тайнѣ думалъ: «пусть не моя рука будетъ на немъ, но рука филистимлянъ будетъ на немъ». Давидъ, конечно, охотно принялъ это порученіе, хотя тотчасъ же выразилъ свое недостоинство быть зятемъ царя: «кто я и что жизнь моя,—сказалъ онъ Саулу,—и рода отца моего въ Израилѣ, чтобы мнѣ быть зятемъ царя?» Тѣмъ не менѣе, всѣ сдѣланныя ему порученія онъ въ точности выполнилъ, къ великому прискорбію Саула. Когда настало время для исполненія обѣщанія, то Саулъ нашелъ возможнымъ опять нарушить свое царское слово, и, вмѣсто того, чтобы выдать свою дочь за храбраго героя, выдалъ ее въ замужество за нѣкоего Адріела изъ Мехолы, который, быть можетъ, какъ богатый человѣкъ, предложилъ царю большій даръ въ отвѣтъ за эту честь. Давидъ не могъ не чувствовать себя оскорбленнымъ такимъ предпочтеніемъ ему богатаго человѣка, не заявившаго себя ничѣмъ для блага народа, но его скорбь смягчилась тѣмъ, что Мерова, въ сущности, не любила бывшаго пастуха, и, напротивъ, онъ пользовался любовью второй дочери Саула, Мелхолы, которая свою любовь къ юному герою показывала открыто. Когда объ этомъ донесено было Саулу, то онъ воспользовался этимъ

случаемъ для того, чтобы нѣсколько загладить свой недостойный поступокъ въ отношеніи къ Давиду, и рѣшилъ отдать эту свою дочь за него, однако же, имѣя въ виду при этомъ опять обусловить исполненіе обѣщанія какимъ-нибудь порученіемъ, которое бы могло послужить гибелью для Давида. Давидъ теперь уже изъ опыта знялъ, нерасположеніе къ себѣ царя и его коварные замыслы, и поэтому, когда ему доложили о рѣшеніи Саула отдать за него свою вторую дочь, то юный герой не особенно обрадовался этой вѣсти и съ грустью замѣтилъ: «развѣ легко кажется вамъ быть зятемъ царя? я—челвѣкъ бѣдный и незначительный». Тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ принять это предложеніе, и Саулъ исполненіе его обусловилъ тѣмъ, чтобы Давидъ совершилъ новый подвигъ въ отношеніи къ филистимлянамъ. Быть можетъ война съ филистимлянами еще продолжалась въ это время, но и помимо этого, въ тотъ вѣкъ неупорядочности международныхъ отношеній, всегда возможно было для партіи воиновъ сдѣлать вторженіе въ непріятельскую землю и произвести въ ней то или другое опустошеніе. Давиду поручено было сдѣлать нашествіе на филистимскую землю и, въ доказательство своей храбрости, какъ условіе женитьбы на царской дочери, совершить опасный подвигъ обрѣзанія ста филистимлянъ. Такой подвигъ естественно требовалъ не только храбрости, но и особенной хитрости, и конечно болѣе всего подвергалъ жизнь Давида опасности, что именно и имѣлъ въ виду Саулъ. Съ своимъ обычнымъ проворствомъ, Давидъ съ отрядомъ воиновъ сдѣлалъ отважный набѣгъ на пограничную область Филистіи, и, прежде чѣмъ прошло время, назначенное для совершенія подвига, онъ возвратился ко двору, принеся съ собою, какъ вещественное доказательство, краеобрѣзанія даже не ста филистимлянъ, какъ было сказано въ условіи, а двухъ сотъ. Послѣ такого подвига Саулу ничего не оставалось дѣлать, какъ исполнить свое обѣщаніе, данное при столь торжественной и открытой обстановкѣ, и поэтому онъ дѣйствительно выдалъ свою дочь Мелхолу за Давида, и юный пастухъ виѳлеемскій сдѣлался такимъ образомъ зятемъ царя. Но эта новая связь между ними только еще болѣе усилила неразумную ненависть Саула. Онъ не сомнѣвался, что Господь содѣйствовалъ Давиду и защищалъ его во всѣхъ опасностяхъ, или, если даже онъ не признавалъ тутъ дѣла Божія, то во всякомъ случаѣ смотрѣлъ на Давида, какъ на одного изъ тѣхъ счастливыхъ людей, которые во всемъ имѣютъ

успѣхъ и противъ которыхъ безполезно дѣйствовать коварствомъ. Близкое родство Давида съ царемъ еще болѣе усилило его вліяніе, такъ что даже и царю невозможно было угнетать его открыто. Кромѣ того, самое сознаніе, что Мелхола любитъ своего мужа и готова употребить всѣ усилія для того, чтобы защитить его отъ злобныхъ ухищреній своего царя отца, еще болѣе ожесточало чувства Саула и отравляло все его душевное состояніе. Какъ все это было бы иначе, еслибы несчастный царь примирился съ даннымъ ему положеніемъ и призналъ руку Божію во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ! Человѣкъ, которому назначено было заступить впослѣдствіи его мѣсто, допущенъ былъ въ его семейство; перемѣна династіи при такихъ обстоятельствахъ не имѣла бы никакого значенія; мужъ его дочери могъ бы естественно быть избранъ въ качествѣ его преемника, и такимъ образомъ онъ могъ бы примириться съ доброю волею народа, удовлетворить любовь своего сына и дочери и привязать къ себѣ самого Давида узами благодарности и любви. Но Саулъ упорствовалъ въ своей злобной ненависти и постоянный успѣхъ Давида лишь раздувалъ то пламя, которое пожирало его сердце, и вслѣдствіе этого «сталъ Саулъ еще больше бояться Давида, и сдѣлался врагомъ его на всю жизнь». Онъ сталъ открыто преслѣдовать народнаго любимца и своего тайнаго преемника, и отселѣ начинается рядъ изумительныхъ приключеній Давида, которыми Промыслъ постепенно подготовлялъ его къ занятію престола. Это была трудная школа испытаній, въ которой должно было укрѣпиться въ Давидѣ убѣжденіе, что судьба и жизнь человѣка находятся въ рукѣ Божіей, и даже царь со всѣмъ его воинствомъ, будучи лишенъ помощи Божіей, становится беззащитнѣе и безпомощнѣе послѣдняго раба.

Сауломъ теперь совершенно овладѣли его мрачныя страсти. Въ своей ревнивой ненависти онъ потерялъ всякое самообладаніе; онъ осмѣлился даже открыто говорить Іонаѳану и своимъ приближеннымъ о намѣреніи убить Давида при первомъ благопріятномъ случаѣ [1]). Онъ не могъ долѣе выносить успѣховъ своего молодого геройскаго зятя, его опасной популярности, и явно по-

---

1) Въ греческомъ и сирійскомъ текстахъ 1 Цар. XIX, 1 понимается въ томъ смыслѣ, что «Саулъ говорилъ Іонаѳану, сыну своему, и всѣмъ слугамъ своимъ объ умерщвленіи Давида». Въ синодальномъ переводѣ стихъ этотъ читается такъ, что даетъ возможность понять, будто Саулъ поручалъ Іонаѳану и слугамъ своимъ умертвить Давида.

дозрѣвалъ въ немъ намѣреніе заявить притязаніе на престолъ и основать новую династію. Онъ старался убѣдить себя и своихъ приближенныхъ въ томъ, что смерть Давида составляетъ безусловную необходимость, мѣру предосторожности, которую, какъ это ни прискорбно, необходимо предпринять по важнымъ государственнымъ основаніямъ. Удручаемый мрачными опасеніями, онъ подавилъ въ себѣ всѣ лучшія чувства, сроднился съ мыслью о преступленіи, такъ что ничто уже не могло долѣе останавливать его кровожадныхъ замысловъ. Но Давидъ имѣлъ при дворѣ друга, который видѣлъ его опасность и предостерегалъ отъ нея. Доблестный Іонаѳанъ, благородный сынъ злобнаго царя, зналъ, что при дворѣ было не мало такихъ беззастѣнчивыхъ царедворцевъ, которые, послѣ такого заявленія со стороны своего государя, очень легко могли оказать ему содѣйствіе въ устраненіи столь непріятной ему личности. Поэтому, одушевляемый не только любовью къ своему другу, но и истиннымъ патріотизмомъ, Іонаѳанъ предостерегалъ Давида объ угрожающей ему опасности и просилъ его на время скрыться, пока онъ не узнаетъ дѣйствительныхъ намѣреній своего отца, и не попытается отвратить его отъ худаго намѣренія. Воспользовавшись затѣмъ первымъ случаемъ, Іонаѳанъ спокойно заговорилъ съ больнымъ душою царемъ, напомнилъ ему объ услугахъ Давида и о той великой радости, которую онъ самъ чувствовалъ вслѣдствіе успѣха юноши, и, въ заключеніе, упрашивалъ его не навлекать на себя вины въ пролитіи невинной крови. Саулъ не могъ устоять противъ такой просьбы своего любимаго сына и, сохраняя въ себѣ еще остатокъ прежнихъ благородныхъ чувствъ, склонился на эти убѣжденія, и даже далъ клятву, что жизнь Давида будетъ пощажена: живъ Господь! воскликнулъ Саулъ, Давидъ не умретъ“. Обѣщаніе это было сдѣлано торжественно, такъ что Іонаѳанъ былъ совершенно увѣренъ въ искренности своего отца и радостно сообщилъ Давиду о томъ, что царь, очевидно, перемѣнилъ свое намѣреніе и сталъ обнаруживать прежнюю благосклонность къ Давиду. Вслѣдствіе этого, Давидъ дѣйствительно, послѣ временнаго удаленія, опять возвратился къ дворцу и занялъ свое прежнее положеніе. Это примиреніе продолжалось въ теченіе нѣкотораго времени, и Давидъ даже опять вступилъ въ тѣ близкія отношенія съ царемъ, въ которыхъ онъ находился до послѣдняго взрыва гнѣва царя.

Но вотъ новый случай опять возбудилъ въ Саулѣ дремлющую ревнивость и, притомъ, въ еще большей степени. Филистимляне опять сдѣлали набѣгъ на землю Израильскую, и въ битвѣ съ ними Давидъ опять показалъ свою обычную храбрость, придавшую ему еще больше популярности въ народѣ и войскѣ. Этотъ новый подвигъ сразу возбудилъ въ Саулѣ всѣ его злыя чувства и довелъ ихъ до высшей степени. Онъ не дѣлалъ ни малѣйшей попытки подавить въ себѣ злыя мысли; напротивъ, онъ какбы поощрялъ и питалъ въ себѣ злобное чувство и всецѣло отдавался во власть своихъ мрачныхъ страстей, такъ что библейскій повѣствователь опять заявляетъ, что „злой духъ отъ Бога напалъ на Саула". Этотъ страшный припадокъ бѣснованія былъ прямымъ наказаніемъ за его нераскаянность и жестокосердіе. Когда онъ такимъ образомъ страдалъ отъ этой страшной душевной болѣзни, Давидъ опять явился къ нему съ цѣлью, если возможно, своею сладостною музыкой утишить бѣснующійся духъ царя. Но болѣзнь Саула приняла уже столь сильное развитіе, что подобныя мягкія средства не оказывали на него никакого вліянія. Напротивъ, при видѣ играющаго Давида, въ душѣ Саула промелькнула мрачная мысль, что вотъ теперь его смертельный врагъ находится близъ его безъ всякаго оружія, и слѣдовательно, находится въ его полной власти; не воспользоваться ли ему этимъ обстоятельствомъ и сразу нанести ему смертельный ударъ? Въ страшномъ изступленіи, онъ схватилъ стоявшее близъ него копье и, всецѣло отдаваясь кровожадному влеченію, метнулъ его въ музыканта, стараясь убить его на повалъ. Давидъ, однако же своимъ зоркимъ взглядомъ уже могъ заранѣе замѣтить опасное возбужденіе царя и его странныя движенія и, поэтому, успѣлъ во время уклониться отъ угрожавшаго ему удара, такъ что копье съ визгомъ пронеслось мимо него и вонзилось въ стѣну. Послѣ этого, Давиду ничего болѣе не оставалось, какъ спасаться бѣгствомъ, а Саулъ, кипя отъ безсильной ярости и новой неудачи, въ свою очередь принялъ мѣры, чтобы поймать Давида и предать его смерти. Спасаясь отъ угрожающей опасности, Давидъ тайкомъ удалился въ свой собственный домъ, и думая, что царь, какъ страдавшій отъ моментальныхъ приливовъ ярости, могъ уже раскаяваться въ своемъ поступкѣ, воображалъ, что онъ теперь находится въ безопасности. Между тѣмъ, Саулъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы домъ

Давида былъ окруженъ стражей, такъ чтобы ночью можно было бы убить его. Іосифъ Флавій полагаетъ [1]), что Саулъ имѣлъ намѣреніе схватить его и предать суду въ качествѣ измѣнника, принявъ при этомъ мѣры къ его осужденію на смертную казнь; но при теперешнемъ состояніи, когда злополучный царь потерялъ уже всякое самоуваженіе и всецѣло отдалъ себя во власть своей кровожадной зависти, онъ едва ли могъ думать о какомъ-нибудь формальномъ судопроизводствѣ, а просто хотѣлъ избавиться отъ своего врага своею собственною тираническою властью. Положеніе Давида, окруженнаго слугами кровожаднаго царя въ самомъ домѣ своемъ, было крайне тяжело, и онъ искалъ утѣшенія въ молитвѣ къ Богу, единственному своему покровителю и излилъ свою скорбь въ пламенномъ псалмѣ:

Избавь меня отъ враговъ моихъ, Боже мой!
Защити меня отъ возстающихъ на меня,
Избавь меня отъ дѣлающихъ беззаконіе;
Спаси отъ кровожадныхъ.
Ибо вотъ они подстерегаютъ душу мою;
Собираются на меня сильные,
Не за преступленіе мое и не за грѣхъ мой, Господи,
Безъ вины моей сбѣгаются и вооружаются;
Подвигнись на помощь мнѣ, и воззри.
Сила у нихъ, но я къ Тебѣ прибѣгаю,
Ибо Богъ, заступникъ мой.
Расточи ихъ во гнѣвѣ,
Расточи, чтобъ ихъ не было,
Пусть возвращаются вечеромъ,
Воютъ какъ п с ы и ходятъ вокругъ города,
А я буду воспѣвать силу Твою,
И съ ранняго утра провозглашать милость Твою;
Ибо Ты былъ мнѣ защитой
И убѣжищемъ въ день бѣдствія моего.
Сила моя! Тебя буду воспѣвать я;
Ибо Богъ заступникъ мой,
Богъ мой, милующій меня [2]).

Пламенная молитва была услышана, и надежда Давида на помощь Божію оправдалась. Быть можетъ, благодаря сообщенію Іонаѳана, Мелхола узнала объ угрожающей жизни ея мужа опасности, и такъ какъ двери дома были тщательно охраняемы стражей, то она прибѣгла къ особому средству спасти Давида, и, спустивъ веревку изъ окна, дала Давиду возможность спастись

[1]) Antiq. VI, 11, 4.
[2]) Пс. LVIII, 1—5, 10, 14—18.

такимъ незамѣтнымъ образомъ. Но давъ возможность безопасно удалиться Давиду, Мелхола прибѣгла еще къ одному средству для того, чтобы какъ-нибудь замедлить преслѣдованіе. Она послала сказать стражѣ, что Давидъ весьма сильно заболѣлъ въ прошлую ночь и теперь лежитъ въ своей комнатѣ больной и неспособный къ движенію, причемъ, для того, чтобы придать вѣроятіе своему разсказу, она сдѣлала на кровати человѣкоподобную фигуру, которая и должна была изображать ея отсутствующаго мужа. Обманъ, конечно, былъ открытъ, но не раньше, чѣмъ онъ сослужилъ свою службу.

Между тѣмъ царственный бѣглецъ, видя, что царскій дворъ уже не можетъ служить для него мѣстомъ спокойнаго обитанія, направился къ своему старому другу и совѣтнику Самуилу, все еще жившему въ Рамѣ. Пророкъ хотя и устранился отъ общественной дѣятельности, однако же, продолжалъ пользоваться своимъ прежнимъ вліяніемъ и не только могъ дать Давиду добрый совѣтъ въ его печальномъ положеніи, но могъ также предложить и убѣжище, гдѣ въ мирѣ и молитвѣ Давидъ могъ утишить свой взволнованный духъ и найти подкрѣпленіе для будущихъ испытаній. По сосѣдству съ своимъ жилищемъ, Самуилъ воздвигъ нѣсколько зданій, служившихъ мѣстомъ школы для пророческихъ учениковъ, занятіями которыхъ онъ завѣдывалъ. Здѣсь пророческіе ученики жили вмѣстѣ и занимались воспитаніемъ и подготовленіемъ себя для предстоявшей имъ великой дѣятельности среди своего народа. Принятый въ эту общину, Давидъ на нѣкоторое время чувствовалъ себя въ безопасности, и тамъ, въ сонмѣ пророковъ, пѣніемъ и музыкой облегчилъ свою утомленную гоненіями душу, подготовляясь вмѣстѣ съ тѣмъ и къ будущей своей дѣятельности въ качествѣ просвѣщеннаго царя. Но это спокойствіе не было продолжительнымъ. Саулу скоро было донесено, гдѣ Давидъ нашелъ себѣ убѣжище, и царь, не обращая вниманія на святость его убѣжища, отправилъ пословъ арестовать его. Но это намѣреніе царя разрушено было высшей силой, чѣмъ какою могъ располагать и самъ царь. Когда посланные прибыли въ Раму, и именно къ мѣсту пребыванія Давида въ Наваѳѣ (какъ назывались собственно зданія пророческой школы), то со стороны пророческихъ учениковъ не сдѣлано было никакой попытки воспрепятствовать ихъ приближенію и, напро-

тивъ, все было торжественно и мирно. Посланные вошли въ общественное помѣщеніе и увидѣли предъ собою необычайную картину. Предъ ними былъ сонмъ благочестивыхъ учениковъ, которые составляли изъ себя большой стройный хоръ; цѣлая масса просвѣщенныхъ пророковъ, уже находившихся въ зрѣломъ возрастѣ, дѣятельно занималась преподаваніемъ своимъ ученикамъ и во главѣ всѣхъ стоялъ высокочтимый Самуилъ, уже находившійся въ преклонныхъ лѣтахъ, но все еще дѣятельный и живой,—и всѣ они, при входѣ посланныхъ царя, запѣли хвалебную пѣснь Богу, безстрашно встрѣчая вооруженныхъ посланниковъ Саула. Пораженные всѣмъ этимъ необычнымъ для нихъ зрѣлищемъ, посланные въ недоумѣніи остановились и затѣмъ сами поддались вліянію восторженныхъ пѣсенъ пророковъ, Забывъ о своемъ порученіи, они присоединились къ пророкамъ, и сами начали пророчествовать. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Саула, то онъ отправилъ другихъ посланныхъ для исполненія своей воли, но то же самое случилось и въ этотъ, и даже и въ третій разъ. Духъ Божій, присутствовавшій въ средѣ пророковъ, оказывался слишкомъ могущественнымъ, чтобы ему могли противиться даже самые преданные слуги царя. Взбѣшенный Саулъ, наконецъ, рѣшился самъ отправиться въ Раму. Онъ уже давно подавилъ въ себѣ всякія движенія совѣсти, ничто уже не могло возбуждать въ немъ лучшихъ чувствъ, и онъ рѣшился даже нарушить святость мѣстопребыванія пророковъ, собственною личностью вторгнуться въ ихъ убѣжище и самолично наложить руки на своего смертельнаго врага. Вслѣдствіе этого, онъ немедленно двинулся изъ своего мѣстопребыванія въ Гивѣ и отправился въ Раму. Достигнувъ одного мѣста, которое долго указывалось преданіемъ, но которое теперь трудно опредѣлить въ точности, именно великаго источника въ Сефѣ, Саулъ началъ разспрашивать сосѣднихъ жителей, гдѣ именно находятся теперь Самуилъ и Давидъ. Ему сообщили, что они находятся въ Наваѳѣ, въ Рамѣ, и онъ прямо двинулся туда. Но когда онъ приблизился къ этому священному мѣсту, то и съ нимъ случилась совершенно необычная вещь. Лишь только онъ вступилъ въ Наваѳъ и заслышалъ знакомые ему звуки пророческихъ пѣсенъ, какъ мрачная душа его просвѣтлѣла, духъ злобы отошелъ отъ него, и опять сошелъ на него Духъ Божій. Въ непонятномъ для себя увлеченіи, онъ сбросилъ съ себя свои царскія одѣянія и, оставаясь

только въ своемъ нижнемъ платьѣ, бросился къ Самуилу и, въ необычайной восторженности, пѣлъ и пророчествовалъ. Но что именно могло такъ повліять на духъ царя и въ такое именно время? Даже, если мы не будемъ видѣть здѣсь ничего сверхъестественнаго, то, во всякомъ случаѣ, перемѣна эта весьма замѣчательная. То возбужденіе, отъ котораго столь долго страдалъ Саулъ, закончилось состояніемъ, котораго едва ли можно было ожидать. Конечно, на него могла повліять уже и самая мысль, что ему придется встрѣтиться здѣсь съ своимъ старымъ другомъ и руководителемъ, Самуиломъ,, котораго онъ такъ глубоко оскорбилъ и съ которымъ находился уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ полномъ отчужденіи; и такъ какъ съ этою мыслью въ его душѣ вмѣстѣ съ тѣмъ клокотало и чувство мщенія, то борьба этихъ противоположныхъ чувствъ и должна была приводить Саула въ необычайное волненіе. Затѣмъ, самый видъ Самуила во главѣ школы пророковъ, сладостные звуки музыки, нѣкогда столь знакомой его слуху, напомнили ему тотъ болѣе ранній періодъ его жизни, когда онъ и самъ возбуждался подобнымъ же образомъ. Ему казалось, что онъ возвратился къ тѣмъ прежнимъ счастливымъ днямъ своей жизни, когда онъ находился подъ священнымъ вліяніемъ Самуила; это воспоминаніе какбы возродило его; омраченный неудержимымъ волненіемъ, онъ всецѣло отдался этому, родному для себя чувству и «пророчествовалъ предъ Самуиломъ, и весь день тотъ, и всю ночь ту лежалъ неодѣтый», какбы истощенный и подавленный избыткомъ своихъ чувствъ. Но было ли это необычайное возбужденіе такимъ же признакомъ его испытанія, какъ и то, которымъ сопровождалось избраніе его на царство? Или не былъ ли это послѣдній милосердный приступъ св. Духа въ его сердце, могущественное вліяніе Его для возбужденія въ сердцѣ царя лучшихъ чувствъ, которыя могли бы привести его къ покаянію и исправленію? Во всякомъ случаѣ перемѣна во внѣшнемъ состояніи царя была очевидна для всѣхъ, и она послужила поводомъ къ повторенію и подтвержденію уже и раньше составившейся пословицы: «неужели и Саулъ во пророкахъ?» Если уже и прежде казалось всѣмъ необычайнымъ, что такой мало религіозный и не подготовленный человѣкъ, какъ Саулъ, оказался среди пророческаго сонма, то тѣмъ болѣе чуднымъ казалось теперь, что человѣкъ, который явно находился подъ господствомъ злаго духа и пришелъ въ Раму съ враждебнымъ намѣреніемъ, стараясь привести

въ исполненіе свой кровожадный замыселъ даже въ этомъ святилищѣ, теперь испытывалъ приливъ божественнаго вліянія и пророчествовалъ. И изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, какъ онъ самъ, такъ и его послѣдователи могли вывести поучительное для себя заключеніе, что Богъ содержитъ въ своей рукѣ сердца людей и руководитъ ихъ волею, что Господь не хотѣлъ допустить погибели Давида, и что, стараясь достигнуть ея, Саулъ шелъ противъ воли Божіей. Давидъ, такимъ образомъ, еще разъ былъ чудеснымъ образомъ избавленъ отъ кровожадной ярости царя и это избавленіе воспѣлъ въ особомъ псалмѣ:

На Господа уповаю;
Какъ же вы говорите душѣ моей:
Улетай на гору вашу, какъ птица?
Ибо всѣ нечестивые натянули лукъ,
Стрѣлу свою приложили къ тетивѣ,
Чтобы во тьмѣ стрѣлять въ правыхъ сердцемъ.
Когда разрушены основанія,
Что сдѣлаетъ праведникъ?
Господь во святомъ храмѣ Своемъ,
Господь,—престолъ Его на небесахъ,
Очи Его зрятъ на нищаго;
Вѣжди Его испытываютъ сыновъ человѣческихъ.
Господь испытываетъ праведнаго,
А нечестиваго и любящаго насиліе
Ненавидитъ душа Его.
Дождемъ прольетъ Онъ на нечестивыхъ
Горящіе угли, огонь и сѣру;
И палящій вѣтеръ—ихъ доля изъ чаши.
Ибо Господь праведенъ, любитъ правду;
Лицо Его видитъ праведника [1]).

Душа Саула, однако, уже настолько огрубѣла, что онъ поддавался высшимъ вліяніемъ только на время и въ моменты изступленія. Когда охватившее Саула необычайное волненіе миновало, онъ забылъ о данномъ ему урокѣ; это необычайное предостереженіе не оставило глубокаго слѣда на его волѣ и только еще болѣе ожесточило его сердце. Событіе въ Рамѣ, вмѣстѣ съ необычайнымъ изступленіемъ Саула, продолжавшимся цѣлыя сутки, дало возможность Давиду спастись и на этотъ разъ отъ своего непримиримаго врага. Онъ поспѣшилъ къ своему другу Іонаѳану и совѣтовался съ нимъ, что ему дѣлать при теперешнихъ обстоятельствахъ. Правда, быть

1) Псал. X, 1—7.

можетъ вслѣдствіе заступничества и ходатайства Самуила, царь нѣсколько ослабилъ враждебность къ Давиду и даже обнаруживалъ склонность примириться съ нимъ, такъ что Давидъ получилъ возможность опять бывать при дворѣ; но у него не было никакой увѣренности за будущее, и, во всякомъ случаѣ, жизнь его всецѣло зависѣла отъ каприза этого непостояннаго въ своихъ чувствахъ тирана. Іонаѳанъ, впрочемъ старался вѣрить самъ и хотѣлъ убѣдить своего друга, что послѣднее дѣйствіе отца нужно приписывать лишь приступу его болѣзни, и что когда онъ приходилъ опять въ себя, то всякая опасность исчезала. Давидъ, однако же, не убѣдился этимъ. Царь не входилъ съ нимъ ни въ какія личныя сношенія, не увѣрялъ его въ перемѣнѣ своихъ чувствъ по отношенію къ нему, и Давидъ, естественно, боялся опять являться въ его присутствіе, помня прежнее покушеніе на свою жизнь. Для того, чтобы увѣриться въ дѣйствительномъ настроеніи царя, Давидъ, при посредствѣ своего друга, Іонаѳана, задумалъ сдѣлать опытъ въ этомъ отношеніи. Зная любовь Іонаѳана къ Давиду, Саулъ, конечно, едва ли бы могъ сообщить своему сыну о своихъ замыслахъ на жизнь Давида; но его настроеніе можно было узнать и другимъ способомъ. Въ началѣ каждаго мѣсяца день новолунія, по закону, соблюдался въ качествѣ религіознаго празднества всѣми благочестивыми израильтянами, и во дворцѣ Саула обыкновенно бывалъ большой гражданскій праздникъ, давался большой пиръ, на которомъ присутствовало все царское семейство и главные представители государства. Давидъ, какъ зять царя и военачальникъ въ его войскѣ, очевидно, также долженъ былъ присутствовать на этомъ пиршествѣ. Если теперь, въ случаѣ его отсутствія, Саулъ взглянетъ на это благопріятно, то можно заключать, что ему не угрожаетъ никакой особенной опасности; если же, напротивъ, царь будетъ сильно разгнѣванъ его отсутствіемъ, то это будетъ вѣрный признакъ, что недавнее событіе не измѣнило чувствъ царя, и что онъ еще не отказался отъ своихъ крайнихъ мѣръ. Такимъ способомъ вопросъ объ отношеніи царя къ Давиду могъ быть рѣшенъ окончательно.

Изъ Рамы Саулъ возвратился въ болѣе спокойномъ настроеніи, чѣмъ въ какомъ онъ находился раньше. Наступилъ обычный праздникъ новомѣсячія, возвѣщенный звукомъ трубъ, и онъ справлялся обычными жертвоприношеніями. При дворѣ устроенъ былъ обычный пиръ, который продолжался цѣлыхъ два дня. Всѣ великіе са-

новники государства присутствовали на немъ въ должномъ порядкѣ. Царь занималъ почетное мѣсто у передней стѣны палаты, противъ него былъ Іонаѳанъ, а рядомъ сидѣлъ Авениръ. Саулъ немедленно замѣтилъ, что мѣсто Давида остается незанятымъ, но не сдѣлалъ никакого замѣчанія по этому случаю, думая, что была какая-нибудь уважительная причина для его отсутствія. Но когда Давидъ не явился на пиръ и на второй день, то Саулъ сдѣлался подозрительнымъ, что тутъ была, вѣроятно, какая-нибудь особая причина, которая удерживала его отъ присутствія за царскимъ столомъ. Онъ обратился къ Іонаѳану, какъ человѣку, который вѣроятнѣе всего зналъ о движеніяхъ Давида и спросилъ его, почему этотъ «сынъ Іессеевъ», какъ онъ насмѣшливо назвалъ его, намекая на его низкое происхожденіе, не присутствовалъ на пиршествѣ въ теченіе этихъ двухъ дней. Іонаѳанъ отвѣчалъ, какъ было заранѣе условлено между нимъ и его другомъ, что Давидъ отозванъ былъ его старшимъ братомъ для присутствія на общественномъ жертвоприношеніи въ Виѳлеемѣ и испросилъ позволеніе присутствовать на немъ. Такое извиненіе, было ли оно истинно или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, было весьма правдоподобно. Но для подозрительнаго характера Саула подобное извиненіе только усилило его недовольство и привело его въ ярость, потому что лишило его благопріятнаго случая, которымъ онъ, очевидно, имѣлъ въ виду воспользоваться. На этомъ пиршествѣ, окруженный своими друзьями и поддерживаемый царедворцами, которые, конечно, рады были отсутствію Давида и надѣялись воспользоваться этимъ случаемъ для полной его гибели, царь намѣренъ былъ окончательно привести въ исполненіе свой кровожадный замыселъ. Такъ неужели же онъ опять лишенъ этого благопріятнаго случая и притомъ, быть можетъ, вслѣдствіе измѣнничества и вмѣшательства его собственнаго сына? Руководясь этою мыслью, Саулъ чрезвычайно разгнѣвался, когда услышалъ отвѣтъ Іонаѳана. «Сынъ негодный и непокорный!—въ необычайномъ гнѣвѣ закричалъ онъ. Развѣ я не знаю, что ты подружился съ сыномъ Іессеевымъ на срамъ себѣ и на срамъ матери своей? Ибо во всѣ дни, доколѣ сынъ Іессеевъ будетъ жить на землѣ, не устоишь ни ты, ни царство твое. Теперь же пошли и приведи его ко мнѣ, ибо онъ обреченъ на смерть». Такой сильный гнѣвъ Саула, однако же, не устрашилъ доблестнаго Іонаѳана, и онъ, думая, что еще возможно утишить гнѣвъ царя кроткимъ отвѣтомъ, сталъ просить своего отца за отсутствующаго Давида,

спрашивая его, за что умерщвлять его, и что онъ сдѣлалъ такого, чтобы заслуживало въ немъ смерти. Тогда Саулъ, не имѣя возможности долѣе сдерживать своихъ чувствъ, охваченъ былъ полною яростью. Онъ чувствовалъ, что Давидъ строитъ противъ него козни, и въ душу его запало подозрѣніе, что въ этомъ ему содѣйствуетъ и Іонаѳанъ, быть можетъ совмѣстно стремящійся къ тому, чтобы лишить Саула занимаемаго имъ престола. Въ изступленномъ гнѣвѣ, онъ схватилъ свое копье и сталъ размахивать имъ предъ лицомъ Іонаѳана, угрожая поразить его на мѣстѣ. Такого оскорбленія, предъ лицомъ громаднаго собранія гостей, и такого обиднаго подозрѣнія противъ его невиннаго друга Іонаѳанъ не могъ вынести. Съ сильнымъ и справедливымъ негодованіемъ въ своемъ благородномъ сердцѣ, онъ быстро всталъ изъ-за стола, оставилъ обѣденную палату и уже не являлся на пиршество. Ему ничего не оставалось, какъ сообщить Давиду о несчастномъ исходѣ задуманнаго ими опыта. На другой день утромъ Іонаѳанъ вышелъ въ поле въ то время, которое назначилъ Давиду, въ сопровожденіи одного слуги. Для того, чтобы это свиданіе оставить въ тайнѣ, Іонаѳанъ поручилъ слугѣ собирать разстрѣлянныя имъ стрѣлы и отнести въ городъ, а самъ въ это время пошелъ на свиданіе съ Давидомъ, и между друзьями произошла въ высшей степени трогательная сцена прощанія». «И цѣловали они другъ друга, и плакали оба вмѣстѣ, но Давидъ плакалъ болѣе. И сказалъ Іонаѳанъ Давиду: иди съ миромъ, а въ чемъ клялись мы оба именемъ Господа, говоря: Господь, да будетъ между мною и тобою, и между сѣменемъ моимъ и сѣменемъ твоимъ, то да будетъ на вѣки». Любовь между ними была изумительная, какая только можетъ быть между двумя доблестными и чистыми душами. Они разставались почти навсегда, и встрѣтились между собою только еще разъ въ жизни, послѣ чего судьба раздѣлила ихъ окончательно.

Разставшись съ своимъ другомъ, Давидъ направился въ священническій городъ Номву, гдѣ въ это время находилась скинія, и при ней жилъ первосвященникъ. Онъ прибылъ въ городъ голоднымъ и истомленнымъ, и чтобы подкрѣпить свои силы, онъ, подъ предлогомъ важнаго царскаго порученія, требовавшаго необычайной поспѣшности, выпросилъ у первосвященника Ахимелеха хлѣбовъ предложенія и мечъ Голіаѳа, хранившійся въ скиніи, какъ побѣдный трофей, и воспользовался, такимъ образомъ, запасомъ священныхъ хлѣбовъ, которые, по закону, можно было вкушать только ли-

цамъ священническаго чина. Къ несчастью, одинъ изъ самыхъ преданныхъ и беззастѣнчивыхъ слугъ Саула, именно Доикъ, едомитянинъ, начальникъ царскихъ пастуховъ, присутствовалъ при этомъ случаѣ. Странно, что этотъ чужеземецъ находился на службѣ израильскаго царя и пользовался его высокимъ довѣріемъ. И это первый примѣръ подобнаго случая во всей исторіи. Неизвѣстно, что собственно было причиной его появленія въ Номвѣ. Быть можетъ, онъ былъ прозелитъ, желавшій получить доступъ въ общество израильтянъ, и вслѣдствіе этого получалъ тамъ религіозное наставленіе; или, быть можетъ, онъ далъ какой-нибудь обѣтъ, или занимался какимъ-нибудь обрядовымъ очищеніемъ. Нѣкоторые думаютъ, что онъ находился тамъ для освидѣтельствованія по случаю исцѣленія отъ проказы, а другіе,—что онъ совершилъ какое-нибудь преступленіе и жилъ тамъ въ уединеніи, пока не очистится отъ своего грѣха принесеніемъ узаконенныхъ жертвоприношеній. Но какова бы ни была причина его присутствія тамъ, во всякомъ случаѣ Давидъ сразу же почувствовалъ опасность своего нахожденія совмѣстно съ человѣкомъ, о которомъ онъ зналъ, что онъ былъ преданнымъ слугой Саула и, слѣдовательно, могъ всегда донести царю о всемъ видѣнномъ; поэтому, онъ не остановился въ Номвѣ, а искалъ себѣ убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Чтобы удобнѣе скрыться отъ преслѣдованій Саула, Давидъ удалился даже за предѣлы родной страны, и тамъ, въ видѣ простаго странника, остановился въ филистимскомъ городѣ Геѳѣ. Но и тамъ убѣжище оказалось ненадежнымъ. Приближенные Анхуса, царя Геѳскаго, стали высказывать ему свои подозрѣнія на счетъ незнакомца и говорили ему: «не это ли Давидъ, царь той страны? не ему ли пѣли въ хороводахъ: Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ десятки тысячъ?» Чтобы отвратить это опасное подозрѣніе, Давидъ принужденъ былъ притвориться безумнымъ, и, когда его привели къ царю, «чертилъ на дверяхъ, кидался на руки свои, пускалъ слюну по бородѣ своей», такъ что у Анхуса исчезло всякое подозрѣніе, а Давидъ, воспользовавшись этимъ, поспѣшилъ удалиться отсюда въ дикую пещеру Адолламскую, гдѣ около него собрались его родители и братья, которые, вѣроятно, начали подвергаться преслѣдованію Саула, а также всѣ недовольные отверженнымъ царемъ ,такъ что около Давида собралось около 400 человѣкъ. Помѣстивъ своихъ родителей подъ защиту царя Моавскаго, Давидъ съ своими спутниками опять возвратился въ предѣлы родной страны.

Саулъ между тѣмъ истощался отъ безсильной злобы. Но вотъ ему донесли, что Давидъ съ своими людьми находится въ лѣсу Херета, мѣстечка, теперь извѣстнаго подъ названіемъ Хараса, лежащаго на одномъ изъ отроговъ горной цѣпи Хевронской, верстахъ въ пяти къ востоку отъ Кеиля, на дорогѣ между Адолламомъ и Хеврономъ. Услышавъ объ этомъ, Саулъ тотчасъ же снарядилъ погоню. Но прежде чѣмъ двинуться въ путь, онъ нашелъ нужнымъ обратиться къ окружающимъ его сановникамъ и войску съ особою рѣчью. Взойдя на гору и сѣвъ подъ дубомъ въ Гивѣ, гдѣ для него, конечно, была приготовлена роскошная царская ставка, онъ, выступивъ впередъ съ своимъ копьемъ въ рукѣ, обратился къ окружающимъ его слугамъ съ торжественными словами: «послушайте, сыны Веніаминовы,—сказалъ онъ имъ,—неужели всѣмъ вамъ дастъ сынъ Іессея поля и виноградники, и всѣхъ васъ поставитъ тысяченачальниками и сотниками, что всѣ вы сговорились противъ меня, и никто не открылъ мнѣ, когда сынъ мой вступилъ въ дружбу съ сыномъ Іессея, и никто изъ васъ не пожалѣлъ обо мнѣ, и не открылъ мнѣ, что сынъ мой возбудилъ противъ меня раба моего, строитъ мнѣ ковы, какъ это нынѣ видно?» Подозрѣніе царя, очевидно, теперь не ограничивалось уже Іонаѳаномъ, а простиралось и на всѣхъ окружающихъ его. Что могли отвѣчать ему на эти слова приближенные? Сами приближенные, очевидно, находились въ тревогѣ, и въ нихъ закрадывалось опасеніе, что мрачное настроеніе царя, проявляющееся въ столь враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Давида и Іонаѳана, можетъ со временемъ обратиться и на нихъ. Положеніе ихъ во всякомъ случаѣ было затруднительное, и они не знали, что отвѣчать царю. Но вотъ, когда всѣ молчали, находившійся здѣсь беззастѣнчивый Доикъ, видѣвшій, какой пріемъ первосвященникъ оказалъ Давиду въ Номвѣ, рѣшилъ вывести приближенныхъ изъ затрудненія, и для того, чтобы отвратить отъ нихъ подозрительность царя, направилъ ее въ другую сторону, именно на первосвященника. Выступивши впередъ, онъ сказалъ Саулу: «я видѣлъ, какъ сынъ Іессея приходилъ въ Номву къ Ахимелеху, сыну Ахитува, и тотъ попросилъ о немъ Господа и далъ ему продовольствіе, и мечъ Голіаѳа, филистимлянина, отдалъ ему». Этотъ доносъ вполнѣ достигъ своей цѣли. У Саула тотчасъ же явилась мысль, что и первосвященникъ находится въ заговорѣ съ Давидомъ, и въ его отуманенной злобой головѣ быстро составился планъ страшнаго мщенія измѣнникамъ. Онъ не-

медленно потребовалъ, чтобы Ахимелехъ и окружающіе его священники явились къ царю. Этотъ Ахимелехъ былъ правнукъ Илія и наслѣдовалъ первосвященство отъ своего брата Ахіи, или даже раздѣлялъ съ нимъ эту должность, причемъ одинъ изъ нихъ сопровождалъ Саула, а другой оставался при святилищѣ. Номва находилась недалеко отъ Гивы, и жившій тамъ священническій родъ, числившій въ себѣ 85 лицъ, скоро приведенъ былъ къ Саулу. Разгнѣванный царь укорялъ Ахимелеха въ измѣнничествѣ и въ сочувствіи Давиду въ его злыхъ замыслахъ, передалъ ему о сообщеніи Доика, что онъ, будто бы, оказалъ Давиду содѣйствіе, испрашивая для него указанія Божія, снабдилъ бѣглеца священными хлѣбами и отдалъ ему даже національный трофей, именно мечъ Голіаѳа. Ахимелехъ не отрицалъ этого обвиненія. Онъ дѣйствительно поступилъ такъ, какъ обвинялъ его царь, но онъ дѣйствовалъ совершенно безъ всякаго сознанія виновности, безъ всякаго злаго умысла и даже не зналъ, что онъ этимъ навлекалъ на себя неудовольствіе Саула. Давидъ, передалъ онъ, собственный зять царя, наиболѣе вѣрный изъ всѣхъ его слугъ, тотъ, который пользовался преимуществомъ права доступа къ царю во всякое время,—явился къ нему въ Номву подъ предлогомъ, что онъ прибылъ туда по порученію царя, вслѣдствіе чего и желалъ воспользоваться его совѣтомъ и указаніемъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, говорилъ первосвященникъ, у него совершенно не было основаній, почему бы отказать Давиду въ такой просьбѣ. Что касается подозрѣваемаго царемъ заговора противъ него, то первосвященникъ рѣшительно отказывался признавать это обвиненіе и настаивалъ на своей преданности помазаннику Божію. «Нѣтъ,—говорилъ онъ,—не обвиняй въ этомъ, царь, раба твоего и весь домъ отца моего; ибо во всемъ этомъ дѣлѣ не знаетъ рабъ твой ни малаго, ни великаго». Невинность Ахимелеха и другихъ священниковъ была такимъ образомъ очевидна, и взведенное на него обвиненіе оказывалось несостоятельнымъ. Но не такъ смотрѣли на это дѣло предубѣжденные глаза Саула. По его мнѣнію, какъ первосвященникъ, такъ и всѣ окружающіе его священники были несомнѣнные измѣнники и поэтому должны подвергнуться участи подобныхъ преступниковъ. Не обращая вниманія на самозащиту первосвященника, онъ строго и безсердечно сказалъ ему: «ты долженъ умереть, Ахимелехъ, ты и весь домъ отца твоего». Онъ считалъ ихъ опасными мятежниками, потому что, какъ ему думалось, они во всякомъ слу-

чаѣ тайно сочувствуютъ Давиду, что̀ доказывается уже тѣмъ, что они не сообщили царю о его движеніяхъ; и нисколько не стѣсняясь ихъ священнымъ саномъ, онъ, напротивъ, находилъ для себя въ этомъ отношеніи благопріятный случай необычайною суровостью показать и другимъ примѣръ того, какому страшному наказанію царь подвергаетъ всякаго измѣнника своему престолу. Среди свиты царя на востокѣ обыкновенно бываетъ цѣлый рядъ скороходовъ, которые всегда сопровождаютъ его во всѣхъ движеніяхъ. Такіе скороходы были и у Саула, и они были самыми преданными изъ его послѣдователей. Произнеся смертный приговоръ невиннымъ священникамъ, царь приказалъ этимъ скороходамъ подвергнуть ихъ избіенію. Но это жестокое хладнокровное убійство было такимъ страшнымъ дѣломъ, что оно возмутило даже этихъ беззастѣнчивыхъ слугъ царя. Жестокое поведеніе царя и его всѣмъ замѣтное ненормальное состояніе, успѣли уже ослабить отчасти дисциплину, и даже его власть не въ состояніи была заставить слугъ совершить казнь невинныхъ служителей религіи. На приказъ царя они отвѣчали гробовымъ молчаніемъ. Никто не обнаруживалъ готовности исполнить это кровожадное приказаніе. Первосвященникъ и его служители въ ихъ глазахъ были представителями Іеговы, и даже вѣрноподданность государю не могла пересилить въ нихъ совѣсти, возмущавшейся противъ подобнаго святотатственнаго дѣла. Но когда всѣ израильскіе служители царя отказались исполнить подобное повелѣніе, изъ среды окружающихъ выступилъ беззастѣнчивый Доикъ едомитянинъ. Его совѣсть была совершенно чужда тѣхъ чувствъ и недоумѣній, которыя удерживали израильтянъ. Все его честолюбіе заключалось въ томъ, чтобы находиться съ царемъ въ возможно лучшихъ отношеніяхъ, потворствовать его страстямъ, удерживать за собою свое собственное положеніе и обогащаться. И поэтому, когда Саулъ, раздраженный непослушаніемъ своей стражи, приказалъ ему исполнить жестокое повелѣніе, то онъ и его слуги, такіе же чужеземцы, какъ и онъ самъ, сразу же напали на священниковъ и, не стѣсняясь ихъ священными одеждами, подвергли ихъ полному избіенію. Не ограничиваясь даже этою безпримѣрною и безумною жестокостью, этотъ древній Неронъ распространилъ свое мщеніе и на весь городъ Номву. Видя во всемъ городѣ измѣнниковъ себѣ, онъ отправилъ туда Доика съ отрядомъ, который и избилъ все находившееся въ немъ населеніе, включая женщинъ и дѣтей, а самый городъ разрушилъ, такъ что отъ него

остались однѣ дымящіяся развалины. Изъ всего населенія города спасся одинъ только сынъ первосвященника, Авіаѳаръ, который, захвативъ съ собою нѣкоторыя священническія принадлежности (ефодъ), прибѣжалъ къ Давиду и разсказалъ ему о страшномъ злодѣяніи Саула. Такъ, самъ не сознавая того, Саулъ исполнилъ приговоръ Божій противъ дома Илія. Это было въ высшей степени безчеловѣчное и крайне безумное дѣло. Всѣ благочестивые израильтяне ужаснулись отъ этого преступленія. Столь мрачное преступленіе ослабило любовь къ нему даже въ самыхъ преданныхъ ему приверженцахъ. Подобный поступокъ трудно было оправдать даже душевною болѣзнью царя, потому что тутъ замѣчалась нѣкоторая правильность въ дѣйствіяхъ. Судя по себѣ самому, Саулъ не могъ вообразить себѣ невинность Давида или непричастность къ его замысламъ священниковъ. Онъ, очевидно, относился уже съ полнымъ пренебреженіемъ къ религіи и ея служителямъ и рѣшительно вступилъ на путь вражды съ самимъ Богомъ. Онъ отказывался признать избраннаго ему преемника и не только не вразумлялся тѣми испытаніями, которыя посылалъ ему Богъ, но изо дня въ день становился хуже, все болѣе падалъ въ своемъ нравственномъ характерѣ, и его мрачный духъ становился все ожесточеннѣе, такъ что въ немъ исчезали всякіе слѣды человѣколюбія и справедливости. Отсюда, единственною цѣлью всѣхъ его усилій было схватить Давида, въ которомъ онъ теперь уже ясно видѣлъ себѣ соперника на царство,—соперника, который не выступалъ съ своимъ притязаніемъ только лишь вслѣдствіе своей слабости. Повсюду онъ отправилъ воиновъ для наблюденія за его движеніями, чтобы при удобномъ случаѣ поймать его и излить на него всю накопившуюся злобу.

Услышавъ о страшномъ злодѣяніи Саула, Давидъ могъ только горевать, что сдѣлался невольной причиной такого бѣдствія, и давая у себя убѣжище Авіаѳару, самъ принужденъ былъ спасаться отъ настигавшаго его царя. Свое горе о всемъ случившемся и о своемъ злополучномъ положеніи Давидъ излилъ въ пламенномъ псалмѣ, въ которомъ ярко изображается злобная низость Доика и вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ благородствѣ выступаютъ собственныя чувства сладостнаго псалмопѣвца.

«Что хвалишься злодѣйствомъ, сильный?
Милость Божія всегда со мною.
Гибель вымышляетъ языкъ твой;

Какъ изощреная бритва онъ у тебя, коварный!
Ты любишь больше зло, нежели добро,
Больше ложь, нежели говорить правду.
Ты любишь всякія гибельныя рѣчи, языкъ коварный.
Зато Богъ сокрушитъ тебя въ конецъ,
Изринетъ тебя и исторгнетъ тебя изъ жилища твоего
И корень твой изъ земли живыхъ.
Увидятъ праведники и убоятся;
Посмѣются надъ нимъ и скажутъ:
Вотъ человѣкъ, который не въ Богѣ полагалъ крѣпость свою,
А надѣялся на множество богатства своего,
Укрѣплялся въ злодѣйствѣ своемъ!
А я, какъ зеленѣющая маслина въ домѣ Божіемъ,
И уповаю на милость Божію во вѣки вѣковъ.
Вѣчно буду славить Тебя за то, что Ты сдѣлалъ,
И уповать на имя Твое,
Ибо оно благо предъ святыми Твоими [1]).

Самъ ведя странническую жизнь и гонимый царемъ, Давидъ однако же не упускалъ случая защищать свою родную страну отъ злѣйшихъ враговъ. Однажды онъ находился въ городѣ Кеилѣ, лежащемъ на горахъ Іудейскихъ, верстахъ въ десяти къ востоку отъ Елевѳерополя, куда онъ прибылъ съ цѣлью избавить этотъ городъ отъ нападенія хищническаго отряда филистимлянъ. Городъ онъ освободилъ отъ враговъ, но самъ едва не сдѣлался жертвою своего великодушія. Саулу тотчасъ же донесли о мѣстопребываніи Давида, и царь немедленно сдѣлалъ распоряженіе, чтобы городъ былъ окруженъ, и затѣмъ лично отправился въ этотъ городъ, чтобы захватить Давида. Но прежде чѣмъ онъ могъ принять надлежащія мѣры, Давидъ успѣлъ оставить этотъ городъ и удалился изъ него, такъ что Саулъ потерпѣлъ полную неудачу. Злополучный царь, однако же, все еще утѣшалъ себя надеждой, что провидѣніе еще не совсѣмъ оставило его. Послѣ удаленія изъ Кеиля, Давидъ затѣмъ нашелъ себѣ убѣжище въ пустынѣ Зифъ, верстахъ въ шести къ югу отъ Хеврона. И здѣсь состоялось послѣднее свиданіе между нимъ и Іонаѳаномъ. Преданный другъ, несмотря на затруднительность собственнаго положенія при дворѣ, никогда не упускалъ изъ вида Давида и, воспользовавшись теперь случаемъ, еще разъ рѣшился ободрить изгнанника. Тайно пробравшись къ нему въ лѣсъ, онъ утѣшалъ его, говоря: «не бойся, ибо не найдетъ тебя рука отца моего, Саула; и ты будешь царствовать надъ Израилемъ, а я буду вторымъ

1) Пс. LI. 1—11.

по тебѣ, и Саулъ, отецъ мой, знаетъ это». Тутъ они заключили между собою завѣтъ, подкрѣпивъ его религіозною клятвою, и Давидъ остался въ лѣсу, а Іонаѳанъ незамѣтно опять пробрался въ ставку Саула. Среди жителей Зифа было нѣсколько ревностныхъ приверженцевъ Саула, и теперь они поспѣшили донести ему касательно пребыванія среди нихъ Давида. Почему они относились враждебно къ Давиду,—неизвѣстно. Быть можетъ между ними и семействомъ Іессея была какая-нибудь старая вражда, или что еще вѣроятнѣе, они смотрѣли на Саула, какъ на законнаго царя, и, не желая обсуждать притязаній Давида, дѣйствовали просто въ качествѣ вѣрноподданныхъ и естественно хотѣли содѣйствовать законному царю въ поимкѣ человѣка, который, въ ихъ глазахъ, былъ мятежникомъ и преступникомъ. Во всякомъ случаѣ, они сообщили царю, находившемуся въ Гивѣ, что Давидъ скрывался у нихъ въ неприступныхъ мѣстахъ, въ лѣсу, на холмѣ Гахилы, верстахъ въ десяти къ востоку отъ Зифа, которая ясно видна съ него, и верстахъ въ двѣнадцати къ юго-востоку отъ Хеврона. Это пустынная, обнаженная мѣстность, состоящая изъ известняковыхъ хребтовъ, изрытая зимними потоками, пересѣченная широкими долинами и совершенно лишенная всякой растительности или даже источниковъ. Въ этой-то непроходимой пустынѣ и нашелъ себѣ убѣжище Давидъ съ своими 600 послѣдователями, и зифиты, хорошо знавшіе эту мѣстность, предложили ему свои услуги провести войско Саула для преслѣдованія бѣглеца. Въ своемъ отчаянномъ состояніи Саулъ пользовался всякою помощью и радовался всякому доказательству, что у него есть еще искренно сочувствующіе ему и что онъ не оставленъ одиноко въ своей борьбѣ съ врагомъ. «Благословенны вы у Господа, милостиво отвѣчалъ имъ Саулъ, зато, что пожалѣли обо мнѣ. Идите, удостовѣрьтесь еще, развѣдайте и высмотрите мѣсто его, гдѣ будетъ нога его, и кто видѣлъ его тамъ, ибо мнѣ говорятъ, что онъ очень хитеръ. И высмотрите, и развѣдайте о всѣхъ убѣжищахъ, въ которыхъ онъ скрывается, и возвратитесь ко мнѣ съ вѣрнымъ извѣстіемъ, и я пойду съ вами, и если онъ въ этой землѣ, я буду искать его во всѣхъ тысячахъ Іудиныхъ». И вотъ, дѣйствительно царь, обрадовавшись этому новому случаю настигнуть своего смертельнаго врага, отправился въ погоню за нимъ. Но у Давида были свои сообщники, которые извѣстили его о всемъ случившемся, и онъ немедленно же перешелъ въ другое мѣсто и остановился въ пустынѣ

Маонъ. Саулъ послѣдовалъ за нимъ и въ эту пустыню. Пустыня Маонъ, называемая теперь Маинъ, находилась только верстахъ въ десяти отъ Зифа. Здѣсь, по пятамъ преслѣдуемый отрядомъ Саула, Давидъ находился въ страшной опасности быть пойманнымъ. Мѣстность эта тщательно изслѣдована и описана Кондеромъ, который пишетъ: «между хребтомъ Эл-Кола (Гахила) и сосѣднимъ Маономъ есть большая горловина, называемая «долиной скалъ», узкая, но глубокая разсѣлина, которую можно перейти не иначе, какъ круговымъ путемъ въ нѣсколько верстъ, такъ что Саулъ могъ совершенно видѣть Давида, будучи въ то же время не въ состояніи схватить его». Видя Давида предъ собою, Саулъ раздѣлилъ свои силы такъ, чтобы перенять врага и отрѣзать ему всякую возможность для бѣгства. Такимъ образомъ, хотя Саулу и приходилось сдѣлать круговой обходъ въ нѣсколько верстъ, съ цѣлью обойти горловину съ какого-нибудь конца, спасеніе Давида было во всякомъ случаѣ весьма сомнительнымъ. Но въ тотъ моментъ, когда судьба будущаго царя израильскаго казалась рѣшенною, случилось одно изъ тѣхъ событій, которыя люди называютъ случайностью, но которыя въ дѣйствительности составляютъ дѣло мудраго промышленія Божія, приводящаго страсти и планы людей къ исполненію преднамѣченныхъ свыше совѣтовъ. Къ Саулу вдругъ прибѣжалъ одинъ вѣстникъ, который принесъ извѣстіе, что филистимляне сдѣлали набѣгъ на сосѣдній округъ, и побуждалъ его поспѣшить со всѣми своими силами для отраженія непріятелей. Дѣломъ этимъ нельзя было пренебрегать. Частная вражда должна была отступить на задній планъ предъ общественною необходимостью. Съ крайнею неохотою Саулъ оставилъ свое преслѣдованіе Давида на этотъ разъ и двинулся съ своими войсками для отраженія чужеземнаго врага.

Но успѣшно отразивъ непріятеля, Саулъ опять приступилъ къ преслѣдованію Давида. Послѣдній между тѣмъ, какъ доносили зифиты, удалился въ окрестности Энгеди, теплаго источника, находившагося около средины западнаго берега Мертваго моря и лежавшаго на 500 футовъ выше его уровня. Этотъ источникъ бьетъ обильнымъ потокомъ на узкой известняковой безплодной площадкѣ и, стремясь со скалъ, распространяетъ повсюду богатую растительность, такъ что вслѣдствіе этого орошенія образуется оазисъ, представляющій одну изъ самыхъ поразительныхъ картинъ этой во всѣхъ другихъ отношеніяхъ безплодной области. Окружающія источникъ

скалы, вздымающіяся на 2,000 футовъ надъ уровнемъ моря, равно какъ и тѣ, которыя тянутся къ берегу, разсѣчены всевозможными рытвинами и изобилуютъ пещерами, которыми даже и теперь пользуются пастухи для ночлега, какъ пользовались ими пастухи временъ Давида. Взявъ съ собою трехтысячный отрядъ воиновъ, Саулъ послѣдовалъ за своимъ соперникомъ и въ эту дикую скалистую страну. Здѣсь всѣ выгоды были на сторонѣ Давида, и если бы царю приходилось имѣть дѣло съ болѣе беззастѣнчивымъ и ожесточеннымъ врагомъ, то онъ здѣсь именно и закончилъ бы свою злополучную жизнь и заплатилъ бы смертью за свое жестокое гоненіе на неповиннаго юношу. Случилось, что однажды, слѣдуя за бѣглецомъ, Саулъ, по нуждѣ, зашелъ въ одну изъ тѣхъ пещеръ, мракъ и прохлада которыхъ представляютъ освѣжительный контрастъ съ блескомъ и зноемъ окружающихъ скалъ. Но въ этой самой пещерѣ и скрывался Давидъ съ частью своихъ послѣдователей. Имъ, какъ находившимся внутри пещеры, было совершенно видно все, что происходило при входѣ въ нее, между тѣмъ, какъ для входящихъ совнѣ внутренность пещеры была закутана непроницаемой тьмой. Саулъ подумалъ, что пещера эта совершенно пустая, или, если онъ даже и слышалъ какой-нибудь шопотъ или движеніе, то могъ вообразить, что это кто-нибудь изъ пастуховъ, которые обыкновенно забирались въ эти пещеры для отдыха, и потому не обратилъ на нихъ никакого дальнѣйшаго вниманія. Между тѣмъ бѣглецы, съ крайнимъ изумленіемъ, увидѣли, что въ пещеру вошелъ самъ царь. Они немедленно узнали его и шопотомъ передали объ этомъ Давиду, и даже побуждали его воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы разъ навсегда избавиться отъ жестокаго гонителя и такимъ образомъ воспользоваться царствомъ, которое обѣщано было ему пророкомъ. Еслибы Давидъ, хотя бы на одинъ моментъ когда-либо питалъ чувство мщенія къ царю, то онъ очень легко могъ бы поддаться этому искушенію. Но хотя у него и былъ въ рукѣ смертоносный мечъ Голіаѳа и его послѣдователи готовы были сейчасъ же напасть на Саула, онъ и самъ воздержался и другихъ удержалъ отъ этого. Какъ бы ни жестоко относился къ нему самъ Саулъ, во всякомъ случаѣ онъ помазанникъ Божій, и поэтому личность его священна. Съ безпримѣрнымъ великодушіемъ для тѣхъ варварскихъ временъ, Давидъ пощадилъ жизнь своего опаснаго соперника, но въ то же самое время онъ желалъ показать, что жизнь царя дѣйствительно находилась въ его власти, и этимъ

доказать свою собственную неповинность въ какомъ бы то ни было намѣреніи или покушеніи на личность царя и опровергнуть клевету царедворцевъ, которые злобно перетолковывая его побужденія, раздували въ сердцѣ царя и безъ того яростно пылавшій огонь ненависти и вражды. Вступивъ въ пещеру, Саулъ снялъ съ себя мантію и положилъ ее рядомъ съ собою, а Давидъ, тихо подкравшись къ нему, незамѣтно отрѣзалъ край отъ этой верхней одежды. Саулъ, ничего не подозрѣвая, опять надѣлъ свою мантію и вышелъ изъ пещеры. Спутники Давида горько негодовали на своего вождя за его неблаговременную снисходительность къ своему врагу; но, далекій въ одушевлявшихъ ихъ чувствъ, онъ мучился совѣстью даже и за то, что не отнесся съ должнымъ уваженіемъ къ величію царя и нанесъ вредъ царской мантіи. Когда отрядъ двинулся дальше, а Саулъ оказался почти одинъ позади его, Давидъ вышелъ изъ своей пещеры и громко закричалъ ему: «Господинъ мой, царь!» Услышавъ этотъ знакомый голосъ, Саулъ остановился и оглянулся. Къ изумленію, онъ увидѣлъ на скалистой площадкѣ Давида, который кланялся ему въ землю и, смиренно заявляя о своемъ послушаніи, старался доказать ему, что онъ отнюдь не мятежникъ противъ узаконенной власти, а человѣкъ, признающій въ монархѣ лицо, которому онъ долженъ повиноваться и оказывать всякое почтеніе. Затѣмъ, Давидъ обратился къ Саулу съ трогательными словами: «зачѣмъ ты слушаешь рѣчь людей, которые говорятъ: вотъ Давидъ умышляетъ зло на тебя? Вотъ сегодня видятъ глаза твои, что Господь предавалъ тебя нынѣ въ руки мои въ пещерѣ, и мнѣ говорили, чтобы убить тебя; но я пощадилъ тебя, и сказалъ: не подниму руки моей на господина моего, ибо онъ помазанникъ Господа. Отецъ мой! Посмотри на край одежды твоей въ рукѣ моей. Я отрѣзалъ край одежды твоей, а тебя не убилъ. Узнай и убѣдись, что нѣтъ въ рукѣ моей зла, ни коварства, и я не согрѣшилъ противъ тебя, а ты ищешь души моей, чтобы отнять ее. Да разсудитъ Господь между мною и тобою, и да отмститъ Господь тебѣ за меня, но рука моя не будетъ на тебѣ, какъ говоритъ древняя притча: отъ беззаконныхъ исходитъ беззаконіе. А моя рука не будетъ на тебѣ. Противъ кого вышелъ царь Израильскій? За кѣмъ ты гоняешься? За мертвымъ псомъ, за одною блохою. Господь, да будетъ Судіею; и разсудитъ между мною и тобою. Онъ разсмотритъ, разберетъ дѣло мое, и спасетъ меня отъ руки твоей» [1]).

[1]) 1 Цар. XXIV, 10—16.

Саулъ въ глубокомъ волненіи выслушалъ эту рѣчь столь неожиданно явившагося предъ нимъ Давида. Изумительное великодушіе Давида, который не воспользовался столь благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы избавиться отъ столь жестоко преслѣдующаго его царя, глубоко взволновало Саула. Несмотря на все его безумство и жестокость, въ немъ еще теплились болѣе человѣчныя чувства, которыя по временамъ торжествовали въ немъ даже и надъ злыми страстями. И теперь, при мысли о своемъ чудесномъ спасеніи, Саулъ былъ положительно увлеченъ смѣшанными ощущеніями и, возвысивъ свой голосъ, заплакалъ. Въ его душѣ воскресла отчасти прежняя любовь къ Давиду, онъ обратился къ нему съ нѣжными словами и сказалъ: «твой ли это голосъ, сынъ мой Давидъ?» Слова его были прерваны невольнымъ плачемъ, и затѣмъ, оправившись, онъ продолжалъ: «ты правѣе меня; ибо ты воздалъ мнѣ добромъ, а я воздавалъ тебѣ зломъ; ты показалъ это сегодня, поступивъ со мною милостиво; когда Господь предавалъ меня въ руки твои, ты не убилъ меня. Кто, нашедши врага своего, отпустилъ бы его въ добрый путь? Господь воздастъ тебѣ добромъ за то, что сдѣлалъ ты мнѣ сегодня». Затѣмъ, раскаиваясь въ своемъ безуміи и уже смиренно признавая Давида своимъ будущимъ преемникомъ, Саулъ просилъ его только о томъ, чтобы онъ не искоренилъ его потомства и не уничтожилъ имени отца его. Великодушный Давидъ сразу же далъ это обѣщаніе, и они разстались. Саулъ, на время воскресивъ въ себѣ лучшія чувства, возвратился въ Гиву и прекратилъ гоненіе, хотя Давидъ, не имѣя возможности полагаться на измѣнчивое расположеніе тирана, продолжалъ скрываться въ гористой странѣ, гдѣ онъ находилъ себѣ убѣжище и раньше. Все это трогательное событіе послужило для Давида темой для возвышеннаго и дышащаго упованіемъ на милость Божію псалма:

Господи, Боже мой! На Тебя уповаю;
Спаси меня отъ всѣхъ гонителей моихъ.
И избавь меня;
Да не исторгнетъ онъ подобно льву души моей,
Терзая, когда нѣтъ избавляющаго.
Господи, Боже мой! Если я что сдѣлалъ,
Если есть неправда въ рукахъ моихъ,
Если я платилъ зломъ тому,
Кто былъ со мною въ мирѣ,—
Я, который спасалъ даже того,
Кто безъ причины сталъ моимъ врагомъ:

То пусть врагъ преслѣдуетъ душу мою,
И настигнетъ;
Пусть вгоняетъ въ землю жизнь мою,
И славу мою повергнетъ въ прахъ.
Возстань, Господи, во гнѣвѣ Твоемъ
Подвигнись противъ неистовства враговъ моихъ,
Пробудись для меня на судѣ,
Который Ты заповѣдалъ.
Да прекратится злоба нечестивыхъ,
А праведника подкрѣпи;
Ибо Ты испытуешь сердца и утробы,
Праведный Боже!
Славлю Господа по правдѣ Его,
И пою имени Господа Вышняго! [1]).

ГЛАВА IX.

КОНЧИНА САМУИЛА И САУЛА.

Гоненія, воздвигнутыя и настойчиво производившіяся Сауломъ на своего будущаго преемника, настолько всецѣло поглощали вниманіе больнаго душей царя, что онъ уже мало занимался дѣлами государства и они естественно пришли въ значительное разстройство. Нравственность народа, не находя себѣ никакой опоры въ примѣрѣ царя, ослабѣла, духъ палъ, и все грозило разрушеніемъ. Единственной нравственной опорой для государства продолжалъ служить престарѣлый пророкъ Самуилъ, который хотя къ этому времени и сталъ уже не у дѣлъ, однако же своимъ вліяніемъ продолжалъ по возможности поддерживать нравственный духъ въ народѣ. Но вотъ насталъ и моментъ, когда великій пророкъ и устроитель царства Израилева, долженъ былъ оставить земное поприще. Распространяясь подробно о дѣятельности Самуила, библейскій писатель лишь однимъ стихомъ сообщаетъ о его смерти и погребеніи. «И умеръ Самуилъ; и собрались всѣ израильтяне, и плакали по немъ, и погребли его въ домѣ его въ Рамѣ [1])» Пророкъ къ этому времени достигъ уже глубокаго возраста; дѣло его было сдѣлано, и настало время для его будущей награды. Хотя въ послѣдніе годы онъ и жилъ уже почти

---

[1]) Пс. VII, 2—7, 10—18.
[2]) 1 Цар. XXV, 1.

въ полномъ уединеніи и не принималъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, однако же смерть его повсюду почувствовалась какъ общественное бѣдствіе, и всѣ израильтяне, забывая свое соперничество и раздоры, а помня только великія благодѣянія, оказанныя имъ народу, его непорочную жизнь, его личное благочестіе, собрались единодушно для возданія ему погребальныхъ почестей. «Его нравственное превосходство,—говоритъ І. Флавій [1]),—и то почтеніе, съ которымъ къ нему относились, доказываются тѣмъ продолжительнымъ оплакиваніемъ, которымъ сопровождалась его кончина, и тою заботливостью, съ которою всѣ старались придать его погребальнымъ обрядамъ надлежащій блескъ и торжественность. Онъ былъ погребенъ въ своемъ родномъ городѣ Рамѣ, и народъ оплакивалъ его много дней, смотря на его смерть, не какъ на смерть какого-нибудь чужаго человѣка или странника, но какъ на кончину, въ которой каждый чувствовалъ ближайшее участіе. Онъ былъ человѣкъ праведный, добраго характера и вслѣдствіе этого весьма благоугоденъ Богу». Такіе общественные похороны едва ли могли произойти безъ согласія Саула; быть можетъ царь шелъ даже впереди другихъ въ оказываніи почестей уже скончавшемуся пророку, совѣтами котораго онъ столь прискорбно пренебрегалъ при его жизни. Нѣкоторые думаютъ, что въ запоздаломъ приливѣ ревности Саулъ, чувствуя, какъ много онъ потерялъ въ смерти своего стараго друга, пытался возвратить себѣ милость и благоволеніе Іеговы принятіемъ суровыхъ мѣръ противъ различныхъ законопреступниковъ. Отсюда, они относятъ къ этому именно времени ниспроверженіе идолопоклонства по всей землѣ, уничтоженіе волшебниковъ и вызывателей мертвыхъ и избіеніе гаваонитянъ, какъ враговъ религіи израильской. Самуилъ былъ погребенъ во дворѣ или въ саду его дома въ Рамѣ, и, конечно, не въ самомъ домѣ, такъ какъ это сдѣлало бы самый домъ этотъ въ обрядовомъ отношеніи нечистымъ. Мусульманское преданіе указываетъ гробъ пророка на выдающемся хребтѣ Неби-Самвиль, гдѣ, на основѣ древней христіанской церкви, построена мечеть. Бл. Іеронимъ [2]ѣ увѣряетъ, что его останки были перенесены въ 406 году въ Халкидонъ, при устьѣ Босфора, и оттуда, по свидѣтельству Каллиста [3]), они были перенесены въ Константино-

1) Antiq. VI, 13, 5.
2) Cont. Vigil. II, 243 (Патрологія Миня).
3) Hist. Eccles. XIV, 10.

поль и съ великою торжественностью поставлены въ одной церкви. На первоначальномъ мѣстѣ его погребенія нѣтъ ничего особеннаго. Въ то время, когда еще не было правильныхъ кладбищъ, для могилы могло служить всякое удобное для того мѣсто. Царь Манассія былъ впослѣдствіи похороненъ въ саду своего дома; также былъ похороненъ и Іоавъ, да и гробъ самого Спасителя былъ, какъ извѣстно, поставленъ въ саду [1]).

Скончавшійся великій судія и пророкъ вполнѣ заслуживалъ великаго народнаго плача. Стоитъ только принять во вниманіе, что̀ такое онъ былъ самъ по себѣ и что онъ сдѣлалъ для народа. Величественно выдаваясь среди развращеннаго народа въ этотъ грубый безпорядочный періодъ его исторической жизни, пророкъ выступалъ въ качествѣ поборника Бога, религіи и просвѣщенія. Со времени Моисея никогда еще не выступало столь знаменитаго дѣятеля. Сынъ молитвы, онъ въ особенности былъ человѣкомъ молитвы. Безпорочное дѣтство его прошло въ скиніи Божіей, среди возвышающихъ душу торжествъ богослуженія, гдѣ онъ и былъ приготовленъ къ воспріятію небеснаго вдохновенія. Отдѣленный отъ внѣшняго міра, отчужденный даже отъ вліянія семьи, онъ всецѣло предался Богу и своей странѣ; сообщаясь съ невидимымъ, онъ не искалъ никакого другаго руководительства, кромѣ воли Божіей, никакого другаго закона, кромѣ закона Всевышняго. Будучи всецѣло поглощенъ своимъ общеніемъ съ Богомъ, онъ уже мало поддавался вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ. Съ самаго начала выступивъ на путь благочестія, онъ продолжалъ идти этимъ путемъ до самаго конца; онъ поставилъ себѣ одну великую цѣль и неизмѣнно преслѣдовалъ ее, не отступая ни предъ какими затрудненіями и не поддаваясь никакимъ личнымъ побужденіямъ. Самой великой его силой была его молитва; въ молитвѣ было его убѣжище, его оружіе и его помощь. Не только онъ прибѣгалъ къ Богу при всѣхъ великихъ обстоятельствахъ собственной жизни и жизни народа, предъ лицомъ могущественныхъ враговъ, при недостаткахъ и прегрѣшеніяхъ Саула, но и вообще во всякое время предавался молитвѣ и въ общеніи съ Богомъ находилъ себѣ успокоеніе, утѣшеніе и силу. Но въ такой молитвѣ не было ничего мистическаго или сантиментальнаго. Все существо Самуила было проникнуто серьезнымъ практицизмомъ, постояннымъ

[1]) Цар. XXI, 18; 2 Паралип. XXXII, 20; 3 Цар. II, 34; Іоан. XIX, 41.

ровнымъ движеніемъ къ опредѣленной цѣли. Если у него иногда не доставало сочувствія, если онъ бывалъ иногда слишкомъ жестокъ и непреклоненъ въ поддержаніи права, то эта кажущаяся нечувствительность возникала не изъ суровости его характера, а изъ глубокаго благоговѣнія къ справедливости, истинѣ и благочестію. И если, какъ повидимому иногда бывало, онъ не особенно былъ искусенъ въ проникновеніи въ характеры и могъ увлекаться внѣшностью, то даже и въ этомъ отношеніи недостатокъ его знакомства съ человѣческой природой зависѣлъ отъ того, что его взоръ постоянно былъ обращенъ къ Богу и такимъ образомъ не имѣлъ достаточной возможности вникать въ умственныя свойства людей. Но эта обращенная къ небу жизнь научала его удаляться отъ всего низкаго, нечистаго и грѣховнаго; она побуждала его быть непреклонно справедливымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, исполнительнымъ въ отношеніи ко всякой обязанности. Въ теченіе его долгаго управленія никто никогда не жаловался на его рѣшенія, изъ всего народа ни одинъ голосъ не могъ раздаться противъ его безпристрастія или добросовѣстности, такъ что онъ могъ, безъ опасенія какого-либо противорѣчія, сказать: «я состарѣлся и посѣдѣлъ; я же ходилъ предъ вами отъ юности моей и до сего дня. Вотъ—я; свидѣтельствуйте на меня предъ Господомъ и предъ помазанникомъ Его». Такая безусловная честность давала ему терпѣніе при всякихъ неудачахъ въ его многотрудной жизни, когда ему долго и неустанно приходилось трудиться, имѣя лишь малый внѣшній успѣхъ. Это именно заставляло его прибѣгать къ такимъ нескончаемымъ усиліямъ для поднятія нравственнаго уровня своихъ соотечественниковъ и для воспитанія ихъ къ болѣе высокой жизни, чѣмъ какую они вели обыкновенно. При своихъ возвышенныхъ стремленіяхъ онъ не имѣлъ достаточно времени для того, чтобы подумать о самомъ себѣ. Что можетъ поставить людей ближе къ Богу, что способно низвести благословеніе Божіе и какова воля Провидѣнія,—эти вопросы были главными вопросами его жизни. Что его собственное положеніе могло измѣниться вслѣдствіе новаго порядка вещей, что онъ могъ занять низшее положеніе, что нѣкоторыя изъ его лелѣянныхъ цѣлей могли потерпѣть крушеніе,—со всѣмъ этимъ онъ радостно мирился, какъ только былъ увѣренъ, что такова именно воля Божія. Никогда еще не существовало болѣе несамолюбиваго человѣка, чѣмъ какимъ былъ Самуилъ. Сердце его пылало любовью къ Господу и Его народу, и что было

лучше для народа, въ томъ онъ и находилъ свое наибольшее удовольствіе. Это великое сердце, занятое столь возвышенными дѣлами, не имѣло себѣ мѣста для мелочныхъ чувствъ. Если царь могъ лучше вести и устроять народъ въ этотъ критическій моментъ его исторической жизни, то пусть будетъ избранъ царь; и если онъ могъ быть для народа тѣмъ, чѣмъ надѣялся быть самъ Самуилъ, то да благословитъ его Богъ! Онъ стремился только къ тому, чтобы все устроилось возможно лучше, и, не обращая вниманія на то, что ему самому придется отступить на задній планъ или потерять свое прежнее значеніе, онъ свободно даетъ свою дружбу избранному монарху и любящимъ совѣтомъ, суровымъ укоромъ, торжественнымъ предостереженіемъ, постояннымъ участіемъ доказываетъ свой глубокій интересъ въ дѣятельности новаго царя и свое самоотверженное желаніе сдѣлать его царство возможно успѣшнѣе. Ему приходилось вынести много скорбей, онъ долженъ былъ принести много жертвъ, видѣлъ разрушеніе того, что онъ любилъ, былъ несчастенъ въ своихъ дѣтяхъ, разочарованъ въ избранномъ царѣ, разочарованъ въ своихъ соотечественникахъ; но, несмотря на всѣ эти огорченія, онъ постоянно носилъ въ себѣ бодрое сердце, постоянно уповалъ на Бога, поднимаясь все выше къ религіозной жизни, по мѣрѣ все болѣе грозно вздымавшихся противъ него бурь, и, при всякомъ обрушивавшемся на его голову бѣдствіи, находилъ поводъ къ пламенной молитвѣ и упованію.

Всецѣло преданный молитвѣ, онъ въ то же время неустанно трудился и работалъ. Ему предстояло великое дѣло, и онъ самоотверженно отдался ему. Во времена судей, религія въ практическомъ отношеніи значительно ослабѣла; высокій идеалъ, предложенный Моисеемъ, крайне понизился; священники и левиты потеряли всякій авторитетъ и ничего не дѣлали для возвышенія или объединенія народа. Единство было потеряно, и народъ вырождался въ разрозненный сборъ колѣнъ, изъ которыхъ каждое, преслѣдуя свои собственные интересы, предавалось хищничеству и забывая о назначеніи народа, готово было даже совершенно отречься отъ завѣта съ Іеговою и спуститься до идолопоклонническихъ обрядовъ и до уровня окружающихъ язычниковъ. Вмѣстѣ съ такимъ вырожденіемъ и въ наказаніе за свою невѣрность, Израиль часто подпадалъ чужеземному игу. Грубые, недисциплинированные, худо вооруженные ратники Израилевы мало были способны выстоять противъ хорошо во-

оруженныхъ и закованныхъ въ военные доспѣхи воиновъ Филистіи, которые, благодаря преступной небрежности іудеевъ, овладѣли всѣмъ морскимъ берегомъ и могли производить свободный ввозъ оружія изъ Греціи. Въ виду такихъ обстоятельствъ цѣлью жизни Самуила было влить въ народъ мужество для возстановленія своей независимости; но онъ видѣлъ, что первымъ шагомъ въ этомъ отношеніи необходимо должно было быть великое религіозное преобразованіе. Это было необходимой подготовкой для всякой національной борьбы за свободу. Его духъ былъ всецѣло проникнутъ идеей богоправленія. Царемъ Израиля былъ Іегова, воля котораго провозглашалась Его подданнымъ чрезъ посредство священниковъ и пророковъ, и Самуилъ ожидалъ того времени, когда этотъ великій идеалъ всецѣло войдетъ въ убѣжденія народа и сдѣлается основаніемъ всякой общественной дѣятельности. Ему предстояло такимъ образомъ весьма трудное предпріятіе. Вырожденіе священства, свидѣтелемъ чего онъ былъ съ самаго своего дѣтства, общее пониженіе нравственнаго тона среди народа, бездѣятельность его естественныхъ вождей и общая бѣдственность, бывшая результатомъ угнетенія со стороны торжествовавшихъ язычниковъ,—все это могло бы менѣе вѣрующаго человѣка повернуть въ полное отчаяніе. Самуилъ однако же и при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ видѣлъ силу, способную вывести его народъ изъ этого низкаго состоянія. Всѣ эти испытанія научали израильтянъ, что безъ Бога они—ничто. Что ихъ преступная невѣрность приносила имъ, кромѣ скорби и всевозможныхъ бѣдствій? Не должны ли они убѣдиться отсюда, что единственный способъ избавиться отъ бѣдствія—это вступить на путь раскаянія? Такъ, страшное пораженіе при Афекѣ и разрушеніе Силома, тотъ роковой ударъ, который лѣтописцы хотѣли бы совершенно вычеркнуть изъ національныхъ лѣтописей, заставили устрашенный народъ обратиться къ Самуилу, какъ къ единственной надеждѣ страны, и признать въ этомъ юномъ пророкѣ достойнаго учителя и вождя. Самуилъ воспользовался этимъ довѣріемъ народа къ его благу. Годъ за годъ, терпѣливо, спокойно, съ полной надеждой на будущее онъ трудился въ средѣ ихъ, подготовлялъ ихъ къ великому подъему, показывая, гдѣ заключается ихъ главная сила, научая истинной религіи, вдохновляя ихъ упованіемъ на Бога, который по своей милости никогда не оставлялъ своего наслѣдія. И вотъ,

когда весь народъ, въ полномъ довѣріи, обратился къ нему какъ къ судіи и заступнику, то онъ повелъ его къ побѣдѣ.

Обезпечивъ такимъ образомъ на время сравнительный миръ, Самуилъ всецѣло воспользовался этимъ обстоятельствомъ для укрѣпленія основъ теократическаго правленія. Но его надежды были разрушены требованіемъ установленія власти царя. Какъ онъ отнесся къ этому требованію? Сначала, будучи смущенъ, оскорбленъ, чувствуя нѣкоторое негодованіе, онъ старался отвратить народъ отъ этого намѣренія; но предлагая все это дѣло на рѣшеніе Господа и находя, что такова была Его святая воля, онъ немедленно примирился съ этимъ требованіемъ и только заботился о томъ, чтобы оградить власть царя надлежащими ограниченіями и избрать для новой высокой должности достойную личность. Здѣсь великодушіе его почти безпримѣрно. Разочарованный въ своихъ высшихъ надеждахъ, придя къ убѣжденію, что его народъ недостоинъ указаннаго ему великаго назначенія, лишившись своего положенія въ качествѣ верховнаго вождя народа, онъ искренно примирился и съ этимъ своимъ положеніемъ и сдѣлался ближайшимъ другомъ человѣка, къ которому перешла его власть. Съ пламеннымъ увлеченіемъ, но съ твердостью и постоянствомъ, онъ никогда не уклонялся съ пути этого своего возвышеннаго патріотизма. И когда онъ принужденъ былъ признать, что избранный царь явными дѣлами непослушанія обнаружилъ свое недостоинство царской короны, когда ради высшихъ интересовъ религіи и управленія онъ долженъ былъ порвать всякую связь съ недостойнымъ государемъ, то и послѣ этого не переставалъ молиться о немъ, все еще продолжалъ любить этого царственнаго грѣшника и никогда открыто не выступалъ противъ него; напротивъ, поддерживалъ его власть, его авторитетъ, и старался лишь загладить то зло, которое совершалось имъ. Онъ нашелъ, что учрежденіе царской власти было исторической необходимостью народа, что единство народа и его правильное развитіе могло быть обезпечено именно только твердою властью, и поэтому онъ всю свою энергію направилъ на достиженіе этой цѣли. Если первый царь и сказался неудачнымъ, онъ могъ подготовить другаго, который явится болѣе достойнымъ представителемъ богоправленія. Въ Давидѣ именно онъ нашелъ человѣка, изъ котораго онъ могъ, чрезъ воспитаніе, сдѣлать идеальнаго царя. Если внимательнѣе вникнуть въ историческія обстоятельства этого времени, то будетъ ясно, что

Самуилъ основалъ монархію ограниченную и придалъ полную силу тѣмъ законамъ Моисеевымъ, которые даны были съ цѣлью предупрежденія вырожденія монархіи въ восточный деспотизмъ. Царь долженъ былъ соблюдать извѣстныя правила и никогда не могъ дѣйствовать ни въ чемъ въ качествѣ независимаго тирана. Самуилъ всѣ силы своей устроительной дѣятельности употреблялъ на то, чтобы вывести народъ изъ той взаимо-отчужденности, анархіи и варварства, въ которыхъ онъ находился во времена судей, и возвести его на степень просвѣщеннаго и сильнаго государства подъ главенствомъ теократическаго монарха, который бы правилъ по закону, былъ послушенъ голосу Божію и содѣйствовалъ народу въ достиженіи его возвышеннаго назначенія. Но чтобы народъ могъ воспользоваться благами такого учрежденія, его нужно было воспитать и просвѣтить. Религію нужно было возстановить во всей ея практической силѣ, нужно было преподаваніемъ закона освѣжить нравственный смыслъ народа и вообще внести въ среду народа извѣстное просвѣщеніе. Съ этою цѣлью Самуилъ основалъ школы пророковъ, въ которыхъ не только юноши изучали начатки гражданскаго знанія, истинной религіи и наилучшіе способы служенія Богу въ церкви и государствѣ, но и воспитывался особый классъ людей для исполненія должности пророковъ,—людей, которые должны были проповѣдывать высокую нравственность, дѣйствовать вмѣстѣ со священниками и монархіей въ дѣлѣ руководства государственными дѣлами и искорененія всякаго беззаконія.

Вмѣстѣ съ практическою дѣятельностью, Самуилъ былъ и историкомъ своего времени, и ему приписывается составленіе книги Судей и первой книги Царствъ до XXV главы. Въ первой изъ нихъ яркими чертами изображается то настроеніе, въ которое впадалъ избранный народъ въ періодъ судей, и вмѣстѣ съ тѣмъ показывается, какъ милость и любовь Божія къ избранному народу проявлялась и въ самые темные періоды, всегда являясь готовою, лишь только народъ приходилъ въ сознаніе и раскаивался въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Въ первой книгѣ Царствъ разсказывается исторія рожденія и жизнь самого Самуила, а также и царствованія Саула.

Смерть Самуила была тяжкимъ ударомъ какъ для Давида, такъ и для Саула. Давидъ потерялъ въ Самуилѣ своего духовнаго отца, въ лицѣ котораго онъ находилъ себѣ глубокое сочувствіе во всѣхъ переносившихся имъ испытаніяхъ и бѣдствіяхъ, непоколе-

бимую нравственную опору въ самые тяжкіе моменты изгнанической жизни и живой залогъ исполненія даннаго ему обѣщанія. Съ другой стороны, хотя Саулъ уже давно пересталъ пользоваться совѣтами престарѣлаго пророка, тѣмъ не менѣе и онъ постоянно сохранялъ въ своей душѣ глубокое уваженіе къ нему, и самая мысль о существованіи Самуила должна была дѣйствовать въ качествѣ укора совѣсти въ его душѣ. Но хотя Саулъ, услышавъ о смерти Самуила, и долженъ былъ почувствовать въ душѣ своей сильный укоръ за всю ту несправедливость, съ которою онъ относился къ Самуилу и которою онъ такъ часто оскорблялъ престарѣлаго пророка, однако же смерть его лишь на короткое время заставила царя оставить свое гонительство на Давида, и затѣмъ онъ опять, съ еще большею яростью, началъ свое преслѣдованіе, быть можетъ надѣясь, что теперь, когда Давидъ уже не находилъ себѣ опоры въ пророкѣ, его легче будетъ уничтожить, чѣмъ это было раньше.

Оплакавъ престарѣлаго пророка, Давидъ возвратился въ мѣсто своего прежняго убѣжища въ округѣ Хевронскомъ, гдѣ въ теченіе нѣкотораго времени онъ и проживалъ съ своими послѣдователями, занимаясь тѣмъ, чѣмъ еще и теперь занимаются арабскіе шейхи, именно защищая пасущіяся стада и владѣнія отъ хищниковъ и получая содержаніе въ вознагражденіе за это. Къ этому времени именно относится случай, который живо изображаетъ его странническую жизнь. Однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ горнаго города Маона былъ нѣкій Навалъ, потомокъ Халева, владѣтель большихъ стадъ и богатыхъ имѣній въ Кармилѣ. Услышавъ, что онъ устроилъ годичный праздникъ по случаю стрижки овецъ, Давидъ отправилъ къ нему десять человѣкъ изъ своихъ приближенныхъ, которые должны были поздравить его съ благополучнымъ окончаніемъ года и напомнить ему этимъ, что онъ обязанъ былъ своею безопасностью именно охранительству Давида, вслѣдствіе чего и долженъ надлежащимъ образомъ вознаградить его за эту услугу. Даже и въ настоящее время арабскіе шейхи, странствующіе обыкновенно близъ городовъ и деревень, никогда не пропускаютъ случая, въ родѣ этого годичнаго праздника Навалова, являться лично или отправлять особыхъ посланныхъ съ напоминаніемъ владѣльцамъ о своихъ услугахъ въ качествѣ защитниковъ и охранителей стадъ въ пустынѣ отъ хищниковъ. Но на этотъ разъ посланные Давида получили дерзкій отвѣтъ. Навалъ, отличавшійся крайне вспыльчивымъ

и неразумнымъ характеромъ, вскочилъ изъ-за пиршества и дерзко отвѣчалъ слугамъ Давидовымъ: «кто такой Давидъ, и кто такой сынъ Іессеевъ? Нынѣ стало много рабовъ, бѣгающихъ отъ господъ своихъ; неужели мнѣ взять хлѣбы мои, и воду мою (и вино мое), и мясо, приготовленное мною для стригущихъ овецъ у меня, и отдать людямъ, о которыхъ не знаю, откуда они?» Такой отвѣтъ не могъ не быть оскорбителенъ для Давида, и онъ, съ обычною горячностью человѣка пустыни, немедленно рѣшилъ отомстить за эту дерзость и приказалъ, чтобы всѣ его приближенные вооружились и двинулись для наказанія Навала. Къ счастью для всѣхъ, одинъ изъ пастуховъ, услышавъ объ этомъ, немедленно поспѣшилъ къ женѣ Навала, Авигеѣ, женщинѣ доброй и разумной, передалъ ей о томъ, какъ Давидъ, который вѣроятно былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ въ качествѣ побѣдителя Голіаѳа и царскаго зятя, посылалъ своихъ слугъ изъ пустыни съ поздравленіемъ Навалу и какъ Навалъ далъ имъ дерзкій отвѣтъ, назвавъ Давида не болѣе, какъ бѣглымъ рабомъ отъ своего господина Саула, а между тѣмъ, прибавлялъ пастухъ, Давидъ былъ какбы стѣной и защитой для стадъ, денно и нощно прикрывалъ ихъ отъ враговъ, и во всякое время относился къ нимъ дружелюбно и милостиво. Зная, что можетъ послѣдовать при такихъ обстоятельствахъ, Авигея немедленно приказала навьючить ословъ хлѣбомъ и виномъ, взяла пять овецъ, приготовленныхъ, пять мѣръ сушеныхъ зеренъ, сто связокъ изюма и двѣсти связокъ смоквъ, и, отправивъ этотъ караванъ впереди себя, сама отправилась вслѣдъ за нимъ, не сказавъ въ то же время ничего своему мужу. На дорогѣ она встрѣтилась съ Давидомъ, который уже шелъ съ своимъ отрядомъ для осуществленія своего мщенія, бросилась предъ нимъ ницъ и умоляла его извинить глупость и безумство ея мужа. Своимъ благоразуміемъ она спасла свое домохозяйство. «Пусть господинъ мой, говорила она, не обращаетъ вниманія на этого злаго человѣка, на Навала; ибо каково имя его, таковъ и онъ (безумный). Навалъ—имя его, и безуміе его съ нимъ. А я, раба твоя, не видѣла слугъ господина моего, которыхъ ты присылалъ». Давидъ, по своей обычной мягкости, сразу же поддался просьбамъ этой доброй женщины и даже благодарилъ ее, что она не допустила его дойти до кровопролитія. «Но живъ Господь, Богъ Израилевъ, удержавшій меня отъ нанесенія зла тебѣ. Еслибы не поспѣшила и не пришла навстрѣчу мнѣ, то до разсвѣта утренняго я не оставилъ

бы Навалу мочащагося къ стѣнѣ» [1]). Навалъ, между тѣмъ, ничего не зная о происходящемъ, пировалъ по-царски, «и сердце его было весело; и онъ былъ очень пьянъ». Но это веселіе его было послѣднимъ. На слѣдующее же утро онъ узналъ о всемъ происшедшемъ вчера, и это такъ сильно поразило его, что онъ подвергся апоплексическому удару и уже не выздоровѣлъ отъ него. Черезъ десять дней онъ померъ. Но красота Авигеи, быть можетъ, вмѣстѣ съ ея богатствомъ, съ перваго же раза настолько увлекла сердце Давида, что чрезъ семь дней послѣ погребенія Навала, богатая и прекрасная вдова сдѣлалась его женой. Мелхола, дочь Саулова, его первая жена, была уже въ это время незаконно взята и отдана своимъ отцомъ за другаго человѣка, Фалтія, изъ селенія Галлима, повидимому находившагося близъ Виѳлеема, быть можетъ съ цѣлью передать ему и династію; но Давидъ уже раньше возмѣстилъ эту свою временную потерю женитьбою на Ахиноамѣ, изъ Изрееля, близъ Навалова имѣнія, въ Кармилѣ. Что онъ женился теперь еще на Авигеѣ, это было худымъ предзнаменованіемъ для его будущаго мира. Какъ первый шагъ къ полигаміи, женитьба эта повела ко многимъ бѣдствіемъ, обрушивавшимся на него въ послѣдующіе годы его царствованія.

Эти браки показываютъ, что, несмотря на тѣ опасности, которымъ еще подвергался Давидъ, его вліяніе и сила все болѣе возрастали. Слыша о его подвигахъ и обезпеченной жизни въ пустынѣ, къ нему все болѣе присоединялись храбрые и искусные воины, и особенно изъ того многочисленнаго класса, который видимо началъ чувствовать недовольство Сауломъ. Но испытанія Давида еще не закончились. Послѣ нѣкотораго промежутка времени, въ Саулѣ опять пробудилась яростная ненависть къ Давиду, и онъ, быть можетъ, услышавъ о случаѣ съ Наваломъ, двинулся съ большимъ отрядомъ для изловленія и наказанія своего врага, но этимъ онъ лишь еще разъ предоставилъ случай Давиду обнаружить свое необы-

---

[1]) Въ своей рѣчи, въ которой Авигея предсказываетъ Давиду, что Господь «непремѣнно устроитъ ему домъ твердый», она въ то же время замѣчаетъ, что «душа господина моего будетъ завязана въ узлѣ жизни у Господа». Замѣчательно, что подобное же выраженіе встрѣчается у индусовъ. Праведный судія называется «завязаннымъ въ узлѣ справедливости», влюбленный юноша «завязанъ въ узлѣ любви». Авигея хотѣла сказать, что жизнь Давида будетъ находиться подъ постояннымъ покровительствомъ Божіимъ.

чайное великодушіе по отношенію къ нему. Полагаясь отчасти на состоявшееся въ Енгеди примиреніе съ царемъ, Давидъ, повидимому, не особенно обращалъ вниманіе на его замыслы и думалъ, что онъ уже будетъ оставленъ въ покоѣ, и тѣмъ неожиданнѣе для него было появленіе опять Саула съ вооруженной силой въ этомъ пустынномъ мѣстѣ его убѣжища. Саулъ въ своихъ походахъ постоянно имѣлъ около себя трехтысячный отрядъ вооруженныхъ пиками воиновъ, всегда сопровождавшій его въ меньшихъ походахъ. Прибывъ въ окрестности Зифа, около которыхъ, по свѣдѣніямъ зифитовъ, находился и Давидъ, Саулъ раскинулъ свой станъ верстахъ въ десяти къ востоку отъ города на хребтѣ Гахилы, въ сторонѣ отъ дороги, проходившей чрезъ холмы по направленію къ югу. Давидъ, конечно, внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями Саула и, обладая теперь уже достаточною силою, чтобы не опасаться внезапнаго и открытаго нападенія со стороны Саула, въ свою очередь остановился станомъ на еще болѣе высокой мѣстности, такъ что ему можно было наблюдать за всѣмъ, происходившимъ внизу. Не желая вѣрить, чтобы послѣ всѣхъ своихъ обѣщаній Саулъ опять вышелъ противъ него съ враждебными цѣлями, онъ предложилъ двумъ изъ своихъ наиболѣе вѣрныхъ послѣдователей, Ахимелеху хеттеянину и своему племяннику Авессѣ, произвести болѣе тщательную рекогносцировку царскаго лагеря. Ахимелехъ отклонилъ отъ себя это опасное предпріятіе, но Авесса согласился, и съ нимъ-то Давидъ съ наступленіемъ ночи, спустившись съ холма, приблизились къ царскому стану. Весь лагерь былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Станъ былъ, по обычаю, окруженъ различными телѣгами и колесницами, въ качествѣ защиты отъ нападенія, но нигдѣ не видно было стоявшихъ часовыхъ. Пользуясь этимъ, Давидъ и Авесса легко проникли въ самую средину лагеря и нашли, что Саулъ спалъ глубокимъ сномъ, причемъ копье, символъ его царской власти, воткнуто было въ землю у его изголовья. Авесса побуждалъ Давида воспользоваться этимъ случаемъ и сейчасъ же убить царя, но Давидъ, какъ и раньше, отказался поднять свою руку противъ помазанника Божія. Но чтобы показать царю, что жизнь его опять находилась вполнѣ въ рукахъ Давида и что онъ опять пощадилъ ее, онъ взялъ его копье и кружку съ водой, стоявшую тутъ же у постели царя, и все это унесъ съ собою. Незамѣтно пройдя среди спящихъ воиновъ, Давидъ спокойно опять удалился на холмъ, откуда

онъ сначала разсматривалъ лагерь Сауловъ. Можно думать, что между этими двумя лагерями лежалъ какой-нибудь глубокій оврагъ. Отдѣливъ, такимъ образомъ, себя достаточнымъ пространствомъ отъ опаснаго врага, Давидъ громкимъ голосомъ закричалъ Авениру, военачальнику отряда, и насмѣшливо упрекалъ его за то, что онъ худо бережетъ своего господина царя. «Не хорошо ты это дѣлаешь, кричалъ ему Давидъ; живъ Господь, вы достойны смерти за то, что не бережете господина вашего, помазанника Господня. Посмотри, гдѣ копье царя и сосудъ съ водою, что были у изголовья его?» Саулъ, пробужденный этимъ крикомъ, не могъ ничего видѣть въ потьмахъ, но тотчасъ же узналъ хорошо знакомый ему голосъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ былъ сильно пораженъ этимъ новымъ случаемъ великодушія Давида и громко закричалъ ему: «твой ли это голосъ, сынъ мой, Давидъ?» И тогда Давидъ, отвѣтивъ на этотъ вопросъ утвердительно, сталъ, какъ и прежде въ Енгеди, спрашивать Саула, за что онъ преслѣдуетъ его и какое зло имѣетъ за нимъ и затѣмъ прибавилъ: «если Господь возбудилъ тебя противъ меня, то да будетъ это отъ тебя благовонною жертвою; если же сыны человѣческіе, то прокляты они предъ Господомъ; ибо они изгнали меня нынѣ, чтобы не принадлежать мнѣ къ наслѣдію Господа, говоря: ступай, служи богамъ чужимъ». Тронутый такимъ укоромъ, Саулъ невольно призналъ свою виновность и громко сказалъ: «согрѣшилъ я; возвратись, сынъ мой, Давидъ; ибо я не буду больше дѣлать тебѣ зла, потому что душа моя была дорога нынѣ въ глазахъ твоихъ; безумно поступалъ я и очень много погрѣшалъ». Давидъ велѣлъ ему прислать кого-нибудь изъ своихъ приближенныхъ для обратнаго полученія копья и кружки, которыя захвачены были имъ, и затѣмъ, напомнивъ царю объ ожидающемъ его возмездіи и безмолвно отвергнувъ предложеніе Саула, неискренность и ненадежность котораго онъ уже такъ часто испытывалъ, онъ оставилъ это мѣсто, услышавъ, однако же, отъ Саула послѣднія слова, какія только приходилось ему слышать, и именно слова, звучавшія невольнымъ благословеніемъ и благопожеланіемъ со стороны злополучнаго царя: «благословенъ ты, сынъ мой, Давидъ, съ грустью сказалъ Саулъ: и дѣло сдѣлаешь, и превозмочь превозможешь».

Удрученный всѣмъ случившимся, Саулъ въ мрачномъ настроеніи возвратился въ Гиву, а Давидъ, отчаявшись въ безопасности въ землѣ Іудиной, искалъ убѣжища за предѣлами страны, куда

уже не могла простираться злоба его гонителя. Опасаясь именно дальнѣйшей ярости царя, Давидъ въ другой разъ искалъ убѣжища у царя филистимскаго города Геѳа. Но тамъ положеніе его было крайне двусмысленное и тяжелое, такъ какъ царь Геѳскій, Анхусъ, отдавъ ему во владѣніе цѣлый городъ Циклагъ, требовалъ отъ него враждебныхъ набѣговъ на его родную землю. Когда началась открытая война съ израильтянами, то Давидъ вынужденъ былъ даже дать Анхусу прямое обязательство въ оказаніи ему военной помощи, и, такимъ образомъ, поставленъ былъ въ печальную необходимость поднять оружіе на свой собственный народъ. Только подозрѣнія военачальниковъ касательно вѣрности Давида избавили его отъ этого тяжкаго обязательства, такъ какъ филистимляне принудили Анхуса возвратить Давида изъ похода, какъ весьма ненадежнаго союзника въ войнѣ съ израильтянами. Между тѣмъ, на Циклагъ, за время его отсутствія, напали амаликитяне и все въ немъ истребили. Это бѣдствіе такъ вооружило противъ Давида самихъ его спутниковъ, у которыхъ погибло въ разрушенномъ городѣ все достояніе, что они хотѣли даже побить его камнями, и только военный успѣхъ его въ погонѣ за амаликитянами возстановилъ авторитетъ Давида, который, быстро настигнувъ хищниковъ, разсѣялъ ихъ, возвратилъ плѣнныхъ и захваченною богатою добычею удовлетворилъ свой отрядъ за понесенныя имъ потери.

Но испытанія Давида быстро приближались къ концу. Со времени смерти Самуила прошло уже около двухъ лѣтъ, и этого времени было достаточно для того, чтобы Саулъ могъ почувствовать всю тяжесть отсутствія великаго и мудраго пророка, такъ какъ онъ, въ глубинѣ своего сердца, никогда не переставалъ благоговѣть предъ помазавшимъ его Самуиломъ. Смерть его, несомнѣнно, еще сильнѣе показала его совѣсти всѣ его неправды и преступленія, которыя такъ глубоко огорчали престарѣлаго пророка и навѣрно ускорили смерть его. Въ немъ онъ, несмотря на полный разрывъ съ нимъ, продолжалъ видѣть нѣкоторую нравственную для себя опору въ крайней нуждѣ. Теперь его не было, а, между тѣмъ, обстоятельства складывались все грознѣе и мрачнѣе. Филистимляне, отъ частныхъ нападеній, рѣшились перейти въ правильное наступленіе для того, чтобы, воспользовавшись внутренними безпорядками въ царствѣ Израильскомъ, покорить его себѣ, или, по крайней мѣрѣ, захватить богатую добычу. Для того, чтобы вѣрнѣе и рѣшительнѣе нанести этотъ ударъ

израильтянамъ, филистимляне двинулись съ громаднымъ войскомъ, набраннымъ изъ всѣхъ ихъ городовъ и отъ союзниковъ. Такого движенія они уже не предпринимали давно. Это уже не была простая пограничная война, а грозный походъ, направлявшійся къ самому центру Израильской земли. Направляясь къ сѣверу, вдоль морскаго берега, и подкрѣпляя себя новыми отрядами во время этого движенія, филистимляне затѣмъ повернули къ востоку и вторглись въ равнину Ездрилонскую, ту знаменитую равнину, которая тянется отъ Іордана въ сѣверо-западномъ направленіи къ заливу Акрскому. Перейдя равнину, они остановились станомъ на склонахъ малаго Ермона, или теперешняго Джебель-Дути, находящагося на восточной сторонѣ равнины, именно въ мѣстечкѣ, называемомъ Сунемъ, верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ Изрееля, извѣстнаго впослѣдствіи въ качествѣ мѣстожительства той доброй женщины, которая относилась съ гостепріимнымъ радушіемъ къ пророку Елисею [1]). Саулъ, при видѣ такого нашествія, находился въ отчаянномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что въ теченіе минувшихъ лѣтъ, и особенно со времени смерти Самуила, онъ весьма много потерялъ во мнѣніи своего народа, который уже не относился къ нему съ прежнимъ восторгомъ и поэтому не обнаруживалъ особенной преданности ему. Тѣмъ не менѣе онъ собралъ всѣ, какія только было возможно, силы и двинулся на встрѣчу непріятелю. Направившись съ юга, съ котораго ему не угрожало никакой опасности, онъ расположился лагеремъ на горѣ Гелвуѣ, на томъ горномъ хребтѣ, который опоясываетъ Ездрилонскую равнину съ юга, выгибаясь подобно серпу, отъ холмовъ Самарійскихъ. Здѣсь именно, въ томъ пунктѣ, гдѣ долина имѣетъ до шести верстъ въ ширину, онъ занялъ позицію какъ разъ противъ филистимскаго лагеря, откуда, вслѣдствіе большей высоты своего расположенія, онъ могъ слѣдить за всѣми движеніями непріятеля. Но его положеніе было крайне опасное; онъ могъ быть окруженъ непріятелями, потому что филистимскій военачальникъ, отправивъ сильный отрядъ въ Афекъ, въ тылъ войску Саула, такимъ образомъ, могъ отрѣзать ему всякое отступленіе къ югу. Видя предъ собою сильное и хорошо вооруженное непріятельское войско и сопоставляя его съ своей слабой и лишенной патріо-арміей, Саулъ «испугался, и крѣпко дрогнуло сердце его». Не-

1) 4 Цар. IV, 8.

пріятельское войско несравненно превосходило его численностью, вооруженіемъ и особенно было страшно своею конницею и колесницами, противъ которыхъ Саулъ не въ состояніи былъ выставить ничего соотвѣтствующаго. Мало того, преступной совѣсти Саула естественно представлялась даже мысль, что въ непріятельскомъ войскѣ находится и Давидъ съ своимъ отрядомъ, и, такимъ образомъ, помогая непріятелю, стремится къ жестокому мщенію своему гонителю. Онъ, конечно, ошибался насчетъ Давида, но во всякомъ случаѣ всѣ невыгоды кампаніи были на его сторонѣ, и ему угрожала страшная опасность. Саулъ, уже ясно сознававшій свою отверженность предъ Богомъ и своимъ народомъ, предчувствовалъ надвигавшуюся бѣду и былъ въ отчаяніи и страхѣ. Съ мгновеннымъ пробужденіемъ отголоска прежней вѣры, онъ вопросилъ Бога объ исходѣ предстоявшей битвы, но Богъ не отвѣтствовалъ на его слабую вѣру. Тогда злополучный царь совершилъ еще одно великое преступленіе и прибѣгъ къ суевѣрію, обратившись къ волшебству, при помощи котораго онъ хотѣлъ узнать свою судьбу.

Трудно сказать, какая борьба должна была происходить въ душѣ гордаго царя, прежде, чѣмъ онъ могъ унизиться до того, чтобы искать помощи въ этомъ темномъ сатанинскомъ искусствѣ, которое такъ выразительно было запрещено закономъ Божіимъ и строго преслѣдовалось его собственными постановленіями. До какой глубины нравственнаго паденія долженъ былъ онъ пасть, чтобы прибѣгнуть, наконецъ, къ мысли воспользоваться совѣтомъ ада, когда само небо отказало ему въ этомъ совѣтѣ! Въ страшномъ отчаяніи, царь приказалъ своимъ приближеннымъ, чтобы они нашли ему какую-нибудь волшебницу. Такая волшебница жила въ Аендорѣ, городѣ, лежавшемъ у подошвы сѣвернаго склона малаго Ермона, верстахъ въ трехъ отъ Сунема, гдѣ стояли филистимляне. Женщина эта обладала страннымъ волшебствомъ, ближе всего напоминающимъ способность чревовѣщанія. Іудейское преданіе называетъ ее матерью Авенира, чѣмъ, быть можетъ, объясняется и то, что она была пощажена въ то время, когда подвергались истребленію волшебницы; но для такого предположенія не имѣется достаточныхъ основаній. Аендоръ былъ одною изъ тѣхъ мѣстностей, откуда полуколѣно Манассіино не въ состояніи было изгнать всѣхъ его прежнихъ хананейскихъ жителей, и въ немъ еще жило смѣшанное населеніе, состоявшее изъ значительной части хананеевъ, которые держались своихъ прежнихъ суе-

вѣрій и которымъ въ этомъ отношеніи подражали и ихъ израильскіе сограждане. Поэтому, тамъ именно и можно было найти волшебниковъ и волшебницъ, приверженцевъ черной магіи всякаго рода. I. Флавій передаетъ ходячее въ его время мнѣніе касательно этихъ волшебницъ: «чревовѣщательницы этого рода, говоритъ онъ, вызываютъ души умершихъ и своими чарами предсказываютъ будущее тѣмъ, которые вопрошаютъ у нихъ» [1]). Рѣшившись узнать о предстоящей ему судьбѣ такимъ незаконнымъ образомъ, Саулъ принялъ всѣ предосторожности для того, чтобы посѣщеніе его осталось втайнѣ; поэтому, взявъ съ собою только двухъ довѣренныхъ спутниковъ, которыми, по преданію, были Авениръ и Амесса, и переодѣвшись въ простую одежду, онъ, съ наступленіемъ ночи, отправился въ это опасное путешествіе. Аендоръ находился отъ Гелвуи верстахъ въ десяти, и такъ какъ филистимляне стояли лагеремъ какъ разъ между этими двумя мѣстами, то царю приходилось отправиться въ окружный путь, обойти восточный отрогъ малаго Ермона и пользоваться всѣми неровностями почвы, чтобы не быть замѣченнымъ со стороны сторожевыхъ воиновъ непріятеля. Благополучно прибывъ въ жилище волшебницы и найдя ее у себя дома, Саулъ сразу же попросилъ ее, чтобы она вызвала кого-нибудь изъ мертвыхъ для сообщенія будущаго. Волшебница сначала отказалась было приступить къ волшебству, опасаясь наказанія; но, когда посѣтители поклялись, что «не будетъ ей бѣды за это дѣло», а будетъ дана хорошая награда, женщина спросила: «Кого же вывесть тебѣ?»—«Самуила выведи мнѣ», отвѣчалъ Саулъ. Волшебница приступила къ своему волхвованію, и начавъ свои причитанія, клала благовонныя травы на сковороду, производя густой дымъ, совершенно окутывавшій ее и безъ того въ темномъ помѣщеніи. Едва она начала свои причитанія, какъ вскрикнула отъ ужаса. Явилось что-то такое, чего она и сама не ожидала, нѣчто столь страшное и сверхъестественное, что даже ужаснулось и ея привычное ко всѣмъ ужасамъ сердце. Она, очевидно, хотѣла лишь воспользоваться довѣрчивостью вопрошателя и своимъ чревовѣщаніемъ показать ему, что она находилась въ сношеніи съ духомъ; или, быть можетъ, обладая тонкимъ ясновидѣніемъ, она способна была входить въ экстатическое состояніе и въ этомъ состояніи отвѣчать на предложенные

---

1) Antiq. XIV, 6, 2.

ей вопросы. Во всякомъ случаѣ, видѣніе, которое теперь предстало предъ нею, было совершенно неожиданнымъ для нея. Она тотчасъ же узнала въ явившейся ей фигурѣ пророка Самуила и въ то же время, къ своему еще большему ужасу, узнала, кто ея посѣтитель. I. Флавій говоритъ, что Самуилъ сообщилъ ей о присутствіи Саула; но это невѣроятно. Гораздо вѣроятнѣе, что она узнала въ ея посѣтителѣ царя по его величественной фигурѣ и царственной осанкѣ, по тому, что онъ потребовалъ вызвать духъ Самуила и что пророкъ немедленно же повиновался его призыву; въ своемъ ясновидѣніи она узнала болѣе, чѣмъ способна была знать при своемъ обычномъ состояніи, и сразу же поняла, въ чемъ дѣло. Быть можетъ также, въ крайнемъ своемъ возбужденіи, царь нечаянно опустилъ одежду, которою онъ прикрывалъ себѣ лицо, и волшебница ясно узнала въ немъ царя. Это еще болѣе усилило ея страхъ. Она, очевидно, приступила къ совершенію волшебныхъ чаръ въ присутствіи того самаго монарха, который такъ безпощадно предавалъ смерти всѣхъ, занимавшихся этими чарами. Но царь успокоилъ ее, говоря: «не бойся (скажи), что ты видишь?» Самъ онъ еще ничего не видѣлъ, а слышалъ только пронзительный вскрикъ волшебницы. «Вижу, отвѣчала трепещущая женщина, какбы Бога, выходящаго изъ земли». «Какой онъ видомъ?» спросилъ у нея царь. Она отвѣчала ему: «выходитъ изъ земли мужъ престарѣлый, одѣтый въ длинную одежду». Самуилъ при жизни, повидимому, всегда носилъ такую длинную одежду, и теперь Саулъ, сгорая отъ нетерпѣнія поговорить съ пророкомъ и слыша, что явившееся видѣніе представляетъ собою престарѣлаго человѣка, сразу же заключилъ, что это именно явился Самуилъ, и въ благоговѣніи поклонился ему. Въ виду послѣдовавшаго затѣмъ разговора, невольно возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли самъ Саулъ слышалъ голосъ Самуила, или же въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ полагался на волшебницу и слушалъ лишь то, что она сама передавала ему. Объ участіи женщины, однако же, ничего не говорится въ повѣствованіи, и можно вполнѣ думать, что такъ какъ духъ явился, конечно, съ соизволенія Божія, то Саулъ и самъ могъ вести съ нимъ разговоръ и слышать изреченія Самуила, достигали ли они до его внѣшняго слуха, или воспринимались имъ субъективно. Первое предположеніе болѣе вѣроятно, такъ какъ библейскій разсказъ, вѣроятно, основанъ на сообщеніи двухъ спутниковъ царя, которые также слышали весь этотъ разговоръ. Не

невѣроятно также, что съ этого момента самая фигура Самуила сдѣлалась видимой для Саула, хотя и въ неясныхъ туманныхъ очертаніяхъ. Какъ бы то ни было, оказавъ явившемуся Самуилу всевозможное почтеніе, Саулъ всталъ и затѣмъ въ страхѣ услышалъ загробный голосъ пророка: «для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышелъ?»—«И отвѣчалъ Саулъ: тяжело мнѣ очень; филистимляне воюютъ противъ меня, а Богъ отступилъ отъ меня и болѣе не отвѣчаетъ мнѣ ни чрезъ пророковъ, ни во снѣ, ни въ видѣніи; потому я вызвалъ тебя, чтобы ты научилъ меня, что мнѣ дѣлать». Тогда Самуилъ укорилъ его за непослѣдовательность въ этомъ отношеніи. Съ суровою прямотою, которою онъ отличался постоянно и при жизни, онъ съ негодованіемъ спросилъ трепещущаго царя: «зачѣмъ же спрашиваешь меня, когда Господь отступилъ отъ тебя? Господь сдѣлаетъ то, что возвѣстилъ чрезъ меня: отниметъ Господь царство отъ рукъ твоихъ и отдастъ его ближнему твоему, Давиду. И предастъ Господь Израиля вмѣстѣ съ тобою въ руки филистимлянъ: завтра ты и сыны твои будете со мною, и станъ Израильскій предастъ Господь въ руки филистимлянъ». Страшный голосъ смолкъ, но слова его ужасомъ гремѣли въ преступной совѣсти Саула; услышавъ этотъ грозный приговоръ, онъ вдругъ всѣмъ своимъ исполинскимъ тѣломъ рухнулся на землю, и лежалъ въ изнеможеніи. Его положеніе возбудило крайнее сожалѣніе въ волшебницѣ. Она подошла къ нему и просила его, чтобы онъ послушалъ ее и принялъ хотя нѣсколько пищи. Онъ сначала отказался, но затѣмъ, побуждаемый своими спутниками, наконецъ, поднялся съ земли и, въ крайнемъ изнеможеніи, сѣлъ на скамью, прилегавшую къ стѣнамъ комнаты, а женщина поспѣшила приготовить ему какую-нибудь пищу. При этомъ она дѣйствовала тѣмъ съ большею охотностью, что не только видѣла его изнеможеніе и сомнѣвалась, въ состояніи ли онъ, безъ подкрѣпленія пищею, даже возвратиться въ свой лагерь, но также и не безъ задней мысли полагая, что человѣкъ, поѣвшій ея хлѣба и соли, не будетъ имѣть основанія выдать ее или наказать въ качествѣ волшебницы. Пища на востокѣ приготовляется не долго. Тотчасъ же былъ убитъ и изжаренъ теленокъ, испеченъ свѣжій хлѣбъ, и все быстро было готово, такъ что Саулъ, занятый мрачнымъ размышленіемъ о только что случившемся и слышанномъ, не замѣтилъ, какъ прошло все это время. Наскоро подкрѣ-

пивъ себя пищею. Саулъ, съ своими спутниками, отправился въ обратный путь и безопасно прибылъ въ лагерь Гелвуйскій.

Страшный приговоръ Самуила не замедлилъ осуществиться во всей своей точности. Прошло послѣ этого дня два, и оба непріятельскихъ лагеря пришли въ движеніе, приготовляясь къ рѣшительной битвѣ. Филистимляне нѣсколько передвинулись къ западу, съ цѣлью найти болѣе благопріятную почву для своей кавалеріи и колесницъ и угрожать позиціи непріятеля съ ея наиболѣе открытой стороны. Израильтяне, въ свою очередь, спустились съ горы Гелвуи и заняли сильную позицію близь источника въ Изреелѣ, у подошвы горы. Самый Изреель, по изслѣдованію капитана Кондера [1]), расположенъ на холмѣ въ 500 футовъ вышины, и теперь называется Зериномъ. Мѣсто это весьма своеобразно, „потому что въ то время, какъ съ сѣвера и сѣверо-востока склоны горы весьма круты и скалисты, съ юга подъемъ весьма постепенный, и предъ путешественникомъ, идущимъ къ сѣверу, сразу открывается долина съ ея двумя источниками, изъ которыхъ одинъ (Айнъ-Джалудъ) течетъ изъ отвѣсной скалы и образуетъ прудъ саженъ въ 50 длины съ тѣнистыми берегами; а другой (Айнъ-Тубаунъ) есть извѣстный источникъ Тубанія, въ которомъ христіанскіе крестоносцы „чудесно“ питались въ теченіе трехъ дней рыбой, еще и теперь въ изобиліи обитающей въ большей части изъ находящихся по близости источниковъ“. Израильтяне расположились по сосѣдству съ первымъ изъ этихъ источниковъ, такъ называемымъ «источникомъ Голіаѳа». Здѣсь они и подверглись нападенію со стороны филистимлянъ, двинувшихся на нихъ съ подавляющею силою. Ослабленные недостаткомъ дисциплины, угнетаемые сознаніемъ превосходства непріятеля, израильтяне скоро были выбиты изъ своей позиціи и прижаты къ находившейся позади ихъ горѣ, гдѣ, на крутыхъ склонахъ ея, они и укрѣпились для окончательнаго отпора. Библейское повѣствованіе не сообщаетъ особенныхъ подробностей о битвѣ, такъ какъ главной задачей его было изложить другія событія этого роковаго дня. Но во всякомъ случаѣ мы можемъ представить себѣ, какъ величественная фигура Саула, украшенная царскою короною, обрамлявшею его шлемъ, двигалась среди

[1]) Tent Work. I, 124.

израильскихъ войскъ, воодушевляя ихъ къ мужеству, и какъ за Сауломъ неотлучно слѣдовали его сыновья, показывавшіе чудеса храбрости и отваги. Филистимляне между тѣмъ съ еще большею яростью двинулись на заколебавшагося Израиля. Началась отчаянная свалка. Сыновья Саула, и между ними храбрый Іонаѳанъ, уже пали подъ ударами враговъ; но вотъ непріятельскіе стрѣлки, настигая уже самого Саула, начали осыпать его градомъ стрѣлъ, „и онъ очень израненъ былъ стрѣлками“. Дѣло, очевидно, было потеряно, и войско бросилось въ безпорядочное бѣгство. Гибель была очевидна и неминуема. Гордый царь однако же не хочетъ умереть отъ руки необрѣзанныхъ и въ полномъ отчаяніи повелѣваетъ своему оруженосцу обнажить мечъ и заколоть его. Но оруженосецъ не смѣетъ поднять руки на помазанника Божія, и тогда злополучный царь совершаетъ послѣднее преступленіе въ своей жизни—самоубійство. Взявъ у оруженосца свой тяжелый мечъ, онъ укрѣпилъ его рукоятью въ землю, и затѣмъ со всего маху бросился на него своимъ тяжеловѣснымъ тѣломъ. Остріе пронзило его сердце, и царь бездыханно лежалъ на окровавленномъ мѣстѣ. Примѣру его послѣдовалъ и его вѣрный оруженосецъ. И когда настала ночь, никого уже не осталось въ живыхъ изъ того храбраго отряда, который такъ мужественно боролся вокругъ своего вождя. Это былъ роковой день для Израиля. Царь и почти весь его домъ погибли; пораженіе было полное; въ крайнемъ ужасѣ, оставшееся войско бѣжало, заражая паникой и остальное населеніе, которое, покинувъ свои дома, устремлялось даже за Іорданъ, такъ что филистимляне спокойно входили въ оставленныя поселенія и безнаказанно предавались грабежу. Возвратившись изъ преслѣдованія, филистимляне на слѣдующій же день занялись обычнымъ въ древности обираніемъ убитыхъ и собираніемъ добычи. Тогда только они поняли всю важность одержанной ими побѣды. Среди груды храбрѣйшихъ воиновъ, они нашли и трупы Саула и его трехъ сыновей. Хотя царь уже лишенъ былъ всѣхъ своихъ царственныхъ украшеній, однако же его легко было узнать по его величественной фигурѣ, и притомъ самое лицо его навѣрно было знакомо многимъ между ними. Вѣсть о его гибели быстро разнеслась кругомъ, и она съ радостью и восторгомъ была провозглашаема по всѣмъ городамъ филистимскимъ. Уваженіе къ трупу врага не было въ обычаѣ

у филистимлянъ. Они боялись Саула, когда онъ былъ живъ, и теперь вымещали этотъ свой страхъ на немъ, когда онъ уже былъ мертвъ. Они отрубили ему и его сыновьмъ головы, обобрали съ ихъ тѣлъ все оружіе и снаряженіе, которыя и поставили въ качествѣ трофеевъ въ великомъ храмѣ Астарты, въ Аскалонѣ; голову Саула отправили въ храмъ Дагона, въ Азотѣ, а другія головы по другимъ городами, и наконецъ, варварски надругавшись надъ тѣлами, повѣсили ихъ на стѣнахъ города Веѳсана, хананитскіе жители котораго естественно ликовали, при видѣ такого униженія своего стараго врага. Этотъ городъ, извѣстный впослѣдствіи подъ названіемъ Скиѳополя и теперь подъ названіемъ Бейсана, занималъ выгодное положеніе на отрогѣ скалы, вздымающейся съ одной стороны надъ равниной Ездрилонской и съ другой надъ долиной Іорданской, отъ которой онъ находился верстахъ въ шести. Рѣка Джалудъ, орошающая восточную часть равнины Ездрилонской, проходитъ на своемъ пути къ Іордану, какъ разъ у подошвы этого холма, образуя вади Джалудъ, большую дорогу между востокомъ и западомъ, и впадая почти противъ главнаго Іорданскаго брода. На склонѣ холмовъ Галаадскихъ, верстахъ въ тридцати противъ Веѳсана, лежалъ Іависъ Галаадскій,—тотъ самый городъ, который такъ мужественно избавленъ былъ Сауломъ отъ амаликитянъ въ первые годы его царствованія. Вѣсть о страшномъ событіи, постигшемъ ихъ соотечественниковъ, и объ издѣвательствѣ надъ трупомъ ихъ царя, болѣзненно затронула сердце этого благодарнаго народа. Они сразу же рѣшилась показать, что они не забыли того, чѣмъ обязаны были покойному царю; тѣло его не должно было оставаться предметомъ издѣвательства для его враговъ, добычей для хищныхъ птицъ и насѣкомыхъ. Вслѣдствіе этого, храбрѣйшіе люди города, въ слѣдующую же ночь перейдя Іорданъ, незамѣтно прибыли въ Веѳсанъ, сняли со стѣнъ четыре трупа и благоговѣйно перенесли ихъ въ свой городъ. Такъ какъ тѣла уже успѣли подвергнуться тлѣнію и были крайне изуродованы, такъ что нельзя уже было совершить надъ ними обычнаго въ то время бальзамированія, то они сожгли эти тѣла, и сожженные остатки погребли подъ возвышавшимся близъ ихъ города тамарисковымъ деревомъ. И для того, чтобы показать свою скорбь, они постились въ теченіе семи дней, плача о царѣ, какъ о возлюбленномъ и

высокочтимомъ другѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Давидъ перенесъ эти останки и похоронилъ ихъ въ семейной усыпальницѣ Киса, именно въ Целѣ, въ землѣ Веніаминовой [1]).

Вѣсть объ исходѣ битвы гелвуйской скоро дошла до Давида. Одинъ молодой амаликитянинъ, захвативъ вѣнецъ и запястье Саула, поспѣшилъ къ Давиду, надѣясь обрадовать его вѣстью о смерти царя, и, чтобы увеличить свою предполагаемую награду, даже ложно заявилъ, что онъ самъ прикололъ его. Но Давидъ пришелъ въ ужасъ отъ этого святотатства и велѣлъ предать амаликитянина смерти за то, что онъ поднялъ руку свою на помазаннаго царя, и самъ съ окружающими своими горько оплакивалъ не только своего друга Іонаѳана, но и злополучнаго царя Саула. Скорбь его выразилась въ вдохновенной пѣснѣ.

«Краса твоя, о Израиль, поражена на высотахъ твоихъ!
Какъ пали сильные, погибло оружіе бранное!
Саулъ и Іонаѳанъ, любезные и согласные въ жизни своей,
Не разлучились въ смерти своей...
Дочери израильскія, плачьте о Саулѣ,
Который одѣвалъ васъ въ багряницу съ украшеніями...
Сраженъ Іонаѳанъ на высотахъ твоихъ.
Скорблю о тебѣ, братъ мой Іонаѳанъ;
Ты былъ очень дорогъ для меня;
Любовь твоя была для меня превыше любви женской.
Какъ пали сильные, погибло оружіе бранное!...»

Пѣснь эта сдѣлалась историческою, и пѣть ее научался весь народъ.

Такъ закончилось царствованіе перваго царя израильскаго народа. Жизнь Саула распадается на два періода, изъ которыхъ первый представляетъ собою жизнь его съ Богомъ и второй—жизнь безъ Бога. Первый періодъ поэтому служитъ обнаруженіемъ лучшихъ качествъ его души—смиренія, упованія на Бога, послушанія волѣ Божіей, за которыми слѣдовали успѣхъ и побѣды. И въ этотъ періодъ онъ не мало сдѣлалъ для политическаго возвышенія своего государства. Иноземное иго было свергнуто, и окружающіе хищническіе народы понесли тяжкія пораженія, заставившія ихъ отказаться отъ расхищенія царства избраннаго народа. Но во второмъ періодѣ явно взяли перевѣсъ его худшія качества—высокомѣріе, самонадѣянность, непослушаніе, за которыми въ свою очередь не-

[1]) 2 Цар. XXI, 14.

избѣжно слѣдовали неурядицы во внутреннемъ управленіи, отверженіе, тоска, суевѣріе, пораженія, отчаяніе и самоубійство. Во всемъ этомъ онъ былъ зеркаломъ своего народа и своею судьбою еще разъ преподалъ глубокій урокъ, что избранный народъ долженъ полагать свою силу не въ человѣкѣ, хотя бы онъ былъ и царь, но единственно въ Богѣ, который одинъ ихъ помощникъ и покровитель, и безъ Него они неизбѣжно станутъ безпомощной и жалкой добычей своихъ нечестивыхъ сосѣдей. Этотъ урокъ глубоко запечатлѣлся въ душѣ Давида, который теперь безпрепятственно могъ выступить въ качествѣ царя израильскаго народа.

КНИГА ВТОРАЯ.

ДАВИДЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

ГЛАВА X.

ВСТУПЛЕНІЕ ДАВИДА НА ПРЕСТОЛЪ И ЦАРСТВОВАНІЕ ЕГО ВЪ ХЕВРОНѢ.

Со смертью Саула для Давида, наконецъ, сдѣлалось возможнымъ возвратиться въ свою родную землю и приступить къ осуществленію того предназначенія, которое уже всѣми признавалось за нимъ. Онъ могъ безпрепятственно двинуться изъ дикихъ возвышенностей Негеба, гдѣ онъ скрывался отъ преслѣдованій Саула, въ среду своего народа. Въ теченіе нѣкотораго времени, однако же, трудно было рѣшить, въ какомъ же направленіи сдѣлать первый шагъ. Страна послѣ Гелвуйскаго пораженія и смерти царя съ тремя его сыновьями, со всѣмъ лучшимъ цвѣтомъ израильскаго народа и почти со всѣмъ отрядомъ тѣлохранителей, которые умерли, сражаясь за своего царя и за свое отечество, была крайне разстроена. Во всякомъ случаѣ, Давидъ не хотѣлъ начинать гражданской войны за царскую корону, и такъ какъ было еще неизвѣстно, не перейдетъ ли она къ кому-нибудь изъ рода Саулова, то онъ рѣшился остаться на нѣкоторое время въ Циклагѣ, ожидая болѣе благопріятнаго времени, которое бы показало, какъ именно нужно дѣйствовать въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что и самая скорбь, удручавшая Давида по случаю паденія царя и несчастной участи народа, отнимала на нѣкоторое время всякую у него энергію.

Но скорбь по случаю народнаго бѣдствія, которое на время ниспровергло монархію и отдало землю обѣтованную въ руки необрѣзанныхъ, не должна была, однако же, надолго удерживать Давида отъ осуществленія его предназначенія; напротивъ, послѣ перваго ея прилива, она должна была дѣйствовать на него возбуждающимъ образомъ, побуждая его выступить возможно скорѣе къ занятію престола, чтобы получить возможность къ скорѣйшему устроенію государственныхъ дѣлъ и къ избавленію страны отъ враговъ. Къ несчастью, союзъ Давида съ филистимскимъ царемъ Анхусомъ, хотя бы только и номинальный, временно ослабилъ его вліяніе среди соотечественниковъ, такъ что даже и его собственное Іудино колѣно не спѣшило провозглашать его царемъ. Поэтому, онъ долженъ былъ прежде всего принять мѣры къ возстановленію своей популярности. Всегда благоразумный въ своихъ общественныхъ дѣлахъ, онъ, прежде всего, нашелъ нужнымъ послать подарки изъ добычи, взятой у амаликитянъ, въ различные города Негеба, чтобы, такъ сказать, заплатить имъ за ихъ дружбу въ прошломъ и склонить ихъ въ свою пользу въ будущемъ. Благосклонность, явно показывавшаяся ему Самуиломъ, присутствіе съ нимъ первосвященника Авіаѳара и присоединившагося къ нему пророка Гада, его уже распространявшіеся повсюду возвышенные пѣсни и гимны, которыми онъ утѣшалъ себя во время изгнанничества и въ которыхъ воспѣвалъ перемѣнчивыя судьбы жизни своего народа, его женитьба на дочери Саула, великіе подвиги на войнѣ со времени пораженія Голіаѳа до его бѣгства изъ Номвы, и, наконецъ, собравшійся около него сильный отрядъ, въ которомъ были уже хорошо извѣстные герои—все это уже много говорило въ его пользу и обезпечивало вѣрный успѣхъ. Поэтому, онъ, испросивъ высшаго совѣта чрезъ уримъ и туммимъ, рѣшился отправиться въ Хевронъ, безъ всякаго приглашенія, и сдѣлать его центромъ для дальнѣйшаго дѣйствія. Этотъ древній священный городъ, какъ владѣніе знаменитаго Халева во времена завоеванія земли обѣтованной и столица Іудина колѣна, въ которой жили главные старѣйшины колѣна, — особенно соотвѣтствовалъ тѣмъ планамъ, которые онъ имѣлъ въ виду. Кромѣ того, городъ этотъ лежалъ внѣ захваченной филистимлянами области и, поэтому, не подвергался опасности нападенія. Разсчетъ оказался вѣрнымъ. Какъ только онъ занялъ въ родной странѣ болѣе или менѣе твердую почву, его личныя каче-

ства и вліяніе его друзей скоро не замедлили подѣйствовать и на старѣйшинъ іудейскихъ, которые уже давно хотѣли бы поставить во главѣ народа своего столь знаменитаго соколѣнника [1]), тѣмъ болѣе, что смерть Саула теперь развязывала этому колѣну руки для независимаго дѣйствія. Во всякомъ случаѣ, старѣйшины не замедлили провозгласить Давида царемъ. Когда они предложили свое рѣшеніе народному собранію въ колѣнѣ, то народъ съ восторгомъ принялъ это предложеніе, и, такимъ образомъ, Давидъ сдѣлался царемъ южной страны, въ то время какъ сѣверная и средняя Палестина все еще всецѣло находилась въ рукахъ филистимлянъ и массы народа въ ужасѣ бѣжали даже по другую сторону Іордана, оставляя свои города и поселенія безъ всякой попытки защищать ихъ, вслѣдствіе чего города эти безпрепятственно были захвачены врагами. Колѣно Іудино, вслѣдствіе своего южнаго положенія, избѣгло этого бѣдствія, и, при теперешнемъ крушеніи государства, могло естественно желать имѣть независимаго вождя, который бы спасъ его, по крайней мѣрѣ, отъ всеобщей гибели. Кромѣ того, самыя права дома Саулова на престолъ были ниже народнаго избранія, потому что простая наслѣдственность доселѣ еще не успѣла отмѣнить свободнаго проявленія національной воли. Какъ у многихъ другихъ народовъ въ первобытныя времена, царь занималъ свой престолъ не по наслѣдству, а по народному голосованію, такъ то же самое было и среди израильскаго народа. Поэтому, Іудино колѣно считало себя вполнѣ въ правѣ дѣйствовать независимо въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ въ той области, куда простиралось его вліяніе. Наконецъ, и Давидъ, какъ помазанникъ Божій, уже заранѣе предназначенный къ столь высокому положенію, имѣлъ полное право принять достоинство, которое открывало ему путь къ исполненію божественнаго предназначенія его къ руководству судьбами народа.

Между тѣмъ, начальники войска Саулова, спасшись отъ пораженія при Гелвуѣ, бѣжали за Іорданъ. Между ними, Авениръ, двоюродный братъ Саула и главнокомандующій его войскомъ, блистательно доказалъ свою вѣрность падшему дому. Взявъ младшаго изъ четырехъ сыновей Саула, именно Іевосѳея, онъ провозгласилъ его царемъ, причемъ избралъ для него столицей древнее свя-

---

[1]) 2 Цар. II, 4.

тилище Маханаимъ, къ востоку отъ Іордана, къ сѣверо-западу отъ рѣки Іавока, на границѣ между колѣнами Гадовымъ и полу-Манассіинымъ и внѣ предѣловъ филистимскихъ набѣговъ. Если почтенныя историческія воспоминанія, вообще, могутъ укрѣплять царскій престолъ, то такое именно значеніе и могло имѣть это мѣсто для Іевосѳея, потому что здѣсь именно совершилось видѣніе двухъ воинствъ ангельскихъ, котораго удостоился Іаковъ на обратномъ пути своемъ изъ Харрана. Кромѣ того, оно и, вообще, выбрано было благоразумно въ виду самаго его положенія, потому что чрезъ него проходила большая караванная дорога отъ Чермнаго моря къ Дамаску. Но Іевосѳей былъ слишкомъ слабъ и нерѣшителенъ, чтобы извлечь всѣ выгоды изъ этого положенія. Хотя будучи уже 35 лѣтъ во время смерти своего отца, онъ съ самаго начала сдѣлался игрушкой въ рукахъ энергичнаго и беззастѣнчиваго Авенира, который, впрочемъ, выступалъ пока въ качествѣ всецѣло преданнаго ему вѣрноподданнаго, хотя въ дѣйствительности и былъ настоящимъ царемъ. Если гдѣ въ этихъ странахъ и продолжало существовать среди народа, послѣ битвы Гелвуйской, желаніе имѣть царемъ Давида, то Авениръ принялъ мѣры къ быстрому подавленію всѣхъ подобныхъ движеній, чтобы укрѣпить власть Іевосѳея. Собравъ, какія только можно было, силы, этотъ храбрый и опытный военачальникъ медленно, но настойчиво, отнялъ назадъ у филистимлянъ значительную часть страны къ западу отъ Іордана. Восточныя колѣна съ самаго же начала признали его своимъ властелиномъ. Шагъ за шагомъ онъ отвоевалъ себѣ округъ Гессурскій, равнину Ездрилонскую, колѣна Ефремово и Веніаминово (родное колѣно дома Саулова), такъ что, наконецъ, послѣ упорной пятилѣтней борьбы, онъ могъ объявить Іевосѳея царемъ всего Израиля, исключая колѣна Іудина [1]). Придя, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ Давидомъ и сознавая ту опасность, которая могла угрожать народу отъ раздѣленія государства, Авениръ сразу же предвидѣлъ и опасался взрыва междоусобной войны. Естественно возникалъ вопросъ о томъ, къ кому же изъ двухъ соперничествующихъ царей должна перейти единодержавная власть. Ни Іевосѳей, ни тѣмъ болѣе Давидъ не хотѣли отказаться отъ занимаемаго ими положенія, и притомъ весьма сомнительно, чтобы такіе дѣятель-

1) 2 Цар. II, 8—10.

ные люди, какъ Іоавъ, начальникъ войска Давидова, и Авениръ, начальникъ войска Іевосѳеева, въ свою очередь пожелали уступить занимаемыя ими выгодныя положенія и удалиться въ неизвѣстность. Кромѣ того, объединенію препятствовало и начинавшее уже замѣчаться соперничество между Іудинымъ и другими колѣнами. Ефремово колѣно всегда держало себя высокомѣрно и заносчиво, какъ колѣно, величавшееся своимъ предкомъ Іосифомъ, и особенно предъ Іудинымъ, которое, какъ состоящее изъ сельскаго народа, вообще доселѣ жило отчужденно отъ другихъ. Поэтому только одинъ мечъ могъ рѣшить судьбу будущаго. Выгода въ этой такимъ образомъ неизбѣжной борьбѣ, повидимому, съ самаго начала находилась на сторонѣ Іудина колѣна. Хотя и будучи малочисленнѣе всѣхъ остальныхъ колѣнъ, взятыхъ вмѣстѣ, оно превосходило ихъ своею сплоченностью, между тѣмъ какъ колѣна, провозгласившія Іевосѳея, были раздираемы внутреннимъ соперничествомъ. У него не было такого сильнаго отряда въ родѣ тѣхъ 600 храбрыхъ мужей, которые были преданными слугами Давида. Притомъ надъ обширнымъ царствомъ Израильскимъ стоялъ лишь слабый, невоинственный Іевосѳей, провозглашенный со стороны Авенира царемъ, жившій далеко отъ главнаго центра народной жизни за Іорданомъ и не имѣвшій высшаго предназначенія со стороны Бога; между тѣмъ, Іудино колѣно могло гордиться Давидомъ, который былъ помазанъ на царство великимъ Самуиломъ, еще во времена своей юности прославился геройствомъ по всей землѣ, былъ искуснымъ и извѣстнымъ воиномъ, способнымъ и энергическимъ государственнымъ дѣятелемъ, который наконецъ изъ своего мѣстопребыванія въ Хевронѣ могъ собственнолично слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ странѣ.

Отсюда, когда дѣйствительно началась борьба между домами Саула и Давида, результаты постоянно были неблагопріятны для перваго, несмотря на большую численность его приверженцевъ. Въ библейскомъ повѣствованіи сохранилось лишь немного подробностей касательно этой борьбы, но во всякомъ случаѣ изъ нихъ видно, что Іудино колѣно, подъ предводительствомъ Іоава, постепенно расширяло область своего вліянія и на другія израильскія колѣна, дотолѣ признававшія Іевосѳея. Такъ, между прочимъ, были пріобрѣтены нѣкоторые округи колѣнъ Веніаминова и Данова, и многіе города, имѣвшіе не малое значеніе для народа, перешли подъ

власть Давида. Таковыми между прочимъ были Кіріаѳъ-Іаримъ, куда отвезенъ былъ ковчегъ завѣта по его возвращеніи отъ филистимлянъ, и Массифа, гдѣ Саулъ былъ помазанъ царемъ, вмѣстѣ съ другими Веніаминовыми городами, которые теперь вошли въ составъ Іудина колѣна. Наконецъ, владѣнія Іудина колѣна расширились до Гаваона на сѣверо-западѣ, каковой городъ получилъ особенно большое значеніе вслѣдствіе того, что послѣ разрушенія Номвы онъ сдѣлался мѣстопребываніемъ скиніи. Ожесточенная борьба за обладаніе этимъ важнымъ мѣстомъ возобновлялась не разъ, пока, наконецъ, Авениръ, чтобы прекратить дальнѣйшее кровопролитіе, предложилъ, чтобы дѣло было рѣшено битвой между двѣнадцатью воинами съ той и другой стороны. Тутъ, очевидно, предлагалось такое же единоборство, какого нѣкогда желалъ Голіаѳъ, и Іоавъ принялъ это предложеніе. Выбранные изъ войска Давидова двѣнадцать человѣкъ выступили для борьбы и были встрѣчены двѣнадцатью веніамитянами; но исходъ этой борьбы былъ сколько неожиданный, столько же и ужасный. Двѣнадцать веніамитянъ, съ ихъ извѣстною воинскою доблестью и способностью владѣть одинаково какъ правой, такъ и лѣвой рукой, яростно бросившись на противниковъ, одной рукой схватили ихъ за голову, и другой, съ необычайною силою, вонзили имъ мечи въ грудь. Но воины Давидовы, выбранные изъ лицъ, обладавшихъ также способностью дѣйствовать и лѣвой рукой, наравнѣ съ правой, немедленно послѣдовали тому же самому пріему и въ свою очередь вонзили свои мечи въ своихъ противниковъ, такъ что всѣ двадцать четыре человѣка замертво упали на мѣстѣ этой отчаянной схватки. При видѣ такой ожесточенной схватки, враждебныя войска не могли быть болѣе удерживаемы отъ столкновенія. Они яростно двинулись другъ на друга; произошла ожесточенная сѣча, въ которой Авениръ съ его отрядомъ былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Разбитое войско было преслѣдуемо побѣдителями по пятамъ, и тутъ послѣдовалъ одинъ печальный случай, имѣвшій большое значеніе впослѣдствіи. Трое изъ племянниковъ или двоюродныхъ братьевъ Давида: Іоавъ, самый старшій изъ нихъ, Авесса и Асаилъ, младшій, любимецъ своихъ братьевъ, находились въ войскѣ Давидовомъ и бросились въ погоню за Израилемъ. Асаилъ особенно былъ «легокъ на ноги, какъ серна въ полѣ», и, полагаясь на свою быстроту, бросился догонять самого Авенира. Не обращая вниманія на не-

однократную просьбу со стороны этого испытаннаго воина оставить эту погоню и не принуждать его къ дѣлу, которое можетъ послужить причиной кровавой вражды между нимъ и Іоавомъ,, Асаилъ настигалъ его все ближе и ближе, пока Авениръ, чтобы спасти свою собственную жизнь, повернувъ свое тяжелое копье, не поразилъ преслѣдующаго его Асаила прямо въ животъ. Копье прошло насквозь его, и онъ упалъ тамъ же замертво. Но видъ убитаго молодого воина еще болѣе разъярилъ Іоава и его войско, и отчаянное преслѣдованіе израильтянъ продолжалось съ такою же яростью, какъ и прежде, пока войско Авенира, отчаявшись въ спасеніи, не рѣшилось дорого продать свою жизнь, сплотившись вокругъ своего вождя на вершинѣ одного холма. Съ этой возвышенности Авениръ громко закричалъ іудеямъ, чтобы они прекратили преслѣдованіе, угрожая иначе истребительной войной, и дѣйствительно добился того, что Іоавъ отозвалъ своихъ людей назадъ. Но, даже и дѣлая это, онъ вполнѣ проявилъ свою непреклонную натуру. «Живъ Богъ! сказалъ Іоавъ, если бы ты не говорилъ иначе, то еще утромъ люди перестали бы преслѣдовать братьевъ своихъ». Изъ войска Давидова, исключая Асаила, пало только 19 человѣкъ, но Авениръ потерялъ 360 [1]). Взявъ съ собою трупъ своего брата для погребенія его въ семейной гробницѣ въ Виѳлеемѣ, Іоавъ отправился съ своими людьми назадъ въ Хевронъ такъ быстро, что достигъ его къ разсвѣту. Авениръ, спустившись въ долину Іорданскую и переправившись чрезъ долину Іавока, съ одинаковою быстротою направился къ Маханаиму.

Прошло послѣ этого два года. Іудино колѣно, подъ главенствомъ Давида, все продолжало увеличиваться въ своемъ могуществѣ; Израиль, при слабомъ Іевосѳеѣ, напротивъ, терялъ въ той же мѣрѣ, какъ усиливался его противникъ. Вообще перевѣсъ видимо клонился на сторону Давида, и это особенно ясно сказалось въ томъ, что между Іевосѳеемъ и Авениромъ, главной опорой его трона, произошли важныя несогласія. Среди другихъ членовъ Саулова семейства въ Маханаимѣ было его наложница Рицпа, происходившая изъ рода знаменитаго еврейскаго начальника Айя, «сокола». Отъ нея Саулъ имѣлъ двухъ сыновей: Армона и Мемфивосѳея, но она все еще была молода и привлекательна. Вѣрно или

---

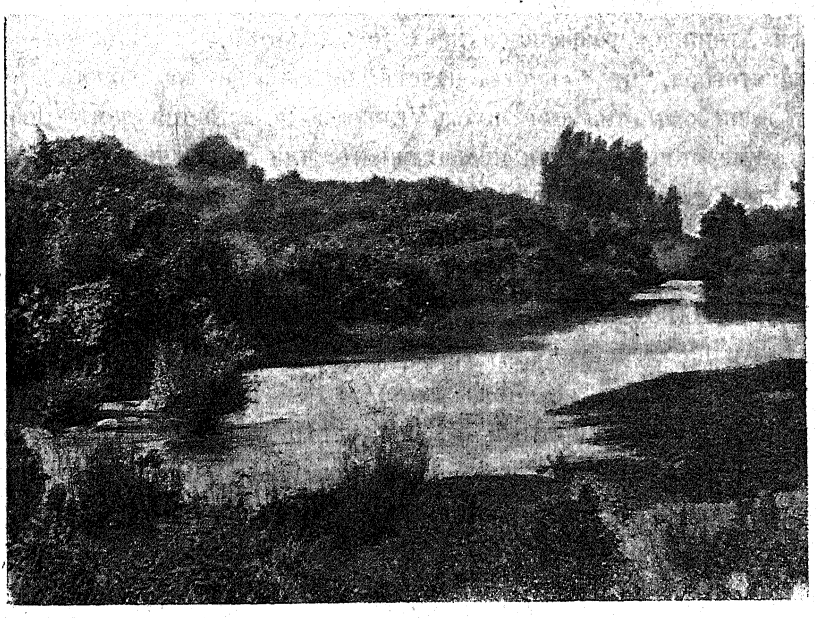
1) 2 Цар. II, 30, 31

нѣтъ, но во всякомъ случаѣ только по слухамъ Іевосѳеей пришелъ къ мысли, что Авениръ женился на ней, совершая такимъ образомъ весьма важный при восточномъ дворѣ шагъ, гдѣ связь съ женой или наложницей умершаго царя считалась своего рода шагомъ къ престолу. Высказанное царемъ подозрѣніе къ человѣку, который доселѣ такъ много сдѣлалъ для доказательства своего вѣрноподданничества, крайне уязвило сердце честолюбиваго Авенира, потому что, если бы онъ и дѣйствительно хотѣлъ чрезъ бракъ ближе сродниться съ семействомъ Сауловымъ, онъ во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, заслуживалъ этой чести гораздо болѣе, чѣмъ Давидъ. Раздраженный этимъ, онъ въ чрезвычайномъ гнѣвѣ набросившись на безпомощнаго царя, сталъ укорять его за такое отношеніе къ себѣ. «Развѣ я—собачья голова? запальчиво спросилъ онъ. Я противъ Іуды оказалъ нынѣ милость дому Саула, отца твоего, братьямъ его и друзьямъ его, и не предалъ тебя въ руки Давида, а ты взыскиваешь нынѣ на мнѣ грѣхъ изъ-за женщины. То и то пусть сдѣлаетъ Богъ Авениру, и еще больше сдѣлаетъ ему! Какъ клялся Господь Давиду, такъ и сдѣлаю ему. Отниму царство отъ дома Саулова и поставлю престолъ Давида надъ Израилемъ и надъ Іудою, отъ Дана до Вирсавіи» [1]). Крайне безсильный и безпомощный предъ лицомъ столь опаснаго врага, Іевосѳей совершенно растерялся отъ такой угрожающей рѣчи Авенира, и не могъ ничего отвѣчать ему. Его судьба была рѣшена. Авениръ оправдалъ свои слова и завязалъ тайныя сношенія съ Давидомъ, предлагая перейти на его сторону и употребить свое вліяніе для подчиненія ему всего Израиля. Ясно было, что Іевосѳеево царствованіе приходило къ концу; но Давидъ, хотя, конечно, и довольный такимъ заявленіемъ Авенира въ его пользу, былъ однако же слишкомъ остороженъ, чтобы дѣйствовать по этимъ указаніямъ безъ дальнѣйшаго испытанія его прямодушія и честности. Онъ обусловилъ свое принятіе этихъ услугъ тѣмъ, чтобы Мелхола, жена его юности, была возвращена ему назадъ. Она, какъ извѣстно, была отдана Сауломъ нѣкоему Фалтію, и теперь было желательно, чтобы она была возвращена Давиду, что было весьма важно для него, такъ какъ это могло служить указаніемъ по крайней мѣрѣ на номинальную связь его съ домомъ Сауловымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ могло послужить и испытаніемъ для могущества и искренности Авенира. Когда такое

1) 2 Цар. III, 8—10.

сообщеніе было послано Іевосѳею, то давно оставленная жена была сразу же выдана, и Авениръ, предлагая готовность выступить въ качествѣ проводника ея къ Давиду, воспользовался этимъ случаемъ для личнаго свиданія съ Давидомъ. Дѣло было столь важное, что скорбь Фалтія не могла разстроить этого плана, хотя онъ съ плачемъ и слѣдовалъ за своей женой почти до горы Елеонской, и возвратился назадъ только по строгому приказу Авенира, а Мелхола затѣмъ двинулась далѣе, по направленію къ Хеврону.

Между тѣмъ въ промежуткѣ отъ перваго сношенія Авенира съ Давидомъ и этого посѣщенія онъ вошелъ въ сношеніе со старѣйшинами израильскихъ колѣнъ и даже Веніаминова колѣна, съ цѣлью опредѣлить условія, на которыхъ бы всѣ колѣна могли перенести свою вѣрноподданность отъ Маханаима къ Хеврону. По прибытіи въ Хевронъ, какъ онъ самъ, такъ и двадцать его спутниковъ, были приняты съ особенною благосклонностью, и имъ предложено было большое пиршество, которое въ дѣйствительности было какбы торжественнымъ утвержденіемъ предложеннаго соглашенія. Опасаясь суровой ярости и соперничества Іоава, своего главнаго воина, Давидъ между тѣмъ удалилъ его на время изъ Хеврона, отправивъ преслѣдовать какихъ-то арабовъ или филистимлянъ, которые рыскали въ окрестности. Но Іоавъ, успѣшно закончивъ свое



Окрестности Дана.

порученіе и отягченный добычей, къ несчастью, прибылъ почти вскорѣ послѣ того, какъ Авениръ съ честью былъ отпущенъ Давидомъ, съ заявленіемъ всякой дружбы съ его стороны. Извѣстіе, что въ Хевронѣ только-что былъ главный поборникъ Іевосѳея и удостоенъ былъ царственнаго пріема и пиршества, сразу же пробудило въ Іоавѣ всѣ его худшія страсти. Онъ не только продолжалъ носить въ себѣ чувство кроваваго мщенія къ Авениру за убійство своего брата Асаила, но въ то же время, по всей вѣроятности, опасался, какбы Авениръ не вытѣснилъ его изъ занимаемаго имъ положенія и не склонилъ на свою сторону благосклонность Давида. Поэтому, онъ рѣшился теперь же покончить съ своимъ соперникомъ. Быстро отправивъ за нимъ посланныхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы самъ царь желалъ, чтобы онъ возвратился, онъ дѣйствительно успѣлъ въ этомъ, и Авениръ, ничего не подозрѣвая, направился опять къ Хеврону. Этого только и нужно было Іоаву. Встрѣтивъ его у воротъ Хеврона, онъ, подъ предлогомъ желанія сообщить одну тайну въ секретномъ разговорѣ, отвелъ его въ сторону и затѣмъ, не говоря ни слова, вонзилъ ему въ грудь свой мечъ. Этимъ онъ отмстилъ за своего убитаго брата и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно устранилъ своего возможнаго соперника. Но такая жестокость и такое вѣроломство крайне огорчили Давида. Онъ впалъ въ глубокую скорбь и, заявляя о своей невиновности въ крови Авенира, разразился даже неудержимымъ проклятіемъ на Іоава, говоря, что «пусть падетъ эта кровь на голову Іоава и весь домъ отца его; пусть никогда не остается домъ Іоава безъ сѣменоточиваго, или прокаженнаго, или опирающагося на посохъ, или падающаго отъ меча, или нуждающагося въ хлѣбѣ». Разодравъ свои одежды и надѣвъ на себя вретище, Давидъ принудилъ Іоава сдѣлать то же самое и идти предъ гробомъ Авенира во время его погребенія. Во время погребенія не только самъ царь, но и народъ плакали о столь безвременной гибели столь доблестнаго человѣка. Это былъ человѣкъ, который одинъ только былъ способенъ и готовъ объединить всѣхъ израильтянъ подъ однимъ знаменемъ, и онъ былъ убитъ какъ разъ наканунѣ предложеннаго имъ акта возсоединенія народа. На самого Давида могло въ такомъ случаѣ падать подозрѣніе, что онъ нарочито заманилъ Авенира, какъ главную опору Іевосѳея, для того, чтобы погубить его, и это обстоятельство могло возбудить противъ него израильскія колѣна. Кромѣ

того, это значило запятнать кровью первые шаги своего царствованія и быть участникомъ въ самомъ низкомъ преступленіи, между тѣмъ какъ все его сердце стремилось къ достойной и мирной жизни. Все, что онъ теперь могъ сдѣлать, это было почтить умершаго такимъ погребеніемъ, которое бы вполнѣ доказало его собственную невинность въ отношеніи Авенира. Отказываясь отъ всякой пищи въ теченіе цѣлаго дня, онъ неудержимо плакалъ надъ его гробомъ, заражая плачемъ и весь окружающій его народъ. Это горькое оплакиваніе воплотилось у него въ надгробномъ гимнѣ:

«Смертью ли подлаго умирать Авениру?
Руки твои не были связаны,
И ноги твои не въ оковахъ,
И ты палъ, какъ падаютъ отъ разбойниковъ» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ такое дѣло слишкомъ живо раскрыло и опасное могущество Іоава. Давидъ могъ выражать свое негодованіе въ ближайшемъ кругу своихъ приближенныхъ, но не смѣлъ высказать укора въ лицо ему самому. «Знаете ли,—говорилъ Давидъ,—что вождь и великій мужъ палъ въ этотъ день въ Израилѣ? Я теперь еще слабъ, хотя и помазанъ на царство, а эти люди, сыновья Саруи, сильнѣе меня; пусть же воздастъ Господь дѣлающему злое по злобѣ его» [2]).

Вѣсть объ умерщвленіи Авенира быстро распространилась по всей странѣ, и повлекла за собою весьма важные результаты. На время, какъ и опасался Давидъ, Израиль совершенно устранился отъ дальнѣйшихъ сношеній съ человѣкомъ, который, какъ казалось всѣмъ, такъ низко умертвилъ столь высокочтимаго и знаменитаго военачальника. Но это колебаніе скоро прошло, когда стали вполнѣ извѣстны истинныя обстоятельства дѣла. Для самого Іевосѳея смерть его великаго пособника была роковою. Не зная ничего о его измѣнническихъ сношеніяхъ съ Давидомъ, онъ чувствовалъ только скорбь о его потерѣ и впалъ въ безнадежное отчаяніе. «Кто теперь будетъ защищать землю противъ филистимлянъ или даже противъ Давида?» невольно думалось ему. Но конецъ его тревогъ и опасеній былъ близокъ. Его тѣлохранители, подобно тѣлохранителямъ его отца, были набраны изъ его собственнаго колѣна Веніаминова. Среди

1) 2 Цар. III, 33, 34.
2) 2 Цар. III, 38, 39.

веніамитянъ, однако же, находилось и хананейское населеніе Бероѳа, одного изъ городовъ, находившихся въ союзѣ съ Хеврономъ, гражданъ котораго Саулъ нѣкогда подвергъ столь безпощадному избіенію. Испуганные этимъ избіеніемъ, жители Бероѳа бѣжали въ Гиѳаимъ, въ мѣстность, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, находилась въ Филистимской равнинѣ. Двое изъ нихъ, именно братья Баана и Рихавъ, отправились въ Маханаимъ и зачислились въ отрядъ тѣлохранителей Іевосѳея, противъ котораго они въ то же время питали непримиримое чувство мщенія, какъ противъ сына убійца ихъ сородичей. Эту кровавую вражду теперь они и рѣшились осуществить умерщвленіемъ Іевосѳея, тѣмъ болѣе, что они были вполнѣ увѣрены, что Давидъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, вознаградитъ ихъ за это. Если Давидъ, какъ имъ казалось и какъ они могли судить по народной молвѣ, принималъ участіе въ убійствѣ Авенира, то, конечно, ему будетъ только пріятно замышляемое ими дѣло. Дворецъ Іевосѳея, нѣчто въ родѣ большаго дома, какіе встрѣчаются еще и теперь въ Палестинѣ, представлялъ собою четырехугольное зданіе, въ которомъ комнаты были смежны между собою, имѣя каждая свою собственную дверь, причемъ рядомъ съ стѣнами находились и огромные закрома для хлѣба. Убійцы выбрали для совершенія своего преступнаго дѣла самое время дневного зноя, когда царь, согласно съ существующимъ въ томъ климатѣ обычаемъ, отправился на полуденный покой. Стоявшій у воротъ привратникъ, занимавшійся очисткой пшеницы, въ это время задремалъ и уснулъ, такъ что убійцы безпрепятственно могли войти внутрь дома, какбы для того, чтобы взять пшеницы. Проникнувъ въ самый покой, они немедленно приступили къ своему дѣлу, умертвили царя мечами, затѣмъ отрубили ему голову и, захвативъ ее съ собою, пустынной дорогой отправились въ путь, чтобы возможно скорѣе прибыть въ Хевронъ. Но когда они прибыли къ Давиду и, принеся ему вещественное доказательство своего подвига, ожидали всякихъ похвалъ и богатыхъ наградъ со стороны царя, то крайне ошиблись въ этомъ. Какъ раньше Давидъ приказалъ казнить дикаго амаликитянина за его мнимый разсказъ объ убійствѣ Саула, такъ и теперь онъ не пощадилъ убійцъ. Съ истинно царственнымъ великодушіемъ, Давидъ лишь возскорбѣлъ при видѣ головы своего соперника и, обращаясь къ убійцамъ, съ горестью воскликнулъ: «живъ Господь, избавившій душу мою отъ всякой скорби. Если

того, кто принесъ мнѣ извѣстіе, сказавъ: вотъ умеръ Саулъ (и Іонаѳанъ), и кто считалъ себя радостнымъ вѣстникомъ, я схватилъ и убилъ его въ Цикклагѣ, вмѣсто того, чтобы дать ему награду, то теперь, когда негодные люди убили человѣка невиннаго въ его домѣ, на постели его, неужели я не взыщу крови его отъ руки вашей и не истреблю васъ съ земли?» Достаточно было ему дать знакъ окружающимъ его воинамъ, и убійцы подверглись немедленной смертной казни. Для наибольшей острастки для охотниковъ къ подобнымъ подвигамъ, у нихъ были отрублены руки и ноги, и повѣшены надъ прудомъ въ Хевронѣ, однимъ изъ тѣхъ двухъ бассейновъ, которые существуютъ еще и теперь [1]). Голова же Іевосѳея была тщательно взята и погребена также въ Хевронѣ, въ гробницѣ Авенира, и такое уваженіе къ памяти соперника лучше всего могло склонить къ Давиду сердца остальныхъ колѣнъ израильскихъ.

Теперь изъ семейства Саулова оставался въ живыхъ только одинъ членъ мужскаго пола, именно Мемфивосѳей, сынъ Іонаѳана, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, но хромой на ноги и вообще непригодный для престола въ такое время [2]). Въ виду такихъ обстоятельствъ, для израильскихъ колѣнъ ничего не оставалось больше, какъ признать свою вѣрноподданность Давиду, единственному человѣку, который теперь могъ защищать землю и управлять народомъ. Вслѣдствіе этого, отъ всего Израиля была составлена величественная депутація изъ старѣйшинъ, которая и отправилась къ нему въ Хевронъ, заявляя о народномъ рѣшеніи, причемъ эту депутацію и вообще сопровождали большія массы народа. Съ полнымъ сознаніемъ необходимости національнаго единства, они искренно объявляли о своемъ братствѣ съ нимъ по крови. «Вотъ, говорили они, мы кости твои и плоть твоя. Еще вчера и третьяго дня, когда Саулъ царствовалъ надъ нами, ты выводилъ, и вводилъ Израиля, и сказалъ Господь тебѣ: ты будешь пасти народъ мой, Израиля, и ты будешь вождемъ Израиля». Даже колѣно Веніаминово, собственное колѣно Саула отправило изъ своей среды 3,000

---

1) Большой резервуаръ имѣетъ 130 квадратныхъ футовъ и до 50 футовъ глубины, и онъ прочно построенъ изъ тесанныхъ камней.

2) Мемфивосѳей сдѣлался хромымъ по несчастной случайности. Ему было пять лѣтъ, когда пришло извѣстіе о гибели Саула и Іонаѳана въ Израилѣ, и нянька, взявъ его, побѣжала съ нимъ, спасаясь отъ филистимлянъ. Во время ея поспѣшнаго бѣгства, онъ упалъ и повредилъ себѣ ноги настолько, что сдѣлался хромымъ на всю жизнь. 2 Цар. IV, 4.

человѣкъ для заявленія вѣрноподданности Давиду. Радость была по этому случаю всеобщая, потому что въ народномъ сознаніи слава Давида ожила вновь, и повсюду пересказывались всѣ его подвиги, ставшіе уже достояніемъ народнаго преданія и народной поэзіи. Вѣрноподданность и честь новому монарху, выражаемыя у новѣйшихъ народовъ со стороны государственныхъ чиновъ принятіемъ торжественной клятвы, на востокѣ, съ самыхъ древнихъ временъ, выражались принесеніемъ подарковъ отъ народа вообще своему новому правителю, и такія приношенія, конечно, въ самыхъ простыхъ формахъ первобытныхъ естественныхъ произведеній страны, стали въ огромныхъ массахъ стекаться къ Давиду со всѣхъ предѣловъ земли; даже колѣна Иссахарово, Завулоново и Нефѳалимово щедро приносили подарки изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ сѣвера [1]). Въ Хевронъ привозились огромныя количества хлѣба; на ослахъ, верблюдахъ, мулахъ и волахъ привозились мука, смоквы, изюмъ, вино, елей и пригонялось множество всякаго крупнаго и мелкаго скота. Все это было осязательнымъ доказательствомъ желанія народа объединиться въ дружную силу подъ главенствомъ своего новаго царя. Наконецъ, представители всѣхъ колѣнъ на всенародномъ собраніи, перечисливъ заслуги Давида для страны, торжественно провозгласили его царемъ надъ всѣми колѣнами, послѣ чего онъ окончательно былъ помазанъ на царство. Старое соперничество между Іудой и Ефремомъ было на время забыто, и раздѣленія прошлаго закончились искреннимъ единеніемъ. На его сторону перешли и священники, и пророки. Доселѣ всѣ превратности его жизни раздѣлялъ съ нимъ Авіаѳаръ, представитель младшей вѣтви дома Ааронова. Теперь колѣно Левіино, для оказанія ему чести, выслало изъ себя 4,600 своихъ сыновъ, и вмѣстѣ съ нимъ отъ вѣтви Елеазара, перваго сына Ааронова, явилась депутація въ 3,700 священниковъ. Къ Давиду уже раньше присоединился знаменитый воинъ Ванея, а также и Садокъ, будущій первосвященникъ при Соломонѣ, вмѣстѣ съ 22 старѣйшинами изъ рода своего отца, и, повидимому, съ другими 900 мужами. Однимъ словомъ, всѣ, кто только дорожилъ благомъ и единеніемъ народа,, безусловно признавали власть Давида и сгруппировывались около него для усиленія власти. Между знаменитѣйшими людьми, ока-

[1]) 1 Паралип. XII, 40.

зывавшими впослѣдствіи весьма большое вліяніе на жизнь Давида, былъ и знаменитый пророкъ Наѳанъ, который вмѣстѣ съ пророкомъ Гадомъ, уже и ранѣе состоявшимъ въ числѣ приближенныхъ Давида, сдѣлался главнымъ совѣтникомъ царя. Такимъ образомъ, заря новаго царствованія начиналась весьма благопріятно и при добрыхъ предзнаменованіяхъ. Всѣ колѣна наконецъ объединились въ одинъ народъ, существовавшія въ немъ различныя партіи примирились между собой, и всѣ одушевлены были лучшими чувствами о благѣ народа. И Давидъ всецѣло оправдывалъ это довѣріе къ нему народа, потому что его геній и государственныя способности видны были уже съ первыхъ шаговъ его вступленія на престолъ. Въ лицѣ его народъ Израильскій пріобрѣлъ себѣ своего величайшаго царя. Давиду было тридцать лѣтъ отъ роду. Въ войнѣ онъ уже пріобрѣлъ громкую всенародную извѣстность своей знаменитой борьбой съ Голіаѳомъ, которая, вмѣстѣ съ другими его подвигами, воспѣвалась въ народныхъ пѣсняхъ, такъ возбуждавшихъ мрачную зависть Саула. При своей страннической жизни, онъ, въ качествѣ изгнанника, прошелъ всю страну вдоль и поперекъ, близко ознакомился съ жизнью не только своего собственнаго народа, но и ближайшихъ сосѣдей, у которыхъ ему не разъ приходилось искать себѣ убѣжища. Во время тяжкой школы испытаній, онъ научился цѣнить жизнь не съ высоты отдаленнаго царскаго престола, а въ ея дѣйствительныхъ нуждахъ и потребностяхъ, быть милостивымъ и сострадательнымъ къ простому народу, равно какъ и великодушнымъ къ своимъ врагамъ. Но болѣе всего перенесенныя имъ испытанія научали его всецѣлому упованію на Бога и еще болѣе воспламеняли въ немъ тотъ духъ религіозности, который выразился въ его дивныхъ, боговдохновенныхъ пѣсняхъ-псалмахъ, дышащихъ безграничнымъ упованіемъ на Промыслъ Божій. Такой царь не могъ не пробудить сочувствія въ народѣ, и около него образовалось большое войско, начальники котораго всецѣло отдали себя въ распоряженіе Давида. Такимъ образомъ, его великое предназначеніе теперь совершенно осуществилось. Изъ простаго главы одноіо колѣна онъ сдѣлался полновластнымъ правителемъ цѣлаго народа.

Въ Хевронѣ Давидъ царствовалъ семь съ половиною лѣтъ. За это время онъ пришелъ къ убѣжденію, что для окончательнаго утвержденія царской власти въ странѣ, ему необходима столица. которая, не принадлежа ни къ какому колѣну въ отдѣльности,

могла бы служить общею столицей для всего народа. Самый Хевронъ, какъ находившійся на югѣ, былъ слишкомъ отдаленъ отъ центра страны, чтобы быть для нея столицей. Чтобы найти себѣ новую столицу, Давидъ съ этою цѣлью намѣтилъ одну сильную крѣпость на рубежѣ между колѣнами Іудинымъ и Веніаминовымъ, которая, несмотря на всѣ усилія израильтянъ, отстаивала свою независимость и доселѣ принадлежала хананейскому племени іевусеевъ, по имени которыхъ и самая крѣпость называлась Іевусъ. Крѣпость эта, какъ остававшаяся независимою въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, вообще стала считаться неприступною. Ея положеніе въ дѣйствительности, по самой своей природѣ, было весьма сильное, такъ какъ крѣпость была построена на двухъ холмахъ, впослѣдствіи называвшихся Сіономъ и Моріа, отдѣлявшихся съ трехъ сторонъ отъ окружающей мѣстности глубокими долинами, и сильно укрѣпленныхъ съ сѣвера, гдѣ легче всего былъ доступъ къ ней. Одно время израильтяне даже взяли ее, но вынуждены были отказаться отъ нея въ пользу ея древнихъ владѣтелей и ограничивались дружественнымъ сношеніемъ съ ними. Давидъ своимъ проницательнымъ взглядомъ, сразу же увидѣлъ, какъ выгодно было бы это положеніе для основанія новой столицы. Онъ сначала предложилъ іевусеямъ, чтобы они мирно сдали ему свою крѣпость, быть можетъ предлагая за это уплатить извѣстное количество денегъ, но на это предложеніе получилъ только оскорбительный отвѣтъ. Въ нелѣпой самоувѣренности старѣйшины города даже вызывали Давида, чтобы онъ сдѣлалъ нападеніе на городъ, высокомѣрно заявляя при этомъ, что имъ достаточно выставить слѣпыхъ и хромыхъ, чтобы воспрепятствовать Давиду взять ихъ неприступную крѣпость. Такое издѣвательство рѣшило судьбу крѣпости. Оскорбленный Давидъ рѣшилъ немедленно же приступить къ осадѣ города и направился къ западной сторонѣ его, гдѣ, вслѣдствіе особенной высоты и обрывистости скалы, городъ укрѣпленъ былъ всего менѣе. И безъ того, полагаясь на мужество и патріотизмъ своего храбраго войска Давидъ еще къ тому же назначилъ большую награду, объявивъ, что первый, кто водрузитъ знамя Давидово на стѣнахъ Іевуса, будетъ сдѣланъ военачальникомъ всего его войска. Честь эта выпала храброму Іоаву, который своей отвагой и храбростью хотѣлъ не

---

[1]) 2 Цар. V, 8.

только достигнуть своихъ собственныхъ честолюбивыхъ замысловъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ загладить свою вину въ глазахъ Давида. Крѣпость была взята, и Давидъ основалъ въ Іевусѣ свою царскую столицу, назвавъ ее Іерусалимомъ, то-есть городомъ мира или градомъ Давидовымъ. Благодаря своему великолѣпному положенію на Сіонской горѣ, возвышающейся на 2,610 футовъ надъ уровнемъ моря и господствующей надъ всею окрестностью, Іерусалимъ, съ возвышеніемъ его на степень столицы, началъ быстро стягивать къ себѣ іудейское населеніе; новая столица скоро расцвѣла пышно и богато, и Іерусалимъ сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ въ исторіи не только всего Ивраильскаго народа, но и всего человѣчества.

Выборъ Іерусалима въ качествѣ столицы несомнѣнно отчасти обусловливался не только его природною крѣпостью, но также и принадлежностью его къ колѣну Іудину. Давидъ вполнѣ могъ разсчитывать на вѣрность своего собственнаго колѣна, въ то же время зная, что на его соперника, колѣно Ефремово, нельзя было полагаться во всемъ. Въ теченіе всего періода судей, ефремляне заявляли притязанія на первенство въ народѣ, и не разъ въ этихъ своихъ притязаніяхъ не отступали даже отъ нарушенія общественнаго мира, какъ это было при Гедеонѣ и Іефѳаѣ. Будучи расположено среди центральныхъ холмовъ въ богатѣйшей части Палестины, колѣно Ефремово было особенно богатымъ, и конечно не малый источникъ для своей гордости находило въ воспоминаніи о своемъ знаменитомъ предкѣ Іосифѣ. Въ Сихемѣ и Самаріи оно обладало двумя такими пунктами, которые сами по себѣ достойны были сдѣлаться центрами объединенной страны, и дѣйствительно впослѣдствіи были послѣдовательно столицами раздѣленнаго царства Израильскаго. Но Давидъ благоразумно предпочелъ именно Іерусалимъ. И мудрость этого выбора блистательно доказалась впослѣдствіи, когда съ отпаденіемъ Ефремова колѣна и всего сѣвера отъ его внука, Ровоама, вѣрными его дому остались только Іудино колѣно и часть Веніаминова. Іерусалимъ отселѣ сдѣлался, такъ сказать, сердцемъ Израильскаго народа, и при всѣхъ послѣдующихъ превратностяхъ судьбы никогда у израильтянъ не ослабѣвала страстная любовь къ этой своей столицѣ. Уже находясь въ Вавилонѣ, въ качествѣ плѣнниковъ, іудеи оплакивали развалины своей столицы въ глубоко трогательныхъ словахъ, говоря: «если я забуду тебя, Іеру-

салимъ, забудь меня десница моя. Прилипни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, и если не поставлю Іерусалимъ во главѣ веселія моего» [1]). И въ послѣдующіе вѣка, когда уже народъ Израильскій былъ разсѣянъ по всей землѣ, въ немъ никогда не ослабѣвала эта любовь къ городу Давидову, такъ что въ каждой синагогѣ по всему міру возносились общественныя молитвы о томъ, чтобы Іегова, въ своемъ милосердіи, возвратилъ Іерусалиму его прежнюю славу и вновь сдѣлалъ его своимъ собственнымъ городомъ. Этому содѣйствовало особенно построеніе въ немъ храма, сдѣлавшаго изъ Іерусалима центръ религіозной жизни. Для псалмопѣвца, послѣ пораженія Сеннахирима, мысль, что Богъ обитаетъ въ этомъ городѣ, казалось залогомъ того, что онъ никогда не подвижется въ своемъ основаніи. Источникъ, струившійся изъ скалы Моріа, въ народномъ воображеніи представлялъ собою источникъ тѣхъ водъ, которыя наполняли обширные водоемы храма, и, по восторженному изреченію псалмопѣвца, «родные потоки веселили этотъ градъ Божій, святое жилище Всевышняго» [2]). Такого холма еще не было по всей странѣ, какъ именно Сіонъ. Васанъ также могъ считаться горой Божіей, но Сіонъ былъ именно тѣмъ, который, по народному вѣрованію, пользовался особеннымъ благоволеніемъ Божіемъ и на которомъ онъ соблаговолилъ Самъ обитать навсегда. Самою возвышенностью своего положенія Іерусалимъ представлялъ собою какбы царственный городъ. Окружающія его съ трехъ сторонъ глубокія рытвины дѣлали его какбы островомъ среди окружающей равнины и, выдѣляя его изъ окрестности, придавали ему особенныя красоту, царственность и прелесть. Это былъ какбы совершенно особый городъ. Поднимаясь изъ своихъ стѣнъ, онъ былъ со всѣхъ сторонъ охраняемъ искусственными твердынями. Кругомъ его лежали горы,—ближе всего Елеонская, затѣмъ дальше Массифа, на сѣверѣ Гаваонъ и Рама, а на югѣ хребетъ Виѳлеемскій, а дальше къ востоку виднѣлась пурпурная цѣпь горъ Моавскихъ, такъ что со всѣхъ сторонъ были холмы и горы, представлявшіе собою въ высшей степени поразительную и красивую картину.

Взятіе Іерусалима было началомъ новой величественной эпохи въ исторіи народа. Съ этого момента Давидъ преуспѣвалъ и возвышался, и «Господь, Богъ Саваоѳъ, былъ съ нимъ». Однимъ изъ его

1) Пс. CXXXVI, 5, 6.
2) Пс. XLV, 5.

первыхъ шаговъ, кромѣ дальнѣйшаго укрѣпленія города, было построеніе достойнаго такой столицы дворца. Правда, собственно среди израильскаго народа искусство строительства не стояло на достаточной высотѣ, чтобы исполнить эту задачу, да и сама страна не могла представить достаточнаго количества необходимаго для этого лѣса. Но теперь, когда Давидъ укрѣпился на престолѣ, вліяніе стало чувствоваться и за предѣлами страны. Царь богатаго Тира Хирамъ отправилъ пословъ для поздравленія Давида съ его восшествіемъ на престолъ и завоеваніемъ Іерусалима, и Давидъ, вѣроятно, воспользовался прибытіемъ этихъ пословъ для того, чтобы войти въ соглашеніе по вопросу о сооруженіи дворца. Онъ заключилъ съ Хирамомъ условіе, чобы послѣдній помогъ въ этомъ дѣлѣ и отпускалъ кедровый лѣсъ съ Ливанскихъ горъ, сплавляя его къ берегамъ Палестины, и вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ искусныхъ каменьщиковъ и плотниковъ для построенія самаго зданія. Все дѣйствительно и устроилось по желанію Давида, матеріалы и рабочіе были доставлены, и дворецъ оконченъ былъ въ непродолжительномъ времени, послуживъ новымъ доказательствомъ того, что царство Давидово наконецъ утверждено Богомъ. Слѣдуя своей политикѣ, какой онъ держался еще во время своего избранія на царство въ Хевронѣ, Давидъ затѣмъ старался усилить свое положеніе новыми браками съ членами главныхъ семействъ Іерусалима. Но хотя этимъ онъ и возвышалъ, согласно съ восточнымъ понятіемъ, свое царственное достоинство, однако же не сознательно онъ подготовлялъ себѣ въ будущемъ зло, оказавшееся весьма гибельнымъ для его дома и цѣлаго народа.

Среди другихъ побужденій, заставившихъ Харима искать дружбы и союза съ Давидомъ, было, вѣроятно, его желаніе обезпечить себѣ помощь сильнаго Израильскаго царя противъ филистимлянъ, которые уже раньше однажды завоевывали Финикію и были во всякомъ случаѣ опасными сосѣдями. Таковыми по крайней мѣрѣ они скоро показали себя Израилю. Встревоженные захватомъ новой столицы и опасаясь всевозможныхъ случайностей со стороны столь воинственнаго царя Израильскаго, они рѣшились еще разъ напасть на израильтянъ со всѣми своими силами, чтобы по возможности сломить и подорвать крѣпнувшее могущество Израиля. Но теперь было уже поздно. Давидъ, имѣя въ своемъ распоряженіи столь сильную крѣпость, какою былъ Іерусалимъ, легко могъ вы-

держать всякую осаду и могъ собрать вокругъ себя войско для отраженія непріятеля. Филистимляне проникли въ «долину исполиновъ», лежавшую къ югу отъ долины Гинномовой подъ самыми стѣнами Іерусалима, и, думая, что Давидъ будетъ боязливо скрываться за стѣнами крѣпости, двинулись дальше къ Виѳлеему. Но Давидъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, быстро и съ обычнымъ мужествомъ ударилъ имъ въ тылъ и нанесъ имъ такое пораженіе, что филистимляне, съ большимъ урономъ, должны были отступить, оставивъ въ его рукахъ даже своихъ идоловъ, которыхъ Давидъ велѣлъ сжечь. Оправившись немного, филистимляне сдѣлали и второе нашествіе, но были мужественно отражены и на этотъ разъ и преслѣдуемы до самыхъ предѣловъ приморской долины. Память объ этихъ побѣдахъ еще свѣжа была по прошествіи цѣлыхъ столѣтій, и впослѣдствіи пророки не разъ указывали на нихъ, какъ на особую милость Божію къ царю Израильскому. Самъ Давидъ, выступая въ качествѣ теократическаго царя, отнюдь не присвоивалъ честь этихъ побѣдъ своей собственной силѣ. Предъ вступленіемъ въ битву, онъ каждый разъ испрашивалъ волю Божію чрезъ уримъ и туммимъ и вообще руководился совѣтами окружавшихъ его такихъ благочестивыхъ и высокочтимыхъ совѣтниковъ, какими были первосвященникъ и пророки. Нанесенныя филистимлянамъ пораженія настолько ослабили ихъ, что они даже вынуждены были признать данничество народу Израильскому и платить ему такую же дань, какую они раньше брали сами. Геѳъ, старая столица Анхуса, и самый южный изъ филистимскихъ городовъ, съ принадлежащимъ къ нему округомъ и поселеніями, перешелъ въ руки Давида. Такой побѣдой Давидъ, выражаясь словами библейскаго повѣствователя, «смирилъ филистимлянъ и взялъ главенство изъ рукъ филистимлянъ» [1]. «И хранилъ Господь Давида вездѣ, куда онъ ни ходилъ»

ГЛАВА XI.

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЕНІЕ ЦАРСТВА.

Развитіе новой монархіи, съ такимъ торжествомъ отразившей (быть можетъ не безъ помощи Тира) своихъ нѣкогда страшныхъ

[1] 2 Цар. VIII, 4. Въ русскомъ текстѣ читается: «взялъ Давидъ Мееѳгъ-Гаамма изъ рукъ филистимлянъ». Мееѳгъ-Гаамма значитъ «узда руки», то-есть, верховенство.

враговъ, филистимлянъ, находило себѣ особенное содѣйствіе въ благопріятныхъ обстоятельствахъ того времени. Египетъ, нѣкогда столь могущественный, къ этому времени, при послѣднихъ царяхъ XX-той династіи, преемникахъ великаго Рамзеса, чрезвычайно ослабѣлъ, и Ассирія, которая при Тиглатъ-Пилезерѣ I распространяла свои завоеванія до Ливана и наводила страхъ на всю западную Азію, подверглась послѣ его смерти столь сильному упадку, быть можетъ естественному истощенію вслѣдствіе неумѣренной завоевательности, что надписи на памятникахъ почти совершенно прекращаются въ отношеніи ея. Все, что извѣстно о ней, ограничивается тѣмъ, что Ассирія была разбита царемъ Вавилонскимъ, а также Хеттейскимъ царемъ Сиріи, и потеряла большую часть своихъ владѣній. Поэтому, въ западной Азіи не было такой могущественной державы, которая бы могла воспрепятствовать Давиду какъ въ его завоевательной дѣятельности, такъ и въ устроеніи внутреннихъ дѣлъ государства, съ цѣлью возведенія его на степень могущественной монархіи. При немъ и Соломонѣ Израилю суждено было занять то мѣсто, которое раньше занимали цари Ассирійскіе.

Вѣрность и искренняя преданность Давида теократическому правленію между тѣмъ обнаружилась въ томъ возбужденіи, которое онъ придалъ національной религіи. Съ самаго основанія своей столицы въ Іерусалимѣ, онъ, повидимому, рѣшился сдѣлать его великимъ религіознымъ центромъ своего государства и приступилъ къ установленію болѣе величественныхъ обрядовъ при общественномъ богослуженіи, чѣмъ какіе были извѣстны доселѣ. Отъ его именно царствованія ведетъ свое начало то развитіе ветхозавѣтнаго домостроительства, или, по крайней мѣрѣ, его полнѣйшее установленіе, которое поддерживалось до самаго разрушенія Іерусалима. Не только религіозныя, но и политическія соображенія дѣлали желательнымъ, чтобы народъ смотрѣлъ на эту столицу не только какъ на резиденцію своего царя, но и какъ на средоточіе своей вѣры. Давидъ не забывалъ, что главное назначеніе избраннаго народа быть свѣтомъ для язычниковъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, и потому обратилъ свое главное вниманіе на возвышеніе религіознаго духа народа. Съ этою цѣлью онъ рѣшилъ перенести главную святыню народа, ковчегъ завѣта, въ Іерусалимъ. Ковчегъ завѣта, со времени возвращенія его отъ филистимлянъ, находился въ Киріаѳъ-Іаримѣ. Давидъ отправился туда во главѣ

тридцати тысячъ избранныхъ мужей. Для ковчега была приготовлена новая колесница, на которой онъ торжественно былъ двинутъ въ путь. Два сына Авинадава, въ домѣ котораго доселѣ находился ковчегъ, везли его въ торжественномъ шествіи, выражавшемъ свою восторженность музыкой и священными пѣснями. Но смерть Озы, одного изъ сыновей Авинадава, однако же показала, что для святыни требовался иной способъ передвиженія, именно на раменахъ левитовъ и священниковъ. Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Геѳѣ, ковчегъ вновь былъ двинутъ въ путь и съ торжествомъ несенъ былъ первосвященниками отъ обѣихъ линій Ааронова священства. Чрезъ каждые шесть шаговъ царь приносилъ жертвы; самое шествіе сопровождалось восторженнымъ пѣніемъ, музыкой и ликованіемъ. Самъ Давидъ, одѣтый въ простой священническій льняной эфодъ, увлеченный чувствомъ религіознаго восторга, «скакалъ изъ всей силы предъ Господомъ», изливая свою восторженность въ дивныхъ псалмахъ, смѣшивавшихся съ пѣснями Левитовъ, радостными кликами народа и торжественными звуками трубъ, кимваловъ и арфъ. На Сіонѣ для ковчега была приготовлена новая скинія (старая оставлена была въ Гаваонѣ, такъ какъ навѣрное успѣла значительно обветшать и повредиться отъ времени) тамъ Давидъ принесъ всесожженіе и жертвы мирныя и, «благословивъ народъ именемъ Господа Саваоѳа, онъ роздалъ всему народу—какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ—по одному хлѣбу, и по куску жаренаго мяса, и по одной лепешкѣ и по кружкѣ вина каждому» въ память этого великаго событія. Но вѣчною памятью этого событія остались тѣ псалмы, которые составлены были Давидомъ по случаю великаго торжества. При самомъ поднятіи ковчега для перенесенія его въ Іерусалимъ составленъ былъ и пѣлся псаломъ 67, начинающійся словами: «Да возстанетъ Богъ и разсточатся враги Его, и да бѣгутъ отъ лица Его ненавидящіе Его». При вступленіи ковчега въ крѣпость Сіонскую пѣлся псаломъ 23, въ которомъ на самый моментъ вступленія указываетъ восторженное обращеніе къ вратамъ крѣпости: «поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь двери вѣчныя, и войдетъ Царь славы!» Въ этомъ псалмѣ Іегова прославляется какъ царь славы, который наконецъ завершилъ побѣду надъ языческими врагами своего народа и водворился на Сіонѣ, откуда Онъ покоритъ Себѣ весь міръ. «Кто сей царь славы?» спрашиваетъ въ этомъ псалмѣ одинъ хоръ, и другой

торжественно отвѣчаетъ: «Господь крѣпкій и сильный, Господь сильный въ брани». «Кто сей царь славы?»—Господь силъ, Онъ царь славы!»

Отпустивъ народъ, ликующій царь возвратился въ домъ свой, чтобы подѣлиться своею религіозною восторженностью и со всѣми своими домашними. Но тамъ онъ былъ встрѣченъ обиднымъ укоромъ со стороны своей высокомѣрной жены Мелхолы, которой крайне не понравилось поведеніе царя предъ ковчегомъ: «какъ отличился сегодня царь Израилевъ», съ ядовитой ироніей сказала она Давиду, «обнажившись сегодня предъ глазами рабынь и рабовъ своихъ, какъ обнажается какой-нибудь пустой человѣкъ!» Такое высокомѣріе дочери Сауловой должно было понести должное наказаніе. Высказывая ей справедливый укоръ, Давидъ отвѣтилъ ей, что ради Господа онъ готовъ еще болѣе уничижиться и религіозную восторженность послѣднихъ служанокъ предпочитаетъ гордому высокомѣрію царицы. «И у Мелхолы, дочери Сауловой, не было дѣтей до дня смерти ея». Т.-е. она лишена была высшей чести, какой только удостоивалась ветхозавѣтная женщина, именно, брачнаго ложа своего царственнаго мужа и должна была вслѣдствіе этого нести тягчайшее бремя и величайшій въ то время позоръ—бездѣтство.

Перенесеніе ковчега въ его новое мѣстопребываніе на Сіонѣ можно назвать поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Израиля, равно какъ и величайшей эпохой въ дѣятельности Давида. Отсюда пребываніе теократическаго монарха и присутствіе Іеговы были соединены въ одномъ центрѣ; во всякомъ случаѣ, это былъ первый и важнѣйшій шагъ къ такому объединенію. Пока почтенная по своей древности скинія и великій жертвенникъ находились въ другомъ мѣстѣ, объединеніе правленія и богослуженія не могло считаться законченнымъ, и отдѣльное религіозное служеніе составляло необходимость того времени; у Давида лежало на сердцѣ желаніе воздвигнуть храмъ Господу, который бы содержалъ въ себѣ всѣ принадлежности богослуженія отъ древняго или позднѣйшаго времени и сдѣлался мѣстомъ молитвы и богослуженія для всего народа. Но для достиженія этой цѣли нужно было еще сдѣлать много предварительнаго. Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ въ этомъ отношеніи было преобразованіе колѣна священниковъ и левитовъ, что дѣлалось необходимымъ вслѣдствіе общаго упадка религіи и того без-

порядка, въ который впали дѣла левитовъ со времени управленія судей. И вотъ Давидъ приступилъ къ цѣлому ряду мѣръ, которыя, совершаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, имѣли своимъ результатомъ спасительное преобразованіе, которое, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, продолжало оставаться въ силѣ въ теченіе остального періода національнаго существованія Израиля. Избіеніе священниковъ въ Номвѣ повергло священническое колѣно въ крайне угнетенное и безпорядочное состояніе, и хотя богослуженіе еще совершалось въ Гаваонѣ, но оно совершалось при бѣдныхъ и неправильныхъ обрядахъ, которые не имѣли надлежащей опоры или поддержки со стороны царской власти. Порядки, установленные первоначально еще Моисеемъ, отчасти были заброшены и отчасти уже не соотвѣтствовали обстоятельствамъ настоящаго времени; подробности требовали видоизмѣненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимы были новыя постановленія. Въ это время существовало двойственное священство и нужно было точно обозначить его отдѣльныя обязанности. Садокъ, глава дома Елеазарова, съ его собратьями были утверждены въ своихъ должностяхъ и въ Гаваонѣ, въ колѣнѣ Веніаминовомъ, гдѣ все еще находились скинія и великій жертвенникъ, о передвиженіи которыхъ не было никакого божественнаго повелѣнія, между тѣмъ какъ Авіаѳаръ и его сынъ, Авимелехъ, изъ другой линіи Ааронова первосвященства, именно Иѳамарова, совершали богослуженіе въ скиніи въ Іерусалимѣ, хотя у насъ и не имѣется свѣдѣній, чтобы тамъ также совершались жертвы, и во всякомъ случаѣ извѣстно, что первый и единственный жертвенникъ въ этомъ городѣ былъ воздвигнутъ Давидомъ на гумнѣ Орны уже нѣсколько лѣтъ спустя. Уже Самуилъ имѣлъ въ виду, или даже началъ совершать нѣкоторыя преобразованія въ левитскомъ служеніи, и Давидъ продолжалъ его дѣло, руководствуясь несомнѣнно тѣми указаніями, которыя онъ въ свое время получилъ отъ великаго пророка. Въ Рамѣ тщательно изучалась священная музыка и пѣснопѣніе, и Давидъ всегда былъ близокъ къ нѣкоторымъ изъ левитскихъ семействъ, изъ которыхъ иныя, какъ мы видѣли выше, даже раздѣляли съ нимъ страннническую долю во время его изгнанничества и преслѣдованія со стороны Саула. Поэтому Давидъ, для возвышенія богослуженія въ Іерусалимѣ, рѣшилъ пригласить знаменитѣйшихъ пѣвцовъ, кото-

рые должны были образовать правильные хоры и составлять религіозные гимны для употребленія ихъ при богослуженіи. Такими знаменитыми пѣвцами были Еманъ, Асафъ и Еѳанъ, которыхъ Давидъ назначилъ руководителями музыкальной стороны богослуженія, причемъ изъ нихъ Асафъ съ своими братьями были поставлены на службу предъ ковчегомъ Господа, чтобы они славословили, благодарили и превозносили Господа, Бога Израилева, а Еманъ и соподчиненные ему пѣвцы назначены были для служенія въ Гаваонѣ, чтобы они служили при старой скиніи и «прославляли Бога, играя на трубахъ, кимвалахъ и разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ» [1]). Къ этому же періоду относится введеніе той системы чредъ, подробнѣе выработанной впослѣдствіи, по которой все сословіе священниковъ раздѣлялось на 24 класса, 16 изъ которыхъ принадлежали къ роду Елеазара и 8 къ роду Иѳамара, причемъ каждый классъ имѣлъ во главѣ себя особаго первосвященника: во главѣ первыхъ стоялъ Садокъ и во главѣ вторыхъ Авіаѳаръ. Эти классы или чреды назывались по имени своихъ старѣйшинъ (какъ напр. въ Лук. I, 5, мы читаемъ въ чредѣ Авіевой), которые во времена Спасителя назывались главными священниками и составляли часть великаго синедріона. Эти чреды исполняли свою обязанность понедѣльно, причемъ члены ихъ распредѣляли между собою отдѣльныя должности по жребію, и весь порядокъ служенія былъ распредѣленъ такимъ образомъ, что родъ Елеазара совершалъ вдвое больше круговъ служенія, чѣмъ родъ Иѳамара. Остальные левиты, которыхъ отъ 20 лѣтъ и выше числилось 38,000, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 24,000 изъ нихъ были назначены въ помощь 24 священническимъ чредамъ при служеніяхъ въ святилищѣ; 4,000 были отдѣлены въ качествѣ музыкантовъ и пѣвцовъ, раздѣленныхъ на 24 чреды подъ главенствомъ столькихъ же начальниковъ или регентовъ; 4,000 были поставлены въ качествѣ охранителей и привратниковъ святилища, и остальные 6,000 называемые «главными отцами», занимаясь дѣлами, относящимися къ Богу и царю, вдали отъ столицы, отправляли именно обязанности чиновниковъ и судей, а также вѣроятно учителей и лѣтописцевъ. Для того, чтобы поддерживать искусство пѣнія и музыки, Давиду не было надобности создавать особую музыкальную школу въ Іерусалимѣ; ему стоило

1) 1 Паралп. XVI, 39—42.

только перенести сюда пророческую школу Самуила со всѣми ея принадлежностями: музыкальными, богослужебными и воспитательными. Какъ можно судить по нѣкоторымъ выраженіямъ библейскаго повѣствованія, главы левитскихъ семействъ были не просто артисты или простые музыкальные исполнители. Это были люди, которыхъ Богъ удостоивалъ тѣми сверхъестественными дарами Духа Святаго, какіе мы видѣли въ лицѣ семидесяти старѣйшинъ, возведенныхъ Моисеемъ себѣ въ помощники въ пустынѣ, и какіе находили столь знаменитое проявленіе въ пророческихъ школахъ Самуила въ Рамѣ. Крайне невѣроятно, чтобы Давидъ упустилъ случай воспользоваться учрежденіемъ, которое такъ много содѣйствовало оживленію истинной религіи во времена Самуила. Отсюда становится понятнымъ, что главнымъ начальникомъ музыкальныхъ хоровъ былъ Еманъ, внукъ Самуила, который могъ вполнѣ воплощать въ себѣ высокія духовныя дарованія своего боговдохновеннаго дѣда, и писателями псалмовъ, современныхъ съ его собственными, были также левиты, принадлежавшіе къ семействамъ, воспитавшимся на религіозной музыкѣ и посвящавшимъ себя исполненію ея во время богослуженія. Вліяніе этихъ лицъ было таково, что ихъ имена сохранились въ народной памяти до позднѣйшаго времени, и псалмы, приписываемые Асафу и сыновьямъ Кора, исполнялись въ теченіе цѣлыхъ столѣтій послѣ того, какъ навсегда уже смолкли сладостные голоса ихъ составителя.

Самъ Давидъ, какъ боговдохновеннѣйшій пѣвецъ, составилъ также много гимновъ для богослуженія, поручая Асафу и его пѣвцамъ переложить ихъ на соотвѣтствующую музыку. Примѣромъ этихъ гимновъ можетъ служить знаменитая пѣснь въ 1 Паралип. XVI, 8—36, части которой вошли въ Псалмы CIV, XCV и CV, гдѣ израильтяне и языческій міръ, и вообще все твореніе, призываютъ славословить единаго, истиннаго Бога. Другіе псалмы, составленные при различныхъ случаяхъ въ прежнее время, были также назначены для литургическаго богослуженія, такъ что съ теченіемъ времени для каждаго дня недѣли и для каждаго праздника имѣлся свой особый псаломъ. Мелодіи, по которымъ пѣлись эти псалмы, иногда обозначаются въ самыхъ ихъ названіяхъ, и хотя, конечно, невозможно теперь воспроизвести самые звуки, такъ какъ они не сохранились ни въ какихъ извѣстныхъ намъ записяхъ, однако же есть нѣкоторое основаніе полагать, что древнее, такъ называемое

григоріанское пѣніе или по крайней мѣрѣ нѣкоторые тоны его ведутъ свое начало отъ музыки и пѣснопѣнія Іудейскаго храма и воплощаютъ въ себѣ тѣ именно звуки, которые почти 3,000 лѣтъ тому назадъ приводили въ восторгъ благочестивыхъ израильтянъ, унося ихъ мысли къ престолу Божію. Испанскіе іудеи, будучи самымъ консервативнымъ народомъ въ мірѣ, и до настоящаго времени поютъ псалмы на своеобразные простые напѣвы, удивительно похожіе, если даже не тождествѣенные, съ первобытнымъ церковнымъ пѣснопѣніемъ.

Для поддержанія голосовъ пѣвцовъ и для придачи еще большей торжественности богослуженію, Давидъ нашелъ возможнымъ прибѣгнуть къ употребленію различныхъ музыкальныхъ инструментовъ, какъ то: кимваловъ, арфъ различнаго тона и трубъ [1]). У насъ нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ для того, чтобы мы имѣли возможность съ опредѣленностью изложить способъ и порядокъ установленнаго такимъ образомъ богослуженія, но можно полагать, что богослуженіе начиналось концертомъ арфъ, звуки ихъ подхватывались вокальной и инструментальной музыкой, останавливавшейся въ извѣстныхъ паузахъ, составлявшихъ «селу»; за паузой слѣдовала интерлюдія, исполнявшаяся только на однихъ инструментахъ. Все собраніе молящихся по временамъ отвѣчало на хоръ левитовъ, и обычное пѣніе ихъ сопровождалось возгласами «аминь» и «аллилуя».

Устроивъ религіозныя дѣла, Давидъ съ такою же ревностью обратился къ устроенію военныхъ силъ государства, и введенная имъ военная организація извѣстна намъ съ значительною точностью. Узелъ войска составленъ былъ изъ отряда въ 600 человѣкъ, который составился около Давида еще во время его изгнанія и который, вслѣдствіе своей храбрости и военной опытности, сдѣлался образцовымъ отрядомъ и носилъ почетный титулъ гибборимовъ, то-есть сильныхъ мужей или героевъ. Это были большею частью истые израильтяне, но между ними было нѣсколько и иноплеменниковъ, каковы, напр., получившій впослѣдствіи извѣстность Урія хеттеянинъ и Цилекъ аммонитянинъ [2]). Эти герои были раздѣлены на три отряда, по двѣсти человѣкъ въ каждомъ, и затѣмъ на меньшія части или взводы по двадцати человѣкъ въ каж-

1) 1 Паралип. XV, 19, 20, 21, 24; XVI, 5, 6.
2) 2 Цар. XXIII, 37, 39.

домъ. Изъ меньшихъ частей каждая имѣла своего особаго начальника, которыхъ было всего тридцать, и возведеніе въ положеніе этихъ начальниковъ обыкновенно было наградой за особую храбрость. Надъ каждыми двумя стами человѣкъ съ ихъ десятью офицерами былъ поставленъ особый командиръ или полковникъ, и во главѣ всѣхъ стоялъ генералъ, которымъ позже, если не съ самаго начала, повидимому былъ Авесса, племянникъ царя. Такимъ образомъ, этотъ отрядъ состоялъ всего изъ шести сотъ тридцати четырехъ человѣкъ, у которыхъ несомнѣнно было не мало служителей и оруженосцевъ. Они имѣли даровое помѣщеніе въ Іерусалимѣ и получали жалованье отъ царя, такъ какъ исключительно состояли на его службѣ и не имѣли никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя связывались съ военныхъ дѣломъ. Подвиги нѣкоторыхъ изъ этихъ воиновъ, по преданію, сохранялись въ потомствѣ и записаны были въ національныхъ лѣтописяхъ. Изъ трехъ полковниковъ, главный изъ нихъ, Исбосеѳъ, прославился тѣмъ, что онъ одинъ своимъ копьемъ выдержалъ нападеніе восьмисотъ непріятелей и побѣдилъ ихъ; второй, Елеазаръ, выдержалъ нападеніе также значительнаго отряда филистимлянъ въ Ефесъ-Даммимѣ, и поражалъ ихъ до того, что рука его утомилась и прилипла къ мечу; третій, Шамма, совершилъ подобный же подвигъ, отразивъ набѣгъ филистимлянъ на поле чечевичное, и такимъ образомъ спасъ его отъ истребленія. Такіе изумительные подвиги силы и мужества были плодомъ національныхъ стремленій къ свободѣ и пламеннаго соперничества, одушевляемаго и поддерживаемаго внутреннимъ сознаніемъ, что всѣ эти дѣла совершались во славу и честь Іеговы, неизмѣннаго защитника и покровителя Израиля. Главная масса войска, вообще называемаго «воинствомъ», состояла изъ всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе; при послѣдующемъ исчисленіи ихъ оказалось восемьсотъ тысячъ человѣкъ среди израильскихъ колѣнъ, и пятьсотъ тысячъ въ Іудиномъ, и надъ всѣмъ этимъ воинствомъ главнокомандующимъ былъ Іоавъ. Все это войско собиралось только въ случаѣ необходимости и не имѣло особой военной подготовки. Но на это ополченіе нельзя было собственно много полагаться, потому что оно, несмотря на свою многочисленность, при отсутствіи значительной военной подготовки, могло обманывать ожиданія своего вождя; поэтому, съ цѣлью со-

ставить дѣйствительное войско, готовое всегда двинуться при всякой настоятельной нуждѣ, составлена была милиція изъ 12 полковъ, каждый въ 24,000 человѣкъ, и каждый изъ этихъ полковъ отправлялъ службу въ теченіе одного мѣсяца въ году, подъ начальствомъ своего собственнаго командира, проходя при этомъ особое обученіе или исполняя гарнизонныя обязанности въ соподчиненныхъ городахъ и поселеніяхъ. Такъ какъ главный отрядъ въ 600 человѣкъ часто находился на службѣ въ отдаленіи отъ дворца и въ отсутствіи его у царя не было особыхъ войскъ для защиты своей собственной личности и приведенія въ исполненіе своихъ повелѣній, то вдобавокъ къ этимъ воинамъ царь завелъ еще особый отрядъ тѣлохранителей, то-есть, видимо остатокъ подобнаго же отряда при дворѣ Сауловомъ, когда быть можетъ самъ Давидъ и былъ начальникомъ его. Этотъ отрядъ окончательно былъ образованъ во время его пребыванія въ Хевронѣ. Онъ всецѣло привязанъ былъ къ его личности, исполнялъ его повелѣнія и никогда не былъ отправляемъ на службу въ далекихъ странахъ. Первоначально онъ былъ составленъ изъ иноплеменниковъ, такъ называемыхъ хелеѳеевъ и фелеѳеевъ, которые поступили къ нему на службу еще во время его пребыванія въ Геѳѣ и Циклагѣ и съ того времени набирались вообще изъ различныхъ иноплеменныхъ городовъ. Они находились подъ командой Ваней, сына главнаго священника Іодая и наиболѣе выдающагося человѣка среди гибборимовъ, и отрядъ этотъ, вѣроятно, представлялъ собою нѣчто въ родѣ швейцарской или шотландской гвардіи, состоявшей на службѣ у французскихъ монарховъ, и варяжскаго отряда тѣлохранителей при греческомъ дворѣ въ Константинополѣ. Надъ такимъ отрядомъ необходимо было поставить не только человѣка несомнѣнной храбрости и доблести, но также и такого, который былъ бы преданнымъ другомъ царя, свободнымъ отъ всякаго честолюбія и самоискательства. Таковъ именно и былъ Ванея, который оказался дѣйствительно вѣрнымъ помощникомъ какъ Давиду, такъ и его сыну, и былъ преемникомъ Іоава по должности главнокомандующаго надъ военными силами Израиля. О хелеѳеяхъ впервые упоминается въ связи съ нашествіемъ амаликитянъ, во время пребыванія Давида въ Циклагѣ [1]). Это были, по всей вѣроятности, воины, набранные изъ филистимлянъ на югѣ, и названіе ихъ нѣко-

[1]) 1 Цар. XXX, 14.

торые изслѣдователи связываютъ съ Критомъ, съ тѣмъ островомъ, откуда, по предположенію нѣкоторыхъ, филистимляне переселились на берега Ханаана [1]). По другому толкованію, слово это равнозначуще съ словомъ «исполнитель казни», каковая должность и дѣйствительно отчасти входила въ обязанность хелееевъ. Названіе фелееевъ, повидимому, было лишь другой формой названія «филистимлянъ», хотя и здѣсь нѣкоторые сопоставляютъ это названіе съ словомъ, которое имѣетъ значеніе скорохода или курьера, что было обычнымъ названіемъ для царскихъ служителей на востокѣ. Израильскій царь, набирая себѣ тѣлохранителей изъ чужеземныхъ наемниковъ, слѣдовалъ въ этомъ отношеніи обычаю другихъ восточныхъ монарховъ, которые обыкновенно повѣряли охраненіе своей личности наемнымъ чужеземцамъ, связаннымъ съ ними личными интересами и вообще неспособнымъ къ нарушенію вѣрности вслѣдствіе какихъ-либо династическихъ или государственныхъ соображеній. Что касается собственно личности самого Давида, то эти наемныя войска онъ привязывалъ къ себѣ обаяніемъ своего личнаго обхожденія, такъ что одного этого обаянія достаточно было для того, чтобы поддерживать постоянную ихъ вѣрность ему въ этомъ отрядѣ тѣлохранителей. Израильское войско отличалось отъ войска окружающихъ народовъ особенно тѣмъ, что оно не имѣло у себя кавалеріи. Въ библейскомъ повѣствованіи говорится о немногихъ колесницахъ, которыя удержаны были при одномъ случаѣ изъ добычи одного побѣжденнаго народа, и о нѣсколькихъ мулахъ, употреблявшихся князьями и военачальниками; но, за исключеніемъ ихъ, все остальное войско израильское состояло исключительно изъ пѣхоты. Моисеево законодательство неодобрительно смотрѣло на искусственное пособіе въ войнѣ; личная храбрость и упованіе на Господа должны были придавать израильскому войску увѣренность и превосходство, которыя другіе народы находили въ коняхъ и колесницахъ [2]). Главнымъ оружіемъ войска были копья и мечи, и въ употребленіи перваго изъ этого оружія нѣкоторые дости-

---

[1]) Впрочемъ, другіе изслѣдователи доказываютъ, что названіе хелееевъ не имѣетъ никакого отношенія къ Криту, а происходитъ отъ Кератія, мѣстечка, находящагося верстахъ въ 20 къ сѣверо-сѣверо-востоку отъ Бентъ-Джибрина (Елевферополя), гдѣ еще въ древнія времена поселились нѣкоторыя филистимляне изъ Египта, указаніе на что находится въ Быт. X, 13, 14. См. Mémoires Британскаго Палестинскаго Общества, III, 260.

[2]) Пс. XIX, 7.

гали изумительной ловкости. Луки со стрѣлами и праща употреблялись менѣе, и позднѣе главнымъ образомъ употребляемы были веніамитянами, искусство которыхъ въ этомъ отношеніи славилось по всей странѣ. Вѣроятно, они болѣе были въ употребленіи во время внѣшняго ига, когда израильтяне были лишаемы другаго оружія своими филистимскими завоевателями, но вышли изъ употребленія, когда сдѣлалось возможнымъ прибѣгать къ болѣе дѣйствительному оружію. Для оборонительнаго дѣйствія большая масса пѣхоты не имѣла ничего, кромѣ щитовъ, которые были круглой или овальной формы и дѣлались обыкновенно изъ дерева, покрывавшагося кожей и иногда скрѣплявшагося металломъ. Большой продолговатый щитъ, закрывавшій все тѣло, былъ особенною принадлежностью царей и главныхъ военачальниковъ, и такой щитъ обыкновенно носимъ былъ оруженосцемъ. Шлемъ и кольчуга были носимы только наиболѣе знатными лицами. Эти различія между войсками израильскими и войсками окружающихъ народовъ еще болѣе отдѣляли ихъ отъ остальнаго міра и заставляли ихъ полагаться на руководительство и помощь Божію. Военные походы израильтянъ отличались еще и другою особенностью. Израильтяне часто брали съ собой въ военный походъ священный ковчегъ завѣта, придавая такимъ образомъ войнѣ религіозный характеръ и показывая этимъ, что враги Израиля были вмѣстѣ съ тѣмъ врагами Божіими, и поэтому должны подвергаться жесточайшему наказанію.

Усовершенствуя военное устройство царства, Давидъ однако же не думалъ, чтобы онъ исполнилъ этимъ все свое царское назначеніе; нужно было еще привести въ надлежащій порядокъ собственно общественную и гражданскую стороны жизни народа. Во время послѣднихъ лѣтъ царствованія Саула особенно пришла въ разстройство та часть гражданской жизни, которая касалась водворенія правосудія и внѣшняго порядка, и поэтому Давидъ обратилъ особенное вниманіе именно на возстановленіе праваго суда. Онъ уже не былъ болѣе царемъ одного колѣна, а царемъ сильнаго и объединеннаго народа, который имѣлъ правильное устройство внутри себя, входилъ въ сношенія съ другими народами и самъ имѣлъ обширныя владѣнія. Для того, чтобы привести въ надлежащій порядокъ все это обширное государство, Давидъ ввелъ нѣкоторыя новыя учрежденія, продолжавшія существовать до окон-

чательнаго ниспроверженія монархіи [1]). Самъ будучи главой всего гражданскаго и военнаго управленія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не отмѣнилъ освященнаго временемъ самоуправленія отдѣльныхъ колѣнъ посредствомъ старѣйшинъ. Этимъ послѣднимъ онъ предоставилъ завѣдываніе своими мѣстными дѣлами, и при большихъ національныхъ случаяхъ всѣ они собирались вмѣстѣ для обсужденія того, какъ именно дѣйствовать въ данномъ случаѣ, и такая система мѣстнаго самоуправленія весьма благотворно вліяла на общее состояніе государственной жизни, такъ какъ служила вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіемъ для развитія обычнаго на востокѣ деспотизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь находился подъ контролемъ особаго совѣта, состоявшаго изъ главнѣйшихъ и умудренныхъ опытомъ мужей государства, и между ними особенно пророковъ, которые, какъ религіозные вожди народа, могли лучше всего направлять дѣятельность царя сообразно съ религіознымъ предназначеніемъ всего государства. Этотъ государственный совѣтъ состоялъ изъ совѣтниковъ или друзей царя, и во главѣ ихъ стоялъ дѣписатель, на обязанности котораго было не только записывать главныя событія царствованія для сохраненія памяти о нихъ въ народныхъ лѣтописяхъ, но также и докладывать царю о дѣлахъ текущей жизни и всѣхъ важныхъ вопросахъ, возбуждавшихся внутреннею или внѣшнею жизнью государства. Такимъ дѣписателемъ былъ Іосафатъ. Затѣмъ, вторая должность была должностью писца, государственнаго секретаря, который приготовлялъ всѣ формальные документы, содержавшіе въ себѣ царскія распоряженія, относившіяся къ общественнымъ дѣламъ. Быть можетъ, отдѣльною отъ должности писца была должность собирателя дани, чрезъ руки котораго проходили всѣ счета государства, финансовыя дѣла и исчисленіе народа. Царскіе доходы состояли изъ различныхъ источниковъ; сюда относились добровольныя приношенія, какъ это бывало особенно при восшествіи царя на престолъ, и затѣмъ при всякомъ случаѣ приближенія къ царю, когда, по восточному обычаю, требовалось принесеніе подарка; затѣмъ источникомъ доходовъ служила дань отъ соподчиненныхъ народовъ, и у самого царя были особыя имѣнія, состоявшія изъ земель и скота. Изъ этихъ и тому подобныхъ источниковъ, безъ всякаго вымогательства или несправедливости, собственность царя по-

[1]) См. 2 Цар. VIII, 16 и слѣд.; XX, 23 и слѣд.; 1 Паралип. XVIII, 15 и слѣд.; XXVII, 32 и слѣд.

степенно увеличивалась, такъ что потребовалось назначить особыхъ чиновниковъ для сбора, сохраненія и наилучшаго употребленія ея. «И царствовалъ Давидъ надъ всѣмъ Израилемъ, и творилъ судъ и правду всему народу своему».

Благоустрояя свое государство, Давидъ стремился лишь къ одной цѣли,—чтобы угодить въ этомъ отношеніи Богу и своимъ подданнымъ. Это былъ восточный царь, идеаломъ котораго было «ходить предъ Богомъ съ чистымъ сердцемъ», окружать себя лучшими людьми страны и сдѣлать Іерусалимъ тѣмъ, чтобы онъ былъ, въ теченіе цѣлыхъ поколѣній, именно образцомъ справедливаго управленія, или, по выраженію пророка Исаіи, «вѣрной столицей, исполненной правосудія» [1]). Онъ отнюдь не былъ деспотомъ, подобно окружающимъ царямъ востока. Все его поведеніе носило на себѣ отпечатокъ сознанія отвѣтственности своей предъ Богомъ, представителемъ котораго онъ былъ. Цѣлью всей его великой жизни было лишь исполнять великія начала священнаго закона, какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ дѣлахъ, и сдѣлать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ основнымъ закономъ народа. Съ этою цѣлью, онъ самъ показывалъ своему народу примѣръ великодушія даже къ своимъ врагамъ, и къ этому времени, между прочимъ, относится одинъ въ высшей степени благородный случай, показывающій, насколько Давидъ имѣлъ въ себѣ великодушія, чтобы съ любовью и почтеніемъ относиться даже къ памяти своихъ злѣйшихъ враговъ, какимъ былъ Саулъ. Совершенно чуждый всякаго династическаго озлобленія къ предшествующему роду, Давидъ съ любовью относился къ оставшимся членамъ изъ рода Саула и особенно изъ семейства его друга, Іонаѳана. Когда промежутокъ покоя отъ поглощающихъ общественныхъ обязанностей далъ ему время поразмыслить о прошедшемъ, то у него явилось искреннее желаніе показать свою доброту къ кому-нибудь изъ потомковъ дома Саулова, если только таковые остались въ живыхъ. По разслѣдованіи оказалось, что наиболѣе знакомымъ съ судьбою семейства покойнаго царя былъ нѣкій Сива, старый домоправитель Саула, который однако же давно нарушилъ свою вѣрность этому дому и, пользуясь его паденіемъ, старался обогатить себя на его счетъ. Этотъ человѣкъ сообщилъ царю, что въ домѣ нѣкоего Махира, богатаго жителя Лодебара, за-іорданскаго города

---

1) Ис. I, 21.

близь Маханаима, жилъ въ уединеніи и отчужденіи сынъ Іонаѳана, по имени Мемфивосѳей. Жизнь этого князя проходила въ полномъ отчужденіи и даже въ тайнѣ, и Сива сообщилъ о его дѣйствительномъ мѣстопребываніи только уже тогда, когда увѣрился, что разслѣдованія касательно дома Саулова со стороны новаго царя производились безъ всякихъ враждебныхъ цѣлей. Этотъ потомокъ царственнаго дома велъ крайне печальную жизнь. По смерти своего отца при Гелвуѣ, онъ былъ еще ребенкомъ, и тогда же, какъ сказано было выше, онъ, по несчастному случаю, вслѣдствіе испуга и неосторожности своей няньки, получилъ ушибъ, который на всю жизнь сдѣлалъ его калѣкой, именно хромымъ. Вслѣдствіе такой печальной случайности, онъ навсегда лишился возможности мечтать о какихъ-нибудь высшихъ притязаніяхъ на престолъ, или вообще на участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и поэтому нашелъ убѣжище въ той мѣстности, гдѣ его дядя, Іевосѳей, временно стоялъ во главѣ Израильскаго царства, и затѣмъ оставленъ былъ въ полномъ пренебреженіи и неизвѣстности до настоящаго времени. Теперь Давидъ, узнавъ о его пребываніи тамъ, послалъ за нимъ, принялъ его съ отеческою любезностью, возвратилъ ему обладаніе всѣми землями, которыя нѣкогда принадлежали Саулу, и сдѣлалъ его даже близкимъ членомъ своего собственнаго дома, отводя ему постоянное мѣсто за царскимъ столомъ, какъ-будто бы онъ былъ однимъ изъ его сыновей. Для того, чтобы помогать ему въ управленіи своими имѣніями, Давидъ назначилъ Сиву управителемъ этихъ имѣній, возложивъ на послѣдняго и всю отвѣтственность за содержаніе имѣній его господина въ полномъ порядкѣ и доходности.

ГЛАВА XII.

ВОЙНЫ ДАВИДА.

Первыя двадцать лѣтъ царствованія Давида прошли въ сравнительномъ мирѣ, и въ теченіе всего этого времени Давидъ занимался благоустроеніемъ внутреннихъ дѣлъ. При этомъ, для обезпеченія своихъ границъ отъ внѣшняго нападенія, онъ повсюду разставилъ охранныя войска. Но по окончаніи этого благоустроенія, онъ, располагая сильнымъ войскомъ, могъ выступить и на поприще за-

воевательной политики. Вокругъ обѣтованной земли жило много враждебныхъ народовъ, которые не только часто нападали на Израильскій народъ, но и владѣли такими землями, которыя по обѣтованію Божію, должны были принадлежать къ владѣніямъ избраннаго народа. И вотъ начинается цѣлый рядъ побѣдоносныхъ походовъ. Давидъ, полный живаго упованія на Бога, рѣшилъ исполнить волю Божію, заявленную въ обѣтованіи, и завоевать всѣ тѣ земли, которыя, незаконно и только по слабости и невѣрію Израильскаго народа, находились еще во владѣніи его враговъ, язычниковъ. Тутъ открывается совершенно новая сторона въ дѣятельности и характерѣ Давида. Тотъ, который въ мирные годы своего царствованія такъ сладостно игралъ на арфѣ и пѣлъ вдохновенные гимны, теперь выступилъ съ мечемъ на поприще завоеванія, для того, чтобы возвести свое царство на степень могущественной монархіи, какъ и предназначено ей было Богомъ.

Въ повѣствованіи о послѣдовавшихъ войнахъ библейскій историкъ ограничивается лишь нѣсколькими случайными указаніями, такъ какъ его цѣлью отнюдь не было входить въ изложеніе всѣхъ этихъ событій, имѣющихъ болѣе гражданское, чѣмъ религіозное значеніе, и онъ излагаетъ ихъ лишь съ той стороны, съ которой они имѣютъ отношеніе собственно къ развитію религіозной жизни народа и царства Божія. Тѣмъ не менѣе онъ сообщаетъ достаточно для того, чтобы составить себѣ общее представленіе о всѣхъ этихъ подвигахъ, а также и объ ихъ результатахъ.

Побѣдоносное оружіе свое Давидъ прежде всего направилъ противъ филистимлянъ, которые теперь должны были окончательно расплатиться за многочисленныя бѣды, причиненныя ихъ частыми набѣгами народу Израильскому. Этотъ походъ противъ филистимлянъ замѣчателенъ былъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вслѣдствіе той опасности, которой подвергался Давидъ во время одной изъ битвъ, и во-вторыхъ,—по тѣмъ важнымъ результатамъ, которые были пріобрѣтены во время его. Въ одной изъ битвъ, въ которой лично принималъ участіе самъ Давидъ, онъ отъ необычайныхъ усилій чрезвычайно ослабѣлъ, и одинъ исполинскій филистимлянинъ Іесвій, напалъ на него съ своимъ огромнымъ мечемъ и хотѣлъ убить его; но его мужественный военачальникъ и племянникъ Авесса поспѣшилъ къ нему на помощь и убилъ врага. Этотъ случай сильно поразилъ израильтянъ, и они поклялись, что въ будущемъ

не позволять ему лично выходить на войну, «чтобы, какъ добавляли они, не угасъ свѣтильникъ Израиля» [1]). Благодаря отвагѣ войска Давидова, филистимляне были разбиты, израильтяне вторглись въ ихъ владѣнія, и гарнизоны были разставлены во многихъ изъ ихъ главныхъ городовъ. Самый Геѳъ, нѣкогда служившій мѣстомъ убѣжища Давида, съ принадлежащими къ нему городами, впалъ въ руки побѣдителей и сдѣлался данникомъ Давиду. Съ завоеваніемъ и покореніемъ этихъ важныхъ мѣстъ, западная часть филистимской земли оказалась въ крайне стѣсненномъ положеніи и, такъ сказать, должна была всецѣло зависѣть отъ милости израильтянъ. И дѣйствительно, духъ этого безпокойнаго народа былъ теперь окончательно сокрушенъ, и они перестали быть нарушителями мира израильскаго государства, хотя Давидъ, съ своей стороны, воспользовался этой побѣдой весьма умѣренно и предоставилъ покоренному народу возможность безпрепятственно продолжать свою промышленную и торговую жизнь въ приморскихъ городахъ. Эта побѣда обезпечивала избранному народу законную ему границу на юго-западѣ и распространяла его владѣнія до «рѣки Египетской», отдѣляющей Палестину отъ владѣній Египта.

Затѣмъ, обращаясь къ восточной границѣ, Давидъ рѣшился поразить также давнишняго врага народа, именно моавитянъ. Во время своей страннической жизни, когда его собственная страна не представляла ему надлежащаго убѣжища, Давидъ однажды самъ искалъ себѣ убѣжища среди моавитянъ, и даже поручалъ своихъ родителей попеченію царя Моавитскаго, съ которымъ онъ въ то время находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Если теперь онъ направилъ свое оружіе противъ моавитянъ, то для этого должны были существовать особыя причины. Древнее іудейское преданіе утверждаетъ, что царь Моавитскій измѣнически убилъ Іессея и его жену, и такимъ образомъ на Давидѣ лежалъ долгъ кроваваго отмщенія за подобное преступленіе. Но и помимо этого, весьма возможно, что своими постоянными набѣгами и хищничествомъ эти безпокойные сосѣди серьезно вредили благосостоянію Израиля, дѣлали жизнь и собственность необезпеченными и угрожали даже самому существованію жителей ближайшихъ къ себѣ областей. При этомъ очень возможно, что моавитяне, подобно родственному себѣ племени аммонитянъ, во время своихъ набѣговъ совершали различныя жестокости, какъ, напр., выкалывали

[1]) 2 Цар. XXI, 15 и слѣд.

правый глазъ у плѣнниковъ и относились къ женщинамъ самымъ варварскимъ образомъ [1]). Возможно также, что они соединялись съ едомитянами, когда тѣ находились въ войнѣ съ израильтянами, и такимъ образомъ наносили значительный вредъ послѣднимъ. Во всякомъ случаѣ, Давидъ энергично направилъ противъ нихъ свое оружіе, и оно сопровождалось полнымъ успѣхомъ; два сына Моавитскаго царя были убиты Ваней, и непріятельское войско, окруженное израильтянами и лишенное своихъ военачальниковъ, почти все попало въ руки побѣдителя. Большинство восточныхъ монарховъ при такихъ случаяхъ обыкновенно подвергали плѣнныхъ избіенію безъ всякаго разбора. Давидъ не поступилъ такъ, но тѣмъ не менѣе, онъ подвергъ ихъ жестокому наказанію. Онъ заставилъ плѣнныхъ лечь на землю, и затѣмъ, раздѣливъ ихъ, посредствомъ особой мѣры, на три отдѣла, двѣ трети изъ нихъ избилъ, а одну треть оставилъ въ живыхъ. Такимъ образомъ, исполнилось нѣкогда произнесенное Валаамомъ пророчество: «происшедшій отъ Іакова овладѣетъ и погубитъ оставшееся отъ города (столицы Моавитской)» [2]). Съ этого времени моавитяне низведены были въ положеніе подчиненнаго народа, и платили дань въ теченіе полутора столѣтія, пока они не оправились настолько, чтобы низвергнуть иго изральское, что они и сдѣлали при преемникѣ Ахава, Охозіи. Во время наказанія плѣнниковъ, Давидъ прибѣгалъ къ какимъ-то особымъ мѣрамъ, которыя неизвѣстно въ чемъ состояли, но во всякомъ случаѣ отзываются нѣкоторою жестокостью, вслѣдствіе чего нѣкоторые изслѣдователи обвиняютъ его въ крайнемъ безсердечіи и кровожадности. Но для того, чтобы судить объ этомъ, нужно смотрѣть на дѣло не съ новѣйшей христіанской точки зрѣнія, имѣющей за собою цѣлые вѣка гуманизирующаго вліянія, а съ точки зрнія современной Давиду. Давидъ былъ человѣкъ своего времени, правда, стоявшій гораздо выше своихъ современниковъ, вслѣдствіе самаго своего положенія въ качествѣ просвѣщеннаго царя избраннаго народа, но во всякомъ случаѣ, его политика должна была стоять на одномъ уровнѣ съ духомъ его вѣка. Въ такомъ случаѣ для насъ станетъ понятнымъ, что Давидъ и не могъ иначе поступать въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что и въ самомъ законодательствѣ Моисеевомъ были такія

1) См. 1 Цар. XI, 2; Амос. I, 13.
2) Числ. XXIV, 17.

постановленія касательно завоеванныхъ языческихъ городовъ, которыя отражаютъ на себѣ именно духъ тогдашняго времени. По этимъ постановленіямъ, если чужеземный городъ отказался сдаться на предложеніе и затѣмъ былъ взятъ осадой или приступомъ, то всѣ жители мужскаго пола должны подвергаться смерти, женщины и дѣти должны быть взяты въ плѣнъ и самое мѣсто разрушено; но если городъ принадлежалъ къ какому-нибудь изъ семи ханаанскихъ народовъ, то все населеніе, какъ мужское, такъ и женское, должно было подвергнуться избіенію мечемъ. Разсматриваемый такимъ образомъ въ качествѣ исполнителя божественнаго мщенія и Моисеева закона, Давидъ, можно даже сказать, погрѣшалъ своею снисходительностью и своимъ милосердіемъ. Онъ наказывалъ смертью не всѣхъ жителей, а только тѣхъ, которые захвачены были съ оружіемъ въ рукахъ, и даже изъ этихъ послѣднихъ значительная часть была также пощажена. Во всякомъ случаѣ древніе обычаи войны, общественный духъ и народное чувство требовали подобнаго отношенія къ непріятелямъ, и Давидъ, конечно, не имѣлъ желанія, да, вѣроятно, и возможности, противодѣйствовать этому. Отсюда, отнюдь, нельзя обвинять въ жестокости царя, который лишь исполнялъ, и притомъ весьма мягко, законъ и обычаи, считавшіеся обязательными при всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ въ то время.

За войною съ моавитянами слѣдовала другая война, которая имѣла весьма серьезныя послѣдствія и привела къ различнымъ походамъ, закончившимся расширеніемъ владѣній Давида на ту обширную площадь земли, о которой предсказано было, какъ о наслѣдіи Израиля, еще во времена патріарховъ. Къ этимъ завоеваніямъ Давида побуждала отнюдь не жажда завоевательности. Подобно тому, какъ израильтяне проявляли мало миссіонерскаго или прозелитскаго духа въ религіозныхъ дѣлахъ, такъ они мало были честолюбивы и наступательны и въ своихъ войнахъ. Ихъ войны или вызывались внѣшними нападеніями, или были предпринимаемы для обезпеченія ихъ независимости, и завоеванныя страны удерживались лишь для безопасности и для обезпеченія плодовъ побѣды. Ихъ дружественныя отношенія съ филистимлянами, которыхъ они оставили въ спокойномъ пользованіи своими приморскими городами и своею приморскою полосою земли, достаточно доказываютъ, что характеръ политики Давида отнюдь не былъ наступательнымъ и завоевательнымъ. Цѣлый рядъ внѣшнихъ войнъ,

слѣдовавшихъ за покореніемъ моавитянъ, возникъ изъ одного безумнаго оскорбленія, нанесеннаго Давиду одимъ ничтожнымъ царькомъ.

Вскорѣ послѣ покоренія моавитянъ, когда нанесенное имъ пораженіе и то наказаніе, которому они подвергнуты были, находились еще въ свѣжей памяти у всѣхъ, умеръ Наасъ, царь Аммонитскій, и ему наслѣдовалъ его сынъ Аннонъ. Этотъ Наасъ, вѣроятно, былъ сынъ того царя, который былъ разбитъ Сауломъ въ началѣ его царствованія. Онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Давидомъ во время его изгнаннической жизни и, подобно царямъ Моава и Геѳа, дружелюбно принималъ его у себя въ качествѣ врага Саулова. Услышавъ о его смерти, Давидъ отправилъ дружественное посольство къ новому царю, чтобы выразить ему соболѣзнованіе по случаю смерти отца и поздравить съ вступленіемъ на престолъ. Такія посольства для выраженія сочувствія или поздравленія, довольно обычныя въ настоящее время, всегда были въ обычаѣ и въ древнее время. Такъ, Хирамъ отправлялъ посольство къ Соломону для поздравленія его съ восшествіемъ на престолъ, и Миродахъ Балабанъ посылалъ пословъ для поздравленія Езекіи по случаю выздоровленія его отъ болѣзни [1]). Но въ настоящемъ случаѣ это посольство приближенными молодаго царя было перетолковано въ худую сторону, послы были приняты за соглядатаевъ, и неразумный Аннонъ нанесъ имъ страшное оскорбленіе, повелѣвъ «обрить каждому изъ нихъ половину бороды, и обрѣзать одежду ихъ на половину до чреслъ», и въ такомъ безобразномъ видѣ отпустилъ ихъ обратно къ Давиду. Такого безчестія не могъ снести Давидъ, и онъ немедленно отправилъ войско наказать дерзкаго Аннона. Видя свою ошибку и угрожающую ему опасность, Аннонъ обратился за помощью къ сиріянамъ, и добился ихъ помощи, заплативъ тысячу талантовъ серебра. Сиріяне, дѣйствительно, выставили значительный отрядъ, доходившій до 32.000 человѣкъ, сила котораго состояла въ многочисленныхъ колесницахъ и кавалеріи, противъ которыхъ израильтяне не могли выставить ничего соотвѣтствующаго, кромѣ обычной пѣхоты. Нѣкоторыя сирійскія племена уже раньше чувствовали на себѣ руку Давида, и теперь пользовались случаемъ для того, чтобы освободиться отъ него и избавиться отъ общаго

1) 3 Цар. V, 1; 4 Цар. XX, 12.

врага. Главнымъ предводителемъ войска сирійскаго былъ Адраазаръ, царь Сувскій, обладавшій значительнымъ могуществомъ и военною силою. Самый городъ Сува не имѣлъ большаго значенія и лежалъ въ области между Дамаскомъ и Евфратомъ. Тамъ Адраазаръ основалъ себѣ царство, простиравшееся отъ Имаѳа на Оронтѣ до «великой рѣки», то-есть, Евфрата, и имѣлъ подъ своимъ главенствомъ даже нѣкоторыя области въ Месопотаміи. Вмѣстѣ съ нимъ противъ Давида соединились и другіе царьки, и между прочимъ царь Дамасскій, владѣнія котораго простирались до озера Меромскаго и на юго-востокѣ до озера Геннисаретскаго. Эта коалиція чувствовала въ себѣ настолько силы, что приступила къ осадѣ укрѣпленнаго города Медевы въ Рувимомъ колѣнѣ, находившагося верстахъ въ 18 къ востоку отъ сѣверной оконечности Мертваго моря и лежавшаго на большой дорогѣ чрезъ землю Моавскую. Услышавъ, что сиріяне предприняли такое наступательное движеніе, и зная, что Медева могла выдержать довольно продолжительную осаду, Давидъ въ свою очередь рѣшился двинуться вглубь самой страны непріятеля, и такимъ образомъ, отвлечь его силы отъ предѣловъ Израильской земли. Вслѣдствіе этого онъ отправилъ Іоава съ своими наиболѣе вѣрными войсками противъ Раввы, столицы аммонитскаго народа. Это было хорошо укрѣпленное мѣсто, занимавшее весьма сильную позицію, верстахъ въ 30 къ востоку отъ Іордана, на берегахъ южнаго изъ двухъ потоковъ, которые, по своемъ соединеніи, составляютъ рѣку Іавокъ. «По картинности мѣстоположенія», говоритъ одинъ путешественникъ по этимъ странамъ, «я не могу еще сравнить никакія развалины съ Аммономъ. Наиболѣе поразительна среди этихъ развалинъ цитадель, которая сначала обнимала не только гарнизонъ, но и верхній городъ, и покрывала значительную площадь. Возвышенная площадка, на которой лежала цитадель, имѣетъ трехугольную форму; двѣ стороны ея образуются долинами, которыя расходятся отъ вершины, гдѣ онѣ раздѣляются низкимъ хребтомъ, и затѣмъ отдѣльно спускаются къ долинѣ Іавока, составляющаго низменную часть треугольника, на которой расположенъ нижній городъ. Поднимаясь къ цитадели, мы можемъ замѣтить еще остатки укрѣпленія, и, переходя чрезъ нихъ, находимъ массу развалинъ. Массивныя стѣны, нижняя часть которыхъ сохраняется еще и теперь, поднимаясь на крутыхъ сто-

ронахъ скалы, дѣлали невозможнымъ приступъ къ городу» [1]). Для того, чтобы противодѣйствовать нападенію израильтянъ, аммонитяне сосредоточили свои силы подъ стѣнами своего города и, считая себя безопасными, вполнѣ были убѣждены, что они завлекли непріятеля въ ловушку, изъ которой ему нѣтъ никакого исхода. Сиріяне, въ свою очередь, услышавъ о движеніи израильтянъ противъ столицы своихъ союзниковъ, сняли осаду съ Медевы и двинулись за ними, такъ что, когда Іоавъ прибылъ къ Раввѣ, онъ нашелъ впереди себя не только аммонитское войско, но и большое сирійское войско, угрожавшее ударить ему въ тылъ. Положеніе было весьма опасное, но непоколебимое мужество и военное искусство Іоава выручили его изъ этого затрудненія. Онъ раздѣлилъ свое войско на два отряда, причемъ наиболѣе сильный отрядъ изъ наиболѣе испытанныхъ воиновъ, подъ своимъ собственнымъ начальствомъ, онъ выставилъ противъ сиріянъ, а остальное войско поручилъ своему брату, Авессѣ, наказавъ ему сдерживать аммонитянъ и такимъ образомъ воспрепятствовать имъ подать помощь своимъ союзникамъ. При этомъ сдѣлано было соглашеніе, что если какой-нибудь изъ этихъ отрядовъ будетъ находиться въ опасности пораженія, то другой немедленно долженъ придти къ нему на помощь. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Іоавъ затѣмъ, для одушевленія своего войска, обратился къ вѣрѣ и патріотизму Авессы и другихъ начальниковъ: «будь мужественъ, сказалъ онъ, и будемъ стоять твердо за народъ нашъ и за города Бога нашего, а Господь сдѣлаетъ, что Ему угодно [2]). Воспламененные этимъ обращеніемъ и уповая на помощь Божію, израильтяне мужественно двинулись на сиріянъ; ихъ кавалерія и колесницы не оказали достаточнаго противодѣйствія неотразимому напору израильтянъ; непріятель дрогнулъ и побѣжалъ, и предъ глазами аммонитянъ, которые не въ состояніи были оказать имъ помощи, понесъ страшное пораженіе. Упавъ духомъ и объятые страхомъ, аммонитяне отступили за стѣны своего города и приготовились къ осадѣ. Іоавъ осадилъ ихъ столицу и хотѣлъ взять ее приступомъ, но, находя ее слишкомъ сильною и не обладая военными машинами, тѣмъ болѣе, что и самое время года было не особенно благопріятно для военныхъ дѣйствій, онъ счелъ за лучшее

---

1) Oliphant, Land of Gilead, p. 259, f.
2) 2 Цар. X, 12.

пока отозвать свое войско, и возвратился въ Іерусалимъ съ большой добычей, захваченной во время послѣдней побѣды.

Участвовалъ ли самъ Адраазаръ въ этой первой битвѣ съ израильтянами,—неизвѣстно. Но въ слѣдующемъ году онъ вновь выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ однимъ арамейскимъ царемъ. Чтобы обезпечить больше успѣха этой экспедиціи, онъ склонилъ на свою сторону Дамаскъ, который дотолѣ стоялъ обыкновенно въ сторонѣ, и получилъ значительное подкрѣпленіе изъ Месопотаміи и съ береговъ Евфрата, куда простирались также его завоеванія. Слѣдуя тактикѣ энергичнаго и дѣятельнаго полководца, Давидъ рѣшилъ предупредить нападеніе этого сильнаго противника и двинуться со всѣми силами на встрѣчу ему, прежде, чѣмъ онъ могъ вступить въ землю Израильскую. Вслѣдствіе этого онъ самъ сталъ во главѣ войска, такъ какъ предпріятіе это было слишкомъ важно, чтобы повѣрять его какому-нибудь полководцу, и, переправившись чрезъ Іорданъ къ сѣверо-востоку, встрѣтилъ соединенныя силы непріятеля въ мѣстечкѣ Еламѣ, неизвѣстно, гдѣ собственно находившемся, но по всей вѣроятности, къ сѣверу отъ Имаѳа [1]). Здѣсь сиріяне понесли страшное пораженіе, ихъ полководецъ Совакъ былъ убитъ, 700 колесницъ было захвачено въ плѣнъ, и около 7000 всадниковъ и до 20.000 пѣхоты пали на полѣ битвы, или сдѣлались плѣнниками. Но побѣду эту нужно было довершить покореніемъ самыхъ царствъ, которыя участвовали въ этомъ враждебномъ союзѣ. Первымъ почувствовалъ на себѣ руку геройскаго царя Израиля знаменитый Дамаскъ. При всемъ своемъ могуществѣ и богатствѣ, онъ не могъ выстоять противъ непреодолимаго натиска Давида; 22,000 его защитниковъ погибли въ битвѣ, и этотъ великій городъ долженъ былъ подчиниться Давиду, отворилъ свои ворота для израильскаго гарнизона, и платилъ дань побѣдителямъ. Продолжая свое побѣдоносное шествіе, Давидъ быстро направился въ другіе арамейскіе округи, оказавшіе помощь Адраазару, и также подчинилъ ихъ своей власти. Ханаанитскій царь города Имаѳа, Ѳой, владѣнія котораго лежали между Ливаномъ и Антиливаномъ, и который особенно чувствовалъ гнетъ отъ руки арамейскаго тирана, послалъ сердечное поздравленіе Давиду, сопровождая его богатыми подарками изъ мѣди, серебра и золота. Всякое сопротивленіе Да-

---

1) 2 Цар. X, 16, 17; Паралип. XVIII, 3.

виду оказывалось долѣе невозможнымъ, и вся страна до береговъ Оронта подчинилась израильтянамъ и стала платить дань Давиду.

Во время этихъ походовъ захвачено было громадное количество добычи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя сирійскія войска были вооружены даже золотыми щитами. Значительная часть этой добычи была сосредоточена въ Іерусалимѣ и пошла впослѣдствіи на построеніе и украшеніе храма. Но была и такая добыча, которою нельзя было воспользоваться. Захвачено было много колесницъ и коней, въ отношеніи которыхъ существовали особыя постановленія въ ветхомъ завѣтѣ. Царю израильскому запрещалось умножать коней, чтобы у него не явилось искушеній слишкомъ много полагаться на матеріальную силу, въ ущербъ упованію на Господа [1]). Согласно съ этимъ постановленіемъ, Давидъ разрушилъ всѣ захваченныя у непріятеля колесницы, исключая ста, которыя были сохранены для государственныхъ цѣлей и въ качествѣ памятниковъ побѣды, и вообще удержано было лишь столько коней, сколько ихъ достаточно было для того, чтобы отвезти эти колесницы въ Іерусалимъ, а всѣ остальные были уничтожены, или сдѣланы безполезными чрезъ часто употреблявшуюся въ древности операцію подрѣзыванія жилъ.

Когда Давидъ, такимъ образомъ, занятъ былъ военными дѣйствіями на сѣверѣ, безпокойные и вѣчно враждебные едомитяне, видя югъ совершенно лишеннымъ войска, и возбуждаемые къ дѣйствію мстительными аммонитянами, сдѣлали на Іудею нашествіе съ сильнымъ войскомъ. Они не мало причиняли тревоги и безпокойства уже Саулу въ первые годы его царствованія, но доселѣ не обнаруживали особенной враждебности къ его преемнику. Опасности въ этомъ отношеніи нельзя было не придавать значенія. Соединившись съ амаликитянами и другими воинственными племенами пустыни, едомитяне могли нанести серьезный вредъ и побѣды надъ сиріянами были бы куплены разрушеніемъ и опустошеніемъ Израиля. Іоавъ и Авесса немедленно же были отправлены на югъ съ частью войска и при этомъ имъ наказано было отнестись къ непріятелю съ возможно большею суровостью. Они нашли, что едомитяне уже причинили много бѣдствій, и теперь, съ приближеніемъ израильтянъ, отступали въ свое собственное владѣніе. Отправивъ Авессу съ главной массой войска, Іоавъ самъ занялся на нѣкоторое

1) Втор. XVII, 16; I. Нав. XI, 6, 9.

время совершеніемъ приличнаго погребенія тѣхъ, кого эти варвары убили и оставили непогребенными [1]). Между тѣмъ, его мужественный братъ принялся за дѣло мщенія. Двигаясь вдоль западнаго берега Мертваго моря, онъ встрѣтилъ непріятелей въ Соляной долинѣ, у южной оконечности моря, и нанесъ имъ жестокое пораженіе, во время котораго они потеряли 18.000 человѣкъ. Послѣ этого послѣдовала въ высшей степени истребительная война. Но Идумея, по самому своему географическому положенію, была страной, которую трудно было подчинить. Ея горы, ущелья и пещеры представляли убѣжища, въ которыя не легко было проникать или брать ихъ приступомъ; и поэтому потребовалось цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ для покоренія этого народа и для установленія охранныхъ отрядовъ въ завоеванныхъ областяхъ. Всѣ, кто взяты были съ оружіемъ въ рукахъ, преданы были смерти; но весьма многіе убѣжали и ожидали благопріятнаго случая для возстанія. Царскій родъ большею частью погибъ; одинъ изъ ихъ князей, по имени Адатъ, убѣжалъ въ Египетъ и нашелъ благосклонный пріемъ у фараона, который даже отдалъ за него свою свояченицу и помогалъ ему впослѣдствіи тревожить Соломона. Опасное положеніе, въ которое поставленъ былъ Давидъ этимъ возмущеніемъ въ своей собственной странѣ, особенно въ то время, когда онъ самъ вынужденъ былъ напрягать всѣ свои силы для борьбы съ своими сирійскими врагами, описывается въ пятьдесять-девятомъ псалмѣ, въ надписаніи котораго составленіе его относится къ этому именно времени:

«Боже! Ты отринулъ насъ, Ты сокрушилъ насъ,
Ты прогнѣвался: обратись къ намъ.
Ты потрясъ землю, разбилъ ее:
Исцѣли поврежденія ея, ибо она колеблется.
Ты далъ испытать народу Твоему жестокое,
Напоилъ насъ виномъ изумленія.
Даруй боящимся Тебя знамя,
Чтобы они подняли его ради истины,
Чтобы избавились возлюбленные Твои;
Спаси десницею Твоею, и услышь меня.
Моавъ, умывальная чаша моя;
На Едомъ простру сапогъ мой.
Восклицай же мнѣ, земля филистимская!
Кто введетъ меня въ укрѣпленный городъ?
Кто доведетъ меня до Едома?
Не Ты ли, Боже, который отринулъ насъ,

1) 3 Цар. XI, 15.

И не выходишь, Боже, съ войсками нашими?
Подай намъ помощь въ тѣснотѣ;
Ибо защита человѣческая суетна.
Съ Богомъ мы окажемъ силу;
Онъ низложилъ враговъ нашихъ» [1]).

Но если тяжела была борьба на двухъ фронтахъ, то тѣмъ радостнѣе была побѣда въ обоихъ этихъ направленіяхъ, и восторгъ побѣдоноснаго царя выразился въ псалмѣ сто девятомъ, гдѣ боговдохновенная мысль псалмопѣвца ясно прозрѣвала и великаго Побѣдителя будущаго, принимая явно Мессіанскій оттѣнокъ:

«Сказалъ Господь Господу моему: сѣди одесную Меня,
Доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ.
Жезлъ Силы Твоей пошлетъ Господь съ Сіона:
Господствуй среди враговъ Твоихъ.
Господь одесную Тебя.
Онъ въ день гнѣва Своего поразитъ царей;
Совершитъ судъ надъ народами,
Наполнитъ землю трупами,
Сокрушитъ голову въ землѣ обширной.
Изъ потока на пути будетъ пить,
И потому вознесетъ голову» [2]).

Это же великое событіе могло послужить также причиной происхожденія и втораго псалма, такъ какъ въ это именно время «находились въ смятеніи народы и племена замышляли тщетное, возставали цари земные и князья совѣщались вмѣстѣ противъ Господа и помазанника Его», причемъ надежда Давида на помощь Божію противъ мятущихся народовъ выразилась въ восторженныхъ словахъ отъ имени Господня:

«Живущій на небесахъ посмѣется,
Господь поругается имъ.
Тогда скажетъ имъ во гнѣвѣ Своемъ,
И яростью Своею приведетъ ихъ въ смятеніе:
Я помазалъ Царя Моего надъ Сіономъ,
Святою горою Моею.
Проси у Меня и дамъ народы въ наслѣдіе Тебѣ,
Ты поразишь ихъ жезломъ желѣзнымъ;
Сокрушишь ихъ, какъ сосудъ горчечника.
Итакъ, вразумитесь цари,
Научитесь, судіи земли» [3]).

---

1) Пс. LIX, 2—7; 7—14.
2) Пс. CIX, 1, 2, 5—7.
3) Пс. II, 1, 2, 4—6, 8—10.

По своемъ возвращеніи изъ Сиріи, Давидъ присоединился къ своимъ побѣдоноснымъ полководцамъ и съ ними торжественно вступилъ въ Іерусалимъ; причемъ громадная добыча, захваченная во время этихъ походовъ, золотые щиты, богатое вооруженіе, драгоцѣнные сосуды и сотня колесницъ и коней увеличивали блескъ вступленія, свидѣтельствуя о полнотѣ и рѣшительности побѣды.

Никогда еще во всей своей жизни сынъ Іессея не торжествовалъ въ такой степени, какъ именно теперь; никогда еще надъ нимъ не восходило столь счастливаго солнца. Это былъ зенитъ его военной славы. Мы не должны умалять значенія этихъ побѣдъ въ виду той краткости сообщеній, которыя даетъ священный историкъ. Библія отнюдь не имѣетъ въ виду удовлетворять любопытству въ отношеніи подробностей великихъ битвъ и поразительныхъ событій, которыми обыкновенно наполняются новѣйшія исторіи, и о нихъ вообе сообщается только для того, чтобы указать исполненіе обѣтованій, сдѣланныхъ Аврааму за тысячу лѣтъ предъ тѣмъ, повторенныхъ во времена Моисея, и показать, какъ владычество избраннаго народа распространилось отъ предѣловъ Египта до Евфрата, отъ Чермнаго моря до моря Филистимскаго, отъ пустыни на югѣ до Ливанскихъ горъ на сѣверѣ. Другими словами, израильское владычество въ это время доходило до Еланитскаго залива Чермнаго моря и до Тапсака на рѣкѣ Евфратѣ, имѣя своей западной границей Средиземное море, и южной границей Аравійскую пустыню Суръ и Фаранъ, и на сѣверѣ обнимая Сирію, вплоть до рѣки Оронта [1]). Это былъ чудесный результатъ вѣковой борьбы. Нѣкогда задавленный и ничтожный народъ израильскій занималъ теперь почетное мѣсто между великими народами; не имѣя ни малѣйшей идеи о всемірномъ завоеваніи, вынужденный обстоятельствами распространять свое владычество вдаль и вширь, онъ достигъ въ высшей степени могущественнаго и вліятельнаго положенія, которое могло быть достигнуто только при помощи высшей руки и въ послушаніе руководящему совѣту Іеговы. Царство израильскаго народа теперь уже не было незначительнымъ, худо организованнымъ государствомъ, бывшимъ добычей сосѣднихъ хищническихъ народовъ, которые то и дѣло нападали на него, грабили города и жителей. Это была теперь могущественная монархія, которая на время повелѣвала всей

---

1) Быт. XV, 18; Втор. XI, 24; Исх. XXIII, 31

западной Азіей, и въ рукахъ которой находилась судьба многочисленныхъ народовъ, трепетно приносившихъ свою дань грозному для нихъ царю. Эту чудесную перемѣну яснѣе всего сознавалъ самъ Давидъ, и его чувства по этому поводу выразились въ томъ возвышенномъ благодарственномъ псалмѣ, который библейскій историкъ внесъ на страницы своего повѣствованія и который не только носитъ на себѣ отпечатокъ всѣхъ перенесенныхъ испытаній, но и открываетъ далекій, блистательный видъ на время пришествія Мессіи. Угрожавшія ему опасности, неоднократные случаи его чудеснаго спасенія, утвержденіе его престола, обширность его владѣній, — если всѣ эти предметы имѣютъ ближайшее отношеніе къ обстоятельствамъ земной жизни Давида, то въ то же время въ глубинѣ ихъ ясно просвѣчиваютъ и указанія на подвиги «сына Давидова» и результаты Его духовной борьбы. Такъ, въ день своего торжества сладостный пѣвецъ Израилевъ воспѣлъ такую пѣснь:

«Съ Тобою я поражаю войска,
Съ Богомъ моимъ восхожу на стѣну.
Богъ!—непороченъ путь Его,
Чисто Слово Его;
Щитъ Онъ для всѣхъ, уповающихъ на Него.
Ибо кто Богъ, кромѣ Господа,
И кто защита, кромѣ Бога нашего?
Богъ препоясываетъ меня силою,
И устрояетъ мнѣ вѣрный путь,
Дѣлаетъ ноги мои, какъ оленьи,
И на высотахъ моихъ наставляетъ меня,
Научаетъ руки мои брани,
И мышцы мои сокрушаютъ мѣдный лукъ.
Твои дѣла мнѣ щитъ спасенія моего,
И десница Твоя поддерживаетъ меня.
Ты расширяешь шагъ мой подо мною,
И не колеблются ноги мои.
И преслѣдую враговъ моихъ и настигаю ихъ.
Я не возвращаюсь, доколѣ не истреблю ихъ.
Поражаю ихъ, и они не могутъ встать;
Падаютъ подъ ноги мои.
Ибо Ты препоясалъ меня силою для войны,
И низложилъ подъ ноги мои возставшихъ на меня.
Ты избавилъ меян отъ мятежа народа,
Поставилъ меня главою иноплеменниковъ.
Народъ, котораго я не зналъ, служитъ мнѣ,
По одному слуху о мнѣ повинуются мнѣ,
Иноплеменники ласкательствуютъ предъ мною.
Иноплеменники блѣднѣютъ,
И трепещутъ въ укрѣпленіяхъ своихъ.
Ты вознесъ меня надъ возстающими противъ меня,

И отъ человѣка жестокаго избавилъ меня.
За то буду славить Тебя, Господи, между иноплеменниками.
И буду пѣть имени Твоему,
Величественно спасающій царя,
И творящій милость помазаннику Твоему, Давиду,
И потомству его во вѣки» [1]).

Исполненный благодарности Богу, благоволившему исполнить теперь свои обѣтованія относительно владѣнія землей Ханаанской, Давидъ рѣшилъ доказать свою благодарность построеніемъ величественнаго храма, который былъ бы достоинъ Господа силъ и Царя славы. У Давида было много богатствъ, накопившихся отъ добычи и дани, и онъ построилъ великолѣпный кедровый дворецъ, въ которомъ жилъ, наслаждаясь своими побѣдными лаврами. Ковчегъ завѣта, между тѣмъ, все еще находился въ скиніи. Это несоотвѣтствіе въ помѣщеніи царя земнаго и Царя небеснаго поразило Давида. Призвавъ своего приближеннаго пророка Наѳана, царь сказалъ ему: «вотъ, я живу въ домѣ кедровомъ, а ковчегъ Божій находится подъ шатромъ». Пророкъ сначала одобрилъ мысль царя и съ удовольствіемъ услышалъ, что Давидъ уже сообщилъ о своемъ намѣреніи своему другу Хираму тирскому, который оказалъ ему не малое содѣйствіе въ построеніи и царскаго дворца. Но мысли Божіи не мысли человѣческія. Въ ту же самую ночь пророку было видѣніе, которое совершенно измѣнило взглядъ его на этотъ предметъ, и ему повелѣно было запретить эту постройку на это время. Давидъ, занятый благоустройствомъ земнаго царства, не могъ приступить къ этому великому предпріятію и долженъ былъ предоставить славу совершенія его своему сыну, преемнику престола. Храмъ Всевышняго долженъ быть храмомъ мира, и потому можетъ быть построенъ только человѣкомъ, который не проливалъ крови человѣческой. Давидъ же во время своихъ многочисленныхъ войнъ много проливалъ крови, и потому недостоинъ быть строителемъ храма Богу любви и мира [1]). Но самая мысль о построеніи храма вытекала

---

[1]) Пс. XVII, 30—40, 44—46, 49—51.

[2]) Замѣчательно, что подобная же несовмѣстимость кровопролитія съ служеніемъ Богу признавалась и у другихъ древнихъ народовъ въ классическія времена. Такъ, Діомиду и Улиссу ставилось въ преступленіе то, что они прикасались къ священному палладію окровавленными руками, и Эней заставлялъ своего отца, Анхиса, нести священныя вещи во время бѣгства изъ Трои, потому что самъ онъ, какъ только-что возвратившійся изъ битвы, считалъ нечестіемъ для себя коснуться ихъ (Virg. Aen. 167, 717 и др.).

въ Давидѣ изъ добрыхъ побужденій, и потому Господь показалъ ему свою милость въ великомъ обѣтованіи. Чрезъ пророка Наѳана, Онъ открылъ ему великую будущность и предсказалъ, что Израиль твердо укрѣпится въ своей землѣ, будетъ совершенно избавленъ отъ ига враговъ и постоянно будетъ возрастать въ благоденствіи и мирѣ. Затѣмъ пророкъ присоединилъ и предсказаніе объ упроченіи царства собственно въ родѣ Давида. Если ему и не позволено воздвигнуть вещественнаго храма Господу, то Богъ сдѣлаетъ его самого «домомъ», воздвигнетъ сѣмя ему. Онъ построитъ домъ имени Божія, и престолъ его (въ духовномъ смыслѣ) будетъ утвержденъ на вѣки. «Я взялъ тебя, напоминалъ Давиду Господь, отъ стада овецъ, чтобы ты былъ вождемъ народа Моего, Израиля, и былъ съ тобою вездѣ, куда только ни ходилъ ты, и истребилъ всѣхъ враговъ твоихъ предъ лицомъ твоимъ, и сдѣлалъ имя твое великимъ, какъ имя великихъ на землѣ. Когда исполнятся дни твои, Я возстановлю послѣ тебя сѣмя твое, и упрочу царство его. Онъ построитъ домъ имени Моему, и Я утвержу престолъ царства его на вѣки. Я буду ему Отцомъ, и онъ будетъ Мнѣ Сыномъ, и если онъ согрѣшитъ, Я накажу его жезломъ мужей и ударами сыновъ человѣческихъ; но милости Моей не отниму отъ него, какъ Я отнялъ отъ Саула, котораго Я отвергъ предъ лицомъ твоимъ. И будетъ непоколебимъ домъ твой и царство твое навѣки предъ лицомъ Моимъ, и престолъ твой устоитъ во вѣки» [1]). Это было славное обѣтованіе, щедрое вознагражденіе за отказъ въ разрѣшеніи исполнить свое желаніе въ отношеніи построенія храма. Обѣтованіе это заключаетъ въ себѣ три части, изъ которыхъ одна другой возвышеннѣе. Домъ Давида будетъ царствовать вѣчно; сѣмя Давидово воздвигнетъ храмъ Господу, который Онъ сдѣлаетъ Своимъ святымъ жилищемъ, и это сѣмя будетъ возведено на степень сыновства съ Богомъ, причемъ наказаніе и отеческая любовь сочетаются съ вѣчною милостью, которая никогда не отступитъ отъ избраннаго народа. Можно ли не видѣть, что это возвышенное предсказаніе простирается гораздо дальше великаго сына Давидова, Соломона, и вообще линіи какой бы то ни было земной династіи? Монархи этого рода были провозвѣстники его осуществленія, но оно могло окончательно исплниться только въ лицѣ Мессіи, Который понесъ за насъ наказаніе, возвысилъ че-

[1]) 2 Цар. VII, 8—16.

ловѣческую природу до высочайшаго мѣстопребыванія на небѣ, и тамъ утвердилъ Свой вѣчный престолъ. И мы знаемъ изъ Откровенія, что настанетъ время, когда Христосъ покоритъ всѣхъ враговъ подъ ноги Свои, и борющаяся Церковь сдѣлается торжествующей, и, по изреченію святаго тайновидца, «отверзется храмъ Божій на небѣ, и явится ковчегъ завѣта Его въ храмѣ Его» [1]). Насколько это обѣтованіе въ его глубочайшемъ значеніи понималъ Давидъ,— въ точности опредѣлить невозможно. Но что онъ видѣлъ въ немъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ увѣреніе въ царственномъ достоинствѣ своего сына и своихъ преемниковъ, это несомнѣнно. По свидѣтельству ап. Петра, Давидъ, будучи пророкомъ, зналъ, «что Богъ съ клятвою обѣщалъ ему отъ плода чреслъ его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престолъ его» [1]). Онъ ясно признавалъ, что прежнія обѣтованія всѣ завершились въ одномъ величайшемъ, именно, что скипетръ Іакова будетъ находиться въ рукахъ его собственнаго дома, и великая надежда Израиля исполнится въ его родѣ. Сообщенное Наѳаномъ обѣтованіе наполнило сердце царя радостью и благодареніемъ. Онъ уже не думалъ больше о томъ, что ему не удалось исполнить свою лелѣянную мысль о построеніи храма; его сожалѣніе было поглощено восторгомъ въ виду того величественнаго будущаго, которое теперь открывалось предъ нимъ; его сердце было такъ исполнено чувствъ благодарности и удовлетворенія, что онъ не могъ спокойно оставаться въ своемъ дворцѣ и отправился въ святилище, гдѣ находился ковчегъ завѣта, чтобы тамъ излить свою душу предъ Господомъ, Который такъ милостиво относился къ нему. И тамъ онъ излилъ свои чувства въ молитвѣ, сохраненной библейскимъ повѣствованіемъ и состоящей изъ двухъ частей, изъ благодарности за обѣтованіе и изъ прошенія о его исполненіи. Преобладающимъ чувствомъ въ немъ было торжественное удивленіе; онъ изумлялся, что Богъ избралъ столь ничтожнаго и малоизвѣстнаго человѣка, какимъ онъ былъ, для вѣчнаго царства и для исполненія на немъ Своихъ великихъ обѣтованій, и вслѣдствіе этого онъ молился, чтобы все это исполнилось въ надлежащее время.

---

1) Откр. XI, 19.
2) Дѣян. II, 30; ср. 2 Цар. VII, 12; Пс. CXXXI, 11.

«Что я, Господи, мой Господи, молился Давидъ,
И что такое домъ мой,
Что Ты меня такъ возвеличилъ!
И этого еще мало показалось въ очахъ Твоихъ,
Господи, мой Господи;
Но Ты возвѣстилъ еще о домѣ раба Твоего вдаль.
По всему великъ Ты Господи, мой Господи!
Ибо нѣтъ подобнаго Тебѣ, и нѣтъ Бога, кромѣ Тебя,
По всему, что слышали мы своими ушами.
И Ты укрѣпилъ за Собою народъ Свой Израильскій,
Какъ собственный народъ, на вѣки,
И ты, Господи, сдѣлался его Богомъ.
И нынѣ, Господи Боже, утверди на вѣки слово,
И исполни то, что Ты изрекъ.
И нынѣ начни и благослови домъ раба Твоего,
Чтобы онъ былъ вѣчно предъ лицомъ Твоимъ,
Ибо Ты Господи, мой Господи, возвѣстилъ это,
И благословеніемъ Твоимъ содѣлается домъ
раба Твоего благословеннымъ,
Чтобы быть ему предъ Тобою во вѣки» [1]).

Годы спустя послѣ этого, уже на склонѣ своей жизни ко гробу, Давидъ глубоко сознавалъ всѣ эти надежды, и онѣ послужили предметомъ для его послѣдней рѣчи, для послѣдней лебединой пѣсни вдохновеннаго царя-псалмопѣвца [2]).

ГЛАВА XIII.

ГРѢХЪ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

Рядъ одержанныхъ Давидомъ побѣдъ возвелъ его на вершину могущества и славы. Дворецъ его блисталъ роскошью и богатствомъ и походилъ на дворцы другихъ великихъ царей древняго востока. Враги кругомъ смиренно покорились ему, платили дань и обогащали его казну. Внутри народъ благоденствовалъ, и вполнѣ наслаждался благами мудраго и справедливаго управленія. Царю и народу, видѣвшимъ, какъ все это величіе и благоденствіе было создано всемогущею помощью Іеговы, совершившаго на ихъ глазахъ столько необычайныхъ дѣлъ въ пользу своего избраннаго сѣмени, оставалось бы только смиренно благодарить Бога и добрыми дѣлами доказы-

---

[1]) 2 Цар. VII, 18—29.
[2]) 2 Цар. XXIII, 1 и слѣд.

вать, что они достойны подобнаго безпримѣрнаго благоволенія Божія. Но природа человѣческая испорчена и грѣховна, и потому такое счастливое положеніе скорѣе всего способно ослаблять смиренное упованіе на Бога и пробуждать чувства самонадѣянности и самовластія, съ неразлучнымъ отъ нихъ паденіемъ нравственной жизни, столь естественнымъ особенно при разслабляющей роскоши восточной придворной жизни. Такого искушенія не избѣгъ и Давидъ, и съ этого времени начинается новый періодъ его жизни, который представляетъ исторію его нравственнаго паденія съ неразлучными бѣдствіями.

Первымъ поводомъ къ нравственному паденію Давида было одно зло, которое всегда разъѣдало нравственную жизнь царей востока. По общераспространенному на древнемъ востокѣ мнѣнію, одною изъ принадлежностей придворнаго величія считалось множество женъ. Каждая жена имѣла свой особый дворецъ, и количество этихъ дворцовъ, съ ихъ обитательницами, въ народномъ воззрѣніи считалось признакомъ могущества и богатства государя. Моисеево законодательство, имѣя въ виду это общераспространенное зло, ясно высказывалось противъ полигаміи въ отношеніи царя израильскаго, не только запрещая связи съ женщинами изъ чужихъ народовъ, чтобы онѣ не совратили своего мужа къ идолопоклонству, но простирая то же самое неодобреніе и на браки съ лицами израильскаго происхожденія, въ случаѣ чрезмѣрнаго умноженія ихъ. Но правило это не исполнялось съ надлежащею строгостью, и общественное мнѣніе допускало извѣстное послабленіе, встрѣчавшее снисходительный взглядъ даже и со стороны религіозной власти. Давидъ вполнѣ раздѣлялъ эту слабость своего времени имѣлъ нѣсколько женъ даже во время своего изгнанія, а когда основалъ свою столицу въ Іерусалимѣ, то увеличилъ еще болѣе число ихъ, «беря себѣ болѣе наложницъ и женъ». Послѣдствія этой плотской слабости были весьма серьезны. Хотя Давидъ, умножая своихъ женъ, сначала и имѣлъ въ виду лишь только свое собственное наслажденіе или политическіе интересы государства, но однако же этимъ самымъ онъ подготовлялъ себѣ безконечныя скорби и бѣдствія. Гаремъ на востокѣ всегда служитъ мѣстомъ постояннаго соперничества, раздоровъ и злобнаго ожесточенія сердца; счастливой семейной жизни тамъ не существуетъ, а между различными вѣтвями царскаго семейства царствуютъ постоянная ненависть и

непримиримая зависть. Изъ законныхъ женъ Давида мы знаемъ имена только шести, именно, двухъ, взятыхъ имъ во время изгнанничества (Ахиноамы и Авигеи), и четырехъ въ Хевронѣ. Первая изъ хевронскихъ была Мааха, дочь Θалмая, царя Гессурскаго, то-есть, дикой и скалистой области, лежащей въ сѣверовосточномъ углу Васана, граничившей съ владѣніями Дамаска и сохранявшей независимость отъ полуколѣна Манассіина, въ предѣлахъ котораго она лежала. Именно отъ этой его жены у него родился сынъ Амессаломъ, который, какъ можно думать, и наслѣдовалъ отъ своей матери дикую натуру, свойственную жителямъ этой дикой страны. О второй, Аггиѳи, имя которой означаетъ «танцовщица», ничего опредѣленнаго неизвѣстно, кромѣ того, что она была матерью Адоніи, который, подобно Авессалому, славился своею красотою. Слѣдующая жена Авитала, «дитя росы», извѣстна только въ качествѣ матери малоизвѣстнаго князя Сафатія. Наконецъ, Егла, «телица», четвертая жена Давида, по одному еврейскому преданію, умерла, когда у нея родился сынъ Іеѳераамъ [1]). Жены, взятыя имъ въ Іерусалимѣ, уже не упоминаются поименно. Кромѣ нихъ, упоминается еще шестнадцать наложницъ, дѣти которыхъ не поименовываются. Изъ дѣтей отъ законныхъ женъ, въ библейскомъ повѣствованіи поименно называются до двадцати человѣкъ [2]), и къ нимъ впослѣдствіи прибавилось еще нѣсколько. Всѣ эти жены и ихъ семейства, придавая, конечно, болѣе блеска и величія дому царя, неизбѣжно вводили роскошь и пышность, которыя вліяли и на образъ жизни самого Давида и вообще придворныхъ. Самъ царь, находившійся теперь на вершинѣ своей славы, съ каждымъ годомъ все менѣе имѣлъ силъ воздерживаться отъ искушенія пользоваться своею безусловною властью. Въ чемъ могъ отказывать себѣ человѣкъ, обладавшій столь великимъ могуществомъ и столь большимъ богатствомъ? Оставалось ли что-нибудь такое, что было бы непозволительнымъ для столь возлюбленнаго Богомъ и народомъ царя? Давидъ и по самому своему характеру былъ склоненъ къ чувственности, но доселѣ эта наклонность въ немъ находилась подъ ограниченіемъ строго соблюдавшихся имъ законовъ и поэтому онъ чуждъ былъ всякаго нарушенія частныхъ правъ. Теперь этихъ законовъ, во всей ихъ строгости, Давидъ уже не считалъ для себя

1) 2 Цар. III, 2—5.
2) 2 Цар. III, 2—5; V, 14—16.

обязательными, и слѣдствіемъ этого было одно тяжкое преступленіе, которое повлекло за собою роковыя послѣдствія, омрачившія всю его остальную жизнь.

Первый случай грѣховнаго паденія Давида въ этомъ отношеніи произошелъ во время Аммонитской войны. Аммонитяне, несмотря на понесенное ими пораженіе, въ теченіе нѣкотораго времени удерживали свою независимость, особенно благодаря неприступной крѣпости своей столицы. Для того, чтобы окончательно смирить непокорныхъ горцевъ, Давидъ отправилъ своего полководца Іоава съ наказомъ, во что бы то ни стало взять главный городъ аммонитскій, Равву, и Іоавъ, дѣйствительно, вновь осадилъ его. Вполнѣ полагаясь на своего военачальника, самъ Давидъ остался въ Іерусалимѣ, и въ это-то время онъ совершилъ тотъ тяжкій грѣхъ, который страшнымъ бременемъ легъ на его совѣсть во всю остальную жизнь и омрачилъ все его царствованіе. Когда спадалъ полуденный зной, Давидъ имѣлъ обыкновеніе всходить на кровлю своего дворца и, пользуясь прохладой, любовался прекраснымъ видомъ своей, съ каждымъ годомъ расширяющейся и богатѣющей столицы. Обводя однажды своимъ царственнымъ взоромъ окружающіе дома, онъ, на открытомъ дворѣ одного изъ нихъ, замѣтилъ купающуюся женщину. Это была женщина въ высшей степени красивая, и ея прелести мгновенно возбудили въ немъ пламенную страсть. Царь находился въ бездѣятельномъ и благодушномъ настроеніи, когда именно человѣкъ легче всего поддается искушенію, и онъ вмѣсто того, чтобы отвратить свои взоры отъ запрещеннаго зрѣлища, пристально сталъ разсматривать женщину, пока страстное желаніе не наполнило его грудь, и онъ, какъ человѣкъ, уже отвыкшій отказывать себѣ въ исполненіи своихъ желаній, рѣшился удовлетворить и эту свою страсть. Ему, быть можетъ, сначала подумалось, что женщина эта незамужняя; но, по наведеніи справокъ касательно ея, оказалось, что это была Вирсавія, дочь Еліама, сына его совѣтника Ахитофела, и жена одного изъ его храбрѣйшихъ воиновъ,—Уріи хеттеянина, теперь находившагося въ войскѣ Іоава, подъ стѣнами Раввы. Одного этого было бы достаточно для того, чтобы подавить страсти даже языческаго деспота. Къ брачному обѣту на древнемъ востокѣ вообще относились съ крайнимъ почтеніемъ, и никто изъ старѣйшинъ народа, насколько извѣстно, никогда не пытался нарушить его. Глава народа обязанъ былъ давать примѣръ повинове-

нія закону и уваженія къ нравамъ своего народа, и болѣе всего, конечно, на его обязанности было ненарушимо охранять честь семействъ тѣхъ доблестныхъ воиновъ, которые жертвовали своею жизнью на служеніе ему. Но всѣ эти соображенія были лишь слабыми преградами на пути удовлетворенія подавляющей страсти. Разъ воспламенившаяся похоть, не находя себѣ никакого сопротивленія, неизбѣжно и роковымъ образомъ влекла ко грѣху. Давидъ не сдѣлалъ никакихъ усилій избѣжать этого сильнаго искушенія; онъ послалъ за женщиной, подавилъ въ себѣ всякое чувство смущенія, воспользовался своимъ всевластнымъ и вліятельнымъ положеніемъ для склоненія ея къ уступкѣ своимъ желаніямъ, и такъ какъ быть можетъ онъ нашелъ ее слишкомъ готовою на свое предложеніе, то онъ и взялъ ее въ домъ свой. Это было первымъ шагомъ въ страшной трагедіи. Для оправданія царя въ этомъ низкомъ дѣлѣ не мало дѣлалось попытокъ съ цѣлью отнести значительную часть вины въ этомъ грѣхѣ на самую Вирсавію. Ее обвиняли въ безстыдствѣ, съ которымъ она обнаруживала свои прелести предъ глазами царя, купаясь на открытомъ мѣстѣ, гдѣ ее легко было видѣть, а также въ поразительной готовности, съ которою она согласилась на исполненіе желанія царя въ такомъ дѣлѣ, гдѣ для нея было весьма возможно указать на строгія постановленія закона. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ предположеній нельзя отрицать доли истины, хотя, такъ какъ царскій дворецъ былъ построенъ недавно, она еще и не могла вполнѣ знать, что съ его кровли открывался свободный видъ на дворъ ея дома, и въ то же время она, быть можетъ, считала себя и не въ правѣ противиться желаніямъ столь могущественнаго государя; но, какъ бы то ни было, грѣхъ Давида очевиденъ и не допускаетъ никакой возможности для смягченія.

По окончаніи этого злополучнаго дня, соблюдая обрядовой законъ [1]), хотя и не смутившись нарушить нравственный законъ, опозоренная женщина возвратилась въ домъ свой. Прошло нѣсколько недѣль, и когда оказалось, что послѣдствій этого обоюднаго грѣха нельзя было скрывать долѣе, она послала сообщить Давиду о своемъ беременномъ состояніи. Дѣло получало крайнюю запутанность. Прелюбодѣяніе, по Моисееву закону, подлежало наказанію смертью

[1]) Левит. XV, 18.

для обоихъ виновниковъ [1]). Нужно было что-нибудь сдѣлать для избѣжанія этого закона, во что бы то ни стало скрыть грѣхъ и отвратить отъ него общественное вниманіе. Богатый жизненнымъ опытомъ, Давидъ видѣлъ, что самый лучшій способъ скрыть преступленіе заключается въ томъ, чтобы вызвать на время домой Урію, заставить его провести ночь въ собственномъ домѣ, чтобы такимъ образомъ онъ могъ считаться отцомъ имѣющаго родиться ребенка. Вслѣдствіе этого онъ немедленно отправилъ Іоаву приказъ командировать Урію въ Іерусалимъ съ какимъ-нибудь порученіемъ. По прибытіи этого храбраго воина въ Іерусалимъ, царь, сдѣлавъ нѣсколько разспросовъ касательно хода осады Раввы и вообще состоянія войска, милостиво отпустилъ Урію, позволяя ему отправиться домой и отдохнуть послѣ продолжительнаго путешествія, причемъ даже въ знакъ особенной милости послалъ ему часть пищи отъ своего собственнаго стола, что считалось особенною честью на востокѣ. Было ли у Уріи какое-нибудь подозрѣніе касательно связи его жены съ царемъ,—неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, онъ не сдѣлалъ того, что предполагалъ царь. Вмѣсто того, чтобы пойти въ свой домъ, какъ это и было бы вполнѣ естественно для него, онъ провелъ ночь во дворцѣ вмѣстѣ съ остальными царскими слугами, съѣлъ предоставленную ему часть царской пищи въ общемъ помѣщеніи и провелъ ночь тамъ, гдѣ спали придворные слуги. На вопросъ, почему онъ поступилъ именно такъ, Урія отвѣчалъ, что онъ считалъ для себя непристойнымъ наслаждаться всѣми удобствами домашней жизни и обществомъ своей жены, когда ковчегъ Господень находился на полѣ и его сотоварищи заняты были тяжелыми трудами по несенію царской службы. Въ этомъ онъ обнаружилъ высокое сознаніе своего долга, какимъ и вообще отличался отрядъ гибборимовъ, и тѣмъ самымъ представилъ поразительный контрастъ чувственности и самоуслажденію царя израильскаго. Давидъ, узнавъ о всемъ этомъ, удержалъ Урію еще на одинъ день, въ надеждѣ, что онъ, наконецъ, рѣшится переночевать въ своемъ домѣ. Онъ угостилъ воина за своимъ собственнымъ столомъ и напоилъ его виномъ; но даже и послѣ такого угощенія, Урія не позволилъ себѣ допустить какую-либо слабость и сдѣлать то, чего желалъ царь, и опять слѣдующую ночь провелъ въ домѣ царя вмѣ-

---

[1]) Левит. XX, 10.

стѣ съ придворными служителями. Такимъ образомъ, если-бы впослѣдствіи возникъ вопросъ о происхожденіи ребенка Вирсавіи, то ея мужъ вполнѣ могъ сослаться на придворныхъ служителей въ доказательство прелюбодѣянія своей жены. Давидъ видѣлъ все это, и тогда, не имѣя возможности какимъ бы то ни было образомъ скрыть совершенный грѣхъ, онъ рѣшился на дальнѣйшее, еще болѣе страшное преступленіе. Теперь уже стало ясно, что иначе ничего нельзя было сдѣлать. Теперь, во что бы то ни стало, нужно было устранить самого Урію, и этой цѣли нужно было достигнуть какимъ-нибудь способомъ, который бы не возбуждалъ ни въ комъ подозрѣнія и считался простою случайностью войны. Но для того, чтобы достигнуть этого, необходимо было хотя отчасти посвятить въ это дѣло Іоава и воспользоваться властью главнокомандующаго для исполненія задуманнаго. Съ этою цѣлью онъ написалъ въ лагерь письмо и отправилъ его съ самимъ Уріей, отнюдь не подозрѣвавшимъ, что въ этомъ письмѣ заключался ему смертный приговоръ. Въ письмѣ царь писалъ слѣдующее: «поставьте Урію тамъ, гдѣ будетъ самое сильное сраженіе, и отступите отъ него, чтобы онъ былъ пораженъ и умеръ». Въ объясненіе такого приказа не приводилось никакихъ причинъ. Іосифъ Флавій, правда, увѣряетъ [1]), что будто царь прибавлялъ, человѣкъ этотъ совершилъ преступленіе, достойное смерти; но библейскій повѣствователь не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на подобное обвиненіе, да и самъ Іоавъ едва ли имѣлъ основаніе требовать объясненія для столь роковаго приказа. Кромѣ того, если-бы Урія былъ обвиняемъ по закону, то не было бы надобности добиваться его гибели столь коварнымъ образомъ. Іоавъ видѣлъ, что въ основѣ этого повелѣнія лежало какое-нибудь тайное побужденіе, и хотя онъ могъ и не знать всей сущности дѣла, тѣмъ не менѣе онъ всегда былъ готовъ исполнить царское повелѣніе. Мало того, въ данномъ случаѣ, онъ имѣлъ даже особыя причины съ готовностью исполнить подобное приказаніе. Царь такимъ образомъ отчасти самъ отдавался въ его руки; послѣ этого онъ уже не могъ долѣе упрекать своего племянника въ измѣнническомъ умерщвленіи Авенира, такъ какъ и самъ навлекалъ на себя подобную же вину. Дѣлая Іоава своимъ соучастникомъ въ преступленіи, онъ лишалъ себя права укорять послѣдняго за ка-

[1]) Antiq, VII, 7, 1.

кія-нибудь его насильственныя дѣйствія и давалъ основаніе для сильныхъ сомнѣній касательно искренности его религіозности и для подозрѣнія, что въ дѣйствительности царь былъ столь же беззаконнымъ и беззастѣнчивымъ, какъ и самъ Іоавъ. Приводя въ исполненіе столь коварный замыселъ противъ жизни одного изъ своихъ вѣрныхъ воиновъ, вспомнилъ ли Давидъ о подобныхъ же коварныхъ замыслахъ, нѣкогда составлявшихся противъ него Сауломъ, и о Провидѣніи, которое тогда разрушало эти замыслы? Ясно ли онъ представлялъ себѣ ту бездну грѣховности, въ которую погружался теперь онъ, помазанникъ Божій? Поистинѣ, жесточайшее иго грѣховности принималъ на себя Давидъ и подготовлялъ страшныя скорби и муки для своего нѣжнаго и чувствительнаго сердца!

Іоавъ въ точности исполнилъ желаніе царя; храбрый Урія былъ поставленъ во главѣ атакующаго отряда и вмѣстѣ съ другими палъ жертвой своей собственной доблести, такъ какъ онъ, вѣроятно, слишкомъ близко подошелъ къ укрѣпленіямъ непріятеля. «Когда я нагнулся надъ крутой скалой развалинъ города Раввы», говоритъ Олифантъ, «и взглянулъ внизъ на 300 футовъ въ одну вади и на 400 футовъ въ другую, то не удивлялся, что царю Давиду пришла мысль, что здѣсь, подъ этими твердынями, найдетъ несомнѣнную смерть всякій отважный воинъ, вслѣдствіе чего Іоавъ и назначилъ это мѣсто для Уріи. Единственно возможный пунктъ, съ котораго можно было приближаться къ стѣнамъ города, находился на той вершинѣ, гдѣ низкій хребетъ соединяетъ цитадель съ высокой площадкой за нею; но даже и здѣсь приходилось взбираться почти на неприступный откосъ. Часть колоссальныхъ воротъ и прикрывающая ихъ массивная стѣна, въ томъ пунктѣ, гдѣ низкій хребетъ соединяется съ вершиною треугольника, еще остается и теперь въ доказательство истины этого повѣствованія, и даетъ возможность въ точности опредѣлить мѣсто, гдѣ нашелъ свою судьбу злополучный Урія [1]). Извѣстіе объ этомъ событіи немедленно было отправлено Давиду, который принялъ его съ большимъ самообладаніемъ, и даже выразилъ посланному свое негодованіе за то, что воины подходили сражаться слишкомъ близко къ стѣнамъ города. Посланный вполнѣ объяснилъ, какъ было дѣло. «Одолѣвали

[1]) Oliphant, Land of Gilead, p. 260.

насъ тѣ люди, говорилъ онъ, и вышли къ намъ въ поле, и мы преслѣдовали ихъ до входа въ ворота. Тогда стрѣляли стрѣлки со стѣны на рабовъ твоихъ, и умерли нѣкоторые изъ рабовъ царя; умеръ также и рабъ твой Урія хеттеянинъ». Какбы сожалѣя о злополучномъ Уріи, Давидъ поручилъ посланному передать Іоаву, чтобы все это дѣло не смущало его, «ибо мечъ поядаетъ иногда того, иногда сего». Чтобы вознаградить себя за этотъ уронъ, царь наказалъ только главнокомандующему усилить дѣйствія противъ города и во что бы то ни стало взять и разрушить его. Такимъ способомъ царь старался набросить тѣнь случайности на свои грѣховные поступки. Вирсавія, быть можетъ, ничего не знавшая о томъ коварствѣ, жертвой котораго сдѣлался ея мужъ, провела обычные семь дней въ оплакиваніи мужа, и затѣмъ взята была въ домъ Давида, и сдѣлалась его женою, причемъ съ бракомъ этимъ царь торопился, съ цѣлью, по возможности, скрыть позоръ его. Но конечно истина сама выдавала себя; положеніе царя было такое, что его дѣйствія были предметомъ общаго наблюденія, и свѣтъ публичности ярко озарялъ всю его частную жизнь. Не трудно поэтому представить, какое тяжелое впечатлѣніе повсюду произвело все это событіе; такія преступленія потрясали нравственныя чувства народа и заставляли опасаться, что царь, къ которому съ такимъ восторгомъ относился доселѣ народъ, вступалъ на такой путь, который не обѣщалъ ничего хорошаго. Но еще важнѣе общественнаго мнѣнія было то, что это страшное преступленіе не укрылось отъ правосудія Божія, «и было это дѣло, которое сдѣлалъ Давидъ, зло въ очахъ Господа».

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ этого злополучнаго брака, Іоавъ сталъ просить Давида лично принять участіе въ осадѣ Раввы, чтобы воодушевить войска и ускорить его взятіе. Эта просьба вполнѣ совпадала съ собственнымъ настроеніемъ Давида, который несомнѣнно уже началъ страдать отъ угрызеній совѣсти и теперь искалъ возможности, какими-нибудь внѣшними дѣлами, хотя сколько-нибудь отвлечь свое вниманіе и даже удалиться отъ мѣста совершеннаго грѣха. Вслѣдствіе этого, Давидъ дѣйствительно отправился въ походъ, и съ его прибытіемъ на мѣсто дѣйствія началась болѣе усиленная и настойчивая осада города. Добыча послѣднихъ войнъ дала израильтянамъ въ руки лучшее оружіе, и пріобрѣтенная ими опытность давала имъ возможность вести нападеніе съ большей надеждой на успѣхъ, чѣмъ раньше. Равва, какъ мы видѣли, раздѣля-

лась на верхній и нижній города, изъ которыхъ первый былъ кремлемъ, а послѣдній «городомъ водъ», такъ какъ онъ лежалъ на потокѣ, который, вѣроятно, здѣсь, посредствомъ плотины, былъ превращенъ въ прудъ или озеро. Воодушевленные присутствіемъ царя, израильтяне сдѣлали сильный приступъ къ городу и завладѣли нижнею его частью. Но, достигнувъ этого, они могли уже вполнѣ разсчитывать на скорое паденіе самого кремля, такъ какъ теперь источникъ снабженія кремля водою находился въ ихъ рукахъ, и они могли совершенно лишить воды осажденныхъ. Но, не дожидаясь даже и этого, Давидъ сдѣлалъ новый приступъ на столицу, и защитники ея, потерявъ всякую надежду на возможность дальнѣйшей борьбы, опустили руки, и Равва сдалась, такъ что побѣдители воспользовались большимъ запасомъ добычи, захватили національнаго идола аммонитянъ и множество драгоцѣнностей, оцѣнивавшихся въ таланъ золота, то-есть въ 125,000 рублей. Между драгоцѣнностями была и царская корона, которую преподнесли царю въ качествѣ принадлежащей ему части добычи, и отселѣ эта корона сдѣлалась одною изъ принадлежностей его царственнаго одѣянія, носимаго имъ въ торжественныхъ процессіяхъ. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ жителей, какъ нижняго, такъ и верхняго города, подвергнуты были жестокому наказанію, подобному тому, какому раньше подвергнуты были и моавитяне. Они были разрубаемы или распиливаемы на части, клались подъ острые зубцы молотильныхъ валовъ, и, подобно тому, какъ эти идолопоклонники заставляли своихъ дѣтей проходить чрезъ огонь Молоху, такъ и сами теперь были сожигаемы въ горнахъ для обжиганія кирпичей. Это былъ варварскій вѣкъ. Даже Моисеево законодательство требовало возмездія: «око за око, и зубъ за зубъ»; и такъ какъ аммонитяне всегда славились своею безчеловѣчною жестокостью и безжалостною враждебностью, то и должны были теперь понести на себѣ подобное же возмездіе. Такое суровое наказаніе показывало имъ и сосѣднимъ народамъ, что съ израильтянами нельзя враждовать безнаказанно, и что мечтѣ, которую они лелѣяли, касательно уничтоженія избраннаго народа, не суждено исполниться. Жестокость эта простиралась только на военныхъ людей и, быть можетъ, на тѣхъ изъ жителей, которые захвачены были съ оружіемъ въ рукахъ, а всѣ остальные жители оставлены были въ мирномъ обладаніи своими домами. За братомъ царя Аннона даже было оставлено его высокое положеніе, и впослѣдствіи,

во время возмущенія Авессалома, онъ даже оказывалъ помощь Давиду, доставляя провизію и другіе предметы потребности для царственнаго бѣглеца.

И вотъ, во главѣ побѣдоносной арміи, до небесъ восхваляемый преданными ему воинами и сопровождаемый огромной и драгоцѣнной добычей, Давидъ опять возвратился въ Іерусалимъ. При этомъ у него невольно явилась мысль, что совершенный имъ грѣхъ теперь уже забытъ всѣми, произведенное имъ смущеніе изгладилось, и онъ можетъ опять вести спокойную и пріятную жизнь. Но вскорѣ онъ долженъ былъ узнать, что грѣхъ влечетъ за собою роковыя послѣдствія, и что нельзя совершить преступленія, не подготовляя себѣ бѣдствій въ будущемъ. Да и вообще можно спросить, былъ ли счастливъ и спокоенъ Давидъ даже въ настоящемъ положеніи торжества и общаго восторга его войска и народа по случаю новой одержанной побѣды? Удалось ли ему вообще подавить и успокоить тревогу своей совѣсти? Могъ ли столь благочестивый и добрый по природѣ человѣкъ достигнуть холоднаго безразличія безъ сильной внутренней борьбы? Настолько ли душа его огрубѣла отъ грѣховной страсти, что въ немъ уже не шевелилось лучшихъ чувствъ, заставлявшихъ его раскаяться въ совершенномъ преступленіи и стремиться къ какому-нибудь удовлетворенію? Можно быть увѣреннымъ, что даже и во время этого торжества царь не чувствовалъ себя счастливымъ, а напротивъ ощущалъ въ своемъ сердцѣ страшныя тревогу и безпокойство. Тѣ чувства, которыя волновали его въ это время, нашли яркое выраженіе въ слѣдующихъ стихахъ псалма:

«Блаженъ, кому отпущено беззаконіе,
И чьи грѣхи покрыты!
Блаженъ человѣкъ, которому Господь не вмѣнитъ грѣха,
И въ чьемъ духѣ нѣтъ лукавства!
Когда я молчалъ,
Обветшали кости мои отъ вседневнаго стенанія моего,
Ибо день и ночь тяготѣла надо мною рука Твоя.
Свѣжесть моя исчезла, какъ въ лѣтнюю засуху» [1]).

При такомъ состояніи, для Давида, очевидно, нуженъ былъ лишь какой-нибудь внѣшній поводъ для того, чтобы заструился въ немъ потокъ покаянія и открылся путь для сердечной исповѣди глубо-

---

1) Пс. XXI, 1—4.

чайшаго сокрушенія, и это внѣшнее побужденіе, по милости Божіей, дано было Давиду.

Грѣховный годъ жизни Давида приближался къ концу, и прикрытая брачнымъ вѣнцомъ прелюбодѣйная Вирсавія разрѣшилась въ царскомъ дворцѣ сыномъ. Когда царь подавилъ всѣ отягчавшія его душевныя сомнѣнія при видѣ радости по случаю рожденія сына, въ это время надъ нимъ какъ разъ разразился грозный приговоръ недремлющаго правосудія Божія въ лицѣ пророка Наѳана. Этотъ неизмѣнный совѣтникъ благочестиваго царя, получивъ высшее откровеніе о совершенномъ Давидомъ преступленіи, явился къ нему, какбы въ качествѣ ходатая за нанесенную одному беззащитному человѣку обиду. Онъ разсказалъ ему о случаѣ одной вопіющей несправедливости, которая не могла не возбудить негодованія въ чуткомъ къ справедливости сердцѣ Давида. Въ одномъ городѣ, передавалъ Наѳанъ Давиду, были два человѣка: одинъ—богатый, а другой—бѣдный. У богатаго было очень много мелкаго и крупнаго скота; а у бѣднаго ничего, кромѣ одной овечки, которую онъ купилъ маленькою и выкормилъ, такъ что она выросла у него вмѣстѣ съ дѣтьми, была общей любимицей дома, ѣла отъ его хлѣба и пила изъ его чаши, и вообще была какбы дочь у него. Однажды къ богатому человѣку пришелъ странникъ, и тотъ пожалѣлъ взять изъ своихъ овецъ или воловъ, чтобы приготовить угощеніе для странника, и съ жестокимъ безсердечіемъ отнялъ овечку у бѣдняка и изъ ня приготовилъ угощеніе для своего гостя. Услышавъ о столь вопіющей несправедливости, Давидъ сильно разгнѣвался и, пылая негодованіемъ на то, что въ его государствѣ возможны такія несправедливости, громко сказалъ Наѳану: «живъ Господь! достоинъ смерти человѣкъ, сдѣлавшій это». И когда онъ сталъ болѣе подробно перечислять, какъ долженъ этотъ безсердечный богачъ вознаградить бѣдняка не только за нанесенную ему потерю, но и за то, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго состраданія, изъ устъ пророка прогремѣли страшныя для него слова: «ты тотъ человѣкъ, который сдѣлалъ это! Ты тотъ хищникъ, который сдѣлалъ эту вопіющую несправедливость, и ты, по твоимъ собственнымъ словамъ, заслуживаешь этого наказанія». Предъ изумленнымъ и устрашеннымъ царемъ тотчасъ же раскрылась страшная бездна совершеннаго имъ преступленія, и онъ стоялъ предъ пророкомъ въ безмолвномъ трепетѣ. А пророкъ, продолжая свою грозную рѣчь, началъ обличать

его во всемъ, что онъ сдѣлалъ вопреки закона, справедливости и собственнаго предназначенія. «Такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ, продолжалъ пророкъ: Я помазалъ тебя въ царя надъ Израилемъ, и Я избавилъ себя отъ руки Саула, и далъ тебѣ домъ господина твоего и женъ господина твоего на лоно твое, и далъ тебѣ домъ Израилевъ и Іудинъ, и если этого для тебя мало, прибавилъ бы тебѣ еще больше. Зачѣмъ же ты пренебрегъ слово Господа, сдѣлавъ злое предъ очами Его? Урію хеттеянина ты поразилъ мечемъ; жену его взялъ себѣ въ жену, а его ты убилъ мечемъ аммонитянъ» [1]). Каждое изъ этихъ словъ пророка было какбы страшнымъ раскатомъ грома для души Давида и молніеносной стрѣлой, уязвлявшей ему сердце. Тутъ во всемъ ужасѣ раскрывалась предъ нимъ его преступность, жестокость и допущенная имъ низость. Подавленный всѣмъ этимъ, царь продолжалъ безмолствовать, а пророкъ закончилъ свое обличеніе объявленіемъ наказанія, которое ожидаетъ его въ будущемъ. За разрушеніе имъ счастливаго семейнаго очага Уріи мечомъ и позоромъ, мечъ и позоръ отселѣ будутъ разрушать и его собственную жизнь, и притомъ еще въ худшей степени. «Вотъ Я воздвигну на тебя зло изъ дома твоего, и возьму женъ твоихъ предъ глазами твоими, и отдамъ ближнему твоему, и будетъ онъ спать съ женами твоими предъ этимъ солнцемъ. Ты сдѣлалъ тайно; а Я сдѣлаю это предъ всѣмъ Израилемъ и предъ солнцемъ». Пораженный такимъ неожиданнымъ изобличеніемъ страшнаго преступленія, царь затрепеталъ въ своей преступной совѣсти и смирился. Въ полномъ сокрушеніи сердца, онъ воскликнулъ: «согрѣшилъ я предъ Господомъ». Пророкъ изрекъ ему немедленно наказаніе, что хотя самъ онъ и прощенъ Богомъ и не умретъ, но за свое преступленіе долженъ понести страданіе въ лицѣ своего новорожденнаго сына, который, какъ плодъ преступленія, не долженъ жить. Это еще болѣе удручило душу Давида, и онъ, въ страшной скорби, ожидалъ исполненія приговора, который и сталъ немедленно приводиться въ исполненіе. Новорожденный подвергся смертельной болѣзни. Преступленія Давида становились все болѣе извѣстными, и невѣрующіе, какъ среди язычниковъ, такъ и среди израильтянъ, начинали дерзко издѣваться надъ религіей, исповѣдники которой такъ нарушали ея правила и Богъ которыхъ будто бы потворство-

1) 2 Цар. XII, 7—9.

валъ прелюбодѣю и убійцѣ. Волнуемый чувствами стыда и горечи, Давидъ не зналъ, что́ дѣлать, и въ отчаяніи обращался съ покаянной молитвою къ Богу, думая, что по крайней мѣрѣ въ утѣшеніе ему будетъ отмѣненъ приговоръ о смерти ребенка. Онъ отправился въ свое помѣщеніе, изливалъ свою душу въ искренней молитвѣ, не принималъ пищи и всю ночь пролежалъ на землѣ. Его приближенные съ изумленіемъ и страхомъ прислуживали ему, побуждая его встать и поѣсть хлѣба, но онъ оставался глухимъ къ этимъ просьбамъ и свои мысли всецѣло сосредоточивалъ на одномъ предметѣ, чтобы Богъ сохранилъ жизнь ребенка и этимъ далъ ему знакъ своего помилованія. Но грѣхъ его былъ слишкомъ великъ, чтобы можно было отмѣнить данный свыше приговоръ. По прошествіи недѣли страданія, ребенокъ умеръ, и приближенные опасались сообщить Давиду объ этомъ, думая, что вѣсть эта еще болѣе усилитъ его и безъ того ужасныя страданія. Но ихъ взгляды и шепотливые переговоры сами по себѣ показали Давиду, въ чемъ дѣло, и, въ отвѣтъ на свой вопросъ, онъ получилъ сообщеніе, что молитва его оказалась безплодною. Услышавъ это, вмѣсто того, чтобы предаваться безграничной скорби и отчаянію, какъ думали его друзья, Давидъ поднялся съ земли, вымылся и помазался; перемѣнивъ свою одежду и смиренно подчиняясь волѣ Божіей, онъ направился въ скинію для молитвы, и только уже по возвращеніи изъ нея, взялъ хлѣба и подкрѣпилъ себя. Все это казалось чрезвычайно страннымъ для его приближенныхъ, но онъ самъ объяснилъ имъ это. Въ то время, когда ребенокъ былъ еще живъ, у него оставалась надежда; когда же жизнь эта погасла, для Давида ничего не оставалось, кромѣ какъ подчиниться волѣ Божіей и ожидать милости Божіей. «Развѣ я могу возвратить его? говорилъ Давидъ. Я пойду къ нему, а онъ не возвратится ко мнѣ». Покорность его волѣ Божіей была совершенная, какъ было искреннимъ и глубокимъ его покаяніе. Все это событіе глубоко запало въ душу Давида, и сокрушеніе его сердца выразилось въ пламенномъ покаянномъ псалмѣ, который навсегда сталъ покаянною молитвою всякаго кающагося грѣшника. Выражая свое сокрушеніе о грѣхахъ и прося милости Божіей, Давидъ восторженно молился:

«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей,
И по множеству щедротъ Твоихъ изгладь беззаконія мои.
Многократно омой меня отъ беззаконія моего,

И отъ грѣха моего очисти меня.
Отврати лицо мое отъ грѣховъ моихъ,
И изгладь всѣ беззаконія мои.
Сердце чистое сотвори во мнѣ, Боже,
И духъ правый обнови внутри меня.
Возврати мнѣ радость спасенія Твоего.
И духомъ владычественнымъ утверди меня.
Господи, отверзи уста мои,
И уста мои возвѣстятъ хвалу Твою,
Ибо жертвы Ты не желаешь,—я далъ бы ее;
Ко всесожженію не благоволишь;
Жертва Богу духъ сокрушенный;
Сердце сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже» [1]).

По прошествіи дней оплакиванія и скорби, Давидъ возвратился къ своей обыденной жизни и утѣшалъ свою возлюбленную Вирсавію. Съ теченіемъ времени у нея родился другой сынъ, котораго царь, видя въ этомъ доказательство принятія своего покаянія и возстановленія мира съ Богомъ, назвалъ Соломономъ, то-есть «мирнымъ». Увѣреніе въ этомъ примиреніи получено было затѣмъ и отъ пророка Наѳана, которому поручено было дать ребенку еще и другое имя Іедидія, «возлюбленный Господомъ», изъ чего отецъ получалъ увѣренность, что его сынъ не умретъ преждевременно и что онъ будетъ одаренъ необычайными качествами. Вирсавія сдѣлалась матерью и другихъ сыновей: Шимы, Шовава и Наѳана (имя котораго значится и въ родословной Спасителя), но Соломонъ былъ самымъ дорогимъ изъ нихъ, такъ какъ ему предназначена была наибольшая слава въ будущемъ.

Вскорѣ послѣ рожденія Соломона, какбы съ цѣлью воспрепятствовать Давиду забыть свое паденіе и понести въ возмездіе за нею наказаніе, старшимъ его сыномъ было совершено страшное преступленіе. Преступленіе это также было результатомъ того развращающаго обычая полигаміи, которая была причиной столь многихъ распрей и преступленій. Роскошная жизнь въ гаремѣ, обычная въ немъ чувственность сами собою способствовали введенію распущенности нравовъ среди младшихъ членовъ царскаго семейства. Эта распущенность находила нѣкоторое поощреніе въ собственномъ примѣрѣ Давида, и теперь онъ долженъ былъ увидѣть отраженіе своего собственнаго грѣха въ преступленіи другаго. Сынъ его первой жены, Ахиноамы, Амнонъ, возымѣлъ преступную страсть къ своей пре-

[1]) Пс. L, 3, 4, 11, 12, 14, 17—19.

красной сводной сестрѣ Ѳамари, единоутробной сестрѣ Авессалома и дочери третьей жены Давида Маахи. Амнонъ былъ человѣкъ буйнаго и настойчиваго характера, мечтательный распутникъ, не привыкшій воздерживать своихъ желаній и не смущавшійся никакими средствами въ достиженіи ихъ удовлетворенія. Отдаваясь своей преступной страсти, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ и чахъ вслѣдствіе того, что не могъ сразу же удовлетворить своего плотскаго желанія. Строгія постановленія Моисеева закона [1]), запрещавшіе всѣ эти преступныя связи, не имѣли для него никакого вразумляющаго значенія, и отчужденіе царскихъ семействъ, жившихъ въ различныхъ домахъ подъ надзоромъ своихъ особыхъ матерей, способствовало ослабленію связей кровнаго родства; но путь къ этимъ связямъ преграждали еще и другія обстоятельства. Въ восточныхъ домахъ всегда существовала строгая заключенность, которая дѣлала всякое сближеніе съ дѣвицей затруднительнымъ; препятствіемъ къ этому могла служить и собственная скромность дѣвицы, которая страшилась самой мысли о безчестіи; кромѣ того, судя по выраженію библейскаго повѣствователя [2]), можно думать, что, или по собственному желанію, или по желанію своей родительницы, она приняла на себя обѣтъ цѣломудрія. Въ виду такихъ препятствій, Амнонъ отчаявался въ успѣхѣ, и эта неудача постоянно мучила его до того, что разрушительно вліяла на самое его здоровье, и онъ заболѣлъ. Но у него былъ другъ, нѣкій Іонадавъ, сынъ его дяди Самая, хитрый, безсердечный, беззастѣнчивый паразитъ, который, замѣтивъ перемѣну въ его лицѣ и узнавъ отъ него о причинѣ, предложилъ планъ, при посредствѣ котораго онъ могъ достигнуть цѣли своего желанія. Онъ посовѣтовалъ ему притвориться серьезно больнымъ и лечь на постель, когда, какъ онъ былъ увѣренъ, его отецъ придетъ спросить его касательно болѣзни, онъ долженъ воспользоваться преимуществомъ больного человѣка и заявить, что ему захотѣлось подкрѣпить себя пищею, приготовленной при его глазахъ его сестрой Ѳамарью. Амнонъ тотчасъ же согласился на этотъ преступный замыселъ, и все именно случилось такъ, какъ предсказалъ этотъ негодный совѣтникъ. Ѳамари, которая славилась своимъ искусствомъ въ приготовленіи кушаній, отецъ велѣлъ пойти въ домъ Амнона и

---

1) Левит. XVIII, 9, 11.

2) 2 Цар. XIII, 2; «ибо она была дѣвица».

приготовить предъ его глазами «лепешку», которой онъ желалъ, и передать его слугамъ для предложенія больному. Ѳамарь сдѣлала все, какъ ей было сказано, замѣсила муки, испекла лепешку и велѣла слугѣ передать ее больному брату. Амнонъ, однако, отказался есть или принять кушанье изъ его рукъ, и какъ будто бы будучи не въ силахъ выносить присутствія своихъ прислужниковъ и нуждаясь въ совершенномъ покоѣ, велѣлъ всѣмъ, кромѣ Ѳамари, оставить комнату, и просилъ ее, чтобы она сама подала ему кушанье. Благородная дѣвица, не подозрѣвая ничего худаго, принесла лепешку къ самой его постели, и тогда мнимый больной, схвативъ ее за руку, сдѣлалъ ей преступное предложеніе. Устрашенная этимъ, она рванулась отъ него, умоляя его оставить свою гнусную мысль и серьезно говоря ему: «нѣтъ, братъ мой, не безчести меня; ибо не дѣлается такъ въ Израилѣ: не дѣлай этого безумія» [1]). Въ страшномъ смущеніи, желая какъ-нибудь выиграть время, или думая даже, что царь имѣетъ возможность отмѣнить дѣйствіе существующаго закона, она кричала ему: «и я, куда пойду я съ моимъ безчестіемъ? И ты, ты будешь одинъ изъ безумныхъ въ Израилѣ. Ты поговори съ царемъ; онъ не откажетъ отдать тебѣ меня». Но все было напрасно. Несмотря на ея сопротивленіе, Амнонъ достигъ своей цѣли, и затѣмъ, когда уже было совершено гнусное дѣло, въ немъ вдругъ совершился крутой переворотъ чувствъ; любовь, насколько было ея, вдругъ измѣнилась въ страшную ненависть, и онъ грубо гналъ ее отъ себя. Напрасно она умоляла, что такое обращеніе съ ней хуже для нея, чѣмъ первое преступленіе, такъ какъ оно дастъ знать повсюду о ея позорѣ и заклеймитъ ее названіемъ безстыдной женщины, которая сама, будто бы, явилась соблазнительницей. А этого именно и желалъ развратный негодяй; онъ позвалъ одного служителя и приказалъ ему грубо вывести дѣвицу изъ комнаты, какъ будто самое ея присутствіе было для него оскверненіемъ, и злополучная жертва была безъ всякаго смущенія выгнана, чтобы подвергнуться скорби и позору на всю жизнь.

Обезчещенная княжна не могла скрывать преступнаго поступка Амнона; разодравъ свою разноцвѣтную одежду, какую носили молодыя дочери царя, посыпавъ себя пепломъ и положивъ руку на голову себѣ, въ знакъ невыразимой скорби, она съ

---

1) 2 Цар. XIII, 10; Быт. XXXIV, 7.

плачемъ пошла въ домъ своего брата Авессалома. Когда Авессаломъ услышалъ отъ нея о всѣхъ подробностяхъ дѣла, то запылалъ неукротимымъ гнѣвомъ, но на время подавилъ въ себѣ эту ярость, для того, чтобы выждать благопріятнаго случая для отмщенія за позоръ своей сестры. Онъ просилъ ее молчать до времени и не принимать всего этого дѣла близко къ сердцу, хотя это былъ такой совѣтъ, который легко было дать, но не легко исполнить, и несчастная дѣвица, жизнь которой навсегда была омрачена безчестіемъ и совершеннымъ надъ ней преступленіемъ, оставалась въ заключеніи. А что же сталось съ Амнономъ, виновникомъ самаго злодѣянія? Неужели онъ не потребованъ былъ къ отвѣтственности за свой безчестный поступокъ? Нѣтъ; Авессаломъ не сказалъ ему ни одного слова, ни добраго, ни худаго, предоставляя рѣшеніе дѣла времени. Самъ отецъ, хотя и былъ весьма разгнѣванъ, однако же не наказалъ злодѣя, какъ это онъ обязанъ былъ бы сдѣлать. Его собственныя руки были не чисты, и поэтому онъ естественно чувствовалъ склонность относиться къ дѣлу болѣе снисходительно, чѣмъ слѣдовало. Правда, священнымъ закономъ установлено было наказаніе смертью за такое преступленіе [1]); но такъ какъ Давидъ и самъ нѣкогда совершилъ подобное же преступленіе, то онъ не могъ осуждать и другаго за то, къ чему снисходительно относился въ своей собственной личности. Греческіе переводчики, которымъ слѣдуетъ и латинская Вульгата, даютъ и другую причину для его бездѣятельности: «онъ не опечалилъ духа Амнона, сына своего, ибо любилъ его, потому что онъ былъ первенецъ его» [2]). Эта слабость имѣла роковыя послѣдствія. Она глубоко оскорбила Авессалома и дала новый поводъ къ исполненію задуманнаго имъ мщенія. Этотъ надменный юноша не могъ выносить, чтобы съ его сестрой, происходящей отъ царскаго рода съ обѣихъ сторонъ, поступалъ какъ съ обыкновенной блудницей человѣкъ, мать котораго была низкаго происхожденія, и чтобы дерзкій оскорбитель остался ненаказаннымъ, не неся наказанія ни лично, ни въ своемъ положеніи, ни въ своей чести. Амнонъ заслуживалъ смерти, и поэтому онъ долженъ умереть. Жажда мщенія здѣсь совпадала съ честолюбіемъ. Въ случаѣ устраненія первороднаго сына, самому Авессалому могла открыться надежда на достиженіе престола, потому что его втораго сына, Хилеава,

---

1) Левит. XVIII, 9, 29.

2) 2 Цар. XIII, 21.

вѣроятно не было въ живыхъ, или это былъ совершенно спокойный человѣкъ, который не принималъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, и поэтому не могъ стоять на пути въ честолюбивомъ стремленіи своего брата. Ни Давидъ, ни Авессаломъ никогда не думали о томъ, чтобы совершенное преступленіе было какъ-нибудь заглажено бракомъ; очевидно, мысль о такомъ бракѣ считалась незаконной и немыслимой въ св. землѣ. Братъ чувствовалъ, что, при бездѣятельности своего отца, на немъ лежала обязанность отмстить за честь своей сестры, и что безчестіе могло быть смыто только кровью преступника, подобно тому, какъ Симеонъ и Левій нѣкогда отмстили за безчестіе своей сестры Дины избіеніемъ сихемцевъ, и какъ въ настоящее время, въ случаѣ, если какой-нибудь арабъ оскорбляетъ дѣвицу, ея братья считаютъ для себя обязанностью преслѣдовать соблазнителя до самой смерти [1]).

Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ Авессаломъ питалъ въ себѣ чувство мщенія, и никакое время не способно было ослабить его намѣренія, хотя оно и усыпило всякое подозрѣніе, какое могло сначала быть у Амнона касательно кроваваго мщенія ему за совершенное имъ дѣло. Онъ неуклонно искалъ случая какимъ-нибудь образомъ отдалить Амнона отъ царскаго дворца и поставить его въ свое распоряженіе, и случай теперь представился наконецъ. У него было значительное имѣніе въ Ваалъ-Гацорѣ, нѣкогда бывшимъ центромъ идолопоклонничества и всегда выдѣлявшемся изъ своей окрестности, такъ какъ мѣстность эта вздымалась своей сѣдой вершиной болѣе, чѣмъ на 3,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Теперь мѣстечко это извѣстно подъ названіемъ Теллъ-Азуръ, и лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ Веѳиля, верстахъ въ восемнадцати отъ Іерусалима. Здѣсь у него должна была происходить стрижка овецъ, которая, какъ это было и въ дѣлѣ Навала, всегда служила поводомъ для веселаго пиршества; чтобы придать своему пиршеству больше блеска, Авессаломъ пригласилъ на него своего отца и главныхъ царедворцевъ. Самъ Давидъ отказался присутствовать на праздникѣ, извиняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не хочетъ обременять своего сына издержками на угощеніе столь большой свиты; но такъ какъ Авессаломъ настаивалъ на своемъ желаніи имѣть за своимъ столомъ если не царя, то по крайней мѣрѣ

---

1) Быт. XXXIV, 25 и слѣд.

первороднаго сына и своихъ братьевъ, то Давидъ, совершенно ничего не подозрѣвая и довольный тѣмъ, что между этими ближайшими родственниками и братьями видимо не было никакой враждебности, далъ свое согласіе на принятіе имъ приглашенія. А этого только и желалъ Авессаломъ, и онъ сдѣлалъ всѣ приготовленія для исполненія своего давно лелѣяннаго желанія. Онъ далъ приказъ своимъ слугамъ, чтобы они, въ самый разгаръ пиршества, когда Амнонъ оставитъ всѣ предосторожности, и сердце его будетъ упоено виномъ, внезапно напали на него и убили его. Приказаніе его было исполнено во всей точности. Соблазнитель, по своему легкомыслію давно уже забывшій о своемъ преступленіи, весело предавался пиршеству, и когда былъ упоенъ виномъ, то подвергся нападенію и безжалостно убитъ за самымъ столомъ. Другіе князья, опасаясь подобной же участи, въ страшномъ смятеніи вскочили изъ-за стола и, осѣдлавъ своихъ муловъ, съ поспѣшностью бросились по направленію къ Іерусалиму. Какъ ни быстро ѣхали они, однако же молва опередила ихъ, и до Давида дошелъ преувеличенный разсказъ, будто Авессаломъ избилъ всѣхъ своихъ братьевъ. Разсказу этому на время повѣрили, и пораженный ужасомъ отецъ разодралъ свои одежды и въ отчаянномъ горѣ и ужасѣ повергся на землю. Но Іонадавъ, который догадался или былъ посвященъ въ тайныя намѣренія Авессалома, утѣшалъ царя увѣреніемъ, что убитъ только одинъ Амнонъ, и это увѣреніе скоро подтвердилось появленіемъ остальныхъ князей, которые, съ горячей поспѣшностью, скакали по направленію къ городу. Съ ихъ прибытіемъ въ точности стало извѣстно, что именно случилось, и Давиду оставалось только горевать о потерѣ своего старшаго сына; но это былъ весьма жестокій и тяжкій ударъ,—ударъ, въ которомъ отчасти онъ считалъ виновнымъ самого себя. Это послѣднее чувство также воспрепятствовало ему съ рѣшительностью преслѣдовать убійцу. Авессаломъ, правда, опасаясь гнѣва отца, бѣжалъ за границу, ища убѣжища у отца своей матери Θалмая, царя Гессурскаго; но этотъ маленькій царекъ не могъ удерживать у себя Авессалома, если бы отъ него формально потребовали его выдачи. Такого требованія, однако же, не было предъявлено къ нему. Преступный виновникъ въ смерти Уріи не могъ настойчиво преслѣдовать мстителя за честь своей сестры, и Давидъ ограничился только произнесеніемъ приговора объ изгнаніи братоубійцы, къ которому, несмотря на его хладнокров-

ную жестокость, нечестіе и непослушаніе, онъ все еще питалъ неразумную привязанность.

Такое состояніе дѣлъ продолжалось въ теченіе трехъ лѣтъ, за каковое время Давидъ успѣлъ оправиться отъ потрясенія вслѣдствіе смерти Амнона и начиналъ сильнѣе чувствовать пустоту, причиненную отсутствіемъ своего любимца Авессалома. Слабость родительской любви въ немъ боролась съ суровою строгостью судіи; по всѣмъ побужденіямъ политики и справедливости лучше всего было держать вдали отъ дворца и взоровъ народа этого умнаго беззастѣнчиваго братоубійцу, который по своему дѣлу не могъ быть наслѣдникомъ теократическаго престола; пристрастіе къ нему царя однако же побуждало его помышлять о возвращеніи изгнанника и о томъ, какъ бы склонить его къ раскаянію и затѣмъ простить. Тайный другъ изгнанника, Іоавъ, замѣтивъ эту борьбу въ душѣ царя, задумалъ воспользоваться этимъ его состояніемъ, съ цѣлью достигнуть примиренія. Благосостояніе государства мало принималось имъ во вниманіе при этомъ рѣшеніи; онъ желалъ склонить своего государя сдѣлать то, что, какъ онъ зналъ, было тайнымъ его желаніемъ, и надѣялся такимъ образомъ обезпечить себѣ благосклонность вѣроятнаго наслѣдника престола, честолюбивый, смѣлый характеръ котораго соотвѣтствовалъ его собственному настроенію. Но онъ не вполнѣ былъ увѣренъ въ собственномъ положеніи въ глазахъ царя, котрый, со времени умерщвленія Авенира, держалъ его въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя, и поэтому счелъ за лучшее прибѣгнуть къ хитрости. Подобно Наѳану, онъ хотѣлъ косвенно склонить Давида къ какому-нибудь общему рѣшенію, которое бы сейчасъ же и можно было приложить къ дѣлу Авессалома. Такія хитрости были весьма обычны въ древности. Дѣло представляется на рѣшеніе не само по себѣ, а въ видѣ примѣра, по которому получается мнѣніе судіи, и данный такимъ образомъ приговоръ прямо затѣмъ прилагается къ требуемому дѣлу, и судія всегда ставится въ невозможность отмѣнить уже данное имъ рѣшеніе. Іоавъ воспользовался услугами одной умной женщины изъ Ѳекои,—деревни, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ Виѳлеема и впослѣдствіи прославившейся въ качествѣ мѣсторожденія пророка Амоса. Подученная хитрымъ полководцемъ, она одѣлась въ скорбную одежду и отправилась къ царю, который, въ качествѣ судіи, былъ доступенъ всѣмъ своимъ подданнымъ. Падая предъ нимъ ницъ съ воплемъ о помощи, она объяснила ему, что она оста-

лась вдовою съ двумя сыновьями, но сыновья эти разсорились между собой на полѣ, и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Теперь все семейство требовало смерти виновника, согласно законамъ кроваваго мщенія, и если она выдастъ своего оставшагося сына, то у нея не останется никакого наслѣдника для продолженія имени ея мужа, и погаснетъ остальная искра ея рода. Царь внимательно выслушалъ просьбу и, взволнованный этимъ трогательнымъ дѣломъ, обѣщалъ сдѣлать распоряженіе касательно защиты ея сына. Тогда женщина, съ притворнымъ смущеніемъ, отступая назадъ и указывая на то, что какъ она знаетъ, предлагаемая безнаказанность сына противна закону, просила, чтобы, если это снисхожденіе незаконно, вина пала бы на нее, а не на царя. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ она добилась клятвы царя, что ей будетъ сдѣлано все, какъ она желаетъ. Добившись такимъ образомъ самымъ выразительнымъ образомъ согласія царя на исключеніе изъ общаго правила и признанія той великой истины, что есть нѣчто высшее и болѣе благоугодное Богу, чѣмъ кровавое мщеніе, она смѣло, хотя и почтительно, приступила къ исполненію важнѣйшей и самой трудной части своего порученія. Она не могла открыто укорить царя, какъ это дѣлалъ пророкъ Наѳанъ; она могла только, какбы случайнымъ намекомъ и безъ упоминанія имени, приложить все это дѣло къ Авессалому и заявить, что положеніе, которое онъ занимаетъ теперь, отнюдь не совмѣстимо съ снисходительностью, оказываемою царемъ ея сыну. Въ нѣсколько двусмысленныхъ словахъ она заявила, что подобно тому, какъ ея родственники желали лишить ея домъ единственнаго наслѣдника, такъ и онъ лишалъ народъ его прямого наслѣдника, что идетъ вопреки интересовъ народа. Жизнь коротка, и мщеніе не можетъ удовлетворить никого. «Мы умремъ, говорила она, и будемъ какъ вода вылитая на землю, которую нельзя собрать; но Богъ не желаетъ погубить душу и помышляетъ, какъ бы не отвергнуть отъ Себя и отверженнаго». Въ заключеніе, какбы съ цѣлью показать, что ея ссылка на дѣло царя была только случайнымъ отступленіемъ, она опять ловко возвращается къ своему собственному дѣлу и говоритъ, что теперь можетъ идти спокойно и счастливо домой, потому что царь, выслушавъ ея справедливую жалобу и оказавъ помощь обиженной, оказался къ ней ангеломъ Божіимъ. «Ибо, говорила она, господинъ мой царь, какъ ангелъ Божій, и можетъ выслушать и доброе, и худое. И Господь Богъ твой будетъ съ тобою». Давидъ не могъ не замѣтить главной

цѣли ея просьбы и понялъ, что въ этомъ именно и заключалась вся сущность ея. Зная пристрастіе Іоава къ Авессалому, онъ тотчасъ же догадался, что все это дѣло было подстроено имъ. Узнавъ изъ разспроса женщины, что такъ это именно и было, онъ послалъ за Іоавомъ и далъ ему позволеніе отправиться въ Гессуръ и привезти домой находящагося въ изгнаніи князя. Іоавъ съ великимъ удовольствіемъ исполнилъ это порученіе, и Авессаломъ опять появился въ Іерусалимѣ. Но, хотя и выказавъ снисхожденіе къ преступнику, Давидъ однако же не сразу возвратилъ ему всѣ свои милости; его чувство справедливости не позволяло ему относиться къ Авессалому, какъ къ человѣку, который бы не совершилъ никакого тяжкаго преступленія. Молодому человѣку позволено было жить въ его собственномъ домѣ, но строго запрещено появляться во дворцѣ; отецъ рѣшительно не могъ его видѣть или позволить ему пользоваться какимъ-нибудь изъ преимуществъ царскаго сына и наслѣдника. Такія отношенія продолжались въ теченіе двухъ лѣтъ. Напрасно Авессаломъ жаловался на эти ограниченія и просилъ Іоава походатайствовать о немъ. Послѣдній видѣлъ опасность полнаго возстановленія царственныхъ преимуществъ этому честолюбивому беззастѣнчивому юношѣ, и рѣшительно отказался даже отвѣтить на просьбу повидаться съ Авессаломомъ. Тогда, рѣшившись во что бы то ни стало достигнуть своей цѣли, Авессаломъ приказалъ своимъ слугамъ поджечь ячменное поле Іоава, разсчитывая, что владѣлецъ поля вынужденъ будетъ жаловаться ему на этотъ поступокъ. Когда дѣйствительно такъ и случилось, онъ воспользовался этимъ случаемъ съ такимъ успѣхомъ, что убѣдилъ Іоава отправиться къ царю и попросить у него полнаго ему прощенія. Проницательный полководецъ видѣлъ, что полумѣры здѣсь будутъ ошибкой. Виновный долженъ быть или совершенно прощенъ, или подвергнутъ уголовному наказанію, это половинное изгнаніе, не удовлетворяя вполнѣ оскорбленной справедливости, только раздражало самого виновника. Онъ отправился къ царю и, излагая предъ нимъ эти и подобныя соображенія, склонилъ, наконецъ, Давида окончательно помиловать опальнаго князя и дать ему цѣлованіе мира. Такимъ образомъ, повинуясь немощной привязанности къ сыну и соглашаясь на просьбы Іоава, Давидъ тѣмъ самымъ подготовлялъ себѣ величайшее бѣдствіе своей жизни и давалъ этому злонамѣренному юношѣ благопріятный случай, котораго онъ только

и ждалъ, для того, чтобы воспользоваться имъ для своихъ собственныхъ цѣлей.

Омрачившій свѣтлую жизнь Давида страшный грѣхъ, между тѣмъ, прдолжалъ сказываться въ различныхъ бѣдственныхъ послѣдствіяхъ. Страну постигъ жестокій голодъ, продолжавшійся въ теченіе трехъ лѣтъ [1]). Неизвѣстно, каковы были второстепенныя причины, послужившія поводомъ къ этому посѣщенію,—засуха ли, какая ли случайность, или вообще неблагопріятная погода,—но Давидъ во всякомъ случаѣ приписывалъ его особымъ причинамъ; онъ зналъ, что народы подвергаются земнымъ бѣдствіямъ въ наказаніе за какое-нибудь преступленіе, и вотъ онъ рѣшилъ открыть то преступленіе, которое именно и послужило причиной настоящаго бѣдствія. Вслѣдствіе этого, когда изъ года въ годъ не наступало никакого облегченія, онъ попросилъ установленнымъ путемъ Господа, не заключалась ли причина бѣдствія въ какомъ нибудь ближайшемъ грѣхѣ и не было ли оно передано, такъ сказать, по наслѣдству отъ прежняго царя. Въ отвѣтъ на свое вопрошаніе, онъ получилъ сообщеніе, что наказаніе это было послано «ради Саула и кровожаднаго дома его, за то, что онъ умертвилъ гаваонитянъ» [2]). Гаваонитяне были тѣмъ народомъ, который коварнымъ образомъ добился себѣ пощады отъ Іисуса Навина во время завоеванія [3]) и съ того времени постоянно жилъ мирно, въ соподчиненномъ положеніи, среди израильтянъ; но Саулъ, въ припадкѣ ревности, оказался повиннымъ въ нарушеніи даннаго имъ обѣщанія о пощадѣ. Онъ, повидимому, пытался истребить этотъ остатокъ первоначальныхъ жителей, или отнесся къ нимъ съ такою жестокостью, что она навсегда оставила въ ихъ сердцахъ тлѣющее чувство жажды мщенія. Негодованіе, воз-

---

[1]) Съ точностью невозможно опредѣлить, къ какому именно времени относится постигшій страну голодъ. Объ этомъ событіи мы знаемъ только слѣдующее: оно совершилось послѣ возвышенія Мемфивосеея и когда преступленіе Саула все еще было свѣжо въ народной памяти; лица, обреченныя на смерть, въ возмездіе за это преступленіе, всѣ были неженатыми, и по крайней мѣрѣ, безъ семействъ; указаніе на это погубленіе потомковъ Саула дѣлалъ впослѣдствіи и Семей (2 Цар. XVI, 7, 8). Изъ этихъ обстоятельствъ можно заключать, что событіе это случилось раньше возмущенія Авессалома и въ первой половинѣ царствованія Давида въ Іерусалимѣ. Разсказъ о немъ помѣщенъ во 2 Цар. XXI не въ своемъ хронологическомъ порядкѣ, но въ видѣ прибавленія къ разсказу объ окончательной гибели дома Саула. См. Josephus, Antiq. VII, 12, 1.

[2]) 2 Цар. XXI, 1.

[3]) I. Нав. IX, 3 и слѣд.

бужденное этимъ варварскимъ нарушеніемъ торжественнаго договора, было всеобщимъ, и гаваонитяне нашли себѣ сочувствіе даже среди самихъ израильтянъ. О самомъ событіи, на которое дѣлается здѣсь указаніе, въ св. Писаніи нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и мы можемъ только догадываться о немъ. Возможно, что многіе изъ гаваонитянъ, которые служили при скиніи, въ качествѣ дровосѣковъ и водоносовъ, были избиты во время побоища въ Номвѣ, или Саулъ могъ сдѣлать нападеніе на четыре ханаанскихъ города: Гаваонъ, Кафиру, Бееровъ и Кіріаѳъ-Іаримъ, въ то время, когда онъ истреблялъ вѣдьмъ и заклинателей. Эвальдъ высказываетъ мнѣніе, что когда скинія поставлена была временно въ Гаваонѣ, послѣ произведеннаго въ Номвѣ избіенія, по этому дѣлу возникъ споръ между Сауломъ и гражданами, которые противились перенесенію къ нимъ святилища израильскаго богослуженія, какъ противъ нарушенія дарованной имъ Іисусомъ Навиномъ религіозной свободы, и царь, съ свойственною ему неразсудительностью, руководясь своимъ отуманеннымъ различными беззаконными поступками понятіемъ и думая загладить свое кровожадное дѣло въ Номвѣ, ревностью противъ враговъ Бога Израилева, произвелъ избіеніе среди гаваонитянъ. Есть указаніе [1]), что жители Бееровa (пригорода Гаваона) были изгнаны въ ссылку въ Гиѳаимъ, откуда и вышли тѣ два лица, которыя убили Іевосѳея. Причиной этого переселенія несомнѣнно было то насиліе, которому подверглись они. Но если и считать разсматриваемое событіе такимъ образомъ имѣющимъ свои опредѣленныя причины, однако же, остаются еще и другія затрудненія, требующія разрѣшенія. Невольно возникаетъ вопросъ, почему, если это былъ грѣхъ Саула, наказаніе должно было пасть на Давида и его народъ, не принимавшій никакого участія въ преступленіи. Отвѣтомъ на это можетъ служить то, что единство государя и подданныхъ дѣлаетъ ихъ обоихъ отвѣтственными за поступокъ одного. Саулъ совершилъ преступленіе, не какъ частное лицо, но, какъ царь и представитель Израиля, который остался спокоенъ при его незаконномъ дѣлѣ. Нарушеніе договора было дѣломъ національнымъ, поэтому и въ самомъ наказаніи за него долженъ былъ участвовать весь народъ. Очень возможно, что земли и собственность лишенныхъ владѣній или умерщвленныхъ гаваонитянъ были розданы

---

[1]) 2 Цар. IV, 3.

царедворцамъ, такъ что въ этомъ отношеніи и народъ также былъ соприкосновенъ съ преступленіемъ, и закрывалъ свои глаза на нарушеніе древняго договора. Давидъ также смотрѣлъ на это дѣло сквозь пальцы; онъ былъ достаточно могущественъ, чтобы, видя здѣсь несправедливость, вознаградить обиженныхъ; но, занятый другими дѣлами, онъ не обращалъ никакого вниманія на дѣлавшіяся ему просьбы по этому случаю, и теперь долженъ былъ получить урокъ касательно постоянной отвѣтственности народа, вины котораго не можетъ изгладить время. Національный грѣхъ долженъ быть заглаженъ національнымъ покаяніемъ, къ которому народъ могъ быть побужденъ только какимъ-нибудь общимъ бѣдствіемъ. Но въ такомъ случаѣ, почему же наказаніе откладывалось такъ долго? Со времени избіенія прошло много лѣтъ, и почему же мщеніе не коснулось самихъ виновниковъ дѣла и пособниковъ при его совершеніи задолго раньше? На это можно сказать, что Саулу и безъ того приходилось платиться за многіе грѣхи; притомъ, въ теченіе его жизни едва ли могло быть обращено особое вниманіе на это преступленіе, тѣмъ болѣе, что и гнѣвъ Божій не проявлялся замѣтнымъ образомъ, а нѣсколько позже, когда Израиль боролся съ могущественными врагами за свое существованіе; самый урокъ, преподаваемый голодомъ, не могъ быть сознанъ во всей своей силѣ. Посѣщеніе это во всей своей силѣ могло быть почувствовано именно въ періодъ мира и сравнительнаго благоденствія, когда народная мысль, не занятая ничѣмъ постороннимъ, могла глубже вникать въ самый смыслъ бѣдствія. Быть можетъ, также этотъ урокъ былъ необходимъ теперь для предупрежденія подобныхъ же дѣлъ возмездія, или нарушенія національныхъ договоровъ въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи. Но если конечная причина бѣдствія была, такимъ образомъ, опредѣлена свыше, то, какъ можно было теперь загладить эту вину? Въ древнемъ взглядѣ на нравственное управленіе міромъ всегда неразлучна была идея о равномѣрномъ воздаяніи, и это общее сознаніе находило подтвержденіе въ Моисеевомъ законодательствѣ. Кровь могла быть отмщена только кровью; вина народа могла быть смыта только кровью совершителя или его представителей, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и допускалась равномѣрная уплата денегъ. Что касается точной мѣры требуемой справедливости, то это зависѣло отъ ближайшихъ родственниковъ; достаточнымъ возмездіемъ считалось лишь то, что удовлетворяло

ихъ. Въ настоящемъ случаѣ. Давидъ спросилъ у гаваонитянъ, какого именно удовлетворенія желали бы они, и получилъ въ отвѣтъ, что они не хотятъ брать денегъ за пролитую кровь или возвращенія отнятыхъ у нихъ владѣній, и что ничто не можетъ вознаградить ихъ за сдѣланныя имъ несправедливости, кромѣ наказанія смертью семи изъ сыновей ихъ угнетателя. Поэтому они и просили Давида выдать имъ этихъ потомковъ Саула, чтобы они могли распять или посадить ихъ на колъ въ самомъ мѣстожительствѣ убійцы, именно въ Гивѣ Сауловой, предъ находящейся тамъ высотой. Самая сцена казни должна была показать, что казнь происходитъ именно за его преступленіе, и число семь указывало на то, что возмездіе было полнымъ. Требованіе наказанія смертью для родственниковъ убійцы не оправдывалось Моисеевымъ закономъ, но восточный обычай освящалъ такое наказаніе, и ближайшія семейныя связи дѣлали естественнымъ, что грѣхи отцовъ должны были быть посѣщаемы наказаніемъ въ лицѣ ихъ дѣтей. Въ глазахъ Давида требованіе это не представляло ничего необычайнаго, и хотя онъ лично относился къ дому своего предшественника съ снисхожденіемъ, которое было совершенно необычно у восточныхъ монарховъ, онъ, однако же, не могъ въ данномъ случаѣ противиться притязанію гаваонитянъ и согласился на выдачу имъ въ руки требуемыхъ жертвъ. За собою онъ оставилъ только самый выборъ жертвъ; и вслѣдствіе этого, пощадивъ Мемфивосѳея, сына своего оплакиваемаго друга Іонаѳана, онъ взялъ двухъ сыновей Рицпы, наложницы Сауловой, женщины чужеземнаго происхожденія, и пять сыновей Меровы [1]), старшей дочери Саула, рожденныхъ отъ Адріела, сына Верзелія изъ Мехолы, и отдалъ ихъ жаждавшимъ мщенія гаваонитянамъ, которые, предавъ ихъ смерти, вѣроятно, чрезъ удушеніе [2]), повѣсили ихъ тѣла предъ святилищемъ въ Ги-

[1]) Во 2 Цар. XXI, 8, вмѣсто Мелхолы нужно читать «Меровы». См. 1 Цар. XVIII, 19 и 2 Цар. VI, 23.

[2]) У іудеевъ было въ обычаѣ распинать или сажать на колъ преступниковъ не живыми, но сначала подвергнувъ ихъ смерти, послѣ чего и дѣлалась публичная выставка ихъ тѣлъ на крестѣ или колѣ (Числ. XXV, 4). Способами смерти были побіеніе камнями, задушеніе, обезглавленіе и сожженіе. Говорить (какъ это, напр., дѣлаетъ Ренанъ), что Давидъ снисходительно отнесся къ требованію гаваонитянъ съ цѣлью избавиться отъ потомковъ Саула, значитъ, приписывать ему низость, которой никогда въ немъ не обнаруживалось и слѣда. Такое предположеніе можетъ быть высказываемо только тѣмъ злорадным критицизмомъ, который не можетъ сочувствовать ничему

вѣ. Эта жестокая казнь со стороны полуязыческихъ гаваонитянъ послужила поводомъ къ одной, въ высшей степени трогательной сценѣ. Рицпа, мать двухъ изъ злополучныхъ жертвъ, не могла выдержать казни своихъ сыновей, и не будучи въ состояніи взять трупы своихъ возлюбленныхъ дѣтей для приличнаго погребенія, она неотступно пребывала около крестовъ, съ цѣлью предохранять дорогія ей тѣла отъ расхищенія ихъ птицами и животными. Это было время жатвы ячменя, около нашего апрѣля, и страна все еще страдала отъ продолжавшейся засухи. Преданная мать взяла вретище, разостлала его въ качествѣ постели или палатки для себя на обнаженной скалѣ, гдѣ висѣли тѣла ея сыновей, и оставалась тутъ, прогоняя хищныхъ птицъ и звѣрей, пока не удовлетворенъ былъ гнѣвъ неба и не выпалъ дождь. Закономъ Моисеевымъ повелѣвалось [1]), чтобы тѣла преступниковъ зарывались въ землю въ самый день казни, но гаваонитяне держались обычая своихъ языческихъ соотечественниковъ, которые не имѣли такихъ постановленій, и настаивали на томъ, чтобы тѣла избитыхъ выставлены были на виду у всѣхъ до тѣхъ поръ, пока не обнаружится признака того, что оно милостиво принято. Въ должное время, дѣйствительно, настали благодатные ливни, и Давидъ, глубоко пораженный мужествомъ и любовью Рицпы, поспѣшилъ избавить ее отъ этой надрывающей душу бдительности. Онъ воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы сдѣлать распоряженіе о взятіи костей Саула и Іонаѳана изъ ихъ временной гробницы въ Іависѣ Галаадскомъ, и, снявъ тѣла распятыхъ, похоронилъ ихъ всѣ въ родовой гробницѣ Киса въ Целѣ, въ городѣ Веніаминова колѣна, находившемся въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ Веѳиля. «И умилостивился Богъ надъ страною послѣ того», засуха прекратилась и мучительный голодъ былъ устраненъ [2]).

высокому и благородному и съ злорадствомъ готовъ чернить характеръ героевъ Божіихъ и приписывать имъ самыя низкія побужденія.

[1]) Втор. XXI, 22, 23.

[2]) 2 Цар. XXI, 1—14.

ГЛАВА XIV.

ВОЗМУЩЕНІЕ АВЕССАЛОМА.

Та снисходительность, съ которою Давидъ отнесся къ своему сыну Авессалому, скоро начала приносить свои печальные плоды. Авессаломъ былъ теперь въ положеніи старшаго сына и прямаго наслѣдника на престолъ своего отца. Испытанная имъ мѣра наказанія и теперь возвращенная ему милость отца не произвели никакой благопріятной перемѣны въ его безпокойномъ, неблагодарномъ характерѣ, и онъ началъ питать намѣренія столь же смѣлыя, какъ и беззаконныя и низкія. Уже и раньше въ теченіе тѣхъ лѣтъ, когда онъ находился вдали отъ царскаго дворца и принужденъ былъ жить въ изгнаніи и неизвѣстности, у него роились дерзкія замыслы. Теперь, когда все это измѣнилось, онъ началъ видѣть, что предъ нимъ открывается прямой путь къ осуществленію его честолюбивыхъ замысловъ. Быть можетъ онъ сначала надѣялся, что отецъ приметъ его въ качествѣ сотоварища по управленію государствомъ; но скоро увидѣлъ, что у царя отнюдь не было никакого подобнаго намѣренія, и поэтому онъ всячески сталъ стремиться къ тому, чтобы обратить на себя общее вниманіе и сдѣлаться наиболѣе популярною личностью въ Іерусалимѣ. Этому намѣренію чудесно благопріятствовала и самая его внѣшность. Столичная чернь всегда склонна увлекаться внѣшностью, а Авессаломъ былъ человѣкъ необычайной красоты. «Во всемъ Израилѣ не было мужчины столь красиваго, какъ Авессаломъ, и столь хвалимаго, какъ онъ; отъ подошвы ногъ до верха головы не было у него недостатка». У него были такіе роскошные волосы на головѣ, что каждый годъ онъ снималъ какбы цѣлое руно, вѣсомъ въ 200 сиклей, по вѣсу царскому. Своимъ очаровательнымъ обхожденіемъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ невольно располагалъ къ себѣ всѣхъ, такъ что всѣ хвалили его и восхищались имъ. Но внѣшняя красота въ немъ не находила соотвѣтствія во внутренней добротѣ, и подъ великолѣпною внѣшностью билось злое и коварное сердце. Замѣтивъ народное къ себѣ расположеніе, онъ задумалъ воспользоваться имъ для удовлетворенія своего необузданнаго властолюбія и рѣшился овладѣть престоломъ силою даже еще при жизни отца. Пользуясь щедростью своего недостаточно разсудительнаго въ этомъ отношеніи

отца, онъ обнаруживать въ городѣ такой блескъ, какого никогда еще не видано было раньше. Подражая языческимъ царямъ въ пышности своей свиты, онъ завелъ себѣ колесницы и коней для ежедневнаго употребленія, и, выходя изъ дворца, всгда имѣлъ при себѣ 50 скороходовъ. Непритязательный образъ жизни Давида былъ совершенно затѣненъ блескомъ и великолѣпіемъ выходовъ его красавца-сына; придворные льстецы и разные паразиты не замедлили сплотиться вокругъ восходящаго свѣтила и поддерживали въ немъ самыя необычайныя желанія.

Полагаясь на свою популярность, Авессаломъ затѣмъ явно началъ стремиться къ тому, чтбы подорвать вліяніе отца въ глазахъ своего народа. Обязанности царя были весьма сложны и требовали отъ него постояннаго личнаго вниманія и труда. Онъ былъ верховнымъ судіей своихъ подданныхъ, долженъ былъ сидѣть у воротъ и разсматривать всѣ доходившія до него дѣла; но такъ какъ царство теперь имѣло весьма обширные размѣры, а вслѣдствіе этого, случаи, требовавшіе рѣшенія, становились изъ года въ годъ все болѣе многочисленными и важными, то часто случалось, что истцы не въ состояніи были добиться выслушанія своего дѣла и должны были терпѣть продолжительныя отсрочки, или даже уходить неудовлетвореннымъ царскимъ приговоромъ. Авессаломъ воспользовался этимъ состояніемъ дѣлъ съ цѣлью распространенія повсюду чувства недовольства и смутнаго желанія какой-нибудь перемѣны. Онъ останавливался у воротъ дворца и, встрѣчая истцовъ самымъ дружественнымъ образомъ, не допускалъ даже ихъ дѣлать себѣ обычный земной поклонъ, а бралъ ихъ за руку и цѣловалъ. При этомъ онъ старался показывать, что чувствуетъ самое горячее участіе во всѣхъ, кто приходилъ этимъ путемъ, распрашивалъ всѣхъ о ихъ положеніи, мѣстожительствѣ, занятіяхъ, выслушивалъ ихъ жалобы, увѣряя, что дѣла ихъ совершенно правы, и въ то же время намекая на то, что имъ трудно добиться справедливости, такъ какъ царь не можетъ самъ разсмотрѣть всѣхъ подобныхъ дѣлъ, и въ то же время не поручилъ никому, кто бы дѣйствовалъ вмѣсто него, причемъ какбы вскользь дѣлалъ замѣчаніе и о томъ, что еслибы власть, столь запущенная отцомъ, была передана ему въ руки, то все обстояло бы совершенно иначе. Въ такихъ стремленіяхъ къ популярности онъ не щадилъ никакихъ трудовъ, появлялся у воротъ съ самаго ранняго утра и всегда какбы съ ткрытымъ сердцемъ и неслыханною дотолѣ любезностью относился

къ проходящимъ. Не удивительно, что «сердце израильтянъ уклонилось на сторону Авессалома» [1]; не удивительно, что въ народѣ образовалась значительная партія, готовая поддерживать Авессалома въ его домогательствахъ, хотя при этомъ, какъ мы увидимъ, кромѣ популярности и преступнаго измѣнничества, были и другія причины, которыя благопріятствовали его цѣлямъ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ [2], Авессаломъ, наконецъ, подумалъ, что настало время для дѣйствія. Можно указать и нѣкоторыя изъ причинъ, которыя побудили его думать, что теперь можно было съ успѣхомъ совершить переворотъ. Онъ, конечно, разсчитывалъ на поддержку молодыхъ и безпокойныхъ членовъ народа, которые выросли вмѣстѣ съ нимъ, увлекались его внѣшнимъ великолѣпіемъ, пользовались его распущеннымъ образомъ жизни и надѣялись еще болѣе воспользоваться имѣющимъ наступить политическимъ движеніемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ дѣйствовали и болѣе глубокія, и болѣе сильныя причины; въ царствѣ Израильскомъ накопилось уже достаточно матеріаловъ для великаго пожара, для воспламененія котораго достаточно было только одной искры, брошенной умѣлой рукой. Давидъ царствовалъ уже давно и находился въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ. Онъ, повидимому, въ это время страдалъ отъ какой-нибудь тяжкой болѣзни [3]; во всякомъ случаѣ, силы его весьма ослабѣли, такъ что онъ былъ человѣкомъ угнетеннымъ и подавленнымъ скорбію. Вся его прежняя бодрость, живая предпріимчивость и восторженность исчезли. Онъ уже не увлекалъ народа съ такою непреодолимой силой, какъ это было раньше, и не имѣлъ возможности поддерживать свою славу отважнымъ мужествомъ и самоотреченіемъ: хотя ни одинъ безпристрастный наблюдатель, знакомый съ перенесенными имъ затрудненіями и съ честнымъ стремленіемъ къ искреннему исполненію своего долга, не могъ въ дѣйствительности винить его въ беззаконномъ управленіи, однако же

---

[1]) 2 Цар. XV, 3.

[2]) Во 2 Цар. XV, 7, говорится: «по прошествіи сорока лѣтъ». Но это видимая описка, такъ какъ число это не подходитъ ни къ возрасту Авессалома, ни къ царствованію Давида. Въ сирійскомъ и арабскомъ переводахъ стоитъ четыре, каковое число подтверждается переводомъ Итала и I. Флавіемъ (Antiq., VII, 9, 1). Въ русскомъ текстѣ удержана форма еврейскаго текста («по прошествіи сорока лѣтъ», съ прибавленіемъ: «царствованія Давида»).

[3]) См. нѣкоторыя выраженія въ Пс. XXXVIII и XL.

во внутреннихъ дѣлахъ государства были недостатки, которые молодымъ людямъ казалось возможнымъ исправить посредствомъ переворота въ правленіи. Налоги, бывшіе необходимыми вслѣдствіе расходовъ на войны съ внѣшними врагами и для поддержанія авторитета царя въ многочисленныхъ отдаленныхъ областяхъ, стали особенно чувствительными для народа, который все еще помнилъ о своей прежней свободѣ и не имѣлъ особеннаго расположенія жертвовать своимъ достояніемъ въ пользу общаго блага. Притомъ успѣло вырости уже новое поколѣніе, для котораго прежніе подвиги и успѣхи Давида были извѣстны только по наслышкѣ, которые смотрѣли на его управленіе, какъ на старомодное, и, жаждая болѣе энергичной и показной администраціи, стѣснялись ограниченіями, налагавшимися на нихъ строгостью теократическаго монарха. Многіе честные люди затѣмъ были крайне огорчены и смущены поступкомъ Давида въ дѣлѣ Уріи и Вирсавіи, его слабостью, съ которою онъ оставилъ умерщвленіе Амнона ненаказаннымъ, и его пристрастіемъ къ своему преступному сыну; они невольно сопоставляли блистательную славу его прежнихъ лѣтъ съ темными дѣлами послѣдняго времени, и были не прочь перенести свою преданность отъ человѣка, который уже лишился ихъ любви и уваженія, къ кому-нибудь другому. Что касается колѣна Іудина, въ которомъ сильнѣе всего проявилось недовольство, то въ немъ дѣйствовали и особыя причины. Это колѣно было недовольно тѣмъ, что избраніе Іерусалима въ качествѣ столицы государства повело къ уменьшенію значенія древняго Хеврона. Энергическая попытка Давида къ объединенію колѣнъ находила лишь неохотный и недовольный отголосокъ со стороны колѣна Іудина, которое не могло забыть обѣщанныхъ ему преимуществъ и своихъ притязаній на гегемонію въ странѣ [1]). Притомъ между нимъ и другими членами народа продолжало существовать наслѣдственное соперничество, которое, прекращаясь лишь на время, всегда было готово проявиться съ новою силою. Сѣверныя колѣна также имѣли причины быть недовольными введенной Давидомъ дисциплиной и вялымъ отправленіемъ имъ правосудія и не прочь были примкнуть ко всякому движенію, обѣщавшему имъ какія-нибудь существенныя выгоды.

Всѣми этими различными причинами, возбуждавшими въ на-

[1]) Быт. XLIX, 8 и слѣд., Втор. XXXIII, 7.

родѣ желаніе перемѣны, и не преминулъ воспользоваться Авессаломъ. Онъ рѣшилъ, что удобнѣе всего начать дѣло въ Хевронѣ, въ этой высоко чтимой столицѣ Іудеи, гдѣ легче всего собрать недовольныхъ, такъ какъ онъ отстоялъ не слишкомъ далеко отъ Іерусалима, чтобы не имѣть никакой связи съ нимъ, и не слишкомъ близко къ нему, чтобы подвергнуться несвоевременному наблюденію. Пользуясь хорошо извѣстнымъ благочестіемъ своего отца и зная, съ какою радостью онъ привѣтствовалъ всякій признакъ религіозности въ сердцѣ своего сына, Авессаломъ сдѣлалъ Давиду заявленіе, что когда онъ находился въ изгнаніи въ Гессурѣ, то онъ далъ обѣтъ принести жертву въ Хевронѣ, какъ только ему придется возвратиться домой. Время для исполненія его обѣта теперь настало, и онъ просилъ своего царственнаго отца позволить ему отправиться въ Хевронъ и исполнить обѣщанное жертвоприношеніе въ самомъ мѣстѣ своего рожденія. Давидъ совершенно ничего не подозрѣвалъ въ этой просьбѣ, такъ какъ относился съ полнымъ довѣріемъ къ преданности своего сына. Планы честолюбиваго князя содержались въ глубокой тайнѣ, и даже Іоавъ, человѣкъ крайне чувствительный къ своимъ собственнымъ интересамъ, ничего не зналъ о происходившемъ заговорѣ. Вслѣдствіе этого царь съ радостью далъ свое согласіе, и Авессаломъ отправился въ Хевронъ, взявъ съ собою двѣсти человѣкъ своихъ друзей, которыхъ онъ пригласилъ для присутствованія при жертвенномъ празднествѣ и которые могли служить ему въ качествѣ заложниковъ въ случаѣ серьезнаго сопротивленія его планамъ въ Іертсалимѣ. Этимъ своимъ друзьямъ онъ пока еще ничего не сообщалъ о своемъ намѣреніи, но зналъ, что они вполнѣ преданы его интересамъ и готовы будутъ слѣдовать ему, куда онъ ни поведетъ ихъ. Въ то же время онъ отправилъ довѣренныхъ пословъ во всѣ колѣна для удостовѣренія въ настроеніи народа. Гдѣ только это настроеніе оказывалось благопріятнымъ, они должны были сообщать народу, что какъ только раздастся по городамъ трубный звукъ, то это будетъ признакомъ того, что Авессаломъ выступаетъ въ качествѣ помазаннаго царя въ Хевронѣ. Для успѣха дѣла важно было затѣмъ имѣть около себя вліятельнаго человѣка, признаніе со стороны котораго было бы не только само по себѣ полезнымъ, но и содѣйствовало бы принятію его и другими. Такой приверженецъ былъ найденъ въ лицѣ Ахитофела, дѣда Вирсавіи, сынъ котораго Еліамъ былъ другомъ и товарищемъ злопо-

лучнаго Уріи, Этотъ человѣкъ былъ наиболѣе довѣреннымъ совѣтникомъ Давида; совѣтъ его цѣнился такъ высоко, что на его слова смотрѣли, какъ на вѣщанія Божіи, и царь долго пользовался его мудростью и опытомъ. Но Ахитофелъ теперь давно пересталъ посѣщать дворъ, хотя и не порывалъ съ нимъ открыто. Онъ, очевидно, былъ крайне огорченъ тѣмъ безчестіемъ, которое нанесено было его семейству дѣломъ Вирсавіи и предательскою смертью Уріи, и поэтому, въ крайнемъ недовольствѣ, удалился въ свой родной городъ Гило, находившійся верстахъ въ десяти къ сѣверу отъ Хеврона. Отсюда онъ и вызванъ былъ Авессаломомъ. Всецѣло сочувствуя заговору, онъ сдѣлался главнымъ двигателемъ всего предпріятія и даже начерталъ планъ для его исполненія. Такой умный, разсудительный человѣкъ не могъ руководиться только личнымъ чувствомъ; становясь на сторону столь сомнительнаго дѣла, онъ, очевидно, думалъ, что узурпаторъ успѣетъ въ своемъ дѣлѣ, и такъ какъ это дѣло совпадало съ его собственнымъ личнымъ настроеніемъ, то онъ, удовлетворяя свое личное недовольство царемъ, хотѣлъ, становясь на сторону Авессалома, придать ему еще больше шансовъ на торжество надъ престарѣлымъ царемъ. Нѣсколько дней прошло въ совершеніи жертвоприношеній и въ сопровождавшихъ ихъ празднествахъ и, такимъ образомъ, выгадано было достаточно времени для расширенія движенія и собранія необходимыхъ силъ; самою торжественностью этого случая заговорщики несомнѣнно воспользовались для того, чтобы склонить присутствующихъ въ пользу своего предпріятія. Возбужденіе быстро распространилось повсюду; все, казалось, благопріятствовало предпріятію; народъ, который при болѣе спокойномъ состояніи, имѣлъ всѣ основанія держаться преданности старому царю, теперь поддался возбужденію и стекался подъ знамя претендента, такъ что около него образовалось цѣлое войско, сильное, правда, не столько военною опытностью, сколько численностью. Между тѣмъ, Давидъ оставался въ полномъ невѣдѣніи касательно всего происходившаго въ Хевронѣ. Съ благородною довѣрчивостью къ своему сыну, предоставляя ему, какъ наслѣднику престола, полную свободу дѣйствія, онъ не видѣлъ во всемъ происходившемъ ничего такого, что бы могло возбуждать въ немъ подозрѣніе въ возстаніи, а между тѣмъ у него не было въ распоряженіи полиціи для разузнаванія политическихъ тайнъ, или для сообщенія ему свѣдѣній объ угрожающихъ ему опасностяхъ.

Но вотъ вдругъ пришло въ Іерусалимъ крайне тревожное извѣстіе о возстаніи, и свѣдѣніе это было для престарѣлаго царя столь же неожиданнымъ, какъ и подавляющимъ. Народная молва, несомнѣнно, преувеличивала размѣръ революціоннаго движенія, но во всякомъ случаѣ дѣло казалось настолько серьезнымъ, что немедленно же необходимо было принять какія-нибудь мѣры. Давидъ, безъ всякаго колебанія, сразу же рѣшилъ оставить Іерусалимъ. Къ этому рѣшенію побуждали его многія причины. Столица не подготовлена была къ тому, чтобы выдерживать осаду, да и, кромѣ того, царь не хотѣлъ сдѣлаться причиной кровопролитія на улицахъ, въ случаѣ, если столица будетъ взята послѣ сопротивленія. Притомъ, онъ самъ могъ попасть въ плѣнъ и сдѣлаться жертвой разъяренной черни. Поэтому, нужно было пользоваться временемъ въ надеждѣ на успокоеніе возбужденія и съ цѣлью точнѣе удостовѣриться въ силѣ обѣихъ сторонъ. Онъ не могъ знать о томъ, какъ широко измѣна пустила корни въ самомъ Іерусалимѣ, и опасался измѣнничества въ самыхъ его стѣнахъ. Эти и подобныя причины побудили его смотрѣть на удаленіе изъ Іерусалима, какъ на самую лучшую при данныхъ обстоятельствахъ мѣру; но болѣе всего этого его тяготило и сознаніе своей виновности, — то чувство, что возмездіе, провозглашенное пророкомъ Наѳаномъ, именно зло, выходящее изъ его собственнаго дома, теперь именно начало обрушиваться на него, и что ему теперь приходится смиренно принимать заслуженный имъ ударъ. Поэтому-то онъ и не сдѣлалъ никакихъ попытокъ къ противодѣйствію, такъ какъ считалъ это бѣдствіе заслуженнымъ себѣ наказаніемъ, и рѣшился сносить его, ожидая болѣе благопріятнаго времени, когда бѣдствіе это, по милости Божіей, пройдетъ само собою.

Оправившись отъ перваго потрясенія, Давидъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи за Іорданъ, въ область восточныхъ колѣнъ, за безопасность которыхъ онъ нѣкогда храбро и успѣшно боролся и благодарность которыхъ, какъ можно было полагать, выстоитъ противъ соблазновъ юнаго претендента. Удаленіе совершилось въ полномъ порядкѣ. Никто изъ приближенныхъ царя, или государственныхъ сановниковъ, не отказался слѣдовать за своимъ государемъ. Своихъ женъ и дѣтей онъ взялъ съ собою, оставивъ только десять наложницъ въ качествѣ хранительницъ дворца къ его отсутствіе. Отрядъ тѣлохранителей и его храбрые ветераны,

славные 600 гиббоpимовъ, съ доблестнымъ Еѳѳеемъ, геѳяниномъ, и его сотоварищами, охотно раздѣляли его судьбу и могли дать сильный отпоръ всякому преслѣдованію. Но такъ какъ присутствіе женщинъ и дѣтей дѣлало защиту затруднительною, то лучше всего было возможно скорѣе обезопасить себя удаленіемъ за глубокую долину Іорданскую. Еѳѳею, правда, какъ чужеземцу и человѣку, который только недавно вступилъ на службу къ Давиду, царь искренно совѣтовалъ или возвратиться къ своимъ собственнымъ соотечественникамъ, или вступить на службу Авессалома; но благородный филистимлянинъ отклонилъ и то, и другое, давая царю знаменитый по своей искренности и непреклонной вѣрности отвѣтъ: «живъ Господь, да живетъ господинъ мой, царь, сказалъ онъ: гдѣ бы ни былъ господинъ мой, царь, въ жизни ли, въ смерти ли, тамъ будетъ и рабъ твой» [1]). Такая преданность чужеземца, конечно, была утѣшительна, но представляла печальный контрастъ съ поведеніемъ сына, который, будучи возлюбленнымъ, лелѣяннымъ, прощеннымъ, теперь сдѣлался неблагодарнымъ измѣнникомъ и отцеубійцей въ сердцѣ. Бѣглецы двинулись въ путь, но у послѣдняго дома, на восточной окраинѣ города, предъ переходомъ чрезъ Кедронъ, сдѣлана была остановка и произведенъ поспѣшный смотръ. Тамъ установленъ былъ порядокъ дальнѣйшаго движенія. Отрядъ тѣлохранителей долженъ былъ итти впередъ, и за нимъ слѣдовали гиббоpимы, а Давидъ со всѣмъ своимъ домомъ составляли арріергардъ. Въ такомъ порядкѣ они переправились чрезъ потокъ и еще разъ сдѣлали остановку у первой маслины, у подошвы горы Елеонской, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи находился садъ Геѳсиманскій, мѣсто душевной муки сына Давидова при еще болѣе знаменательномъ событіи. Народъ съ плачемъ и воплемъ провожалъ своего возлюбленнаго монарха, который, съ босыми ногами и покрытою головою, въ знакъ глубочайшей скорби, изливалъ свое горе. Въ его бѣдственномъ и злополучномъ положеніи для него было нѣкоторое утѣшеніе видѣть эти знаки сочувствія и любви отъ подданныхъ болѣе высокаго класса, чѣмъ тѣ, которые безумно стали на сторону узурпатора. Но онъ смиренно отклонилъ отъ себя другую великую и важную поддержку, которую предлагали ему служители религіи. Двое главныхъ священниковъ, Садокъ и Авіаѳаръ, принесли ковчегъ изъ

[1]) 2 Цар. XV, 21.

города и со множествомъ левитовъ стали рядомъ съ Давидомъ, когда послѣдователи его проходили передъ нимъ. Присутствіе этой святыни придало бы дѣлу народа священный характеръ въ глазахъ всѣхъ благочестивыхъ людей; всѣ увидѣли бы, что онъ поставилъ себя подъ покровительство Іеговы, причемъ отсутствіе этой святыни въ лагерѣ противника само по себѣ свидѣтельствовало бы, что партія Авессалома не пользуется милостью неба и не ищетъ ея. Но благочестивый царь не хотѣлъ воспользоваться такою важною помощью. Быть можетъ, ему припомнилось о страшномъ результатѣ такого употребленія ковчега завѣта во время первосвященника Илія, и онъ трепеталъ отъ одной мысли подвергнуться подобному бѣдствію. Душа его понемногу успокоивалась отъ удручавшаго его сначала горя; онъ началъ менѣе мрачно смотрѣть на положеніе дѣлъ. Священный ковчегъ былъ поставленъ имъ на Сіонѣ; съ великою тщательностью онъ приготовилъ мѣсто для его обитанія, и Іегова знаменіями заявлялъ, что тамъ находится Его мѣстопребываніе и что оно было благоугодно Ему. Поэтому Давидъ считалъ неблагопристойнымъ удалять теперь ковчегъ оттуда. Если Господь еще милостивъ къ Давиду, то онъ опять освободится отъ всѣхъ своихъ бѣдствій и благополучно возвратится въ Іерусалимъ и безъ помощи ковчега; если же ему предстоитъ быть отвергнутымъ, то не спасетъ его и святыня, и онъ съ полною покорностью преклонится предъ наказующею рукою и скажетъ: «вотъ я: пусть творитъ со мною, что Ему благоугодно». Вслѣдствіе этого онъ выразилъ желаніе, чтобы Садокъ отнесъ ковчегъ завѣта назадъ, на его священное мѣсто, заявивъ при этомъ, что онъ радъ будетъ воспользоваться его услугами въ дѣлѣ полученія сообщеній о планахъ узурпатора. Какъ служитель скиніи, онъ, конечно, будетъ свободенъ отъ всякаго посягательства на свою личность, и даже къ нему можетъ обратиться за совѣтомъ самъ Авессаломъ. Во всякомъ случаѣ, онъ будетъ имѣть возможность знать все происходящее и можетъ сноситься съ Давидомъ при посредствѣ своего сына Ахимааса, или своего племянника Іонаѳана. Сдѣлавъ эти распоряженія, Давидъ съ своими послѣдователями двинулся дальше на гору Елеонскую. Это было въ высшей степени печальное шествіе:. «Давидъ пошелъ на гору Елеонскую, шелъ и плакалъ; голова у него была покрыта; онъ шелъ босой, и всѣ люди, бывшіе съ нимъ, покрыли каждый голову свою, шли и плакали». Народъ крайне сочувствовалъ своему огорченно-

му правителю, который, такимъ образомъ, въ своихъ преклонныхъ лѣтахъ лишенъ былъ престола злонамѣреннымъ сыномъ и толпой безнравственныхъ заговорщиковъ, забывшихъ неисчислимыя блага, которыя низвергнутый монархъ сдѣлалъ для страны. Поистинѣ, какъ онъ самъ, такъ и его народъ могли оплакивать слѣпоту и неблагодарность, которыя послужили причиной столь безсмысленнаго мятежа. При этомъ невольно воспоминается и другое великое событіе, когда тысячу лѣтъ спустя божественный сынъ Давида съ того самаго мѣста, откуда впервые открывается въ высшей степени величественный видъ на Іерусалимъ, смотрѣлъ на этотъ городъ и оплакивалъ его, потому что онъ не позналъ время своего посѣщенія. Какъ сердце Христа было омрачено сознаніемъ, что среди избранныхъ двѣнадцати ближайшихъ послѣдователей былъ одинъ предатель, такъ тяжко и горестно было и Давиду слышать, что его довѣренный совѣтникъ Ахитофелъ присоединился къ непріятелю, и въ своей невыразимой горести Давидъ невольно молился: «Господи, Боже мой, разрушь совѣтъ Ахитофела!» Волновавшія его чувства въ отношеніи къ этому ветхозавѣтному Іудѣ глубоко трогательно выражены въ пятьдесятъ-четвертомъ псалмѣ:

«Услышь, Боже, молитву мою,
И не скрывайся отъ моленія моего.
Внемли мнѣ, и услышь меня;
Я стенаю въ горести моей, и смущаюсь.
Сердце мое трепещетъ во мнѣ,
И смертные ужасы напали на меня
Ибо не врагъ поноситъ меня,—
Это я перенесъ бы;
Не ненавистникъ мой величается надо мною,—
Отъ него я укрылся бы;
Но тотъ, который былъ для меня то же, что я,
Другъ мой и близкій мой,
Съ которымъ мы раздѣляли искреннія бесѣды,
И ходили вмѣстѣ въ домъ Божій» [1]).

Когда Давидъ прибылъ на вершину горы, гдѣ находилась бема или высокое мѣсто и откуда въ послѣдній разъ можно было видѣть городъ, прежде чѣмъ спускаться въ долину Іорданскую, ему какъ бы данъ былъ отвѣтъ на его послѣднюю молитву о разрушеніи совѣта Ахитофела. Когда онъ возносилъ свои моленія на этомъ священномъ мѣстѣ, то къ нему присоединился старый и довѣренный

[1]) Пс. LIV, 2, 3, 5, 13—15.

другъ Хусій, изъ города Архи, находившагося на границѣ колѣнъ Ефремова и Веніаминова, верстахъ въ десяти къ западу отъ Веѳиля. Этотъ добрый человѣкъ встрѣтилъ его съ разодранными одеждами и съ пепломъ на головѣ, въ знакъ скорби по случаю общественнаго бѣдствія, и выражалъ свою твердую рѣшимость раздѣлить участь изгнаннаго монарха. Но Давидъ не позволилъ ему этого. Успокоившись отъ треволненія и будучи въ состояніи съ большимъ спокойствіемъ относиться ко всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, царь видѣлъ, что его другъ могъ оказать ему больше услугъ въ Іерусалимѣ, чѣмъ сопутствуя ему въ бѣгствѣ. Поэтому онъ и попросилъ его возвратиться въ городъ, и, притворившись, что склоняется на сторону Авессалома, приложить всевозможныя старанія къ тому, чтобы разрушить коварные совѣты Ахитофела, причемъ свои сообщенія Давиду онъ могъ посылать при посредствѣ двухъ юношей, сыновей Садока и Авіаѳара. Хусій охотно принялъ это небезопасное порученіе, и, какъ мы увидимъ, планъ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Когда Давидъ, наконецъ, рѣшительно двинулся дальше по направленію къ лежавшей предъ нимъ пустынѣ, то къ нему присоединился съ своимъ отрядомъ нѣкій Сива, хитрый домоправитель, которому ввѣрено было завѣдываніе имѣніемъ Мемфивосѳея. Этотъ человѣкъ привелъ двухъ ословъ для домочадцевъ царя и значительное количество хлѣба, вина и сушеныхъ плодовъ для подкрѣпленія бѣглецовъ; и когда царь спросилъ его касательно Мемфивосѳея, почему и онъ не пришелъ вмѣстѣ съ своимъ служителемъ, то Сива ложно утверждалъ, что его юный господинъ остался въ Іерусалимѣ, въ надеждѣ, что при теперешнихъ смутахъ царская власть легко можетъ опять перейти въ руки дома Саулова. Опечаленный такою неблагодарностью этого столь облагодѣтельсвованнаго имъ князя и не дѣлая никакого дальнѣйшаго разслѣдованія, царь, съ нѣкоторою поспѣшностью, передалъ Сивѣ всю собственность, которая принадлежала Мемфивосѳею. Когда Давидъ съ своими послѣдователями двигался дальше, то получилъ тяжкое оскорбленіе, которое служило отчасти подтвержденіемъ донесенія Сивы въ отношеніи настроенія родственниковъ покойнаго царя. Близъ небольшого города Бахурима, гдѣ Давидъ предположилъ было остановиться на нѣкоторое время, ихъ встрѣтилъ одинъ изъ жителей города, Семей, сынъ Геры, изъ рода дома Саулова. Зайдя впередъ всего отряда, онъ началъ злословить Давида, бросалъ на него и

на его послѣдователей камнями и пылью, говоря: «уходи, уходи, убійца и беззаконникъ! Господь обратилъ на тебя всю кровь дома Саулова, вмѣсто котораго ты воцарился, и предалъ Господь царство въ руки Авессалома, сына твоего; и вотъ ты въ бѣдѣ, ибо ты—кровопійца» [1]).Семей, очевидно, мстилъ за ту жестокость, съ которою гаваонитяне, по наущенію, какъ ему казалось, Давида, отнеслись къ сыновьямъ Саула. При видѣ такого поношенія и безъ того огорченному царю, одинъ изъ его спутниковъ, Авесса, съ своею обычною горячностью, просилъ царя позволить ему снять голову съ этого оскорбителя. Но Давидъ не согласился на это; онъ научился смиренно сносить всевозможныя оскорбленія; тотъ, кто нуждается въ милосердіи, долженъ быть и самъ милостивъ; тотъ, кто несетъ страданія по приговору Божію, можетъ терпѣливо сносить оскорбленія и со стороны этого ничтожнаго человѣка. «Что мнѣ и вамъ сыны Саруины? сказалъ огорченный Давидъ. Оставьте его, пусть онъ злословитъ; ибо Господь повелѣлъ ему злословить Давида. Вотъ, если мой сынъ, который вышелъ изъ чреслъ моихъ, ищетъ души моей; тѣмъ больше сынъ веніамитянина; оставьте его, пусть злословитъ. Можетъ быть, Господь призритъ на униженіе мое, и воздастъ мнѣ Господь благостью за теперешнее его злословіе». Пользуясь такою благородною снисходительностью Давида, дерзкій Семей долго еще продолжалъ свои проклятія и этимъ значительно задерживалъ движеніе. Послѣ утомительнаго перехода въ 25 или 30 верстъ, бѣглецы остановились лагеремъ на равнинахъ Іорданскихъ, будучи на время безопасны отъ неожиданнаго нападенія. Здѣсь они рѣшились подождать свѣдѣній изъ города, прежде чѣмъ продолжать свое бѣгство. Когда утомленные послѣдователи еще спали кругомъ, Давидъ, вставъ рано утромъ, излилъ свою душу въ псалмѣ, исполненномъ надежды и упованія:

Господи, какъ умножились враги мои!
Многіе возстаютъ на меня;
Многіе говорятъ душѣ моей:
Нѣтъ ему спасенія въ Богѣ.
Но ты, Господи, щитъ предо мною,
Слава моя, и Ты возносишь голову мою.
Голосомъ моимъ взываю къ Господу,
И Онъ слышитъ меня съ святой горы Своей.
Ложусь я, сплю и встаю:

---

[1]) 2 Цар. XVI, 7, 18.

Ибо Господь защищаетъ меня.
Не убоюсь темъ народа,
Которыя со всѣхъ сторонъ ополчились на меня.
Возстань Господи, спаси меня, Боже мой!
Ибо Ты поражаешь въ ланиту всѣхъ враговъ моихъ;
Сокрушаешь зубы нечестивыхъ.
Отъ Господа спасеніе,
Надъ народомъ Твоимъ благословеніе Твое» [1])

Авессаломъ, между тѣмъ, съ своими послѣдователями вступилъ въ Іерусалимъ спустя лишь нѣсколько часовъ послѣ удаленія Давида, и принятъ былъ невѣрнымъ народомъ со всѣми выраженіями радости и восторга. Вступленіе это совершилось безъ всякаго противодѣйствія, и Авессаломъ сразу же направился въ царскій дворецъ для принятія почестей и поздравленій отъ своихъ приверженцевъ. Среди тѣхъ, которые прибыли поздравить узурпатора, явился и мудрый Хусій, игравшій назначенную ему роль, и въ отвѣтъ на естественный вопросъ Авессалома, почему онъ оставилъ его отца, отвѣчалъ, что онъ считаетъ своею обязанностью повиноваться царствующему, а не низверженному государю и что онъ желаетъ быть вѣрнымъ служителемъ нововоцарившагося государя и какъ служилъ отцу, такъ теперь будетъ служить и сыну. Авессаломъ, который сначала чувствовалъ нѣкоторое противорѣчіе въ присутствіи этого добраго человѣка среди его распутныхъ послѣдователей, легко повѣрилъ этимъ заявленіямъ, которыя чрезвычайно льстили его честолюбію, и отнесся къ возгласу Хусія: «да живетъ царь!», какъ къ сердечному выраженію дѣйствительной преданности ему. Такая хитрость, къ какой прибѣгалъ Хусій, была совершенно въ духѣ того времени; она подсказана была ему самимъ Давидомъ, и практиковалась даже не разъ въ христіанскихъ государствахъ; и хотя мы не можемъ считать ее особенно похвальною въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ съ христіанской точки зрѣнія дѣлу Божію никогда нельзя служить посредствомъ лжи, однако же, мы должны судить о дѣйствіяхъ историческихъ дѣятелей при томъ свѣтѣ, который находился въ ихъ собственномъ распоряженіи, а не измѣрять ихъ съ точки зрѣнія нравственности, которая была еще неизвѣстна имъ.—Теперь, естественно, возникалъ вопросъ: какія же лучше всего предпринять мѣры, съ цѣлью возможно лучше воспользоваться теперешнимъ положеніемъ и обезпечить плоды безкровно дости-

[1]) Пс. III, 2—9.

гнутой побѣды? Замѣчательно, что при этомъ среди мятежниковъ не было ни малѣйшей мысли о томъ, чтобы обратиться за совѣтомъ къ Богу: послѣдователи Авессалома, очевидно, отнюдь не отличались никакою религіозною ревностью. Самъ узурпаторъ желалъ всецѣло руководиться мудростью міра сего, и вслѣдствіе этого, прежде всего, обратился съ вопросомъ объ этомъ къ хитрому Ахитофелу. Этотъ коварный совѣтникъ, вполнѣ зная, что необходимо пользоваться временемъ и возможно скорѣе поставить дѣло въ безповоротное положеніе, совѣтовалъ молодому государю сразу же и всенародно вступить въ обладаніе гаремомъ своего отца и воспользоваться оставшимися во дворцѣ наложницами. Совѣтъ этотъ, какъ ни возмутительный для нашихъ понятій, находился въ полномъ согласіи съ восточными обычаями. Гаремъ предшественника переходилъ къ преемнику, причемъ женщины не имѣли въ этомъ дѣлѣ ни малѣйшаго права голоса, и съ ними обращались, какъ съ простыми вещами; и при этомъ было общее убѣжденіе, что такое дѣло служило подтвержденіемъ перехода престола отъ стараго владѣтеля къ новому. При настоящемъ случаѣ, поступокъ этотъ былъ особенно гнуснымъ и дѣлалъ разрывъ между отцомъ и сыномъ непримиримымъ. Давидъ, по своей слабости или любви, могъ еще отнестись снисходительно къ мятежу, но онъ никогда не могъ забыть этого гнуснаго оскорбленія себѣ, какъ царю и отцу, и тѣ, которые поддерживали Авессалома, должны были видѣть, что послѣ этого не оставалось уже никакого средства къ примиренію, и что борьба между старымъ и новымъ правительствомъ должна была привести къ какому-нибудь рѣшительному концу. Молодой, неопытный государь немедленно послѣдовалъ совѣту коварнаго старика Ахитофела. На кровлѣ дворца была раскинута палатка, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Давидъ позволилъ своему сердцу увлечься тѣмъ роковымъ искушеніемъ, которое повлекло за собою столь страшныя послѣдствія, и тамъ, предъ глазами всего Израиля, и, какъ заявлялъ пророкъ Нѳанъ, «предъ солнцемъ», онъ вступилъ въ обладаніе придворными наложницами, и, такимъ образомъ, завершилъ окончательный разрывъ между собою и своимъ отцомъ. Но Ахитофелъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не видѣть, что для обезпеченія успѣха заговора необходимы были и другія мѣры, и вслѣдствіе этого онъ совѣтовалъ Авессалому въ тотъ же самый вечеръ двинуться на преслѣдованіе Давида съ отборнымъ отрядомъ въ

12.000 человѣкъ и напасть на него, когда онъ былъ утомленъ и находился въ унынiи, такъ что представлялась полная возможность легкой и безкровной побѣды. Послѣдователи Давида будутъ не въ состоянiи выстоять противъ неожиданнаго натиска превосходныхъ силъ, бросятся въ бѣгство безъ всякаго отпора, и ему не трудно будетъ захватить самого престарѣлаго царя и такимъ образомъ навсегда освободиться отъ него. Съ его смертью уничтожится всякое противодѣйствiе, и весь народъ подчинится новому монарху. Совѣтъ этотъ былъ весьма хитрый и сразу же понравился безсердечному узурпатору и собравшимся около него главарямъ возстанiя. Съ принятiемъ его было бы устранено безполезное кровопролитiе, былъ бы обезпеченъ успѣхъ всего дѣла, и переходъ къ нему царской власти совершился бы скоро и безъ особенныхъ усилiй и расходовъ. Предложенiе это казалось столь благоразумнымъ и правдоподобнымъ, что, повидимому, невозможно было противопоставить ему никакого другаго плана. Хусiй опасался, что, въ случаѣ исполненiя этого плана, онъ можетъ оказаться гибельнымъ для его друга, и употребилъ всѣ свои старанiя для того, чтобы воспрепятствовать принятiю этого плана. Когда Авессаломъ пригласилъ и его выразить по этому дѣлу свое мнѣнiе, онъ настойчиво совѣтовалъ повременить. Тайною мыслью его было, чтобы не только предоставить Давиду время оправиться отъ утомленiя и унынiя и сдѣлать необходимыя приготовленiя къ самозащитѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы предоставить и вообще народу достаточно времени для спокойнаго обсужденiя своего положенiя, и такимъ образомъ дать возможность нѣсколько утихнуть самой бурѣ революцiи, которой слѣпо увлечены были израильтяне. Рѣчь его была искусно приспособлена къ характеру тщеславнаго юноши, къ которому онъ обращался. Въ ней онъ распространился о храбрости и хитрости Давыда и его послѣдователей; по его мнѣнiю, они теперь чрезвычайно ожесточены, подобно медвѣдицѣ, лишенной своихъ дѣтенышей, и, естественно, будутъ сражаться съ отчаянной отвагой. Притомъ, царь не будетъ находиться вмѣстѣ съ своимъ войскомъ, но скроется въ какой-нибудь пещерѣ, или въ другомъ тайномъ убѣжищѣ. Ели непрiятель съ самаго начала будетъ имѣть хотя бы нѣкоторый успѣхъ (что легко можетъ случиться, благодаря столь испытаннымъ воинамъ), то молва немедленно преувеличитъ этотъ успѣхъ до степени великаго пораженiя, повсюду распространится паника, и дѣло Авес-

салома подвергнется прискорбной опасности, если только не будетъ потеряно совсѣмъ. Поэтому лучше всего принять другой планъ. Нужно именно подождать, пока всѣ израильтяне соберутся подъ знаменемъ Авессалома, отъ Дана до Вирсавіи, и вотъ, когда самъ Авессаломъ, какъ прилично ему, станетъ во главѣ многочисленнаго войска, тогда побѣда будетъ безусловно несомнѣнною, онъ будетъ въ состояніи напасть на бѣглецовъ, какъ роса падаетъ на землю, и совершенно разбить ихъ. Если бѣглецы даже найдутъ себѣ убѣжище въ какомъ-нибудь городѣ, то войско Авессаломово можетъ взять съ собою веревки и стащить ихъ въ рѣку, и въ городѣ томъ не останется камня на камнѣ. Такой совѣтъ Хусія чрезвычайно понравился отуманенному своимъ первымъ успѣхомъ узурпатору. Относился ли онъ нѣсколько ревниво къ громадному вліянію Ахитофела и желалъ показать свою собственную независимость, или же, будучи на этотъ разъ удовлетворенъ взятіемъ Іерусалима, онъ желалъ воспользоваться на время плодами покоя и удовольствій своего высокаго положенія,—но, по какой бы то ни было причинѣ, онъ предпочелъ совѣтъ Хусія совѣту Ахитофела. Послѣдователи его склонялись къ тому же самому взгляду. Священный историкъ видитъ въ этомъ дѣлѣ всеуправляющаго Провидѣнія въ отвѣтъ на молитву Давида. «Такъ Господь судилъ разрушить лучшій совѣтъ Ахитофела, чтобы навести бѣдствіе на Авессалома» [1]).

О состоявшемся среди мятежниковъ рѣшеніи и о томъ планѣ, который предложенъ былъ сначала, нужно было немедленно сообщить Давиду. Авессаломъ могъ понять неразумность этого настоящаго рѣшенія и дѣйствовать по болѣе разумному совѣту Ахитофела, и поэтому, во всякомъ случаѣ, нужно было предостеречь партію Давида, чтобы она перешла за Іорданъ и, такимъ образомъ, съ возможною скоростью, обезпечила себя отъ нападенія мятежниковъ. Вслѣдствіе этого, Хусій отправилъ извѣстіе къ главнымъ священникамъ, которые, несмотря на строгій надзоръ за всѣми ихъ движеніями, нашли возможность передать сообщеніе своимъ сыновьямъ, Іонаѳану и Ахимаасу, съ порученіемъ сразу же доставить его къ Давиду. Молодые люди уже стояли наготовѣ у источника Рогель, того источника, который впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ подъ названіемъ «источника Приснодѣвы», и находится у подошвы холма

---

[1]) 2 Цар. XVII, 14.

Офелъ, къ юго-востоку отъ города. Получивъ порученіе, они тотчасъ же отправились въ путь, но одинъ шпіонъ прослѣдилъ за ними и сообщилъ о нихъ Авессалому, который немедленно же отправилъ всадниковъ для захвата ихъ. Молодые люди, между тѣмъ, прибыли въ Бахуримъ, и, прежде чѣмъ явились преслѣдователи, успѣли скрыться въ сухомъ колодцѣ, во дворѣ дома одного изъ своихъ знакомыхъ. Служанка дома закрыла колодезь крышкой, на которой, съ цѣлью устранить всякое подозрѣніе, постелила полотно и разсыпала на немъ хлѣбное зерно для просушки, и когда преслѣдователи стали разспрашивать о бѣглецахъ, то она направила ихъ противоположнымъ путемъ, такъ что они безъ всякаго успѣха возвратились въ Іерусалимъ. Молодые люди благополучно доставили порученныя имъ свѣдѣнія царю, который немедленно исполнилъ данный ему совѣтъ. Онъ перевелъ своихъ послѣдователей чрезъ Іорданъ и направился въ Маханаимъ, тотъ сильный городъ, въ которомъ нѣкогда царствовалъ Іевосѳей и который могъ выдержать осаду, не опасаясь результата, обѣщаннаго Хусіемъ тщеславному узурпатору. Давидъ притомъ могъ ожидать найти себѣ поддержку и въ нѣкогда облагодѣтельствованныхъ имъ восточныхъ колѣнахъ, и это ожиданіе оказалось вполнѣ основательнымъ. На его сторону немедленно стали три знатныхъ галаадитянина, обладавшихъ большими средствами, и они оказали ему матеріальную помощь. Это были: Сови, братъ аммонитскаго царя Аннона, которому Давидъ передалъ собственность, хотя и не престолъ, его брата; Махиръ, воспитавшій Мемфивосѳея въ своемъ домѣ въ Лодаварѣ, и Верзеллій изъ Роглима, высокочтимый галаадитянинъ, къ которому Давидъ питалъ искреннѣйшую привязанность. Они снабдили Давида и его войско всѣми нужными для него предметами,—постелями, домашними металлическими и глиняными сосудами, пшеницей, ячменемъ, мукой, пшеномъ, бобами, чечевицей, жареными зернами, медомъ, масломъ, овцами и сыромъ, такъ какъ они видѣли, что народъ былъ голоденъ и утомленъ и терпѣлъ великую нужду въ пустынѣ. Такіе знаки преданности въ періодъ бѣдствія пробудили новую надежду въ сердцѣ царственнаго поэта, и эта надежда выразилась въ восторженныхъ словахъ псалма:

«Когда я взываю, услышь меня, Боже правды моей!
Въ тѣснотѣ Ты давалъ мнѣ просторъ.
Помилуй меня, и услышь молитву мою.

Знайте, что Господь отдѣлилъ для Себя святаго Своего;
Господь слышитъ, когда я призываю Его.
Ты исполнилъ сердце мое веселіемъ,
Съ того времени, какъ у нихъ хлѣбъ, и вино, и елей умножились.
Спокойно ложусь я и сплю:
Ибо Ты, Господи, единъ даешь мнѣ жить въ безопасности [1]).

Кромѣ этихъ богатыхъ гражданъ Галаада, въ Маханаимѣ къ царю присоединилось и много другихъ жителей, которые не увлечены были мятежемъ. И изъ другихъ колѣнъ многіе, по здравомъ обсужденіи дѣла, видѣли причину сомнѣваться въ пользѣ и успѣхѣ возстанія Авессалома и, раскаиваясь въ своемъ временномъ отступничествѣ, возвращались къ Давиду и увеличивали ряды его войска, которое къ этому времени возросло уже до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Между тѣмъ, Авессаломъ былъ торжественно помазанъ царемъ въ Іерусалимѣ и, пользуясь своею властью, спѣшилъ стянуть вокругъ себя всѣхъ израильтянъ и собрать громадное, хотя бы и не дисциплинированное войско, достаточное, какъ ему казалось, простою своею численностью сокрушить всякое противодѣйствіе. Но скоро случилось событіе, набросившее первую мрачную тѣнь на все дѣло возстанія. Авессаломъ потерялъ своего главнаго совѣтника, Ахитофела. Этотъ хитрый и честолюбивый человѣкъ, который, поддерживая дѣло узурпатора, стремился къ своимъ личнымъ цѣлямъ, увидавъ свой совѣтъ отвергнутымъ и свое вліяніе поколебленнымъ, сразу же понялъ, что все дѣло погибло. Въ крайнемъ огорченіи онъ поспѣшно оставилъ дворъ, возвратился въ свой городъ, привелъ въ порядокъ свои хозяйственныя дѣла, и, подобно своему отобразу, новозавѣтному Іудѣ, добровольно повѣсился. Но изъ-за этого нельзя было опускать рукъ. Нужно было назначить полководца надъ всѣмъ собравшимся войскомъ. Іоавъ и Авесса находились съ Давидомъ; вслѣдствіе этого, Авессаломъ выбралъ нѣкоего Амессая, который находился въ такомъ же родствѣ съ Давидомъ, какъ и они, будучи сыномъ Авигеи, сестры Саруиной. Отецъ его былъ измаильтянинъ, по имени Іеферъ, изъ Изрееля. Какъ хорошо извѣстный и испытанный воинъ, Амессай, самымъ своимъ родствомъ съ царственнымъ домомъ, усиливалъ увѣренность, съ которою къ нему вообще относились, и нельзя было избрать лучшаго главнокоман-

[1]) Пс. IV, 2, 4, 8, 9.

дующаго, чѣмъ какимъ былъ онъ. Найдя себѣ главнокомандующаго, Авессаломъ началъ готовиться къ наступательному движенію. Но въ этихъ приготовленіяхъ прошло не менѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ и только тогда Авессаломъ, дѣйствительно, двинулся изъ Іерусалима во главѣ весьма внушительной силы. Когда его войско пѣшими колоннами двигалось за городъ, самъ онъ гордо ѣхалъ на великолѣпномъ мулѣ, гарцуя съ своими развѣвающимися по вѣтру роскошными волосами, которые были у него, какъ у назорея, хотя онъ и далекъ былъ отъ подражанія чистой аскетической жизни назорейства. Огромное, мало дисциплинированное, войско переправилось чрезъ Іорданъ и двинулось къ Маханаиму. Въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ этого города, войско Авессалома должно было остановиться, такъ какъ идти дальше было небезопасно; это было близъ мѣстности, называемой «лѣсомъ Ефремовымъ», каковое названіе, вѣроятно, указывало на то событіе во времена судей, когда ефремляне, сдѣлавъ нашествіе на Галаадъ, понесли жестокое пораженіе отъ рукъ Іефѳая [1]). Между тѣмъ, войско Давидово, заключавшее въ себѣ до 20.000 человѣкъ, было раздѣлено на три равныхъ отряда, подъ начальствомъ Іоава, Авессы и Еѳѳея. Самъ царь желалъ лично предводительствовать войскомъ, но его полководцы не совѣтовали ему нарушать установленнаго нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ правила, чтобы монархъ не подвергалъ свою жизнь опасностямъ битвы; ему лучше всего было находиться съ резервомъ въ городѣ и оказать имъ помощь, въ случаѣ, если они будутъ отброшены къ городу. Въ виду такихъ заявленій, онъ долженъ былъ уступить, и, занявъ положеніе при городскихъ воротахъ, обозрѣвалъ свои военныя силы, когда онѣ въ должномъ порядкѣ, раздѣленныя на сотни и тысячи, двигались къ мѣсту битвы. Всѣмъ колоннамъ и ихъ предводителямъ онъ давалъ одно и то же приказаніе, показывая, что отнюдь не опасался исхода предстоящей битвы. «Сберегите», говорилъ онъ, «мнѣ отрока Авессалома» Будучи вполнѣ увѣренъ въ правотѣ своего дѣла, зная, что Богъ Израилевъ никогда не дастъ полнаго, окончательнаго успѣха нечестивымъ мятежникамъ, старавшимся лишить помазанника Божія ввѣреннаго ему престола, онъ съ увѣренностью ожидалъ несомнѣнной побѣды и просилъ только военачальниковъ, чтобы они въ часъ своего торжества пощадили злополучнаго юношу, который,

---

[1]) См. Суд. XII. 1 и слѣд.

не смотря на все происшедшее, оставался все еще дорогимъ для его сердца. Мѣсто, гдѣ встрѣтились враждебныя войска, было лѣсистымъ округомъ, на которомъ росшія отдѣльными чащами деревья затрудняли сплошныя движенія большаго войска, но весьма много помогали отважнымъ нападеніямъ небольшихъ отрядовъ, которые, зная страну, могли выбрать такое время для нападенія на врага, когда онъ могъ быть затрудненъ самыми особенностями мѣстности. Недисциплинированное сборище, выведенное Авессаломомъ на поле битвы, далеко не могло равняться съ воинами войска Давидова, которые были не только опытными въ военномъ дѣлѣ, но и сражались рядомъ съ непобѣдимыми гиббоpимами, поощряемые ихъ одобреніемъ. Исходъ битвы былъ очевиденъ. Мятежники сразу же дрогнули подъ мужественнымъ напоромъ войска Давидова и бросились въ бѣгство; послѣдовало страшное избіеніе, и многіе изъ нихъ погибли въ сосѣднихъ болотахъ, такъ что погибло всего до 20.000 человѣкъ. Авессаломъ, увидѣвъ нанесенное ему пораженіе, сразу же палъ духомъ и не имѣлъ силъ вновь привести въ порядокъ свое объятое паникой войско. Видя свое дѣло потерянным, онъ и самъ предался бѣгству. Будучи въ этотъ часъ бѣдствія оставленъ всѣми, которые еще такъ недавно льстили ему своею преданностью, онъ въ отчаяніи поскакалъ въ лѣсъ, стараясь лишь о томъ, чтобы какъ-нибудь спастись бѣгствомъ, и мало обращая вниманія на то, куда несъ его мулъ, только бы подальше отъ несчастнаго для него поля битвы. Но тутъ вскорѣ и постигла его заслуженная судьба. Безумно скача впередъ и стараясь избѣгнуть находившагося по сосѣдству отряда непріятелей, онъ бросился въ самую чащу лѣса, и тамъ его роскошные волосы, развѣвавшіеся отъ безумной скачки, всею своею массою зацѣпились за толстый сукъ огромнаго теревинѳа, такъ что мулъ вырвался изъ-подъ него, и несчастный узурпаторъ повисъ на деревѣ между небомъ и землей. Въ этомъ положеніи онъ вскорѣ усмотрѣнъ былъ однимъ изъ воиновъ Давида, который, помня наказъ Давида, не рѣшился убить, его, а поспѣшилъ передать эту вѣсть Іоаву. Этотъ старый вояка, разъяренный пыломъ битвы, считалъ себя свободнымъ отъ всякихъ наказовъ царя. Въ смерти Авессалома онъ видѣлъ самый вѣрный конецъ для настоящихъ смутъ и обезпеченіе для будущаго мира. Если спасти узурпатора, думалось ему, то со временемъ онъ займетъ престолъ, и полководецъ, который противодѣйствовалъ его дѣлу и нанесъ ему столь сильное пора-

женіе, конечно, никогда не можетъ разсчитывать на его милости, или занять какое-либо выдающееся положеніе. Въ виду такихъ личныхъ интересовъ, наказъ царя имѣлъ весьма мало для него значенія; поэтому, выразивъ негодованіе на принесшаго ему это извѣстіе воина за его неразумную осторожность, онъ самъ отправился на указанное мѣсто и или своею собственною рукою, или при посредствѣ сопровождавшихъ его воиновъ, онъ убилъ злополучнаго князя. Искалѣченное тѣло его было брошено въ яму, выкопанную среди лѣса, и надъ ней была набросана огромная куча камней, въ знакъ ненависти и презрѣнія къ великому преступнику, погребеніе котораго было такимъ, какое только прилично было мятежному сыну, захваченному и побитому камнями за стѣнами своего города [1]). Таковъ былъ конецъ жизни этого распущеннаго юноши, который злоупотреблялъ данными ему отъ природы высокими дарованіями и обратилъ ихъ къ своей собственной погибели. Его злополучная судьба представляла такую же великую противоположность обнаруживавшимся имъ задаткамъ раннихъ лѣтъ, какую представляла эта ужасная яма въ печальной глубинѣ темнаго лѣса тому превосходному мраморному памятнику (столпу), съ пышною на немъ надписью, который онъ воздвигъ себѣ самому въ царской долинѣ у стѣнъ Іерусалима.

Покончивъ съ Авессаломомъ, Іоавъ далъ приказъ о пріостановкѣ преслѣдованія и позволилъ разбитымъ мятежникамъ разсѣяться во всѣхъ направленіяхъ, давая имъ возможность раскаяться въ своемъ неразумномъ дѣлѣ. Вѣсть о побѣдѣ нужно было теперь сообщить царю, который въ тревогѣ ожидалъ свѣдѣній у воротъ Маханаима. Передать эту счастливую вѣсть вызвался Ахимаасъ, сынъ Садока, славившійся въ качествѣ скорохода, тотъ самый, который уже передавалъ вѣсть Давиду о движеніяхъ повстанцевъ. Но Іоавъ не хотѣлъ довѣрить личному другу царя вѣсть, въ которой содержалось и печальное сообщеніе о смерти Авессалома. Печальная вѣсть, которую пришлось бы посланному сообщить царю, какъ онъ зналъ, могла слишкомъ жестоко поразить любящее сердце отца и подвергнуть нѣкоторой немилости самого вѣстника. Кромѣ того, онъ и самъ не совсѣмъ былъ спокоенъ вслѣдствіе принятаго имъ участія въ смерти Авессалома, и опасался, что Ахимаасъ могъ сдѣлать какія-

1) См. Втор. XXI, 21; I. Нав. VII, 26; VIII, 29.

нибудь неблагопріятныя для него разоблаченія. Вслѣдствіе этихъ и другихъ причинъ, онъ счелъ за лучшее, чтобы свѣдѣніе было передано простымъ слугою, не находившимся въ личныхъ связяхъ съ царскимъ родомъ, и притомъ человѣкомъ, который не возбуждалъ бы особеннаго сожалѣнія, въ случаѣ, если бы онъ подвергся немилости, какой вообще подлежали люди, приносившіе худыя извѣстія. Вслѣдствіе этого, Іоавъ подозвалъ къ себѣ своего собственнаго раба, ѳѳіопа [1]), и приказалъ ему возможно скорѣе отправиться въ Маханаимъ и передать царю о всемъ случившемся. Слуга послушно поклонился своему господину и отправился въ путь кратчайшимъ путемъ, направляясь къ городу. Но Ахимаасъ не оставилъ своего намѣренія. Когда ѳѳіопъ уже отправился въ путь, онъ опять возобновилъ свою просьбу, и хотя Іоавъ предостерегалъ его, что онъ предпринималъ дѣло для себя невыгодное, тотъ, наконецъ, добился согласія на свое желаніе и также отправился къ царю съ извѣстіемъ. Въ то время, какъ ѳѳіопъ отправился кратчайшей, но самой трудной дорогой, Ахимаасъ свернулъ въ сторону съ прямой дороги и, пробираясь по ровной поверхности Іорданской долины, шелъ съ такою быстротою, что прибылъ въ Маханаимъ гораздо раньше посланнаго слуги. Между тѣмъ, престарѣлый царь сидѣлъ между внѣшними и внутренними воротами городской стѣны, въ тревогѣ ожидая извѣстій. Вдругъ часовой на кровлѣ надворотнаго дома объявилъ, что онъ видитъ вдали бѣгущаго человѣка, и Давидъ сразу же заключилъ, что это вѣстникъ съ поля битвы. Чрезъ нѣсколько минутъ показался и второй скороходъ, и такъ какъ не было никакихъ признаковъ появленія другихъ въ бѣгствѣ или смятеніи, то стало яснымъ, что и это вѣстникъ съ поля битвы. Между тѣмъ, часовой уже узналъ въ переднемъ изъ двухъ скороходовъ Ахимааса, и передалъ объ этомъ царю, который принялъ это указаніе, какъ счастливое предзнаменованіе. «Это человѣкъ хорошій, сказалъ Давидъ, и идетъ съ хорошею вѣстью». Прибѣжавъ къ воротамъ, скороходъ громко закричалъ: «миръ!» и затѣмъ, поклонившись царю до земли, сказалъ ему: «благословенъ Господь, Богъ твой, предавшій людей,

---

[1]) Чтеніе во 2 Цар. XVIII, 21 и другихъ стихахъ понимается различно. Слово к у ш и нѣкоторые понимаютъ въ смыслѣ собственнаго имени Х у с і й (какъ и въ русскомъ переводѣ), но съ большею вѣроятностью можно передавать его въ смыслѣ к у ш и т ъ или ѳѳіопъ, такъ какъ слово это почти постоянно стоитъ съ членомъ.

которые подняли руки свои на господина моего царя», и разсказалъ, что войско Давидово одержало полную побѣду надъ непріятелемъ, и мятежники, совершенно разбитые, разсѣялись. Но сердце Давида было больше всего занято судьбой его злополучнаго сына, и первый его вопросъ былъ: «благополученъ ли отрокъ Авессаломъ?» Отвѣтъ Ахимааса былъ двусмысленный, но такой, который не предвѣщалъ ничего хорошаго. «Я видѣлъ, говорилъ онъ, большое волненіе, когда рабъ царевъ, Іоавъ, посылалъ раба твоего; но я не знаю, что тамъ было». Царь, выслушавъ отъ него донесеніе, велѣлъ ему стать въ сторону, и ожидалъ прибытія другаго гонца. Предложивъ тотъ же вопросъ этому гонцу, онъ получилъ отвѣтъ, который можно было истолковать только въ печальномъ смыслѣ, хотя тотъ и не зналъ, какую скорбь онъ причинилъ царю своимъ сообщеніемъ. «Добрая вѣсть господину моему царю, радостно воскликнулъ ѳеіопъ. Господь явилъ тебѣ нынѣ правду въ избавленіе отъ руки всѣхъ возставшихъ противъ тебя». И затѣмъ, на прямой вопросъ объ Авессаломѣ, онъ продолжалъ: «да будетъ съ врагами господина моего царя и со всѣми, злоумышляющими противъ тебя, то же, что постигло отрока!» Ѳеіопъ старался смягчить свою вѣсть заявленіемъ, что Авессаломъ заслуживалъ своей участи и что его смерть избавила государство отъ страшной опасности; но такія соображенія въ это время были напрасны и не могли облегчить горести родительскаго сердца. Давидъ понялъ, что его возлюбленный сынъ убитъ, и когда, дѣйствительно, узналъ о постигшей Авессалома участи, то чувство отеческой любви и горя превозмогло въ немъ всякую радость о побѣдѣ. «И смутился царь, и пошелъ въ горницу надъ воротами, и плакалъ, и когда шелъ, говорилъ такъ: сынъ мой Авессаломъ, сынъ мой, сынъ мой Авессаломъ! О, кто далъ бы мнѣ умереть вмѣсто тебя, Авессаломъ, сынъ мой, сынъ мой»...

Горе царя распространилось на весь народъ, «и обратилась побѣда того дня въ плачъ для всего народа». Но въ то же время среди его послѣдователей было не мало такихъ болѣе холодныхъ лицъ, которыя были недовольно такимъ неблаговременнымъ перерывомъ всеобщей радости. Они не могли входить въ чувства Давида, не представляли себѣ всей глубины удручавшей его скорби, не сочувствовали снисходительности отца, любовь котораго перевѣшивала всѣ соображенія патріотизма и политики. Не понимая горести отца, оплакивавшаго своего сына, который погибъ во цвѣтѣ лѣтъ, не по-

лучивъ возможности для раскаянія въ своемъ неразумномъ поступкѣ, они начали открыто роптать на Давида и укоряли его за этотъ неумѣстный, хотя и естественный, плачъ. Вскорѣ о всемъ этомъ узналъ Іоавъ, и замѣтивъ, какъ недовольный народъ сталъ робко пробираться въ городъ, скорѣе представляя собою какъ бы разбитую толпу, чѣмъ побѣдоносное воинство, онъ съ своею обычною суровостью, рѣшился заставить царя прекратить эту скорбь и ободриться духомъ. Явившись къ царю, онъ заявилъ ему, что этимъ своимъ унынiемъ и плачемъ онъ подвергалъ опасности надежду на свое возстановленіе и терялъ довѣріе къ себѣ подданныхъ; чтобы поправить дѣло, онъ немедленно же долженъ явиться къ войскамъ и воздать имъ благодарность за ихъ доблестное дѣло, онъ не долженъ давать имъ поводъ предполагать, что жизнь мятежнаго Авессалома въ глазахъ царя дороже безопасности преданнаго ему народа; въ противномъ случаѣ, если онъ не сдѣлаетъ этого и не возблагодаритъ войско, оно оставитъ его, и дѣло его возстановленія можетъ подвергнуться опасности. Въ виду такихъ увѣщаній, царь, наконецъ, ободрился духомъ, чтобы должнымъ образомъ воспользоваться плодами побѣды и возвратиться въ Іерусалимъ.

Оправившись отъ своего унынія, Давидъ, съ воспрянувшею энергіей, принялъ мѣры къ возстановленію своей власти. Дѣла теперь обстояли такъ, что не было особенной надобности торопиться. Правда, нужно было смирить или привести къ вѣрноподданничеству западныя колѣна, которыя принимали участіе въ возстаніи и помазали Авессалома на царство; но Давидъ видѣлъ, что теперь уже не придется принимать какихъ-нибудь принудительныхъ мѣръ. Въ общественномъ мнѣніи быстро совершался крутой поворотъ; Давиду стоило только воспользоваться этимъ движеніемъ и обождать благопріятнаго обстоятельства, и тогда ему можно будетъ возвратиться въ мирѣ. Теперь, когда злополучнаго юноши, за преступнымъ дѣломъ котораго столь слѣпо послѣдовали западныя колѣна, не было въ живыхъ и дѣло его потеряло всякую почву, израильтяне вновь вспомнили о заслугахъ царя, котораго они было низложили, приняли во вниманіе оказанныя имъ народу услуги, его побѣдоносныя войны, его мудрое управленіе и дружелюбный характеръ и поэтому начали сознавать несправедливость, неблагодарность и неразумность своего собственнаго поступка, и желаніе о возстановленіи Давида сдѣлалось всеобщимъ. Единственнымъ ко-

лѣномъ, которое продолжало держаться въ сторонѣ отъ Давида, было колѣно Іудино. Другія уже отправили посольства въ Маханаимъ съ предложеніемъ своей покорности; но собственное колѣно Давидово не принимало никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Это было источникомъ великой скорби для царя, который болѣе всего опасался разъединенія между своими соотечественниками, и прежде всего рѣшился побѣдить проявлявшееся къ нему нерасположеніе и склонить Іудино колѣно принять участіе въ общемъ движеніи. Послѣднее возстаніе не разстроило колѣнной организаціи, и царь немедленно вошелъ въ сношенія съ старѣйшинами, въ рукахъ которыхъ находилась власть, какъ и въ болѣе мирныя времена. Вслѣдствіе этого, онъ отправилъ обоихъ главныхъ священниковъ, Садока и Авіаѳара, для увѣщанія ихъ въ неразумности столь холоднаго отношенія къ царю, который былъ отъ ихъ плоти и кости. Съ цѣлью склонить къ себѣ это колѣно, онъ отправилъ особую вѣсть Амессаю, стоявшему теперь во главѣ его, и обѣщалъ ему не только простить его участіе въ возмущеніи, но и назначить его полководцемъ на мѣсто Іоава. Послѣдній вновь навлекъ на себя сильное негодованіе государя своимъ самовольнымъ поступкомъ въ дѣлѣ умерщвленія Авессалома и съ каждымъ днемъ обнаруживалъ все бо́льшее непослушаніе и своевольство. Давидъ уже давно желалъ освободить себя отъ стѣснительнаго вліянія этого беззастѣнчиваго человѣка, и теперь, когда ему представился благопріятный случай для этого, онъ охотно воспользовался имъ. Неизвѣстно, каковъ былъ результатъ этого шага по отношенію къ самому Іоаву, который отнюдь не былъ ничтожнымъ врагомъ, но во всякомъ случаѣ этотъ образъ дѣйствія благопріятно повліялъ на настроеніе іудеевъ. Они видѣли, что царь прощалъ ихъ за участіе въ мятежѣ, поняли необычайное благородство своего столь оскорбленнаго ими монарха, и, раскаиваясь въ своей невѣрности, единогласно приглашали его возвратиться. Отъ холодной враждебности они перешли къ нетерпѣливой ревности; на встрѣчу царю къ переходу Іордана выслана была торжественная депутація, и Давидъ, оставивъ Маханаимъ, торжественно двинулся со своими послѣдователями по направленію къ Іерусалиму. Прибывъ на противоположный съ Галгаломъ берегъ, онъ нашелъ, что колѣно Іудино уже позаботилось о средствахъ переправы и приняло всѣ мѣры къ почетной встрѣчѣ царя, не посовѣтовавшись съ другими колѣнами или не пригласивъ ихъ даже къ

участію въ этомъ дѣлѣ. Это была не совсѣмъ благопріятная мѣра, но такъ какъ теперь уже поздно было исправлять ее, то Давидъ принужденъ былъ принять торжественную встрѣчу отъ одного Іудина колѣна, хотя это отнюдь не соотвѣтствовало его мысли о совмѣстномъ дѣйствіи всего народа.

Среди тѣхъ, которые теперь впереди всѣхъ вышли на встрѣчу къ Давиду, были Семей и Сива. Первый, который, естественно, боялся, что теперь онъ подвергнется примѣрному наказанію за свое буйное и оскорбительное для Давида поведеніе, униженно пресмыкался предъ Давидомъ, умоляя его о прощеніи, и привелъ съ собою тысячу своихъ соотечественниковъ веніамитянъ, заявляя, что онъ скорбитъ о своемъ прежнемъ поведеніи и готовъ прежде всѣхъ другихъ оказать почесть и покорность Давиду. Авесса, съ своимъ грубымъ чувствомъ справедливости, желалъ сразу же покончить съ нимъ, но Давидъ, въ этотъ великій и торжественный моментъ своей жизни, не хотѣлъ измѣнить своей обычной царственной милости и даровалъ жизнь этому жалкому оскорбителю. Суровость его племянниковъ была особенно не симпатична милостивому духу сына Іессеева, великодушіе и возвышенный характеръ котораго никогда не выступали съ такою поразительностью, какъ именно въ его отношеніи къ побѣжденнымъ. «Нынѣ ли умерщвлять кого-либо въ Израилѣ? спросилъ Давидъ. Не вижу ли я, что нынѣ я—царь надъ Израилемъ?». Что касается Сивы, то тотъ, заявленіемъ своего сочувствія царскому дѣлу, желалъ добиться утвержденія себя во владѣніи имѣніемъ, которымъ онъ воспользовался вслѣдствіе взведенной клеветы на Мемфивосѳея; но теперь онъ опасался потерять все. Хромой князь теперь самъ явился на берега Іордана и объяснилъ, какъ коварно поступилъ съ нимъ Сива, взявъ у него осла, на которомъ онъ намѣренъ былъ ѣхать и безъ котораго онъ не могъ, по своей хромотѣ, сопровождать царя, и увѣряя царя, что онъ остался въ Іерусалимѣ, будто бы, въ надеждѣ наслѣдовать престолъ, между тѣмъ какъ у него было искреннее желаніе раздѣлить участь Давида; въ знакъ скорби по случаю послѣднихъ событій, онъ даже не стригъ себѣ ногтей, не чесалъ своей бороды, не мылъ своихъ одеждъ съ того самаго печальнаго дня, какъ царь оставилъ Іерусалимъ. Извиненіе Мемфивосѳея казалось правдоподобнымъ, но Давидъ, видимо, не чуждъ былъ подозрѣнія его хотя бы въ молчаливомъ соучастіи въ возстаніи, почему и не возстановилъ ему его владѣній во всей ихъ

полности, а раздѣлилъ ихъ на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна осталась за нимъ, а другая—перешла къ Сивѣ. Въ этомъ рѣшеніи царь руководился политикой, запрещавшей ему нажить себѣ врага въ лицѣ Сивы, весьма вліятельнаго человѣка среди веніамитянъ, которые, какъ мы увидимъ, были весьма не надежными сторонниками царствующей династіи. Мемфивосеей, который не былъ искусенъ въ управленіи имѣніемъ и не прочь былъ избавиться отъ хлопотъ, связывавшихся съ большою собственностью, отвѣчалъ, что Сива можетъ взять даже и все, такъ какъ теперь, дескать, онъ не нуждается ни въ чемъ и доволенъ тѣмъ, что дожилъ до счастливаго возстановленія царя на престолѣ. Еще пріятнѣе для возвращавшагося царя была встрѣча со стороны добраго Верзеллія, который нѣкогда снабжалъ царское войско всей необходимой провизіей въ Маханаимѣ. Онъ также съ своимъ семействомъ вышелъ на встрѣчу царю при переправѣ его чрезъ Іорданъ. Давидъ выражалъ желаніе имѣть столь преданнаго друга постоянно при себѣ и пытался склонить Верзеллія поселиться при дворѣ; но Верзеллій почтительно отклонилъ это приглашеніе, такъ какъ онъ уже былъ слишкомъ преклонныхъ лѣтъ, чтобы предоставляемыя царскимъ дворомъ удовольствія могли имѣть для него какую-нибудь прелесть, и поэтому рѣшился умереть въ своемъ собственномъ городѣ и быть погребеннымъ среди своихъ соотечественниковъ. Сдѣланное ему предложеніе онъ съ радостью принялъ въ пользу своего сына Кимгама, котораго Давидъ взялъ съ собою въ Іерусалимъ и относился къ нему съ величайшимъ вниманіемъ. Послѣ долгаго и крѣпкаго объятія, Давидъ и Верзеллій разлучились между собою и уже никогда опять не встрѣчались въ этомъ мірѣ.

ГЛАВА XV.

ДАЛЬНѢЙШІЯ СМУТЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ДАВИДА.

Съ того времени, какъ самое сильное колѣно въ Израильскомъ народѣ, Іудино, возвратилось къ вѣрноподданничеству Давиду, престолъ свой онъ могъ считать обезпеченнымъ, и поэтому онъ, съ твердою увѣренностью и радостью, переправился чрезъ Іорданъ и остановился въ знаменитомъ Галгалѣ, находившемся неподалеку отъ переправы. Все, повидимому, предвѣщало мирное возвращеніе въ Іеру-

салимъ, но разъ совершенный грѣхъ, приведшій уже къ столь страшному событію, какъ возстаніе сына на отца, заразилъ своимъ тлетворнымъ вліяніемъ и вообще нравственную и политическую жизнь народа, такъ что его послѣдствія Давидъ долженъ былъ испытать еще не въ одномъ случаѣ. Такъ и здѣсь на пути случилось одно событіе, которое омрачило радость торжества и угрожало печальными послѣдствіями.

Колѣно Іудино, заявивъ свое вѣрноподданничество Давиду и чувствуя свое вліяніе, конечно, не упустило случая для того, чтобы занять наиболѣе видное положеніе при Давидѣ, и, быть можетъ, не прочь было даже показывать, что оно приписываетъ себѣ главную честь возстановленія Давида на престолъ. Помимо этой собственной заносчивости и ея унизительности для Давида, такое положеніе Іудина колѣна легко могло вызвать недовольство и чувство соперничества въ другихъ колѣнахъ. Такъ это именно и случилось. Когда представители отъ другихъ десяти колѣнъ прибыли для встрѣчи Давида, то они были крайне огорчены и раздражены, увидѣвъ, что, несмотря на то, что они первые признали царя, имъ не пришлось принять участія въ его возстановленіи, между тѣмъ, какъ колѣно Іудино, долго стоявшее въ сторонѣ, являлось во главѣ всего движенія и разсчитывало пожать богатую награду за свою самолюбивую ревность въ дѣлѣ царя. Долго таившаяся искра соперничества между двумя половинами народа, вслѣдствіе этого, разгорѣлась въ цѣлое пламя. Представители Израиля жаловались, что колѣно Іудино, такъ сказать, захватило царя въ свои руки изъ-за эгоистическихъ побужденій; послѣдніе отвѣчали, что царь происходитъ изъ ихъ рода, и что это именно и было причиной ихъ энергической дѣятельности, а не ожиданіе какой-либо особенной чести и преимуществъ. Но израильтяне возразили, что они составляютъ десять частей въ царствѣ противъ двухъ, составляющихъ колѣно Іудино; слѣдовательно, имъ собственно должно принадлежать первенство. «Мы десять частей у царя», запальчиво говорили израильтяне; «также и у Давида мы болѣе, нежели вы; мы первенецъ, а не вы; зачѣмъ вы унизили насъ? Не намъ ли принадлежало первое слово о томъ, чтобы возвратить нашего царя?» Не смотря на такія возраженія, представители колѣна Іудина не имѣли склонности идти на уступки, и отвѣчали на эти возраженія запальчивыми и яростными словами. Начавшійся раздоръ разросся до серьезнаго разрыва. Этимъ споромъ

воспользовался одинъ негодный человѣкъ, очевидно, давно уже ждавшій благопріятнаго случая для выступленія на сцену политической смуты. Во время запальчивыхъ переговоровъ, вдругъ въ станѣ раздался тревожный звукъ трубы. Этотъ трубный звукъ изданъ былъ нѣкіимъ Савеемъ, честолюбивымъ и коварнымъ веніамитяниномъ. Онъ называется «сыномъ Бихри», что означаетъ, что онъ происходилъ изъ рода Бихри, сына Веніаминова, слѣдовательно, изъ того самаго рода, изъ котораго происходилъ также и Саулъ. Досада на переходъ царской власти изъ дома Саулова къ дому Давидова все еще тлѣла въ душѣ веніамитянъ, и когда Савей затрубилъ въ трубу, измѣннически провозглашая: «нѣтъ намъ части въ Давидѣ и нѣтъ намъ доли въ сынѣ Іессеевомъ», то за нимъ по стану раздался измѣнническій крикъ: «всѣ по шатрамъ своимъ, израильтяне!» и затѣмъ послѣдовало общее отдѣленіе сѣверныхъ колѣнъ, которыя, предоставивъ только колѣну Іудину провожать царя въ Іерусалимъ, сами удалились, нѣкоторыя въ мрачномъ недовольствѣ по домамъ, а другія вслѣдъ за этимъ новымъ претендентомъ. Политическій горизонтъ опять омрачился, и для возстановленія своего авторитета Давиду необходимо было возможно скорѣе возвратиться въ свою столицу и занять въ ней болѣе или менѣе прочное положеніе.

Прибывъ въ Іерусалимъ и опять поселившись въ своемъ дворцѣ, Давидъ сначала устроилъ свои домашнія дѣла и позаботился о будущей жизни тѣхъ десяти наложницъ, которыя такъ постыдно были обезчещены его недостойнымъ сыномъ. Онѣ были помѣщены въ особомъ жилищѣ, такъ какъ уже не имѣли права на замужество и осуждены были на безотрадное вдовство. Затѣмъ царь обратилъ свое вниманіе и на болѣе важныя государственныя дѣла. Измѣнническое движеніе Савея все усиливалось, и его нужно было сразу же пресѣчь, чтобы оно не произвело болѣе печальныхъ послѣдствій, чѣмъ возмущеніе Авессалома. Поэтому, Амессаю, который заступилъ теперь мѣсто Іоава въ качествѣ главнокомандующаго, было поручено собрать въ теченіе трехъ дней войско Іудейское, и къ концу этого срока самому явиться для полученія окончательныхъ приказаній. Срокъ прошелъ, а между тѣмъ онъ не являлся: или онъ замедлилъ въ своихъ движеніяхъ, или народъ былъ не расположенъ къ новому военному предпріятію, или даже не хотѣлъ признать Амессая вождемъ, и Давидъ, опасаясь, чтобы возстаніе не приняло опасныхъ размѣровъ, въ видѣ предосторожности и безъ всякой мысли о смѣщеніи

Амессая, приказалъ Авессѣ взять съ собой отрядъ тѣлохранителей и гиббоpимовъ, а также и всѣ другія войска, находившіяся налицо въ Іерусалимѣ, и сразу же двинуться противъ Савея, чтобы онъ не овладѣлъ какою-нибудь сильною крѣпостью и не оказался въ положеніи, которое бы давало ему возможность держаться противъ двинутой противъ него силы. Царь ввѣрилъ начальство надъ этимъ военнымъ предпріятіемъ Авессѣ, такъ какъ онъ отнюдь не возвратилъ свою благосклонность Іоаву и уклонялся имѣть какое бы то ни было дѣло съ нимъ. Но эти два брата поняли другъ друга. Іоавъ, съ отборнымъ отрядомъ своихъ собственныхъ войскъ сопровождалъ этотъ отрядъ номинально въ качествѣ добровольца, но въ дѣйствительности съ намѣреніемъ захватить въ свои руки должность главнокомандующаго, какъ только представится къ тому случай. Едва этотъ небольшой отрядъ достигъ Гаваона, лежащаго въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ Іерусалима, какъ онъ встрѣченъ былъ Амессаемъ во главѣ только что собраннаго имъ войска. Встрѣча эта произошла при одномъ большомъ камнѣ, который, вслѣдствіе совершившагося тамъ кроваваго событія, сдѣлался навсегда достопамятнымъ. Іоавъ, одѣтый во всѣ свои воинскіе доспѣхи, и подтянутый поясомъ, за которымъ онъ постоянно носилъ короткій мечъ, самымъ дружелюбнымъ образомъ пошелъ навстрѣчу къ своему двоюродному брату. Во время его торопливаго движенія, мечъ его, повидимому, случайно, выпалъ изъ-за пояса. Поднявъ его своей лѣвой рукой, онъ продолжалъ идти впередъ, и, подойдя къ Амессаю, своею правой рукой взялъ его за бороду, какъ это было въ обычаѣ въ то время у друзей, для того, чтобы поцѣловать его въ щеку. Амессай, не подозрѣвая ничего худаго и оставивъ всякую предосторожность, ласково отвѣтствовалъ на привѣтъ, и въ это именно время получилъ смертельный ударъ отъ своего беззастѣнчиваго родственника, который не останавливался ни предъ чѣмъ въ дѣлѣ устраненія опаснаго себѣ соперника, какъ это было уже и раньше, когда онъ подобнымъ же образомъ устранилъ съ своей дороги Авенира. Злополучный Амессай оставленъ былъ на дорогѣ плавающимъ въ своей крови; но когда оказалось, что войско его было крайне смущено убійствомъ своего вождя, и колебалось, что дѣлать, одинъ изъ военачальниковъ Іоава удалилъ трупъ изъ вида и, призывая всѣхъ, которые желали служить съ Іоавомъ на сторонѣ Давида, немедленно

же слѣдовать за Іоавомъ, убѣдилъ войско признать надъ собою власть своего стараго главнокомандующаго.

Какбы съ цѣлью загладить печальное событіе, Іоавъ началъ серьезное преслѣдованіе мятежниковъ. Савей, у котораго было лишь немного войска и который не обладалъ никакими военными дарованіями, могшими бы для него возмѣстить недостатокъ силы, былъ выбиваемъ изъ одной позиціи за другой, такъ что онъ не въ состояніи былъ нигдѣ оказать сопротивленія и все болѣе отступалъ къ сѣверу, пока, наконецъ, не нашелъ себѣ убѣжища въ Авелъ-Беѳъ-Маахѣ, сильномъ городѣ, лежавшемъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ озера Меромскаго, гдѣ нѣкоторые изъ жителей Веніаминова города Беероѳа основали колонію Беримъ. Жители этой мѣстности, мало знавшіе о послѣднихъ событіяхъ на отдаленномъ югѣ, сострадательно приняли бѣглеца, хотя отнюдь не сочувствовали его дѣлу, если только не имѣли какой-нибудь дѣйствительной причины враждовать противъ Давида. Іоавъ скоро подступилъ къ этому городу и началъ военныя операціи съ возведенія земляного вала, съ котораго можно бы было штурмовать стѣны и поражать защитниковъ. Городъ скоро принужденъ бы былъ къ сдачѣ и подвергся бы той жестокой участи, которая была обычнымъ явленіемъ по военному праву въ древности, если бы въ дѣло не вмѣшалась одна умная женщина, которая вызвалась вступить въ переговоры съ Іоавомъ и горячо возставала противъ угрожающаго со стороны Іоава разрушенія того города, который, по ея словмъ, «былъ матерью городовъ въ Израилѣ», то-есть главнымъ городомъ во всемъ округѣ и важною частью въ наслѣдіи Господнемъ. Іоавъ отвѣчалъ, что у него отнюдь нѣтъ желанія разрушать этотъ старый и вѣрный городъ; онъ преслѣдуетъ лишь мятежнаго Савея, и еслибы граждане выдали его, то онъ сразу же сниметъ осаду. Женщина обѣщала, что все это будетъ сдѣлано, и, дѣйствительно, убѣдила гражданъ, чтобы они исправили свою ошибку и спасли себя на счетъ мятежнаго Савея. Граждане вполнѣ согласились съ доводами женщины, и жалкій измѣнникъ былъ схваченъ и обезглавленъ, и его голова переброшена черезъ стѣну къ осаждающимъ. Въ отвѣтъ на это Іоавъ сразу же удалилъ свои войска, и такъ какъ возстаніе было совершенно закончено, то онъ торжественно возвратился въ Іерусалимъ. Этимъ своимъ походомъ онъ еще разъ доказалъ свою военную доблесть, и, не смотря на его непокорность и его ужасныя пре-

ступленія, Давидъ чувствовалъ себя вынужденнымъ утвердить его опять въ верховномъ званіи главнокомандующаго. Для царя было крайне унизительнымъ опять предоставлять это высокое положеніе своему столь негодному слугѣ; но онъ долженъ былъ считать и это однимъ изъ проявленій наказанія за свой роковой грѣхъ, и держалъ Іоава вблизи себя въ качествѣ постояннаго напоминанія себѣ о самомъ мрачномъ часѣ своей жизни. Нужно замѣтить, впрочемъ, что Іоавъ не только былъ наиболѣе вліятельнымъ подданнымъ во всемъ государствѣ, но, при всемъ своемъ своеволіи и дикости, онъ всегда близко принималъ къ сердцу интересы своего господина и оказывался наиболѣе дѣятельнымъ исполнителемъ повелѣній царя. Интересы дисциплины и престола, несомнѣнно, требовали отъ Давида терпѣть около себя присутствіе тяжелаго и своевольнаго Іоава, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ тяжкимъ бременемъ для него и омрачалъ все его душевное настроеніе.

Послѣ подавленія двухъ возстаній, въ странѣ, наконецъ, водворился миръ, и Давиду представилась возможность вновь приняться за управленіе государствомъ. Минувшія смуты показали, что государственныя дѣла требовали во многихъ отношеніяхъ значительнаго преобразованія, и въ особенности нужно было подвергнуть болѣе полному переустройству исполнительную власть, которая и оказалась менѣе всего удовлетворительною въ періодъ волненій. Время теперь представлялось самое благопріятное для этого переустройства, такъ какъ окружающіе народы, будучи ослаблены нанесенными имъ раньше пораженіями со стороны Давида, не имѣли силъ вмѣшиваться въ внутреннія смуты Израиля и не дѣлали никакихъ нашествій на его владѣнія. Самыя возстанія продолжались лишь весьма короткое время, такъ что внѣшніе враги едва ли даже и имѣли достаточныя свѣдѣнія объ этихъ смутахъ. Какъ ни тяжки были послѣдствія, которыя эти мятежи оставили на славѣ и положеніи царя, они, во всякомъ случаѣ, содѣйствовали укрѣпленію его правительства и побуждали народъ полагаться на него, какъ правителя, хотя народъ, несомнѣнно, отчасти и потерялъ къ нему свое уваженіе, какъ къ человѣку. Вслѣдствіе этого, остальные годы жизни Давида обѣщали пройти въ мирѣ и благоденствіи. Библейскій повѣствователь представляетъ списокъ главныхъ военачальниковъ этого времени, который, по сравненію съ прежнимъ спискомъ, показываетъ, что въ это время произведены были значитель-

ныя перемѣны какъ въ лицахъ, такъ и въ должностяхъ [1]). Но намъ нѣтъ надобности останавливаться на этомъ, и достаточно замѣтить, что въ этомъ спискѣ совершенно не упоминается о томъ, чтобы теперь царь дѣлалъ главными управителями отдѣльныхъ областей своихъ сыновей, такъ какъ послѣдній опытъ доказалъ всю опасность порученія имъ значительной власти. Подчиненіе многихъ чужеземныхъ государствъ сдѣлало, между прочимъ, необходимою особую должность сборщика даней, которымъ назначенъ былъ Адонирамъ.

Благодаря водворившемуся миру и энергичной дѣятельности царя, царство Израильское вновь достигло высокой степени благоустройства; правленіе повсюду сдѣлалось справедливымъ и строгимъ, войско было многочисленно, находилось подъ хорошей командой и стояло совершенно на одномъ уровнѣ съ войсками великихъ монархій на берегахъ Нила и Евфрата; иноземные народы относились къ Израильскому государству съ уваженіемъ и добивались союза съ нимъ, и Давидъ, еслибы только онъ былъ простымъ восточнымъ монархомъ, вполнѣ могъ бы быть извиненъ за нѣкоторое чувство гордости при видѣ счастливыхъ успѣховъ своего народа и его вступленія въ среду великихъ монархій тогдашняго цивилизованнаго міра. Онъ былъ самодержавнымъ царемъ великаго государства, которое простиралось отъ Ливанскихъ горъ до границы Египетской и отъ Средиземнаго моря до рѣки Евфрата. При такомъ состояніи Давиду оставалось бы только смиренно благодарить Бога за оказанныя ему и его народу благодѣянія, такъ какъ онъ самъ сознавалъ, что всѣмъ этимъ величіемъ онъ исключительно обязанъ помощи Божіей. Но въ немъ шевельнулось чувство самонадѣянной гордости, и онъ совершилъ еще одинъ грѣхъ, который омрачилъ остатокъ его жизни и навлекъ на его страну тяжкое бѣдствіе. Грѣхъ этотъ состоялъ въ исчисленіи народа. Что это былъ тяжкій грѣхъ, это видно изъ самыхъ словъ, которыми начинаетъ библейскій повѣствователь свое повѣствованіе объ этомъ. «Гнѣвъ Господень опять возгорѣлся», говоритъ онъ, «на израильтянъ и возбудилъ онъ въ нихъ Давида сказать: пойди, исчисли Израиля и Іуду» [2]). Выраженіе другаго библейскаго повѣствователя еще сильнѣе выражаетъ

[1]) Цар. XX; ср. XIII.
[2]) 2 Цар. XXIV, 1.

грѣховность этого обстоятельства, такъ какъ, по его свидѣтельству, Давидъ въ этомъ дѣлѣ руководился прямо искушеніемъ сатаны [1]). Грѣховность этого предпріятія явствуетъ также изъ неохотности Іоава предпринять это дѣло, изъ раскаянія самого Давида и изъ навлеченнаго имъ на себя наказанія. Но самый фактъ настолько не ясенъ, что онъ подвергался различнымъ истолкованіямъ. Чтобы лучше понять всю эту исторію, необходимо смотрѣть на нее съ религіозной точки зрѣнія, и мы, поставивъ себя въ положеніе Давида, разсмотримъ, въ чемъ, собственно, могла состоять виновность этого поступка. Само по себѣ исчисленіе народа не было дѣломъ грѣховнымъ. Самъ Моисей дважды производилъ такое исчисленіе, и хотя было установлено, чтобы за всѣхъ, подвергавшихся исчисленію, брался извѣстный выкупъ деньгами, это установленіе, однако же, было лишь временнымъ, и опущеніе его въ данномъ случаѣ едва ли можно считать тяжкимъ преступленіемъ [2]). Нѣкоторые изслѣдователи, освобождая Давида отъ обвиненія въ простомъ легкомысленномъ любопытствѣ узнать числу своихъ подданныхъ, думаютъ, что онъ предпринялъ эту мѣру съ цѣлью удостовѣриться, какое количество податей, добавочныхъ или другаго какого рода, могъ вынести народъ, и, такимъ образомъ, насколько можно увеличить свои собственныя сокровища,—а такое мѣропріятіе шло бы какъ разъ противъ постановленія, запрещавшаго царю умножать себѣ золото и серебро [3]). Но для такого предположенія безусловно нѣтъ никакихъ основаній, и изъ послѣдующаго скорѣе можно заключить, что тутъ имѣлась въ виду исключительно военная цѣль. Нельзя въ то же время сказать, чтобы Давидъ производилъ это исчисленіе своего народа исключительно съ цѣлью высокомѣрнаго самопрославленія, такъ, чтобы, полагаясь на свою воинскую силу, цѣнить свое могущество уже не по мѣрѣ божественной милости, а по матеріальнымъ рессурсамъ своего государства. Такой взглядъ на національное благоденствіе становился бы въ рѣзкое противорѣчіе со всѣмъ тономъ и направленіемъ его жизни, которая особенно и замѣчательна была совершеннѣйшимъ упованіемъ на помощь Божію и вѣрою въ Его руководительство. Затѣмъ, если бы въ этомъ дѣлѣ вина была исклю-

---

1) 1 Паралип. XXI, 1.

2) Исх. XXX, 12 и слѣд.; см. Числ. I, XXVI; Josephus, Antiq. VII, 13, 1.

3) Втор. XVII, 17

чительно его личная, то трудно бы понять справедливость того, что наказаніе тяжко обрушилось и на его подданныхъ. Дѣло представляется проще. Давидъ, пользуясь миромъ и благоденствіемъ и оглянувшись вокругъ себя, видѣлъ, какъ другіе монархи, обладая естественными рессурсами не больше его собственныхъ, сдѣлались могущественными и знаменитыми при посредствѣ чужеземныхъ завоеваній, почему бы и Израилю не сдѣлаться дѣйствительно одной изъ этихъ міровыхъ державъ? Почему бы и ему не играть болѣе важной роли на землѣ и не занять положенія между передовыми народами? Предъ его воображеніемъ рисовался планъ завоеваній, планъ, который можетъ сдѣлать имя Давида грознымъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, такъ что своими побѣдами царь будетъ имѣть возможность передать свою славу до отдаленнѣйшихъ поколѣній. Это была величественная мечта, но какъ она не согласна съ самымъ назначеніемъ избраннаго народа! Народъ этотъ былъ поселенъ въ Ханаанѣ, чтобы онъ могъ жить тамъ въ отчужденіи отъ соприкосновенія съ другими народами; ему запрещено было употреблять колесницы и коней, чтобы не имѣть искушенія предпринимать далекіе походы; ему постоянно внушалось не полагаться на многочисленность войска, на оружіе или искусство, а только на Бога воинствъ Израилевыхъ, который могъ спасать какъ при помощи многочисленнаго войска, такъ и при помощи немногихъ. Имъ, конечно, приходилось выходить и на войну, но при этомъ они должны были руководиться не побужденіемъ честолюбія или властолюбія, а голосомъ пророка, божественнымъ указаніемъ. И сыны Израиля могли умножиться, какъ звѣзды небесныя, только подъ тѣмъ условіемъ, если они будутъ служить Господу и исполнять Его волю; иначе они будутъ сокращены въ числѣ и разсѣяны. Сдѣланная Давидомъ ошибка была совершенно похожа на ошибку его соотечественниковъ въ позднѣйшее время, когда они упорно ожидали въ лицѣ Мессіи великаго земнаго государя, побѣдоноснаго земнаго покорителя, и отказались признать Его, когда Онъ пришелъ въ смиренномъ лицѣ Іисуса Назарянина. Потому-то и постигло Израиля тяжкое наказаніе, съ цѣлью привести его къ сознанію своего долга, и самымъ рѣшительнымъ образомъ пресѣчь въ немъ тотъ мірской и суетный духъ, который разъѣдалъ истинную жизнь теократическаго народа. Богъ попустилъ царю увлечься искушеніемъ этого своего честолюбія, чтобы тѣмъ сильнѣе

преподать ему спасительный урокъ и жестокимъ наказаніемъ научить своего намѣстника, что онъ долженъ жить только для Бога, а не для самого себя.

Порѣшивъ произвести исчисленіе, Давидъ ввѣрилъ исполненіе его Іоаву и другимъ начальникамъ, причемъ повелѣлъ имъ пройти всѣ колѣна отъ Дана до Вирсавіи и произвести точную перепись народа. Порученіе это не понравилось его государственнымъ совѣтникамъ, и Іоавъ, въ качествѣ ихъ выразителя, возражалъ Давиду противъ этого мѣропріятія. Они держались общераспространеннаго въ народѣ мнѣнія, что точное исчисленіе количества владѣній всегда, вообще, влечетъ за собою потери и бѣдствія. Какъ ни своеволенъ и ни измѣнчивъ былъ въ своихъ началахъ Іоавъ, и какъ ни преданъ онъ былъ своимъ собственнымъ интересамъ, однако же онъ былъ истиннымъ патріотомъ въ сердцѣ и заботился о благѣ своей страны. При своемъ благоразуміи и проницательности, онъ рѣдко ошибался въ своей дѣятельности, и, пытаясь отговорить Давида отъ задуманнаго имъ предпріятія, онъ при этомъ руководился интересами общественнаго блага. Исчисленіе это отнюдь не было необходимостью и не соотвѣтствовало никакой доброй цѣли, а, напротивъ, могло даже повести къ новому ропоту и недовольству; притомъ намѣреніе у царя вытекало не изъ религіозныхъ побужденій, а подсказано было честолюбіемъ, которое совершенно противно волѣ Божіей; весь народъ составляетъ его подданныхъ, и Господь умножаетъ его по Своему благосоизволенію, такъ что рѣшительно нѣтъ никакой пользы въ точномъ исчисленіи его. По мнѣнію Іоава, изъ всего этого предпріятія не могло выйти ничего хорошаго; вмѣстѣ съ нимъ противъ этого плана были и другіе наиболѣе преданные Давиду друзья его. «Господь, Богъ твой», говорилъ Іоавъ отъ лица ихъ Давиду, «да умножитъ столько народа, сколько есть, и еще во сто разъ столько, а очи господина моего, царя, да увидятъ это; но для чего господинъ мой, царь, желаетъ этого дѣла?» Но все было напрасно; Давидъ оставался непреклоннымъ, и назначенные для исчисленія сановники отправились для исполненія своего порученія, которое и исполнили съ тщательностью, занося въ списокъ всѣхъ мужчинъ подлежащаго воинской службѣ возраста. Дѣло это они начали по восточную сторону Іордана, въ колѣнѣ Гадовомъ, въ Ароерѣ, мѣстечкѣ, называющемся теперь Айре, лежащемъ на правомъ берегу вади Шаимъ, между Беѳъ-Нимрой и Рамоѳомъ Галаадскимъ. Оттуда они двинулись

къ сѣверу, къ Галааду, и къ подошвѣ горы Ермона, до Дана, самаго сѣвернаго города Израильскаго государства. Повернувъ оттуда, они затѣмъ направились на западъ, къ Сидону, и морскому берегу до Тира, такъ какъ эти города находились въ военномъ союзѣ съ израильтянами, посѣтили города въ колѣнахъ Нефѳалимовомъ, Завулоновомъ и Иссахаровомъ,—тотъ округъ, который въ позднѣйшее время назывался Галилеей, и, наконецъ, исчисливъ какъ центральныя колѣна, такъ и южныя до самой Вирсавіи, тамъ и закончили свои труды. Для совершенія этого исчисленія потребовалось почти десять мѣсяцевъ, и даже теперь еще оно не совсѣмъ было закончено, такъ какъ въ исчисленіе не вошли еще колѣно Левіино и колѣно Веніаминово, если только послѣднее не исчислено было вмѣстѣ съ населеніемъ Іерусалима. Повидимому, внезапно появилась чума, которая заставила прекратить это дѣло, равно какъ она же воспрепятствовала и точной сводкѣ собранныхъ чиселъ и внесенію ихъ въ царскіе архивы [1]). Отсюда и возникло разногласіе въ цифрахъ касательно произведеннаго исчисленія, какъ онѣ значатся во 2-й книгѣ Царствъ и въ 1-й книгѣ Паралипоменъ, причемъ, по свидѣтельству первой, способныхъ къ битвѣ въ Израильскихъ колѣнахъ оказалось 800,000 человѣкъ, а въ колѣнѣ Іудиномъ 500,000, между тѣмъ, какъ въ послѣдней (XXI. 5) Израилю приписывается 1.100,000 и колѣну Іудину только 470,000. Если видѣть въ этихъ цифрахъ болѣе или менѣе законченное исчисленіе, то все населеніе страны нужно считать, такимъ образомъ, восходившимъ въ это время до шести или семи милліоновъ; и Давидъ, дѣйствительно, имѣлъ основаніе гордиться численной силой своего народа и войска, цѣнить находившіеся въ его распоряженіи военные рессурсы, такъ какъ извѣстно, что и сильнѣйшая монархія древняго міра, Египетъ, въ самый цвѣтущій періодъ своего существованія и могущества, имѣла населеніе не болѣе этого числа.

Такъ какъ въ основѣ всего этого дѣла лежало грѣховное честолюбіе, то самъ Давидъ, повидимому, уже до окончанія счисленія началъ глубоко сознавать совершенную имъ ошибку. Мы не знаемъ, какъ именно Богъ пробудилъ въ немъ его дремлющую совѣсть. Во всякомъ случаѣ, онъ, повидимому, сознялъ безуміе и нечестіе своего предпріятія, помимо всякаго укора со стороны кого-нибудь изъ его

[1]) 1 Паралип. XXVII. 23.

придворныхъ пророковъ. Когда результаты исчисленія, насколько они были достигнуты, были представлены ему, то онъ невольно поразмыслилъ о тѣхъ побужденіяхъ, которыя привели его къ этому предпріятію, и о томъ употребленіи, которое онъ хотѣлъ сдѣлать изъ всего этого; онъ сравнилъ свое мірское честолюбіе съ теократической идеей, которая дотолѣ руководила всѣмъ образомъ его дѣятельности, взвѣсилъ свое дѣло на вѣсахъ религіи, и сердце его затрепетало отъ совершеннаго грѣха. Въ глубочайшемъ смиреніи онъ исповѣдалъ свой грѣхъ: «тяжко согрѣшилъ я», говорилъ онъ, «поступивъ такъ; и нынѣ молю Тебя, Господи, прости грѣхъ раба твоего; ибо крайне неразумно поступилъ я». Милосердный Богъ, конечно, могъ простить его преступленіе, но царь тѣмъ не менѣе долженъ былъ сначала понести наказаніе за это. Какъ тѣнь слѣдуетъ за предметомъ, такъ и наказаніе слѣдуетъ за грѣхомъ; вина можетъ быть снята, но наказаніе должно быть перенесено. По прошествіи мучительно проведенной ночи, къ царю пришелъ его старый другъ, пророкъ Гадъ, и передалъ ему суровую вѣсть о предстоящемъ ему наказаніи. Онъ предложилъ ему на выборъ три наказанія, именно, трехлѣтній голодъ [1]), трехмѣсячное преслѣдованіе отъ непріятелей, или трехдневную моровую язву. Два изъ этихъ бѣдствій уже были испытаны царемъ: въ теченіе трехъ или болѣе мѣсяцевъ онъ находился въ преслѣдованіи отъ непріятеля, именно, во время возстанія Авессалома; трехлѣтній голодъ онъ уже испыталъ въ возмездіе за избіеніе гаваонитянъ; что же теперь было избрать ему? «Тяжело мнѣ очень», сказалъ, раздумывая, Давидъ; и затѣмъ, съ пробужденіемъ въ немъ вѣры въ милосердіе и помощь Божію, онъ воскликнулъ: «но пусть впаду я въ руки Господа, ибо великое милосердіе Его, только бы въ руки человѣческія не впасть мнѣ». Онъ избралъ не войну, потому что знакомъ былъ съ жестокостями, наносимыми во время ея людьми другъ другу, и содрогался теперь, съ пробужденіемъ въ немъ лучшихъ чувствъ, отъ одной мысли, къ чему могло привести его необузданное честолюбіе. Онъ не избралъ и голода; потому что это бѣдствіе обрушилось бы исключительно на его народъ, такъ какъ самъ онъ, во всякомъ случаѣ, могъ бы избѣгнуть его тяжести,

---

[1]) Въ еврейскомъ текстѣ 2 Цар. XXIV, 13, стоитъ «семилѣтній», но въ 1 Паралип. XXI, 12 «трехлѣтній», и таково чтеніе греческаго текста въ обоихъ мѣстахъ. Оно, повидимому, болѣе соотвѣтствуетъ контексту, такъ какъ и другія наказанія опредѣляются тоже числомъ т р и.

и поэтому онъ или избралъ язву, какъ наказаніе, въ которой для него опасность была столь же велика, какъ и для самаго послѣдняго изъ его подданныхъ, или предоставилъ выборъ между голодомъ и язвой самому Господу. И Господь послалъ язву. Съ беприм҃ѣрною силой, явно обнаруживающей свое сверхъестественное посѣщеніе, она обрушилась на страну, и хотя продолжалась всего только три дня, однако же въ это короткое время отъ нея умерло 70.000 человѣкъ. Такъ смирено было въ царѣ высокомѣріе, вытекавшее изъ сознанія его силы, такъ подорвана была его увѣренность въ плотскомъ оружіи, его честолюбивая мечта. Тотъ, Кто могъ сдѣлать Израиля столь же многочисленнымъ, какъ песокъ на берегу морскомъ, могъ въ то же время однимъ ударомъ сократить его численность, могъ перемѣнить голосъ высокомѣрнаго ликованія на вопль отчаянія, могъ въ нѣсколько дней сокрушить силу могущественнѣйшаго народа и превратить его могущество въ слабость.

Моровая язва, свирѣпствовавшая по всей странѣ, вдоль и поперекъ, доселѣ еще не касалась Іерусалима; но вотъ она приближалась и къ столицѣ, и глазамъ Давида представилось ужасное зрѣлище. Когда, въ страшномъ смущеніи и ужасѣ, онъ ожидалъ неизбѣжнаго удара, на небѣ онъ увидѣлъ страшнаго ангела, который, проносясь надъ городомъ, распростеръ мечъ въ своей рукѣ, какбы для нанесенія смертельнаго удара. При видѣ этого небычайнаго зрѣлища, Давидъ невольно возвысилъ свой голосъ и закричалъ: «вотъ я согрѣшилъ, я, пастырь, поступилъ беззаконно; а эти овцы, что сдѣлали онѣ! Пусть же рука Твоя обратится на меня и на домъ отца моего». Такъ въ своемъ смиреніи царь принималъ всю вину на свои собственныя плечи. Но въ дѣйствительности и народъ съ своей стороны повиненъ былъ въ его преступленіи. Его послѣдній мятежъ былъ крайне преступнымъ дѣломъ; израильтяне проявили уже слишкомъ большую готовность уклоняться съ пути долга; въ своемъ благоденствіи они забыли Бога и несомнѣнно принимали участіе въ честолюбивыхъ замыслахъ и суетномъ высокомѣріи своего монарха. Такимъ образомъ, они вполнѣ заслуживали укора и наказанія. Но и въ своемъ праведномъ гнѣвѣ Богъ не забылъ милосердія; Онъ остановилъ истребительную руку ангела и не допустилъ его поразить святой городъ. Какъ тысячу лѣтъ предъ тѣмъ ангелъ на горѣ Моріа удержалъ руку Авраама, когда онъ поднялъ ножъ для закланія своего сына, такъ и на этомъ самомъ мѣстѣ Давидъ

увидѣлъ, какъ по его молитвѣ обезоруженъ былъ ангелъ-губитель и какъ спасенъ былъ народъ, уже обреченный на закланіе.—Ангела-карателя Давидъ увидѣлъ на молотильномъ гумнѣ Орны, на горѣ Моріа. Это мѣсто находилось за предѣлами города на возвышеніи, поднимавшемся съ востока, отдѣляясь отъ Сіона и города Давидова Тиропейской долиной, въ то время имѣвшей нѣсколько сотъ футовъ глубины, хотя теперь ее едва ли можно различить съ окружающей мѣстностью. Владѣлецъ гумна Орна былъ іевусейскій старѣйшина, которому позволено было остаться тутъ послѣ взятія города. Нѣкоторые думаютъ даже, что онъ былъ царемъ іевусеевъ; во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ, обладавшій значительными средствами, и если не прозелитъ, то во всякомъ случаѣ хорошо знакомый съ израильской религіей и бывшій личнымъ другомъ Давида. И вотъ теперь къ Давиду посланъ былъ пророкъ Гадъ съ другимъ сообщеніемъ. Ему повелѣно было сообщить Давиду о томъ, чтобы онъ воздвигъ жертвенникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣнъ былъ ангелъ, и принесъ жертвы тамъ. Давидъ со своими приближенными немедленно же приступилъ къ исполненію божественнаго повелѣнія. Это было время жатвы пшеницы, когда лѣтній зной особенно усиливалъ дѣйствіе моровой язвы, и когда царь приблизился къ этому мѣсту, Орна былъ занятъ молотьбою хлѣба. На вопросъ іевусея о причинѣ этого неожиданнаго царскаго посѣщенія, Давидъ сказалъ ему, что онъ пришелъ къ нему купить у него это гумно, чтобы на немъ воздвигнуть жертвенникъ умилостивленія. Орна сразу же, съ щедростью благороднаго сердца, предложилъ подарить ему не только гумно, но и воловъ, на которыхъ онъ молотилъ хлѣбъ, и даже орудія, чтобы не терять времени на добываніе жертвъ и необходимаго для предполагаемаго жертвоприношенія топлива. Но Давидъ, провозглашая возвышенное правило, что Богу не должно служить, не неся никакихъ издержекъ на это, не хотѣлъ принять щедраго приношенія, а купилъ землю, животныхъ и орудія за хорошую цѣну. Быстро былъ воздвигнутъ и жертвенникъ изъ земли, принесены были назначенныя жертвы, которыя истреблены были чудесно сошедшимъ съ неба огнемъ. Царь и всѣ окружающіе его обратились съ мольбою къ Господу объ избавленіи народа отъ бѣдствія, и моровая язва прекратила свою опустошительную работу столь же внезапно и таинственно, какъ и появилась она, обнаруживая такимъ образомъ свой сверхъестественный характеръ и заставляя людей смотрѣть дальше

второстепенныхъ причинъ и видѣть нравственный смыслъ въ подобныхъ посѣщеніяхъ. Вслѣдствіе всего происшедшаго, мѣстность эта получила священный характеръ, и такъ какъ съ ней связывалось и древнее воспоминаніе о великомъ патріархѣ Авраамѣ, бывшемъ здѣсь въ тяжкій часъ своего величайшаго испытанія и вмѣстѣ въ счастливѣйшій часъ своего величайшаго торжества въ вѣрѣ, то она и избрана была какъ наиболѣе пригодное мѣсто для богослуженія всего народа и назначена была мѣстомъ для построенія храма въ будущемъ.

ГЛАВА XVI.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ДАВИДА.

Страшное испытаніе, постигшее Давида по случаю необдуманнаго имъ шага къ исчисленію народа, было послѣднимъ испытаніемъ его жизни, послѣ чего наступили годы мирнаго царствованія, которыми и закончилась богатая приключеніями жизнь великаго царя. Вечеръ его дней проходилъ въ мирѣ. Внѣшнія и внутреннія бури, всевозможныя смятенія, пламенныя страсти,—все это успокоилось, и царь приближался къ своему концу спокойными шагами, какіе только и пристойны почтенной старости. О дѣятельности этихъ послѣднихъ лѣтъ у насъ имѣются лишь весьма скудныя свѣдѣнія. Въ теченіе ихъ не было почти никакихъ выдающихся событій, которыя бы требовали занесенія ихъ въ лѣтопись. Народъ научился во всемъ полагаться на своего правителя. Онъ видѣлъ, что уклоненіе отъ узаконенной стези всегда влекло за собою знаменательное наказаніе, что его безопасность и благоденствіе зависятъ отъ строгой преданности теократическимъ началамъ, и израильтяне ограничивались терпѣливымъ ожиданіемъ того расцвѣта или развитія, которое должно было наступить естественнымъ путемъ въ надлежащее время, и уже не предупреждали событій, или не вводили такихъ улучшеній, для которыхъ не созрѣло еще время. Никакія внѣшнія войны не нарушали мира этого періода, и Давидъ могъ обратить все свое вниманіе на внутреннія дѣла, улучшать строй своего правленія и исправлять зло, которое успѣло вырости, не встрѣчая противодѣйствія среди смятеній и треволненій великихъ случайностей прошлаго. Однимъ изъ главныхъ предметовъ, на которые онъ

обратилъ свое вниманіе въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни, было собираніе и подготовленіе матеріаловъ для построенія храма, который суждено было построить его сыну. Въ этомъ онъ весьма большое содѣйствіе находилъ въ доброй волѣ своихъ подданныхъ, религіозный духъ которыхъ укрѣпленъ былъ послѣдними событіями и которые научились понимать глубокое значеніе водворявшейся Давидомъ централизаціи богослуженія въ Іерусалимѣ, для благолѣпія котораго такъ много сдѣлалъ самъ царь, не только усовершенствовавшій его въ обрядовомъ и музыкальномъ отношеніи, но и приставившій къ нему стройный рядъ священнослужителей, которые, когда бывали не заняты спеціальными обязанностями своего служенія, распространяли знаніе закона Божія до отдаленнѣйшихъ округовъ страны. Библейскій лѣтописецъ [1]) даетъ полный отчетъ о дѣлавшихся для построенія дома Божія приготовленіяхъ, которыя были такъ обширны и полны, что преемникъ имѣлъ возможность уже въ первые годы своего царствованія приступить къ исполненію этого великаго предпріятія. Современныя лѣтописи, заключающіяся въ книгахъ Царствъ, правда, ничего не говорятъ касательно этой обширной заготовки матеріаловъ, но онѣ во всякомъ случаѣ представляютъ не мало доказательствъ для существованія такихъ сокровищъ и подтверждаютъ вѣроятность передаваемыхъ въ другомъ мѣстѣ подробностей. Собственные рессурсы царя были весьма обширны, такъ какъ онъ обладалъ большими земледѣльческими помѣстьями, виноградниками, масличными и смоковничными садами, стадами крупнаго и мелкаго скота; затѣмъ, большимъ источникомъ доходовъ служили громадныя дани отъ покоренныхъ народовъ, равно какъ и налоги съ собственныхъ гражданъ; равнымъ образомъ, источникомъ богатства служило и то множество добычи, которая захвачена была во время внѣшнихъ войнъ. При томъ воодушевленіи, съ которымъ народъ въ послѣдніе годы относился къ Давиду, было не мало и добровольныхъ приношеній, щедро дѣлавшихся болѣе богатыми членами народа, который имѣлъ всѣ основанія быть благодарнымъ своему царю, такъ какъ, благодаря его мудрому правленію, благосостояніе народа чрезвычайно возвысилось. Изъ этихъ и тому подобныхъ источниковъ Давидъ имѣлъ возможность собрать огромную сумму въ 100,000 талантовъ золота и 1.000,000 талантовъ серебра. Кромѣ этой огромной массы драгоцѣн-

[1]) 1 Паралип. XXVIII, XXIX.

ныхъ металловъ, онъ собралъ громадные запасы мѣди, желѣза, кедроваго и другаго дерева, мрамора и драгоцѣнныхъ камней, и нанялъ каменотесовъ и художниковъ всякаго рода, какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ, съ цѣлью подготовленія этихъ матеріаловъ для ихъ будущаго предназначенія. Затѣмъ, еще изъ сбереженій своего собственнаго богатства, онъ назначилъ для той же цѣли 3,000 талантовъ золота и 7,000 серебра. Если мы будемъ считать талантъ золота въ 125,000 рублей и талантъ серебра въ 2,400 рублей, то вся сумма этого сокровища будетъ даже и для новѣйшихъ нашихъ понятій изумительною, хотя въ древности не неизвѣстны и другіе примѣры подобнаго же накопленія драгоцѣнностей. Такъ, Плиній разсказываетъ, что во время своихъ азіатскихъ войнъ онъ скопилъ 34,000 пудовъ золота и 500,000 талантовъ серебра.

Вмѣстѣ съ заготовленіемъ матеріаловъ для будущаго храма, Давидъ уже рано сталъ заботиться и о томъ преемникѣ, который былъ бы наиболѣе достойнымъ исполнителемъ его плановъ. Вопросъ о наслѣдникѣ престола не легко было рѣшить при той запутанности семейныхъ отношеній, которая была естественной причиной брачной неумѣренности Давида. У него было много женъ, много сыновей, а вслѣдствіе этого и много претендентовъ на престолъ, и горечь такого состоянія Давиду уже не разъ пришлось испытать отъ притязаній и соперничества своихъ сыновей. Вопросъ этотъ могъ быть рѣшенъ только тѣмъ, какая жена имѣла на Давида больше вліянія и какой изъ ея сыновей, на взглядъ царя, имѣлъ больше способностей къ выполненію обязанностей царя, и вслѣдствіе этого наслѣдникомъ былъ избранъ Вирсавіи — Соломонъ. Самыя обстоятельства его рожденія дѣлали его особенно дорогимъ быстро старѣвшему царю. Онъ былъ сынъ матери, страстно, хотя и преступно, любимой, и его рожденіе было восполненіемъ пустоты, произведенной смертью перваго ребенка. Давидъ естественно могъ считать его рожденіе и его жизнь доказательствомъ, что Богъ милостиво принялъ его молитвы и снизошелъ къ его покаяннымъ слезамъ.

Когда родился Соломонъ, царство наслаждалось миромъ. Давидъ уже довольно и болѣе чѣмъ довольно видѣлъ войнъ. Мысль о всей пролитой имъ крови тяжело давила его совѣсть, и его враги называли его «человѣкомъ крови». Жажда мира проявилась у него въ имени «Авессаломъ», т.-е. «отецъ мира»,—которое онъ уже раньше далъ своему сыну, родившемуся у него въ Хевронѣ отъ Маахи,

дочери Θалмая, царя гессурскаго. Въ это время она навѣрно была еще сильнѣе, и онъ далъ своему сыну отъ Вирсавіи славное имя Соломонъ (Шеломо), т.-е. «мирный» — имя, которое еще и теперь столь распространено на востокѣ въ видѣ «Сулейманъ». Пророкъ Наѳанъ, который умѣлъ столь большое участіе въ исправленіи религіозно-нравственнаго состоянія Давида, былъ тѣмъ лицомъ, которое являлось естественнымъ и наиболѣе надежнымъ воспитателемъ царскихъ дѣтей, и ребенокъ былъ отданъ подъ его попеченіе. Онъ также привѣтствовалъ рожденіе ребенка, какъ знаменіе того, что Богъ возвратилъ Давиду свое благоволеніе, которое обѣщано было ему за его покаянія. Поэтому онъ придалъ Соломону, «по слову Господа», болѣе священное имя Іедидіа — возлюбленный Богомъ». Самъ Давидъ назывался именемъ, которое означало «возлюбленный», любимецъ», но Соломону пророкъ пожелалъ дать имя, выражающее нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ семейная любовь. Этимъ именемъ, однако же, онъ никогда опять не называется въ исторіи, потому что оно и не предназначалось для употребленія въ обыденной жизни. Имя «Соломонъ» было подобно пророческому внушенію идеала и предызображало исторію великаго невоинственнаго царя. Естественно ожидать, что въ пророкѣ Наѳанѣ царственный ребенокъ могъ получить благочестиваго, мудраго и преданнаго воспитателя, и такимъ, какъ можно думать, онъ и былъ до нѣкоторой степени. Онъ, какъ извѣстно, жилъ до самаго восшествія Соломона на престолъ и, быть можетъ, даже нѣсколько въ теченіе его царствованія, о которомъ онъ написалъ раннія лѣтописи [1]). Если вѣрно іудейское преданіе, упоминаемое бл. Іеронимомъ, то Наѳанъ былъ восьмымъ, быть можетъ усыновленнымъ сыномъ Іессея. Онъ могъ быть также тѣмъ самымъ Наѳаномъ, сыновья котораго занимали высокія мѣста при дворѣ Соломона, и одинъ изъ нихъ, Завудъ, былъ даже другомъ царя, а также священникомъ. Впрочемъ, отецъ этихъ сановниковъ, по всей вѣроятности, былъ младшимъ братомъ Соломона. Пророкъ Наѳанъ не переставалъ принимать замѣтное участіе въ религіозной жизни народа. Давидъ совѣтовался съ нимъ касательно построенія храма и устроенія общественнаго богослуженія, хотя съ теченіемъ времени немощи старчества видимо ослабили и его вліяніе при дворѣ. Во всякомъ случаѣ голосъ его не возвышался во время какого-либо изъ тѣхъ преступле-

[1]) Паралип. IX, 29.

ній и смятеній, которыми омрачились заключительные годы великаго царя. Уже прозорливецъ Гадъ, а не Наѳанъ пророкъ, предостерегалъ, напримѣръ, Давида о наказаніи, которое должно было послѣдовать за преступною гордостью, побудившею его исчислить народъ, вопреки желаніямъ его мудрѣйшихъ совѣтниковъ. Если, однако же, можно придавать какое-либо значеніе неясному отрывку изъ греческаго историка Эвполема, то Наѳанъ, быть можетъ, дѣлалъ пророческое откровеніе Давиду во время трехдневной язвы, хотя Эвполемъ, повидимому, смѣшиваетъ различныя событія. И если это исчисленіе имѣло какое-либо отношеніе къ системѣ собиранія суммъ для будущаго храма, то Наѳанъ могъ скорѣе думать, что мѣра эта справедливая. Возможно, что бремя преклонныхъ лѣтъ подорвало въ немъ энергію, но ему всетаки мы должны приписывать лучшія изъ вліяній, которыми окружена была жизнь юнаго наслѣдника. Самъ воспитанный въ школахъ пророковъ, онъ могъ преподавать Соломону поэзію, «мудрость востока», и историческую литературу своего нарда, и особенно тѣ части Моисеева закона, которыя преданы были письмени. Литературнымъ дарованіямъ, которыя наслѣдовалъ Соломонъ отъ своего отца, навѣрно дано было тщательное образованіе, хотя они получили совершенно иное направленіе сравнительно съ тѣмъ, которое обезсмертило имя Давида, какъ «сладостнаго псалмопѣвца Израилева».

Хотя Соломонъ былъ первымъ израильскимъ царемъ, «рожденнымъ въ пурпурѣ», но вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не несомнѣнно, чтобы онъ съ самаго начала предназначался въ преемники Давиду. Престарѣлый царь видимо чувствовалъ такое же нежеланіе назначить себѣ преемника, какое чувствовалось и другими великими государями; а назначить младенца или юнаго отрока было бы и опаснымъ. Только уже ко времени возстанія Адоніи мы слышимъ о данной Вирсавіи клятвѣ, что ея сынъ наслѣдуетъ престолъ [1]), и такъ какъ объ этой клятвѣ нѣтъ особаго упоминанія, то мы и не знаемъ, въ какой періодъ она дана была. Всѣ, конечно, чувствовали, что назначеніе со стороны царя было бы однимъ изъ самыхъ сильныхъ и вѣрныхъ правъ на престолъ, но назначеніе это едва ли могло быть произвольнымъ. Убіеніе Амнона, старшаго сына Давидова, произошло еще въ то время, когда Соломонъ былъ ребенкомъ. О второмъ

1) 3 Цар. I, 13, 17.

сынѣ его, Хилеавѣ или Даніилѣ, намъ совершенно ничего неизвѣстно, и очень вѣроятно, что онъ рано умеръ. Изъ остальныхъ сыновей старшій былъ Авессаломъ, который, конечно, считалъ себя предполагаемымъ наслѣдникомъ. Не только Давидъ былъ уже старъ, когда у него родился въ Хевронѣ Авессаломъ, но этотъ юноша былъ царскаго происхожденія съ двухъ сторонъ, такъ какъ его мать Мааха была дочь царя гессурскаго. Онъ былъ силенъ любовью къ нему народа, равно и страстною привязанностью, которую особенно обнаружилъ къ нему отецъ, когда Авессаломъ погибъ въ битвѣ противъ него. Адонія, старшій изъ оставшихся въ живыхъ сыновей, въ той же мѣрѣ считалъ прочными и свои права на престолъ. Вслѣдъ за Адоніей было по крайней мѣрѣ двѣнадцать сыновей, о которыхъ мы ничего не знаемъ и которые не могли разсчитывать на престолъ или по недостатку какихъ-либо выдающихся качествъ, или потому, что ихъ матери происходили изъ частныхъ и незнатныхъ семействъ. Данное Вирсавіи обѣщаніе могло оставаться одною изъ робко передаваемыхъ тайнъ дворца и вообще, повидимому, не было общеизвѣстно. Было бы неосновательно приписывать его всецѣло тому вліянію, которое Вирсавія пріобрѣла надъ душою женолюбиваго царя. Соломонъ рано сталъ обнаруживать способности, которыя выдвигали его надъ всѣми его братьями. Всѣмъ ясно было, что «Господь любилъ его» [1]). Прозорливость Давида въ избраніи его своимъ преемникомъ получила пророческое одобреніе Наѳана. Но какъ ни рано образовалось это намѣреніе, очевидно было дѣломъ мудрости ограничить знаніе этой тайны лишь немногими. Сдѣлать ее извѣстною всѣмъ, когда Соломонъ былъ еще ребенкомъ, значило бы только пробудить мятежную зависть въ его могущественныхъ и беззастѣнчивыхъ соперникахъ и подвергнуть его почти неминуемой гибели. Видимо уже рано сдѣлалось яснымъ, что такіе люди, какъ Амнонъ, Авессаломъ и Адонія,—люди запальчивыхъ страстей и надменнаго темперамента, были бы крайне непригодны для осуществленія тѣхъ мирныхъ религіозныхъ цѣлей, которыя Давидъ хотѣлъ поручить своему преемнику. Задатки спокойной мудрости и добраго поведенія, которыми ознаменовалось дѣтство Соломона, вмѣстѣ съ страстною преданностью Давида къ Вирсавіи, сдѣлали то, что Соломонъ восторжествовалъ надъ притязаніями своихъ старшихъ братьевъ и, при

1) 2 Цар. XII, 24.

одобреніи своего истинно-религіознаго совѣтника Давидъ поклялся именемъ Іеговы: «Соломонъ, сынъ мой, будетъ царемъ послѣ меня».

Немощи преклонныхъ лѣтъ быстро надвигались на царя, дни котораго съ самой юности прошли въ суровыхъ трудахъ, битвахъ и треволненіяхъ. Въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ Давидъ былъ избранъ царемъ въ Хевронѣ и царствовалъ тамъ въ теченіе семи съ половиною лѣтъ. Въ Іерусалимѣ онъ царствовалъ тридцать три года. Поэтому ему было не болѣе семидесяти лѣтъ, и даже въ новѣйшія времена люди этого возраста бываютъ часто полны силъ. Но іудеи того времени рѣдко переживали семьдесятъ лѣтъ, какъ назначенный для человѣческой жизни предѣлъ, Соломонъ и Манассія были единственными царями іудейскими, которые жили болѣе шестидесяти лѣтъ. Да въ отношеніи Соломона еще и неизвѣстно съ достаточностью, достигъ ли онъ такого возраста. Во всякомъ случаѣ Давидъ былъ совершенно дряхлъ, и жизненная сила въ немъ истощилась дотого, что онъ не могъ согрѣваться никакимъ внѣшнимъ одѣяніемъ. Его приближенные не знали, какъ лучше помочь своему властелину, и посовѣтовали лишь взять прекрасную и молодую дѣвицу, которая бы могла согрѣвать его своимъ тѣломъ [1]). Выборъ при этомъ палъ на прекрасную Ависагу изъ Сунема, маленькаго городка Иссахарова колѣна, на южныхъ склонахъ малаго Ермона, въ шести верстахъ отъ Изреела. Замѣчательно, что даже для такой цѣли придворные сочли необходимымъ поискать самую миловидную дѣвицу, какую только можно было найти во всей странѣ.

Возраставшая немощь Давида между тѣмъ дала поводъ другому изъ его честолюбивыхъ и непокорныхъ сыновей воспользоваться обстоятельствами для захвата престола. Теперь, когда Амнона и Авессалома уже не было въ живыхъ, старшимъ изъ принцевъ оставался Адонія, и онъ-то составилъ заговоръ для ускоренія смерти своего отца и захвата царства. Своими личными дарованіями, равно какъ и беззаботнымъ характеромъ, онъ походилъ на своихъ двухъ старшихъ братьевъ, и отнюдь не взиралъ на предостереженіе, какое можно было выводить изъ постигшей ихъ судьбы. Подобно Авессалому, красивый и испорченный, онъ родился въ то

---

[1]) І. Флавій говоритъ, что таковъ былъ совѣтъ окружавшихъ Давида врачей. Такой методъ сообщенія теплоты рекомендуется и знаменитымъ греческимъ врачемъ Галеномъ, и онъ примѣнялся еще долго впослѣдствіи до конца среднихъ вѣковъ. Рейнгардтъ упоминаетъ, что подобное же средство рекомендовано было императору Фридриху Барбароссѣ.

время, когда Давидъ былъ уже царемъ въ Хевронѣ; но такъ какъ имя его матери Аггиѳа означаетъ «танцовщица», то отсюда можно заключать, что она, по сану, стояла ниже Маахи Гессурской и Ахиноамы Изреельской. Но Адонія, какъ и его старшіе братья, былъ избалованъ излишнею снисходительностью своего отца, который даже избѣгалъ случая нанести ему непріятность простымъ вопросомъ: «зачѣмъ ты сдѣлалъ такъ?» Первымъ его шагомъ было, въ подражаніе Авессалому, запастись колесницами, всадниками и 50 скороходами. Затѣмъ ему нужно было пріобрѣсти двухъ приверженцевъ, занимавшихъ высшія должности въ церкви и государствѣ, именно Іоава, главнокомандующаго войскомъ, и Авіаѳара, первосвященника. Странно сказать, что ему удалось склонить на свою сторону обоихъ этихъ высокихъ сановниковъ. Или они не знали о назначеніи Соломона преемникомъ Давиду, или они предпочитали красоту и силу младаго тридцати-пятилѣтняго принца (имѣвшаго нѣкоторыя права на первородство) тому, который едва выступилъ изъ уединенія дѣтской и былъ еще мальчикомъ. Они могли также думать, что ихъ участіе въ этомъ заговорѣ обезпечитъ за нимъ успѣхъ, особенно въ виду той старческой немощи, въ которую все болѣе впадалъ Давидъ. Въ этихъ побужденіяхъ могли играть роль и честолюбивая зависть. Іоавъ едва ли не замѣчалъ, что Ванея уже вытѣснялъ его изъ довѣрія царя, а Авіаѳаръ, единственный изъ первосвященническаго рода, избитаго ради Давида, вѣрный спутникъ Давида во время его странической жизни и царствованія въ Хевронѣ, едва ли могъ спокойно смотрѣть на возраставшее вліяніе Садока. Быть можетъ также Адонія обѣщалъ имъ обоимъ прощеніе всѣхъ прежнихъ преступленій въ награду за эту преданность. Нужно имѣть въ виду, что оба они, и особенно Іоавъ, имѣли много основаній опасаться начала новаго царствованія и поэтому старались связать новаго царя самыми тѣсными обязательствами.

Подкрѣпленный содѣйствіемъ двухъ такихъ послѣдователей, Адонія сбросилъ маску и, опять подражая Авессалому, пригласилъ всѣхъ князей, кромѣ Соломона, и всѣхъ слугъ царскихъ на большой пиръ. Онъ очевидно разсчитывалъ на то же племенное соперничество, которое заставило и Авессалома избрать Хевронъ главнымъ пунктомъ своего заговора. Дѣйствительно, мѣстомъ, которое Адонія избралъ для своей коронаціонной жертвы, былъ «камень Зохелетъ, который близъ Рогеля». Касательно этого «Змѣинаго Камня» болѣе

ничего неизвѣстно, но вѣроятно съ нимъ соединялось какое-либо священное представленіе. Для этого торжества требовался источникъ воды, но мы знаемъ только, что Рогель, «источникъ валяльщика», лежалъ на сѣверо-востокѣ, на границѣ между колѣнами Іудинымъ и Веніаминовымъ и, слѣдовательно, недалеко отъ Іерусалима. Это вѣроятно извѣстный теперь источникъ Приснодѣвы, находящійся противъ деревни Силоамской [1]).

Но Адонія, при своемъ презрительномъ отношеніи къ немощи своего отца, не обратилъ достаточнаго вниманія на силу вліянія, противоположнаго его притязаніямъ. Садокъ, болѣе молодой и болѣе популярный священникъ и потомокъ старшей линіи Ааронова рода, былъ на сторонѣ Соломона, и ему содѣйствовалъ Наѳанъ, высокочтимый пророкъ. Ванея, сынъ Іодаевъ, человѣкъ большой личной доблести и знатности, могъ располагать преданностью гибборимовъ, и этотъ дисциплинированный отрядъ тѣлохранителей въ 600 человѣкъ всегда былъ готовъ къ дѣйствію. И если Адонія успѣлъ склонить на свою сторону младшихъ князей Давидова рода, то два старшихъ и наиболѣе вліятельныхъ князя, Семей и Рисій, быть можетъ единственные остававшіеся въ живыхъ братья Давида, оставались вѣрными Соломону. Пророкъ Наѳанъ, стряхивая съ себя немощь старческихъ лѣтъ, видѣлъ, что нельзя было терять ни одной минуты. Соломонъ, съ самаго своего рожденія, былъ ввѣренъ особенному его попеченію, и пророкъ всегда выдѣлялъ его какъ предназначеннаго наслѣдника престола Давидова и исполнителя намѣреній, для которыхъ Давидъ оказался недостойнымъ по своей прежней жизни. Но къ восточному царю трудно получить доступъ во всякое время и особенно, когда онъ боленъ. Наѳанъ не могъ найти другаго средства доложить Давиду объ угрожавшей опасности, какъ чрезъ свиданіе съ Вирсавіей, которая, какъ онъ зналъ, имѣла большое вліяніе на царя. Онъ разсказалъ ей, что въ это самое время сынъ Аггиѳы провозглашалъ себя царемъ, а между тѣмъ Давидъ еще ничего не зналъ объ этомъ, и что успѣхъ Адоніи явно грозилъ смертью и ей и Соломону. Онъ просилъ ее немедленно же отправиться къ царю и напомнить ему о его клятвѣ ей, что Соломонъ будетъ царемъ. Самъ онъ обѣщалъ быть тутъ же подъ рукою и подтвердить извѣстіе, что Адонія провозглашенъ былъ царемъ во-

[1]) См. рисунокъ выше, стр. 244.

преки желаніямъ Давида. Быть можетъ онъ боялся, что по немощи своихъ лѣтъ Давидъ не сразу приступитъ къ дѣйствію, и поэтому, пока еще не было поздно, онъ торопилъ Вирсавію побудить его къ дѣятельности.

Вирсавія пошла къ престарѣлому царю, который находился одинъ съ Ависагой [1]). Она вошла съ глубокимъ поклономъ до земли, который показывалъ Давиду, что она имѣла передать ему нѣчто весьма важное. Очевидная взволнованность и торжественность, съ которыми Вирсавія (какъ затѣмъ и Наѳанъ) приблизились къ престарѣлому и одряхлѣвшему царю, находятся въ рѣзкой противоположности съ тѣмъ свободнымъ и смѣлымъ обращеніемъ, которое они имѣли съ нимъ въ прежнее время. Это показываетъ, что Давидъ, по мѣрѣ приближенія къ преклонному возрасту, дѣлался все болѣе и болѣе недоступнымъ восточнымъ властелиномъ. Въ отвѣтъ на краткій вопросъ царя, Вирсавія напомнила ему о его клятвѣ, что Соломонъ долженъ возсѣсть на его престолъ, разсказала ему подробности о замыслахъ Адоніи и сказала ему, что глаза народа устремлены на него и ждутъ, что онъ воспользуется своимъ признаннымъ правомъ назначенія себѣ преемника. Если допустить, чтобы престолъ сдѣлался предметомъ захвата, то она указывала, какая опасность грозитъ ея жизни и жизни Соломона, который одинъ только изъ князей не былъ приглашенъ на пиръ Адоніи [2]). Когда она еще говорила, доложено было о пророкѣ, какъ это и условлено было между ними. Онъ также поклонился до земли и, какбы чувствуя нѣкоторый страхъ въ передачѣ своего сообщенія, сталъ излагать предъ царемъ дѣло и сказалъ: «господинъ мой царь! сказалъ ли ты: Адонія будетъ царствовать послѣ меня, и онъ сядетъ на престолѣ моемъ? Вотъ у Адоніи пиршество, и всѣ ѣдятъ и пьютъ у него, и говорятъ: да живетъ царь Адонія! А меня, раба твоего, и священника Садока, и Ванею, и Соломона, раба твоего, не пригласилъ. Не сталось ли это по волѣ господина моего, царя, и для чего ты не открылъ рабу твоему, кто сядетъ на престолѣ господина моего, царя, послѣ него»? Царь былъ

1) Этотъ фактъ показываетъ, что Ависага, по своему назначенію, была не болѣе, какъ сидѣлка при престарѣломъ царѣ; иначе строжайшіе законы восточнаго этикета дѣлали бы посѣщеніе Вирсавіи невозможнымъ.

2) Опасеніе это не было преувеличеннымъ. Древность хорошо знакома съ подобными примѣрами. Клеопатра и ея сынъ Каранъ были преданы смерти Александромъ, Роксана и ея сынъ Александръ — Кассайдромъ. Умерщвленіе всего «сѣмени царскаго» было обычнымъ явленіемъ въ восточныхъ деспотическихъ странахъ (4 Цар. XI, 1).

крайне встревоженъ и для рѣшенія дѣла велѣлъ вновь позвать Вирсавію, которая, согласно съ восточнымъ обычаемъ, оставила палату, когда говорилъ Наѳанъ. Царь, клянясь самымъ торжественнымъ образомъ, именно сказавъ: «живъ Господь, избавляющій душу мою отъ всякой бѣды», возобновилъ клятву, которую онъ далъ раньше, и, съ проблескомъ прежней энергіи, принялъ рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы помазать и вопарить Соломона даже еще при собственной жизни. Сдѣлавъ новый торжественный поклонъ, Вирсавія удалилась, а Садокъ, Наѳанъ и Ванея были позваны въ палату царя. Онъ повелѣлъ имъ посадить своего юнаго сына на царскаго мула и торжественно отвезти его къ потоку Гіону, который, подобно источнику Рогель, имѣлъ достаточно требовавшейся для коронаціи воды и былъ не далеко отъ города. Тамъ Садокъ долженъ былъ помазать его освященнымъ масломъ, взятымъ изъ скиніи Давида на горѣ Сіонѣ. Мѣра эта была весьма важная. Этого не сдѣлано было въ отношеніи Адоніи быть можетъ потому, что священное масло находилось въ завѣдываніи Садока, или быть можетъ опять потому, что Адонія считался законнымъ преемникомъ. Затѣмъ они должны были затрубить въ трубы и восклицать: «да живетъ царь Соломонъ». Левитъ Ванея—полусвященникъ, полувоинъ—отвѣчалъ на приказаніе царя восторженнымъ «аминь» и молитвой, чтобы Богъ утвердилъ этотъ выборъ и сдѣлалъ престолъ Соломона даже могущественнѣе престола отца его. Затѣмъ все было приготовлено для великаго дѣла, устроена была торжественная процессія, которая двинулась въ путь въ сопровожденіи гвардейскаго отряда, и сразу можно было видѣть, что развѣ только междоусобная война могла поколебать корону отрока, который имѣлъ на своей сторонѣ пророка, первосвященника изъ дома Елеазарова и начальника гвардіи, и который такимъ образомъ былъ помазанъ и провозглашенъ наслѣдникомъ по прямому повелѣнію царя. Народъ также былъ на его сторонѣ. Шумное пиршество Адоніи не возбудило никакого восторга въ народѣ; но восторгъ проявился съ такою силою въ пользу Соломона, что земля гремѣла отъ музыки трубъ и шума плясокъ. Дѣло, предпринятое Вирсавіей и Наѳаномъ, велось отъ начала до конца съ изумительнымъ искусствомъ, и оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Между тѣмъ пиръ Адоніи кончился и нужно было начинать возстаніе; но опытное ухо Іоава вдругъ заслышало звукъ трубъ со стороны Гіона и оттолоски восторженнаго ликованія въ городѣ.

Сердце его дрогнуло отъ худаго предчувствія, и когда онъ еще говорилъ, бывшіе съ нимъ завидѣли своего сообщника Іонаѳана, сына Авіаѳарова, который поспѣшно бѣжалъ къ нимъ. Адонія показывалъ видъ, что считаетъ его приближеніе добрымъ предзнаменованіемъ. Но Іонаѳанъ принесъ роковую вѣсть, что въ то время, какъ они пиршествовали, друзья Соломона дѣйствовали, что послѣдній былъ торжественно помазанъ при Гіонѣ, и что въ этотъ моментъ онъ уже возсѣдалъ на престолѣ царства, принимая восторженныя поздравленія всего двора. Затѣмъ онъ прибавилъ и самое озадачивающее доказательство неудачи предпріятія Адоніи, именно, что самъ престарѣлый царь далъ свое торжественное согласіе на коронацію Соломона. Царь, видимо, былъ поднятъ съ одра своей блѣзни и, въ знакъ молитвеннаго одобренія совершившгося, поклонился на ложѣ своемъ и благословилъ Бога Израилева, который сподобилъ его передъ смертью увидѣть одного изъ своихъ сыновей сидящимъ на его престолѣ. При этомъ извѣстіи вздутый пузырь неумѣлаго заговора Адоніи тотчасъ же лопнулъ. Гости въ страхѣ повскакали и разсѣялись въ различныхъ направленіяхъ. Самъ Адонія, оставленный своими приверженцами, въ ужасѣ бѣжалъ къ жертвеннику, быть можетъ тому самому, который Давидъ воздвигъ на гумнѣ Орны, и въ отчаяніи схватился за роги жертвенника. О его воплѣ о помилованіи было доложено юному царю. «Вотъ, говорили ему приближенные, Адонія боится царя Соломона, и вотъ онъ держится за роги жертвенника, говоря: пусть поклянется мнѣ теперь царь Соломонъ, что онъ не умертвитъ раба своего мечемъ». Соломонъ отнесся къ нему съ спокойнымъ великодушіемъ. Преданность народа показала, что ему нечего бояться соперничества Адоніи. Еслибы Адонія успѣлъ въ своемъ заговорѣ, то онъ несомнѣнно предалъ бы смерти Соломона, а съ нимъ вмѣстѣ, быть можетъ, и Вирсавію. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по характеру этого человѣка. Но Соломонъ не хотѣлъ прибавлять новыхъ мукъ и страданій къ тѣмъ, которыя уже и безъ того терзали сердце его престарѣлаго отца. Онъ далъ свое царское слово, которое считалъ достаточнымъ безъ присоединенія клятвы, что пока Адонія останется честнымъ и вѣрнымъ, ни одинъ волосъ не падетъ съ головы его. Адонія былъ взятъ со ступеней жертвенника и приведенъ лично къ Соломону. Онъ преклонился предъ своимъ младшимъ братомъ, который, безъ малѣйшаго упрека ему, обратился къ нему лишь съ краткимъ приказаніемъ: «иди въ твой

домъ». Онъ не былъ даже заключенъ въ тюрьму или лишенъ своего сана, но ему вмѣстѣ съ тѣмъ было прямо сказано, что другой подобный случай не оставленъ будетъ безъ наказанія. Прощены были на этотъ разъ и другіе заговорщики. Возмущеніе, въ которомъ они участвовали, сочтено было лишь припадкомъ безумія, за который можно было презрительно простить въ виду наличной радости по случаю восшествія царя, пока, конечно, замѣшанные въ этомъ заговорѣ не обнаружатъ своей преступности впослѣдствіи.

Послѣ утвержденія престола за законнымъ наслѣдникомъ, Давиду оставалось сдѣлать еще одно сообщеніе, прежде, чѣмъ онъ

оставилъ свое земное поприще. Онъ хотѣлъ сообщить своему сыну о томъ, что было величайшею цѣлью его желаній, тою цѣлью, для исполненія которой онъ сдѣлалъ столь обширныя приготовленія. Давидъ познакомилъ Соломона со всѣми подробностями храма, который предстояло воздвигнуть ему. При этомъ не забыто было ничего. Онъ подробно изложилъ предъ своимъ сыномъ планъ храма со всѣми его зданіями, помѣщеніями, дворами, обстановкой, сосудами и утварью, все, какъ указано было въ законѣ при построеніи скиніи Моисеевой. Всѣ эти наставленія онъ заготовилъ еще раньше, когда рука Господня была на немъ, и теперь, въ заключительный моментъ своей жизни, передалъ все это своему преемнику съ немногими торжественными словами: «вотъ я отхожу въ путь въ сей землѣ, ты же будь твердъ, и будь мужественъ. И храни завѣтъ Господа, Бога твоего, ходя путями Его, и соблюдай уставъ Его, и заповѣди Его, и опредѣленія Его, и постановленія Его, какъ написано въ законѣ Моисеевомъ, чтобы быть тебѣ благоразумнымъ во всемъ, что ни будешь дѣлать, и вездѣ, куда ни обратишься; чтобы Господь исполнилъ слово Свое, которое Онъ сказалъ о мнѣ, говоря: если сыны твои будутъ наблюдать за путями твоими, чтобы ходить предо Мною въ истинѣ отъ всего сердца своего и отъ всей души своей, то не прекратится отъ тебя мужъ на престолѣ Израилевомъ» [1]). «Будь твердъ и мужественъ, и, приступая къ дѣлу, не бойся и не ужасайся. Ибо Господь Богъ, Богъ твой, съ тобою. Онъ не отступитъ отъ тебя, и не оставитъ тебя, доколѣ не совершишь всего дѣла, требуемаго для дѣла Господня» [2]). И затѣмъ изъ своего глубокаго житейскаго опыта начерталъ картину истинно блаженнаго человѣка, счастье котораго прочнѣе устоевъ міра, изложивъ идеалъ этого блаженства въ знаменитомъ псалмѣ:

«Блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ,
И не стоитъ на пути грѣшныхъ,
И не сидитъ на собраніи развратителей;
Но въ законѣ Господа воля его,
И о законѣ Его размышляетъ онъ день и ночь!
И будетъ онъ, какъ дерево, посаженное при потокахъ водъ,
Которое приноситъ плодъ свой во время свое,
И листъ котораго не вянетъ:
И во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, успѣетъ.

---

[1]) 3 Цар. II, 2, 4.
[2]) 1 Паралип. XXVIII, 20.

Не такъ нечестивые, не такъ:
Но они, какъ прахъ, возметаемый вѣтромъ съ лица земли.
Потому не устоятъ нечестивые на судѣ,
И грѣшники въ собраніи праведныхъ,
Ибо знаетъ Господь путь праведныхъ,
А путь нечестивыхъ погибнетъ» [1]).

Кромѣ частныхъ наставленій своему сыну объ обязанностяхъ и отвѣтственности его, какъ теократическаго царя, Давидъ желалъ увидѣть и торжественное признаніе Соломона своимъ преемникомъ. Народъ въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, правда, принялъ новаго государя со всѣми знаками радости и довольства, но, въ виду недавней оппозиціи и завѣдомо существующаго соперничества между колѣнами, умирающій царь рѣшился на мѣру, которая должна была послужить полнымъ удостовѣреніемъ для него въ достигнутой цѣли. Вокругъ своей постели онъ созвалъ собраніе главнѣйшихъ представителей страны, главъ колѣнъ, предводителей войска, начальниковъ различныхъ отдѣловъ государства, ветерановъ, служившихъ ему столь доблестно во всѣхъ его испытаніяхъ, вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и служителями, для того, чтобы сообщить имъ свою послѣднюю волю. Поднявшись съ мучительнымъ усиліемъ съ одра своей болѣзни, онъ обратился къ собранію, называя собравшихся своими братьями и своимъ народомъ. Онъ имѣлъ сообщить ему о двухъ предметахъ. Прежде всего, онъ напомнилъ собранію, что Іегова избралъ колѣно Іудино для управленія страною, и изъ этого колѣна избралъ его для занятія престола царя, и теперь, когда онъ долженъ былъ оставить земное поприще, то по выбору Божію, именно Соломону предоставляется занять этотъ царскій престолъ послѣ него. Во-вторыхъ, онъ раскрылъ предъ собраніемъ планъ для построенія храма и торжественно убѣждалъ собравшихся вождей помогать его сыну въ осуществленіи столь великаго и желаннаго предпріятія, которое было особенно освящено Господомъ. Воля умирающаго царя была священна. Представители народа охотно и съ радостью заплатили дань чести и уваженія новому монарху и выразили готовность помогать ему въ созданіи храма до послѣдней своей возможности. Съ восторженнымъ сердцемъ, Давидъ тогда произнесъ свою послѣднюю благодарственную пѣснь, и благодарилъ Господа предъ всѣмъ собраніемъ, признавая, что все, что у него было, было даромъ Божіимъ, и моля Его о томъ, что-

[1]) Пс. I, 1—6.

бы Онъ поддержалъ его сына и народъ на правомъ пути. Послѣ этого данъ былъ великолѣпный пиръ, и среди массы жертвоприношеній и торжественной обрядности Соломонъ во второй разъ былъ помазанъ царемъ, и признанъ былъ съ честью и поздравленіями со стороны всего народа.

Но вотъ приблизилась и кончина, когда долженъ былъ угаснуть «свѣтильникъ Израилевъ». Чувствуя приближеніе смерти, Давидъ еще разъ призвалъ своего преемника и съ своего смертнаго одра еще разъ увѣщевалъ его исполнять заповѣди Божіи и законы Моисеевы, давъ ему въ то же время нѣсколько мудрыхъ совѣтовъ касательно приближенныхъ, изъ которыхъ Соломонъ однихъ долженъ былъ удалить (и между ними безпокойнаго Іоава), а другихъ приблизить и наградить [1]). И затѣмъ, вознеся послѣднюю пламенную молитву о благоденствіи своего сына-преемника, воспѣлъ послѣднюю боговдохновенную пѣснь. Въ ней онъ называетъ себя «мужемъ, поставленнымъ высоко, помазанникомъ Бога Іаковлева и сладкимъ пѣвцомъ Израилевымъ», и говоритъ о своемъ пророческомъ дарѣ, какъ исходящемъ отъ Духа Божія. Богъ, какъ скала Израилева, преподалъ ему урокъ, что «владычествующій надъ людьми будетъ праведенъ, владычествуя въ страхѣ Божіемъ». Такой справедливый правитель есть безоблачный свѣтъ утренняго солнца и нѣжная трава, которая произрастаетъ и блистаетъ подъ

[1]) По нашимъ современнымъ понятіямъ казалось бы гораздо лучше, еслибы умирающій царь ограничилъ свои наставленія предметами нравственнаго долга и общественнаго служенія; но, изучая жизнь Давида, мы то и дѣло принуждены признавать различную мѣрку нравственности для различныхъ вѣковъ и странъ, а также и имѣть въ виду несовершенство воззрѣній въ этомъ отношеніи, преобладавшее въ тѣ времена сравнительнаго невѣдѣнія. Давидъ такъ ужасно страдалъ отъ рукъ Іоава и Семея въ страшные дни, слѣдовавшіе за возстаніемъ Авессалома, что для него казалось полнымъ нарушеніемъ требованія справедливости оставить ихъ въ живыхъ. Воспитанный въ понятіяхъ, считавшихъ мщеніе за кровь священнымъ долгомъ, Давидъ тревожился въ своей совѣсти при мысли, что самъ онъ не въ силахъ будетъ исполнить этого долга. Онъ напомнилъ о двухъ убійствахъ, совершенныхъ Іоавомъ надъ Авениромъ и Амессаемъ, когда именно онъ «пролилъ кровь бранную во время мира, обагривъ кровью бранною поясъ на чреслахъ своихъ и обувь на ногахъ своихъ». И престарѣлый Давидъ внушалъ Соломону «не отпустить сѣдины его мирно въ преисподнюю». То же самое внушеніе онъ сдѣлалъ касательно Семея, единственнаго опаснаго представителя и сторонника дома Саулова. Съ другой стороны онъ настаивалъ на оказаніи особеннаго вниманія и доброты Кимгаму и другимъ сыновьямъ Верзеллія галаадитянина, которые доказали ему свою преданность въ самый опасный моментъ его жизни.

солнечнымъ сіяніемъ послѣ дождя. Онъ выражаетъ убѣжденіе, что Богъ положилъ съ нимъ завѣтъ вѣчный, твердый и непреложный, такъ что исполнятся всѣ его желанія. Правда, въ его родѣ будутъ и нечестивые, но они будутъ какъ выброшенное терніе, котораго не берутъ рукою; «но кто касается его, вооружается желѣзомъ или деревомъ копья, и огнемъ сожигаетъ его на мѣстѣ» [1]).

«И умеръ Давидъ въ доброй старости, насыщенный жизнью, богатствомъ и славою». Онъ мирно отошелъ къ вѣчному упокоенію на 71-мъ году своей жизни, въ 1018 году до Р. Хр., процарствовавъ сорокъ лѣтъ, изъ нихъ семь надъ колѣномъ Іудинымъ въ Хевронѣ и тридцать три надъ всѣми двѣнадцатью колѣнами въ новой столицѣ, Іерусалимѣ. Кончина его земной жизни постигла его уже тогда, когда все дѣло его жизни было счастливо закончено, прошлое забыто и изглажено, будущее благоразумно предусмотрѣно и самый характеръ, подвергавшійся столькимъ испытаніямъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, былъ очищенъ страданіемъ. Свидѣтельство объ этомъ событіи трогательно по самой своей простотѣ. «И почилъ Давидъ съ отцами своими, и погребенъ былъ въ городѣ Давидовомъ» [2]). Употребленное здѣсь слово «почилъ» предызображаетъ для насъ, христіанъ, будущее воскресеніе, и, несомнѣнно, подобную же мысль оно возбуждало и въ умахъ наиболѣе духовнопросвѣщенныхъ среди израильтянъ. Какъ царь, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и личною преданностью и любовью большинства своего народа, Давидъ былъ погребенъ съ необычайною торжественностью въ великолѣпной гробницѣ, которую онъ самъ приготовилъ себѣ на горѣ Сіонѣ, причемъ оружіе его было сохранено, какъ національный памятникъ и впослѣдствіи, какъ священный останокъ, было положено на храненіе въ храмъ [3]). Точное мѣстоположеніе этой гробницы доселѣ еще не удостовѣрено. Оно хорошо было извѣстно до разрушенія Іерусалима. «Гробъ его», говорилъ ап. Петръ въ своей рѣчи въ великій день Пятидесятницы, «у насъ до сего дня» [4]); но со времени разрушенія Іерусалима, мѣстоположеніе его сдѣлалось предметомъ лишь догадокъ, обусловливавшихся значеніемъ, придававшимся самому термину «городъ Давидовъ». Тѣ, которые

---

[1]) 2 Цар. XXIII, 1—7.
[2]) 3 Цар. II, 10.
[3]) 4 Цар. XI, 10.
[4]) Дѣян. II, 29.

считаютъ это названіе приложимымъ къ храмовой горѣ, ссылаются въ подтвержденіе этого на Неем. III, 16 и Іезек. XLIII, 7—9, гдѣ, повидимому, указывается, что гробницы царей лежали на западной сторонѣ гробницы Моріа. Очень возможно, что это такъ именно и было, и однако же возможно также, что собственная гробница Давидова находилась гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Она, конечно, не могла быть удалена, когда другія гробницы были потревожены Иродомъ при расширеніи имъ храмоваго двора: слѣдовательно, она и не могла быть тамъ. Есть достаточно основаній думать, что Сіонъ, Акра, городъ Давидовъ и нижній городъ,—всѣ эти названія въ различные періоды прилагались къ тому, лежащему къ сѣверо-западу отъ Моріа, холму, на которомъ еще и теперь показываютъ мѣсто, называющееся «гробомъ Давидовымъ». Этотъ памятникъ стоитъ непосредственно за предѣлами церкви Гроба Господня. Даже и теперь есть признаки, что въ этой гробницѣ содержалось девять тѣлъ, лежавшихъ въ гробахъ подъ поверхностью пола. Тутъ именно были похоронены цари Давидъ, Соломонъ, Роваамъ, Ахія, Іосафатъ, Амасія, Іоѳамъ, Езекія и Іосія. Въ этой гробницѣ, гдѣ бы она ни находилась, была похоронена вмѣстѣ съ царемъ огромная масса сокровищъ, о судьбѣ которыхъ подробно разсказываетъ I. Флавій [1]). Когда первосвященникъ Гирканъ былъ осажденъ въ Іерусалимѣ Антіохомъ Сидетомъ, 133 г. до Р. Хр., онъ добился благопріятныхъ условій отъ непріятеля, обѣщая ему большую сумму денегъ, и такъ какъ въ его сокровищницѣ не было никакихъ суммъ, то онъ открылъ одно изъ помѣщеній гробницы Давидовой и взялъ оттуда 3.000 талантовъ серебра, изъ которыхъ предложилъ одну десятую часть Антіоху, чѣмъ и обезпечилъ себѣ его отступленіе. Много лѣтъ спустя, Иродъ Великій, нуждаясь въ деньгахъ и узнавъ о томъ, что сдѣлалъ Гирканъ, рѣшилъ восполнить свои рессурсы подобнымъ же образомъ. Вслѣдствіе этого, назначивъ особую ночь для своего святотатственнаго предпріятія и взявъ съ собою только немногихъ изъ своихъ наиболѣе довѣренныхъ друзей, онъ вошелъ въ гробницу. Его поиски увѣнчались успѣхомъ, и онъ нашелъ не деньги, правда, но огромный запасъ золота и драгоцѣнныхъ сокровищъ, которыми онъ всѣми и завладѣлъ. Когда онъ старался проникнуть дальше, даже до самаго помѣщенія, гдѣ по-

1) Antiq. VII, 15, 3; XIII, 8, 4; XVI, 7, 1; Bel. Jud. I, 2, 5.

коился прахъ Давида и Соломона, то вдругъ былъ остановленъ божественной силой, такъ какъ мгновенно оттуда вырвалось пламя и попалило переднихъ изъ его спутниковъ. Для умилостивленія за свое вторженіе въ святилище этой гробницы, Иродъ воздвигъ при входѣ въ нее великолѣпный памятникъ изъ бѣлаго мрамора.

ГЛАВА XVII.

ХАРАКТЕРЪ ДАВИДА.

Жизнь Давида, этого величайшаго царя Израильскаго, была такъ разнообразна и всеобъемлюща, что отнюдь не легко свести въ одну картину различныя черты, какъ онѣ выступаютъ въ исторіи его жизни. Всякій невольно чувствуетъ свое ничтожество предъ лицомъ столь великаго человѣка: это была личность въ высшей степени разносторонняя, и Давидъ выступалъ предъ нами какъ пастухъ, царедворецъ, воинъ, военачальникъ, поэтъ, государственный мужъ, пророкъ и царь; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ собою и въ высшей степени характерную фигуру друга, мужа и отца. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ его жизнь, поистинѣ, представляетъ образъ необычайнаго величія, хотя и не безупречный по-временамъ, но, во всякомъ случаѣ, достойный изученія и представляющій глубокій интересъ для изслѣдованія.

При оцѣнкѣ характера Давида нужно имѣть въ виду всѣ его различныя стороны и смотрѣть на него безъ предубѣжденія, которое легко подсказывается новѣйшими, болѣе просвѣщенными началами жизни. На него нужно смотрѣть такъ, какимъ онъ былъ самъ по себѣ и какимъ онъ былъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ, какова была та форма, въ которую онъ сложился подъ вліяніемъ событій своей жизни и обстоятельствъ своего положенія, и каковъ былъ результатъ его общественной дѣятельности и правленія. Въ лицѣ его мы видимъ какъ великія достоинства и добродѣтели, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ недостатки его вѣка и страны, и если во многихъ отношеніяхъ онъ становился выше этихъ недостатковъ, то этимъ онъ обязанъ былъ своей врожденной силѣ духа и благодати Божіей, которой онъ подчинялся съ полною искрен-

ностью и охотой. Въ немъ, какъ и во всѣхъ людяхъ, были нѣкоторыя слабости, несовершенства, необузданныя влеченія; но все это у него находило противовѣсъ въ необычныхъ добродѣтеляхъ, и среди самыхъ его недостатковъ еще явственнѣе и поразительнѣе выступаютъ его лучшія качества. Какъ и всякій человѣкъ, онъ нерѣдко падалъ съ высоты своего религіозно-нравственнаго идеала, и падалъ глубоко; но и въ этомъ паденіи онъ преподалъ намъ величайшій примѣръ покаяннаго сокрушенія, дававшаго ему возможность и силу вновь сбрасывать съ себя бремя грѣховности и возставать для новой духовной жизни. Едва ли можно представить себѣ большее паденіе, чѣмъ какое мы видимъ въ его лицѣ, но зато никогда не бывало и болѣе глубокаго покаянія. Поистинѣ, чудесна была та вѣра, которая изъ бездны грѣховности могла обращаться къ Богу съ непоколебимой надеждой на прощеніе. Достохвальна та вѣра, которую проявилъ онъ при томъ обстоятельствѣ, когда именно, уповая на Бога воинствъ Израилевыхъ, онъ съ своимъ простымъ пастушескимъ посохомъ вышелъ на единоборство съ страшнымъ исполиномъ, противъ котораго не осмѣливались выступить храбрѣйшіе изъ войска. Достохвальна та вѣра, которую онъ проявилъ и въ пещерѣ Адулламской, въ твердыняхъ Енгеди, во время преслѣдованій Саула и смутъ правленія, когда, осаждаемый врагами со всѣхъ сторонъ, онъ побѣдилъ ихъ всѣхъ силою своего нравственнаго превосходства и высшимъ разумомъ; но еще выше, еще чуднѣе и достохвальнѣе всего этого была та вѣра, которая заставляла его пламенно обращаться къ Богу въ своемъ тягчайшемъ паденіи и не ослабляла въ немъ любви къ Богу. И это-то именно и даетъ возможность вполнѣ видѣть, что это былъ за человѣкъ. Самою выдающеюся его особенностью была именно его вѣра въ Бога, глубокое и постоянное чувство соприсутствія невидимаго Господа и всецѣлая зависимость отъ Его руководительства. Эта вѣра явственно проходитъ по всей его многоиспытанной жизни, проявляясь и въ искреннихъ изліяніяхъ его сердца, которыя, при всемъ ихъ разнообразіи, составляютъ истинное выраженіе его духа. Исторія повѣствуетъ намъ о внѣшнемъ событіи, а его собственныя слова раскрываютъ предъ нами тайныя мысли, которыя иначе были бы извѣстны только одному Богу. Эта именно вѣра привела его къ неравной борьбѣ противъ злоумышленій Саула, давала ему возможность съ терпѣніемъ ожидать хода событій, поддер-

живала его во всѣхъ войнахъ съ врагами; но жизненнѣе и явственнѣе всего она проявилась именно въ его великомъ покаяніи. Она проявилась также и въ его самопреданности карающей рукѣ Божіей, въ его смиренномъ перенесеніи наказанія за свой грѣхъ,— въ томъ смиреніи, которое заставило его сносить всякій укоръ и всякое наказаніе, какъ праведное воздаяніе. Онъ имѣлъ истинную любовь къ Богу и глубокую преданность Его служенію. Съ какою жаждою онъ стремился къ построенію храма Всевышнему, и когда получилъ отказъ въ этой великой чести, съ какимъ рвеніемъ онъ приступилъ къ дѣлу приготовленія средствъ для своего преемника, которому предназначено было исполнить это столь лелѣянное имъ желаніе! Религія у него не была простымъ бездѣятельнымъ чувствомъ, не была простымъ политическимъ оружіемъ для удовлетворенія своего честолюбія и управленія суевѣрнымъ народомъ. Она была для него сама жизнь и жизнь всего народа. Если мы спросимъ, какъ такой истинно благочестивый религіозный человѣкъ могъ совершать тяжкія преступленія, то не отвѣтитъ ли намъ наше собственное сознаніе, что и наша религія не воздерживаетъ насъ отъ совершенія грѣха, что какая-нибудь страсть, какая-нибудь мірская, суетная привязанность и теперь омрачаетъ нашу вѣру и скрываетъ отъ насъ Бога? Возможность преступленій, столь же гнусныхъ, какъ и преступленіе Давида, свойственна самой природѣ человѣка. Отъ великихъ преступленій насъ предохраняетъ не только благодать Божія, но и раннее воспитаніе, угрозы закона, установленія общества, общественное мнѣніе. Для Давида многихъ изъ этихъ преградъ не существовало. Въ дѣйствительности, онъ былъ человѣкъ, стоявшій внѣ всякой отвѣтственности. Проступки, въ родѣ совершенныхъ имъ, были въ дѣйствительности самыми обычными среди древнихъ восточныхъ монарховъ. При этомъ было много и смягчающихъ или, по крайней мѣрѣ, объясняющихъ обстоятельствъ. Благосостояніе дѣлало его на время себялюбивымъ и деспотичнымъ; льстецы твердили ему, что онъ не могъ ни въ чемъ погрѣшить, чтобы онъ ни дѣлалъ; послѣ жизни, исполненной неустанной дѣятельности и заботъ, онъ вдругъ перешелъ къ жизни, полной довольства и разслабляющей бездѣятельности; когда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣлъ въ молитвѣ и пересталъ съ такою же ясностью, какъ это было прежде, чувствовалъ свою зависимость отъ Бога,—тогда-то именно постигло его внезап-

ное и сильное искушеніе, предъ которымъ онъ не устоялъ, и совершилъ грѣхъ, который повлекъ за собою послѣдующіе грѣхи. Но это преступленіе было плодомъ преходящей страсти, и когда подавленъ былъ этотъ опасный врагъ и вновь раздался голосъ совѣсти, Давидъ опять взглянулъ на себя своими прежними глазами, въ немъ опять пробудилась внутренняя божественная жизнь, и его покаяніе было столь же глубокимъ, какъ и его паденіе, и оставило свою печать на всей его будущей жизни. Вновь пробужденная въ немъ религіозная жизнь была слишкомъ сильна, чтобы можно было удовлетворять ее частнымъ сокрушеніемъ, она заставляла его чувствовать тяжесть своего грѣха въ теченіе всѣхъ остальныхъ дней жизни. Въ прежнее время онъ былъ бодрымъ, веселымъ и жизнерадостнымъ человѣкомъ; но подъ тяжелымъ гнетомъ сознанія грѣховности эта жизнерадостность погасла въ немъ навсегда; его высокій духъ, его веселый, подвижный характеръ подверглись знаменательной перемѣнѣ. Сознавая теперь грѣховность своего сердца, онъ чувствовалъ, что вполнѣ заслужилъ навлеченный своими преступленіями гнѣвъ Божій, и всѣ постигшія его бѣдствія онъ сносилъ какъ праведное воздаяніе за свои преступленія. Въ величіи своей всеудручавшей скорби, онъ забывалъ о всѣхъ своихъ меньшихъ огорченіяхъ; единственное, о чемъ онъ сталъ тревожиться, чего сталъ бояться, азключалось въ томъ, чтобы не быть отвергнутымъ Господомъ. Въ глубинѣ его сердца постоянно раздавался покаянный вопль, который, найдя свое выраженіе въ знаменитомъ покаянномъ псалмѣ, сдѣлался покаяннымъ воплемъ всего грѣховнаго человѣчества. Такая-то вѣра, несомнѣнно, и есть вѣра истинная, и она показываетъ, что, несмотря на свое великое паденіе, царь Давидъ, поистинѣ, былъ человѣкъ религіозный, благочестивый и праведный.

Другою особенностью Давида была нѣжность его сердца. Онъ былъ исполненъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ и привязанностей. Можно ли во всей исторіи найти болѣе трогательный эпизодъ, чѣмъ разсказъ о его дружбѣ съ благороднымъ Іонаѳаномъ? Онъ былъ преданнымъ сыномъ, любящимъ мужемъ, великодушнымъ врагомъ. Ко всему, что было прекраснаго и благороднаго, онъ относился съ живѣйшимъ сочувствіемъ, всегда становился на сторону справедливости и благочестія, хотя въ то же время былъ суровъ къ злодѣямъ. Будучи крайне любящимъ и нѣжнымъ отцемъ, онъ даже

погрѣшалъ въ своихъ родительскихъ обязанностяхъ по отношенію къ своимъ сыновьямъ. Любовь, которая должна бы преподавать ему и болѣе глубокіе уроки, приводила его къ чрезмѣрной снисходительности, такъ что, даже при самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ его сыновей, Давидъ не имѣлъ настолько строгости, чтобы огорчить кого-нибудь изъ нихъ невиннымъ вопросомъ: «зачѣмъ ты сдѣлалъ это?» Полигамическая жизнь, правда, съ ея отдѣльными семействами и мелочнымъ соперничествомъ, естественно, способствовала ослабленію родительскаго надзора за дѣтьми и дѣлала истинное и правильное воспитаніе ихъ задачей чрезвычайно трудной, хотя при извѣстной твердости и самоограниченіи трудность эту и можно бы было преодолѣть. Но Давидъ всецѣло отдался своей всеувлекающей привязанности, и серьезныя ошибки и порочныя наклонности его сыновей оставались или безъ всякаго замѣчанія съ его стороны, или безъ ограниченія, послѣдствія чего и обрушились на него всею своею бѣдственностью.

Въ характерѣ Давида не было ничего мелочнаго. Онъ былъ великъ какъ къ добру, такъ и ко злу. Истиннымъ для него было благомъ, что обстоятельства его жизни были таковы, что они воздерживали и видоизмѣняли его естественныя наклонности. Его врожденныя мужество и самонадѣянность, вмѣстѣ съ ловкостью и подвижностью опытнаго атлета, могли бы привести его къ заносчивости и жестокости, еслибы эти свойства не ограничивались въ немъ подъ вліяніемъ развитаго съ самаго дѣтства благочестія и налагавшихся на него ограниченій со стороны внѣшнихъ событій его жизни. Будучи любимцемъ войска, пріобрѣтая себѣ привязанность и сочувствіе вездѣ, гдѣ только ни являлся, онъ могъ бы легко играть роль демагога, узурпатора, тирана; но его религія была для него спасеніемъ. Голосъ пророка управлялъ ходомъ его дѣятельности, и терпѣніе давало ему силу постоянно обладать собою. Съ сильными человѣческими чувствами привязанности, не безъ примѣси чувственныхъ наклонностей, онъ обладалъ честолюбивой и стремящейся впередъ натурой, которая ставила его выше соблазновъ страстей и не позволяла ему сдѣлаться просто себялюбивымъ сластолюбцемъ. И если любовь со стороны окружающихъ оказывалась слишкомъ льстивою и развращающею, то вмѣстѣ съ тѣмъ у него всегда имѣлось особое жало въ плоти, которое ограничивало его самовосхваленіе и наказывало его гордость. Присутствіе такого

человѣка, какимъ былъ Іоавъ, посвященный во всѣ грѣховныя тайны своего государя, заставляло его иногда съ горечью чувствовать свое ничтожество предъ своимъ соподчиненнымъ, котораго, однако же, онъ не въ силахъ былъ устранить, такъ какъ этотъ человѣкъ былъ для него воплощеніемъ совѣсти, воспоминаніемъ о прошломъ и предостереженіемъ для будущаго. Какъ ни тяжело было Давиду сносить оскорбленія отъ этого сообщника многихъ своихъ преступленій, однако же онъ не могъ избавить себя отъ этого тяжкаго ига, и научался смиренію, терпѣнію и самоуничиженію. Онъ никогда не могъ забыться и предаваться самовосхваленію, когда ему постоянно приходилось нести тяжкое бремя присутствія такого человѣка. Онъ постоянно чувствовалъ тяжесть этой сковывавшей его цѣпи, сознаніе чего такъ часто повторялось въ его нетерпѣливомъ восклицаніи: «что мнѣ дѣлать съ вами, сыны Сарцины?» Это постоянное присутствіе памятника слабости и виновности было необходимо для усовершенствованія святаго, и Давидъ смиренно принималъ тягчайшіе уроки своей жизни. Привыкши преодолѣвать противодѣйствіе, стремясь къ свободѣ дѣйствія, заставляя общество преклоняться предъ своими желаніями, онъ, естественно, могъ бы превратиться въ жестокаго деспота, еслибы и въ этомъ отношеніи его опять не ограничивало уваженіе къ закону и религіи. Сознавая свои великія способности, зная, что онъ въ своихъ дарованіяхъ, воззрѣніяхъ, стремленіяхъ стоялъ выше своихъ современниковъ, онъ, однако же, благодаря своему смиренію, глубокому сознанію своего ничтожества въ глазахъ Всевышняго, предохраненъ былъ отъ заносчивости, и въ смиреніи воспѣлъ пѣснь смиренію:

«Господи! не надмевалось сердце мое,
И не возносились очи мои,
И я не входилъ въ великое и для меня недосягаемое.
Не смирялъ ли я и не успокоивалъ ли души моей,
Какъ дитяти, отнятаго отъ груди матери?
Душа моя была во мнѣ,
Какъ дитя, отнятое отъ груди» [1]).

Какъ великодушенъ онъ былъ въ своемъ обращеніи съ тѣми, которые глубоко оскорбляли его! Съ какою готовностью онъ жер-

[1]) Пс. CXXX, 1. 2.

твовалъ собою для блага другихъ и какъ не любилъ пользоваться ихъ опасностями, въ которыхъ не принималъ участія самъ! Страсти его были сильны; онъ склоненъ былъ къ гнѣву, торопливъ въ рѣшеніи на мщеніе, и однако же всегда готовъ былъ слушать разумные доводы, и сильное чувство справедливости всегда брало верхъ надъ временными страстями. Во многихъ отношеніяхъ онъ стоялъ замѣчательно выше предразсудковъ своего времени и своей страны; онъ смотрѣлъ гораздо дальше узкихъ предѣловъ своего отечества и хотѣлъ бы видѣть, чтобы и язычники сдѣлались участниками его преимуществъ.

Душа его была въ высшей степени воспріимчива и дарованія его чрезвычайно разнообразны. Это былъ человѣкъ созерцательный, человѣкъ молитвы и размышленія; его любовь къ природѣ была пламенна: онъ былъ страстнымъ наблюдателемъ разнообразныхъ картинъ неба, земли и воды. Онъ пламенѣлъ горячею любовью къ своей родной странѣ. Одиноко сидя съ своей арфой на прохладной возвышенности, онъ воспѣвалъ красоты окружающей его жизни и природы и вдохновенно высказывалъ надежды, согрѣвавшія его собственную грудь: душа его обращалась съ пламенными мольбами къ Іеговѣ, присутствіе котораго онъ чувствовалъ повсюду и вдохновеніе котораго онъ постоянно признавалъ въ себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не менѣе былъ и человѣкомъ дѣятельности. Въ юности ли, когда онъ защищалъ свое стадо отъ львовъ и медвѣдей, принималъ участіе въ отраженіи нападеній хищниковъ пустыни, или позже, когда онъ, вступивъ въ войско, принималъ участіе въ военныхъ предпріятіяхъ, водилъ войска къ побѣдѣ, или въ болѣе зрѣлые годы, когда онъ, стоя во главѣ государства, давалъ ему новыя учрежденія, военное, гражданское и религіозное благоустройство,—всегда онъ былъ человѣкомъ энергичнымъ, трудящимся, не жалѣвшимъ никакихъ усилій, умѣвшимъ пользоваться благопріятными обстоятельствами, мужественнымъ въ опасности, самодѣятельнымъ, отвѣчающимъ своему назначенію и во всѣхъ отношеніяхъ компетентнымъ. Онъ любилъ свободу; суровая жизнь пустыни для него была пріятнѣе, чѣмъ придворная жизнь деспота съ ея стѣснительнымъ этикетомъ. Онъ неохотно отказывался отъ собственныхъ плановъ, и тѣ, которые противились имъ, не были уже его друзьями; свобода дѣятельности у него была страстью, и онъ всегда и настойчиво отстаивалъ ее для себя. Правда, онъ былъ че-

столюбивъ, но его честолюбіе было благородное и чистое. Въ немъ не было ничего низкаго и узкосебялюбиваго. Онъ всегда хотѣлъ быть достойнымъ своего высокаго призванія, быть истиннымъ теократическимъ царемъ. Своихъ подданныхъ онъ научалъ стремиться къ тому, чтобы быть дѣйствительно народомъ Божіимъ, не по имени только, но въ сердцѣ и въ жизни, и въ собственной личности давалъ примѣръ послушанія и благочестія, когда во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководился высшимъ Божественнымъ указаніемъ. Слабость человѣческой природы, конечно, омрачала и подрывала этотъ высокій идеалъ, но идеалъ этотъ всегда оставался знаменемъ его жизни и дѣятельности. И при такихъ стремленіяхъ онъ не могъ не любить всего, что было добраго и прекраснаго, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеній; его сочувствіе всегда пробуждалось всѣмъ, что было благородно и добродѣтельно; онъ осыпалъ своими милостями тѣхъ, которые заслуживали этого, и самъ готовъ былъ оказывать имъ всевозможныя услуги. Та великая цѣль, къ которой онъ стремился, пробуждала и поощряла въ немъ лучшія качества его души; укрѣпляла его руку, сдерживала его страсти, руководила его политикой, возвращала его на путь правды во время уклоненій отъ него, и давала ему возможность терпѣливо сносить огорченія и всевозможныя разочарованія и теченіе всей жизни предоставлять руководительству Божію.

Но чтобы правильно оцѣнить все величіе характера Давида, какъ царя, нужно имѣть въ виду результаты его сорокалѣтняго царствованія. То, что начали и отчасти закончили Моисей и Іисусъ Навинъ, къ чему стремился Самуилъ, но чего достигъ лишь на половину, все это впервые поставлено было на твердую почву только Давидомъ. Онъ далъ своему народу то единство, которое сдѣлало возможнымъ совмѣстное дѣйствіе для національнаго блага. Подъ его управленіемъ этотъ объединенный народъ наслаждался безопасностью, которая давала ему возможность безпрепятственно расти и распространяться; истинная религія была поддерживаема и признаваема въ качествѣ основы этого благосостоянія; источники страны чрезвычайно расширились и употреблялись съ пользою; искусства, которыя способны были возвышать удобства и блага жизни, равно какъ и тѣ, которыя содѣйствовали красотѣ и роскоши благоустроенной жизни, развивались и усердно поддерживались, такъ что народъ Израильскій увѣренно занялъ вліятельное

положеніе среди могущественнѣйшихъ народовъ земли. Это было тѣмъ болѣе замѣчательно, что іудеи не имѣли никакой миссіи завоевывать и присоединять къ себѣ отдаленныя земли. Они, по своему назначенію, должны были довольствоваться своею собственною прекрасною и плодородною страной и охранять ея предѣлы безъ всякаго пожеланія къ захвату владѣній другихъ. Ихъ усилія увѣнчались неожиданнымъ и чрезвычайно великимъ успѣхомъ. Обстоятельства заставили ихъ расширить свои предѣлы; защищая свои собственныя владѣнія, они не могли не вторгаться съ оружіемъ въ рукахъ въ землю враговъ, и, съ цѣлью обезпечить себѣ свое будущее спокойствіе, обращали внѣшнихъ враговъ въ данниковъ себѣ. Вслѣдствіе этого владѣнія израильтянъ къ концу царствованія Давида распространились къ сѣверу на Сирію, къ югу на Едомъ и пустынныя племена, и къ востоку до береговъ самаго Евфрата. Благодаря изумительному военному дарованію, Давидъ сумѣлъ создать военную силу, которая сдѣлалась властной рѣшительницей судебъ исторической жизни того времени. Сила эта восходила до 300,000 воиновъ. Но какъ ни сильно, повидимому, было своею численностью израильское войско, истинная сила его однако же заключалась въ томъ духѣ, которымъ оно было одушевлено и который былъ влитъ въ него самимъ царемъ. Давидъ понималъ всю вдохновляющую силу религіи и умѣлъ пользоваться ею; онъ вполнѣ сознавалъ, что преданность Іеговѣ и была именно источникомъ національнаго благосостоянія, что Господь сражался за Израиля всякій разъ, какъ народъ оставался вѣренъ Ему. Онъ выступалъ не просто воинственнымъ полководцемъ или могущественнымъ деспотомъ, но царемъ теократическимъ, то-есть, правителемъ, который управлялъ народомъ по высшему Божественному указанію, слѣдуя не своимъ собственнымъ планамъ и предначертаніямъ, а боговдохновенному голосу пророковъ. Сознаніе этого сверхъестественнаго водительства заставляло народъ смотрѣть на помазанника Божія съ высокимъ почтеніемъ и повиноваться ему съ готовностью и преданностью, и то же самое чувство обратно сказывалось и на самомъ народѣ, дѣлая его участникомъ славы своего монарха и давая ему возможность подняться до высокаго убѣжденія, что какъ царь его есть намѣстникъ Іеговы, такъ и самъ народъ есть народъ Божій. Израильтяне, подъ вліяніемъ Давида, сознавали себя воинствомъ Господнимъ; ихъ войны были войнами свя-

щенными, ведшимися противъ враговъ Божіихъ; въ этомъ убѣжденіи они сдѣлались народомъ героевъ и чувствовали увѣренность въ своемъ торжествѣ; несмотря на свое несовершенство въ оружіи и въ опытности, они вступали часто въ борьбу съ врагами, превосходившими ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, съ такою увѣренностью, предъ которой не въ силахъ было выстоять ничто. И такимъ великимъ и могущественнымъ Израиль сдѣлался именно въ царствованіе Давида.

Въ своемъ мѣстѣ было сказано, что сдѣлалъ Давидъ для общественнаго богослуженія и для религіозныхъ установленій. Его благочестіе было совершенно практическимъ; и онъ стремился къ тому, чтобы во всемъ народѣ пробудить и утвердить тѣ же чувства въ этомъ великомъ дѣлѣ. Онъ признавалъ, что для религіи необходима внѣшняя сторона, что безъ внѣшней формы ебрядовъ и церемоній можетъ погибнуть и самая сущность; поэтому, онъ выработалъ величественную систму богослуженія, установилъ всѣ подробности и приготовилъ матеріалы, которыми пользовались до позднѣйшихъ вѣковъ царства Іудейскаго. Основой для него въ этомъ отношеніи служила система Моисеева; его идея о служеніи Іеговѣ была только развитіемъ того, что предписано было въ пятокнижіи. Многія изъ установленій, приписываемыхъ ему библейскими лѣтописцами, введены были постепенно, но онъ былъ авторомъ централизаціи религіознаго богослуженія въ Іерусалимѣ и ему должно быть приписано преобразованіе служенія левитовъ, которое не только обезпечило правильное и благопристойное совершеніе божественнаго богослуженія, но также и доставило служителямъ религіи общепризнанное положеніе и содержаніе, которыя были сильно поколеблены во время смутъ прежняго періода. Неизбѣжнымъ и естественнымъ результатомъ подобнаго религіознаго богоустройства было возвышеніе благочестія и нравственности среди народа. Нѣкоторыя изъ учрежденій Давида были прямо разсчитаны на то, чтобы поддерживать высокій уровень религіознаго благочестія и богопознанія. Священники не постоянно находились въ Іерусалимѣ. Какъ только заканчивалась ихъ чреда служенія, они возвращались по своимъ домамъ, разнося, такимъ образомъ, въ самые отдаленные округи святость религіи и представляя собою примѣры благочестивыхъ домохозяйствъ. Левиты также въ ихъ различныхъ положеніяхъ жили по всей странѣ. Хотя значительная

часть ихъ и употреблялась при святилищѣ въ качествѣ носильщиковъ, пѣвцовъ, сторожей, однако же, весьма многіе изъ нихъ занимали должности начальниковъ, судей и учителей въ другихъ частяхъ страны. До 3,000 этихъ должностныхъ лицъ жили между восточными колѣнами, которыя, вслѣдствіе своей отдаленности отъ центра, болѣе всего и нуждались въ попеченіи. Левитамъ поручено было завѣдываніе общественными лѣтописями; они были законниками и надзирателями общества, и среди нихъ можно было встрѣчать то небольшое знакомство съ медициной и другими науками, какое только существовало въ то время. Въ своихъ трудахъ въ дѣлѣ религіи, они находили весьма существенную поддержку въ школахъ пророческихъ, въ которыхъ Давидъ принималъ самое горячее участіе, побуждаемый къ тому сначала своимъ другомъ и учителемъ Самуиломъ, а затѣмъ своими придворными пророками, Гадомъ и Наѳаномъ. Если, не смотря на подобное учрежденіе и на многія другія средства, существовавшія для поддержанія истинной религіи, народъ легко увлекался искушеніемъ возставать противъ помазанника Господня и становиться на сторону нечестиваго узурпатора, то мы должны помнить, что даже и лучшія государственныя учрежденія никогда не могутъ безусловно достигнуть имѣющагося въ виду результата, пока люди останутся такими, какими они есть. Моисеевы постановленія, освященныя и подтвержденныя самымъ чудеснымъ образомъ, никогда не исполнялись совершенно. Обычная человѣческая слабость и несовершенство ограничиваютъ вліяніе самыхъ совершенныхъ и лучшихъ учрежденій; измѣнчивость и нетвердость толпы способны разстраивать самыя мудрыя предположенія. Самое благочестіе Давида могло быть иногда причиной неудовольствія для многихъ преданныхъ мірской суетѣ людей, и возбуждало вражду противъ него. Молчаливый укоръ жизни, одушевленной любовью къ Богу и руководящейся заповѣдями Его, бывалъ причиною неудовольствія и даже враждебности, которыя и приводили по временамъ къ открытому возмущенію. Но эти неблагопріятныя обстоятельства не уменьшаютъ славы царя, который первый далъ жизнь и силу великой религіозной системѣ, который обнаружилъ такую замѣчательную способность въ устроеніи религіозныхъ дѣлъ и въ упорядоченіи и сплоченіи разрозненныхъ силъ духовнаго воинства. И какъ бы временныя заблужденія ни омрачали законности и вѣрноподданичества, истинная религія въ

теченіе всего этого царствованія была столь могущественной и пользовалась такимъ всеобщимъ признаніемъ, что идолопоклонство сдѣлалось совершенно неизвѣстнымъ, и въ самыхъ отдаленныхъ деревушкахъ не призводилось поклоненія никакому другому Богу, кромѣ какъ Іеговѣ. Это былъ, поистинѣ, великій и благородный результатъ дблестныхъ усилій Давида.

Но послѣдующіе вѣка обязаны Давиду еще и другимъ великимъ сокровищемъ, навсегда сдѣлавшимся источникомъ нравственнаго возрожденія и неисчислимыхъ благъ. Онъ именно былъ основатель псалмопѣнія. Его религіозно-нравственныя пѣсни или псалмы, въ которыхъ онъ, смотря по обстоятельствамъ своей богатой приключеніями и всевозможными испытаніями жизни, вдохновенно выражалъ свои чувства вѣры и упованія на Бога, благодарности и славословія, радости и скорби, ликованія и покаяннаго сокрушенія, по силѣ и нѣжности выраженій, равно какъ и по возвышенности и пламенности религіознаго чувства, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго не только въ священной поэзіи другихъ народовъ, но и въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Содержащіяся въ нихъ истины ближе всего подходятъ къ истинамъ Новаго Завѣта, и потому Псалтирь [1]) является и у христіанскихъ народовъ самою любимою книгою, въ которой милліоны ищутъ и находятъ утѣшеніе и миръ для своей борющейся съ искушеніями и невзгодами души.

Но Давидъ не просто былъ псалмопѣвцемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и боговдохновеннымъ пророкомъ. Это названіе ясно прилагается къ нему ап. Петромъ въ его рѣчи въ день Пятидесятницы. «Будучи же пророкомъ», говоритъ апостолъ о Давидѣ, «и зная, что Богъ съ клятвою обѣщалъ ему отъ плода чреслъ его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престолѣ его, онъ прежде сказалъ о воскресеніи Христа» [2]). Здѣсь апостолъ высказываетъ боговдохновенный взглядъ на псалмопѣвца, и обстоятельства его жизни и произведенія его пера вполнѣ подтверждаютъ этотъ приговоръ. Самъ Божественный Спаситель свидѣтельствовалъ также, что Давидъ говорилъ по вдохновенію, то-есть, вдохновляемый Духомъ Святымъ [3]). Духъ Господень, сошедшій на него, когда онъ былъ помазанъ въ домѣ своего отца въ Виелеемѣ, не только воспламе-

---

[1]) О ней подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

[2]) Дѣян. II, 30.

[3]) Матѳ. XXII, 43.

нилъ въ его груди стремленіе къ высшимъ цѣлямъ и подготовлялъ его къ управленію народомъ, но и вдохновлялъ его славословить Бога и влагалъ въ его уста слова, полное значеніе которыхъ могло обнаружиться только въ послѣдующіе вѣка. Въ школахъ пророческихъ онъ былъ свидѣтелемъ религіознаго восторга и самъ предавался подобной же восторженности, и по мѣрѣ его возрастанія, и особенно въ позднѣйшіе годы его жизни, Духъ Святой дѣлалъ его орудіемъ своего выраженія, и надежды благочестиваго израильтянина на великое будущее были выражаемы въ словахъ, которыя не могутъ имѣть никакого другаго истолкованія, кромѣ мессіанскаго. Въ то же самое время Давидъ никогда не принималъ на себя формально должности или характера пророка; онъ говорилъ, какъ только сходило на него вдохновеніе. Насколько онъ даже понималъ сущность имѣвшаго совершиться событія, о которомъ онъ воспѣвалъ, сказать невозможно; но его проницательный взглядъ шелъ гораздо дальше земныхъ престоловъ и земныхъ побѣдъ и останавливался на томъ Божественномъ лицѣ, которое должно было осуществить величественный идеалъ царя. Нѣкоторыя изъ его пѣсней могутъ вполнѣ прилагаться именно только къ Христу. Спасителю міра. Другія, правда, имѣютъ свой первоначальный смыслъ, обусловливавшійся обстоятельствами его собственной жизни или жизни народа; но тѣ, которыя не могутъ быть истолковываемы примѣнительно къ этимъ обстоятельствамъ, имѣютъ строго пророческій смыслъ. Мы знаемъ объ одномъ знаменательномъ случаѣ, когда Мессіанская идея ясно раскрыта была ему, и онъ понялъ, что это великое обѣтованіе будетъ исполнено въ его родѣ и что его царство было предзнаменованіемъ и прообразомъ царства Мессіи. Это было именно послѣ того, какъ онъ выразилъ свое желаніе построить храмъ Іеговѣ въ Іерусалимѣ, когда Наѳанъ и обрадовалъ его этимъ величественнымъ обѣтованіемъ [1]). Пророкъ сообщилъ ему, что начальникъ отъ дома Іудина будетъ царствовать вѣчно и будетъ поставленъ въ вѣчномъ царствѣ, что сѣмя его построитъ вѣчный храмъ Господу, и что Богъ будетъ относиться къ нимъ, какъ къ своимъ сыновьямъ, наказуя и милуя. Принимая это обѣтованіе къ сердцу и съ благоговѣніемъ и надеждой размышляя о немъ, Давидъ въ своей послѣдней торжественной пѣснѣ, обращая

[1]) 2 Цар. VII; 1 Паралип. XVII. См. выше, стр .205.

свои взоры къ великому будущему Царю, какъ къ своей величайшей утѣхѣ, предвидѣлъ зарю царства праведнаго Царя и выразилъ свою увѣренность въ непреложности завѣта и свою вѣру, что спасеніе распространится повсюду, обѣтованіе царствованія не ограничится земнымъ побѣдителемъ, но будетъ принадлежать царственному роду до тѣхъ поръ, пока все это не завершится торжествомъ Христа. Предсказаніе Наѳана затѣмъ еще болѣе раскрывается въ псалмѣ CIX-мъ, на который не разъ дѣлаются ссылки въ Новомъ Завѣтѣ, какъ Христомъ, такъ и апостолами; въ немъ предсказывается о такомъ Царѣ и Владыкѣ, который будетъ сидѣть одесную Бога и положитъ враговъ своихъ въ подножіе ногъ Своихъ, о Царѣ, который будетъ священникомъ во вѣкъ по чину Мелхиседека, въ которомъ царственность и священство сочетаются между собою въ такой степени, какъ это никогда не было въ исторіи Израильскаго народа, какъ этого Давидъ и не могъ себѣ представить помимо сверхъестественнаго откровенія; потому что такое предсказаніе заключаетъ въ себѣ вѣру въ превосходство Мессіи и въ отмѣну Моисеевой системы, которой не могъ бы вообразить себѣ ни одинъ боговдохновенный іудей. Если во второмъ псалмѣ первоначально говорится о полной побѣдѣ надъ врагами, выступавшими совмѣстно противъ земного царя, однако же, псалмопѣвецъ отъ этихъ земныхъ дѣлъ и отъ этихъ ничтожныхъ земныхъ враговъ обращаетъ свой взоръ на высшую надежду израилеву,—сидящаго одесную Бога въ качествѣ Его Сына и пользующагося всѣми преимуществами этого славнаго положенія. Здѣсь также мы встрѣчаемся съ именами, подъ которыми обыкновенно извѣстенъ Христосъ, именно съ именами «Помазанника Божія», «Христа Господня» и «Сына Божія». Здѣсь, несомнѣнно, псалмопѣвецъ выступаетъ въ положеніи пророка, ясно предсказывающаго будущее. Въ псалмѣ XVII Давидъ говоритъ о многихъ своихъ опасностяхъ и избавленіи отъ нихъ, объ окончательномъ утвержденіи своего престола и о расширеніи своей власти; но этими указаніями не исчерпывается весь предметъ. Хотя они вполнѣ приложимы къ нему самому, но еще болѣе они приложимы ко Христу, и могли вполнѣ осуществиться только въ Немъ, и псалмопѣвецъ въ своемъ вдохновеніи придавалъ такую форму своимъ изреченіямъ, что слова его могли имѣть и дальнѣйшее, высшее приложеніе, и апостолъ, безъ малѣйшей натяжки могъ находить въ нихъ указаніе на дѣло Христа среди язычни-

ковъ [1]). Когда Давидъ составлялъ XXIII псаломъ для воспоминанія о перенесеніи ковчега въ Іерусалимѣ, то развѣ царственный поэтъ не имѣлъ при этомъ видѣнія Мессіи, торжественно восходящаго на небо послѣ своего славнаго воскресенія? Когда онъ составлялъ VIII псаломъ, въ которомъ вспоминалъ о своей пастушеской жизни и пастбищахъ Виѳлеема, то развѣ онъ не имѣлъ въ виду того идеальнаго человѣка, который изъ своего уничиженія возвышенъ былъ до сидѣнія одесную Бога? Когда въ псалмѣ XV онъ взираетъ на Бога, какъ на свое наслѣдіе и свое убѣжище въ этомъ и будущемъ мірѣ, то его изреченія объясняются апостолами [2]), въ приложеніи къ воскресенію Іисуса Христа, въ которомъ человѣкъ впервые достигъ благословенной надежды на вѣчную жизнь.

Будучи пророкомъ, Давидъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и прообразомъ Христа. Эта сторона его характера болѣе всего знакома намъ, такъ какъ она признана была въ христіанской церкви съ самыхъ раннихъ временъ. Она подтверждена изреченіями самого Христа и Его апостоловъ, и она именно объясняетъ многія изъ его дѣйствій и изреченій, представляя наилучшій и вѣрнѣйшій ключъ къ ихъ внутреннему смыслу. Если XXI псаломъ былъ написанъ Давидомъ для выраженія глубокой скорби его души, вслѣдствіе какого-нибудь тяжкаго страданія и для выраженія его благодарности объ избавленіи, то въ полномъ своемъ смыслѣ всѣ эти чувства могли найти осуществленіе только въ страданіи и смерти Христа и въ увѣренности той радости, которая должна была послѣдовать міру вслѣдствіе этого страданія. Самыя подробности псалма нашли полное воспроизведеніе въ страданіяхъ Мессіи, который Самъ прилагалъ эти слова къ Себѣ и видѣлъ въ изображаемомъ тамъ страдальцѣ Свой собственный прообразъ. Во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни, Давидъ ясно выступалъ прообразомъ своего Божественнаго сына. Его рожденіе въ Виѳлеемѣ, его тайное помазаніе тамъ, его побѣда надъ исполинскимъ врагомъ, поносившимъ воинство Бога живаго, его сладостная музыка, прогонявшая силу злобнаго духа отъ злополучнаго царя, гоненія, которымъ онъ подвергался, страданіе и прощеніе, которое онъ выражалъ, его ревность о домѣ Божіемъ, его войны и побѣды надъ языческими народами, его отверженіе своимъ собственнымъ народомъ, измѣнничество его

[1]) Рим. XV, 9.
[2]) Дѣян. II, 27; XIII, 35.

испытаннаго сотоварища, его окончательная побѣда надъ всякимъ противодѣйствіемъ,—всѣ эти и тому подобныя подробности имѣютъ пророческій и прообразовательный характеръ и свидѣтельствуютъ о любви, страданіи и торжествѣ Спасителя міра.

О томъ почтеніи, съ которымъ іудеи относились къ Давиду, какъ въ его, такъ и въ послѣдующее время, можно судить изъ того, что ему отводилось наиболѣе видное мѣсто среди славнѣйшихъ мужей народа. «Какъ тукъ, отдѣленный отъ мирной жертвы», говоритъ, напр., сынъ Сираха, «такъ Давидъ отъ сыновъ Израилевыхъ. Онъ игралъ со львами, какъ съ козлятами, и съ медвѣдями, какъ съ ягнятами. Въ юности своей не убилъ ли онъ исполина, не снялъ ли поношенія съ народа, когда поднялъ руку съ пращнымъ камнемъ и низложилъ гордыню Іоліаѳа? Ибо онъ воззвалъ къ Господу Всевышнему, и Онъ далъ крѣпость правой рукѣ его поразить человѣка, сильнаго въ войнѣ, и возвысить рогъ народа своего. Такъ прославилъ народъ его тьмами и восхвалилъ его въ благословеніи Господь, какъ достойнаго вѣнца славы. Ибо онъ истребилъ окрестныхъ враговъ и смирилъ враждебныхъ филистимлянъ,—даже донынѣ сокрушилъ рогъ ихъ. Послѣ каждаго дѣла своего, онъ приносилъ благодареніе Святому Всевышнему словомъ хвалы; отъ всего сердца онъ воспѣвалъ и любилъ Создателя своего и поставилъ предъ жертвенникомъ пѣснопѣвцевъ, чтобы голосомъ ихъ услаждать пѣснопѣніе. Онъ далъ праздникамъ благолѣпіе и съ точностью опредѣлилъ времена, чтобы они хвалили святое имя Его и съ раннято утра оглашали святилище. И Господь отпустилъ ему грѣхи, и на вѣки вознесъ рогъ его, и даровалъ ему завѣтъ царственный, и престолъ славы въ Израилѣ» [1]). Давидъ былъ идеальнымъ царемъ Израиля, образцомъ, по которому произносилось сужденіе о всѣхъ послѣдующихъ царяхъ. Самое имя Давида сдѣлалось историческимъ именемъ и увѣковѣчено въ такихъ названіяхъ, какъ «городъ Давидовъ», «престолъ Давидовъ», «сѣмя Давидово»; оно считалось столь высокимъ, что уже никто не осмѣливался носить его потомъ, вслѣдствіе чего мы уже не встрѣчаемъ его въ библейской исторіи послѣдующаго времени. Высшей похвалой для Давида служитъ то, что въ немъ Самъ Богъ «нашелъ Себѣ мужа по сердцу Своему» [2]), и что высотой его религіозно-нрав-

[1]) Сирах. XLVII, 2—13.
[2]) 1 Цар. XIII, 14.

ственной жизни измѣрялась жизнь лучшихъ изъ его преемниковъ, похвалою для которыхъ было выраженіе: «онъ ходилъ первыми путями Давида, отца своего».

Несмотря на всѣ неразлучныя съ человѣческой природой слабости, Давидъ навсегда остался величайшимъ образцомъ нравственно добраго и одушевляемаго возвышенными чувствами человѣка, который всѣми силами стремится къ добру и мужественно борется съ одолѣвающими его искушеніями. Въ этой борьбѣ онъ можетъ падать, и падать глубоко, но онъ никогда не оставитъ этой борьбы, и послѣ всякаго паденія, со слезами и сокрушеніемъ, вновь начинаетъ эту нескончаемую, ожесточенную борьбу, и въ концѣ концовъ восторжествуетъ въ ней надъ всѣми темными силами зла. Поэтому-то Псалтирь,—какъ боговдохновенная поэтическая лѣтопись испытаній духовной жизни великаго псалмопѣвца, — и поражаетъ своею изумительною жизненною правдою, и въ ней всякій находитъ боговдохновенное выраженіе тѣхъ самыхъ чувствъ, которыя можетъ испытывать каждый человѣкъ при различныхъ обстоятельствахъ и превратностяхъ жизни. Память о его великихъ качествахъ никогда не изглаживалась впослѣдствіи. Время, набрасывающее покрывало забвенія на все, даже великое и славное, только все болѣе возвышало его славу и усиливало ту любовь, съ которою взирали на него послѣдующія поколѣнія. Во всѣ послѣдующіе вѣка, въ писаніяхъ историковъ и пророковъ, въ каноническихъ книгахъ, его фигура постоянно выступаетъ во всемъ величіи и блескѣ, пока не явился во плоти Тотъ, для кого онъ былъ прообразомъ и предтечей, характеръ и жизнь Котораго онъ такъ чудесно предзнаменовалъ, именно Христосъ, великій сынъ Давидовъ, явившійся закончить дѣло своего великаго предка и искупить человѣчество. Тогда именно вполнѣ открылась вся тайна и весь смыслъ его жизни, тогда исполнилось обѣтованіе прошедшаго, когда именно пришелъ Тотъ, о которомъ было предвозвѣщено Давиду: «И дастъ Ему Господь Богъ престолъ раба Своего, Давида, и воцарится онъ надъ домомъ Іудинымъ во вѣки, и царству Его не будетъ конца».

ГЛАВА XVIII.

ПСАЛМЫ ДАВИДА.

Какъ ни великъ былъ Давидъ въ своихъ дѣлахъ, значеніе которыхъ чувствовалось въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ исторической жизни избраннаго народа, но его величіе еще болѣе проявилось въ томъ его духовномъ могуществѣ, вліяніе котораго неотразимо сказалось не только на избранномъ народѣ, но и на всемъ человѣчествѣ. Онъ былъ не только основателемъ монархіи, но и основателемъ Псалтири. Давидъ былъ первымъ великимъ поэтомъ Израиля. Хотя и до него бывали случайные взрывы еврейской поэзіи, однако же Давидъ былъ первый, кто далъ ей опредѣленное мѣсто въ израильскомъ богослуженіи. Въ Моисеевомъ обрядовомъ богослуженіи не было для нея мѣста, и самое отсутствіе ея можетъ служить однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ древности этой обрядности во всѣхъ ея существенныхъ чертахъ. Для столь великаго нововведенія требовался не менѣе великій нововводитель, чѣмъ какимъ былъ Давидъ. Вся полнота того изумительно разнообразнаго древне-восточнаго міра, съ его кимвалами, трубами и арфами, съ его восторженными плясками и тѣлодвиженіями, съ его пѣснями въ вопросахъ и отвѣтахъ, въ строфахъ и антистрофахъ, имѣющими способность возбуждать духъ изъ унынія, или умиротворять его во время бурь, въ такой степени, какъ это не понятно для нашего болѣе равнодушнаго и спокойнаго Сѣвера и Запада,—весь этотъ міръ звуковъ былъ роднымъ царственному пастуху, когда онъ восшелъ на царскій престолъ, и въ качествѣ особаго, великаго достоянія введенъ былъ въ систему церковнаго богослуженія. Рядомъ съ драгоцѣнными жертвоприношеніями животныхъ заняло мѣсто восхваленіе Богу посредствомъ пѣнія сладкозвучныхъ стиховъ и музыки, сдѣлавшихся какбы «жертвою устъ» [1]). Его арфа, или, какъ она называется у греческихъ переводчиковъ, его Псалтирь [2]) была для него

---

1) Осія, XIV, 3.

2) Слово «Псалтирь», какъ названіе книги, происходитъ отъ Александрійскаго Манускрипта, перевода LXX, ψαλτήριον μετ' ᾠδαῖς,—то-есть «арфа съ пѣснями».

то же, что чудодѣйственный жезлъ для Моисея, побѣдоносное копье для Іисуса Навина, или мечъ для Гедеона. Онъ сроднился съ нею съ самой своей юности. Она была неразлучной спутницей его во время того, исполненнаго приключеніями, странствованія, когда онъ долженъ былъ спасаться онъ гоненій Саула [1]). Пѣвцы и пѣвицы были постоянными и признанными обитателями его дворца [2]). Самъ онъ былъ изобрѣтателемъ музыкальныхъ инструментовъ, и отъ всего сердца воспѣвалъ и любилъ Создателя Своего [3]). Вмѣстѣ съ этими поэтическими дарованіями, онъ бладалъ, какъ сказано выше, и такимъ пророческимъ даромъ, который справедливо ставитъ его въ разрядъ пророковъ, хотя онъ и не призванъ былъ формально къ пророческому служенію. Хотя, въ случаѣ нужды въ пророческихъ наставленіяхъ, онъ обращался къ другимъ, однако же его собственныя изреченія имѣютъ явно пророческій характеръ [4]). Сами пророки признаютъ его изумительную духовную прозорливость. Даже среди наиболѣе одареннѣйшихъ лицъ своего народа онъ считался какбы ангеломъ Божіимъ,—именно по своей способности терпѣливо выслушивать притязанія какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, по своему обширному знанію міра и людей, по прямотѣ своихъ сужденій, которыя, будучи разъ высказаны, не могли уже быть совращены ни направо, ни налѣво [5]). Вслѣдствіе такихъ дарованій, онъ сдѣлался уже въ своей жизни, и еще болѣе въ своихъ писаніяхъ, пророкомъ, провозвѣстникомъ новаго міра религіозной истины, которая представляетъ новую ступень въ развитіи религіознаго міросозерцанія, по сравненію съ самимъ Моисеемъ.

Введенная такимъ образомъ въ употребленіе, Псалтирь открыла новую дверь для развитія священной литературы. Гимны составлялись за гимнами, которые, смотря по требованію времени, измѣнялись и передѣлывались. Рядомъ съ гимнами, и какбы подъ при-

---

[1]) 2 Цар. XXIII. 2. Есть сказаніе, въ которомъ говорится, что арфа всегда висѣла надъ его постелью и издавала звуки въ полночь, когда проносился надъ нею сѣверный вѣтеръ.

[2]) 2 Цар. 2. XIX, 35.

[3]) Сирах. XLVII, 10.

[4]) Дѣян. II, 30. Мусульманскія преданія въ особенности дѣлаютъ его «пророкомъ Божіимъ», какъ Авраамъ былъ «другомъ», а Магометъ «посланникомъ Божіимъ».

[5]) См. замѣчательное описаніе мудрости Давида во 2 Цар. XIV, 17, 19 и 20; ср. также 2 Цар. XIX, 27.

крытіемъ этой вдохновенной производительности, явились и другія книги, которыя не могутъ быть строго относимы ни къ закону, ни къ пророкамъ, и которыя скорѣе всего подходятъ подъ общее названіе псалмовъ, хотя и какъ книги Руѳь и Екклесіастъ, Паралипоменонъ и нѣкоторыя части пророка Даніила. Но даже и помимо этихъ добавочныхъ произведеній, книга Псалмовъ есть какбы сама по себѣ маленькая Библія [1]). Псалтирь есть Библія въ самой Библіи, такъ какъ въ ней сосредоточена большая часть тѣхъ особенностей, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, какими отличается вообще Священная книга. Она, подобно Пятокнижію, заключаетъ въ себѣ также пять отдѣльныхъ книгъ, и различныя части ея относятся къ различнымъ періодамъ и принадлежатъ различнымъ авторамъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, народное вѣрованіе, что Псалтирь Давидова всецѣло составлена самимъ Давидомъ, должно было уступить мѣсто болѣе тщательному изслѣдованію, которое уже давно открыло не малое разнообразіе въ псалмахъ, какъ по времени происхожденія, такъ и по самому авторству. Охотно признавая, съ одной стороны единство источника и вдохновенія, послужившаго мотивомъ для произведенія самой книги, мы тѣмъ не менѣе признаемъ, съ другой стороны, что подъ общимъ названіемъ Псалтири, носящей на себѣ имя единаго боговдохновеннаго поэта и сладкопѣвца Израилева, до насъ дошли вдохновенныя произведенія и другихъ славныхъ пѣвцовъ, имена которыхъ, такъ сказать, потускли предъ ослѣпляющимъ блескомъ великаго царя. Очевидно приспособленіе многихъ псалмовъ къ различнымъ событіямъ, переживавшимся народомъ, обнаруживая ту свободу, съ которой послѣдующіе издатели относились къ этимъ священнымъ поэмамъ, еще болѣе возвышаетъ ихъ интересъ, вслѣдствіе этой именно ихъ тѣсной связи съ исторіей народа. Содержащаяся въ нихъ поэзія не эпическая, а священно-лирическая. Эпическая поэзія была чужда семитамъ и составляетъ особенность индо-германской расы. Но этотъ недостатокъ въ значительной степени восполняется тою изумительною гибкостью, съ которой ростъ и развитіе еврейской лирики связывается и сплетается съ основнымъ тономъ израильской исторіи даже больше и тѣснѣе, чѣмъ сколько способна была бы къ тому поэзія эпическая.

Составившись такимъ образомъ изъ свободнаго сочетанія от-

[1]) Псалмы въ Коранѣ признаются четвертой священной книгой, причемъ первыми тремя считаются Пятокнижіе, Евангеліе и Коранъ.

дѣльныхъ пѣснеи, Псалтирь сдѣлалась драгоцѣннѣйшей изъ священныхъ книгъ міра. Не только она занимаетъ мѣсто въ литургическомъ богослуженіи іудейской церкви, не только ею болѣе, чѣмъ всякою другой книгой Ветхаго Завѣта пользуются писатели новозавѣтные, но она въ особенномъ смыслѣ составляетъ лучшее наслѣдіе христіанской церкви во всѣхъ ея различныхъ вѣтвяхъ. «Съ какой бы точки зрѣнія извѣстная церковь ни смотрѣла на сущность христіанскаго ученія, какимъ бы именемъ она ни называла себя, и какъ бы рѣзко ни противополагала себя другимъ въ церковномъ управленіи или соблюденіи обрядовъ, всегда и вездѣ, какбы по единогласному и всеобщему согласію, всякая церковь принимаетъ Псалтирь, какъ ту внѣшнюю форму, при посредствѣ которой она выражаетъ внутреннія чувства христіанской жизни» [1]). То же самое было уже и въ самыя раннія времена. Пасхальные псалмы были именно тою «пѣснью», которая воспѣта была божественнымъ Спасителемъ міра съ Его учениками въ самый критическій моментъ ихъ жизни, послѣ тайной вечери [2]). Въ первые вѣка христіанства псалмы на вечеряхъ любви составляли обычные утренніе и вечерніе гимны первенствующихъ христіанъ [3]). «О другихъ книгахъ св. Писанія», говоритъ бл. Ѳеодоритъ въ V столѣтіи, «большинство людей почти не знаютъ ничего. Но вы то и дѣло встрѣтите, какъ псалмы повторяются и поются въ частныхъ домахъ, на рынкахъ, на улицахъ, тѣмъ, которые заучили ихъ наизусть и которые услаждаютъ себя ихъ божественной мелодіей». «Когда употребляются другія части св. Писанія», говоритъ св. Амвросій, «въ церкви происходитъ такой шумъ отъ разговоровъ, что нельзя даже и слышать того, что читается. Но когда читается псалтирь, всѣ смолкаютъ». Псалмы пѣлись пахарями Палестины во времена бл. Іеронима, лодочниками Галліи во времена Сидонія Аполлинарія. Въ большей части варварскихъ церквей, какъ напр. въ Абиссинской, къ Псалтири относятся почти какъ къ самому Божеству: она есть единственная книга, какую позволяется читать дѣтямъ мірянъ, и поется вся, отъ начала до конца, при каждомъ погребеніи. Въ большей части протестантскихъ церквей псалмопѣніе почти слилось съ обычнымъ характе-

---

[1]) Irving, Introd. to the Psalms, pp. 5, 6.

[2]) Матѳ. XXVI, 30. Эти псалмы (CXII—CXVII) назывались «великой аллилуіей».

[3]) Пес. CXII, и CXL

ромъ семейной жизни. Въ церквахъ римской и англиканской псалмы читаются ежедневно, и притомъ въ столь значительныхъ частяхъ, что они сразу показываютъ, насколько любовь къ этой книгѣ далеко превосходитъ любовь къ другимъ книгамъ св. Писанія. Наконецъ, въ русской православной церкви Псалтирь не только самая употребительная книга во время богослуженія, въ которомъ всѣ наиболѣе важныя части состоятъ именно изъ чтенія псалмовъ, какъ напр. за литургіей часы и шестопсалміе за всенощнымъ бдѣніемъ, но она болѣе, чѣмъ всякая другая изъ св. книгъ есть настольная книга всякаго простаго христіанина, и цѣлыя поколѣнія пріобрѣтаютъ первое искусство чтенія именно на псалмахъ Давидовыхъ.

Если мы перейдемъ отъ церквей къ отдѣльнымъ личностямъ, то и тутъ не окажется еще другой книги, которая бы играла большую роль въ личной исторіи столь многихъ знаменитыхъ дѣятелей человѣчества. Въ псалмахъ Давида бл. Августинъ находилъ утѣшеніе по своемъ обращеніи и на своемъ смертномъ одрѣ. Въ псалмахъ черпали себѣ утѣшеніе и ободреніе во время бѣдствій и гоненій земной жизни такіе великіе религіозные дѣятли, какъ св. Іоаннъ Златоустъ, св. Аѳанасій, Савонаролла. Съ словами псалма испустили свой послѣдній вздохъ св. Поликарпъ, Колумба, Бернардъ, Гуссъ, Іеронимъ Пражскій, Колумбъ, Меланхтонъ и многіе другіе. Для Уэллеса въ его странствованіяхъ Псалтирь была такою дорогою книгою, что во время своей казни онъ велѣлъ повѣсить ее предъ собою и, устремивъ на нее глаза, находилъ въ этомъ утѣшеніе въ послѣдній часъ своей жизни. LXVII-мъ псалмомъ Кромвелль возбуждалъ духъ своихъ воиновъ, и содѣйствовалъ этимъ побѣдѣ Дунбарской. Локкъ въ послѣдніе дни своей жизни просилъ своихъ друзей громко читать ему псалмы, и послѣдній ударъ смерти палъ на него именно во время его восторженнаго вниманія сладостнымъ словамъ псалмопѣвца Израилева. Лордъ Бурлей находилъ въ псалмахъ свое наилучшее утѣшеніе. Они были боевымъ паролемъ для Лютера, и они же были послѣдними словами, какія только пали на слухъ его царственнаго врага, Карла V.

Чѣмъ объясняется такая всеобщая любовь къ псалмамъ и такое ихъ изумительное вліяніе на человѣческое сердцѣ? Прежде всего въ этомъ отношеніи не мало зависитъ отъ самой ихъ внѣшней поэтической формы. нѣкоторыхъ всегда существуетъ какая то нелюбовь къ поэзіи, какъ будто бы несовмѣстимой съ важностью и

серьезностью религіознаго чувства. Нѣкоторые даже думаютъ, что говорить о какой-нибудь библейской книгѣ, какъ поэтической, значитъ подвергать ее нѣкоторому униженію. Во многихъ общинахъ и церквахъ существовало и отчасти существуетъ убѣжденіе, что чѣмъ болѣе схоластичны, сухи и прозаичны формы, въ которыхъ выражается религіозное ученіе, тѣмъ вѣрнѣе изображается его сущность. Изъ всѣхъ человѣческихъ опредѣленій наиболѣе далеки отъ поэзіи опредѣленія и символы вѣры, въ которыхъ вѣра христіанскаго міра заключается, какъ въ ковчегѣ завѣта. Для такихъ воззрѣній пламенное величіе Давида, общепризнанное превосходство Псалтири служитъ постояннымъ укоромъ. Давидъ былъ не только царемъ, воиномъ и пророкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и сладостнымъ пѣвцомъ Израилевымъ. Если бы Рафаэль написалъ картину изъ еврейской, какъ онъ написалъ ее изъ европейской, поэзіи, то Давида онъ изобразилъ бы сидящимъ гдѣ-нибудь на вершинѣ израильскаго Парнаса въ качествѣ Гомера іудейской поэзіи. Его страстный, стремительный, порывистый характеръ былъ именно тѣмъ характеромъ, которымъ во всѣ времена сопровождались величайшія дарованія музыкальнаго или поэтическаго генія. «Быстрый ударъ, какбы отъ послѣдовательнаго мановенія крыльевъ», «повышеніе и пониженіе какбы взволнованнаго сердца»,—такими прекрасными образами вообще характеризуется сущность того параллельнаго построенія еврейскихъ стиховъ, которые въ точности соотвѣтствуютъ безконечной игрѣ человѣческаго чувства и доступны для пониманія всѣхъ вѣковъ и народовъ. Псалмы, безспорно, поэтичны отъ первало до послѣдняго, и тотъ былъ бы крайне смѣлымъ человѣкомъ, который сказалъ бы, что извѣстная книга менѣе боговдохновенна, или менѣе истинна, или менѣе православна, или менѣе божественна потому именно, что она похожа на псалмы. Пророкъ, для того, чтобы найти доступъ въ святилище обыденной жизни народа, долженъ непремѣнно сдѣлаться пѣснопѣвцемъ.

Своимъ значеніемъ и вліяніемъ Псалтирь, во-вторыхъ, обязана необычайному разнообразію заключающихся въ ней мыслей и чувствъ. Въ псалмахъ мы видимъ полное отображеніе того необычайнаго разнообразія и той изумительной сложности характера и исторіи, которыя замѣчались и въ жизни самого Давида. «Его арфа, по прекрасному выраженію одного изслѣдователя, была многострунна, и каждый ангелъ радости и скорби вливалъ въ ея струны свои собственныя чувства. Сердца сотенъ людей стремились и боролись въ узкихъ предѣлахъ его единичнаго сердца, и найдутся ли такіе

холодно презрительные люди, которые бы не почувствовали симпатіи къ находящемуся въ такомъ положеніи человѣку, а отнеслись бы къ нему съ презрѣніемъ потому, что онъ не съ постояннымъ спокойствіемъ управлялъ тѣмъ неуправимымъ множествомъ разнообразныхъ натуръ, которыя обитали въ его единичной душѣ? Мы не беремъ на себя защиту недостатковъ и проступковъ, которые самъ Давидъ порицалъ болѣе рѣзко, видѣлъ болѣе ясно и оплакивалъ болѣе горько, чѣмъ кто-либо изъ его порицателей, потому что они въ нѣкоторомъ родѣ были даже необходимы, чтобы ему быть поистинѣ всестороннимъ человѣкомъ, которому необходимо было выразить всевозможныя формы духовнаго чувства. Господь не хотѣлъ, чтобы Его церковь оставалась безъ руководства для выраженія своей радости и своей славы, своего плача и своего горя, и, чтобы дать такое руководство, Онъ воздвигъ раба своего, Давида, какъ раньше воздвигалъ Онъ Моисея для того, чтобы дать церкви учрежденія закона, и съ этою цѣлью Онъ провелъ его по всѣмъ условіямъ человѣческой жизни, чтобы онъ позналъ духъ въ его разнообразнѣйшихъ личныхъ проявленіяхъ и могъ выразить его согласно съ жизненной правдой. Онъ не позволилъ ему ограничить свое существованіе прямымъ и сухимъ исполненіемъ своей обязанности, но, при посредствѣ всевозможныхъ испытаній, преобразилъ все его бытіе и наполнилъ его душу мудростью и всевозможными чувствами. Онъ дѣлалъ его предметомъ всевозможныхъ привязанностей, такъ чтобы любовь въ немъ не дремала и не умерла. Онъ воспиталъ его на пастбищахъ со стадами овецъ, чтобы основное развитіе его характера заложено было на основѣ простѣйшихъ и самыхъ обычныхъ формъ чувства Онъ водилъ его на боевое поле, и сдѣлалъ его побѣдителемъ, чтобы наполнить его благородствомъ духа и сознаніемъ славы. Онъ ввелъ его во дворецъ, чтобы наполнить его сознаніемъ величія и царственнаго достоинства. Онъ водилъ его въ пустыню и заставлялъ его обитать въ уединенныхъ пещерахъ, чтобы его душа могла постигать возвышенныя понятія Бога и Его всемогущихъ дѣлъ, и затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ Онъ держалъ его, такъ сказать, лишь на одинъ шагъ отъ смерти, чтобы пріучить его полагать все свое упованіе на Провидѣніе Божіе» [1]).

Давидъ, ударяя своими опытными перстами по роднымъ его сердцу струнамъ, извлекалъ изъ нихъ тысячи разнообразнѣйшихъ

---

1) Irving, Introd. p. 38.

тоновъ, и они болѣе и болѣе находили отголоски въ сердцахъ сотенъ другихъ авторовъ, голоса которыхъ возбуждены были подъ его вдохновляющимъ вліяніемъ. Соломонъ, Езекія, Асафъ, Еманъ и Ефанъ со всѣми своими послѣдователями, печальные пѣвцы на рѣкахъ Вавилонскихъ, позднѣйшіе изъ пророковъ, безвѣстные пѣвцы, ободрявшіе духъ войска Маккавеевъ,—всѣ они и каждый изъ нихъ во главѣ съ царемъ Давидомъ въ различныхъ тонахъ и формахъ выражали чувства благодарности, скорби, отчаянія, надежды, гнѣва, любви, милосердія, мщенія, сомнѣнія и вѣры,—каждый изъ нихъ, выражая въ своихъ пѣсняхъ свои различныя испытанія — странничество, бѣгство, плѣнъ, изгнаніе, лишенія, гоненія, чувство, испытываемое то въ спокойномъ созерцаніи природы, то въ страшномъ возбужденіи на боевомъ полѣ въ блескѣ величественныхъ коронацій, въ торжественности славныхъ похоронъ,—во всѣхъ этихъ событіяхъ и обстоятельствахъ они находили неистощимый матеріалъ для того богатства изумительно сладостной поэзіи, какую Псалтирь представляетъ для человѣчества. Когда древніе христіанскіе мученики, и всѣ, кто только въ послѣдующія времена терпѣлъ бѣдствія, гоненія и всевозможныя несправедливости, находили особое утѣшеніе въ псалмахъ, то это потому, что они буквально оказывались въ одномъ положеніи съ псалмопѣвцемъ израильскимъ, когда онъ скрывался въ пещерѣ Адолламской, или находился въ ущельяхъ Енгели, или за Іорданомъ, спасаясь отъ Саула или отъ Авессалома, отъ филистимлянъ или сиріянъ. Когда Бурлей или Локкъ находили сочувственный отголосокъ своей собственной спокойной философіи въ псалмахъ Давида, то это потому, что они прислушивались къ тѣмъ сладостнымъ тонамъ, которые исходили изъ устъ или очаровывали слухъ мудраго царя и глубокомысленнаго государственнаго дѣятеля израильскаго. Не разъ обращало на себя вниманіе то обстоятельство, что чѣмъ старше становятся люди, тѣмъ болѣе интереса пріобрѣтаютъ для нихъ псалмы, и сообразно съ этимъ, почти съ несомнѣнностью можно сказать, что чѣмъ старше становится родъ человѣческій, тѣмъ больше интереса будутъ имѣть псалмы Давида и для всего человѣчества. Величайшіе критики, наиболѣе способные понимать глубину человѣческаго сердца и его многостороннія нужды, яснѣе всего понимаютъ и значеніе Псалтири для отдѣльныхъ людей и для цѣлаго человѣчества. «Есть ли что-нибудь такое, что необходимо знать человѣку, чего бы онъ не могъ узнать изъ псалмовъ?» спрашиваетъ, напр., Гукеръ. «Для начинающихъ они представляютъ легкое и понятное введеніе, для зрѣлыхъ

они служатъ великимъ источникомъ всякой добродѣтели и знанія; для совершеннѣйшихъ — сильнымъ подкрѣпленіемъ. Героическое великодушіе, строгая справедливость, серьезная умѣренность, точная мудрость, непритворное покаяніе, непоколебимое терпѣніе, тайны Бога, страданія Христа, ужасы гнѣва, утѣшеніе благодати, дѣла Промысла въ настоящемъ мірѣ и обѣтованныя радости въ мірѣ грядущемъ,—все это хорошо знать, дѣлать или имѣть, и все это заключается въ этомъ одномъ небесномъ источникѣ. Нѣтъ такой случайной скорби или болѣзни, нѣтъ такой раны или постигающаго душу человѣка удара, для которыхъ въ этой неистощимой сокровищницѣ не было бы надлежащаго врачеванія, которое постоянно можно находить въ ней во всякое время» [1]). Не менѣе краснорѣчиво высказывается и другой писатель. «Только тотъ, кто знаетъ число волнъ океана и обиліе слезъ человѣческаго ока, только тотъ, кто видитъ вздохи сердца человѣческаго, прежде чѣмъ они выразились во-внѣ, и кто слышитъ ихъ, когда они еще подавлены молчаніемъ,—тотъ только можетъ сказать, сколько священныхъ чувствъ, сколько благодатныхъ волненій произведено и всегда будетъ производиться въ душахъ людей колебаніемъ этихъ чудесныхъ струнъ, этихъ боговдохновенныхъ гимновъ, читаемыхъ, обсуждаемыхъ и поющихся въ каждый часъ дня и ночи, на каждомъ извивѣ земной юдоли слезъ. Псалтирь Давида есть какъ бы таинственная арфа, висящая на стѣнахъ истиннаго Сіона. Подъ дыханіемъ Духа Божія она производитъ безконечное разнообразіе благочестивыхъ чувствъ, которыя, раскатываясь оттолоскомъ за оттолоскомъ, отъ одной души къ другой, пробуждаютъ въ каждой изъ нихъ особую ноту, и всѣ сливаются въ одинъ безконечно долгій гласъ благодарности и покаянія, славословія и молитвы [2]).

Если таково общее впечатлѣніе, производимое Псалтирью на душу человѣческую, то еще болѣе глубокое значеніе для сердца человѣческаго имѣютъ отдѣльные псалмы, дѣлающіе Давида поистинѣ какбы вторымъ Моисеемъ. Содержащіяся въ нихъ чувства въ высшей степени разнообразны. Нѣкоторые псалмы, конечно, не чужды отображенія на нихъ того общаго уровня религіозно-нравственнаго и общечеловѣческаго развитія, которымъ отличался вѣкъ Давида, и поэтому въ нихъ явственно иногда отражаются и болѣе темныя чувства того вѣка, какъ, напр., мстительность къ врагамъ и

[1]) Hooker, Eccles, Polity, V, XXXVII, 2.

[2]) Dogme de la pénitence, 243, Жербета, покойнаго архіепископа перпиньянскаго.

отчаяніе. Но эти чувства являются лишь какъ бы мимолетнымъ облачкомъ на чистомъ горизонтѣ основныхъ воззрѣній, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи псалмы представляютъ собою нѣчто такое, что не имѣетъ себѣ равнаго во всемъ св. Писаніи. Прежде всего въ этомъ отношеніи можно указать на глубину личнаго выраженія и опыта. Есть несомнѣнно случаи, гдѣ псалмопѣвецъ говоритъ въ качествѣ выразителя народа. Но по большей части онъ выступаетъ одиноко въ своемъ личномъ отношеніи къ Богу. Каждое слово его проникнуто чрезвычайною силою какого-нибудь горя или какой-нибудь радости, извѣстной изъ исторіи или нѣтъ. Если ученіе ап. Павла половину своей выразительности и силы получаетъ вслѣдствіе его связи съ его личными испытаніями и треволненіями въ жизни, то и изреченія Давида потому именно и поражаютъ необычайною жизненностью и пламенностью, что они составляютъ собою какбы искры отъ зарева жизненнаго человѣческаго опыта, свойственнаго каждому человѣку. Патріархи обыкновенно говорятъ, какъ отцы избраннаго рода, пророки говорятъ, какъ представители и вожди его. Но псалмопѣвецъ говоритъ, какъ выразитель личной души, свободной, независимой, одинокой совѣсти человѣка, гдѣ бы онъ ни былъ и въ какомъ бы положеніи ни находился.

Второю выдающеюся особенностью псалмовъ служитъ то, что можно назвать однимъ словомъ—совершенною естественностью ихъ. Сильнѣе всего она быть можетъ проявляется въ ихъ восторженой свободѣ и радостности сердца. Правда, какъ говоритъ Бэконъ, «слушая арфу Давида, вы слушаете столько же пріятныхъ арій, сколько и пѣсней; и однако же пѣсней въ Псалтирѣ гораздо больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было». «Радуйтесь въ Господѣ», — «пойте Ему радостно»,—«радуйтесь праведные о Господѣ: правымъ прилично славословить», — «пойте Ему стройно, съ восклицаніемъ», — «славьте Господа на гусляхъ, пойте Ему на десятиструнной псалтири»,—этими и подобными призывами къ радостному славословію Бога переполнена вся Псалтирь. Таково въ дѣйствительности и самое значеніе слова «псаломъ». Однимъ изъ самыхъ многознаменательныхъ и выразительныхъ еврейскихъ словъ, постоянно встрѣчающихся въ псалмахъ, является слово «аллилуія». Они выражаютъ, если такъ можно сказать, священную обязанность быть счастливымъ. Блаженство, веселіе и благодареніе находятъ свое высшее выраженіе именно въ псалмахъ. Псалмопѣвецъ веселится, восклицаетъ, смѣется, взываетъ и ликуетъ отъ радости. Въ нихъ иногда слышится какбы совершенно изступленное веселіе. Псалмы ликуютъ какъ въ увле-

кающемъ торжествѣ битвы, такъ и при спокойномъ созерцаніи природы. Повсюду они созерцаютъ благость Божію и не смущаются исповѣдывать ее. Свѣтлая сторона творенія Божія выступаетъ вездѣ на первый планъ, темныя чувственныя стороны, по крайней мѣрѣ внѣшняго міра, едва ли можно замѣчать гдѣ-нибудь въ нихъ. Ярость грозовой бури, ревъ моря для псалмопѣвца исполнены величественности и веселія. Любовь къ птицамъ, звѣрямъ, растеніямъ, солнцу, лунѣ и звѣздамъ пламенной чертой проходитъ по всѣмъ псалмамъ, и на всю одушевленную и неодушевленную природу псалмопѣвецъ смотритъ, какъ на родную себѣ. Были и такіе люди, для которыхъ, вслѣдствіе этой именно причины, въ моменты слабости и угнетенія, псалмы оказывались слишкомъ несоотвѣтствующими по своей восторженности; тѣмъ не менѣе этотъ тонъ священнаго веселія и имѣлъ болѣе всего значенія во вселенской миссіи избраннаго народа. И это тѣмъ болѣе, что онъ возникъ изъ другаго чувства въ псалмахъ, которое также странно поражало умы благочестивыхъ, но узкихъ школъ, именно того свободнаго и царственно-невиннаго сердца, которое для новѣйшей сухой религіозности часто отзывалось самоправедностью и недостаткомъ надлежащаго смиренія. Увлекающая лучезарная надежда псалмопѣвца, его смѣлое притязаніе на мзду, принадлежащую ему по его праведнымъ дѣламъ, его увѣренность въ своей собственной невинности, не менѣе какъ и душевная агонія вслѣдствіе своихъ собственныхъ преступленій, его пламенное услажденіе закономъ, не какъ жестокимъ врагомъ, но какъ лучшимъ изъ руководителей, сладчайшимъ меда и сота,—всѣ эти чувства оказывались слишкомъ естественными и прямыми для какого-нибудь суроваго Кальвина, или даже Паскаля. Тѣмъ не менѣе они заключаютъ въ себѣ свою собственную правду,—правду въ отношеніи къ природѣ, правду въ отношеніи къ Богу, которую всегда будетъ признавать всякое непредубѣжденное сердце человѣческое. Безграничное благословеніе всякому праведному и честному человѣку,—этому благороднѣйшему творенію Божію,—которымъ открывается Псалтирь, въ псалмѣ: «Блаженъ мужъ» есть лишь превосходная прелюдія къ тому безграничному благородству и къ тому преизбытку радости, къ которымъ она призываетъ всякое дыханіе безъ ограниченія или исключенія—славословить Господа.

Такія восторженныя рѣчи быть можетъ наибольшимъ своимъ импульсомъ обязаны отчасти новой эпохѣ національнаго благосо-

стоянія и личной энергіи, которыя съ особенною силою проявились въ царствованіе Давида; но онѣ увлекали душу израильскаго народа впередъ, направляя его къ той великой судьбѣ, которая ожидала его, и съ того времени, хотя быть можетъ и не съ такою быстротою, онѣ продолжали увлекать и духъ всего человѣчества въ его поступательномъ движеніи. Огненная рѣка священной поэзіи не переставала съ того времени течь, несмотря на то, что самое горнило и охладѣло уже. Какъ о классическихъ писателяхъ Греціи хорошо замѣчено, что они обладаютъ прелестью, совершенно независимо отъ своего генія, заключающагося въ лучезарности ихъ блестящей и вѣчно юной красоты, такъ можно сказать и о псалмахъ, что они обладаютъ подобной же прелестью, независимо даже отъ глубины ихъ религіознаго чувства или возвышенности ихъ богословія. Въ ихъ свободной и благородной красотѣ, вѣчно юной и вѣчно славной, Давидъ какбы опять воскресаетъ къ жизни съ обновленною силою. «И поющіе, и играющіе,—всѣ источники мои въ тебѣ»,— то-есть, въ Давидѣ и въ его Псалтири.

Всѣ эти различныя особенности псалмовъ приводятъ насъ, отчасти путемъ контраста, отчасти путемъ тѣсной, хотя и скрытой связи, къ ихъ главной особенности, которая нигдѣ еще въ Библіи не выступаетъ съ такою же силою, кромѣ какъ развѣ въ книгѣ жизни и словъ самого Христа. «Причина, почему псалмы встрѣчаютъ такую всеобщую любовь во всѣхъ классахъ и общинахъ христіанской церкви, несмотря на то, что форма ученія и вѣровоззрѣнія пережила столько различныхъ перемѣнъ для изображенія вѣчно измѣняющагося духа времени, заключается въ томъ, что они затрогиваютъ простѣйшее естественное чувство возрожденной души». Они изображаютъ собою «свѣжесть души дѣтства, любовь души отрочества, и поэтому для христіанина они составляютъ то же, что любовь родителей, сладкія чувства привязанности родного дома и неизгладимое воспоминаніе сценъ дѣтства для людей вообще» [1]). «Боже, Ты мой Богъ, рано стремлюсь я къ Тебѣ»,— «душа моя жаждала Тебя до утренней стражи»,—этими и подобными изреченіями, выражающими глубочайшую преданность любви къ Богу, проникнуты наиболѣе вдохновенные изъ псалмовъ. Въ глубинѣ и свѣжести этой духовной жизни мы и находимъ первые ясные слѣды болѣе высокаго и болѣе всеобщаго закона, чѣмъ законъ Моисеевъ, лучшей и болѣе

1) Irving, Introd, p. 7.

глубокой жизни, чѣмъ та, которую открывала человѣку система Моисеева. «Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ»,—эта глубочайшая истина, хотя и предполагавшаяся въ Пятокнижіи, нуждалась для того, чтобы придать ей осязательное значеніе для обыкновеннаго сознанія, въ такой боговдохновенной арфѣ, какою была арфа Давидова.

Опредѣляя всесторонній характеръ псалмовъ Давидовыхъ, одинъ глубокій знатокъ духовной жизни говоритъ въ этомъ отношеніи слѣдующее: «тотъ, кто начинаетъ ясно понимать величественную красоту и вѣчность Бога и чувствуетъ, какъ въ сравненіи съ нею малъ и ничтоженъ самъ человѣкъ, какъ онъ зависимъ и слабъ, тотъ начинаетъ искать себѣ поддержки въ Богѣ. Да и гдѣ слабому искать помощи, какъ не во Всемогущемъ, временному творенію, какъ не въ превѣчномъ, несовершенному, какъ не въ центрѣ совершенства? И гдѣ иначе обитать Богу, какъ не въ сердцѣ человѣческомъ?—потому что если Богъ обитаетъ во вселенной, среди предметовъ неодушевленныхъ и лишенныхъ сознанія, то насколько болѣе Онъ долженъ обитать въ нашихъ душахъ, и наши души обладаютъ безконечнымъ стремленіемъ, которое можетъ удовлетворить только Онъ. Какой-то безпокойный инстинктъ вѣчно волнуетъ душу, заставляя ее смутно чувствовать, что она создана для какого-то неопредѣленнаго, но неизвѣстнаго отношенія къ Богу. Чувство пустоты возрастаетъ до положительной тревожности, пока не наступаетъ внутреннее сремленіе, если и не выраженное въ словахъ, то въ сущности не чуждое по тону знаменитому древнему псалму:

«Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды,
Такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!
Жаждетъ душа моя къ Богу крѣпкому, живому:
Когда прійду и явлюсь предъ лицо Божіе!
Слезы мои были для меня хлѣбомъ день и ночь,
Когда говорили мнѣ всякій день: гдѣ Богъ твой?» [1]).

Душа тогда понимаетъ и познаетъ, что Богъ есть ея Богъ, обитающій съ нею въ болѣе тѣсной близости, чѣмъ сколько можетъ какая бы то ни была тварь; и однако же ни звѣзды, ни море, ни улыбающаяся природа не заключаютъ въ себѣ столько близкаго соприсутствія Бога, какъ нѣдра души. Онъ становится душою души. Вся природа разобрана псалмопѣвцемъ на метафоры для такой единственной мысли, что «Богъ для моей души, и моя душа для Бога».

---

1) Пс. XLI, 2—4.

Отецъ, братъ, другъ, царь, владыка, пастырь, руководитель,—все это самыя обычныя названія. Богъ есть ихъ твердыня, ихъ слава, ихъ скала, ихъ щитъ, ихъ солнце, ихъ звѣзды, ихъ радость, ихъ наслѣдіе, ихъ упованіе, ихъ жизнь. Псалмопѣвецъ описываетъ свою душу, какъ единственное и возлюбленное дитя Божіе, какъ Его любимицу. И поэтому-то радость у него постоянно переходитъ въ славословіе, все кажется столь свѣтлымъ и блестящимъ, всякое затрудненіе представляется легкимъ, долгъ дѣлается пріятнымъ, презрѣніе безсильнымъ, и всякій кусокъ хлѣба становится сладкимъ. Весь міръ пріобрѣтаетъ для него какбы необычайную сладость, прежде чѣмъ онъ коснулся до него. Неужели все это мечта и сонъ, о философъ? Можешь ли ты объяснить все это? Можешь ли ты съ презрѣніемъ отнестись ко всему этому? Какъ бы то ни было, все это составляетъ несомнѣнный фактъ человѣческой природы и извѣстнаго возраста также, потому что Давидъ жаждалъ Бога и чрезвычайно ликовалъ въ Немъ. То же самое дѣлалъ и ап. Павелъ, и то же самое дѣлали и испытывали сотни и тысячи лицъ послѣ нихъ. Блаженъ и счастливъ тотъ христіанинъ, который, читая боговдохновенные псалмы, находитъ и чувствуетъ въ нихъ именно то, что находили и чувствовали въ нихъ величайшіе и боговдохновеннѣйшіе изъ людей. Блаженъ тотъ человѣкъ, который находитъ въ нихъ неистощимый источникъ вѣры и упованія на Бога, который понимаетъ, что эти священныя слова предназначены для возбужденія сердца на борьбу съ коварствомъ грѣха, съ честолюбіемъ и лицепріятіемъ, съ недостаткомъ вѣры въ истину, съ унынiемъ во время скорби, болѣзни и смерти. Тотъ, кто пойметъ все внутреннее достоинство Псалтири, съ правомъ можетъ воскликнуть:

«Кто мнѣ на небѣ?
Я съ Тобою ничего не хочу землѣ.
Изнемогаетъ плоть моя и сердце мое:
Богъ твердыня сердца моего и часть моя во вѣкъ.
Ибо вотъ удаляющіе себя отъ Тебя гибнутъ;
Ты истребляешь всякаго, отступающаго отъ Тебя.
А мнѣ благо приближаться къ Богу!
На Господа моего я возложилъ упованіе мое,
Что возвѣщать всѣ дѣла Твои во вратахъ дщери Сіоновой» [1]).

Всякій вѣрующій найдетъ въ псалмахъ неизсякаемый источ-

1) Пс. LXXII, 25—28.

никъ упованія и утѣшенія, и во всѣхъ бѣдствіяхъ жизни будетъ находить успокоеніе въ такихъ словахъ:

«Уповай на Господа и дѣлай добро;
Живи на землѣ, и храни истину.
Утѣшайся Господомъ,
И Онъ исполнитъ желанія сердца твоего.
Предай Господу путь твой,
И уповай на Него, и Онъ совершитъ.
И выведетъ, какъ свѣтъ, правду твою,
И справедливость твою, какъ полдень,
Ибо благословенные Имъ наслѣдуютъ землю,
А проклятые Имъ истребятся.
Праведники наслѣдуютъ землю,
И будутъ жить на ней во вѣкъ.
Отъ Господа спасеніе праведникамъ;
Онъ защита ихъ во время скорби.
И поможетъ имъ Господь и избавитъ ихъ;
Избавитъ ихъ отъ нечестивыхъ, и спасетъ ихъ;
Ибо они на Него уповаютъ» [1]).

Кромѣ указанныхъ причинъ особенной священности Псалтири, причинъ, одинаково признаваемыхъ какъ христіанами, такъ и іудеями, и даже, можно сказать, язычниками, есть и такія причины, которыя имѣютъ исключительно христіанскій характеръ. Когда мы разсматриваемъ Давида самого по себѣ и въ качествѣ провозвѣстника новаго откровенія человѣку, то невольно возникаетъ и другой вопросъ. Слава Давида служила залогомъ непрерывнаго существованія его династіи до отдаленнѣйшихъ вѣковъ, о какихъ только могло мечтать воображеніе іудейское. Эта установившаяся вѣра въ вѣчность дома Давидова, наиболѣе раннимъ и постояннымъ выраженіемъ которой служатъ псалмы, находитъ свое отображеніе въ тѣхъ мечтаніяхъ, которыя въ другихъ странахъ служили источникомъ происхожденія сказаній о возвращеніи наиболѣе возлюбленныхъ монарховъ, какъ, напр., Артура Британскаго, Севастіана Португальскаго, Фридриха Барбароссы Германскаго. Но іудейское вѣрованіе имѣло гораздо болѣе глубокую основу. Когда началъ замѣчаться упадокъ въ родѣ Давидовомъ и угрожалъ связаннымъ съ нимъ надеждамъ, то эти надежды, вмѣсто того, чтобы исчезнуть, какъ это было съ только что упомянутыми національными мечтами касательно любимыхъ государей, въ іудейской церкви приняли новую форму и проявились съ усилившеюся жизненностью. Надежды эти, съ теченіемъ времени, стали основывать-

1) Пс. XXXVI, 3—6; 22, 23, 29, 39, 40.

ся уже не на разрушенной и прерванной величайшимъ національнымъ бѣдствіемъ династіи и не на дѣйствительной личности самого Давида, а на пришествіи Того, который долженъ былъ быть сыномъ Давидовымъ и возстановить поколебленный престолъ, воздвигнуть опять первоначальную скинію, поставленную Давидомъ при его первомъ вступленіи въ Іерусалимъ. Это ожиданіе сына Давидова, долженствовавшаго обновить померкшій блескъ дома отца своего, слившееся съ общей надеждой на возстановленіе могущества іудейскаго народа, достигло высшей степени напряженія чрезъ тысячу лѣтъ послѣ смерти Давида. И тогда-то именно пришелъ Тотъ, которому, хотя и не по Его собственному желанію, придано было это названіе другими. Его постоянно называли сыномъ Давидовымъ [1]). Правда, онъ былъ совершенно не похожъ на того невоздержнаго, страстнаго царя, того увлекающагося, восторженнаго и пламеннаго псалмопѣвца, крайне не похожъ на того, который изрекалъ столь изступленныя мольбы въ самыхъ псалмахъ,—тѣмъ не менѣе въ своеобразныхъ чертахъ псалмопѣвца, о которыхъ мы говорили, такъ много сходнаго, что читая о его чувствахъ, мы, повидимому, читаемъ (и христіанская церковь съ самаго ранняго времени читала ихъ именно въ этомъ смыслѣ) чувства, ощущенія и испытанія жизни самого Христа. Этотъ естественный, не стѣсненный, по временамъ ликующій и торжественный духъ, которымъ проникнута Псалтирь, никогда еще и никакимъ другимъ религіознымъ учителемъ, внутри или внѣ круга священной исторіи, не воспроизводился съ такою полнотою, какъ именно Тѣмъ, Который пришелъ въ самыхъ обыденныхъ условіяхъ жизни, ѣлъ и пилъ, былъ въ высшемъ значеніи слова женихомъ и другомъ жениха, другомъ дѣтей, простымъ и до безконечности любящимъ. Состраданіе къ страждущему народу, благородное сочувствіе труждающимся и обремененнымъ, великодушная искренность,—нигдѣ еще въ іудейской исторіи не сочетаются столь замѣчательнымъ образомъ, какъ въ лицѣ героя адулламскаго и енгедійскаго, и затѣмъ въ Томъ, Кто любилъ мытарей и грѣшниковъ, оплакивалъ Іерусалимъ и на самомъ крестѣ прощалъ враговъ своихъ. То широкое разнообразіе мысли и положенія, которымъ отличалась жизнь Давида, въ ея внезапныхъ переворотахъ отъ безвѣстности къ славѣ, и отъ славы къ мрачной грѣховности,—этотъ быстрый переходъ во всѣхъ чувствахъ чело-

1) Матѳ. IX, 27; Марк. X, 47; Лук. XVIII, 38 и проч.

вѣчности, который мы можемъ прослѣдить въ разнообразной игрѣ тоновъ и изреченій Псалтири, составляетъ въ неменьшей степени и чудесно разнообразный фонъ великой драмы евангельской исторіи. Вмѣстѣ съ этимъ разнобразіемъ внѣшняго положенія сочеталось внутреннее чувство безусловнаго единенія души съ Богомъ, которое, какъ мы видѣли, составляетъ наиболѣе выдающуюся черту религіознаго воззрѣнія Псалтири, но совершеннѣйшее выраженіе котораго мы находимъ только въ душѣ Христа. И поэтому-то, когда въ псалмахъ Давида мы увлекаемся ихъ огненными словами, то въ глубочайшую бездну скорби, то на высочайшую вершину славы, му чувствуемъ постоянно, что во всѣхъ этихъ словахъ мы составляемъ едино со Христомъ и Онъ составляетъ едино съ нами: не искусственнымъ перетолкованіемъ словъ, или сомнительнымъ приложеніемъ тонкихъ предсказаній, но дѣйствительнымъ подобіемъ духа съ духомъ мы допускаемся, такъ сказать, въ самую глубину того общенія, въ которомъ Христосъ есть едино съ своимъ Отцомъ. Величественный языкъ Псалтири иногда возвышается до значеній, которыя могутъ быть вполнѣ понятны только въ своемъ высочайшемъ и наиболѣе всеобщемъ приложеніи. Быть можетъ также для тѣхъ, кто желаетъ этого, позволительно всецѣло погрузить историческія обстоятельства книги въ ея нравственныхъ и религіозныхъ наставленіяхъ. Но тѣмъ не менѣе, остается тотъ фактъ, что благодаря именно сходству въ положеніи и чувствѣ, всегда поддерживалась и навсегда увѣковѣчилась связь словъ первоначальнаго автора съ Христомъ и съ христіанскою церковью. Псалтирь есть въ особенности пророческая книга о Христѣ, потому что болѣе, чѣмъ всякая другая книга въ Ветхомъ Завѣтѣ, она проникаетъ въ тѣ истины духовной жизни, великимъ провозвѣстникомъ которыхъ былъ Онъ. Давидъ и его псалмопѣвцы были прообразами, то-есть, подобіями Христа, потому что они болѣе, чѣмъ всякія другія лица въ священной исторіи, принимаютъ участіе въ обыденныхъ чувствахъ и треволненіяхъ жизни и смерти, въ неудачахъ и успѣхѣ, чрезъ посредство которыхъ Онъ, они и мы (хотя Онъ въ высочайшемъ и величайшемъ изъ всѣхъ смысловъ) пріобрѣтаемъ надежду, впервые открытую человѣчеству въ этихъ именно псалмахъ [1]).

---

[1]) См. Stanley, Lectures, lect. XXV (во II томѣ, стр. 120 и сл., нов. изд. 1887 г.)

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СОЛОМОНЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

ГЛАВА XIX.

ПАЛЕСТИНА ВО ВРЕМЕНА СОЛОМОНА.

Царствованіе Давида, благодаря которому Израиль изъ ничтожества и разстроеннаго состоянія поднялся до величія и блеска могущественной монархіи, неизбѣжно должно было дать сильный толчекъ всей національной жизни. Доселѣ онъ могъ гордиться своими предками, подвигами Іисуса Навина и своихъ геройскихъ судей, но теперь его самосознаніе поднялось до высшей степени, вслѣдствіе его небывалой силы и славы. Какъ Грецію достигла своего величественнѣйшаго состоянія послѣ Персидскихъ войнъ, той борьбы, которая затрогивала глубочайшіе интересы цѣлаго народа и пробудила въ дотолѣ разъединенныхъ частяхъ возвышенныя чувства взаимопомощи и національнаго единства, такъ и среди израильтянъ войны Давида привели къ великому подъему народной жизни во всѣхъ направленіяхъ. Израиль теперь достигъ высшихъ своихъ стремленій въ качествѣ народа, прекращенія соперничества и раздоровъ между колѣнами, достойнаго мѣста и почетнаго положенія среди окружающихъ народовъ и высокаго внѣшняго благосостоянія. Онъ пришелъ, кромѣ того, къ благородному и возвышающему убѣжденію, что всѣ эти великіе подвиги были совершены во исполненіе божественно предуказаннаго ему назначенія. На предпринимавшіяся имъ войны онъ смотрѣлъ не какъ на войны политическія, или вытекавшія изъ національнаго честолюбія, но какъ на совершавшіяся въ послушаніе волѣ Божіей,—каковое убѣжденіе неиз-

бѣжно связывало всѣхъ общимъ сознаніемъ возвышенности собственнаго назначенія.

Но такое религіозное или умственное возбужденіе, естественно, выражалось въ различныхъ формахъ. Между прочимъ, оно проявилось въ томъ развитіи и расцвѣтѣ письменности, въ которой столь важное и знаменитое участіе принималъ Давидъ своими широко распространенными и высоко вдохновенными псалмами, и эта лирика повела въ послѣдующее время, при Соломонѣ, къ болѣе широкой дѣятельности въ томъ же направленіи. Вслѣдъ за религіозной, пышно расцвѣла и поэзія гражданская, и историки въ своихъ лѣтописяхъ увѣковѣчили преданія и дѣла прошлыхъ временъ. Но съ свѣтлыми сторонами этого историческаго періода неразрывно связаны были и другія, такъ сказать, тѣневыя стороны, которыя могли угрожать будущему народа, если на нихъ въ свое время не будетъ обращено должнаго вниманія. Религіозныя идеи даже наиболѣе благороднѣйшихъ изъ народа стояли еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо ниже того чистаго и возвышеннаго идеала, который требовался закономъ Божіимъ. Рѣзкая исключительность и презрительная гордость, съ которою израильтяне смотрѣли на другіе народы, воспрепятствовали іудейству сразу же сдѣлаться евангеліемъ мира и любви для человѣчества вообще. Ему недоставало того нѣжнаго человѣколюбиваго духа, который бы могъ быть противовѣсомъ мрачной мстительности и безсердечной жестокости, по временамъ обнаруживавшимся даже въ такомъ человѣкѣ, какимъ былъ Давидъ. Внѣшнія формы религіи, кромѣ того, еще настолько преобладали въ богослуженіи, что изъ-за нихъ часто упускалась внутренняя, болѣе глубокая, сторона религіозной жизни, вслѣдствіе чего народъ недалекъ былъ отъ опасности впасть въ бездушный ритуализмъ, который, при болѣе мрачныхъ историческихъ обстоятельствахъ, могъ служить легкимъ переходомъ къ явному идолопоклонству. Немногіе изъ болѣе возвышенныхъ умовъ могли ясно видѣть великій религіозный идеалъ ветхозавѣтнаго домостроительства, но понятія народной массы продолжали оставаться неизмѣнными и грубыми. Солнце истинной религіи могло озарять, такъ сказать, горныя вершины, но его лучи еще не вполнѣ проникали своимъ живительнымъ свѣтомъ вглубь долинъ. Если даже царица, въ родѣ Мелхолы, имѣла своего домашняго бога, то простой народъ и подавно могъ держаться своихъ суевѣрныхъ обычаевъ, и охотно поддавался развращающимъ вліяніямъ совнѣ.

Новое политическое положеніе страны, не смотря на все внѣшнее величіе, заключало въ себѣ и немалыя опасности. Основаніе Израильской монархіи могло имѣть свои выгоды, но еще нужно было убѣдиться въ томъ, какъ такая перемѣна могла отразиться на духѣ теократіи. Престолъ могъ сдѣлаться деспотическимъ, на подобіе престоловъ окружающихъ языческихъ народовъ, и, такимъ образомъ, придти въ столкновеніе съ духомъ и свободой избраннаго народа. Цари могли забыть истинное призваніе Израиля и всецѣло отдаться высшимъ интересамъ гражданской политики и планамъ завоеванія. Первосвященникъ затѣмъ и общественное установленіе религіи, въ дѣйствительности, могли стать въ полную зависимость отъ царя, какъ они уже, повидимому, и стали въ такую зависимость. Садокъ былъ назначенъ, а Авіаѳаръ былъ низложенъ однимъ словомъ царя, и центръ общественнаго богослуженія находился въ Іерусалимѣ, гдѣ также высшіе классы священства жили подъ тѣнью дворца. Тотъ пылъ и возвышенный духовный характеръ, которыми отличалось царствованіе такого царя, какимъ былъ Давидъ, легко могли также перейти въ холодный формализмъ и безжизненное лицемѣріе при другомъ менѣе достойномъ и болѣе преданномъ міру монархѣ. И еслибы царская власть, не обращая вниманія на народъ, отдалась стремленію къ внѣшнему блеску, политическому могуществу и самовозвеличенію, то простая религія Израиля легко могла подвергнуться пренебреженію въ сравненіи съ вѣрой и нравственностью великихъ языческихъ народовъ окружающаго міра.

При Давидѣ Израильскій народъ превратился въ громадное государство. Занявъ такое важное положеніе среди окружающихъ народовъ и вступивъ въ критическій моментъ своей исторической жизни, избранный народъ, по необходимости, долженъ былъ напрячь всѣ свои силы, чтобы удержать за собою это важное положеніе. Дотолѣ каждое колѣно жило своею замкнутою жизнью и почти не имѣло между собою ничего общаго, и мало сносилось съ окружающими народами. Только сѣверныя и сѣверо-западныя колѣна, именно Даново, Иссахарово, Асирово, Завулоново и Нефѳалимво, приходили въ соприкосновеніе съ окружающимъ внѣшнимъ языческимъ міромъ, представителемъ котораго тогда въ Палестинѣ были финикіяне. Въ значительной степени они даже жили среди этого народа и совмѣстно съ нимъ занимались мелкими промыслами, трудясь въ качествѣ земледѣль-

цевъ и земледѣльческихъ рабочихъ, погонщиковъ при караванахъ, матросовъ, лодочниковъ, и ведя другія подобныя же занятія. Среднія, южныя и восточныя колѣна, среди которыхъ Іудино и Ефремово составляли главное средоточіе національной силы, однако же, удерживали за собою высокомѣрную и непреклонную независимость, отвергавшую всякое сношеніе съ языческимъ міромъ, и ограничивались своимъ наслѣдственнымъ занятіемъ, состоявшимъ въ скотоводствѣ и земледѣліи. При Давидѣ эти различныя колѣна, почти противъ своей воли, пришли въ болѣе тѣсное соотношеніе съ окружающими народами. Со времени Саула борьба съ ихъ восточными врагами—аммонитянами расширялась все болѣе и болѣе. Она привела народъ, въ царствованіе Давида, къ столкновенію съ окружающими сирійскими царствами и заставила израильтянъ напрягать всѣ свои силы на защиту себя противъ могущественнаго враждебнаго союза. Результатомъ этого былъ цѣлый рядъ побѣдъ и покореніе многихъ иноплеменныхъ народовъ, переходъ отъ политической незначительности къ степени великой правящей державы. Чрезъ завоеваніе Едома, израильтяне пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ Египетской монархіей. Чрезъ пораженіе сиріанъ, они соприкоснулись съ берегами Евфрата и захватили въ свою власть караванные пути, ведшіе съ востока въ Финикію и Египетъ. Прежнее отчужденіе отъ иноземныхъ народовъ теперь сдѣлалось невозможнымъ; для того, чтобы удержать за собою сдѣланныя завоеванія, неизбѣжно нужно было отказаться отъ прежняго нежеланія входить въ сношеніе съ язычниками. Такое положеніе, кромѣ того, влекло за собою важную перемѣну въ самой военной системѣ Израиля. Хотя прежняя пѣхота все еще представляла собою главную силу народа, однако же, въ виду далекихъ походовъ и экспедицій, сдѣлались необходимы для военныхъ цѣлей кони и колесницы. Древняя простота не могла выстоять противъ искушеній и соблазновъ національнаго богатства и чужеземнаго примѣра, и за общимъ подъемомъ народной жизни, естественно, слѣдовали искусство и литература.

Вліянія окружающей цивилизаціи, къ несчастью, оказывались въ безусловной противоположности духу чистой религіи Моисея. Искусство, культура и нравственность среди языческихъ народовъ основывались исключительно на боготвореніи силъ природы, связывавшемся съ грубѣйшею безнравственностью. Отсюда съ самаго начала возникла оживленная борьба между консервативнымъ эле-

ментомъ въ Израилѣ и партіей прогресса, и борьба эта продолжалась въ теченіе всей послѣдующей исторіи народа до самаго паденія Іерусалима. Съ одной стороны стоялъ царскій престолъ, слишкомъ часто склонный подражать учрежденіямъ и культурѣ языческихъ народовъ, стремясь даже превзойти ихъ своимъ блескомъ; съ другой—пророки, безстрашно и настойчиво обличавшіе такое отступленіе отъ духа теократіи,—и вслѣдствіе этого началась упорная борьба, неизбѣжнымъ результатомъ которой должно было быть полное разрушеніе народа, такъ какъ всякое примиреніе этихъ сторонъ оказывалось невозможнымъ. Когда язычество окончательно восторжествовало и закончилось переселеніемъ израильтянъ въ Вавилонъ, то среди плѣнниковъ началась ожесточенная реакція противъ всего языческаго. Но усвоенный тогда народомъ мертвый ритуализмъ заключалъ въ самомъ себѣ сѣмена своего собственнаго разложенія, и, такимъ образомъ, невольно подготовилъ путь къ разрушенію средостѣнія между языческимъ міромъ и іудейскимъ, при посредствѣ духовной свободы и всеобнимающей любви евангелія.

Страна, съ которою израильтяне, при восшествіи Соломона на престолъ, пришли въ наиболѣе тѣсное соотношеніе и вліянію которой они болѣе всего подчинялись, была Финикія, хотя въ то же время они стояли въ слишкомъ опасной близости и къ Египту. Большія торговыя дороги теперь находились въ рукахъ израильскаго царя, и такъ какъ финикійскіе города представляли собою большія складочныя мѣста для торговли Палестины и Западной Азіи, то эти два народа неизбѣжно должны были вступить между собою въ тѣсныя соотношенія. Результатъ такого сближенія обнаружился весьма скоро. Даже уже при Давидѣ, придворная жизнь, съ сдѣланнымъ въ ней нововведеніемъ въ видѣ гарема, въ значительной степени устроена была по финикійскимъ образцамъ [1]). До этого времени отношенія израильтянъ къ ханаанитянамъ были совершенно иныя и отличались большею частью отчужденіемъ и взаимонедовѣріемъ. Но теперь дружественныя сношенія быстро возрастали во всѣхъ направленіяхъ, и вліянія этихъ сношеній скоро обнаружились во всѣхъ областяхъ общественной и частной жизни. Религія, политика, общественныя и гражданскія учрежденія и обы-

[1]) См., напр., свидѣтельство о томъ, что Давидъ для построенія и украшенія своего дворца пользовался финикійскими рабочими и художниками. 2 Цар. V, 11.

чаи Израильскаго народа отселѣ болѣе или менѣе подверглись вліянію этого могущественнаго сосѣда. Поэтому, не излишне разсмотрѣть, въ чемъ состояли особенности народа, который оказывалъ столь широкое и сильное вліяніе на будущность народа Божія.

Финикія, «земля пальмъ», представляла собою лишь узкую береговую полосу къ сѣверо-западу отъ Палестины. Благодаря своему климату, она была въ высшей степени плодородна. Лежа подъ тѣнью Ливана, она изобиловала источниками, ручьями и рѣками, причемъ послѣднія были тогда судоходны на нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, такъ какъ первобытные лѣса, которыми въ то время покрыты были сосѣднія горы, давали болѣе значительный притокъ воды, чѣмъ сколько они даютъ его теперь. Особенно плодородными были мѣстности, на которыхъ лежали знаменитые торговые центры Беритъ (теперь Бейрутъ) и Триполисъ (теперь Траблусъ) на сѣверѣ, и долины Сидона и Акры на югѣ. Встрѣчая со стороны моря преграду для дальнѣйшаго распространенія на западъ, первые поселенцы этой страны скоро оставили свою прежнюю кочевую жизнь и отдались земледѣлію. Но ихъ геній не могъ удовлетворяться жатвами или пастбищами на поляхъ или склонахъ горъ. Имѣя врожденную склонность къ торговлѣ и промышленности, они скоро занялись торговыми предпріятіями и стали смотрѣть на омывавшее ихъ берегъ море, какъ на широкій путь къ неизвѣстнымъ странамъ, гдѣ имъ могла представляться надежда на большія выгоды. Провидѣніе, поселяя на этомъ мѣстѣ столь энергическое и предпріимчивое племя, озаботилось также доставленіемъ ему всѣхъ естественныхъ средствъ, которыя были только необходимы для исполненія его великой миссіи, именно миссіи распространенія культуры и идей востока въ страны еще варварскаго тогда запада. Во всей Палестинѣ только одна Финикія обладала въ богатомъ избыткѣ хорошимъ лѣсомъ для кораблестроенія; кедры и кипарисы ливанскіе представляли столь обширный запасъ подобнаго лѣса, что представлялась полная возможность заниматься вывозомъ этого лѣса и въ другія страны. Горы изобиловали желѣзомъ, столь необходимымъ для кораблей, и сосѣднія равнины производили великолѣпную пеньку и ленъ для веревокъ и парусовъ. Лишенный всякихъ заливовъ, затоновъ и пристаней на югѣ, берегъ Средиземнаго моря изобиловалъ ими въ предѣлахъ финикійскихъ. Во многихъ частяхъ рифы, идущіе параллельно съ берегомъ, представляли есте-

ственныя гавани, защищенныя отъ бурь, которыя часто проносились съ ужасающею яростью съ юго-запада. Небольшіе острова, съ своею скалистою поверхностью, представляли, кромѣ того, удобныя мѣста убѣжища съ материка во время войны, и могли служить торговыми складочными магазинами для товаровъ, безопасными отъ неожиданныхъ нападеній. Вдобавокъ къ этимъ преимуществамъ, Финикія лежала въ центрѣ древняго міра, и была, такимъ образомъ, естественнымъ складочнымъ пунктомъ для торговли между востокомъ и западомъ. Торговыя дороги изъ всей Азіи сходились между собою на берегахъ Финикіи; изъ центровъ торговли на берегахъ Евфрата и Тигра товары отправлялись къ берегамъ Нила, въ Аравію и на западъ путемъ, ведшимъ чрезъ городъ Тиръ, и съ другой стороны произведенія обширныхъ странъ, лежавшихъ по берегамъ Средиземнаго моря, при своемъ движеніи къ центрамъ восточнаго міра, проходили также чрезъ эту финикійскую столицу.

Такое положеніе было естественной причиной того, что на финикійскихъ берегахъ появилось множество цвѣтущихъ городовъ и поселеній. На южной оконечности лежали: древній царственный городъ Сидонъ [1]), знаменитый Тиръ [2]) и Арадъ. Далѣе, къ сѣверу, находились Библосъ, Беритъ, Синъ, Смирна и Акра, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ моря, на берегу Оронта, среди хеттейскаго населенія, лежалъ знаменитый торговый центръ Имаѳъ, бывшій отчасти также финикійскимъ городомъ. Со времени взятія Сидона филистимлянами, во главѣ всѣхъ этихъ городовъ сталъ Тиръ, и поэтому онъ ближе всего соприкасался съ исторіей Израильскаго народа. Его положеніе было въ высшей степени благопріятнымъ. Онъ стоялъ, какъ говоритъ пророкъ Іезекіиль, «на выступахъ въ морѣ, торговалъ съ народами на многихъ островахъ, предѣлы его были въ сердцѣ морей», потому что онъ стоялъ отчасти на островѣ, и «строители его усовершили красоту его» [3]). «Тиръ», прибавляетъ пророкъ, «ты говоришь: я совершенство красоты, я Богъ, возсѣдаю на сѣдалищѣ Божьемъ, въ сердце морей» [4]). Онъ вполнѣ могъ сравни-

---

[1]) Сидонъ, по своему этимологическому происхожденію, означаетъ рыбачье мѣсто,—то же самое, что Виѳсаида.

[2]) Тиръ, то-есть, Цуръ, скала, названный такъ отъ скалистаго острова, на которомъ построена была часть этого города.

[3]) Іезек. XXVII, 1, 4.

[4]) Іезек. XXVII, 3; XXVIII, 2.

вать себя съ однимъ изъ своихъ собственныхъ великихъ торговыхъ или тарсійскихъ кораблей, бывшихъ тогда однимъ изъ чудесъ свѣта. Самый островъ былъ мѣстомъ національнаго святилища,—храма Мелкарта, и впослѣдствіи сдѣлался великимъ центромъ торговли. Съ суши городъ былъ окруженъ, исключая западной стороны, обширною, безподобно плодородною равниною, орошавшеюся богатыми источниками во всѣхъ направленіяхъ. Мѣстность эта славилась въ особенности своими плодами и виноградомъ, и на ней роскошно произрасталъ даже сахарный тростникъ. Таковъ былъ древній Тиръ, славившійся своими дворцами и своими древними храмами. О населеніи его можно судить по самой обширности города, занимавшаго не менѣе 30 верстъ. Постепенно, однако же, островъ, вслѣдствіе своей безопасности отъ внѣшнихъ нападеній, сдѣлался по своимъ зданіямъ и блеску важнымъ соперникомъ материковому городу. Для расширенія пространства, къ нему присоединены были близъ лежащіе островки; окружающія мели завалены были насыпями, и чрезъ это были приведены въ связь съ городомъ, и на расширенной, такимъ образомъ, площади вдоль и вширь распростирались громадные доки и товарные склады, бывшіе необходимыми для производившихся въ городѣ исполинскихъ торговыхъ оборотовъ.

Эти чудесныя работы по расширенію острова отмѣчаютъ собою самый блистательный періодъ въ исторіи Тира, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и періодомъ расцвѣта монархіи Израильскаго народа [1]). Но даже и тогда финикіяне съ завистью бросали взоры на свое отдаленное прошлое. «Начало его», говоритъ пророкъ Исаія, «отъ дней древнихъ» [2]). И, дѣйствительно, по свидѣтельству Геродота, Тиръ былъ основанъ за 2700 лѣтъ до Р. Хр. [3]). До вступленія израильтянъ въ Палестину, первое мѣсто среди городовъ Финикіи занималъ Сидонъ, и его религія и культура были широко распространены тогда среди другихъ хананэанскихъ племенъ. Уже и раньше онъ имѣлъ многочисленныя колоніи, но теперь онѣ еще болѣе размножились и усилились. Кипръ, Критъ, острова Этейскаго моря, Сицилія и Сардинія были усѣяны торговыми факторіями и поселеніями, и на берегу сѣверной Африки былъ также цѣлый рядъ финикій-

---

[1]) Отъ XI до X столѣтія до Р. Хр.

[2]) Ис. XXIII, 7.

[3]) Это, конечно, свидѣтельство лишь преданія Мёверсъ однако же колеблется опровергать его, и считаетъ этотъ городъ вообще весьма древнимъ.

скихъ городовъ [1]). Заходя по пути въ эти города, огромные торговые корабли изъ Финикіи плавали за предѣлы Гибралтарскаго пролива въ Θарсисъ (Тартесъ), въ эту Калифорнію того времени, гдѣ при устьѣ Гвадалквивира, въ качествѣ большаго морскаго порта, былъ основанъ Гадесъ («твердыня»), теперешній Кадиксъ. Потрясеніе, произведенное вторженіемъ израильтянъ въ Палестину, заставило ханаанскія племена отодвинуться къ самому берегу, или даже совершенно выселиться изъ страны, что, повидимому, и повело къ этому широкому развитію колонизаціи. Около времени Самуила [2]), однако же, города Финикіи были еще достаточно сильными для того, чтобы противодѣйствовать израильтянамъ и даже приводить сѣверныя колѣна въ болѣе или менѣе полное подчиненіе себѣ. Но вотъ около 1200 г. до Р. Хр. Сидонъ палъ подъ напоромъ филистимлянъ, и Тиръ съ того времени, занявъ главенствующее положеніе, началъ все болѣе возрастать въ могуществѣ и богатствѣ, такъ что ко времени Давида и Соломона онъ сдѣлался величайшимъ, богатѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ городомъ страны [3]). При царѣ Хирамѣ I, современникѣ этихъ израильскихъ царей, онъ достигъ въ высшей степени своей славы и могущества. При его отцѣ въ политическомъ устройствѣ Тира произошла важная перемѣна. Вмѣсто прежняго управленія посредствомъ суффетовъ, представлявшихъ собою нѣчто въ родѣ израильскихъ шофетимовъ или судей, основана была монархія, которая и возвела городъ на степень верховнаго положенія. Въ это царственное достоинство Хирамъ вступилъ, будучи около 20 лѣтъ отъ роду. Украшеніе столицы сдѣлалось величайшимъ предметомъ его честолюбія. Онъ именно предпринялъ работы по завалкѣ прибрежныхъ мелей, съ цѣлью расширить обитаемую площадь острова, и на этой искусственной почвѣ построилъ великій храмъ и дворцы, въ родѣ тѣхъ, которые его архитекторы и рабочіе впослѣдствіи строили для Соломона въ Іерусалимѣ. Подъ его щедрымъ покровительствомъ мѣстное идолопоклонство также получило необычайный блескъ. Не чуждъ онъ былъ и внѣшнихъ войнъ, потому что онъ именно покорилъ и присоединилъ къ своимъ владѣ-

1) Утика, напр., была основана около 1100 лѣтъ до Р. Хр.

2) Въ Сирах. XLVI, 18, говорится, что Самуилъ велъ успѣшную войну съ Тиромъ.

3) 3 Цар. V, 18; XVI, 31.

ніямъ островъ Кипръ, быть можетъ привлекшій его своими богатыми мѣдными рудниками [1]).

Побѣды и завоеванія Давида, которыя обхватили Финикію со всѣхъ сторонъ новозавоеванными іудейскими владѣніями и отдали въ руки ихъ правителя контроль надъ торговыми дорогами съ востока и въ Аравію, естественно заставили Хирама поддерживать дружественныя отношенія съ нимъ и съ Соломономъ, такъ какъ вражда ихъ повела бы къ серьезному вреду для правильности и безопасности торговыхъ оборотовъ. Поэтому-то Хирамъ «былъ другомъ Давида во всю жизнь» [2]), и оставался въ одинаково дружественныхъ отношеніяхъ и съ его сыномъ, хотя въ его отношеніи къ Давиду личное уваженіе къ столь знаменитому человѣку несомнѣнно въ значительной степени связывалось съ простымъ разсчетомъ политики. Онъ первый поздравилъ Давида послѣ совершеннаго имъ завоеванія Іерусалима [3]), и охотно доставлялъ ему какъ матеріалы, такъ и искусныхъ рабочихъ для построенія ему дворца, и впослѣдствіи оказывалъ также обширное содѣйствіе при собираніи матеріаловъ для построенія предположеннаго храма [4]). Можно даже думать, что все это содѣйствіе и всѣ посланные Давиду матеріалы были со стороны Хирама какбы простымъ подаркомъ, съ цѣлью пріобрѣтенія дружбы Давида, такъ какъ въ библейскомъ повѣствованіи не упоминается, чтобы за все это Израильскій царь заплатилъ чѣмъ-нибудь съ своей стороны. Такое тѣсное соотношеніе Израильскаго народа съ богатымъ и вліятельнымъ языческимъ государствомъ не могло не повлечь за собою весьма знаменательныхъ послѣдствій. И дѣйствительно, съ этого времени жизнь израильтянъ, какъ общественная, такъ и частная, поддалась въ значительной степени финикійскому вліянію. Громадныя богатства и широко раскинутая торговая дѣятельность этого хананейскаго государства заставляли себя чувствовать во всѣхъ направленіяхъ. Накопленіе богатствъ, какъ вслѣдствіе міровой торговли, такъ и вслѣдствіе разграбленія безпомощныхъ чужеземныхъ береговъ, привело къ изумительному развитію роскоши въ Финикіи. Дома и дворцы Тира отли-

---

1) Мѣдь называлась кипрскимъ металломъ. Отъ названія Кипръ происходитъ латинское названіе мѣди cuprum, нѣмецкое Kupfer и англійское copper.

2) 3 Цар. V, 1.

3) 2 Цар. V, 11.

4) 1 Паралип. XXII, 4.

чались всѣмъ, что только могло ласкать вкусъ и взоръ. Главнѣйшіе представители города жили подобно царямъ, и не знали такихъ желаній, которыхъ они не могли бы удовлетворить. Но вмѣстѣ съ утонченностью жизни въ ней въ ужасающей степени развилась и грубая распущенность; только неустанная дѣятельность и жизненность народа препятствовали развитію ихъ до опасной степени.

Особенно большое вліяніе на состояніе Финикіи имѣло открытіе Тартеса или Ѳарсиса въ Испаніи. Всѣ древніе писатели единогласно свидѣтельствуютъ о громадномъ богатствѣ, которое финикіяне извлекали изъ этой колоніи. Въ обмѣнъ на масло и другіе малоцѣнные предметы, первые мореплаватели, приставшіе къ этому берегу, получили больше серебра, чѣмъ сколько могъ выдержать ихъ корабль, такъ что они, оставивъ старый корабль, построили себѣ новый, сдѣлавъ всѣ принадлежности его, вплоть до якорей, изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Греческіе поэты, воспѣвая рѣку Тартесъ, говорили, что она беретъ свое начало въ серебряной горѣ. Страбонъ свидѣтельствуетъ, что никакая еще страна не превосходила Ѳарсиса избыткомъ и богатствомъ всякихъ даровъ земли и моря. Нигдѣ еще не встрѣчалось столь чистаго, или въ такомъ количествѣ, золота и серебра, мѣди и желѣза, какъ именно въ этой финикійской колоніи. Золото добывалось какъ изъ рудниковъ, такъ и отъ промывки песка въ рѣкахъ и потокахъ, и при этомъ не рѣдко находимы были огромные слитки. Мѣстность изобиловала, кромѣ того, и горной солью. Рогатый скотъ и овцы доставляли прекраснѣйшую шерсть, и огромными стадами паслись на превосходныхъ горныхъ пастбищахъ. Главными мѣстными произведеніями были хлѣбъ и вино. Берега изобиловали огромнымъ разнообразіемъ морскихъ улитокъ, доставлявшихъ знаменитый тирскій пурпуръ, и рыбныя ловли всякаго рода были неистощимы. Въ огромномъ количествѣ добывался также воскъ, медь, смола и киноварь (мѣстная красная сѣрнистая ртуть). Привлекаемые столь богатою страною, финикіяне скоро покрыли своими поселеніями южный и западный берега Испаніи, и между ними, даже еще во времена Страбона [1]), Кадиксъ, хотя и основанный на небольшомъ и бѣдномъ островѣ, не уступалъ никакому другому городу въ богатствѣ, и только Риму уступалъ въ населеніи. Проникая далѣе на своихъ корабляхъ къ сѣверу, фини-

[1]) Родился въ 19 г. по Р. Хр.

кіяне присоединили къ испанской торговлѣ еще торговлю оловомъ, добывавшимся на Британскихъ островахъ. На берегахъ восточнаго моря они добывали амбру или янтарь, изъ котораго уже въ X вѣкѣ до Р. Хр. они приготовляли дорогія шейныя украшенія, бусы и всевозможныя украшенія, тѣмъ болѣе дорогія, что янтарь въ то время цѣнился почти наравнѣ съ золотомъ. Изъ рудниковъ острова Θаса, къ югу отъ Θракіи, они добывали золото на сумму отъ 200 до 300 талантовъ ежегодно [1]).

Такая обширная торговля естественно развила великую дѣятельность въ искусствахъ и мануфактурныхъ произведеніяхъ Финикіи. Населеніе ея стояло въ такомъ же отношеніи къ туземцамъ Θракіи, Греціи, Сициліи, Ливіи и Испаніи, въ какомъ португальцы и испанцы 2,500 лѣтъ спустя находились къ дикимъ туземцамъ обѣихъ Индій. Богатѣйшія сокровища, которыми гордились и восхищались герои Иліады и Одиссеи, бронзовые и серебряные сосуды для питья, поражавшіе своею вычурностью, и «пышноузорныя ризы», блиставшія подобно яркимъ звѣздамъ,—были произведеніемъ сидонской промышленности. Но финикіяне вели торговлю не только своими собственными мануфактурами или произведеніями своего собственнаго искусства; ихъ города были торговыми портами для такихъ центровъ міровой жизни, какими были Вавилонъ и Ниневія. Въ товарные склады Тира стягивалась торговля всего древняго міра отъ Персидскаго залива до столбовъ Геркулесовыхъ. Сухопутная торговля съ востокомъ и юго-востокомъ была не менѣе обширна, чѣмъ и торговля морская. На важнѣйшихъ пунктахъ по главнымъ караваннымъ дорогамъ находился цѣлый рядъ финикійскихъ колоній. Изъ этихъ путей одинъ шелъ чрезъ Ваалъ-Бекъ, Емесу и Имаѳъ къ Топсаку, на берегу Евфрата, и оттуда, чрезъ Харранъ и Низибію, къ берегамъ Тигра въ Арменію и Ассирію, равно какъ и внизъ по рѣкѣ, въ Вавилонъ. Другой путь шелъ на востокъ, чрезъ Θадморъ или Пальмиру и Цирцези (Кархемисъ), въ тѣ же самыя области, пролегая чрезъ равнину Ездрилонскую, и оттуда, вдоль филистимскаго берега, въ Газу, по направленію къ Египту. Финикійской колоніей былъ также и Лаисъ на сѣверѣ Палестины, при пересѣченіи дорогъ изъ Сиріи чрезъ Дамаскъ. Слѣды финикійскихъ торговыхъ факторій

---

1) Талантъ золотомъ составляетъ приблизительно 125.000 рублей, и слѣдовательно вся добыча золота равнялась отъ 25 до 35 милліоновъ рублей.

мы находимъ даже на берегахъ Персидскаго залива, гдѣ они держали въ своихъ рукахъ торговлю Индіи, Африки и южной Аравіи. Дельта въ Египтѣ была усѣяна такимъ множествомъ финикійскихъ поселеній, что она вслѣдствіе этого называлась даже Великой Финикіей. Постоянный токъ торговыхъ каравановъ, двигавшихся въ разныхъ направленіяхъ, сдѣлалъ имя Тира знакомымъ и ходячимъ словомъ во всѣхъ странахъ тогдашняго міра. Въ высшей степени яркую картину этой неустанной и чудесной дѣятельности рисуетъ своею яркою кистью пророкъ Іезекіиль. Сравнивая Тиръ съ однимъ изъ его собственныхъ кораблей, пророкъ говоритъ, что «всѣ помосты свои онъ устроилъ изъ сенирскихъ кипарисовъ [1]); мачты свои онъ строилъ изъ кедровъ ливанскихъ, весла дѣлалъ изъ дубовъ васанскихъ, и даже скамьи дѣлались изъ буковаго дерева, съ оправой изъ слоновой кости съ острововъ Киттимскихъ [2]). Простое полотно было слишкомъ простымъ для его парусовъ, и поэтому онъ употреблялъ на нихъ узорчатыя дорогія полотна изъ Египта, которыя служили для него также и флагомъ. Самымъ покрываломъ для палубы служили голубаго и пурпурнаго цвѣта ткани съ острововъ Елисы [3]). Жители Сидона и Арвада были у него гребцами, а сами тиряне, какъ лучшіе знатоки мореплаванія, были кормчими. Всѣ окружающіе народы доставляли ему рабочихъ для починки кораблей и другихъ черныхъ работъ. Оставляя затѣмъ иносказательный языкъ, пророкъ переходитъ къ болѣе точному и буквальному описанію особенностей великаго города. Всѣ морскіе корабли, съ ихъ экипажами, проходили въ его гавани для полученія или сдачи своихъ грузовъ. Войско его состояло изъ наемниковъ, набиравшихся изъ самыхъ различныхъ народовъ во всѣхъ концахъ земли: изъ Персіи, на востокѣ, и изъ Лидіи, отдаленнѣйшей части Африки, на югозападѣ. Сыны Арвада и другіе храбрые воины сторожили его стѣны и вывѣшивали свои щиты на его сторожевыхъ башняхъ. Тиръ велъ торговлю съ Ѳарсисомъ, который платилъ ему за товары серебромъ, желѣзомъ, свинцомъ и оловомъ. Іаванъ, Ѳувалъ и Мешехъ, то-есть, страны, включающія въ себя Грецію и Скиѳію, вымѣнивали его то-

[1]) Сениръ—аморрейское, а также и ассирійское названіе Ермона.

[2]) Островами Киттимскими назывались вообще острова Средиземнаго моря.

[3]) То-есть, Греціи. Лучшія морскія улитки для добыванія пурпура получались съ береговъ Лаконіи.

вары «на души человѣческія и мѣдную посуду»; Θогарма, въ Арменіи, доставляла ему лошадей, строевыхъ коней и лошаковъ. На далекихъ берегахъ Африки его торговцы добывали слоновую кость и дорогое черное дерево. Сирія, въ ея обширнѣйшемъ смыслѣ, продавала его купцамъ пурпурныя матеріи, одежды всевозможныхъ цвѣтовъ, прекрасныя полотна, жемчугъ съ Индійскаго океана, драгоцѣнные камни съ отдаленнаго Востока. Іудея и земля Израилева платили ему за товары пшеницей, сластями, медомъ, деревяннымъ масломъ и бальзамомъ. Изъ Дамаска шло вино Хелбонское (единственное вино, которое пили Персидскіе цари) и бѣлая шерсть съ обширныхъ стадъ восточной Палестины. Южная Аравія и Сиро-Аравійская пустыня доставляли превосходное желѣзо, кассію и благовонныя травы, которыя шли на приготовленіе мура и благовонныхъ куреній. Изъ отдаленныхъ частей Аравіи добывались драгоцѣнныя попоны для верховой ѣзды. Оттуда также прогонялись огромныя стада ягнятъ, овецъ и козловъ, шедшихъ на тирскіе рынки. Купцы изъ Савы и Раемы, на томъ же обширномъ полуостровѣ, привозили свои благовонія, драгоцѣнные камни и золото, и изъ многихъ, теперь неизвѣстныхъ, мѣстъ въ Месопотаміи и Вавилоніи приходили огромные караваны, нагруженные тюками дорогихъ окрашенныхъ матерій, отороченныхъ пурпуромъ плащей, ковровъ и палаточныхъ матерій, однимъ словомъ всѣмъ, чѣмъ только славилась Западная Азія.

Политическое и общественное состояніе Финикіи было чрезвычайно своеобразнымъ. Въ различныхъ городахъ были свои особые цари, которые славились большими гаремами и постоянно окружены были пѣвицами и танцовщицами. Дворы ихъ представляли блескъ, которому подражалъ впослѣдствіи Соломонъ въ своей собственной столицѣ. Но какъ и въ Израильскомъ государствѣ, рядомъ съ царемъ, судьбами народа завѣдывалъ совѣтъ старѣйшинъ, служившій ограниченіемъ царской власти. Царь былъ избираемъ, по крайней мѣрѣ по закону, этимъ именно совѣтомъ, и избраніе подтверждалось общимъ согласіемъ гражданъ. При такомъ складѣ управленія, въ Финикіи никогда не могъ развиваться восточный деспотизмъ, и поэтому Финикія, по своей формѣ правленія, ближе всего подходила къ Израилю. Въ правленіи принимали участіе граждане, дѣлившіеся на различныя торговыя гильдіи. Въ извѣстныхъ случаяхъ совмѣстно съ царемъ дѣйствовали совѣтъ старѣйшинъ и

народъ; въ важнѣйшихъ случаяхъ рѣшеніе практически принадлежало послѣднему. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ однако же царь и народъ были утнетаемы знатью, которая держала въ своихъ рукахъ общественныя должности и такимъ образомъ располагала главною властью. Эта богатая и могущественная знать въ особенности высокомѣрно и жестоко относилась къ крестьянамъ Финикійской области, какъ иноплеменнымъ, такъ и къ туземнымъ. Земля была собственностью или царя и жречества, или знати, такъ что земледѣльцы были въ дѣйствительности крѣпостными. Такія преимущества, съ одной стороны, и зависимое положеніе, съ другой, вели къ постояннымъ смятеніямъ въ городахъ, населеніе которыхъ, достигшее значительнаго умственнаго развитія вслѣдствіе своихъ торговыхъ предпріятій, не легко подчинялось тираническому утнетенію. Все это соціальное устройство нельзя сравнивать съ соціальнымъ устройствомъ Израиля, у котораго въ рабствѣ находились только остатки хананеевъ, а всѣ израильтяне пользовались одинаковыми правами предъ закономъ, какъ свободные собственники земли и какъ граждане. Но, къ несчастью, эти древнія вольности впослѣдствіи подверглись также серьезному ограниченію, и народъ все болѣе приближался къ соціальному уровню окружающаго населенія, причемъ постепенно устанавливалась рѣзкая противоположность между богатыми и бѣдными, знатными и низкими, благородными и простыми.

Въ Финикіи, какъ и въ землѣ Израильской, религія находилась подъ высшимъ вѣдѣніемъ верховнаго жреца и составляла своего рода теократію, царемъ которой считался богъ Мелькартъ; но верховный жрецъ въ дѣйствительности находился подъ властью правящаго царя. Его вліяніе сначала было весьма большимъ, потому что онъ именно былъ главою аристократіи, завѣдывалъ всѣмъ богатствомъ жреческаго сословія и руководилъ всѣми религіозными дѣлами. Но такъ какъ верховный жрецъ вообще былъ братомъ царя, то этимъ самымъ устранена была возможность для всякаго политическаго соперничества съ царскою властью, и царь сосредоточивалъ дѣйствительную власть въ своихъ собственныхъ рукахъ, распоряжаясь по своему усмотрѣнію въ дѣлахъ какъ политики, такъ и религіи. Финикійская религія, какъ сказано было выше [1]), основы-

1) См. въ т. I-мъ, въ главѣ: «Религія хананеевъ».

валась первоначально на вѣрѣ въ единаго верховнаго Бога, но впослѣдствіи эта первоначальная вѣра подверглась крайнему искаженію и превратилась въ грубое и чувственное боготвореніе неба и земли. Ихъ боги, которые по вѣрованію финикіянъ, проявляли себя и свою дѣятельность въ зелени деревъ, въ красотѣ цвѣтовъ, въ движеніяхъ животной жизни, въ пожирающемъ огнѣ, въ журчаніи ручьевъ и потоковъ, въ холмахъ, въ знойномъ смертоносномъ самумѣ, въ дѣйствительности во всемъ, что только было животворящаго или убивающаго въ природѣ,—имѣли своими символами и представителями небесныя свѣтила. Такъ тайна вселенной была перетолковываема восточнымъ воображеніемъ этихъ сыновъ древняго міра. Персидское богослуженіе маговъ удерживало свою простоту до позднѣйшаго времени, не допуская никакого символа для божества, кромѣ священнаго огня, и боготворило солнце или звѣзды только на открытомъ воздухѣ или на кровлѣ своихъ жилищъ. Но финикіяне постепенно олицетворили силы природы, которыя они первоначально приписывали звѣздамъ, и символизировали ихъ идолами, въ связи съ которыми развилось въ высшей степени грубое, жестокое и чувственное идолослуженіе.

Съ такимъ-то народомъ, имѣвшимъ крайне возмутительную, по своей нечистотѣ и жестокости, религію, и пришелъ въ ближайшее соприкосновеніе народъ Израильскій, бывшій представителемъ чистаго богослуженія Іеговы. Это сближеніе ихъ между собою какбы нарочито устроено было Провидѣніемъ для того, чтобы человѣчество лучше всего могло уяснить себѣ противоположность между этими двумя религіозными системами. Между ними лежала глубочайшая пропасть, и при соприкосновеніи ихъ между собою должна была произойти борьба на жизнь и смерть, потому что онѣ не могли существовать совмѣстно. И никакое другое зрѣлище не имѣетъ болѣе возвышеннаго интереса для исторіи человѣчества, какъ то, которое поддерживало эту борьбу между свѣтомъ и тьмою, продолжавшуюся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и послѣ Соломона. Въ теченіе этихъ вѣковъ истинная религія продолжала держать свое знамя противъ гнуснаго идолослуженія язычества, и охраняла свою чистоту съ изумительною настойчивостью и неистощимою восторженностью, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, пока, наконецъ, не только пріобрѣла побѣду, но и изгнала изъ своей среды все, что могло напоминать объ омерзительномъ идолослуженіи.

ГЛАВА XX.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ СОЛОМОНА.

Соломонъ наслѣдовалъ отъ своего великаго отца громадное государство, для управленія которымъ требовался обширный государственный умъ. Государство это занимало всю богатѣйшую площадь Западной Азіи, отъ предѣловъ Египта до рѣки Евфрата, со множествомъ входившихъ въ него племенъ и народовъ, покоренныхъ Давидомъ или силою оружія, или обаяніемъ его величія. Занимая какъ разъ срединное положеніе въ древнемъ историческомъ мірѣ и соприкасаясь теперь непосредственно съ величайшими и знаменитѣйшими представителями древней языческой культуры, израильскій народъ переживалъ въ это время одинъ изъ важнѣйшихъ кризисовъ своей исторіи. Онъ уже не былъ болѣе замкнутымъ и отчужденнымъ народомъ. По самому своему положенію, онъ выступалъ на арену всемірной исторической жизни, когда его вліяніе должно было чувствоваться на окружающихъ народахъ и когда окружающіе народы должны были неминуемо оказывать на него свое вліяніе. На такой ступени развитія израильскій народъ походилъ на юношу, который оставлялъ спокойный очагъ родной семьи для житейскаго поприща въ мірѣ; время должно было показать, въ состояніи ли онъ будетъ противодѣйствовать вреднымъ вліяніямъ окружающей его среды, или подчинится имъ; выработаетъ ли онъ себѣ мужественную силу характера, или окажется слабымъ; будетъ ли возрастать въ силѣ и благородствѣ, или подпадетъ искушеніямъ зла или порока. Израиль уже не могъ болѣе оставаться народомъ пастуховъ и земледѣльцевъ. Онъ, по необходимости, долженъ былъ войти въ круговоротъ современной ему цивилизаціи и заняться торговлей и промыслами. Но такой переходъ отъ самозамкнутости къ жизни, исполненной новыхъ интересовъ и новаго движенія, всегда бываетъ не безопасенъ для народа. Онъ подвергаетъ опасности простоту его искренней вѣры и легко приводитъ къ пренебрежительному отношенію къ своимъ самобытнымъ началамъ жизни и къ своимъ древнимъ добродѣтелямъ, къ старымъ нравамъ и обычаямъ. Все новое и чужое становится привлекательнымъ, а все старое и свое подвергается незаслуженному пренебреженію; се-

мейная жизнь — основа здоровой общественной жизни — теряетъ свой прежній священный характеръ, и вообще простота и строгость нравовъ быстро исчезаютъ, если новое направленіе жизни не найдетъ достаточно мужественнаго и мудраго руководителя.

Какъ разъ въ такомъ именно положеніи находился израильскій народъ въ періодъ восшествія Соломона на престолъ Давидовъ. Самъ царь былъ юнъ, имѣя не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду. Подъ его властью находилось множество народовъ и племенъ, которые не прочь были, при всякомъ удобномъ случаѣ, возстать на борьбу за свою самостоятельность и независимость. Со всѣми границами его государства соприкасались такія знаменитыя страны, какъ Египетъ, Финикія и Вавилонія, богатѣйшая культура которыхъ, — уже по тому одному, что главные пути торговли и промышленности шли черезъ израильское государство,—по необходимости должна была сказывать на него сильное вліяніе и проникать его своимъ духомъ, который, къ сожалѣнію, всецѣло былъ идолопоклоннической и, слѣдовательно, находился въ рѣшительномъ противорѣчіи съ духомъ Израильскаго народа. По истинѣ корона Давидова должна была тяжело давить юную голову Соломона, особенно на первыхъ порахъ. Тяжесть эта увеличивалась еще оттого, что самый престолъ не вполнѣ упроченъ былъ за Соломономъ. Несмотря на неудачный исходъ заговора Адоніи, у послѣдняго оставалась весьма сильная партія при дворѣ, и пока она существовала, Соломонъ не могъ чувствовать себя спокойно на престолѣ и не могъ всецѣло предаваться благоустроенію государства. Нужно было сломить и уничтожить эту партію. Онъ и рѣшился,—несомнѣнно, по совѣту мудрѣйшихъ совѣтниковъ своего отца,—прежде всего обратить свое вниманіе на это важное дѣло, И скоро представился случай къ тому.

Безпокойный Адонія, разъ потерпѣвъ неудачу, не остановился на этомъ и не оставлялъ своей мечты о царствѣ. Подобострастно льстя своему юному брату въ глаза, онъ въ то же время, съ цѣлью пріобрѣтенія себѣ приверженцевъ, заочно продолжалъ вести интриги и достигъ того, что опять составилъ около себя значительную партію. Но, не осмѣливаясь теперь приступать къ открытому заговору, онъ хотѣлъ добиться своей цѣли косвеннымъ путемъ, именно, заявивъ желаніе жениться на прекрасной сунамитянкѣ Ависагѣ, чтобы пріобрѣсти этимъ, такъ сказать, нить, по которой онъ могъ бы впослѣдствіи добраться и до престола. Съ этою цѣлью онъ обра-

тился къ содѣйствію матери Соломона, Вирсавіи, надѣясь воспользоваться ея вліяніемъ на своего сына. Послѣдняя видимо была даже встревожена посѣщеніемъ ея Адоніей. «Съ миромъ ли приходъ твой?» обратилась она къ нему съ вопросомъ, въ которомъ звучало нѣкоторое опасеніе. «Съ миромъ, отвѣчалъ онъ и просилъ позволенія обратиться къ ней съ особаго рода просьбой. — «Говори», сказала она. Адонія напомнилъ ей, что царство, въ сущности, принадлежало ему и весь Израиль нѣкогда обращалъ на него свои взоры, какъ на будущаго царя; но такъ какъ царство, по волѣ Божіей, отошло отъ него и досталось его брату, то теперь онъ желалъ бы удовлетвориться немногимъ, именно ея ходатайствомъ предъ Соломономъ о дозволеніи ему жениться на Ависагѣ, сунамитянкѣ. Удивительно, что Вирсавія не поняла дѣйствительнаго значенія этой просьбы. Быть можетъ она, по женскому чувству, отчасти жалѣла князя, у котораго почти уже въ рукахъ былъ царскій престолъ,— и быть можетъ думала также, что положеніе Ависаги было совершенно инымъ, чѣмъ какое занимали другія жены Давида, которыя, по установившемуся взгляду, своими брачными связями давали или возвышали право на престолъ. «Хорошо,—отвѣчала Вирсавія,—я поговорю о тебѣ царю». Она, повидимому, не теряла времени въ исполненіи своего обѣщанія и отправилась къ Соломону. Царственный сынъ принялъ ее со всевозможными выраженіями любви и уваженія: онъ всталъ на встрѣчу ей, поклонился ей и приказалъ поставить для нея другой престолъ по правую сторону отъ себя. Она изложила предъ нимъ свою «небольшую просьбу» и просила его не отказать ей. «И сказалъ ей царь: проси, мать моя; я не откажу тебѣ» [1]). Затѣмъ она въ немногихъ, но роковыхъ словахъ, высказала просьбу, которая неминуемо привела Адонію къ смерти. «Дай Ависагу, сунамитянку, Адоніи, брату твоему, въ жены», сказала она своему царственному сыну. Но какимъ ужасомъ навѣрно была она поражена, когда эта небольшая просьба сразу привела Соломона въ непонятный для нея гнѣвъ! Быстро сообразивъ своимъ

---

[1]) Изъ всей этой картины мы видимъ, какое громадное значеніе занимала на Востокѣ, при дворѣ царица-мать. Въ качествѣ жены Давидовой Вирсавія, приближаясь къ царю, должна была преклоняться предъ своимъ мужемъ, между тѣмъ, какъ въ качествѣ царицы-матери она уже сама принимаетъ поклоненіе отъ царя. Жены восточныхъ царей, вообще, имѣли мало общественнаго значенія, но царица-мать всегда пользовалась глубочайшимъ почтеніемъ даже со стороны царствующихъ монарховъ.

юнымъ проницательнымъ умомъ тайную мысль Адоніи, Соломонъ вскричалъ: «а зачѣмъ ты просишь Ависагу сунамитянку для Адоніи, проси ему также и царство; ибо онъ мой старшій братъ, и ему священникъ Авіаѳарь, и Іоавъ, сынъ Саруинъ, военачальникъ — другъ!» Это сразу рѣшило судьбу Адоніи. Соломонъ видѣлъ, что интриги его старшаго брата можно прекратить лишь съ его жизнью, и онъ тутъ же воскликнулъ: «нынѣ же, — живъ Господь, укрѣпившій меня и посадившій меня на престолъ Давида, отца моего, и устроившій мнѣ домъ, какъ говорилъ Онъ,— нынѣ же Адонія долженъ умереть»! И приговоръ вскорѣ былъ приведенъ въ исполненіе. Страшное извѣстіе о смерти Адоніи быстро дошло и до его тайныхъ приверженцевъ. Они также должны были теперь потерпѣть за свой крамольный духъ. Такъ какъ къ этому заговору видимо оказался причастнымъ опять и священникъ Авіаѳаръ, то онъ удаленъ былъ отъ священства; лишенъ былъ жизни также и опасный Іоавъ, несмотря на то, что онъ искалъ убѣжища въ скиніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ той же участи подвергся и Семей, который хотя и прощенъ былъ Давидомъ за свое злобное издѣвательство и злословіе надъ нимъ, но при этомъ обнаружилъ такую ненависть къ Давиду, что его отнюдь невозможно было терпѣть при себѣ юному царю. Все это должно было показать всѣмъ, что преемникомъ Давида былъ отнюдь не слабый и робкій юноша. Онъ сразу показалъ глубокое пониманіе истинныхъ нуждъ своего престола, и впослѣдствіи въ его притчахъ мы находимъ отголоски этихъ событій, подавшихъ поводъ къ нѣкоторымъ мудрымъ изреченіямъ, какбы представляющимъ идеалъ царства. «Царь, сидящій на престолѣ суда, разгоняетъ очами своими все злое». «Мудрый царь вывѣетъ нечестивыхъ и обратитъ на нихъ колесо». «Царскій гнѣвъ— вѣстникъ смерти, но мудрый человѣкъ умилостивитъ его». «Возмутитель ищетъ только зла; поэтому жестокій ангелъ будетъ посланъ противъ него». «Гроза царя—какбы ревъ льва; кто раздражаетъ его, тотъ грѣшитъ противъ самого себя». «Удали неправеднаго отъ царя, и престолъ его утвердится правдою». Но съ другой стороны «жизнь въ милости царской». Устранивъ враговъ, Соломонъ естественно долженъ былъ оказать особенныя милости своимъ приверженцамъ, и среди нихъ особенно дорогъ ему былъ Верзелій, оказавшій въ свое время неоцѣнимыя услуги Давиду. Кимгамъ, младшій сынъ престарѣлаго галаадитянина, причисленъ былъ ко

двору и допущенъ былъ къ царскому столу и, повидимому, получилъ въ даръ участокъ изъ наслѣдственныхъ имѣній Давида. Онъ былъ родоначальникомъ дома, потомки котораго занимали выдающееся положеніе даже и во времена Ездры. Онъ основалъ въ Виѳлеемѣ гостиницу или караванъ-сарай, который былъ извѣстенъ по его имени и столѣтія спустя. Устроеніе этого караванъ- сарая быть можетъ было вызвано торговыми предпріятіями Соломона, но, столѣтія спустя, онъ послужилъ и для болѣе высокой цѣли: въ ясляхъ этой именно гостинницы родился божественный «Сынъ Давидовъ»— Христосъ.

Затѣмъ Соломону оставалось лишь упрочить свою власть надъ всѣми соподчиненными народами, и достигнувъ этого послѣ незначительныхъ усилій, онъ явился наконецъ въ истинномъ своемъ достоинствѣ—мирнаго царя, слава котораго заключалась по преимуществу во внутреннемъ благоустроеніи государства, достигшаго именно при немъ высшаго блеска, величія и богатства.

Только что пережитыя треволненія, однако же, должны были показать Соломону, съ какими трудностями предстояло ему бороться во время царствованія и какъ недостаточенъ былъ бы его собственный разумъ для управленія великимъ государствомъ. Поэтому онъ, воспитанный подъ благотворнымъ вліяніемъ пророка Наѳана, естественно долженъ былъ обратиться за высшею помощью, и рѣшилъ возблагодарить Господа-Бога торжественнымъ жертвоприношеніемъ. Для этой цѣли онъ въ торжественномъ шествіи отправился въ Гаваонъ, находившійся верстахъ въ десяти отъ Іерусалима, и тамъ, на жертвенникѣ при старой скиніи, принесъ огромную жертву въ тысячу всесожженій. И въ это-то время въ Гаваонѣ Господь явился Соломону во снѣ ночью. Въ это время мы уже не видимъ, чтбы воля Божія испрашивалась чрезъ уримъ и туммимъ. Поэтому общеніе съ Богомъ происходило или чрезъ пророковъ, или чрезъ сонное видѣніе. Такъ какъ пророческая дѣятельность знаменитыхъ пророковъ Наѳана и Гада въ это время, видимо, уже закончилась, а новыхъ пророковъ не выступало, то единственнымъ средствомъ общенія съ Богомъ оставались сновидѣнія. И вотъ въ одномъ такомъ сновидѣніи Богъ предложилъ Соломону просить отъ Него, что только ему нужно. Соломонъ, согласно со всѣмъ направленіемъ своего характера, попросилъ того, въ чемъ онъ особенно нуждался, именно мудрости въ управленіи царствомъ. Онъ былъ лишь «ма-

лымъ ребенкомъ» и отнюдь не могъ равняться съ своимъ отцомъ Давидомъ — знаменитымъ воиномъ, пѣснопѣвцемъ, государственнымъ мужемъ и царемъ воспитывавшимся въ теченіе долгихъ и разнообразныхъ испытаній жизни. Израиль возросъ въ могущественный и безчисленный народъ, и поэтому Соломонъ просилъ именно разума, чтобы быть въ состояніи, при своихъ судебныхъ дѣлахъ, различать между добромъ и зломъ. Просьба эта оказалась благоугодною Богу, такъ какъ она была благородна и чужда всякаго эгоизма. Человѣкъ менѣе возвышеннаго ума могъ бы попросить богатства, славы, успѣховъ на войнѣ или долголѣтія; но Соломонъ стоялъ выше этого, и поэтому Богъ, въ награду ему за это благородное настроеніе, обѣщалъ ему въ необычайной степени даръ мудраго и разумнаго сердца, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему и то, чего онъ не просилъ, именно богатство и славу. Юный царь такимъ образомъ торжественно выступилъ въ качествѣ человѣка, который искалъ прежде всего царствія Божія и правды его, а потому и остальное все приложилось ему. «И сказалъ ему Богъ: зато, что ты просилъ этого, а не просилъ себѣ долгой жизни, не просилъ себѣ богатства, не просилъ себѣ душъ враговъ твоихъ, но просилъ себѣ разума, чтобы умѣть судить,—вотъ Я сдѣлаю по слову твоему. Вотъ я даю тебѣ сердце мудрое и разумное, такъ что подобнаго тебѣ не было прежде тебя и послѣ тебя не возстанетъ подобно тебѣ. И то, чего ты не просилъ, Я даю тебѣ—и богатство, и славу, такъ что не будетъ подобнаго тебѣ между царями во всѣ дни твои, и если будешь ходить путемъ Моимъ, сохраняя уставы Мои, какъ ходилъ отецъ твой, Давидъ, Я продолжу и дни твои». Отъ радостнаго волненія юный царь проснулся и увидѣлъ, что это было лишь сновидѣніе, но сновидѣніе глубоко знаменательное, возродившее всю его духовную жизнь. Въ благодарность за это чудесное видѣніе Соломонъ, возвратившись изъ Гаваона къ жертвеннику, на горѣ Сіонѣ, принесъ новое жертвоприношеніе и благодареніе и сдѣлалъ великій пиръ для всѣхъ своихъ приближенныхъ и слугъ. Вскорѣ затѣмъ ему представился и случай доказать свою мудрость въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Когда онъ, по обычаю своего времени, занимался у городскихъ воротъ разборомъ судебныхъ дѣлъ, къ нему пришли двѣ женщины, которыя принесли съ собою двухъ младенцевъ: одного живаго, а другаго—мертваго, и каждая изъ нихъ старалась доказать, что живой принадлежитъ именно ей. Дѣло было, очевидно, запутанное, и его

трудно было рѣшить простымъ способомъ судебнаго слѣдствія. Но Соломонъ сразу же рѣшилъ его своею мудростью. Одному изъ воиновъ онъ приказалъ разсѣчь живаго ребенка на двое и отдать по половинкѣ каждой изъ женщинъ. Тогда одна изъ женщинъ съ раздирающимъ сердцемъ закричала: «о, господинъ мой! отдайте ей этого ребенка живаго и не умерщвляйте его». Это восклицаніе само по себѣ рѣшило вопросъ, кому именно принадлежалъ ребенокъ; царь тотчасъ же постановилъ рѣшеніе: «отдайте этой живое дитя и не умерщвляйте его; она его мать».

Но слава мудрости Соломоновой основывалась еще и на болѣе богатыхъ и обширныхъ дарованіяхъ, чѣмъ эта быстрая практическая сообразительность. Богъ далъ ему мудрость въ высшемъ значеніи этого слова. Мудростью славились и окружающія страны: Египетъ, Аравія и Халдея, но ни одна изъ этихъ странъ не произвела людей, которые бы ученостью и прозорливостью могли равняться съ Соломономъ. Онъ превосходилъ всѣхъ сыновъ востока, и священный историкъ, описывающій царствованіе Соломона, едва находитъ достаточно словъ для изображенія этой мудрости. «И далъ Богъ Соломону,—говоритъ онъ,—мудрость и весьма великій разумъ, и обширный умъ, какъ песокъ на берегу моря; и была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сыновъ востока и всей мудрости Египтянъ. Онъ былъ мудрѣе всѣхъ людей и имя его было въ славѣ у всѣхъ окрестныхъ народовъ». Отъ своего отца онъ наслѣдовалъ даръ поэтическаго вдохновенія, которое, вмѣстѣ съ его личною мудростью, проявилось въ томъ, что онъ изрекъ три тысячи притчей и тысячу пять пѣсней. Вмѣстѣ съ тѣмъ его любознательный умъ отдался изслѣдованію природы, такъ что и въ области естествознанія онъ поражалъ современниковъ обширностью и глубиною своихъ познаній: «и говорилъ о деревахъ, отъ кедра, что въ Ливанѣ, до иссопа, выростающаго изъ стѣны; говорилъ о животныхъ, и о птицахъ, и о пресмыкающихся, и о рыбахъ», то-есть, однимъ словомъ, обладалъ знаніями по всѣмъ отдѣламъ естествознанія,—знаніями, которыми онъ, очевидно, дѣлился съ окружающими, постоянно бесѣдуя съ ними объ этихъ предметахъ. Сочетаніе такихъ необычайныхъ дарованій и обширныхъ познаній въ юнѣйшемъ царѣ естественно дѣлали его чудомъ своего вѣка. «И приходили отъ всѣхъ народовъ послушать мудрость Соломона, отъ всѣхъ царей земныхъ, которые слышали о мудрости его».

Упрочивъ, такимъ образомъ, за собою престолъ, Соломонъ, слѣдуя обычной политикѣ восточныхъ царей, долженъ былъ позаботиться объ укрѣпленіи своего положенія брачными связями съ царскими родами окружающихъ государствъ. Съ Финикіей онъ находился уже въ чрезвычайно дружественныхъ отношеніяхъ, перешедшихъ къ нему, такъ сказать, по наслѣдству отъ Давида, и эти отношенія не требовали какихъ-либо особенныхъ заботъ, такъ какъ они обезпечивались взаимными существенными потребностями этихъ двухъ странъ, причемъ Израильское государство, какъ земледѣльческое, служило житницей для Финикіи, а Финикія, какъ страна промышленно-торговая, могла снабжать и израильтянъ и царя ихъ высшими произведеніями цивилизаціи. Оставалось поэтому установить подобное же отношеніе къ Египту, такъ какъ фараоны этой страны не прочь были дѣлать нашествія на сосѣднія страны и, такимъ образомъ, могли подвергать и Израильское царство не только безпокойствамъ, но и опасности. Для устраненія этой опасности Соломонъ нашелъ возможнымъ породниться съ Египтомъ, женившись на дочери фараона, который, самъ явившись съ войскомъ въ Іудѣю, взялъ важный городъ Газеръ и подарилъ его своему зятю, какъ бы въ качествѣ приданаго за дочерью. Женитьба эта видимо совершилась еще въ первые годы царствованія, и преданіе обстоятельно передавало о подробностяхъ этой свадьбы, заявляя между прочимъ, что царица-мать собственными руками возложила брачный вѣнецъ на голову своего еще юнаго сына. Эта великолѣпная связь, равной которой еще не заключалъ ни одинъ изъ израильскихъ правителей и царей, придала Соломону еще болѣе величія и славы въ глазахъ окружающихъ народовъ. Тесть его, вѣроятно, былъ фараономъ двадцать первой, такъ называемой Танитской, династіи, которая впрочемъ къ тому времени уже находилась въ упадкѣ своего могущества, такъ какъ къ концу царствованія Соломона власть перешла уже въ руки новой династіи, основателемъ которой былъ Шишакъ или Сусакимъ I. Поэтому тестемъ Соломона, по всей вѣроятности, былъ одинъ изъ послѣднихъ двухъ царей Танитской династіи — или Пинотемъ I, или его сынъ, Писевханъ,—вѣроятнѣе первый, такъ какъ Писевханъ царствовалъ только четырнадцать лѣтъ и съ нимъ прекратилась Танитская династія. О дочери фараона мы знаемъ очень немного. Извѣстно только, что отъ нея Соломонъ не имѣлъ дѣтей, и она вѣроятно скончалась

раньше постыднаго умноженія имъ своего гарема. Сдѣлалась ли она прозелиткой іудейства—мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ она не склонила Соломона къ построенію храма какому-либо божеству египетскому. Тѣмъ не менѣе, народная совѣсть никогда совершенно не примирялась съ этимъ уклоненіемъ отъ древнихъ теократическихъ преданій. «Когда Соломонъ женился на дочери фараона,—говоритъ Талмудъ,—архангелъ Гавріилъ сошелъ съ неба и поставилъ гростинку въ морѣ. Около нея образовалась песчаная медь, и на ней впослѣдствіи построенъ былъ городъ Римъ». Смыслъ этого сказанія очевидно тотъ, что въ моментъ заключенія именно этого брака начался рядъ событій, которыя впослѣдствіи, спустя нѣсколько столѣтій, привели Израильскій народъ къ гибели отъ римлянъ, обратившихъ Іерусалимъ и храмъ въ груду развалинъ.

Но важнѣе внѣшняго величія было то, въ какомъ именно направленіи новый царь поведетъ свое государство. Дѣятельность завоевательная была чужда духу народа, такъ что и его великія пріобрѣтенія были результатомъ скорѣе оборонительныхъ, чѣмъ наступательныхъ войнъ. Новое положеніе народа, однако же, дѣлало для него невозможнымъ сохранять простоту прежняго времени. Рожденный въ пурпурѣ и, слѣдовательно, привыкшій къ царственному величію съ самаго дѣтства; одаренный высокими умственными способностями; будучи человѣкомъ пламенной и впечатлительной натуры; любя блескъ и великолѣпіе и въ то же время заботясь о развитіи благосостоянія своего народа; благоговѣйно относясь къ Богу, хотя и не имѣя глубокихъ духовныхъ испытаній своего отца, Соломонъ естественно долженъ былъ усовершенствовать то, что начато было Давидомъ; но при этомъ онъ, конечно, не могъ не обнаружить и такихъ дѣйствій, которыя должны были составлять личную особенность его царствованія. Не имѣя никакой наклонности къ завоевательной дѣятельности, въ которой онъ къ тому же не нашелъ бы сочувствія въ своихъ подданныхъ. Соломонъ обратился къ менѣе громкимъ, но гораздо болѣе прочнымъ побѣдамъ мира. Прежде всего, однако же, онъ долженъ былъ позаботиться объ укрѣпленіи своего государства, и на это требовалось не мало труда и времени. Не только Іерусалимъ, но и вся земля, съ ея двѣнадцатью удѣлами, была защищена множествомъ крѣпостей, и одна крѣпость была построена даже въ Ливанѣ для того, чтобы командовать торговою и военною дорогою въ Дамаскъ. При этомъ царь не ограничивался

простыми внѣшними укрѣпленіями. Вопреки всѣмъ прежнимъ обычаямъ, онъ ввелъ въ свое войско колесницы и конницу, дотолѣ почти совершенно неизвѣстныя израильскому народу. Въ то время коннозаводствомъ особенно славился Египетъ, и это обстоятельство, равно какъ и женитьба Соломона, естественно направили его мысли въ страну своего тестя. И вотъ, въ самомъ Іерусалимѣ появились египетскія колесницы, которыя прославились по всей землѣ. Изъ Египта было вывезено 1,400 колесницъ, съ полною упряжью и лошадьми, и кромѣ того 12,000 кавалерійскихъ коней, и это ядро конницы было распредѣлено въ видѣ отдѣльныхъ отрядовъ частью въ столицѣ, частью въ другихъ укрѣпленныхъ городахъ страны. Для нихъ устроены были даже громадныя конюшни съ чисто царскимъ великолѣпіемъ. Но хотя Соломонъ и могъ думать, что онъ такимъ образомъ усиливалъ государство, однако же такое подражаніе языческимъ учрежденіямъ не замедлило вызвать протестъ со стороны пророковъ и представителей древнихъ началъ теократіи, хотя голосъ ихъ, въ виду общаго благоденствія народа, сначала и не имѣлъ особенно большаго вліянія.

Доселѣ израильтяне не имѣли никакой внѣшней торговли, да и вообще очень мало занимались ею даже внутри страны; но новыя отношенія, въ которыя государство стало къ Финикіи, скоро дали поводъ Соломону позаботиться и о созданіи и развитіи торговой дѣятельности въ своихъ владѣніяхъ, и не только для своихъ собственныхъ личныхъ интересовъ, но и для всего своего народа. И вотъ, именно благодаря ему, въ израильскомъ народѣ народился тотъ торговый духъ, который сдѣлался впослѣдствіи отличительною его особенностью, и Соломонъ именно началъ развивать въ этомъ народѣ ту промышленность, изворотливость и практическую мудрость, которыми онъ сталъ отличаться съ этого времени. Доселѣ израильтяне были главнымъ образомъ народомъ земледѣльческимъ, хотя еще во времена Деворы были уже признаки появленія роскоши въ домахъ тѣхъ немногихъ лицъ, которыя начали заниматься торговыми дѣлами. Принятыя при этомъ Соломономъ мѣры были въ высшей степени мудры и великодушны. Такъ какъ большія военныя и торговыя дороги въ Вавилонъ и Ассирію находились въ его рукахъ, такъ что онъ получалъ возможность управлять всѣмъ торговымъ движеніемъ, происходившимъ между Евфратомъ и Ниломъ, то онъ построилъ на наиболѣе выгодныхъ мѣстахъ города, сдѣлавшіеся

центрами торговли и складочными пунктами товаровъ для продажи,—прибѣгнувъ при этомъ очевидно къ системѣ, издавна существовавшей въ Египтѣ. Эти города главнымъ образомъ находились въ сѣверной части государства, гдѣ происходили особенно оживленныя сношенія съ другими народами, равно какъ и въ новой области, отвоеванной у Ифама. Чтобы примкнуть свой народъ къ великому торговому движенію и, такъ сказать, захватить торговлю Египта и Финикіи въ Западной Азіи, Соломонъ основалъ Ѳадморъ, впослѣдствіи извѣстный подъ названіемъ Пальмиры, въ удачно избранномъ оазисѣ въ пустынѣ, верстахъ въ 200 отъ Средиземнаго моря, на одной линіи съ Триполисомъ, въ Сиріи, гдѣ эта колонія продолжала процвѣтать въ теченіе болѣе тысячелѣтія, именно благодаря своему выгодному положенію и многочисленнымъ источникамъ вокругъ. Въ чемъ именно состояла торговля, производившаяся этимъ путемъ, въ точности трудно сказать, но во всякомъ случаѣ она была весьма оживленною. Египетъ въ то время славился производствомъ коней, отличавшихся необычайнымъ ростомъ и силою, и эти кони находились въ большомъ спросѣ въ окружающихъ странахъ у хеттейскихъ и сирійскихъ царей. Но такъ какъ ключъ къ этой торговлѣ находился въ рукахъ Соломона, пока онъ оставался въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Египтомъ, то онъ, предоставляя особенныя льготы своему народу, въ то же время самъ получалъ богатые доходы съ пошлинъ, взимавшихся съ каждой проданной лошади и колесницы. Но торговые пункты и города были бы мало полезны при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія между ними. Поэтому царь позаботился о построеніи новыхъ дорогъ, которыя проведены были изъ Іерусалима на сѣверъ и на югъ, такъ что по этимъ дорогамъ могли производиться удобныя сношенія изъ всякой части Палестины съ сосѣдними странами. Іосифъ Флавій говоритъ, что дороги эти были тщательно вымощены чернымъ базальтомъ; но такъ какъ библейская лѣтопись ничего не сообщаетъ объ этомъ, то можно думать, что дороги эти представляли собою просто расчищенные отъ камней пути, что, конечно, дѣлало движеніе по нимъ сравнительно удобнымъ и легкимъ.

Простая сухопутная торговля, однако же, не могла удовлетворить предпріимчивый духъ Соломона. Подстрекаемый примѣромъ финикіянъ, онъ рѣшился приступить и къ внѣшней торговлѣ моремъ. Торговля на водахъ Средиземнаго моря находилась въ ру-

кахъ Финикіи, которая, даже и столѣтія спустя, столь ревностно противодѣйствовала всѣмъ попыткамъ нарушить его монополію въ этомъ отношеніи, что это впослѣдствіи повело даже къ страшному столкновенію съ римлянами, имѣвшему своимъ послѣдствіемъ разрушеніе знаменитой финикійской колоніи Карѳагена. Первая Пуническая война вызвана была именно рѣшимостью финикіянъ не допускать Римъ къ участію въ своей торговлѣ на водахъ Средиземнаго моря. Считая себя полными господами этого моря, финикійскіе моряки изъ Тира и Сидона свободно плавали по всѣмъ его берегамъ и островамъ, проникая вплоть до крайняго порта Ѳарсиса,—извѣстной цвѣтущей финикійской колоніи въ Испаніи, находившейся, какъ сказано выше, неподалеку отъ устья Тартеса или Гвадалквивира. Чтобы достигнуть этого порта, они должны были проплывать даже Гибралтарскій проливъ, т.-е. заходить дальше знаменитыхъ столбовъ Геркулесовыхъ, и отважно проникать въ таинственную область Атлантическаго океана. Вслѣдствіе такого плаванія, финикійскіе торговые корабли извѣстны были подъ названіемъ кораблей «ѳарсисскихъ», хотя они часто плавали и дальше этого пункта, огибая весь берегъ Испаніи, смѣло проникая въ опасный заливъ Бискайскій и даже достигая южныхъ береговъ Британіи. Но при такомъ ревнивомъ обереганіи монополіи своей морской торговли, какъ могли они допустить Соломона въ качествѣ соперника въ этомъ отношеніи? Въ книгѣ Царствъ сообщается, что у Соломона былъ «корабль ѳарсисскій», вмѣстѣ съ кораблемъ хирамовымъ; но это названіе могло просто относиться къ его черноморской торговлѣ, такъ какъ названіе «ѳарсисскій корабль» вообще прилагалось къ кораблямъ извѣстной формы. Тѣ товары, которые привозились на этомъ ѳарсисскомъ кораблѣ, повидимому, шли не изъ Испаніи, и притомъ плаваніе его обыкновенно продолжалось три года, между тѣмъ какъ для достиженія Тартеса требовалось гораздо меньше времени. Въ книгѣ Паралипоменъ говорится, что «корабли царя ходили въ Ѳарсисъ съ слугами Хирама и привозили золото и серебро, слоновую кость, обезьянъ и павлиновъ». Эти предметы привоза, опять указываютъ на то, что здѣсь разумѣется не испанская колонія. Вообще трудно предположить, чтобы такой исключительно морской торговый народъ, какъ финикіяне, допустили на Средиземномъ морѣ такого могущественнаго и опаснаго соперника себѣ. Притомъ кажется совершенно невозможнымъ, чтобы Со-

ломонъ могъ имѣть свой особый флотъ, который ему, по необходимости, пришлось бы содержать въ Тирѣ или Сидонѣ, такъ какъ собственныхъ гаваней на Палестинскомъ берегу Средиземнаго моря у него не было по непригодности берега для подобной цѣли. Отсюда можно предполагать, что здѣсь имѣется въ виду торговое плаваніе на Чермномъ морѣ, гдѣ у Соломона былъ портъ Эціонъ-Геверъ, у сѣвернаго берега залива Акабы, вѣроятно на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ теперь стоитъ жалкая деревушка Акаба. Эціонъ-Геверъ былъ гаванью города Елаѳа, продолжавшаго существовать еще во времена Абулфеды (1300 г.). Хирамъ и его тиряне едва ли могли чувствовать особенную ревнивость касательно торговыхъ предпріятій изъ порта, находившагося совершенно въ сторонѣ отъ нихъ, тѣмъ болѣе, что и самое плаваніе изъ него могло совершаться лишь въ такія страны, которыя въ сущности были недоступны для нихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ финикіяне не прочь были какъ можно лучше воспользоваться тѣми выгодами, которыя предоставлялъ имъ Соломонъ своею торговлею на Чермномъ морѣ, и снабжали его опытными моряками. Соломонъ былъ такъ глубоко заинтересованъ этимъ предпріятіемъ, что лично посѣтилъ Елаѳъ, быть можетъ для того, чтобы присутствовать при спускѣ кораблей.

Объ общемъ характерѣ и объемѣ этого плаванія мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но во время Соломона израильскіе и финикійскіе моряки проникали до отдаленнаго Офира. Было бы скучно и безполезно перечислять различныя мнѣнія касательно мѣста нахожденія этого знаменитаго пункта. Большинство изслѣдователей думаютъ, что онъ находился въ южной Аравіи. Но, съ другой стороны, ученые изслѣдователи теперь вообще начинаютъ склоняться къ мнѣнію, которое отождествляетъ Офиръ съ Абира, т.-е. страной пастуховъ, при устьѣ Инда. Страна эта населена была народомъ, говорившимъ на одномъ изъ санскритскихъ нарѣчій, и фактъ этотъ находитъ замѣчательное подтвержденіе въ томъ, что товары, привозившіеся на корабляхъ Соломоновыхъ, всѣ индійскаго происхожденія и самыя имена, которыя даются имъ, представляютъ собою санскритскія слова, хотя и видоизмѣненныя въ произношеніи. Легко себѣ представить, какъ жители возрождавшагося востока были наполнены изумленіемъ, когда въ первый разъ они

увидѣли употребленіе великолѣпной слоновой кости для мебели и драгоцѣнныхъ и рѣдкихъ деревьевъ для различныхъ дорогихъ построекъ. Нѣкоторые предполагали, что ѳарсисскіе корабли Соломона отправлялись изъ Яффы, совершали круговое плаваніе вокругъ Африки и затѣмъ проникали на острова, лежащіе по близости къ берегамъ Индіи. Но если вообще они проникали до о. Цейлона, то вѣрнѣе предположить, что они направлялись прямо изъ Эціонъ-Гевера чрезъ проливъ Бабельмандебскій. Финикійскіе корабли едва ли осмѣлились бы совершить плаваніе вокругъ опаснаго «Саро tormentoso», которому лишь счастливый оптимизмъ короля Іоанна Португальскаго придалъ названіе «мыса Доброй Надежды». Но трехлѣтній періодъ времени, употреблявшійся кораблями Соломона на это плаваніе изъ Чермнаго моря, представлялъ совершенно достаточное время для того, чтобы эти корабли могли посѣтить берега Индіи, и хотя, конечно, не невозможно, чтобы упомянутыя произведенія могли получаться и изъ болѣе близкихъ мѣстъ, но во всякомъ случаѣ есть достаточная вѣроятность въ пользу того, что корабли Соломоновы съ ихъ финикійскими и израильскими матросами проникали до устьевъ Инда, къ которому золото и драгоцѣнности свозились съ сѣвера, а сандальное дерево, обезьяны и павлины—изъ южной и центральной Индіи. Въ этомъ самомъ мѣстѣ мы находимъ мѣстечко, которое Птоломей называетъ «Абирія», а индійскіе географы—«Абирой», и гдѣ новѣйшіе путешественники находятъ еще племя «Агировъ»—по всей вѣроятности, потомковъ народа, который велъ торговлю съ Хирамомъ и Соломономъ своими драгоцѣнными товарами. Мнѣніе это весьма древнее. Въ переводѣ «семидесяти» Офиръ называется «Софиръ», а Софиръ есть коптское названіе Индіи. Арабскіе переводы также передаютъ слово «Офиръ» словомъ «Индія» [1]). І. Флавій отождествлялъ его также съ золотымъ Херсонесомъ, т.-е. Малайскимъ полуостровомъ. Эти данныя съ достаточностью опредѣляютъ направленіе торговаго флота Соломона. Во всякомъ случаѣ, это пунктъ отдаленный, и морякамъ Соломоновымъ приходилось испытывать всѣ опасности и ужасы океанскаго плава-

---

[1]) Въ Вульгатѣ одно мѣсто въ книгѣ Іова XXVIII, 16, именно: «не оцѣнивается она (премудрость) золотомъ Офирскимъ» передано словами: «non conferetur tinctis Indiae coloribus».

нія. Отголоски его можно находить въ тѣхъ псалмахъ, въ которыхъ описываются опасности океана, какъ, напр., въ слѣдующемъ:

«Отправляющіеся на корабляхъ въ море,
Производящіе дѣла на большихъ водахъ,
Видятъ дѣла Господа и чудеса Его въ пучинѣ.
Онъ речетъ—и возстаетъ бурный вѣтеръ,
И высоко поднимаетъ волны его;
Восходитъ до небесъ, нисходитъ до бездны;
Душа ихъ истаеваетъ въ бѣдствіи.
Они кружатся и шатаются, какъ пьяные,
И вся мудрость ихъ исчезаетъ.
Но воззвали къ Господу въ скорби своей,
И Онъ вывелъ ихъ изъ бѣдствія ихъ.
Онъ превращаетъ бурю въ тишину,
И волны умолкаютъ,
И веселятся, что онѣ утихли,
И Онъ приводитъ ихъ къ желаемой пристани» [1]).

Но эта морская торговля не была единственнымъ источникомъ дохода и благосостоянія Соломона съ его народомъ. Подчиненные ему народы и племена, отъ рѣки Египетской и до Евфрата, и отъ Сиріи до Чермнаго моря, платили ежегодно опредѣленную дань, а ихъ цари и начальники, согласно съ восточнымъ обычаемъ, ежегодно присылали богатые дары въ Іерусалимъ, какъ выраженіе своего почтенія, сосуды и вазы изъ серебра и золота, богатыя одежды и плащи, драгоцѣнное оружіе и доспѣхи, благовоніе и великолѣпнѣйшихъ коней и муловъ. Такого богатства еще никогда не видано было въ Израилѣ, и оно уже никогда не возвращалось послѣ Соломона. Серебро, по свидѣтельству священнаго лѣтописца, сдѣлалось столь же обычнымъ въ Іерусалимѣ, какъ камни, и дорогое кедровое дерево замѣнило обыкновенный сикаморъ, хотя раньше оно употреблялось только на построеніе великолѣпныхъ дворцовъ. Наконецъ, главнѣе всего, по всей странѣ царствовалъ миръ; всякій гражданинъ въ довольствѣ и безопасности обиталъ подъ своей смоковницей, на всемъ протяженіи страны отъ Дана до Вирсавіи. Благодаря этому, населеніе быстро умножалось, сдѣлалось какъ песокъ морской и проводило свои дни въ довольствѣ и радости.

---

[1]) Пс. CVI, 23—30.

При такомъ состояніи царь имѣлъ полную возможность приступивъ къ исполненію главнаго завѣщанія своего великаго отца, т.-е. къ построенію храма, что онъ и сдѣлалъ на четвертомъ году своего царствованія.

ГЛАВА XXI.

ХРАМЪ СОЛОМОНОВЪ.

Будучи вполнѣ обезпеченъ отъ всякихъ внѣшнихъ опасностей и обладая громаднымъ богатствомъ, какъ вслѣдствіе унаслѣдованія сбереженій своего отца, такъ и собственныхъ пріобрѣтеній, Соломонъ рѣшился уже въ самомъ началѣ своего царствованія исполнить главное завѣщаніе Давида, именно о построеніи храма Богу Всевышнему. Средствъ для этого имѣлось совершенно достаточно. Давидъ оставилъ Соломону, какъ говорится въ 1 Паралип. XXII, 14 и XXIX, 4, сто тысячъ талантовъ золота и тысячу тысячъ талантовъ серебра. При настоящей цѣнности этихъ металловъ, это составило бы около 15-ти милліардовъ рублей. Эта огромная сумма, впрочемъ, получается въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть въ виду талантъ собственно іудейскій. Но книга Паралипоменовъ, въ которй даются эти цифры, была написана послѣ плѣна Вавилонскаго, и нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ за вѣроятное, что здѣсь разумѣется талантъ халдейскій. Въ виду этого, означенную сумму нужно уменьшить на половину. Но если у священнаго писателя разумѣется талантъ сирійскій, то въ такомъ случаѣ означенная сумма должна быть низведена еще ниже. Въ 3 кн. Царс. X, 14 говорится, что Соломонъ въ теченіе одного года получилъ доходу, кромѣ доходовъ отъ внутренней торговли, 666 талантовъ, что составитъ около 25 милліоновъ рублей; изъ нихъ флотъ, плававшій въ Офиръ, привезъ, послѣ одного плаванія, 450 талантовъ, что составитъ около 18 милліоновъ рублей; послѣ другаго плаванія онъ привезъ ему 420 талантовъ, что составитъ около 15 милліоновъ. Затѣмъ отъ царицы Савской былъ полученъ даръ въ 120 талантовъ, т.-е. около $4^1/_2$ милліоновъ рублей, и такую же сумму Соломонъ получилъ отъ тирскаго царя Хирама. Эти суммы даютъ лишь приблизительное представленіе о богатствѣ, находившемся въ распоряженіи Соломона; но онѣ съ очевидностью показываютъ, что Соломонъ располагалъ

весьма достаточными средствами для исполненія завѣщаннаго ему Давидомъ предпріятія.

Іудейское преданіе впослѣдствіи приняло множество самыхъ преувеличенныхъ представленій касательно храма Соломонова. Но если мы даже будемъ держаться только наиболѣе трезвыхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, то они докажутъ намъ, что хотя этотъ храмъ былъ небольшихъ размѣровъ, онъ однако же составлялъ нѣкотораго рода чудо для своего вѣка. Одни подвальныя зданія заслуживаютъ того, чтобы поставить ихъ рядомъ съ знаменитой Cloaca Maxima въ Римѣ и другими изъ величайшихъ сооруженій древности. Мѣстомъ построенія была избрана гора Моріа, которая считалась священною уже вслѣдствіе того, что преданіе считало ее тою именно горою, на которой Авраамъ намѣревался принести Исаака въ жертву. Она лежала къ сѣверо-востоку отъ горы Сіона. Въ послѣднее время она получила еще больше священнаго характера вслѣдствіе видѣнія Давидомъ ангела, который съ этой именно горы простеръ свой истребительный мечъ на Іерусалимъ во время свирѣпствовавшей язвы. Жертвенникъ, вздвигнутый Давидомъ въ воспоминаніе избавленія Іерусалима отъ язвы, обозначалъ самое мѣсто будущаго храма, который иначе могъ бы быть построенъ на болѣе выдающихся высотахъ горы Елеонской. Но съ выборомъ этого мѣста связывались большія затрудненія. Склоны холма были весьма круты, вершина его скалиста и не имѣла достаточнаго объема для переднихъ дворовъ храма. Все святилище съ его двумя передними дворами предполагалось сдѣлать въ видѣ большаго квадрата, который, какъ можно судить изъ замѣчаній пророка Іезекіиля, долженъ былъ имѣть по пяти сотъ шаговъ въ длину и ширину [1]). Эти дворы приходилось поддерживать громадными стѣнами, которыя отчасти сохранились до настоящаго времени, несмотря на опустошительныя военныя бури, проносившіяся надъ священнымъ городомъ. Самыя раннія изъ нихъ, именно находящіяся съ восточной стороны, несомнѣнно составляютъ произведеіе самого Соломона, хотя большія пристройки были сдѣланы Іоасомъ и другими позднѣйшими царями, пока не закончены были всѣ четыре стороны, вслѣдствіе чего первоначальная площадь вершины была весьма значительно расширена. Громадныя глыбы гладкаго и рѣзнаго камня, изъ которыхъ иныя достигаютъ

) Іезек. XLII, 15—20, XLV, 2.

30 футовъ длины и 7 футовъ высоты и вѣсящія болѣе 100 тоннъ, были обработаны въ прекраснѣйшемъ стилѣ циклопической архитектуры и составляютъ предметъ изумленія для всякаго путешественника. Эти стѣны были изумительной высоты. Часть древней стѣны и теперь возвышается на 30 фут., но новѣйшій изслѣдователь (капитанъ Ворренъ) открылъ, что даже еще болѣе значительная часть ея лежитъ закрытою подъ вѣковымъ мусоромъ, подъ почвою девятнадцать разъ бравшагося приступомъ города. Камень частью высѣкался изъ тѣхъ глубокихъ каменоломень и пещеръ, надъ которыми построенъ Іерусалимъ. Требовавшіеся при этомъ чрезвычайно объемистыя цистерны и подземные ходы приходилось высѣкать также изъ цѣльной скалы, и они служили для спуска и проровъ отъ накоплявшейся тамъ, вслѣдствіе многочисленныхъ жертвоприношеній, крови.

При самомъ началѣ своихъ приготовленій, Соломонъ принялъ посольство отъ Хирама, царя тирскаго, который всегда находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Давидомъ и на дочери котораго Соломонъ, по преданію, былъ женатъ. Хирамъ, какъ мы узнаемъ изъ одного, сохраненнаго І. Флавіемъ, свидѣтельства Менандра Ефесскаго, былъ сынъ царя Авиваала и наслѣдовалъ престолъ отъ своего отца въ ранней юности, въ 1001 г. до Рожд. Хр. Онъ уже царствовалъ одиннадцать лѣтъ, когда Соломонъ, бывшій царемъ всего только три года, вошелъ съ нимъ въ тѣсное отношеніе. Союзъ его былъ въ высшей степени важенъ для будущей торговли израильскаго народа, и онъ только дѣлалъ возможнымъ тѣ великолѣпныя постройки, которыми теперь начиналъ украшаться Іерусалимъ. Онъ царствовалъ 34 года и умеръ 53 лѣтъ отъ роду. Ему наслѣдовалъ сынъ его Балеазаръ и его внукъ Авдастартъ, и затѣмъ, послѣ различныхъ кровавыхъ переворотовъ, престолъ былъ захваченъ Еѳваломъ, жрецомъ Астарты, отцемъ знаменитой въ своемъ родѣ Іезавели. Текстъ греческихъ переводчиковъ говоритъ, что онъ послалъ своихъ слугъ «помазать» Соломона, что, очевидно, указываетъ на желаніе Хирама оказать особенную честь своему сосѣду, Соломону, и во всякомъ случаѣ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, какой тѣсный союзъ существовалъ между царями, которые первые возвели Тиръ и Іерусалимъ на вершину ихъ славы и блеска.

Соломонъ, радушно принявъ предложенную ему дружбу тир-

скаго царя, воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы найти полезнаго помощника въ совершеніи великаго предпріятія. Соломонъ просилъ его позволить его рабочимъ рубить кедровыя и кипарисовыя деревья на Ливанѣ, и Хирамъ, въ вознагражденіе за ежегодную даровую поставку 20,000 кóровъ пшеницы и ячменя и 20,000 батовъ масла, выразилъ согласіе оказывать ему всякое содѣйствіе. Трудъ предстоялъ огромный. Брусья нужно было передвигать съ высотъ Ливана, посредствомъ особаго техническаго способа, до рѣки и оттуда по рѣкѣ сплавлять къ морю. Отсюда огромные плоты драгоцѣнныхъ брусьевъ сплавлялись моремъ до Іоппіи на пространствѣ 160 верстъ, и затѣмъ, съ чрезвычайно большимъ трудомъ, ихъ нужно было тащить на пространствѣ 55 верстъ по крутымъ и скалистымъ дорогамъ въ Іерусалимъ. Для этихъ работъ потребовалась особая дань, именно «дань людьми» изъ всего Израиля въ количествѣ 30,000, которые партіями по 10,000 работали въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, причемъ одинъ мѣсяцъ проводился ими на Ливанѣ и два дома. Вся эта армія подневольныхъ рабочихъ была отдана подъ начальство Адонирама. Но, кромѣ нихъ, было еще не менѣе 70,000 носильщиковъ и 80,000 камнеломовъ, которые находились подъ вѣдѣніемъ 3,600 должностныхъ лицъ. Эти послѣдніе рабочіе, согласно писателю книгъ Паралип., были крѣпостные рабы изъ неистребленныхъ остатковъ ханаанскихъ племенъ. Въ дѣйствительности, это были какбы илоты Палестины. Будучи оторваны отъ своихъ семействъ на службу для чужаго имъ царя и для труда въ пользу чуждаго имъ богослуженія, они какъ можно думать, работали не съ увлеченіемъ; напротивъ, среди нихъ долженъ былъ слышаться часто глухой ропотъ негодованія, конечно, замиравшій большею частью въ ихъ недовольной груди. Одинъ случайный намекъ показываетъ, что такія крѣпостныя работы были введены въ это время какъ нѣкоторое новшество и однако же сохранены были и на послѣдующее время; такъ именно низшими изъ плѣнниковъ, возвратившихся изъ Вавилона,—низшими даже, чѣмъ неоинимы, потомки гаваонитянъ, которые нѣкогда осуждены были на положеніе «дровосѣковъ и водоносовъ»,—были 392 іеродула или низшихъ служителя, которые назывались «сынами рабовъ Соломоновыхъ»,—и они, очевидно, представляли собою жалкій остатокъ тѣхъ именно крѣпостныхъ, которые, безъ всякаго вознагражденія, несли тяжелыя работы при построеніи храма. Что касается болѣе искусственной

работы, то царю въ этомъ отношеніи пришлось прибѣгнуть къ помощи сидонскихъ художниковъ, среди которыхъ особенно упоминаются гевлиты, жители Гевала или Библоса, находившагося къ сѣверу отъ Берита и ближе всего къ кедровому лѣсу Ливанскому. Пророкъ Іезекіиль, спустя уже нѣсколько вѣковъ, съ восторгомъ говоритъ о мудрости и артистическомъ геніѣ этого финикійскаго населенія (Іезек. XXVII, 9). Даже въ поэмѣ Гомера сидоняне славились приготовленіемъ вышивныхъ работъ и вообще искусствомъ въ ремеслѣ. И Соломонъ просилъ Хирама прислать ему рабочихъ, искусныхъ въ выдѣлкѣ золота и мѣди, въ рѣзьбѣ, гравированіи и крашеніи. Вдобавокъ къ столь многочисленному составу рабочихъ употреблялись еще и другіе рабочіе и художники, занимавшіеся литьемъ бронзы въ глиняныхъ формахъ. Это дѣлалось изъ глинистой почвы Іорданской долины между Сокхоѳомъ и Цартаномъ. Полированіе и обработка бронзы были непосильны искусству израильтянъ, и для всей орнаментальной работы царь долженъ былъ воспользоваться услугами особаго тирскаго художника, по имени Хирама, который, хотя рожденъ былъ въ Тирѣ, но былъ сыномъ женщины изъ колѣна Нефѳалимова, и его художество, подобно художеству Микель-Анджело, повидимому было такъ разнообразно, что обнимало всѣ области артистическаго труда. Но прежде чѣмъ можно было начать эту изящную работу, потребовалось цѣлыхъ три года для обработки самаго матеріала, наготовленнаго для этой цѣли.

Что касается внѣшняго характера архитектуры, принятой для храма, то едва ли можно сомнѣваться, что онъ (за исключеніемъ, конечно, основнаго плана, соотвѣтствующаго устройству скиніи) былъ финикійскій. Какъ въ извѣстныхъ намъ строеніяхъ Тира, такъ и въ храмѣ и во дворцахъ Соломона, характеристическими особенностями были сложенныя изъ огромныхъ камней стѣны, покрытыя кедромъ, древесныя пластины, также покрытыя золотомъ, простота очертаній, массивность структуры зданія, комнаты на подобіе кубовъ, кедровыя балки и верхніе этажи изъ легкой деревянной поддѣлки. Изъ Тира также заимствовано было употребленіе завѣсъ, окрашенныхъ въ пурпурный сокъ рыбы бекасты, равно какъ и краски, получавшіяся изъ багряной улитки, именно кармазинъ, пурпуръ, фіалка и аметистъ, которыя были весьма дороги, потому что для того, чтобы окрасить, напр., 50 фунтовъ шерсти, требовалось не менѣе 300 фунтовъ этихъ улитокъ.

Цѣлые томы написаны касательно храмовъ Соломона и Ирода, но самое разнообразіе взглядовъ между компетентными изслѣдователями положительно доказываетъ, что имѣющіяся у насъ данныя недостаточны для того, чтобы можно было составить болѣе или менѣе точное о нихъ представленіе. Общія измѣренія, правда, довольно достовѣрны, и они сразу же показываютъ намъ, что собственно храмъ представлялъ собою весьма незначительное по размѣрамъ зданіе. Стѣны были очень толсты, и пространство между ними составляло 60 локтей или 105 футовъ въ длину (считая локоть въ 21 дюймъ) отъ востока къ западу и 20 локтей или 35 футовъ въ ширину отъ сѣвера къ югу. Въ высоту главная часть зданія имѣла 30 локтей или 52½ фута. Эти числа показываютъ, что размѣры храма имѣлось въ виду въ точности удвоить противъ размѣровъ древней скиніи, общему плану которой при этомъ тщательно слѣдовали. Правда, тутъ были особыя помѣщенія на крышѣ, которыя, повидимому, составляютъ полное отступленіе отъ древняго образца, но они могли занимать (по аналогіи) пространство, которое находилось въ древней скиніи между ея плоскою кровлею и палаткообразнымъ покровомъ защищавшей ее внѣшней завѣсы. Притворъ также представлялъ собою пространство между дѣйствительнымъ входомъ въ храмъ и мѣстомъ, осѣнявшимся внѣшнимъ покровомъ изъ шкуръ. Этотъ притворъ занималъ пространство по всей ширинѣ зданія и имѣлъ 10 локтей въ глубину отъ востока къ западу. Если цифры, даваемыя авторомъ книгъ Паралип., вѣрны, то онъ вздымался до изумительной и совершенно не пропорціональной высоты въ 120 локтей или 210 футовъ. Такимъ образомъ, онъ былъ въ четыре раза выше самаго остова храма. Цифры эти не упоминаются въ книгѣ Царствъ, въ которой совершенно не говорится, какъ высокъ былъ притворъ. Такой удивительной несоразмѣрности не представляетъ намъ ни одинъ изъ извѣстныхъ въ древности храмовъ, и такъ какъ храмъ Зоровавеля былъ 60 локтей высотою и храмъ Ирода 120 локтей высоты, то возможно, что число это представляетъ нѣкоторую ошибку, сдѣланную переписчиками въ позднѣйшее время. Дѣйствительная высота притвора была, по всей вѣроятности, 30 локтей или 52½ фута, т.-е. той же самой высоты, какъ и самый храмъ. Этого именно и нужно ожидать, потому что такъ именно было и въ скиніи. Можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы авторъ книгъ Паралип. могъ составить свою цифру изъ 30 локтей каждой стороны

притвора, вслѣдствіе чего у него и образовалась цифра въ 120 локтей; но есть нѣкоторое основаніе подозрѣвать его въ этомъ именно необычайномъ пріемѣ. Такъ именно онъ поступаетъ при опредѣленіи крыльевъ херувимовъ. Онъ сначала говоритъ, что крылья были 20 локтей въ длину, и затѣмъ самъ поясняетъ, что каждое крыло было 5 локтей въ длину [1]).

Святая святыхъ было все обложено чистымъ золотомъ, на что пошло изумительное количество въ 600 талантовъ. Какъ и въ скиніи, оно представляло собою совершенный кубъ и все погружено было въ таинственный мракъ. Собственно тутъ не было никакой архитектурной необходимости для лишенія этого помѣщенія свѣта, такъ какъ оно было 20 локтей въ высоту, а три этажа комнатъ, построенныхъ по бокамъ его, имѣли только 15 локтей въ высоту. Такимъ образомъ оставалась возможность для сдѣланія оконъ на пространствѣ послѣднихъ пяти футовъ самой верхней части зданія. Но этотъ свѣтъ нарушилъ бы таинственность самаго помѣщенія, служившаго страшнымъ мѣстомъ пребыванія Іеговы. Да свѣтъ и не нуженъ былъ для этой части храма, такъ какъ во святое святыхъ первосвященникъ входилъ только однажды въ годъ и то только на нѣсколько моментовъ. Съ другой стороны, въ святилищѣ, гдѣ ежедневно приносилось куреніе на золотомъ столѣ и гдѣ священники, по очереди, должны были зажигать и погашать свѣтильники, класть и убирать хлѣбы предложенія, окна были необходимы, какъ для свѣта, такъ и для вентиляціи. Они сдѣланы были здѣсь съ узкими просвѣтами, т.-е. съ крестообразными рѣшетками на пространствѣ 15 футовъ стѣны, поднимавшейся выше храмовыхъ пристроекъ. Двѣ стороны храма были окружены тремя этажами комнатъ. Онѣ называются «боковыми комнатами» (3 Цар. VI, 5) и очевидно шли по всей длинѣ, какъ святилища, такъ и святаго святыхъ. Окружали ли онѣ также и конецъ святаго святыхъ, это кажется сомнительнымъ. Каждый этажъ былъ въ пять локтей высоты. Самый нижній этажъ былъ въ пять локтей ширины, второй въ шесть и третій въ семь. Большая ширина верхняго этажа была возможна вслѣдствіе того, что стѣна была достаточно крѣпка только для допущенія выступовъ въ одинъ или два локтя шириною, на которыхъ покоился кедровый полъ комнатъ безъ всякихъ проемовъ для балокъ въ священ-

[1]) 2 Паралип. III, 11.

номъ зданіи. Винтообразная лѣстница вела въ среднюю комнату средняго этажа и оттуда въ верхній этажъ. Эти комнаты сообщались между собою, и, по свидѣтельству I. Флавія, ихъ было тридцать числомъ. Онѣ были полезны для всевозможныхъ цѣлей. Повидимому, онѣ никогда не служили мѣстомъ жилища, но представляли собою какбы запасныя кладовыя для священническихъ одеждъ и для храненія безчисленныхъ принадлежностей храма. Завѣсы и покровы древней скиніи (о которой мы уже не слышимъ ничего болѣе) вѣроятно, были сложены въ одной изъ тѣхъ, которыя не были пустыми, темными чуланами, а очевидно имѣли и окна наружу. Намъ въ точности нигдѣ не сообщается о числѣ или длинѣ этихъ комнатъ, о которыхъ вообще даже и не упоминается въ 2 кн. Паралип. Пророкъ Іезекіилъ говоритъ: «боковыхъ комнатъ было три, одна надъ другою, и тридцать по порядку». Это, повидимому, означаетъ, что ихъ было всего тридцать по бокамъ храмоваго зданія, кромѣ комнатъ (если только были таковыя) въ концѣ святаго святыхъ. I. Флавій, повидимому, понималъ выраженіе «тридцать по порядку» въ томъ смыслѣ, что это означаетъ трижды тридцать, такъ какъ онъ говоритъ, что такихъ комнатъ было девяносто. Гораздо вѣроятнѣе, что было три этажа по пяти комнатъ съ каждой стороны, такъ что если были комнаты и въ концѣ храма, то всего ихъ могло быть тридцать девять.

Великолѣпіе храма состояло въ драгоцѣнности самыхъ матеріаловъ. Приложены были всѣ усилія къ тому, чтобы построить обитаніе достойное Іеговы, насколько лишь позволяли источники и архитектурныя знанія того времени. Но искусство того времени было еще не высоко, да и источники израильскаго государства были, конечно, весьма ограничены въ сравненіи, напримѣръ, съ источниками богатства Римской или Византійской Имперіи. Извѣстно, что Іустиніанъ, построивъ храмъ св. Софіи, гордо воскликнулъ: «Я побѣдилъ тебя, Соломонъ!» а халифъ Омаръ съ такою же гордостью указывалъ на возведенную имъ въ Іерусалимѣ мечеть, извѣстную подъ названіемъ «дома скалы», говоря: «вотъ, я больше здѣсь, чѣмъ Соломонъ»; но и, кромѣ ихъ, могли подобнымъ же образомъ похваляться и другіе, менѣе могущественные государи.

Чтобы яснѣе представить себѣ самый планъ и общій характеръ храма, вообразимъ себѣ, что представилось бы глазамъ посѣтителя,

которому было бы позволено пройти въ священные дворы и помѣщеніе этого знаменитѣйшаго изъ земныхъ святилищъ.

Пройдя чрезъ тѣсно сплоченные дома левитовъ и притворы, посѣтитель долженъ былъ входить въ храмовые предѣлы черезъ одни изъ многихъ воротъ, упоминаемыхъ въ книгѣ Паралип. и въ другихъ мѣстахъ. Остановившись на внѣшнемъ дворѣ, онъ увидѣлъ бы съ одной стороны храмовой площади рощу деревъ: маслинъ, пальмъ, кедровъ и кипарисовъ, которые увеличивали красоту зданія, но впослѣдствіи служили предметомъ злоупотребленія для идолопоклонническихъ цѣлей. Палаты собранія въ этомъ дворѣ были уже построены въ послѣднее время. На самомъ внѣшнемъ дворѣ не было никакихъ постоянныхъ строеній, но утромъ и вечеромъ онъ былъ переполненъ богомольцами и левитами, ходившими взадъ и впередъ по требованію своего ежедневнаго служенія. Для того, чтобы пройти изъ внѣшняго двора во дворъ, который пророкъ Іеремія (XXXVI, 10) называетъ «верхнимъ дворомъ» и который обыкновенно извѣстенъ подъ названіемъ «двора священниковъ», посѣтитель долженъ былъ подняться по нѣсколькимъ ступенямъ вверхъ въ загородь, построенную изъ трехъ рядовъ тесанныхъ камней, увѣнчанныхъ карнизомъ изъ кедровыхъ балокъ. Здѣсь предъ его глазами открывался великій мѣдній жертвенникъ, который, правда, былъ видѣнъ чрезъ средотѣніе и съ внѣшняго двора. При такомъ устройствѣ имѣлось въ виду то, чтобы народъ, стоявшій во внѣшнемъ дворѣ, могъ видѣть весь порядокъ ежедневныхъ и праздничныхъ богослуженій и жертвоприношеній, которыя совершались за нихъ сынами Аарона. Это было большое сооруженіе, покрытое мѣдью и наполненное внутри землей и камнями. Камни эти запрещено было скрѣплять между собою желѣзомъ, потому что, какъ говоритъ Талмудъ, желѣзо имѣетъ свойство сокращать жизнь, а жертвенникъ долженъ удлинять жизнь. Онъ былъ въ десять локтей вышины и по двадцати локтей въ длину и ширину. Затѣмъ на юго-восточной сторонѣ посѣтитель увидѣлъ бы огромный умывальникъ для постоянныхъ омовеній священниковъ, и онъ считался однимъ изъ прекраснѣйшихъ образчиковъ искусства художника Хирами Нафеалимскаго. Онъ былъ сдѣланъ изъ мѣди и извѣстенъ былъ подъ названіемъ «мѣднаго» или «литейнаго моря». Онъ имѣлъ по тридцати локтей въ длину и ширину и, будучи пяти локтей вышиной, стоялъ на спинахъ двѣнадцати мѣдныхъ воловъ

той же высоты, которые по три были обращены головами къ четыремъ частямъ неба. Въ немъ содержалось до 2,000 батовъ (ведеръ) воды. Края его имѣли форму цвѣтущей лиліи, а подъ краями гирляндой висѣли бронзовыя украшенія въ видѣ дикихъ тыквъ, числомъ до трехсотъ, развѣшанныя въ два ряда. Умывальникъ этотъ служилъ большимъ резервуаромъ для всякихъ потребностей очищенія, а меньшія количества чистой воды могли быть приносимы, гдѣ только они требовались, въ десяти мѣдныхъ котлахъ на колесахъ, изъ которыхъ пять стояли по правую сторону храма и пять по лѣвую. Эти котлы также были украшены всевозможными эмблемами и висячими гирляндами. Можно замѣтить при этомъ, что подъ умывальникомъ скиніи совсѣмъ не было воловъ (Исх. XXXVIII, 8). Еслибы изумленный посѣтитель спросилъ, не составляли эти двѣнадцать мѣдныхъ воловъ нарушенія строгаго смысла второй заповѣди и не находится ли допущеніе такихъ изображеній въ домъ Божій въ явномъ противорѣчіи съ выразительнымъ закономъ Божіимъ, то ему, вѣроятно, на это отвѣтили бы, что самимъ Моисеемъ было допущено изображеніе херувимовъ, бывшихъ символами божественнаго соприсутствія, и что идея херувимовъ предполагала собою четверичную форму вола, орла, льва и человѣка. Однако же такой отвѣтъ не считался строгими іудеями совершенно удовлетворительнымъ. I. Флавій говоритъ, что Соломонъ «погрѣшилъ и впалъ въ заблужденіе въ отношеніи соблюденія законовъ», устроя литое море на волнахъ и воздвигая львовъ на ступеняхъ своего престола.

У насъ имѣется четыре пространныхъ описанія храма Соломонова. Самое древнее и достовѣрное заключается въ третьей книгѣ Царствъ (V—VII). Болѣе позднимъ, но основаннымъ несомнѣнно на раннихъ описаніяхъ и документахъ, является описаніе во 2 кн. Паралип. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе I. Флавія [1]), но оно уже обнаруживаетъ въ себѣ примѣсь всякаго рода раввинскихъ и апокрифическихъ преувеличеній. Четвертое описаніе сохранено Евсевіемъ Кесарійскимъ изъ греческой исторіи Эвполема. О значеніи этого свидѣтельства мы не въ состояніи судить болѣе или менѣе основательно, такъ какъ не знаемъ, изъ какого источника оно заимствовано. Вѣроятно, однако же, что храмъ дѣйствительно стоялъ на особомъ

[1]) Ant. VIII, 3, §§ 7, 8.

возвышеніи; оно и теперь поднимается на 16 футовъ надъ уровнемъ почвы, въ центрѣ которой лежитъ скала Сахара, давшая названіе «дома скалы» мечети Омара. Храмъ Ирода, по свидѣтельству мишны, былъ вполнѣ построенъ на воздвигнутыхъ аркахъ. Мы знаемъ, что внутри храма не было ничего каменнаго; все было изъ золоченыхъ кедровъ, покрытыхъ разнообразно рѣзьбою маслинъ и кипарисовъ укашенныхъ по мѣстамъ пурпурными и расшитыми занавѣсями. Но каковъ былъ внѣшній видъ храма, «этой радости всей земли»? Странно сказать, что всѣ существующія у насъ свидѣтельства о немъ не даютъ намъ въ этомъ отношеніи никакихъ указаній. Въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ раввиновъ мы имѣемъ восторженныя и въ высшей степени фантастическія описанія внѣшняго вида третьяго храма, но даже и эти описанія слишкомъ неопредѣленны для того, чтобы можно было составить какое-либо болѣе или менѣе ясное представленіе. Внѣшность храма Соломонова и его общій видъ оставлены почти совсѣмъ безъ описанія. Мы знаемъ, что при немъ былъ богатый украшенный притворъ, но не знаемъ даже съ достовѣрностью, было ли это зданіе покрыто одною сплошною кровлею, или снаружи, какъ и внутри, святое святыхъ имѣло болѣе низкую кровлю. Мы не знаемъ, была ли кровля плоская или, какъ говорятъ раввины, хребтообразная. На вершинѣ ея, повидимому, имѣлось нѣсколько золоченыхъ верхнихъ комнатъ. Не можетъ быть никакого разумнаго сомнѣнія въ томъ, что кровля древней скиніи поднималась хребтообразно, такъ какъ иначе внѣшнія кожи опускались бы внизъ и налегали на завѣсы, которыя, въ случаѣ дождеваго ливня, могли бы совершенно прорваться. Храмъ, правда, былъ покрытъ брусьями и кедровыми досками, но еслибы они не были сдѣланы наклономъ въ обѣ стороны или не поддерживались бы столбами, то было бы трудно предохранить самыя балки, болѣе чѣмъ въ 30 футовъ длиною, отъ осадки и искривленія. Мы знаемъ, что при приближеніи къ храму представлялось трехъэтажное зданіе, надъ которымъ возвышалась испещренная рѣшетками стѣна самого храма; но кромѣ недостовѣрности касательно кровли, мы даже не знаемъ, была ли эта внѣшняя поверхность изъ камня, или же она была обложена кедровымъ деревомъ или драгоцѣнными металлами, какъ, повидимому, хочетъ сказать авторъ Паралип.; равнымъ образомъ не знаемъ, была ли она украшена или оставлена просто. Мало того, представляется предметомъ положительнаго спора и вопросъ, подходилъ ли

общій характеръ храма къ греческому, египетскому или финикійскому стилю, хотя употребленіе кедровыхъ балокъ и большихъ каменныхъ глыбъ, высѣченныхъ квадратами и соединенныхъ между собою безъ извести, вмѣстѣ со всею исторіею построенія, повидимому, рѣшительно доказываютъ, что стиль архитектуры былъ заимствованъ изъ сосѣдняго Тира.

Приблизившись къ притвору, посѣтитель прежде всего видѣлъ предъ собою двѣ великолѣпныхъ колонны, которыя считались въ то время чудомъ искусства и которыя, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, получили названіе Іахинъ (имя сына Симеонова въ Числ. XXVI, 12) и Воазъ (имя предка Соломонова). Колонны эти были исполинской толщины, каждая въ 12 локтей (21 футъ) въ окружности, и были вылиты изъ бронзы. Самыя колонны были только по 18 локтей (32½ фута) вышины. Ихъ капители, имѣвшія по 5 локтей (8⅔ фута) высоты, представляли собою открывающійся цвѣтокъ лотоса и вокругъ чашечки каждаго цвѣтка была масса украшеній, къ которымъ присоединялся двойной вѣнокъ изъ бронзовыхъ гранатовъ числомъ до 200. На самой вершинѣ колоннъ была особая абака, украшенная изящной работой въ видѣ лилій. И тѣмъ не менѣе, странно сказать, между учеными изслѣдователями доселѣ идетъ споръ о томъ, стояли ли эти двѣ колонны предъ притворомъ, или представляли собою украшеніе внутри его, составляли ли необходимую для него поддержку, или, наконецъ, какъ многіе думаютъ теперь, принадлежали къ воротамъ, находившимся въ передней части самого притвора. Четыре столѣтія спустя, онѣ были сломаны и увезены царемъ вавилонскимъ. Притворъ, вѣроятно, былъ увѣшанъ внутри золочеными щитами, составлявшими военную добычу Давида, который отнялъ ихъ у блестяще снаряженныхъ воиновъ Адраазара Сирійскаго; быть можетъ также и другими видами оружія, въ родѣ меча Голіаѳа. Онъ, видимо, украшенъ былъ такого рода кругообразной рѣзьбой, которая именно описывается въ видѣ лиліи и составляла обычный видъ украшенія въ персидскихъ зданіяхъ.

Пройдя чрезъ этотъ притворъ, священники подходили къ большой двухстворной двери святилища, сдѣланной въ четыре квадрата. Дверь эта была сдѣлана изъ кипариса, обложеннаго лучшимъ золотомъ, такъ называемымъ, проваимскимъ, и вращалась на золотыхъ петляхъ. Золотомъ покрыты были также потолокъ и стѣны, по которымъ шли рѣзныя украшенія изъ цвѣтовъ, яблоковъ и пальмо-

выхъ вѣтвей. Въ святилищѣ стоялъ золотой жертвенникъ куренія и золотой столъ, на которомъ ежедневно полагались хлѣбы предложенія,—хлѣбы, приносившіеся въ соприсутствіе Бога. Согласно свидѣтельству писателя книги Паралип., вмѣсто одного стола хлѣбовъ предложенія въ скиніи, въ храмѣ было ихъ десять: пять на южной и пять на сѣверной сторонѣ. Что сталось съ древнимъ золотымъ семисвѣчнымъ свѣтильникомъ, намъ ничего не сообщается объ этомъ. Онъ несомнѣнно сохранился до того времени, но Соломонъ, повидимому, поставилъ на его мѣсто десять новыхъ свѣтильниковъ по пяти съ каждой стороны двери, ведущей въ святое святыхъ [1]). Въ святомъ святыхъ изъ святилища ничего не было видно, кромѣ выдающихся концовъ золотыхъ шестовъ, употреблявшихся для ношенія ковчега завѣта.

Дверь, ведшая въ святое святыхъ и бывшая, вѣроятно, гораздо меньше двери святилища, была сдѣлана изъ дикой маслины и, повидимому, была также двустворная. Цѣлью такого ея устройства было очевидно то, чтобы при вхожденіи въ святое святыхъ открывалось какъ можно меньше отверстія, дававшаго возможность проникать туда непосвященному глазу. Деревянныя створки этой маленькой двери, подобно створкамъ святилища, были украшены рѣзными херувимами, пальмовыми деревьями и другими цвѣтами и обложены золотомъ. Эта дверь въ святилищѣ была всегда открыта, но внутренность его скрывалась отъ взоровъ завѣсою изъ голубой, пурпурной и малиновой матеріи, расшитой херувимами, предъ которыми висѣли фестоны золотыхъ цѣпочекъ. Средостѣніе, въ которомъ стояла дверь, было изъ кедроваго дерева. Полы всего зданія были изъ кипариса и обложены были золотомъ.

Невольно возникаетъ вопросъ, поддерживалось ли все это зданіе внутренними столбами или нѣтъ. О нихъ совершенно не упоминается, но кажется почти несомнѣннымъ, что они должны были существовать для того, чтобы поддерживать кедровыя балки. Если такъ, то, по всей вѣроятности, ихъ было по четыре съ каждой стороны святилища и по два съ каждой стороны святаго святыхъ. Столы въ святилищѣ въ такомъ случаѣ должны были стоять, во всякомъ случаѣ, въ промежуточномъ пространствѣ между этими столбами.

Святое святыхъ было погружено въ постоянный и таинственный

---

[1]) 3 Цар. VII, 49.

мракъ. Въ немъ не было ничего, кромѣ ковчега завѣта и одного или двухъ драгоцѣнныхъ памятниковъ временъ Моисея, между которыми, вѣроятно, были сосудъ съ манною, жезлъ Ааронова и книга закона, хотя о нихъ совершенно не упоминается. Несомнѣнно, что здѣсь находилась величайшая святыня, именно каменныя скрижали Моисеева закона, которыя по перенесеніи ихъ въ храмъ Соломоновъ, были положены на священную скалу, на которой именно находилось гумно Орны и которая іудейскимъ преданіемъ отождествлялась съ тою скалою, гдѣ Авраамъ намѣренъ былъ принести въ жертву своего сына, Исаака. Но хотя ковчегъ и его первоначальное «сѣдалище умилостивленія» (капоретъ) оставался безъ всякаго измѣненія, Соломонъ однако же воздигъ надъ нимъ новый и великолѣпный покровъ. Онъ состоялъ изъ двухъ херувимовъ по десяти локтей вышины, распростертыя крылья которыхъ были по пяти локтей въ длину, достигали стѣны по обѣимъ сторонамъ и прикасались между собою надъ самымъ центромъ ковчега. Эти херувимы представляли собою высшія формы сотвореннаго разума. Находясь надъ «сѣдалищемъ умилостивленія», эти херувимы представлялись какбы всегда взирающими на скрижали нравственнаго закона, какъ прямого откровенія воли Божіей. Въ Скиніи эти херувимы были обращены лицомъ другъ къ другу [1]). Въ храмѣ они смотрѣли по направленію къ святилищу. Неизвѣстно, какой именно формы были эти херувимы, но можно думать, что они не похожи были на тѣхъ четырехлицыхъ херувимовъ, которыхъ видѣлъ пророкъ Іезекіиль.

Нѣтъ надобности прибавлять, что богослуженіе въ храмѣ требовало безчисленнаго множества золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ сосудовъ, которые всѣ сдѣланы были подъ наблюденіемъ тирскаго художника. Даже самая обыкновенная утварь для служенія въ святилищѣ и святомъ святыхъ, какъ-то: кадильницы, чаши, тарелки и даже инструменты для заправки свѣтильниковъ всѣ были изъ чистаго золота [2]).

Вся постройка была закончена въ священномъ безмолвіи. Страшная святыня храма была бы нарушена, еслибы построеніе его сопровождалось шумомъ и громомъ, неразлучными при обычномъ каменномъ

---

[1]) Исх. XXXVII, 9.

[2]) 3 Цар. VII, 48—51.

строительствѣ. Поэтому, каждый камень и каждая балка были заранѣе тщательно заготовлены и прямо сносились и укладывались на свои мѣста, «такъ что ни молота, ни тесала, ни всякаго другаго желѣзнаго орудія не было слышно въ храмѣ при строеніи его». Постройка, очевидно, была хорошая, такъ какъ ремонтировка оказалась необходимою лишь въ царствованіе Іоаса, около 856 года, т. е. полтора столѣтія спустя послѣ освященія храма, и еще разъ два столѣтія спустя во времена царя Іосіи. Храмъ стоялъ въ теченіе четырехъ столѣтій, пока не былъ разрушенъ Навуходоносоромъ. Несмотря на значительность объема храма въ собственномъ смыслѣ этого слова, построеніе его продолжалось въ теченіе семи съ половиною лѣтъ (отъ четвертаго до одиннадцатаго года царствованія Соломона). Объемъ при этомъ, впрочемъ, не представлялъ собою выдающейся стороны этого храма, такъ какъ онъ былъ гораздо меньше многихъ церквей въ Россіи. Но нужно помнить, что онъ не предназначался ни для священниковъ, ни для богомольцевъ. Въ древности на востокѣ богослуженіе, главнымъ образомъ, совершалось на открытомъ воздухѣ; самый храмъ былъ только символомъ присутствія Божія. Но даже, если мы предположимъ, что всѣ безчисленныя приготовленія сдѣланы были раньше, то время, прошедшее на самое построеніе, окажется сравнительно незначительнымъ. Храмъ Артемиды Ефесской строился цѣлыхъ 200 лѣтъ и въ теченіе 400 лѣтъ ремонтировался; для одной пирамиды требовался трудъ 360,000 человѣкъ въ теченіе 20 лѣтъ. Наконецъ, Кельнскій соборъ принялъ свой настоящій объемъ и видъ только послѣ многихъ столѣтій. Но ни одно зданіе въ мірѣ не пользовалось болѣе широкою славою, чѣмъ храмъ Соломоновъ. Названіе іудейской столицы не имѣло никакой связи ни съ храмомъ, ни съ Соломономъ, но оно настолько отождествлялось съ царемъ и съ городомъ въ представленіи человѣчества, что слово «Іерусалимъ» многознаменательно было видоизмѣнено въ «Hierosolima», какъ будто бы слово это было греческаго происхожденія и означало «храмъ Салима».

У Израиля былъ великій и славный земной царь, но отдѣльныя колѣна еще не забыли, что ихъ идеаломъ было теократическое управленіе, что въ высочайшемъ смыслѣ слова царемъ ихъ былъ Господь Богъ, и что жилище Его было въ Іерусалимѣ и въ этомъ воздвигнутомъ Ему храмѣ. Храмъ отселѣ сдѣлался центромъ всей ихъ на-

ціональной жизни, и этимъ центромъ было не какое-либо капище, не какой-либо матеріальный образъ, но полный возвышенныхъ символовъ храмъ Того, котораго не могутъ вмѣстить ни небо, ни небо небесъ. Среди людей было теперь жилище Божіе. Онъ будетъ жить и обитать съ ними, хотя они и не будутъ видѣть ничего матеріальнаго: никакое подобіе не должно было затемнять ихъ чистаго понятія о Богѣ, который есть духъ. Это обстоятельство особенно поражало язычниковъ, и они крайне удивлялись такой религіи. Когда святотатственная нога Помпея вступила въ святое святыхъ, онъ положительно потерялся отъ изумленія, не найдя тамъ ровно ничего [1]). Вслѣдствіе этого у грековъ и римлянъ составился общій взглядъ на іудеевъ, что они не имѣли никакого видимаго предмета богопоклоненія и поклонялись облакамъ [2]). Нужно помнить, что настоящій храмъ въ тѣ дни не предназначался быть именно домомъ молитвы. Въ его золоченыя палаты не вступали ноги ни одного богомольца, исключая священниковъ и левитовъ, и никто, кромѣ первосвященника, никогда не вступалъ въ темное помѣщеніе святаго святыхъ, да и онъ вступалъ только однажды въ годъ. Храмъ былъ видимымъ домомъ Бога, мѣстомъ, гдѣ обиталъ Онъ, домомъ скорѣе для Него, чѣмъ для поклоняющихся Ему. Да и общественное богослуженіе въ храмовыхъ предѣлахъ состояло только изъ пѣснопѣній и жертвоприношеній, хотя есть извѣстія также о молитвахъ, возносившихся какъ публично, такъ и частно на большомъ открытомъ дворѣ храма.

По окончаніи построенія храма было совершено его торжественное освященіе. Временемъ для него былъ избранъ самый радостный праздникъ Кущей, въ седьмомъ мѣсяцѣ (тисри, сентябрь-октябрь) священнаго года. Покончивъ всѣ свои полевыя работы и собравъ виноградъ, народъ собрался въ Іерусалимъ со всѣхъ концовъ обширнаго государства Соломонова. Явились представители всѣхъ колѣнъ народа и все колѣно Левіино въ своемъ полномъ составѣ. Вокругъ великаго жертвенника во внутреннемъ дворѣ рядами разставились священники для жертвоприношенія и рядомъ съ ними левиты, пѣвцы въ висонныхъ одѣяніяхъ, съ кимвалами, псалтирями и цитрами, и 120 священниковъ съ трубами. Старая скинія, представлявшая въ своей

---

1) Vacuum sedem et inania arcana.

2) Nil praeter nubes et coeli numen adorant.

суровой простотѣ необычайный контрастъ съ пышною роскошью новаго храма и служившая поразительнымъ доказательствомъ того, какой большой шагъ въ художественномъ отношеніи народъ сдѣлалъ за послѣдніе вѣка,—въ торжественной процессіи священниковъ и левитовъ была принесена въ Іерусалимъ изъ Гаваона, гдѣ она находилась доселѣ. Вмѣстѣ съ нею принесено было и все, что оставалось въ ней изъ древнихъ сосудовъ и принадлежностей, особенно золотой жертвенникъ куренія и золотой столъ хлѣбовъ предложенія. Перенесеніе это несомнѣнно сопровождалось жертвоприношеніями. Но еще торжественнѣе совершилось перенесеніе ковчега завѣта изъ его временнаго святилища на горѣ Сіонѣ, гдѣ онъ поставленъ былъ 40 лѣтъ тому назадъ. Когда левиты съ ковчегомъ приблизились къ воротамъ притвора, многочисленный хоръ пѣвцовъ грянулъ послѣдніе стихи двадцать перваго псалма: «поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вѣчныя, и войдетъ Царь славы». Часть хора спрашивала: «кто сей Царь славы?» и весь хоръ отвѣчалъ: «Господь силъ—Онъ есть Царь славы». Ковчегъ завѣта былъ поставленъ въ святомъ святыхъ, подъ сѣнію крылъ херувимовъ. Въ этотъ моментъ все огласилось звуками торжества: «и были какъ одни трубящіе и поющіе, издавая одинъ голосъ къ восхваленію и славословію Господа,—и когда загремѣлъ звукъ трубъ и кимваловъ, и музыкальныхъ орудій, и восхвалялъ Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его, тогда домъ, домъ Господа наполнило облако, и не могли священники стоять на служеніи по причинѣ облака, потому что слава Господня наполнила домъ Божій» [1]).

Когда ковчегъ завѣта былъ поставленъ на назначенное ему мѣсто въ святомъ святыхъ, подъ сѣнію крылъ золотыхъ херувимовъ, царь занялъ мѣсто, въ присутствіи всего собравшагося народа, на бронзовомъ престолѣ, въ три локтя высоты, пять широты и пять длины, который воздвигнутъ былъ для него посреди̇нѣ двора священниковъ прямо предъ жертвенникомъ. Съ этого мѣста онъ былъ видимъ всему народу, собравшемуся на храмовомъ дворѣ, такъ какъ онъ отдѣлялся отъ него только низкой стѣной раздѣленія и притомъ находился на возвышенномъ мѣстѣ. Ступени огромнаго жертвенника заняты были тѣсными группами священниковъ и левитовъ, музыкантовъ, одѣтыхъ

1) Цар. VIII, 11.

въ бѣлыя одѣянія и державшихъ въ своихъ рукахъ блестѣвшіе на солнцѣ арфы и кимвалы и псалтири, въ красныхъ отдѣлкахъ изъ драгоцѣннаго дерева. И вотъ, когда явилось всенародно такое доказательство соприсутствія Божія, царь поднялся съ своего возвышенія и благословилъ народъ: разсказавъ исторію построенія храма, онъ опустился на колѣни и, воздѣвъ руки къ небу, произнесъ великую посвятительную молитву, въ которой просилъ о благоволеніи и милости Божіей въ будущихъ судьбахъ Израиля. «Господи, Боже Израилевъ», молился Соломонъ, «если небо и небеса небесъ не вмѣняютъ Тебя, тѣмъ менѣе храмъ сей, который построилъ я; но призри на молитву раба Твоего и на прошеніе его. Да будутъ очи Твои отверсты и уши внимательны къ молитвѣ на мѣстѣ семъ. Священники Твои, Господи, да облекутся во спасеніе, и преподобные Твои да насладятся благами. Господи, Боже мой, не отврати лица Твоего, помяни милости къ Давиду, рабу Твоему». Во время молитвы облако становилось ярче и свѣтлѣе и, въ знакъ особеннаго благоволенія, «сошелъ огонь съ неба, и поглотилъ всесожженія и жертвы, и славой Господней наполнилъ домъ». «И всѣ сыны Израилевы пали лицомъ на землю, и славословили Господа, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его».

Послѣдовавшее затѣмъ празднество продолжалось двѣ недѣли (вдвое противъ обычнаго праздника Кущей), и за это время было принесено въ жертву 22,000 воловъ и 120,000 овецъ, причемъ какъ царь, такъ и весь народъ соперничали щедростью приношеній. Намъ трудно представить возможность столь громадныхъ жертвъ, но въ исторіи нѣтъ недостатка въ подобныхъ же примѣрахъ. Такъ, жертвоприношенія Юліана были столь многочисленны, что окружающіе его насмѣшливо говорили, что онъ скоро истребитъ всѣхъ чистыхъ животныхъ. І. Флавій разсказываетъ о томъ, что въ Іерусалимѣ въ одинъ годъ было заклано 256,500 пасхальныхъ агнцевъ. И въ новѣйшее время извѣстенъ случай, какъ въ Меккѣ калифъ Моктаверъ принесъ въ жертву 40,000 верблюдовъ и 50,000 овецъ. При этомъ нужно помнить, что, исключая такъ называемыхъ всесожженій, большая часть приносимыхъ животныхъ съѣдались приносящими, причемъ на жертвенникѣ сжигался только одинъ тукъ, т.-е. жировыя части. Такъ какъ мѣдный жертвенникъ, не смотря на свои величественные размѣры, былъ совершенно недостаточенъ для такихъ безпримѣрно многочи-

сленныхъ жертвоприношеній, то по этому случаю Соломонъ посвятилъ на это дѣло весь храмовой дворъ. Когда все торжество освященія было кончено,—торжество, о которомъ нѣкогда мечталъ Давидъ и воспѣвалъ его (см. Пс. CXX[1]I),—царь отпустилъ народъ, и всѣ, «благословляя царя, пошли въ шатры свои, радуясь и веселясь въ сердцѣ о всемъ добромъ, что сдѣлалъ Господь рабу своему Давиду и народу Своему Израилю». Во всей исторіи Израиля не было болѣе величественнаго торжества, чѣмъ это, и память о немъ продолжалась во всѣ послѣдующіе вѣка. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе тотъ замѣчательный фактъ, что какъ во время самаго торжества, такъ и впослѣдствіи Соломонъ выступалъ во всей полнотѣ принадлежавшихъ ему, какъ царю и помазаннику Божію, священныхъ правъ, и не только лично по три раза въ годъ приносилъ жертвы на мѣдномъ жертвенникѣ, но ему позволялось даже входить въ святилище и приносить куренія на золотомъ жертвенникѣ. Это обстоятельство было совершенно исключительнымъ, такъ какъ подобное преимущество принадлежало только священникамъ, и когда въ позднѣйшее время царь Озія позволилъ себѣ присвоить подобныя священническія обязанности, въ наказаніе за это онъ пораженъ былъ проказой. Знаменіемъ особеннаго благоволенія Божія къ Соломону было не только облако славы и исшедшій съ неба огонь, но и новое сновидѣніе, бывшее Соломону. Богъ явился ему въ сновидѣніи и сказалъ, что Онъ принялъ его молитву, и, подъ условіемъ вѣрности его завѣту Божію, Онъ утверждаетъ царство въ его домѣ и не перестанетъ изливать благословеніе на народъ его.

Чтобы понять всю глубину восторга и любви, которые возбуждали въ сердцахъ вѣрующихъ израильтянъ храмъ и его богослуженіе, достаточно прочитать, напр., слѣдующіе стихи LXXXI псалма: «какъ вождѣленны жилища Твои, Господи силъ! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни! Блаженны живущіе въ домѣ Твоемъ; они непрестанно будутъ восхвалять Тебя. Одинъ день во дворахъ Твоихъ лучше тысячи! Желаю лучше быть у порога въ домѣ Божіемъ, нежели жить въ шатрахъ нечестія». На тотъ же восторгъ указываетъ и Пс. CXXI: «Возрадовался я, когда сказали мнѣ: пойдемъ въ домъ Господень. Ради братьевъ моихъ и ближнихъ моихъ, говорю я: миръ тебѣ! Ради дома Господа, Бога нашего, желаю блага тебѣ». Подобными чувствами дышатъ и многіе другіе псалмы. Лю-

бовь народа къ этому великому святилищу не прекращалась никогда. Онъ называлъ его «домомъ святилища», «домомъ вѣковъ». Въ Талмудѣ есть особаго рода загадка: «Да пріидетъ возлюбленный сынъ возлюбленнаго; да построитъ онъ возлюбленное возлюбленному на землѣ возлюбленнаго, въ которомъ бы возлюбленный могъ находить отпущеніе грѣховъ». Это загадочное изреченіе, при переводѣ на простой языкъ, означало: «пусть Соломонъ (2 Цар. XII, 25), сынъ Авраама (Іерем. XI, 15), построитъ храмъ (Пс. LXXXIII, 1) Богу (Ис. V, 1) въ удѣлѣ Веніамина (Втор. XXXIII, 12), во искупленіе Израиля (Іерем. XII, 7)». Храмъ въ теченіе всѣхъ остальныхъ вѣковъ оставался главнымъ достояніемъ и гордостью народа, за которое израильтяне готовы были положить свои головы. При послѣднемъ его разрушеніи легіонами Тита, около него произошло побоище, которое по-ожесточенію защитниковъ безпримѣрно въ исторіи, такъ какъ здѣсь іудеи безусловно рѣшились скорѣе погибнуть, чѣмъ отдать свою святыню на поруганіе язычниковъ, и, дѣйствительно, погибли всѣ. Съ того времени, каждый іудей, при входѣ въ Іерусалимъ въ первый разъ въ своей жизни, непремѣнно разрываетъ свои одежды и восклицаетъ: «нашъ святой и великолѣпный домъ, гдѣ отцы наши восхваляли Тебя, сожженъ огнемъ». «Со времени разрушенія храма», говорилъ раввинъ Симонъ бенъ Гамаліилъ, «не проходило дня, который не приносилъ бы какого-либо бѣдствія и проклятія, роса не сходила съ благословеніемъ и плоды потеряли всякій вкусъ».

Завершеніе храма послужило естественнымъ поводомъ къ осуществленію того преобразованія всего священнослуженія при немъ, которое, какъ извѣстно изъ книги Паралипоменъ, установлено было еще Давидомъ и которое сдѣлалось существенно необходимымъ при чрезвычайномъ множествѣ священниковъ и левитовъ. Левиты, раздѣлявшіеся на три главныхъ семейства: сыновъ Каафа, Герсона и Мерара, представляли собою многочисленное сословіе, числившее въ себѣ не менѣе 38,000 душъ. Теперь они всѣ призваны были къ служенію въ различныхъ отдѣлахъ усложнившагося священнослуженія при храмѣ. Они были раздѣлены такимъ образомъ: общее попеченіе о храмовой службѣ было поручено 24.000 изъ нихъ; 6.000 были служителями и судьями; 4,000 привратниками; 4.000 музыкантами. Какъ выработано было музыкальное служеніе,

объ этомъ можно судить по тому, что кромѣ пѣвцовъ, былъ оркестръ не менѣе, какъ въ 288 человѣкъ, искусныхъ въ исполненіи священныхъ гимновъ на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ; пѣвцовъ числилось 3,700 человѣкъ и они были раздѣлены на 24 чреды. Антифонное служеніе при храмѣ было, очевидно, столь величественнымъ и внушительнымъ, какъ только это было возможно при музыкальныхъ средствахъ того вѣка, и музыка, величественная въ самой своей простотѣ, производила необычайное впечатлѣніе на массы собиравшагося народа и усиливала въ немъ любовь къ великому и священному дому Божію. Два семейства священниковъ были раздѣлены также на 24 чреды, которыя обязаны были поддерживать богослуженіе въ храмѣ изъ недѣли въ недѣлю. Кромѣ священниковъ было много, такъ называемыхъ, «неѳинимовъ», простыхъ храмовыхъ служителей, на обязанности которыхъ лежало исполненіе различныхъ служеній низшаго рода, какъ-то: рубка дровъ, ношеніе воды и проч.

Все богослуженіе народа, такимъ образомъ, сосредоточивалось вокругъ одного храма, который долженъ былъ служить символомъ дѣйствительнаго присутствія Іеговы среди своего народа. Вотъ почему никакія сокровища изъ золота и драгоцѣнныхъ камней не считались слишкомъ дорогими, никакое искусство не было слишкомъ изящнымъ для того, чтобы употребить его на святилище, гдѣ по вѣрованію всего народа, самъ Богъ обиталъ надъ ковчегомъ завѣта между распростертыми крыльями херувимовъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных наук
Академии наук СССР